ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Санкт-Петербургский филиал

На правах рукописи

ИЛЮШИНА Милана Юрьевна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СУЛТАНАТА МАМЛЮКОВ БУРДЖИ (1382–1517): БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ НЕДИНАСТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

Санкт-Петербург 2022

Оглавление

Введение……4

Глава 1. Источники и научная разработка проблемы специфики и периодизации политической истории Султаната мамлюков Бурджи…..24

§ 1. Изучение истории Султаната мамлюков Бурджи в России и за рубежом …….24

§ 2. Специфика политической борьбы и периодизация политической истории Бурджитов: степень научной разработанности проблемы……46

§ 3. Источниковая база исследования……59

Глава 2. Установление власти бурджитских султанов и закрепление новых принципов престолонаследия (1382–1422)……113

§ 1. Государство мамлюков, мамлюкское сообщество и мамлюкская военно-политическая иерархия……..113

§ 2. Приход к власти мамлюков Бурджи. Султан аз-Захир Баркук……...160

§ 3. Политический кризис в период правления ан-Насира Фараджа……..178

§ 4. Ал-Му'аййад Шайх и аз-Захир Татар. Становление новой системы престолонаследия……187

Глава 3. Стабилизация политической системы (1422–1467) …… 219

§ 1. Джихад султана ал-Ашрафа Барсбая и монополизация торговли……...219

§ 2. Основные направления внутренней и внешней политики Султаната мамлюков в период правления аз-Захира Джакмака……234

§ 3. Ал-Ашраф Инал и аз-Захир Хушкадам: две модели формирования политической элиты……...253

Глава 4. Нарастание внешней угрозы и кризис мамлюкской государственности (1467–1501) ……..……271

§ 1. Социально-экономическое развитие Султаната мамлюков в период правления ал-Ашрафа Каитбая …….…… 271

§ 2. Отношения с бейликами юго-восточной Анатолии. Первая османо-мамлюкская война (1485–1491)……..302

§ 3. Период политической нестабильности и борьба за власть после смерти ал-Ашрафа Каитбая (1496–1501) ……..…….331

Глава 5. Падение власти мамлюкских султанов (1501–1517)……..356

§ 1. Внутренняя политика ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури…….356

§ 2. Султанат мамлюков на международной арене в начале XVI в. Идеологическое противостояние с османами …….…373

§ 3. Последние сражения с османами. Султан ал-Ашраф Туманбай...402

Глава 6. Эволюция системы государственного управления в Султанате Бурджи…….417

§ 1. Порядок престолонаследия и политическая борьба в Султанате мамлюков Бурджи……...…417

§ 2. Военно-политическая и административная элита в условиях нединастийной системы престолонаследия……...…….464

§ 3. Религиозные институты и суд…….505

Заключение……...555

Список использованных источников и литературы……568

Приложения……..643

Введение.

Более двухсот пятидесяти лет, с середины XIII до начала XVI в., правителями Египта и Сирии были мамлюки, рабы-воины захватившие власть в период противостояния мусульман с крестоносцами и монголами. В первый, бахритский, период (1250-1382) истории мамлюкского султаната большую часть властвующей элиты составляли воины тюркского происхождения. Во второй половине XIII в. султан ал-Мансур ал-Алфи Калаун (1279-1290)[1] сформировал военный корпус, основу которого составили выходцы с Кавказа, преимущественно черкесы.[2] В 1382 г. один из черкесских гвардейцев, эмир Баркук ал-‘Усмани сверг последнего из Калаунидов-Бахритов и был признан султаном.[3] Он стал основателем и первым правителем Султаната мамлюков Бурджи.[4]

Период правления Бурджитов составляет завершающий этап истории независимых мамлюкских султанов в Египте (1250–1517). В отличие от своих предшественников, Бахритов, Бурджиты не сформировали династию: политическая система Султаната мамлюков претерпела существенные изменения, которые привели к отказу от принципов управления государством, основанных на династическом идеале верховной власти. Авторитет султана основывался на поддержке и признании со стороны наиболее влиятельных эмиров. Принадлежность к семье или клану правителя перестала быть необходимым и, тем более, единственным условием участия в управлении государством. Краткие периоды пребывания у власти наследников престола играли роль своеобразного переходного этапа, позволявшего эмиру, который обладал наибольшим политическим весом, избавится от соперников и

---

[1] Все арабские и неарабские, но представленные в источниках в арабском написании имена собственные, названия и термины в тексте работы приведены без транслитерации (с сохранением «‘» для ‘айна, а также «’» для хамзы в середине и конце слова.

[2] Постепенной замене тюрков в мамлюкской армии на черкесов способствовал ряд объективных факторов: монгольские войны, эпидемия «черной смерти» в середине XIV в., нашествия Тимура опустошали половецкие степи, откуда поступало пополнение в армию Бахритов. В результате основным источником рабов стали северо-западные области Кавказа [Семенова, 1966, с. 108].

[3] Полный перечень султанов бурджитского периода с указанием имен в латинской транслитерации, годы и длительность правления султанов, а также их возраст вступления на трон, возраст к окончанию правления, продолжительность жизни и даты смерти – см. *Приложение 1*.

[4] Об этимологии названия «Бурджи» см. [Хотко, 2001, с. 185-186].

подготовиться к захвату трона. Султанами становились могущественные и влиятельные военные командиры, представители мамлюкской военной элиты. Группы мамлюков, или фракции, во главе которых стояли такие командиры, объединялись в коалиции, вступали в сложное многоуровневое взаимодействие, могли быть переформированы. Взаимоотношения и конкурентная борьба между наиболее влиятельными группами и коалициями определяли внутриполитическую ситуацию в Султанате и приобретали решающее значение, когда вставал вопрос о передаче власти новому правителю.

В диссертации рассмотрены фундаментальные вопросы структурных изменений в политической и административной системе Султаната мамлюков в бурджитский период, имеющие первостепенное значение для понимания последующего развития политических и государственных отношений в Египте и Сирии.

Актуальность и новизна исследования.

К началу правления бурджитских султанов государство, созданное мамлюками, оставалось крупнейшей державой Ближнего Востока и Северной Африки, а ее столица, Каир – резиденцией Аббасидских халифов, что, вместе с памятью о победах мамлюков над монголами и крестоносцами, определяло особую роль этого государства и высокий статус его правителей в мусульманском мире. Вместе с тем, именно в этот период мамлюки утратили авторитет бесстрашных защитников ислама, а к 1517 г. – контроль над обширными территориями, входившими в состав их султаната, и политическую власть: Египет и Сирия были завоеваны Османской империей, которая прочно заняла место ведущей державы мусульманского мира. Изучение причин столь значимых перемен в исторических судьбах народов Ближнего Востока представляется важным как для понимания исторического развития региона, так и для понимания механизма взаимодействия внутренних и внешних факторов, влияющих на сохранение стабильности государства или, напротив, определяющих его политический крах.

Идея захвата власти рабами-гвардейцами или наемниками, рожденная на территории огромного мира ислама, воплощалась в той или иной форме в государствах Аббасидов (750-1258), Фатимидов (909-1171), Газневидов (977-1186) и получила наиболее полное развитие после того, как мамлюки уничтожили последнего из аййюбидских султанов[1] и начали самостоятельное правление в Египте. Рассмотренная в качестве исторической категории эта идея может служить основой для выявления закономерностей в событиях прошлого, их структурирования и анализа. Различные формы осуществления идеи господства чужеродной военно-политической элиты над автохтонным населением в отдельных странах Востока в Средние века, Новое и Новейшее время позволяют говорить о значительной степени актуальности изучения мамлюкской политической культуры и мамлюкского феномена в целом, в том числе и для поиска ответа на вопросы, которые ставят перед современным исследователем реалии сегодняшнего дня.

Трансформация политического режима Султаната мамлюков в XV в. привела к появлению новой политической культуры и формированию политических традиций, которые оказали мощное влияние на всю последующую историю Египта и Сирии. Специфическая система взаимоотношений между членами мамлюкской военной корпорации, принципы взаимодействия мамлюкской политической элиты с государственно-административными институтами и социальными группами, будучи рассмотрены в сравнительной, транскультурной и трансрегиональной перспективе, раскрывают новые ракурсы и подходы к изучению позднесредневековой истории стран Ближнего Востока и Северной Африки, позволяют приблизиться к пониманию истоков государственности в мусульманском мире Нового времени.

Значительная роль армии в политической жизни Египта неоднократно отмечалась исследователями как устойчивая тенденция политического

[1] Султаны династии Аййюбидов правили с 1171 по 1250 г.

развития этого занимающего особое место и в геополитическом, и в идеологическом отношении арабского государства.[1] События Новейшей истории, июльская революция 1952 г. и, наконец, приход к власти Верховного главнокомандующего Вооруженных сил Египта Абд ал-Фаттаха ас-Сиси подтверждают эту тенденцию.[2] В современной научной литературе появился термин «новые мамлюки», отражающий глубинную связь властных отношений в Египте в XX и XXI вв. с традициями, которые приобрели устойчивый характер в период правления мамлюкских султанов. «Новыми мамлюками» или «нео-мамлюками» называют касту египетских военных офицеров (в Новое и Новейшее время) и их «приближенных», тех, кто связан с ними узами родства, дружбы и т.п. [Bulliet, 2013, p. 13-14; Sonbol, 2000]. Исследование политической и системы и административного управления Египта в эпоху мамлюкских султанов – путь к глубокому пониманию исторических предпосылок, под влиянием которых формировались принципы взаимодействия военной и гражданской элиты, складывалось особое отношение автохтонного населения этой сраны к армии и ее командирам, способным не только защищать государство, но и управлять им.

Объектом диссертационного исследования является история Египта и Сирии в конце XIV – начале XVI в.

Предметом исследования выступают политическая история мамлюков Бурджи (1382-1517) и сформированная ими нединастийная система престолонаследия.

Цели, задачи и хронологические рамки исследования

Цель диссертации – выявить и охарактеризовать основные этапы политического развития Султаната мамлюков Бурджи.

---

[1] См., например [Зеленев, 2003, с. 270-378; Смирнов, 2009, с. 5]. Авторитетный специалист по истории Египта П.Ватикиотис для характеристи ки специфических особенностей египетской политической системы предложил использовать термин «стратиократия», т.е. «режим, который в противоположность «военной олигархии» вовлекает в новую политическую элиту весь «военный институт» в целом» [Vatikiotis, 1984, p. 186].

[2] О роли армии в политической жизни Египта в Новейшее время см. [Albrecht, Bishara, 2011; Cook, 2007; Harb, 2003; Holmes, 2019].

Для достижения цели исследования автор поставил следующие задачи:

- реконструировать последовательность и выявить взаимосвязь событий политической истории Египта и Сирии в период правления султанов Бурджи;
- осуществить комплексный анализ факторов, под влиянием которых складывалась внутренняя и внешняя политика мамлюков в бурджитский период;
- выявить характерные черты и особенности системы престолонаследия в Султанате мамлюков в изучаемый период;
- изучить формы и способы политической борьбы в Султанате бурджитских мамлюков;
- исследовать структуру государственного управления Султаната мамлюков Бурджи, формы, принципы и динамику взаимодействия мамлюкской политической элиты с административными институтами и социальными группами Египта и Сирии;
- выявить наиболее существенные изменения в политической административной структуре Султаната мамлюков в период правления мамлюков Бурджи и важнейшие факторы, под влиянием которых эти изменения происходили;
- раскрыть особенности взаимосвязи светской и религиозной власти в Султанате мамлюков Бурджи.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1382 по 1517 г. и определяются временем правления султанов-Бурджитов в Египте.

Научная новизна работы.

В диссертационном исследовании представлено цельное, подробное и последовательное освещение политической истории одного из самых важных периодов в истории Египта и Сирии, игравших в то время роль центра всего мусульманского мира и составлявших важную часть Средиземноморского региона, который связывал страны Востока со странами Запада, Европу – с

Африкой и Азией. До настоящего времени как в отечественной, так и в западной историографии этому периоду были посвящены только сравнительно небольшие части монографий или учебников по истории, либо отедльные публикации, статьи, в которых освещались те или иные аспекты и фрагменты истории и культуры мамлюкского Египта и Сирии. В арабской историографии наблюдается та же картина, а незначительное количество работ, претендующих на освещение всей мамлюкской эпохи, носят, в осовном, обзорный характер.

Впервые в отечественной и зарубежной историографии предложена периодизация периода правления султанов-Бурджитов в истории Египта и Сирии. Базовым критерием для периодизации была принята степень сформированности и устойчивости специфической бурджитской нединастийной системы престолонаследия, которая, в свою очередь, в значительной мере определяла уровень политической стабильности в госдуарстве. В результате проведенного исследования выявлены закономерности в процессе перехода власти и, собственно, та система престолонаследия, которая сформировалась в период правления Бурджитов.

Изучение этапов эволюции системы престолонаследия и политической истории Султаната мамлюков Бурджи в целом, позволило провести комплексный анализ факторов, которые оказывали влияние на политическую карьеру эмиров, входивших в военно-административную элиту и выявить специфику борьбы за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что на основе изучения политической истории Бурджитов выявлена система перехода власти в условиях нединастийного престолонаследия, ее характерные особенности, этапы развития и причины кризиса. Выводы, сделанные относительно особенностей политической борьбы при ненаследственном принципе перехода власти, существенно расширяют представление о государстве мамлюков, а также о формировании политических традиций и

политической культуры в Египте. Раскрыты существенные аспекты влияния фактора времени на уровень стабильности политической системы в условиях нединастийного престолонаследия, а также специфическая роль матримониальных связей внутри мамлюкской политической элиты. Результаты исследования достигнуты на основе эффективного сочетания базовых для исторических изысканий методик с просопографическим подходом, биографическим методом и элементами количественного анализа.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов при подготовке учебных курсов, программ, учебников и учебных пособий по истории стран Азии и Африки, государственному управлению и политической культуре Египта, теории политики и регионоведению.

Результаты исследования могут быть привлечены для изучения политических элит, а также закономерностей политического и государственного развития стран Ближнего Востока в Средние века и Новое время.

Методология и методы исследования.

XX столетие стало временем поиска новых методов и подходов в изучении истории. Французская Школа Анналов, концепция *longue durée* Ф.Броделя, критический пересмотр формационной и цивилизационной теорий, – эти и другие теоретические изыскания открывают широкие возможности, но, вместе с тем, ставят исследователей перед непростой задачей выбора, формирования собственной парадигмы, позволяющей успешно решать намеченные задачи.

Прочную базу разработанной для достижения целей исследования методологии составляет историко-генетический метод, сущность которого составляет исследование изменений и поиск причинно-следственных связей в ходе исторического процесса, что было особенно важно для выявления и характеристики основных этапов исторического генезиса государства

мамлюков Бурджи и характеристики сложившейся в этом государстве специфической нединастийной системы престолонаследия.

Опираясь на традиционный для отечественной историографии диалектический метод изучения исторических явлений и процессов, основанный на принципах объективности, предполагающий комплексный подход к выявлению причинно-следственных связей с учетом воздействия различных факторов, в том числе и субъективных, мы попытались отыскать закономерности и более или менее устойчивые парадигмы в сложной и динамичной истории мамлюков-Бурджитов. Вместе с тем множественность и крайняя изменчивость причинных факторов, неустранимая и весомая роль случая, а также значительное влияние индивида, личностных характеристик акторов на политические события потребовали привлечения других методологических подходов, которые в комплексе и составили исследовательскую парадигму данной работы.

Важное значение для определения структуры и содержания работы имели положения теории исторического синтеза, большой вклад в развитие которой был внесен А.Я.Гуревичем. Не ставя всеобъемлющую задачу воссоздания «картины мира» в период правления мамлюков Бурджи, мы тем не менее, попытались выявить влияние самых разнообразных факторов – экономических, социальных, культурных, личностных – на формирование и функционирование мамлюкских политических институтов. Используя историко-антропологический подход, мы стремились учесть, насколько это было возможно, особенности того, каким образом все отмеченные факторы фокусировались и преломлялись «в сознании людей, становясь стимулами их социального поведения и моделируя его специфическим для данной эпохи и культуры способом» [Гуревич, 2014, с. 193–194].

Историческая антропология формирует одно из ведущих направлений в современном мамлюковедении.[1] Работая в русле антропологического подхода

[1] См. [Conermann, Qou vadis…, 2013].

к изучению истории взаимодействия между различными социальными и политическими группами, мы исходили из положения о том, что отношения между индивидами образуют начальную ступень сложной, разнохарактерной и многоуровневой системы отношений между отдельными группами и слоями общества и, соответствующим образом, влияют на эту систему [Плахов, 1982, с. 18–19]. Впрочем, уделяя внимание отдельным личностям и индивидуальным особенностям их поведения, мы не замыкались на «персональной» истории, но стремились к комплексному анализу как субъективных, так и объективных факторов, определявших социально-политические отношения в Султанате мамлюков.

Проблема соотношения династийного и нединастийного принципа передачи власти является весьма актуальной для развития теории государства и становления его базовых институтов. Единого взгляда относительно преемственности и эволюции форм перехода власти в исторической науке не сложилось.[1] Для выявления закономерностей в системе перехода власти при Бурджитах, которые отказались от принципа династийного престолонаследия, был использован метод исторического критического сравнения, согласно которому подвергались анализу детерминанты и следствия попыток успешного и безуспешного захвата власти, а также условия, в которых трон передавался султанам-наследникам или, напротив, эмирам, возглавившим султанат не по праву наследования, но по решению большинства мамлюкских фракций. Следующим шагом в постижении паттернов перехода власти стало применение типологического метода, что позволило выявить особое место одного из бурджитских султанов[2] в политической истории Бурджитов, сыгравшего, по сути, роль отсутствующего наследника в цепочке бурджитских правителей, и увидеть логическую связь между всеми звеньями этой цепи.

[1] Обзор основных направлений в развитии теории государства и эволюции форм власти см. [Campbell, 2011; Duindam, 2018; Gorski, 2001].
[2] Аз-Захира Йалбая – см. Гл. 6.

Теоретическим основанием для исследования особенностей формирования и функционирования военно-политической и административной элиты в Султанате мамлюков Бурджи стали ключевые положения теории элит, впервые сформулированные в работах В.Парето. Важным качеством, отличающим элиту от остального населения, ученый считал способность применять при необходимости силу. Утеря этой характеристики чревата политическим поражением правящей элиты [Зборовский, 2007, с. 197]. Одним из создателей современной теории элит является итальянский политолог и юрист Г.Моска. Он выдвинул концепцию вечного и неизбежного деления общества на господствующий класс и управляемое неорганизованное большинство и подчеркивал, что правящая элита сохраняет власть благодаря наличию хорошо структурированной организации [Сергеев, 2007, с. 8].

Для изучения модели перехода власти у Бурджитов, а также мамлюкских политических институтов, их взаимосвязей, взаимодействия и развития был использован системный подход, конкретными методами которого выступали структурный и функциональный анализ. Концепции структурно-функционального понимания общества и функциональных связей между его отдельными частями были разработаны американскими учеными Т.Парсонсом и Р.Мертоном. Основные положения теории социальной системы были изложены Т.Парсонсом в его фундаментальном труде «Социальная система», вышедшем в 1951 г. Всякая система предполагает наличие структуры, которая представляет собой «совокупность относительно устойчивых стандартизированных отношений между элементами. А поскольку элементом социальной системы является актор, то социальная структура представляет собой стандартизированную систему социальных отношений между акторами» [Парсонс, 2000, с. 405], – пишет ученый. Он обращает особое внимание на условия стабильного функционирования социальной системы. Согласно теории Т.Парсонса, «система стабильна или находится в относительном равновесии, если отношение между ее структурой

и процессами, протекающими внутри нее, и между ней и окружением таково, что свойства и отношения, названные нами структурой, оказываются неизменными» [Парсонс, 1996, с. 479]. Т.Парсонс рассматривает общество как структуру, которую можно анализировать, используя четыре типа независимых переменных. Ценности представляют собой связующий элемент социальной и культурной систем. Нормы интегрируют социальные системы. Роли выполняют адаптивную функцию. Для коллективов важна, в первую очередь, целедостиженческая функция. Комбинации этих структурных компонентов образуют социальную систему [Парсонс, 1988, с. 18-19].

Парадигма структурного функционализма, которую предложил Т.Парсонс, как любая концепция широкой системной ориентации, в известной мере консервативна и имеет свои слабые стороны, в первую очередь антиисторизм и нормативный детерминизм. Тем не менее, положения и аналитический аппарат этой теории, разработанные Т.Парсонсом в самом начале 50-х годов, продолжают продуктивно и эффективно использоваться и развиваться не только социологами и политологами, но и востоковедами, в том числе для изучения мусульманского средневекового общества.[1]

К числу методологических концепций, использованных в работе, относится предложенная М.Вебером типология власти, включающая рациональный, традиционный и харизматический тип господства, причем легитимность последнего основывается на героической силе или образцовом характере определенной личности и порядков, а также разработанная этим ученым теория социального действия с ее особенным вниманием к ценностно-ориентированному социальному поведению, основанному «на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [Вебер, 1990, с. 628; Его же, 2008, с. 36]. «Акторы» осуществляют свои действия, ориентируясь на значимые для них

[1] См., например, [Lapidus, Muslim…, 1984].

ценности, что приводит к репродукции или трансформации общества. Это положение веберовской теории особенно важно для диссертационного исследования, поскольку одной из его задач является изучение изменений в системе государственного управления в Султанате мамлюков и выявление факторов, под влиянием которых эти изменения происходили. Решению этой же задачи способствует использование микроисторического подхода, который позволяет проследить самые малые, на первый взгляд, незначительные проявления социально-политической и культурной трансформации, имевшей место в Египте и Сирии в XV – начале XVI в.

Изучение взаимоотношений между членами мамлюкской корпорации, создание «коллективного портрета» мамлюкской военно-политической элиты потребовало особого внимания к биографическому материалу источников. Использование просопографического метода позволило структурировать этот обширный и, часто, фрагментированный материал, выявить типичное и особенное в жизнеописаниях мамлюков соответствующего периода, получить данные о роли военно-политической элиты в системе политико-правовых, административных, социальных отношений, обнаружить характерные для политической культуры Султаната Бурджи черты военной и политической карьеры. Важным условием применения просопографического метода был учет динамики карьерного движения, уход от рассмотрения статичной картины, чему способствовало привлечение методов теоретического анализа. В шестой главе диссертационной работы, а также в приложениях будут представлены таблицы данных, диаграммы и графики, построенные с целью анализа количественных параметров в комплексе биографического материла для выявления роли и значения различных факторов, влиявших на исход политической борьбы, порядок престолонаследия и, в конечном счете, определявших степень устойчивости власти, предпосылки перехода к стабильности или погружения в кризис – вплоть до вооруженного конфликта.

Реконструкция политической истории Султаната мамлюков потребовала работы с обширным материалом многочисленных и

разнохарактерных источников. В основе исследования лежат методы научного источниковедения, которые предполагают тщательный анализ и критическую интерпретацию содержания письменных памятников изучаемой эпохи [Медушевская, 1996]. Важное значение имеет использование всего спектра доступных источников. Несмотря на то, что источниковую базу работы составляют, в основном, нарративные источники мамлюкского периода, были использованы все имевшиеся средства для привлечения документальных источников. В первую очередь это научные издания документов, подготовленные арабскими и европейскими учеными, а также рукописные материалы. Особенно тщательной проработки потребовали копии документов, включенные в энциклопедии и письмовники. Для установления степени достоверности этих копий использовались методы комплексного источниковедческого анализа, включающие сравнение текстов нескольких однотипных памятников. Сопоставление материала документальных и нарративных источников позволило в ряде случаев выявить существенные аспекты внешней политики и социальных отношений в Султанате мамлюков.

В целом, методология, разработанная для достижения целей исследования, носит комплексный характер, основана на хорошо зарекомендовавших себя в изучении средневековых восточных обществ традиционных методах исторической науки в сочетании с элементами теоретического количественного анализа и методами социальных наук, с приоритетным вниманием к динамизму исторического процесса, к совокупности, взаимной интеграции микро- и макроистории, взаимозависимости общества, политики, идей в противоположность статике, неподвижности и фрагментарности.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В период правления Бурджитов сформировалась система нединастийного престолонаследия, степень устойчивости которой оказывала определяющее влияние на политическую ситуацию в Султанате мамлюков.

2. На этапе *формирования нединастийной системы престолонаследия (1382-1422)* политическая ситуация в Султанате мамлюков характеризовалась повышенной нестабильностью, вовлечением халифов в политическую борьбу мамлюкских эмиров, самым длительным в истории Бурджитов периодом правления султана-наследника на фоне противостояния между сторонниками восстановления династийного принципа перехода власти и эмирами, стремившимися к захвату трона вне зависимости от кровнородственных связей с семьей султана.

3. Период *стабилизации нединастийной системы престолонаследия* (1422-1467) был отмечен повторением модели перехода власти, при которой наиболее вероятным претендентом на трон был старший эмир – *атабек*; при этом срок службы *атабеков* перед вступлением на трон увеличился, как и срок правления султанов, что обеспечивало более высокую степень устойчивости мамлюкского политического режима.

4. Тяжелая экономическая ситуация, сокращение фонда земель *икта'* и государственных земель, истощение финансовых и людских ресурсов в результате эпидемий, природных катастроф и затяжных военных конфликтов во второй половине XV в. создавали предпосылки для *кризиса нединастийной системы престолонаследия* (1467-1501). На смену модели *атабек – султан* пришел новый порядок перехода власти: первым претендентом на трон становился эмир, который занимал должности *давадара*, *устадара* и *вазира*, т.е., фактически, контролировал все финансовые ведомства в Султанате мамлюков.

5.*Завершающий период политического развития Султаната мамлюков Бурджи* (1501-1517) продемонстрировал способность нединастийной системы престолонаследия адаптироваться к изменяющейся политической и экономической ситуации. Кризисные явления в экономике, политике, армии стимулировали реконфигурацию мамлюкской политической элиты, в которой, оттесняя на второй план армейских командиров, наиболее значимые позиции начинают занимать эмиры, вовлеченные в работу административного

аппарата, а также чиновники, пользующиеся личным доверием султана. Оборотной стороной этого процесса была постепенная утрата традиционных ценностей рабов-воинов – владение искусством *фурусийи,* доблесть, бесстрашие в бою, преданность хозяину и командиру, верность однополчанам и т.д., и замена их на коммерческую хватку, финансовый успех и наличие связей в высших эшелонах власти, что стало одним из факторов, способствовавших подрыву единства внутри мамлюкской корпорации, которое было залогом их политического и военного успеха.

6. Стремление султана укрепить свои собственные позиции в условиях ненаследственной передачи власти и постоянной конкуренции со стороны фракций эмиров приводило с одной стороны к распространению коррупции, с другой – к тому, что основным принципом отбора кадров становилось не столько профессиональное соответствие и личные заслуги, сколько личная преданность. Появление новых элементов в политической культуре мамлюкского сообщества оказывало влияние и на один из основных компонентов политической системы – бюрократический аппарат, сближение и даже сращение которого с мамлюкской корпорацией наблюдалось на протяжении всего бурджитского периода.

7. В условиях нединастийной системы престолонаследия особое значение для победы над соперниками и конкурентами и для последующего укрепления власти султана, приобрело подразделение тех мамлюков, которые были куплены и воспитаны им самим (*джулбан, муштарат*) в отличие от тех, кто вступил в отряд султанских мамлюков при прежних правителях (*карариса*). Неравное положение *джулбан* и *карариса* приводило к расколу в мамлюкской среде и оказывало негативное влияние на боеспособность армии. Подразделение собственных мамлюков султана, призванное стать его самой надежной опорой, стало основной дестабилизирующей силой в государстве и, более того, угрожало незыблемости власти султана.

8. Султаны-наследники были необходимым элементом бурджитской модели перехода власти. Непродолжительные, как правило, периоды

пребывания их на престоле обеспечивали наиболее авторитетным и могущественным эмирам, претендовавшим на трон, возможность сформировать партию сторонников, выявить оппозицию, доказать свою способность к лидерству и, наконец, одержать победу над соперниками в политической борьбе или военном противостоянии.

9. Заметную роль в системе нединастийного престолонаследия у Бурджитов играли матримониальные связи с женщинами из «дома» султана. Женитьба на дочери, наложнице или вдове султана позволяла эмиру войти в довольно узкий круг привилегированной военной элиты, открывала широкие перспективы для развития карьеры, более того считалась веским аргументом в пользу того кандидата на престол, которому посчастливилось такой брак заключить.

10. Утрата статуса защитников и несокрушимых воинов ислама постепенно разрушала авторитет мамлюков – правителей Египта и Сирии, – и лишала их идеологических преимуществ в противостоянии с османами. На завершающем этапе истории Бурджитов была сделана попытка достичь сближения религиозной и светской власти через объединение понятий «султан» и «халиф», что, фактически, было осуществлено позднее в Османской империи.

Апробация результатов работы.

Результаты исследования и основное содержание диссертации изложены в публикациях в российских и зарубежных научных рецензируемых журналах и коллективных монографиях общим объемом более 20 п.л. Важным шагом в апробации работы стали доклады диссертанта и их последующее обсуждение в международном профессиональном сообществе мамлюковедов на конференциях «Школы мамлюкских исследований» (*School of Mamluk Studies, https://mamluk.uchicago.edu/about-sms.html)*, которые проходили в Чикаго (США) и Бейруте (Ливан). Основные идеи и выводы, сделанные в ходе работы над диссертацией, были также представлены на российских и международных конференциях: «Международная научная конференция по

источниковедению и историографии стран Азии и Африки» (Санкт-Петербург, 2007, 2011, 2013, 2015), «Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки» (Санкт-Петербург, 2017, 2019, 2021), «Ежегодная сессия петербургских арабистов» (Санкт-Петербург, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021), «Мир ислама: история, общество, культура» (Москва, 2014), Международная проблемно-методологическая конференция «Письменные памятники востока: проблемы перевода и интерпретации» (Москва, 2019, 2020), Международная проблемно-методологическая конференция «Текстология и источниковедение Востока» (Москва, 2021), Конференция арабистов «Чтения И.М.Смилянской» (Москва, 2020, 2021), «Женщина на Востоке: история, общество, наука» (Москва, 2021), Международная научная конференция «Наследие Мирзы Казем-бека: история и современность» (Казань, 2013), «Конгресс Европейского союза арабистов и исламоведов» (Congress of the Union Européenne des Arabisants et Islamisants, Неаполь (Италия), 2010, Хельсинки (Финляндия), 2014), «Пятая Конференция Общества изучения средневекового Средиземноморья “Общины, образы и эмоции в средневековом Средиземноморье”» (The fifth conference of the Society for the Medieval Mediterranean “Communities, Imaginations and Emotions in the Medieval Mediterranean”, Гент (Бельгия), 2017).

Апробация материалов исследования осуществлялась диссертантом при чтении лекционных курсов и проведении семинаров в Санкт-Петербургском государственном университете и Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Первая глава работы включает в себя обзор источников и историографии периода правления султанов Бурджи (параграфы 1 и 2), а также раздел,

посвященный специфике и периодизации политической истории Бурджитов в специальных мамлюковедческих исследованиях.

Первый параграф второй главы носит обзорный характер и включен в текст диссертации как необходимое введение в политическую историю мамлюков Бурджи, в котором даны базовые сведения о государстве мамлюков, мамлюкском сообществе и мамлюкской военно-политической иерархии. В следующих трех параграфах представлено исследование периода формирования нединастийной системы престолонаследия и его ключевых событий: установления власти Бурджитов при аз-Захире Баркуке и окончательной победы над сторонниками Калаунидов (1279-1382), борьбы мамлюкских фракций при наследнике Баркука ан-Насире Фарадже и выявления круга возможных кандидатов на престол, подготовки и осуществления перехода власти от ал-Му'аййада Шайха к аз-Захиру Татару в соответствии с новой моделью, предусматривающей непродолжительное пребывание на троне султана-наследника.

Третья глава посвящена политической истории Султаната Бурджи на этапе стабилизации системы престолонаследия. Внутренняя и внешняя политика султанов ал-Ашрафа Барсбая и аз-Захира Джакмака, оказавшая существенное влияние на дальнейшее политическое и экономическое развитие Султаната мамлюков и эволюцию его административной системы, проанализированы в параграфах 1 и 2. Затем исследовательский фокус перемещается на один из самых интересных эпизодов в истории престолонаследия у Бурджитов – попытку султана ал-Ашрафа Инала основать собственную династию. Полный провал этого «династийного» проекта, тщательно готовившегося на протяжении нескольких лет, показал устойчивость нединастийной системы престолонаследия, в которой важную роль играл баланс между фракциями мамлюкских эмиров и их деятельное участие в управлении государством.

Четвертая глава открывается выявлением ключевых событий, связанных с приходом к власти, пожалуй, самого известного из султанов бурджитского

периода – ал-Ашрафа Каитбая. В период его длительного правления, которое часто характеризуется как апогей могущества мамлюков, складывались предпосылки для кризиса нединастийной системы престолонаследия, разразившегося при сыне и наследнике Каитбая, молодом и энергичном ан-Насире Мухаммаде.

В *Главе 5* речь пойдет о заключительном этапе истории независимых мамлюкских султанов. В первом параграфе основное внимание уделяется идеологической политике султана Кансуха ал-Гури, направленной на укрепление центральной власти. Следующий параграф посвящён внешней политике мамлюкских султанов. Основная задача этого раздела (как и параграфа 2 главы 4) состоит не в том, чтобы восстановить ход событий, в целом, уже известный, в первую очередь благодаря работам Н.А.Иванова и Ш.Хар-Эла,[1] но проследить, как и под влиянием каких факторов изменялись границы суверенитета мамлюкских султанов, какое влияние эти изменения оказали на формирование политической элиты и перестройку государственного управления в Султанате мамлюков Бурджи. Подробное рассмотрение событий конца 1516 – первой половины 1517 г., представленное в третьем параграфе главы 5, позволяет выявить совокупность факторов, которые привели к гибели последнего из независимых мамлюкских султанов.

Порядок престолонаследия и факторы, определявшие исход политической борьбы в Султанате, которые будет рассмотрены в первом параграфе главы 6, представляют собой ключевые для понимания исторического генезиса бурджитской государственности вопросы. К числу наименее изученных проблем в истории Султаната мамлюков относятся принципы и динамика взаимодействия мамлюков с административным аппаратом, к службе в котором привлекались представители местной элиты. Эволюции военно-административной системы у Бурджитов будет посвящен второй параграф главы 6. Во второй части этого параграфа «Египтяне и

[1] См. обзор источников в Гл. 1.

мамлюки в военно-административной системе Султаната Бурджитов» наиболее подробно охарактеризованы функции *вали* (градоначальника, главы полицейского ведомства) и *вазира* (главного чиновника финансового ведомства), их роль и место в системе государственного управления. Основная цель этого раздела – изучение на конкретных примерах процесса «размывания» жестких границ и барьеров, отделявших мамлюков – иноземную военно-политическую элиту – от автохтонного населения Египта. Далее центр тяжести исследования будет перемещен в область идеологии, явлений массового сознания, истории религиозных институтов и системы образования, которые будут рассмотрены как неотчленяемый компонент политической системы.

Глава 1. Источники и научная разработка проблемы специфики и периодизации политической истории Султаната мамлюков Бурджи.

§ 1. Изучение истории Султаната мамлюков Бурджи в России и за рубежом.

Политическая история мамлюков-Бурджитов не подвергалась специальному изучению российскими медиевистами, в то же время отдельные аспекты социального, экономического, политического развития, а также государственного устройства Султаната мамлюков уже привлекали внимание исследователей, была проделана работа по освоению арабских источников XV в.

Аграрные отношения и положение крестьянства в мамлюкском государстве изучала Л.А.Семенова. В своих трудах она опиралась на материалы хроник ал-Макризи (ум. в 1442 г.), Ибн Тагри Бирди (ум. в 1469 г.), ас-Сахави (ум. в 1497 г.), Ибн Ийаса (ум. в 1524 г.) и использовала доступные в середине XX в. публикации зарубежных коллег. В 1958-1962 г. Л.А.Семенова выпустила серию статей, а в 1959 г. успешно защитила диссертацию на тему: «Аграрные отношения в Египте накануне турецкого завоевания». Рассматривая вопросы административного управления крестьянской общиной, Л.А.Семенова выдвинула предположение о том, что некоторые должности общинной администрации, известные по источникам XVIII в., существовали и в более ранний, мамлюкский период [Семенова, Крестьянство…, 1958; Ее же, Основные направления…, 1958; Ее же, 1962]. Итоги многолетних изысканий в области социально-экономического развития Египта в XII-XVI в. подведены Л.А.Семеновой в монографии «Салах ад-Дин и мамлюки в Египте» [Семенова, 1966]. Основные выводы, сделанные Л.А.Семеновой более полувека назад, находят подтверждение в работах современных западных исследователей. Для подготовки диссертации наиболее важными были сведения о системе землепользования и тех изменениях в соотношении земель различного статуса (*икта‘, ризк, вакф,*

мулк), которые происходили на протяжении всего периода правления мамлюкских султанов.

Дипломатическим отношениям Египта с Золотой Ордой в мамлюкский период (XIII-XIV в.) посвящена монография С.З.Закирова. Вторая часть этой монографии содержит информацию о работе государственной канцелярии и форме дипломатической переписки, в значительной степени актуальную не только для бахритского, но и для бурджитского этапа истории Султаната мамлюков [Закиров, 1966].

Распределению земельной собственности в Египте посвящена статья С.Б.Певзнера «Икта в Египте в конце XIII-XIV вв.» [Певзнер, 1958]. Основное внимание в своих исследованиях С.Б.Певзнер уделял истории культуры средневекового Востока, прежде всего египетским тканям, их производству и характерным особенностям [Певзнер, 1960; Его же, 1962; Его же, 1979]. Этой же теме, посвящена его монография о египетских тканях Эрмитажа [Певзнер, 2015].

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук и несколько статей по мамлюкской тематике были подготовлены в 70-х гг. XX в. А.А.Хасановым. В первой главе своей работы «Социально-политический строй мамлюкского Египта при черкесских султанах (1382-1517)» наряду с вопросами общественного устройства, системы землепользования и развития городов в мамлюкском султанате А.А.Хасанов рассматривает историю формирования черкесской группировки в Египте и обстоятельства прихода к власти бурджитских султанов.[1] Вторая глава исследования А.А.Хасанова посвящена собственно мамлюкам, как «верхушке социальной пирамиды» [Хасанов, Социально-политический строй…, 1975, с. 12] – обучению молодых военных рабов, составу мамлюкского войска и различным группам внутри него, некоторым этно-культурным характеристикам мамлюкской «аристократической касты, полностью изолированной от местного населения»

[1] Эти вопросы рассмотрены также в статье А.А.Хасанова [Хасанов, 1973].

[Там же, с. 16]. В последней главе своей работы А.А.Хасанов дает общую характеристику политического устройства и административного деления, налоговой и судебной системы мамлюкского государства и приходит к выводу о том, что «организация государственной власти не могла обеспечить внешнеполитической стабильности Египта» [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 364; Его же, Социально-политический строй…, 1974].

Заключительный этап истории Султаната мамлюков, связанный с противостоянием османской экспансии, нашел отражение в фундаментальной монографии Н.А.Иванова, которому также принадлежит ряд работ, важных для понимания сущности властных отношений и исторического развития стран Востока в целом [Иванов, 1984; Его же, Об османском…, 2008; Его же, Османская империя…, 2008; Его же, Основные черты…, 2008]. Существенные замечания, касающиеся османо-мамлюкских отношений, в том числе в сфере торговли, были сделаны С.Ф.Орешковой [Орешкова, 1979; Ее же, 2018]. Для освещения вопросов, связанных с политикой мамлюков в Малой Азии, в диссертации были использованы труды российских тюркологов и османистов Д.Е.Еремеева, К.А.Жукова, М.С.Мейера, А.Д.Новичева, И.Е.Петросян, Ю.А.Петросяна [Еремеев, Мейер, 1992; Жуков, 1988; Мейер, 1981; Новичев, 1963; Петросян, 1990; Петросян, 2019], а также профессора НАН Азербайджана Ш.М.Мустафаева [Мустафаев, 1990; Его же, 1994; Его же, 2013; Его же, 2017].

Вопросы внешней политики Султаната мамлюков были затронуты в трудах С.В.Близнюк, научные изыскания которой посвящены истории Королевства Кипр и его отношениям с итальянскими морскими республиками в XIII-XV вв. [Близнюк, 2007; Ее же, 2010; Ее же, 2016].

Ряд важных замечаний о характере власти мамлюков, роли армии в основанном ими государстве, взаимоотношениях между политической и религиозной элитами, о причинах поражения мамлюков в противостоянии с османами были сделаны С.А.Кириллиной, А.А.Куделиным и В.Е.Смирновым в исследованиях по истории Египта и Сирии в османский период [Кириллина,

1998; Куделин, 2010; Смирнов, 2009; Его же, 2004], а также А.Ш.Кадырбаевым в статьях о мамлюках XIII-XVI вв. [Кадырбаев, 2006; Его же, 2007; Его же, 2011].

Значительный интерес для изучения военно-политической элиты Султаната мамлюков, особенно в бурджитский период, когда султаны и эмиры Египта и Сирии были преимущественно выходцами с Кавказа, многие из них – черкесами, представляют труды С.Х.Хотко по истории, религии, этнографии и культуре черкесов [Хотко, 1997; Его же, 1999; Его же, 2001; Его же, Геополитические…, 2015; Его же, К вопросу…, 2015; Его же, Султаны…, 2015; Его же, 2016; Его же, Развитие…, 2017; Его же, Черкесия…, 2017]. Рукописные трактаты по военному искусству мамлюков рассмотрены в публикациях А.К.Аликберова, Д.В.Зайцевой, Е.А.Резвана [Зайцева, 2018; Alikberov, Rezvan, 1995]. Вопросам мамлюкской геральдики, изучению памятников мамлюкского искусства посвящены некоторые публикации А.Д.Притулы, Д.В.Садофеева, А.Н.Тепляковой [Притула, 2007; Его же, 2018; Садофеев, 2017; Теплякова, 2017].

Ключевые события истории бурджитского периода, обзор социально-экономического развития, отдельные аспекты культуры Султаната мамлюков, представлены в учебниках и монографиях отечественных востоковедов, посвященных истории Востока в целом, истории арабских стран, истории Египта [Ланда, 2005; Семенова, 2009; Фильштинский, 2008]. Монографии Е.И.Зеленева по истории Египта в эпоху ислама (Средние века, Новое и Новейшее время) содержат характеристику структуры и самых существенных особенностей мамлюкской армии, политической системы и административного управления, анализ причин и предпосылок падения власти мамлюков [Зеленев, 2003; Его же, 2007].

В работе над диссертацией были также использованы результаты исследований российских востоковедов Ф.М.Ацамба, И.Л.Алексеева, В.В.Бартольда, О.Б.Большакова, В.А.Гордлевского, А.А.Игнатенко, С.А.Кириллиной, В.А.Кузнецова, Н.А.Медникова, В.В.Наумкина,

В.В.Орлова, И.П.Петрушевского, И.М.Смилянской, А.Б.Халидова, А.Э.Шмидта по истории и теории ислама и халифата, мусульманской культуры и образования, а также работы специалиста по истории христианства на Ближнем Востоке К.А.Панченко [Ацамба, Кириллина, 1996; Алексеев, 2010; Его же, 2013; Бартольд, Теократическая…, 2002; Его же, Халиф…, 2002; Большаков, 1984; Гордлевский, 1962; Игнатенко, 1993; Кириллина, 1989; Кириллина, Орлов, Сафронова, 2018; Кириллина, Рогачева, 2019; Кузнецов, 2015; Медников, 1897; Наумкин, 1981; Панченко, 2017; Петрушевский, 2007; Смилянская, 1981; Халидов, 1985; Шмидт, 1914].

Основополагающее значение для изучения источников мамлюкского периода имеют труды И.Ю.Крачковского и И.М.Фильштинского [Крачковский, 1956; Его же, 2004; Фильштинский, 1991], а также «Сборник материалов…», подготовленный В.Г.Тизенгаузеном [Тизенгаузен, 1884]. Перевод одного из интереснейших источников бурджитского периода – описания военного похода, предпринятого мамлюками во второй половине XV в. – был выполнен З.М.Буниятовым [ал-Халаби, 1985]. Некоторые вопросы источниковедения мамлюкской эпохи были затронуты в работах С.М.Бациевой, Н.А.Иванова, В.А.Кузнецова, Д.В.Микульского, А.И.Михайловой и Д.В.Фролова [Бациева, 1965; Ее же, 1971; Иванов, «Китаб…»…, 2008; Кузнецов, 2007; Его же, 2010; Микульский, 2017; Михайлова, 1965; Фролов, 2000].

Отдельные аспекты истории и культуры Египта и Сирии в мамлюкский период освещались в трудах классиков европейского востоковедения: Х.А.Р.Гибба, С.Лэн-Пуля, У.Мьюира, С. Де Саси, а также видных ученых начала и середины XX в. - А.Поллака, У.Поппера.[1] Основы мамлюковедения как отдельного, самостоятельного направления зарубежного востоковедения были заложены профессором Иерусалимского университета Д.Айалоном, опубликовавшим во второй половине XX века серию статей о мамлюкской

[1] Обзор трудов европейских ориенталистов второй половины XVIII – первой половины XX в., затрагивающих вопросы истории мамлюкского периода, см. в [Irwin, 2000, p. 27-37].

военной и государственной организации [Ayalon, 1949; Idem, L'esclavage…, 1951; Idem, The Wafidiya…, 1951; Idem, I, 1953; Idem, II, 1953; Idem, 1954; Idem, 1958; Idem, 1960; Idem, 1961; Idem, 1963; Idem, 1967; Idem, 1971; Idem, Discharges…, 1972; Idem, The Great Yāsa…, 1972; Idem, 1973; Idem, Names…, 1975; Idem, Preliminary…, 1975; Idem, 1985; Idem, The Mamlūk Novice…, 1986; Idem, Mamluk military…, 1987; Idem, 1989; Idem, 1990; Neustadt, 1946]. На основе глубокого изучения источников XIII-XVI вв. Д.Айалон реконструировал историю формирования института военного рабства, дал характеристику комплекса правил, ценностей и норм поведения, который составлял каркас мамлюкской военно-политической системы, и выдвинул тезис о том, что высшая ступень в развитии этой системы была ознаменована победами над крестоносцами и монголами, а в XIV в. начался ее упадок, ставший особенно заметным в следующем, XV в. Ученый поставил вопрос о причинах изменений в организации государственного управления, начавшихся после прихода к власти аз-Захира Баркука и замены тюркско-кыпчакской военной элиты на преимущественно черкесскую [Ayalon, 1976; Idem, Aspects…, 1977]. Важное значение для понимания причин падения власти мамлюков имеет его статья о включении Египта и Сирии в состав Османской империи [Ayalon, The End…, 1987]. Отдельное исследование Д.Айалон посвятил использованию огнестрельного оружия в Султанате мамлюков, а в последние годы жизни работал над книгой о роли евнухов в мамлюкском сообществе [Ayalon, 1956; Idem, 1999].

Работы Д.Айалона по изучению истории и культуры Султаната мамлюков были продолжены другими израильскими исследователями, труды которых отличаются глубокой проработкой источников, в том числе документальных и неопубликованных. Вопросы экономики и торговли Египта и Сирии в период правления мамлюков рассматривалось в трудах Э.Аштора, выдвинувшего тезис о том, что мамлюкская иноземная элита не была заинтересована в экономическом развитии подвластных им территорий и ее правление, основанное на безжалостной эксплуатации привело к разрушению

некогда процветавших стран [Ashtor, 1976; Idem, 1986]. Большим авторитетом пользуются труды М.Винтера, признанного специалиста по истории османского Египта, а также по истории переходного этапа – от мамлюкского к османскому правлению [Winter, 1998; Idem, 2017]. Профессор Б.Шошан из Университета Бен Гуриона занимается историографией, вопросами социально-экономического и культурного развития Египта и Сирии в мамлюкскую эпоху [Shoshan, 1983; Idem, 1986; Idem, 2020]. К числу исследований, наиболее полно отражающих предысторию османо-мамлюкского противоборства и события первой османо-мамлюкской войны, относится работа Ш.Хар-Эла [Har-El, 1995]. А.Леванони опубликовала серию статей, посвященных различным аспектам культурной и общественной жизни Султаната мамлюков. Она исследовала мамлюкскую концепцию политической власти, обратила внимание на противоречия между различными подразделениями в мамлюкской армии и выявила значение фракционной борьбы в системе престолонаследия у мамлюков [Levanoni, 1994; Eadem, 1995; Eadem, 1998; Eadem, 2000; Eadem, 2004; Eadem, 2010]. Прекрасный знаток арабских источников XIII-XVI вв. Й.Френкель рассматривает различные вопросы политического и социокультурного развития Султаната мамлюков [Frenkel, 2005; Idem, 2011; Idem, 2013; Idem, 2014; Idem, 2016; Idem, 2017]. Профессор Иерусалимского университета Р.Амитаи известен своими исследованиями по истории и историографии бахритского периода и особенно мамлюкско-монгольских отношений, однако некоторые его замечания актуальны и для бурджитского периода истории мамлюков [Amitai, 1999; Idem, 2006]. Вопросы, связанные с этнической принадлежностью мамлюков, и факторы, под влиянием которых складывались мамлюкские фракции и группировки, исследует К.Йосеф [Yosef, Ethnic..., 2012; Idem, Mamluks…, 2012; Idem, 2016; Idem, 2017; Idem, 2021] Изучением отдельных аспектов истории провинциальных городов Палестины в мамлюкскую эпоху, а также мамлюкским источниковедением занимается профессор израильского университета Бар-Илан Й.Дрори [Drory, 2013].

Одним из основателей европейского мамлюковедения можно по праву назвать немецкого ученого У.Хаармана, который внес значительный вклад в изучение источников раннего мамлюкского периода, «мамлюкского феномена» в целом и особенно положения потомков мамлюков, *авлад ан-нас* (*awlād al-nās*), их политических и экономических прав и притязаний, а также их роли в развитии культуры Султаната [Haarmann, 1980; Idem, 1984; Idem, Arabic… 1988; Idem, Rather…, 1988; Idem, Joseph's law…, 1998; Idem, The late…, 1998; Idem 2001]. Почти одновременно с ним в Соединенных Штатах работу в области мамлюкского источниковедения начал Д.Литтл [Little, 1984; Idem, 1991; Idem, 1997; Idem, 1998; Idem, 2002]. В Великобритании в середине XX в. мамлюкская тематика стала одним из главных направлений исследовательской работы профессора П.М.Холта [Holt, 1959; Idem, 1984; Idem, 1989; Idem, 1998]. Его статья о структуре властных отношений в Султанате мамлюков (преимущественно в ранний мамлюкский период), опубликованная в 1975 г., до сих пор сохраняет актуальность [Holt, 1975]. В этот же период изучением документов мамлюкской эпохи занимался Д.С.Ричардс, в течение 40 лет (с 1960 по 2000 г.) преподававший в Оксфордском университете и продолживший активную и плодотворную исследовательскую работу после завершения педагогической карьеры [Richards, 1977; Idem, 1985; Idem, A Mamlūk…, 1991; Idem, The Qasāma…, 1991; Idem, 1998; Idem, 2001; Idem, 2011]. Вопросы, связанные с историей и историографией мамлюкского периода, поднимал в своих публикациях британский историк-медиевист и писатель Р.Ирвин [Irwin, Egypt, Syria…, 1986; Idem, The Middle East …, 1986; Idem, 2000; Idem, 2002; Idem, 2004]. Так было положено начало развитию мамлюковедения в Германии, Великобритании и США.

Один из крупнейших центров современного мамлюковедения находится в Чикаго (США), где с 1997 г. издается журнал "Mamlūk Studies Review". К числу наиболее авторитетных американских специалистов по социальной и политической истории мамлюков относится К.Петри. В его первой

монографии, опубликованной в 1981 г., представлено исследование различных вопросов, связанных с устройством и функционированием мамлюкской администрации, ролью гражданской элиты в государственном управлении. К.Петри сосредоточил внимание на том, из каких провинций Египта происходили отдельные группы чиновников, как это влияло на их карьеру, в каких сферах деятельности были заняты представители гражданской элиты [Petry, 1981]. Завершив эту работу, К.Петри перешел к последовательному изучению периодов правления ал-Ашрафа Каитбая и ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури. На основе тщательного исследования документальных и нарративных источников он опубликовал несколько статей и две монографии на эту тему [Petry, 1993; Idem, 1994; Idem, 2004]. Изучение вакуфных документов позволило К.Петри выявить финансовые механизмы, которые оказывали существенное влияние на состояние экономики Султаната в конце XV – начале XVI в. [Petry, A Geniza…, 1998]. В 1998 г. под редакцией К.Петри вышел первый том «Кембриджской истории Египта», значительную часть которого составили главы, посвященные мамлюкской эпохе. Сам он написал для этого издания раздел о военном институте мамлюков и реформах султана ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури [Petry, The Military Institution…, 1998]. В последующие годы К.Петри работал над вопросами, связанными с распространением коррупции и нарушением закона в Каире и Дамаске, в том числе с преступлениями, которые совершали представители военного сословия [Petry, 1999; Idem, 2012; Idem, 2017].

Проблемы методологии истории Султаната мамлюков и других стран Ближнего Востока в Средние века в течение многих лет изучает профессор Р.С.Хамфрис (Университет Санта Барбары, Калифорния). Ему же принадлежит один из разделов в «Кембриджской истории Египта», упомянутой выше [Humphreys, 1972; Idem, 1998; Idem, 2009].

Широкий круг вопросов, выходящих за рамки мамлюковедения, был рассмотрен профессором Университета Беркли (Калифорния) А.Лапидусом в монографии, посвященной мусульманским городам в позднее Средневековье

[Lapidus, Muslim…, 1984]. Ему же принадлежит ряд других работ, в которых представлены различные аспекты социально-экономической и культурной жизни в Султанате мамлюков [Lapidus, 1969; Idem, Mamluk…, 1984; Idem, 2002]. Экономическая история, влияние природных факторов на социально-экономическое развитие Египта и стран Ближнего Востока в Средние века находятся в центре внимания американского востоковеда С.Борша [Borsch, 2000; Idem, 2005]. Влияние природных катастроф на демографическую и экономическую ситуацию в Султанате мамлюков исследовалось У.Такером (Университет Арканзаса) [Tucker, 1999]. Отдельные аспекты функционирования денежной системы в Султанате мамлюков рассмотрены в статьях профессора Вашингтонского университета, специалиста по нумизматике Дж.Л.Бахараха [Bacharach, 1967; Idem, 1973]. В публикациях профессора У.Шульца из Чикаго представлены монетарная история Египта в Средние века [Schultz, 1998] и критический обзор источников и исследований по этой теме [Schultz, 1999].

Цепкий взгляд на проблемы социокультурного развития Султаната мамлюков и интеллектуальной истории стран ислама в Средние века, широкая источниковедческая эрудиция и новаторский подход к темам, казалось бы, уже хорошо известным специалистам, прослеживается в работах Э.Муханны, получившего степень PhD в Гарвардском университете [Muhanna, 2010; Idem, 2016; Idem, 2018]. Серьезная работа по источниковедению мамлюкского периода принадлежит М.Дж.Салех (Чикагский университет), редактора журнала “Mamluk Studies Review” и соорганизатора «Школы мамлюкских исследований» (*School of Mamluk Studies*), под эгидой которой регулярно проводятся международные конференции и семинары [Saleh, 2001]. Исследованием источников по истории Султаната мамлюков и мамлюкской культуры занимается профессор Университета Нотр Дам (Саут-Бенд, Индиана) Л.Гуо [Guo, 2001; Idem, 2005; Idem, 2013]. Анализ эпиграфических памятников мамлюкского периода представлен в работе А.Эгера (Университет Северной Каролины в Гринсборо) [Eger, 2014]. Мамлюкскому

источниковедению посвятил одну из своих работ специалист в области исламоведения, арабской филологии и кодикологии Д.Райзман (Университет Иллинойса, Чикаго) [Reisman, 1998].

Получившая степень PhD в Гарварде Д.Ю.Муслу, которая в настоящее время работает в Хьюстонском университете, сосредоточила внимание на османо-мамлюкских отношениях. Ее работы базируются на скрупулёзном изучении документов и нарративных источников на арабском и турецком языках [Muslu, 2013; Idem, 2014]. Взаимоотношениям Султаната мамлюков с бейликами Малой Азии, государством Ак Коюнлу (1378-1508) и Османской империей, а также роли коммерческой элиты в политической и экономической жизни Египта и Сирии в мамлюкский период посвящены исследования П.Винга (Университет Редланда, Калифорния) [Wing, 2015; Idem, 2020]. Переходный период в истории арабских государств, в том числе и мамлюкской Сирии, вошедших в состав Османской империи, изучает медиевист из Университета Джеймса Медисона (Вирджиния, США) Т.Дж.Фитцджеральд, также получивший докторскую степень в Гарварде [Fitzgerald, 2017]. В статьях и монографиях Дж.Хасавэй (Университет Огайо, США) рассматривается проблема политической идентичности египетских мамлюков в османский период, автор подробно останавливается на вопросах трансформации мамлюкской системы и уделяет особое внимание феномену мамлюкского «дома» [Hathaway, 1997; Eadem, 2003; Eadem, 2018].

Признанным центром мамлюкских исследований в Германии является Боннский университет, где на постоянной основе ведется работа в исследовательском центре А.Шиммель «История и общество в мамлюкскую эпоху (1250-1517)» (*Annemarie Schimmel Kolleg*, «*History and Society during the Mamluk Era (1250-1517*»). С.Конерманн, возглавляющий Институт восточных и азиатских исследований в Боннском университете, изучает вопросы источниковедения, политики, культуры Султаната мамлюков [Conermann, 1998; Idem, Ibn Aǧās…, 2003; Idem, 2004; Idem, Mamlukica…, 2013; Conermann, Saghbini, 2002; Conermann, Seidensticker, 2007], большой интерес

представляют его статьи о развитии и основных направлениях современного мамлюковедения [Conermann, Es boomt!..., 2003; Idem, Qou vadis…, 2013]. В течение многих лет С.Конерманн вместе со своей коллегой, археологом Б.Уокер выступает постоянным редактором серии «Мамлюкские исследования» («Mamluk Studies»), в которой с 2012 г. публикуются индивидуальные и коллективные монографии по проблемам истории и культуры Ближнего Востока в мамлюкский период. Большая часть работ профессора Свободного университета Берлина К.Хиршлера посвящена изучению мамлюкских архивов и рукописей [Hirschler, 2012; Idem, 2013; Idem, 2016]. А.Фуэсс из университета Марбурга занимается довольно широким спектром вопросов истории и культуры Египта и Сирии в XIII-XVI вв. – от семейно-родственных связей мамлюков и фасонов мамлюкских головных уборов до причин крушения Султаната мамлюков под натиском османов [Fuess, 2001; Idem, 2005; Idem, 2008; Idem, 2009; Idem, 2013; Idem, 2014; Idem, 2017; Idem, 2019; Idem, 2020; Idem, 2021]. Выпускник Геттингенского университета К.Маудер, работающий в настоящее время в Университете Бергена (Норвегия), исследует область взаимосвязей и пересечения проблем образования, религии и власти в Египте и Сирии в период правления мамлюкских султанов [Mauder, 2012; Idem, 2019; Idem, 2020; Idem, Education…, 2021; Idem, In the Sultan’s Salon…, 2021]. Мамлюкским источниковедением и проблемами социокультурного развития сирийских областей Султаната мамлюков занимается Т.Воллина (Университет Гамбурга), проходивший научную стажировку в Бейруте [Wollina, 2012; Idem, 2014]. Л.Райнфандт из Кильского университета, работающий последнее время в Австрии, специализируется на арабской папирологии. В 2000-х годах он опубликовал монографию и несколько статей, посвященных вакуфным пожертвованиям султана ал-Ашрафа Инала и его сына, султана ал-Му’аййада Ахмада [Reinfandt, 2001; Idem, 2002; Idem, 2003]. Арабская папирология составляет также основную область научных интересов профессора Кёльнского университета В.Дима, который затрагивает в своих работах

вопросы документалистики и дипломатики мамлюкского периода [Diem, 2002].

Большой вклад в изучение истории и культуры мамлюкской эпохи вносят бельгийские ученые. С 1992 г. в Католическом университете Лёвена и Гентском университете проходили регулярные коллоквиумы под общим названием «Египет и Сирия в фатимидскую, аййюбидскую и мамлюкскую эры» («Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras»). Их вдохновителем и бессменным организатором был У.Вермёлен, основная область научных интересов которого – история раннего периода правления мамлюков. В настоящее время опубликовано 9 томов материалов коллоквиума. Одним из инициаторов и создателей международной «Школы мамлюкских исследований» является профессор Университета Льежа Ф.Боден. Ф.Боден последовательно занимается изучением наследия Таки ад-Дина ал-Макризи, другая тема его научных изысканий – мамлюкская дипломатика [Bauden, 2007; Idem, 2008; Idem, 2014]. Под руководством Ф.Бодена в 2011 г. защитила диссертацию о дипломатических связях Султаната мамлюков с Тимуридами, государствами Кара Коюнлу и Караманидами М.Деккихе, которая в настоящее время работает в Университете Антверпена (Нидерланды). М.Деккихе продолжает исследовать тему дипломатических контактов между Султанатом мамлюков и его восточными соседями и на основе материалов своей диссертации опубликовала несколько очень содержательных статей [Dekkiche, 2013; Eadem, 2014-2015; Eadem, 2016].

В Университете Гента под руководством Й. Ван Стинбергена над проблемами исторического развития Султаната мамлюков плодотворно работает международная группа ученых, которая сосредоточила усилия на критическом пересмотре устоявшихся в западном мамлюковедении взглядов на становление, эволюцию и деградацию власти мамлюков в Египте и Сирии. Й. Ван Стинберген развивает новые подходы к изучению истории государства мамлюков, ставит перед сообществом исследователей серьезные

теоретические и методологические вопросы [D’hulster, Van Steenbergen, 2013; Van Steenbergen, 2006; Idem, 2007; Idem, 2019; Idem, 2021; Van Steenbergen, Van Nieuwenhuyse, 2018; Van Steenbergen, Wing, D’hulster, 2016]. Коллега и соавтор Й. Ван Стинбергена К.Д’юльстер, работающий с 2020 г. в Университете Бирмингема (Великобритания), в большей степени интересуется вопросами языка и литературы, культурных связей Султаната мамлюков с тюркским миром [D’hulster, 2010; Idem, 2020]. Еще один исследователь из Университета Гента, М.Банистер, разрабатывает темы, связанные с историей Аббасидского халифата в Каире [Banister, 2015; Idem, 2020; Idem, 2021].

Во Франции мамлюковедение развивается не так активно, как в Германии и Бельгии, тем не менее именно французским ученым принадлежит несколько крупных работ в этой области. Автор раздела о «черкесском периоде» в «Кембриджской истории Египта» Ж.-К.Гарсин занимался изучением восточного средневекового города и посвятил целую монографию египетскому Кусу, рассмотрев самый широкий круг вопросов: от экономики и торговли до местного фольклора [Garcin, 1976; Idem, 1988; Idem, 1998]. В области исторического развития городов Сирии и Египта вел исследования А.Раймон, который работал в университетах и научных центрах Франции, Туниса, Каира, преподавал в Гарварде и Принстоне, а с 1966 по 1975 г. возглавлял Французский институт в Дамаске [Raymond, 1998]. Вопросы семейных, матримониальных, социальных связей в среде чиновников мамлюкской администрации были изучены Б.Мартель-Туман. Она выявила стремление отдельных семейных кланов закрепить за собой контроль над той или иной сферой административной деятельности [Martel-Thoumian, 1991]. Ж.Луазо опубликовал комплексное исследование о сообществе мамлюков, сделав попытку продемонстрировать, как формировалось это сообщество, как оно управлялось, выделить специфические черты культуры, обычаев, религиозных верований мамлюков [Loiseau, 2014]. Вопросы военной тактики и вооружения мамлюкской армии изучает А.Зуаш [Zouache, 2014-2015].

В других странах Европы мамлюкские исследования имеют, как правило, узкую направленность. Большой вклад в изучение литературы и историографии мамлюкского периода внес профессор Карлова университета в Праге Р.Веселы [Vesely, 1994; Idem, 1999; Idem, 2000]. На Кипре, в Италии ученые разрабатывают материалы местных архивов и занимаются, преимущественно, коммерческими и дипломатическими контактами мамлюков со странами Восточного Средиземноморья. На Кипре, где в 2021 г. прошла 7-я Конференция «Школы мамлюкских исследований», наиболее глубоко в мамлюкскую тематику погружен Н.Куреас, опубликовавший несколько работ, в которых затрагиваются вопросы торговли и военных конфликтов между Египтом, Кипром и Родосом [Coureas, 2010; Idem, Losing the war…, 2013; Idem, Commercial Relations…, 2013; Idem, The Tribute… 2013; Idem, 2016; Idem, 2019]. В Италии разработкой темы дипломатических и коммерческих контактов Султаната мамлюков с Венецией на базе архивных документов занимаются Ф.Апельяниц, М.Педани, А.Риццо [Apellániz, 2021; Pedani, 2002; Rizzo, 2019].

Значительное внимание вопросам социально-экономического развития Султаната мамлюков уделяют представители японской школы мамлюковедения. В монографии основоположника этой школы Т.Сато, которая охватывает вопросы, связанные с производством, потреблением и торговлей сахаром на Ближнем Востоке в Средние века, особый интерес для настоящей работы представляют главы, посвященные деятельности крупных купеческих корпораций в Египте, их контактам с мамлюкской администрацией и непосредственно с султанами [Sato, 2015]. Более ранняя монография Т.Сато – о развитии системы *икта‘* на Ближнем Востоке – охватывает период с X по XIV в. [Idem, 1997]. Исследования Д.Игараши раскрывают характер и особенности системы землепользования и налогообложения в Султанате мамлюков, а также суть финансовых реформ ал-Ашрафа Каитбая, дают материал для изучения причин тех изменений в политической и административной структуре Султаната, которые произошли

под влиянием этих реформ [Igarashi 2009; Idem, 2010; Idem, 2013; Idem, 2017]. Основное внимание Н.Накамачи сосредоточено на истории и историографии бахритского периода, вместе с тем, замечания этого автора о составе мамлюкского войска актуальны и для периода правления бурджитских султанов [Nakamachi, 2006].

Большой интерес ученых Европы и Северной Америки вызывает мамлюкская культура во всех ее проявлениях: от военного искусства до образцов каллиграфии.[1] В работе были использованы труды Д.Беренс-Абусейф, Я.Добровольского, Н.Раббата, Б.Уокер, которые занимались проблемами мамлюкского искусства и архитектуры, различными аспектами социокультурного развития Султаната мамлюков в целом на основе как письменных источников, так и материалов археологических изысканий [Behrens-Abouseif, 1995; Eadem, Islamic Architecture…, 1998; Eadem, Qāytbāy's Foundation…, 1998; Eadem, 1999; Eadem, 2002; Eadem, 2014; Eadem, 2018; Eadem, 2022; Dobrowolski, 1998; Rabbat, 1995, Idem, 2010; Walker, 2000; Eadem, 2004; Eadem, 2006; Eadem, 2014]. Признанным специалистом в области культуры и социального развития Ближнего Востока в мамлюкский период является Дж.Берки. Наряду с другими публикациями, ему принадлежит фундаментальная монография, посвященная системе мусульманского образования в Каире в Средние века [Berkey, 1992; Idem, Culture…, 1998; Idem, The Mamluks as Muslims…, 1998; Idem, 2000; Idem, 2003; Idem, 2010]. Поддержка и покровительство, которое получали суфийские ханаки и другие религиозные институты со стороны мамлюкской элиты, стали предметом пристального внимания А.Ф.Бродбридж, Л.Фернандес, Х.Халленберг и Т.Э.Хомерина [Broadbridge, 1999; Fernandes, 1981; Eadem, 1988; Hallenberg, 2000; Homerin, 1999].

Важную роль в развитии мамлюковедения на Ближнем Востоке играют Американские университеты в Каире и Бейруте, где работают как арабские

[1] Подробный обзор литературы по мамлюкскому искусству и архитектуре представлен в статье [Bloom, 1999].

ученые, так и специалисты из США и Европы. Египетская исследовательница из Американского университета в Каире А.Элбендари, получившая докторскую степень в Кембридже, занимается изучением народных движений и протестов в Султанате мамлюков [Elbendary, 2015]. Народные движения и протесты в Султанате мамлюков Бурджи также стали предметом исследования Ф.Хасебе. Ф.Хасебе была сделана попытка проследить влияние личных отношений между султаном и отдельными участниками конфликтов и выдвинуто предположение о том, что мамлюкский султан мог использовать контакты с местными суфийскими шейхами для поддержания стабильности и спокойствия в провинциях [Hasebe, 2005].

Работы, посвященные финансам и коммерции в Египте в период правления мамлюков Бурджи, принадлежат ученому из США Д.Мелою, который в течение многих лет преподает в Американском университете в Бейруте. Д.Мелой обратил внимание на попытки султана ал-Ашрафа Барсбая установить контроль над торговлей специями, указал на негативное влияние взимания платы за защиту и покровительство (*химайа*) на экономику государства мамлюков. Многолетние исследования Д.Мелоя подытожены в монографии о месте и роли Мекки в экономике и политике Султаната мамлюков [Meloy, 2004; Idem, 2010; Idem, 2019].

Предшественником Д.Мелоя в некоторой степени можно назвать Р.Т.Мортела из Университета Короля Сауда в Эр-Рияде. Р.Т.Мортел опубликовал несколько работ на английском и арабском языках по истории Хиджаза в Средние века, в том числе и в мамлюкский период. Большая часть этих статей и монографий носит описательный характер, в некоторых, к сожалению, встречаются фактические ошибки, связанные с неточной интерпретацией источников.[1] Тем не менее, исследования Р.Т.Мортела стали

[1] См, например [Mortel, 1997, p. 247]. В одной из статей Р.Т.Мортела рассмотрена карьера Джанибека аз-Захири (ум. в 1463 г.), влиятельного эмира, занимавшего пост *давадара* при султанах-Бурджитах. Подробные сведения, которые приводит Р.Т. Мортел, к сожалению, не всегда точны. В частности, ссылаясь на хронику Ибн Тагри Бирди, Р.Т.Мортел указывает на то, что Джанибек аз-Захири в 1458 г. был назначен на пост *атабека*. На самом деле в хронике Ибн Тагри Бирди упоминается о том, что Джанибек аз-Захири был

заметным шагом в разработке темы коммерческих и политических контактов Султаната мамлюков с Меккой, Мединой и Джиддой [Mortel, 1989; Idem, The Husaynid..., 1994; Idem, The mercantile…, 1994; Idem, 1998; Idem, Aspects…, 1995; Idem, Taxation…, 1995; Idem, The decline..., 1995; Idem, 1996].

Значительный вклад в изучение документов и нарративных источников мамлюкского периода, а также социального, экономического, политического и культурного развития Египта и Сирии в XIII-XVI вв. внесли арабские ученые, и работа в этом направлении продолжается. Монографии по источниковедению мамлюкского периода и истории Египта в исламскую эпоху были опубликованы Мухаммадом Камал ад-Дином ‘Изз ад-Дином ‘Али и Мухаммадом ‘Абдаллахом ‘Инаном [ʿАлӣ, 1992; ʿИнāн, 1969]. Исследованием, каталогизацией и публикацией архивных документов занимался Мухаммад Мухаммад Амин [Амӣн, 1975; Его же, 1981-1982; Фихрист, 1981]. Значение его трудов состоит, прежде всего, во введении в научный оборот новых и, как правило, труднодоступных источников.

Египетский ученый Са‘ид ‘Абд ал-Фаттах ‘Ашур во второй половине XX в. опубликовал несколько статей и монографий, посвященных мамлюкской эпохе. Одна из первых его крупных работ была написана на основе материалов диссертации, которую он защитил в Каирском университете в 1954 г. В ней, обобщив и компактно, по темам изложив материал большого количества источников, Са‘ид ‘Абд ал-Фаттах ‘Ашур сделал попытку представить описание повседневной жизни всех групп египетского общества – от феллахов до мамлюкских офицеров высшего ранга [ʿĀшӯр, 1992[1]]. Анализ отношений между Египтом и Эфиопией в мамлюкский период представлен в его небольшой, но содержательной публикации 1968 г. [ʿĀшӯр, 1968]. Обзорный характер носит труд этого автора о периодах правления Аййюбидов и мамлюков в Египте и Сирии [ʿĀшӯр, 1996]. Еще одна

утвержден на посту инспектора Джидды, а на посту *атабека* – сын султана ал-Ашрафа Инала, Ахмад [Ibn Taghrī Birdī, 1930-1942, vol. 2, p. 319; Mortel, 1996, p. 450].

[1] Впервые эта монография была опубликована в 1962 г. В диссертации использовано переиздание 1992 г.

монография Са‘ида ‘Абд ал-Фаттаха ‘Ашура посвящена мамлюкской эпохе в целом: в ней широкая картина жизни общества, достижений культуры и искусства дополнена главами по истории бахритского и бурджитского периода, внешней и внутренней политике Султаната мамлюков [‘Āшӯр, 1976].

В 1960 г. вышла монография Ибрахима ‘Али Тархана «Египет в эпоху Государства черкесских мамлюков». После довольно беглого обзора политической истории (первые две главы) Ибрахим ‘Али Тархан переходит к рассмотрению отношений Султаната мамлюков с государствами Малой Азии и Африки. Отдельные главы посвящены вторжению Тимура (1336–1405), завоеванию Кипра и османо-мамлюкскому конфликту. В монографии также уделяется некоторое внимание положению аббасидских халифов в Каире, состоянию системы *икта‘,* развитию торговли и учреждению крупных *вакфов* [Ṭарḫāн, 1960].

Серию публикаций, посвященных Аййюбидам и мамлюкам, выпустил египетский историк ‘Абдух Касим Касим. В одной из ранних его работ рассматривается роль Нила в различных сферах жизни египетского общества в мамлюкскую эпоху [Ḳāсим, 1978]. Монография, выпущенная ‘Абдухом Касимом Касимом в 1998 г. («Эпоха мамлюкских султанов: социальная и политическая история»), является расширенной версией монографии 1994 г. («Эпоха мамлюкских султанов»). Наибольший интерес представляет вторая часть этой работы, в которой обширный источниковый материал скомпонован по нескольким темам: рынки и повседневная жизнь, религиозные общины, праздники, ремесла, эпидемии и природные катастрофы [Ḳāсим, 1994; Его же, 1998].

Монографию, в которой рассматривается положение Султаната мамлюков на международной арене, связи этого государства с европейскими державами и растущей Османской империй, опубликовала в 1996 г. египетская исследовательница Навийа Махмуд Мустафа. Она особенно подчеркнула негативную роль внутренних усобиц и политической нестабильности в противостоянии мамлюков с монголами, османами и *франками* в бурджитский

период [Муṣṭафā, 1996]. Борьбе мамлюков с монголами и крестоносцами посвящена работа Фа‘ида Хаммада Мухаммада ‘Ашура [‘Āшӯр, 1995]. Дипломатические контакты Султаната мамлюков с христианскими государствами Испании представлены в работе упоминавшегося выше Мухаммада ‘Абдаллаха ‘Инана [‘Инāн, 1971]. Обстоятельный труд об османо-мамлюкских отношениях и удобный в использовании словарь мамлюкской терминологии составил сирийский историк Мухаммад Ахмад Духман [Духмāн, 1986; Его же, 1990]. Мухаммад ‘Абд ал-Гани ал-Ашкар исследовал историю взаимоотношений между Египтом и Кипром и военные походы ал-Ашрафа Барсбая, связав политику этого султана, направленную на монополизацию торговли, с необходимостью подготовки кипрских экспедиций [ал-Ашқар, 2002]. Подробное освещение событий, связанных с османским завоеванием Египта и Сирии, содержится в монографии египетского исследователя Ахмада Фу’ада Мутавалли. Особенную ценность его работе придают тексты некоторых документов, размещенные в приложении [Мутаваллӣ, 1995].

Обзор политической и социальной истории, отдельных аспектов экономики и культуры Султаната мамлюков представлен в публикациях Имана Мустафы ‘Абд ал-‘Азима, Ахмада ‘Абд ар-Разика, Ахмада ас-Саййида Дарраджа, Джасима Мухаммада Джасима Мухаммада, Джирджиса Фаузи, Махмуда Са‘ада, Хасанайна Раби[1], Мухаммада ал-Хабиба ал-Хилы, Мухаммада Бакира ал-Хусайни [‘Абд ал-‘Аẓӣм, 2016; ‘Абд ар-Рāзиқ, 1999; Даррāдж, 1968; Его же, 1959; Муḥаммад, 2007; Са‘ад, 1988; ал-Ḫусайнӣ, 1975; Фаузӣ, 1958; ал-Хӣла, 1971; Rabie, 1972; Idem, 1975; Idem, 1989]. Большое исследование, посвященное денежной системе Султаната мамлюков, было подготовлено Хамудом б. Мухаммадом б. ‘Али ан-Наджиди [ан-Наджӣдӣ, 1993]. Исма‘ил аш-Ширбини занимался изучением широко распространенной в мамлюкский период практики наложения штрафных санкций в отношении

[1] Профессор Х.Раби получил докторскую степень в Оксфорде, работал в Лондонском университете, а затем в Каирском университете. Основные его работы по мамлюковедению опубликованы на английском языке.

отдельных лиц, прежде всего, эмиров и высокопоставленных чиновников. Несмотря на то, что некоторые данные, которые приводит Исма‘ил аш-Ширбини нуждаются в уточнении, а структура его работы носит несколько расплывчатый характер, собранный им материал представляет интерес, особенно для понимания порядка осуществления таких санкций [аш-Ширбӣнӣ, 1997]. Экономическая, социальная, культурная и религиозная жизнь в египетской деревне мамлюкской эпохи представлена в монографии египетского ученого Маджди ‘Абд ар-Рашида Бахра [Баҳр, 1999]. Роль бедуинов в политической жизни Египта при Аййюбидах и мамлюках осветил (отметив, преимущественно, ее позитивные стороны) Махмуд ас-Саййид [ас-Саййид, 1998].

Работы по военному делу и вооружению мамлюков, специфике организации мамлюкской армии и мамлюкского сообщества были подготовлены Набилем Мухаммадом ‘Абд ал-‘Азизом, Ахмадом ‘Абд ар-Разиком, ас-Сайидом ал-Баззом ал-‘Арини [ʿАбд ал-ʿАзиз, 1976; ʿАбд ар-Рāзиқ, 1976; ал-ʿАрӣнӣ, 1956; Его же, 1967].

Отдельное направление в арабской историографии мамлюкского периода составляют исследования в области локальной истории. Обстоятельный труд, посвященный провинции аш-Шаркийа при Аййюбидах и мамлюках, основанный на большом количестве нарративных источников разного характера (хроники, биографии, географическая литература, энциклопедии, специальные трактаты для чиновников), опубликовал в 1997 г. Мухаммад Фатхи аш-Ша‘ир [аш-Шāʿир, 1997]. Серьезные, хорошо фундированные работы по истории Иерусалима и областей, расположенных к востоку от Иордана, были подготовлены профессором Йармукского университета, проходившим стажировку в Принстоне, Йусуфом Дарвишем Гаванимой [Ґавāнима, Таʾрӣх нийāбат…, 1982; Его же, Таʾрӣх ал-ҳадāрӣ…, 1982; Его же, 1987]. Управление провинцией Карак, ее политическая история и социально-экономическое положение при мамлюках было рассмотрено Мухаммадом ‘Аднаном ал-Бахитом [ал-Баҳӣт, 1976]. Обширное и

всестороннее исследование истории, культуры, социально-экономического развития Триполи в составе Султаната мамлюков подготовил ливанский историк Илйас ал-Каттар [ал-Ḳаṭṭāр, 1998]. История Мекки в мамлюкский период представлена в монографии Лайлы Амин ‘Абд ал-Маджид [ʿАбд ал-Маджӣд, 2010]. Работу по исторической топографии мамлюкского Каира, снабженную несколькими картами, опубликовал Мухаммад аш-Шиштави [аш-Шиштāвӣ, 1999].

Развитию культуры и образования в мамлюкскую эпоху посвящено исследование Хайат Насир ал-Хаджжи [ал-Ḫаджжӣ, 1992]. Монографию по мамлюкской архитектуре, включающую содержательный очерк системы образования и социальной роли строителей и архитекторов в Египте в мамлюкскую эпоху, опубликовал ас-Саййид Сабах Сулайман [Сулаймāн, 2006]. На протяжении многих лет изучением исламской культуры занимается доктор ‘Абд ал-Басир ‘Абд ар-Раззак Бадр. Для подготовки диссертации была использована его работа, посвященная Медине как крупнейшему религиозному и образовательному центру в мамлюкскую эпоху [Бадр, 2003]. *Улемы (ʿulamāʾ)* как особая социальная группа рассматривались в трудах Хасана Ахмада ‘Абд ал-Джалила ал-Батави, ‘Абд аш-Шафи Ахмада Мухаммада Хайкала [ал-Баṭāвӣ, 2007; Хайкал, 2014]. Двухтомное описание *ханак* Египта подготовил ‘Асим Мухаммад Ризк [Ризḳ, 1997].

Очень серьезную работу о положении иудеев в Султанате мамлюков опубликовала в 1999 г. Махасин Мухаммад ал-Ваккад, которая использовала в своем исследовании как нарративные, так и документальные источники (ряд документов Каирской генизы в переводе на арабский язык размещены в приложении к ее монографии), а также достижения западной историографии [ал-Ваḳḳāд, 1999].

Положению христиан в Султанате мамлюков посвятил свои научные изыскания египетский исследователь Маджди Гиргис. Для подготовки диссертации был привлечен опубликованный им документ из архива Коптской патриархии в Египте [Джирджис, 2019].

В российской и зарубежной историографии разрабатывались различные аспекты истории и культуры Султаната мамлюков, были изучены отдельные фрагменты политической истории, вопросы престолонаследия, элементы административной и военной структуры, особенности экономики, судопроизводства, социальных отношений, между тем попытки целостного научного исследования[1] места и роли военно-политической элиты в системе политико-правовых, административных, экономических и социальных отношений Султаната мамлюков Бурджи, формирования новой политической культуры в условиях глобальной трансформации накануне Нового времени и региональных изменений, постепенно зарождавшихся в Средиземноморье и на Ближнем Востоке в позднее Средневековье, не предпринимались.

§ 2. Специфика политической борьбы и периодизация политической истории Бурджитов: степень научной разработанности проблемы.

Многочисленные исследования в области мамлюковедения, краткий обзор которых был представлен в предыдущем параграфе, выявили необходимость пересмотра сложившихся подходов к трактовке событий политической истории Султаната мамлюков. В публикациях последних лет заметен интерес к поиску новых оснований для периодизации истории мамлюков, оживилась дискуссия о названиях первого и второго этапов развития мамлюкской государственности [Van Steenbergen, 2021]. Еще Д.Айалон в статье, вышедшей в 1990 г., указал на то, что роль бахритского и бурджитского подразделений армии[2] была не столь существенна и правильнее было бы следовать чаще встречающимся в источниках наименованиям этих этапов – тюркский и черкесский [Ayalon, 1990]. Идея Д.Айалона была, в целом, поддержана сообществом мамлюковедов. По крайней мере, в авторитетной «Кембриджской истории Египта» история мамлюкской эпохи представлена в двух главах: «Султанат тюркских мамлюков» и «Султанат

[1] Публикации, которые скорее относятся к популярной или научно-популярной литературе, например [Clot, 1996; Brandes, 1996], не принимались во внимание в историографическом обзоре.

[2] О бахритском и бурджитском подразделениях мамлюкской армии см. [Зеленев, 2007, с. 128-129; Ayalon, Burdjiyya, 1986].

черкесских мамлюков» [The Cambridge…, 1998], а редакция профильного журнала «Mamlūk Studies Review» в обязательном порядке требует замены слов «бахритский» и «бурджитский», если таковые встречаются в статьях, на «тюркский» и «черкесский» соответственно.

Между тем, сам Д.Айалон неоднократно обращал внимание на то, что в арабских источниках XIII-XVI в. все мамлюкские султаны и представители мамлюкского сообщества независимо от происхождения именуются тюрками, нередко встречается формула «он был девятым (десятым и т.д.) из черкесских правителей и тридцать третьим (тридцать четвертым и т.д.) из тюркских правителей Египта» [Ayalon, 1963; Idem, 1990; Idem, Mamlūk, 1991, p. 316].[1] Это наблюдение привело к обсуждению самого названия государства, созданного военными рабами тюркского происхождения после падения династии Аййюбидов. Действительно, правомочно ли называть это государство «Султанатом мамлюков», если не все султаны, правившие им, были мамлюками в терминологическом смысле этого слова, т.е. рабами? Не является ли более адекватным название, чаще всего употребляющееся в источниках – «*Dawlat al-Atrāk*»? Однако, Д.Айалон признавал, что перевод этого словосочетания – «Государство тюрков» – не лучшая замена названию «Султанат мамлюков», прежде всего, в силу многозначности этнонима «тюрк» [Ayalon, 1990, p. 23-24].

В арабских источниках к тюркам, как полагает Д.Айалон, относили всех выходцев из степей Евразии, черкесами называли выходцев с Кавказа [Ayalon, 1963; Idem, Čerkes…, 1991, p. 24]. Расплывчатое значение этнонима «черкес» в арабских источниках мамлюкского периода,[2] как, впрочем, и то, что авторы этих источников в большинстве своем причисляли черкесов к тюркам, а о подлинном происхождении мамлюкских султанов, несмотря на наличие составленных для них генеалогий, имеются довольно скудные сведения,

[1] См. об этом также [Хотко, 1997, с. 16-19].

[2] А.А.Хасанов отмечает, что под черкесами в XIII-XIV в. подразумевали «народности, населявшие территорию восточнее Черного моря, включая бассейн р. Кубани» [Хасанов, 1973, с. 160].

делает, на наш взгляд, названия двух периодов – «тюркский» и «черкесский» не более и не менее предпочтительными, чем «бахритский» и «бурджитский», по крайней мере в переводе на русский язык, тем более, что тот и другой вариант представлен в источниках.

В отличие от этнической принадлежности эмиров, которая может быть определена весьма приблизительно, ясно различаемую границу между двумя периодами составляет окончание правления династии Калаунидов и переход к нединастийному принципу передачи власти. Именно генезис и степень устойчивости нединастийной системы престолонаследия стали основным критерием для периодизации правления султанов Бурджи, предложенной в настоящей работе. На протяжении всей своей истории мамлюки пытались найти баланс между принципами номадической военной олигархии и наследственной монархии-султаната в организации политической власти [Conermann, Es boomt!..., 2003, p. 21-22]. В бахритский период более ста лет трон принадлежал потомкам Калауна, хотя значительную часть этого периода они находились под влиянием или даже в полной зависимости от возглавлявших военно-политическую верхушку регентов и *атабеков*. При Бурджитах доминировала нединастийная система престолонаследия.

Можно ли говорить о *наследовании* власти при отсутствии *династии*? Не только первые исследователи истории средневекового и позднесредневекового Египта, но даже паломники и путешественники, побывавшие в Султанате мамлюков, с уверенностью отмечали, что трон в этом государстве, как правило, не передается по наследству.[1] Этой же точки зрения придерживался Д.Айалон, неоднократно указывавший на то, что наследственный характер власти даже при Калаунидах носил ограниченный характер. Вместе с тем, рассуждая о «черкесском» периоде мамлюкской истории, Д.Айалон подчеркнул ту важную роль, которую стали играть во

[1] См., например [Посетитель…, 1794, с. 101]. Критический обзор замечаний европейских путешественников о порядке престолонаследия в Султанате мамлюков см. [Haarmann, 2001].

властных отношениях кровные родственники султана и те, кто был связан с его семьей через брак [Ayalon, 1949; Idem, Mamluk military …, 1987].

Существует значительное количество интерпретаций и оценок принципов династийного и нединастийного характера передачи власти в различных регионах мира и на различных исторических этапах.[1] В современном мамлюковедении для исследования генезиса мамлюкской государственности продуктивно используется концепция перехода от династического государства к бюрократическому, предложенная П.Бурдье [Бурдье, 2007], а также теоретические подходы, разработанные Дж.Ф.Флетчером и Т.Дж.Барфилдом для анализа тюрко-монгольских политических традиций [Barfield, 1990; Fletcher, 1979-1980] и Дж.Уоттсом – для политической истории средневековой Европы [Watts, 2009]. Большое значение для понимания эволюции государства и государственного управления имеют концепция исламского государства Абу ал-Хасана ал-Маварди [ал-Мāвардӣ, 1989] и теория политической динамики и цикличности исторического процесса Ибн Халдуна [Ибн Х̱алдӯн, 2000-2001].

Основываясь на широком круге источников, оригинальный подход к трактовке родственных и не родственных отношений между мамлюкским султаном и его преемниками предложил П.М.Холт. В статье, опубликованной в 1975 г., он обратил внимание на соотношение элективного и династийного элементов в престолонаследии мамлюков и указал на то, что в бурджитский период мамлюкский «дом» аз-Захира Баркука (т.е. группа мамлюков, принадлежавших или примкнувших к нему) стал своеобразным дополнением к семье султана: династию, основанную на кровнородственных отношениях, заменил новый принцип наследования, который строился как на принадлежности к семье, так и на принадлежности к «дому». Выдвинув этот тезис, П.М.Холт сосредоточился на исследовании властных отношений в бахритский период и посвятил престолонаследию ранних мамлюков еще одну

[1] См., например, [Алексеев, 2016; Сердюкова, 2006; Bartlett, 2020; Hekster; 2015].

свою работу [Holt, 1975, p. 240; Idem, 1989]. Порядок перехода власти при Бахритах был также рассмотрен в трудах Р.Ирвина и А.Леванони [Irwin, The Middle East …, 1986; Levanoni, 1994]. Для настоящего диссертационного исследования важное значение имеет предложенная У.Хаарманом и разработанная Й. Ван Стинбергеном и его коллегами концепция «мамлюкизации», т.е. трансформации мамлюкских политических институтов, связанной с отказом от династийного принципа престолонаследия [Haarmann, 2001; Van Steenbergen, Wing, D'hulster, I, II, 2016]. Принципиальными представляются замечания А.Леванони о значительной роли фракционной борьбы и эмиров, занимавших пост *атабека*, в политической жизни Султаната, а также о том, что время номинального правления султанов-наследников использовалось мамлюкской верхушкой для выбора наиболее достойного кандидата на трон, а власть султана во многом зависела от поддержки избравших его эмиров и купленных им, его собственных мамлюков [Levanoni, 1994]. Х.Зиверт продолжил разрабатывать тему фракционной борьбы на материале бурджитской истории и выделил особое значение института регентства для перехода власти к следующему султану [Sievert, 2003]. К.Маудер обратил внимание на попытку ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури подготовить передачу власти собственному сыну и рассматривал ее в более широком смысле – как идею возвращения к династийному престолонаследию [Mauder, 2019]. Исследования Р.Ирвина, А.Леванони, Х.Зиверта обобщил С.Конерманн, сделавший вывод о том, что в бурджитский период сформировалась – несмотря на кажущуюся хаотичность смены султанов – устойчивая *система* перехода власти [Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 407].

С.Конерманн полагает, что окончательную форму новый принцип престолонаследия получил после казни ан-Насира Фараджа, сына первого бурджитского султана Баркука, и короткого, формального пребывания на троне халифа ал-Муста'ина в 815/1412 г. [Conermann, Es boomt!..., 2003, p. 21-22]. Действительно, формирование нединастийной системы престолонаследия проходило в период правления султанов аз-Захира Баркука и ан-Насира

Фараджа. Между тем, при ал-Му’аййде Шайхе и аз-Захире Татаре эта система еще не приобрела устойчивый характер, о чем свидетельствуют и серьезная подготовка к вступлению на трон старшего сына Шайха, и непрекращающиеся репрессии против *атабеков*, а также ряд других факторов, которые будут подробно рассмотрены в 2-й и 6-й главах настоящей работы. Если принимать во внимание не только вопрос о наследниках престола, но и ситуацию в высшем эшелоне мамлюкской военно-политической элиты, становится ясным, что устойчивый характер нединастийный принцип престолонаследия получил только после прихода к власти ал-Ашрафа Барсбая. Изучение всего комплекса факторов, под влиянием которых проходила эволюция системы престолонаследия, а также политической истории Султаната мамлюков Бурджи в целом, позволило не столько пересмотреть, сколько развить идею С.Конерманна и выделить годы правления султанов от аз-Захира Баркука до ас-Салиха Мухаммада (1382-1422) как первый период истории Бурджитов, который характеризуется *формированием и закреплением* нединастийного принципа престолонаследия.

Вопрос о периодизации истории правления Бурджитов, об особенностях борьбы за власть в условиях нединастийного престолонаследия может быть решен только на основе тщательного и последовательного изучения политической истории Султаната в обозначенный период. Важнейшие вехи этой истории нашли отражение в учебниках и трудах обзорного характера. Наиболее полное освещение в российской и зарубежной исследовательской литературе получили военные кампании мамлюков, а также различные аспекты османо-мамлюкских отношений [ал-Ашқар, 2002; Даррāдж, 1959; Духмāн, 1986; Зийāдах, 1951; Иванов, 1984; Его же, Основные черты…, 2008; Мутаваллӣ, 1995; Муҳаммад, 2007; Fitzgerald, 2017; Fuess, 2001; Muslu, 2013; Idem, 2014; Winter, 1998; Idem, 2017], что позволило нам оставить в стороне детальное описание военной и дипломатической составляющих мамлюкской внешней политики и сосредоточиться на том влиянии, которое военные

операции оказывали на состояние мамлюкской армии и военно-политическую верхушку, а также на вопросах идеологического противоборства мамлюков и османов.

Попытки дать связное описание истории бурджитских султанов делались арабскими учеными. Так, например, упомянутая выше монография ‘Абдуха Касима Касима «Эпоха мамлюкских султанов: социальная и политическая история», если судить по названию, должна содержать исследование политической истории Султаната мамлюков. Между тем, бурджитскому периоду из 390 страниц книги отведено только 20, на которых после довольно пространного вступления, посвященного истории формирования бурджитского корпуса мамлюкской армии, отмечены наиболее важные по мнению ‘Абдуха Касима Касима события конца XIV – начала XVI вв. [Ḳāсим, 1998]. Более подробной и основательной представляется монография Са‘ида ‘Абд ал-Фаттаха ‘Ашура «Аййюбиды и Мамлюки в Египте и Сирии», но и этот автор отмечает только самые заметные вехи истории Бурджитов: приход к власти Баркука, вторжение Тимура, военные кампании ал-Му’аййада Шайха, походы на Кипр и Родос, конфликт с Шахрухом (1409–1447), османо-мамлюкские войны [‘Ашӯр, 1996, с. 259-311].

Литературы, посвященной правлению отдельных султанов, тоже немного. Исключение составляют упомянутые в первом параграфе этой главы труды К.Петри об ал-Ашрафе Каитбае и Кансухе ал-Гури, а также публикации некоторых арабских историков [Ḫасан, 2000]. Исследований, в которых бы последовательно рассматривалась политическая история в период правления султанов ал-Му’аййада Шайха, аз-Захира Татара, аз-Захира Джакмака, Захира Хушкадама, аз-Захира Йалбая, аз-Захира Тамурбуги, ал-Ашрафа Кансуха Хамсуми’а, аз-Захира Кансуха, ал-Ашрафа Джанбулата и ал-‘Адила Туманбая до сих пор[1] опубликовано не было.

[1] Статьи о правлении некоторых из перечисленных султанов, были опубликованы автором диссертации [Илюшина, Борьба…, 2013; Ее же, Политический…, 2016; Ее же, Последний…, 2016; Ее же, Основные…, 2019; Ее же, 2021].

В 1961 г. вышла монография Ахмада ас-Саййида Дарраджа о султане ал-Ашрафе Барсбае, в которой была предложена трехчастная периодизация мамлюкской истории: первый этап (1250-1340) – апогей политического успеха и экономический расцвет; второй этап (1340-1422) – переходный период, формирование предпосылок для кризиса; третий этап (1422-1517) – упадок и деградация власти мамлюков [Darrag, 1961, p. 1-10]. Такой подход к периодизации мамлюкской истории не получил дальнейшего развития, а тезис о зарождении кризиса политической системы мамлюков в XIV в. и последующей ее деградации на протяжении большей части XV и начала XVI в. был опровергнут новейшими исследованиями, в которых правление бурджитских (черкесских) мамлюков рассматривается не как период упадка, а как период постепенного формирования новой политической системы, основанной на более широком вовлечении местного населения в систему управления государством и, с другой стороны, растущем участии мамлюков в сферах общественной жизни, ранее доступных только невоенным сословиям [Van Steenbergen, Wing, D'hulster, I, 2016, p. 550-555].

Важное значение для понимания стратегии ал-Ашрафа Инала, направленной на учреждение наследственного султаната, имеют работы Л.Райнфандта, в которых представлены результаты тщательного исследования вакуфных документов. Л.Райнфандт уделяет некоторое внимание политической истории в период правления Инала и его сына, а также вопросу о престолонаследии. Размышляя о свержении ал-Му'аййада Ахмада, он выдвигает тезис о том, что главной причиной падения власти этого султана-наследника было неравномерное распределение пожалований, должностей и прочих «благ» между фракциями [Reinfandt, 2002, p. 52-53]. Недовольство фракций, действительно, сыграло важную роль в судьбе Ахмада, однако, причина этого недовольства состояла, как будет показано в Главе 3, в стремлении молодого султана к единоличному правлению с опорой на членов семьи, а не на влиятельных эмиров. Именно это позволило «обделенным» эмирам привлечь на свою сторону тех, кто не испытывал недостатка в

пожалованиях, и выступить против Ахмада «единым фронтом». Л.Райнфандт замечает, что свержение Ахмада «было скорее неожиданным, чем предсказуемым» [Reinfandt, 2002, p. 62]. Такая точка зрения может показаться вполне обоснованной, если сосредоточиться на изучении отдельно взятого периода – правления ал-Ашрафа Инала и его сына. Исследование политической истории Бурджитов в целом, сопоставление и сравнение всех случаев наследственного и ненаследственного перехода власти, позволяет увидеть в престолонаследии у Бурджитов определенную систему, в которой свержение Ахмада – несмотря на его преимущественное положение по отношению к другим султанам-наследникам – представляется закономерным, более того, подтверждающим высокую степень устойчивости сложившейся системы.

На исход политической борьбы в Султанате мамлюков оказывал влияние целый ряд факторов, некоторые из которых приобретали специфическое значение в условиях нединастийного престолонаследия, среди них – семейные, родственные и псевдородственные связи в мамлюкской среде. Как упоминалось выше, о роли таких связей в системе властных отношений писали еще Д.Айалон и П.М.Холт. У.Хаарман посвятил цикл своих исследований положению потомков мамлюков – *авлад ан-нас*. Эту тему, в основном, на материале бахритского периода продолжил Д.С.Ричардс [Richards, 1998]. Роль семейных связей в формировании политической элиты при Бахритах рассматривалась также публикациях Ф.Бодена и Й. Ван Стинбергена [Bauden, 2009; Van Steenbergen, 2006; Idem, 2007]. Одной из самых ранних работ, в которых был затронут вопрос о матримониальных связях эмиров с женщинами из «дома» султана стало исследование Ахмада ‘Абд ар-Разика. Ахмад ‘Абд ар-Разик собрал большой фактический материл и сфокусировал свое исследование на роли женщины в египетском обществе,

семье, государстве.[1] Более активно женская и гендерная тематика в мамлюковедении стала развиваться в последние два десятилетия.[2] В статье, опубликованной в 2007 г., Й.Рапопорт убедительно продемонстрировал, что документы и нарративные источники содержат разнообразные сведения о женщинах мамлюкской эпохи, а анализ этого материала важен для изучения и социальной, и экономической и политической истории Султаната мамлюков [Rapoport, 2007]. Исследование семейных связей и политических последствий браков в «домах» султанов бурджитского периода формирует новый, растущий тренд в мамлюковедении XXI в. А.Бродбридж изучала кровнородственные отношения в мамлюкской среде и обратила внимание на попытку эмиров высокого ранга формировать кланы, основанные на семейных связях, для поддержки собственных интересов [Broadbridge, 2011]. Роль семейных связей в мамлюкском сообществе и их влияние на политику обсуждались в нескольких публикациях К.Йосефа, который выдвинул тезис об особом значении матримониальных связей для обеспечения преемственности в «домах» бурджитских (черкесских) султанов [Yosef, Ethnic..., 2012; Idem, Mamluks…, 2012; Idem, 2016; Idem, 2017]. Вопрос о матримониальных связях в семьях султанов и их политических последствиях был рассмотрен в статье Хибы Махмуд Саʻад ʻАбд на-Наби, которая обратила внимание на то, что мамлюкские султаны нередко брали в жены вдов своих предшественников, а выдавая замуж дочерей за влиятельных эмиров, стремились получить поддержку последних. Работа Хибы Махмуд Саʻад ʻАбд на-Наби, как и монография Ахмада ʻАбд ар-Разика содержит много фактического материала, в том числе упоминания о некоторых случаях, в которых браки эмиров с женщинами из «дома» султана способствовали продвижению этих эмиров по карьерной лестнице [ʿАбд ан-Набӣ, 2008]. В

[1] Диссертация на эту тему была защищена Ахмадом ʻАбд ар-Разиком в 1972 г. (ʿAbd al-Rāziq, A., La femme au temps des Mamlouks en Égypte. Thèse pour le doctorat d'État ès-lettres et sciences humaines, Université de Paris I, Paris, 1972), а в 1973 г. опубликована на французском языке в [ʻAbd al-Rāziq, 1973]. Авторская переработка этой книги на арабском языке впервые вышла в 1975 г. Для подготовки диссертации было использовано французское издание и более позднее арабское издание 1999 г. [ʿАбд ар-Рāзиḳ, 1999].
[2] См., например [Berkey, 2010; Frenkel, 2005; Guo, 2005; Petry, 2004].

статье К.Д'юльстера и Й. Ван Стинбергена проанализировано значение матримониальных связей для престолонаследия у Бурджитов в период с 1382 по 1467 г. [D'hulster, Van Steenbergen, 2013]. Дальнейшая разработка этой темы в настоящей диссертации позволила установить роль браков с женщинами из «дома» султана, негативные и позитивные (в политическом плане) последствия таких браков для претендентов на мамлюкский трон, а также выявить наличие связей матримониального характера между «домами» всех султанов бурджитского периода.[1]

Одним из факторов, который оказывал влияние – в некоторых случаях довольно существенное – на политическую ситуацию, особенно когда решался вопрос о переходе власти, был возраст правящих султанов, или в более широком смысле, фактор времени. Вопрос о возрасте султанов был затронут в одной из работ А.Фуэсса, опубликованной в 2001 г. [Fuess, 2001, p. 250]. Позднее А.Фуэсс вернулся к этой теме и выдвинул тезис о том, что преклонный возраст мамлюкских султанов, которые должны были пройти долгий путь, прежде чем вступить на трон, стал одной из причин крушения власти мамлюков, поскольку они, подобно «советскому Политбюро перед падением «железного занавеса»» не имели ни сил, ни энергии, чтобы осуществлять серьезные реформы [Fuess, 2019, p. 447-448]. Замечание А.Фуэсса о том, что большинство мамлюкских султанов достигало трона в преклонном возрасте, не соответствует действительности,[2] а часть приведенных им примеров не подтверждается сведениями источников,[3]

[1] За исключением аз-Захира Йалбая, особая роль которого в системе бурджитского престолонаследия будет рассмотрена в Гл. 6.

[2] Из 16 мамлюкских султанов бурджитского периода (не считая султанов-наследников) только 5 вступили на трон в возрасте 60 лет и старше. Подробнее о возрасте мамлюкских султанов см. Гл. 6 и Приложение 1.

[3] В монографии 2001 г. А.Фуэсс указал на то, что ал-Му'аййад Шайх скончался «пожилым по средневековым стандартам» [Fuess, 2001, p. 250]. Несколькими строками ниже А.Фуэсс сообщает, что османские султаны XV в. были, в целом, моложе мамлюкских, и приводит в качестве примера среди других Мехмеда II, умершего в возрасте 51 года. Ал-Му'аййад Шайх, согласно сообщениям источников, вступил на престол, когда ему было около 40, а умер через девять лет, т.е. когда ему было около 50 [Таґрӣ Бирдӣ, т. 13, с. 256]. Таким образом, ал-Му'аййад Шайх скончался приблизительно в том же возрасте, что и «молодой» Мехмед II. В публикации 2019 г. А.Фуэсс отмечает, что «султанам XVI в. было в среднем около 70 лет, когда они достигали трона» [Fuess, 2019, p. 447]. В XVI в. Султанатом мамлюков правили ал-Ашраф Джанбулат (вступил на трон, когда ему было около 40 лет), ал-'Адил Туманбай (вступил на трон, когда ему было за 40), ал-Ашраф Кансух ал-Гури (вступил на трон, когда ему было около 60) и ал-Ашраф Туманбай (вступил на трон, когда ему было

поэтому едва ли эффектное сравнение с Политбюро можно считать серьезно обоснованным. Однако, несомненная заслуга А.Фуэсса состоит в том, что он обратил внимание на вопрос о возрасте султанов. В диссертации этот вопрос рассмотрен в ином ракурсе – в точки зрения преемственности и смены поколений. Фактор времени в политической борьбе мамлюкских эмиров, о котором пойдет речь в шестой главе диссертации, ни в работах А.Фуэсса, ни в публикациях других исследователей, насколько нам известно, ранее не обсуждался.

Вопросы, связанные с реконфигурацией военно-административной элиты при Бурджитах, были поставлены еще Д.Айалоном в его обзорной работе, посвященной структуре мамлюкской армии [Ayalon, 1954, p. 67]. Серьезная база для изучения изменений в военно-административной системе, которые происходили в Султанате мамлюков на протяжении всего бурджитского периода, была заложена в трудах Мухаммада ‘Абд ал-Гани ал-Ашкара, П.Винга, Ахмада ас-Саййида Дарраджа, Д.Игараши, Б.Мартель-Туман, Р.Мортела, К.Петри, А.А.Хасанова, Мухамада Фатхи аш-Ша‘ира. Системе административного управления в Султанате мамлюков посвящена часть третьей главы диссертации А.А.Хасанова. Современный уровень развития мамлюковедения и значительное расширение доступной источниковой базы делают возможным более глубокое изучение целого ряда вопросов, затронутых А.А.Хасановым, и пересмотр некоторых выдвинутых им тезисов. В частности, разделяя население городов на пять групп (военно-феодальная аристократия, знать из коренного населения, ремесленники и мелкие торговцы, беднота, рабы), А.А.Хасанов обращает внимание на «тесный союз» мамлюков с местной знатью – «высшим духовенством» и крупными торговцами [Хасанов, Город…, 1974, с. 225-226]. В настоящей работе этот «союз» будет рассмотрен в его историческом развитии, будут изучены его

около 38 лет) [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 463, 468, т. 4, с. 5, т. 5, с. 105]. Таким образом, ни одному из мамлюкских султанов XVI в. при вступлении на трон не исполнилось 70 лет. В XV в. только два мамлюкских султана вступили на трон в возрасте 70 лет и старше (см. Приложение 1).

конкретные проявления, в том числе и в структуре мамлюкской административной системы. Тщательное исследование системы престолонаследия в Султанате Бурджитов и различных факторов, влиявших на исход политической борьбы, позволил нам также отойти от, в целом верного, но не учитывающего взаимодействия всех политических сил, несколько упрощенного и скорее отражающего статичную картину, зафиксированную в энциклопедической литературе мамлюкского периода, взгляда на административную систему, предложенного А.А.Хасановым. Монография Мухаммада ‘Абд ал-Гани ал-Ашкара носит обзорный характер и содержит список всех чиновников, занимавших пост вазира в Султанате мамлюков, снабженный краткими биографическими справками [ал-Ашқар, 2011]. В работе Мухаммада Фатхи аш-Ша‘ира собран обширный материал источников по управлению провинцией аш-Шаркийа при мамлюках [аш-Шā‘ир, 1997]. Ахмад ас-Саййид Даррадж отметил отдельные случаи перехода должностей, которые традиционно занимали «люди пера», к мамлюкским эмирам [Даррāдж, 1968]. П.Винг на примере одной из семей сирийских торговцев продемонстрировал, как общие интересы коммерческой и политической элит влияли на эволюцию системы государственного управления в Султанате мамлюков [Wing, 2020]. В статье, опубликованной в 2017 г., Д.Игараши в мельчайших деталях рассматривает работу ведомства главного *устадара (ustādār)* и обращает внимание на взаимодействие и, в некоторых случаях, пересечение двух социальных групп – «людей пера» и «людей меча» [Igarashi, 2017]. Деятельность видного чиновника бурджитского периода, представителя первой из этих групп Д.Игараши исследует в статье «*Медресе,* их шейхи и основатели…» [Igarashi, 2013]. Отдельные примеры конкурентной борьбы между фракциями бюрократов рассматривались в работах Р.Мортела [Mortel, The decline…, 1995]. К.Петри исследовал вопросы семейных, матримониальных, социальных связей в среде чиновников мамлюкской администрации [Petry, 1981]. Внимание Б.Мартель-Туман было сосредоточено на тех должностях в мамлюкской администрации, которые

традиционно занимала местная гражданская элита – «люди пера», а египтяне, служившие в тех ведомствах, которые при Бахритах находились в управлении «людей меча», но при Бурджитах стали открытыми и для чиновников-египтян, остались за пределами ее внимания. Изучение истории службы представителей местного населения в таких ведомствах, проведенное в рамках настоящего исследования, позволяет не только подтвердить основные выводы Б.Мартель-Туман и К.Петри на новом историческом материале, но и выдвинуть тезис о том, что «клановость» распространялась на все значимые должности в мамлюкской администрации, доступные для службы гражданскому населению. В целом, в научных публикациях, посвященных вопросам административного управления в Султанате мамлюков, основное внимание уделяется участию местной, гражданской элиты в работе государственных ведомств, социальной структуре чиновничества, проблемам клановости и местничества (исключение составляет упомянутая выше статья японского мамлюковеда Д.Игараши о ведомстве *устадара*). Изменения, которые происходили в ключевых ведомствах административной системы в бурджитский период, например, в *вазирате*, а также значимый для развития мамлюкского государства процесс вытеснения гражданской элиты из этого сектора административной системы Султаната, в работах российских и зарубежных исследователей до сих пор не получали комплексного и систематического освещения.

Глубокое изучение отдельных аспектов политической истории Султаната мамлюков, представленное в трудах российских и зарубежных востоковедов, делает возможным переход к решению новых исследовательских задач, в том числе к разработке периодизации истории Султаната мамлюков Бурджи и выявлению специфики форм и методов политической борьбы в условиях нединастийного престолонаследия.

§ 3. Источниковая база исследования.

Эпоха правления мамлюков в Египте и Сирии оставила богатое письменное наследие, и период правления султанов Бурджи на стал

исключением. В XV – начале XVI в. в Султанате мамлюков были созданы пространные хроники, многотомные биографические словари, подробные энциклопедии для чиновников, географические своды, а также сочинения по специальным дисциплинам – от трактатов по юриспруденции до учебников по военному делу. Источниковую базу исследования дополнили труды арабских авторов более раннего времени, которые были использованы для изучения истории становления государственных институтов, функционировавших в Султанате мамлюков, а также тексты сохранившихся документов бурджитского периода.

Документальную базу исследования составляют две качественно различные группы текстов. Первая включает в себя собственно архивные документы, вторая – копии документов, включенные в тексты нарративных источников.

Значительная часть мамлюкских архивов утрачена или, возможно, до сих пор не обнаружена. Отчасти это связано с практикой хранения документов в Султанате мамлюков, как и во многих государствах мусульманского мира в доосманский период, которая состояла в том, что документы (или их копии) лишь частично архивировались централизовано. Документы сохранялась у их владельцев – в семейных, личных архивах, архивах отдельных религиозных или образовательных учреждений, провинциальных ведомств, в архивах немусульманских общин и т.п. [Hirschler, 2016; Loiseau, 2009; Petry, A Geniza…, 1998, p. 52]. В настоящее время документами мамлюкского периода располагают несколько хранилищ как на территории Египта, так и за его пределами.

Национальный архив в Каире был основан в 1954 г. До второй половины 60-х годов XX века было найдено только 39 вакуфных документов мамлюкского периода, затем документальная база архива расширилась и в каталог, опубликованный в 1981 г., вошло уже более 500 документов, в основном регулирующих имущественные отношения [Фихрист…, 1981]. Важную часть источниковой базы диссертации составили опубликованные

документы, отражающие деятельность различных ведомств мамлюкской административной системы.[1]

До сих пор полностью не каталогизированы материалы Архива Коптской патриархии в Каире. В 2018 г. здесь были обнаружены неизвестные ранее документы XV в., и не исключено, что дальнейшие поиски могут принести новые открытия [Джирджис, 2019]. Основное содержание доступных документов Архива Коптской патриархии не имеет непосредственного отношения к теме диссертации, тем не менее, упомянутые в них имена и должности эмиров и чиновников проливают свет на особенности функционирования военно-административной системы в Египте.

В монастыре Св. Екатерины на Синае имеется довольно большой архив документов мамлюкского периода, оцифрованные копии которых стали доступны в недавнее время.[2] Значительную часть этих документов составляют грамоты, написанные от имени султана и подтверждающие права и гарантии безопасности, которыми пользовался монастырь. Второй раздел коллекции – *фетвы* о различных привилегиях монастыря и его обитателей. Архив располагает также многочисленными документами, так или иначе касающимися собственности монастыря [Atiya, 1955; Richards, 1985]. К теме диссертационного исследования ближе всего документы, которые регулируют отношения монастыря с племенами бедуинов.[3] Большая часть этих документов мамлюкского периода, датируется началом XVI в. и фиксирует случаи нападения бедуинов, что подтверждает свидетельства нарративных источников об ослаблении центральной власти в Султанате накануне османского завоевания. Некоторые из этих документов были изданы и переведены [Ernst, 1960; Moritz, 1918; Richards, 2011]. Наряду с

[1] См., например, [Richards, 1977].
[2] Архивные документы, а также рукописные материалы доступны на сайте Библиотеки Конгресса США (https://www.loc.gov/collections/manuscripts-in-st-catherines-monastery-mount-sinai/) и Цифровой библиотеки рукописей Синая (https://sinaimanuscripts.library.ucla.edu/about).
[3] Подробное описание см. [Richards, 2001].

опубликованными в работе были использованы оцифрованные копии неизданных документов [Scroll 24. Arabic Firmans 186; Scroll 25. Arabic Firmans 187; Scroll 26. Arabic Firmans 188].

Документы мамлюкского периода сохранила Каирская гениза, однако подавляющее их большинство датируется XI-XIII вв. и выходит за хронологические рамки исследования [Goitein, 1960, p. 91]. Только около 40 документов Генизы, доступных в настоящее время в цифровой коллекции Кембриджского университета, где сосредоточена большая часть собрания еврейских рукописей и документов, относится, предположительно, к бурджитскому периоду правления мамлюкских султанов, хотя около половины этих манускриптов имеют лишь приблизительную датировку (XV-XVI в.).[1] Ряд документов Каирской генизы, касающихся положения иудеев в Султанате мамлюков, был исследован и опубликован М.М.ал-Ваккад [ал-Ваккāд, 1999]. Еще около 60 документов (почти все – из коллекции А.С.Фирковича), датирующиеся временем правления бурджитских султанов, находятся в коллекции Российской национальной библиотеки [Лебедев, 1978, с. 24-43]. В основном это купчие, договоры об аренде, документы об уплате долга и т.д., которые могут пролить свет на историю еврейских общин Султаната мамлюков, но не имеют непосредственного отношения к теме диссертации.

Еще около 900 документов мамлюкского периода сохранилось в Иерусалиме, в Исламском музее на Храмовой горе (комплекс *ал-Харам аш-Шариф*). Основу этой коллекции составляют документы имущественного характера, причем наиболее значительная их часть датируется последним десятилетием XIV в. [Little, 1984; Lutfi, 1985, p. 10; Northrup, Abul-Hajj, 1978]. Ближе к теме диссертационного исследования документы, имеющие отношение к системе провинциального управления в Султанате мамлюков. Они были изучены Х.Лутфи, которая в 1983 г. защитила диссертацию, а в

[1] Cairo Geniza // Cambridge Digital Library https://cudl.lib.cam.ac.uk/collections/genizah/1

1985 г. опубликовала монографию, базирующуюся на материалах *ал-Харам аш-Шариф*, с отдельной главой, посвященной вопросам организации административного управления и деятельности судов в Иерусалиме в мамлюкский период [Lutfi, 1983; Eadem, 1985]. Чуть раньше вышла книга Йусуфа Дарвиша Гаванимы «История иерусалимского наместничества в мамлюкскую эпоху», в которой использованы и опубликованы некоторые документы *ал-Харам аш-Шариф* [Ґавāнима, Таʾрӣх нийāбат…, 1982]. Часть документов из *ал-Харам ал-Шариф* была опубликована Д.Ричардсом [Richards, 1987; Idem, A Mamlūk..., 1991; Idem, The Qasāma…,1991].

Несколько десятков документов, касающиеся торговых и дипломатических связей Султаната мамлюков с Венецией, Генуей, Флоренцией, сохранились в Италии, большая их часть опубликована [Amari, 1863; Bauden, 2008; Christ, 2012; Pedani, 2002; Rizzo, 2019; Wansbrough, 1961; Idem, 1963; Idem, 1965; Idem, 1971]. Тексты ряда документов, касающихся османо-мамлюкских отношений, были изданы Ахмадом Фуадом Мутавалли [Мутаваллӣ, 1995].

Наиболее изученным видом архивных документов периода правления мамлюков в Египте и Сирии являются вакуфные договоры, или свидетельства. Для подготовки диссертации были использованы опубликованные вакуфные свидетельства, в том числе содержащие ценную информацию о механизме различных сделок, касающихся вакуфной собственности, которые позволяли пополнять казну эмиров и султанов, а также о развитии системы религиозного образования и поддержке суфизма со стороны военной элиты в государстве мамлюков [Амӣн, 1975; Fernandes, 1981; Haarmann, 1980; Richards, 1985].

К числу неопубликованных и ранее не исследованных вакуфных документов мамлюкской эпохи, использованных для работы над диссертацией, относится *вакфийа* аз-Захира Кансуха, датирующаяся 908/1502 г. и хранящаяся в настоящее время в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Документальные свидетельства, касающиеся

деятельности аз-Захира Кансуха, в отличие от других султанов, например ал-Ашрафа Инала или ал-Ашрафа Каснуха ал-Гури, вакуфные документы которых насчитываются десятками и хорошо известны мамлюковедам, до сих пор не были введены в научный оборот. Особенно примечательно то, что *вакфийа* аз-Захира Кансуха была составлена уже после того, как этот султан с довольно необычной даже для Бурджитов судьбой был вынужден покинуть трон. Уникальный документ содержит подробное описание объектов, которые передавались в *вакф*, а также, что еще более важно для диссертационного исследования, перечень лиц, которые должны были получать регулярные выплаты согласно *вакфийе* [Документ…].

Помимо подлинных документальных свидетельств мамлюкской эпохи сохранилось значительное количество копий, шаблонов, авторских редакций, проектов или черновых версий документов, которые помещали в тексты своих сочинений авторы энциклопедий[1] и специальных сборников, составленных секретарями и чиновниками, служившими в различных административных ведомствах. Специфика работы бюрократического аппарата в Султанате мамлюков, связанная с архивированием, состояла в том, что чиновнику, ответственному за окончательную редакцию документа, настоятельно рекомендовалось сохранять черновик-проект в качестве свидетельства того, что финальная версия в полной мере соответствует указаниям, которые получил этот чиновник, особенно в тех случаях, когда его могли заподозрить в предвзятом отношении к делу, личной заинтересованности в том или ином решении вопроса [ал-Ḳалḳашандӣ, 1913-1922, т. 6, с. 197-198]. Практика сохранения черновиков привела к формированию личных архивов отдельных чиновников-секретарей [Hirschler, 2016, p. 17]. Некоторые из этих чиновников использовали свои архивы для составления целых сборников писем и документов. Таким образом, в распоряжении исследователей оказывается значительный пласт

[1] Подробнее об энциклопедиях мамлюкского периода см. ниже.

текстов, которые содержат копии документов из утраченных архивных коллекций. Основная проблема в их использовании состоит в том, что установить, насколько точно эти тексты соответствуют подлиннику – итоговой версии документа, как, в принципе, и само существование этого подлинника весьма затруднительно. Тем не менее, тщательный источниковедческий анализ, а также сравнение там, где это возможно, нескольких версий одного и того же документа, позволяет с достаточной степенью уверенности судить об основном содержании утраченного подлинника.

Большая часть антологий, сборников писем и документов, составленных чиновниками, известна по рукописям, в том числе анонимным, некоторые опубликованы. К числу последних относится «Пьянящий напиток искусства стиля»[1] (*Qahwat al-inshāʾ*) Ибн Хиджжи ал-Хамави (ум. в 1434 г.), автора прозаических и поэтических произведений и знатока литературы. Ибн Хиджжа, уроженец города Хамы, переехал в Каир после прихода к власти султана ал-Му'аййада Шайха. Дело в том, что Шайх, еще будучи эмиром, несколько лет провел в Сирии, в 1402 г. был назначен наместником Дамаска и знал об Ибн Хиджже и его виртуозном владении искусством стиля от одного из своих секретарей. В 1412 г. Ибн Хиджжа получил место в столичной канцелярии и служил там до 1424 г., органично слившись с той прослойкой бюрократической элиты, каждый член которой почитал своим долгом быть не только *катибом* (чиновником), но и *адибом* (всесторонне образованным литератором) [Radtke, 2007, s. 267; Veselý, 1994, s. 137-138]. В сочинение Ибн Хиджжи вошло более ста документов и писем, относящихся к раннему этапу правления султанов-Бурджитов. В отличие от специальных руководств для чиновников, таких, например, как «Драгоценные камни ожерелья и помощник судьям, писцам и свидетелям» (*Jawāhir al-ʻuqūd wa-muʻīn al-quḍāh wa-al-*

[1] Такой перевод названия предложен издателем этого сочинения чешским профессором Р.Веселы, признанным знатоком арабской словесности и одним из ведущих специалистов по дипломатической переписке мамлюкского периода [Ибн Ҳиджжа, Китāб…, 2005]. Подробное описание "*Qahwat al-inshāʾ*" см. [Veselý, 1994].

muwaqqi'īn wa-al-shuhūd) Шамс ад-Дина ал-Асйути (ум. в 1475?1485 г.), в которых даны только готовые шаблоны без указания имен и дат [ал-Асйӯṭӣ, 2011], Ибн Хиджжа включил в «Пьянящий напиток…» полные тексты писем и документов, составленных им самим для канцелярии султана [Ибн Ḫиджжа, Китāб…, 2005].[1]

К числу малоизученных[2] источников по истории Султаната мамлюков относится «Сияние для наблюдающих и отрада для редких» (*Zuhrat*[3] *al-nāẓirīn wa nuzhat al-nādirīn)* – анонимный сборник писем и документов XIV в., хранящийся в настоящее время в лейденской коллекции рукописей [Зухрат…]. Профессор Р.Веселы выдвигает весьма убедительное предположение о том, что сборник составлен канцелярским служащим и представляет собой выдержки из архива в Конье. На наш взгляд, не исключен и другой вариант: автор сборника – один из мамлюкских чиновников, имевший доступ к официальной переписке. Возможно, ему предстояло составлять проекты посланий к тюркским правителям Малой Азии, и он сделал для себя выписки из уже имеющихся текстов, чтобы иметь необходимые образцы и общее представление об истории переписки с эмирами этого региона. Как справедливо отмечает профессор Р.Веселы, о времени завершения работы над рукописью можно сказать немногое [Veselý, 2000, p. 44], [4] тем не менее, датировка самих писем, которая растягивается

---

[1] Еще одна антология Ибн Хиджжи – «Плоды листов» (*Thamarāt al-awrāq*) содержит, наряду с другими сочинениями, его собственные эссе о поездке в Анатолию, которую он совершил в составе свиты султана ал-Му'аййада Шайха летом 1417 г., и о путешествии в Сирию в 1389 г. с подробным описанием положения в Дамаске, пострадавшем от столкновения мятежников с отрядами султана [Ибн Ḫиджжа, Ṣамарāт…, 2005; Frenkel, 2017, p. 276; Van Gelder, 1998].

[2] Первым обратил внимание на этот сборник Р.Веселы [Veselý, 2000], на его статью ссылается в своей работе, посвященной другому источнику по истории дипломатических контактов Султаната мамлюков со странами мусульманского мира, Ф.Боден [Bauden, 2007].

[3] Первое слово в названии рукописи профессор Р.Веселы читает как *zumrat*. Действительно, вторая буква этого слова гораздо больше похожа на *mim*, чем на *ha*. Тем не менее, мы согласимся с вариантом, предложенным проф. Я.Й.Виткамом в составленном им каталоге [Witkam, 2007, p. 25]. Во-первых, в слове *nuzhat*, следующем далее в названии, *ha* практически идентична со спорной буквой первого слова. Во-вторых, *zumrat* означает «группа людей», что делает перевод названия рукописи не совсем ясным и логичным: *«Группа наблюдающих и отрада для редких».* Слово *zuhrat* имеет значение «сияющая белизна», «красота» и вполне соответствует общему смыслу, который, вероятно, имеет название сборника: «*Сияние для наблюдающих и отрада для редких»* [Iliushina, 2015].

[4] С уверенностью можно назвать только одну дату – 921/1515 г., которым обозначена самая ранняя владельческая запись [Veselý, 2000, p. 44].

почти на сто лет, но завершается периодом правления аз-Захира Баркука, позволяет предположить, что сборник был составлен на рубеже XIV-XV вв. Во-первых, наиболее полно и последовательно в сборнике представлена переписка мамлюков с караманидами именно в период правления Баркука. Во-вторых, если бы автор рукописи, по тем или иным причинам интересующийся перепиской мамлюков с тюркскими эмирами Малой Азии, составлял свой сборник позднее, он, вероятно, включил бы в него письма и более позднего периода. Первая часть книги содержит тексты посланий, которые относятся к периоду правления султана ан-Насира Мухаммада (1294-1295; 1299-1309; 1309-1340) и его наследников. Для диссертационного исследования использована вторая часть книги, основное содержание которой составляют копии четырнадцати писем, отправленных от имени мамлюкских султанов аз-Захира Баркука и ал-Мансура ‘Абд ал-‘Азиза правителю Карамана ‘Ала ад-Дину ‘Али (1381-1397/1398[1]). Послания дают представление о развитии отношений между мамлюками и караманидами в сложный и очень динамичный период, связанный с началом постепенного продвижения османов к границам мамлюкской Сирии, о том, как формировались и изменялись идеологические доминанты внешней политики мамлюков.

Еще один анонимный сборник образцов дипломатической корреспонденции был составлен, вероятно, в период правления султана ал-Ашрафа Каитбая, во всяком случае, не ранее 873/1468 г., одним из служащих султанской канцелярии, который делал копии непосредственно с документов. Рукопись хранится в настоящее время в Национальной библиотеке Франции в Париже [[Choix de lettres…]].[2]

---

[1] Здесь обозначен год гибели ‘Ала ад-Дина. 1390-1402 годы иногда выделяют как период османской оккупации [Босворт, 1971, с. 183-184]. Действительно, в 1390 г. Баязид (1389-1402) нанес поражение ‘Ала ад-Дину в битве при Акчае и захватил владения караманидов. Тем не менее, в 1391 г. между османами и караманидами было достигнуто соглашение о границе. Позднее ‘Ала ад-Дин продолжал вести вполне независимую, более того, враждебную по отношению к османам политику, совершил нападение на Анкару, был снова разбит Баязидом и погиб в 1397/1398 г. [Sümer, 1997, p. 623].

[2] Описание рукописи представлено в статьях [Bauden, 2007; Dekkiche, 2013; Eadem, 2016].

Значительный интерес для изучения истории Султаната мамлюков представляют письма и документы периода правления мамлюкских султанов ал-Му’аййада Шайха, аз-Захира Татара и ал-Ашрафа Барсбая, включенные в сочинение Бадр-ад-Дина ад-Дамамини (ум. в 1425 г.) «Закатное солнце [освещающее] восхитительное место танца [калама]» (*Shams al-maghrib fi al-marqas al-mutrib*). Листы 2 v – 6 r содержат послание, написанное от имени султана аль-Му’аййада Шайха, его наместнику в Египте. Текст представляет собой подробное описание похода в Малую Азию и взятия Тарсуса в 1414 г. Листы 17 r - 18 r занимает указ о запрете принимать на службу в администрацию султана христиан и иудеев, листы 43 r – 44 r – письмо султана аз-Захира Татара правителю Йемена о безопасном передвижении судов, листы 50 v – 53 v – текст договора (*al-ʿahd*), составленного от имени халифа ал-Му‘тадида (1414-1441), согласно которому права на султанат передаются ал-Ашрафу Барсбаю [ад-Дамāмӣнӣ].

Как упоминалось выше, копии и шаблоны документов мамлюкского периода сохранились в сочинениях энциклопедического характера, которые вместе со трактатами, посвященными различным вопросам государственного управления, составляют следующую группу источников, использованных для подготовки диссертации.

Характерной чертой египетской литературы мамлюкского периода было активное развитие жанра энциклопедий, в которых обобщались и суммировались материалы по различным областям знания. Египетский энциклопедизм представлялся действенным средством передачи того главного и ценного, что следовало сохранить и передать будущим поколениям; ученые видели свою задачу в том, чтобы упорядочить, систематизировать и реконструировать опыт прошлого [Блашэр, 1978, с. 78, 82; Muhanna, 2018, p. 5-13]. Потребность передать и закрепить в памяти ценности, созданные во времена культурного и научного расцвета, диктовалась самой жизнью: «…важно было дать чиновникам-катибам

необходимое пособие, без которого трудно было сохранять на должном уровне государственное делопроизводство» [Фильштинский, 1991, с. 466].

Многотомное сочинение литератора и историка Ахмада б. ‘Абд ал-Ваххаба ан-Нувайри (ум. в 1332 г.) «Предел желаний…» (*Nihāyat al-arab fī funūn al-adab*) содержит подробное описание всего, что должен знать и уметь чиновник мамлюкской администрации, а также обзор деятельности налогового ведомства. Помимо сведений, почерпнутых из сочинений предшественников, ан-Нувайри пополнил свой труд оригинальным материалом, полученным благодаря службе в мамлюкском административном аппарате [Крачковский, 2004, с. 402–403; ан-Нувайрī, 2004; Humphreys, 2009, p. 174; Little, 1998, p. 430; Muhanna, 2016, p. xviii-xx; Northrup, 1998, p. 46–47]. Несмотря на то, что энциклопедия ан-Нувайри относится к бахритскому, а не к бурджитскому периоду истории мамлюков, для настоящего исследования она представляет существенный интерес, поскольку содержит информацию о государственно-административной системе, на основе которой получили дальнейшее развитие мамлюкские политические институты в XIV-XVI вв.

Шихаб ад-Дин ал-Калкашанди (ум. в 1418 г.) после обучения в ал-Азхаре служил в государственной канцелярии и собрал все сведения, необходимые чиновнику мамлюкского государства, в огромной энциклопедии, назвав ее «Заря для подслеповатого в искусстве писания» (*Ṣubḥ al-aʿshā fī ṣināʿat al-inshā*). В этой книге есть сведения общего историко-географического характера, но большая часть энциклопедии посвящена вопросам делопроизводства с детальным описанием того, как следует составлять различного рода документы, указы, дипломатические послания, договоры, свидетельства и т.п. Второй том содержит пространные описания египетских провинций, отдельная часть посвящена Каиру, а также городам Дельты. Ал-Калкашанди подчеркивает доминирующую позицию мамлюков в бассейне Красного моря и укрепление их влияния в Хиджазе. В третьем томе представлена вся мамлюкская административная иерархия с подробными сведениями о титулах и должностях, о государственном устройстве, структуре

войска и административной системе Султаната мамлюков. Пять из четырнадцати томов сочинения ал-Калкашанди заполнены датированными образцами официальной корреспонденции. В целом, в сочинении ал-Калкашанди представлена статическая, «нормализованная» картина мамлюкской бюрократической системы, в значительной степени отражающая структуру бахритской администрации [Блашэр, 1978, с. 88; Закиров, 1966, с. 118; ал-Ḳалḳашандӣ, 1913-1922; Саʿад, 1988, с. 9-10; Тизенгаузен, 1884, с. 407–408; Фильштинский, 1991, с. 468–470; Humphreys, 2009, p. 175; Little, 1997, p. 7]. Реальное положение дел в бурджитский период далеко не всегда соответствовало тому, что зафиксировал в своем фундаментальном труде ал-Калкашанди. Тем не менее, «Заря…» представляет собой исключительно важный и информативный источник, позволяющий получить представление о мамлюкской военно-административной системе в том виде, в котором ее унаследовали бурджитские султаны от своих предшественников.

Сжатое описание государственного устройства Султаната мамлюков Бурджи содержит сочинение Халила б. Шахина аз-Захири (ум. в 1468 г.) «Сливки “Исследования государств и разъяснения путей и дорог”» (*Zubdat ʻKashf al-Mamālik wa-bayān al-ṭuruq wa-l-masālik’*) – авторское сокращение пространного труда «Исследование государств…», состоявшего «… из двух огромных томов, сорока глав, а всего было шестьдесят тетрадей (*куррасов)*» [аẓ-Ẓāхирӣ, 1894, с. 4]. Несмотря на то, что аз-Захири сам был выходцем из семьи мамлюкского эмира и даже приходился свояком одному из бурджитских султанов, занимал ряд ответственных должностей в мамлюкской администрации,[1] имел звание *эмира сотни* и, очевидно, был хорошо знаком с системой соподчинения военных и гражданских ведомств,

[1] Халил б. Шахин аз-Захири родился в Иерусалиме, в возрасте пятнадцати лет переехал с отцом в Каир, служил в ведомстве *давадара* («хранителя султанской чернильницы»), при посредничестве мужа своей сестры вошел в число мамлюков султана ал-Ашрафа Барсбая, в 1433 г. получил наместничество в Александрии. Затем он женился на сестре супруги Барсбая. После этого аз-Захири пригласили в столицу, он получил титул *эмира сорока*. В 1437 г. он сопровождал караван паломников в качестве *эмира махмала*, позже аз-Захири стал наместником в Караке. После смерти ал-Ашрафа Барсбая его перевели в Малатью, затем в Алеппо, по жалобе тамошнего наместника аз-Захири посадили в тюрьму. После освобождения он служил в Иерусалиме и в Дамаске, дважды возглавлял караван сирийских паломников [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 151, 432, 440].

представленная в его трактате иерархия отражала, вероятно, существовавшее, по крайней мере, в первой половине XV в. традиционное, во многом унаследованное от предшествующего периода, представление о статусе эмиров и чиновников, но не являлась догмой или неизменным правилом, которому следовали мамлюки в течение всего периода правления бурджитских султанов. Вместе с тем, аз-Захири показал цельную картину государственного устройства современного ему Султаната Бурджитов, дающую ясные ориентиры исследователю, погрузившемуся в море мамлюкского исторического нарратива.

К середине XV в. относится создание трактата о базовых принципах работы бюрократического аппарата Мухаммадом ал-Асади, одним из чиновников, служившим в различных ведомствах Египта и Сирии. Ал-Асади рассуждает о широком спектре проблем социально-экономического характера в Султанате мамлюков, в том числе о взяточничестве и вымогательстве [ал-Асадӣ, 1968]. Материалы трактата, своего рода «взгляд изнутри», подкрепленные информацией, которая содержится в трудах «сторонних наблюдателей» – историков мамлюкского периода, позволяют сделать вывод о значительной степени достоверности сведений, если не о размере взяток, то о размахе, который приобрела коррупция в бурджитский период и в Египте, и в Сирии.

В 905/1499 г. закончил работу над трактатом о правовых проблемах, связанных с *вакфами*, Ибрахим ат-Тарабулуси (ум. в 1516 г.) [аṭ-Ṭарāбулусӣ, 2015]. Трактат представляет интерес для исследования вопроса о том, какие сделки с вакуфным имуществом считались законными с точки зрения мусульманских правоведов второй половины XV в. Сделки с вакуфным имуществом имели непосредственное отношение к разрушению фонда *икта‘,* которое, в свою очередь, создавало предпосылки для реформирования административной системы и стало одной из причин постепенного ослабления мамлюкской армии и мамлюкского государства в целом.

Свои взгляды на работу административных и военных ведомств, как и на мамлюкское государственное устройство в целом, представил в нескольких трактатах Мухибб ад-Дин Мухаммад б. Халил Абу Хамид ал-Кудси (ум. в 1483 г.), известный также как ал-Макдиси и Ибн Захира. В своих ранних работах ал-Кудси сетует на падение нравов, противопоставляет обездоленных *улемов* эмирам, которые вместо того, чтобы защищать закон и порядок, тратят собранные с населения деньги на роскошные одеяния, седла, сбрую, позолоченные чернильницы, красивых молодых рабов и юных наложниц; эмиры учреждают *вакфы* – изымая имущество подданных – не в благочестивых целях, а ради земной славы; мамлюк низшего ранга имеет больший доход, чем самый уважаемый мусульманский ученый. Конечно, признает ал-Кудси, султан не может все свое время тратить на то, чтобы вершить суд и устранять нарушения, допущенные его эмирами, но реформы, тем не менее, необходимы, например, должность пажа-виночерпия или слуги-хранителя тазика для умывания следует упразднить. В период правления султана ал-Ашрафа Каитбая ал-Кудси кардинально меняет свою позицию. В сочинении, красноречиво названном «Великолепные благородные страны ислама и упоминание о том, что стало мне ясно из скрытой Божьей мудрости относительно привлечения турков в Египет» (*Duwal al-Islām al-sharīfa al-bahīyah wa-dhikr mā ẓahara lī min ḥikam Allāh al-khafīyah fī ṭāʾifat al-Atrāk ilā al-Diyār al-Miṣrīyah*) и посвященном высокопоставленному мамлюкскому офицеру и чиновнику Йашбеку мин Махди (ум. в 1480 г.), он кратко освещает историю Султаната мамлюков до 1476 г. и утверждает, что мамлюки защищают мусульман, обеспечивают Египту процветание и мир и потому по праву пользуются благами этой страны. Если они и позволяют себе насилие по отношению к своим подданным, будь то даже *улемы*, то последние заслужили это за свои преступления и коррупцию. Пафос этого сочинения выражен в немногих словах, на которые обратил внимание У.Хаарман: «Лучше тирания турка, чем справедливость араба» [Haarmann, Rather…, 1988, p. 63-73]. Такой решительный поворот «спиной к коллегам» скорее связан, как

полагают исследователи, с характером и судьбой самого ал-Кудси, который прослыл тугодумом и нередко вызвал насмешки своей надоедливой суетой и наивной верой в собственные таланты. Возможно, осознав однажды, что не только враги, но и те, кого он считал друзьями, относятся к нему с презрением, ал-Кудси с ненавистью набросился на людей своего круга – *улемов*. Несмотря на неустойчивость взглядов ал-Кудси, критическое изучение его трудов позволяет получить материал для исследования различных аспектов деятельности мамлюков Бурджи и их взаимоотношений с мусульманскими богословами Египта [ал-Ḳудсӣ, 1997; Sievert, 2003, s. 12-14].

В энциклопедиях и других сочинениях, специально посвященных административному устройству и структуре власти, содержатся подробные, хорошо упорядоченные сведения о системе государственного управления в Султанате мамлюков. Тем не менее, для диссертационного исследования большее значение имели исторические хроники и биографические словари, поскольку их материал позволяет увидеть не статичную, нормализованную картину, а то, как «идеальная» система, представленная в учебнике или справочнике для чиновника, выглядела на практике, как в действительности взаимодействовали те или другие ведомства, какие изменения происходили в государственном управлении и структуре властной элиты Султаната на протяжении всего бурджитского периода.

Основными источниками для подготовки диссертации стали труды ал-Макризи, Ибн Хаджара (ум. в 1449 г.), Ибн Тагри Бирди, ал-Бика‘и (ум. в 1480 г.), ас-Сахави, ал-Малати (ум. в 1514 г.), Ибн Ийаса, а также ряда других авторов, оставивших подробные и последовательные описания событий бурджитского периода[1] мамлюкской истории.

---

[1] Для подготовки диссертации были также использованы (в основном, для написания первого параграфа второй главы, который носит преимущественно обзорный характер), исторические сочинения бахритского периода. Это хорошо известная «Краткая история…» (*al-Mukhtaṣar fī akhbār al-bashar*) Абу ал-Фидаʾ (ум. в 1331 г.), охватывающая огромный период времени – от появления первого человека до событий 1329 г., сочинение Байбарса ал-Мансури (ум. в 1325 г.) «Сливки мысли по истории хиджры» (*Zubdat al-fikrah fī tārīkh al-Hijrah*), содержащее подробное описание правления мамлюкских султанов от ал-Музаффара Кутуза (1259-1260) до ал-Мансура Ладжина (1297-1299), и «История ислама…» (*Tārīkh al-Islām wa-wafayāt al-mashāhīr wa-al-aʿlām*) аз-Захаби, в которой существенную ценность представляет биографический материал [Абӯ ал-Фидāʾ, 1907; аз̱-З̱ахабӣ, 1989-2004; ал-Манҫӯрӣ, 1998].

Особое место в исторической литературе мамлюкского периода занимает «Книга назиданий…» (*Kitāb al-ʿIbar wa-dīwān al-mubtadaʾ wa-al-khabar fī ayyām al-ʿArab wa-al-ʿAjam wa-al-Barbar wa-man ʿāṣarahum min dhawī al-Sulṭān al-Akbar*) выдающегося арабского ученого, историка и философа Ибн Халдуна (ум. в 1406 г.). Уроженец Туниса, Ибн Халдун в 1382 г. перебрался в Египет, активно участвовал в политической и научной жизни Султаната мамлюков, был советником аз-Захира Баркука, занимал должность главного маликитского *кади* и возглавлял *медресе* ал-Камхийа в Каире. На основе новых наблюдений и материалов Ибн Халдун значительно пополнил и переработал свой исторический труд, который начал писать еще в Магрибе в 1375 г. Работа над «Книгой назиданий…» была завершена в 1396 г. В Египте Ибн Халдун написал автобиографию (*al-Taʿrīf bi-Ibn Khaldūn wa-riḥlatih gharban wa-sharqan*), которая стала заключительной частью «Книги назиданий…»[1] и представляет немалую ценность как исторический источник [Бациева, 1965, с. 52–64; Ее же, 1971; Ибн Х̣алдӯн, 2000-2001; Иванов, «Китаб…»…, 2008, с. 65–77; Кузнецов, 2010, с. 132-138; Wijntjes, 2010, p. 383-385].

Одним из самых внимательных учеников и постоянных слушателей Ибн Халдуна был Таки ад-Дин ал-Макризи, ставший впоследствии крупнейшим представителем жанра энциклопедий *хитат* (*khiṭaṭ*). Ал-Макризи родился в Каире, его дед был известным *мухаддисом* в Баальбеке, а отец перебрался в египетскую столицу, служил в судебном ведомстве и в султанской канцелярии. Таки ад-Дин ал-Макризи получил традиционное образование, придерживался шафиʻитского толка мусульманского права, так же как и отец, которого он потерял в раннем детстве, служил в судебном ведомстве, преподавал, занимал ряд должностей в мамлюкской администрации, в том

[1] Уже после завершения работы над «Книгой назиданий…» Ибн Халдун дополнил автобиографию новыми главами [Кузнецов, 2010, с. 30-31]. В издание, использованное в работе, вошел полный текст автобиографии.

числе с 1399 г. – должность *мухтасиба*[1] в Каире, в 1408 г. был переведен в Дамаск, где проработал около десяти лет, в 1430 г. совершил *хаджж* и некоторое время провел в Хиджазе [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 15, с. 225-226; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 2, с. 21-25; Bauden, 2014].

Главный свой труд – «*ал-Хитат*» – «Книгу поучений и назидания, [содержащихся] в рассказе о кварталах и памятниках» (*Kitāb al-mawāʿiẓ wa-al-iʿtibār fī dhikr al-khiṭaṭ wa-al-āthār*) ал-Макризи писал более двадцати лет; работа была закончена в 1436 г. Детально и тщательно выстроен рассказ о Каире: стены египетской столицы, ворота, дворцы, диваны и хранилища Цитадели, мечети и *медресе*, районы, кварталы, улицы, площади, дома, бани, рынки, постоялые дворы, гостиницы, сады, водоемы, плотины, мосты, нильские острова в черте города, тюрьмы, кладбища – ничто не ускользает от внимания ал-Макризи. Особый интерес представляют сведения об административной системе, городской жизни, структуре власти и армии в Султанате мамлюков, последняя часть книги посвящена истории иудеев и коптов в Египте [ʿАṭā, 1997, с. 7-8; Крачковский, 2004, с. 465–474; ал-Маḳрӣзӣ, 1998].

Центральное место среди исторических трудов ал-Макризи занимают «Пути познания правящих династий» (*Al-Sulūk li-maʿrifa duwal al-mulūk*) – история Египта периода правления Аййюбидов и мамлюков. Повествование заканчивается описанием событий, имевших место за год до смерти ал-Макризи [ал-Маḳрӣзӣ, 1997; Семенова, 1966, с. 15]. Этот труд стал первой мамлюкской хроникой, полностью переведенной на европейский язык[2], и до сих пор остается одним из важнейших источников по истории Египта XII–XV вв.

Известно еще более трех десятков сочинений ал-Макризи. Биографический словарь «Жемчужины ожерелий…» (*Durar al-ʿuqūd al-*

---

[1] *Мухтасиб* – должностное лицо, осуществлявшее контроль за торгово-ремесленной деятельностью и поведением людей в общественных местах [Большаков, Муҳтасиб, 1991]. Подробнее о должности *мухтасиба* в мамлюкский период см. ниже.

[2] Quatremere M.E. Histoire des sultans mamlouks de LEgypte, Paris, 1837-1845.

farīdah fī tarājim al-ʾaʿyān al-mufīdah) посвящен выдающимся современникам ал-Макризи, жившим в Египте, Сирии, Хиджазе – представителям политической элиты, богословам и знатокам мусульманского права, чиновникам и судьям. Нашлось в этом сочинении место и для жизнеописаний ремесленников, торговцев, феллахов, а наряду с *улемами* упоминаются женщины, достигшие высот в постижении *знания – ʻалимат*. «Жемчужины…» дополняют историческое повествование «Путей…» живыми и яркими образами, раскрывают детали, позволяющие глубже понять суть и причины событий, зафиксированных в хронике [ал-ʻАйдӣ, 2017, с. 118, ал-Маḳрӣзӣ, 2002; Drory, 2013, p. 393]. Истории природных катастроф и голода в Египте с древнейших времен до 1405 г. посвящена «Книга об истощении народа в связи с бедствиями» (*Ighāthat al-ummah bi-kashf al-ghummah*). Ал-Макризи рассуждает о причинах, которые приводят к повышению цен на продукты, и, в первую очередь, упоминает среди них взяточничество и «продажу» должностей в административном аппарате [ал-Маḳрӣзӣ, 2007].

Современником ал-Макризи, а иногда его соперником и конкурентом по службе в административном аппарате,[1] был Бадр ад-Дин ал-ʻАйни (ум. в 1451 г.). Ал-ʻАйни родился в городе Айнтаб[2], получил прекрасное образование, владел турецким языком, входил в число приближенных лиц нескольких султанов, в том числе ал-Ашрафа Барсбая, в период правления которого он в течение двенадцати лет занимал пост главного ханафитского судьи Каира. Ал-ʻАйни регулярно читал Барсбаю сочинения по истории, объяснял на тюркском языке, понятном мамлюку, сложные для восприятия сюжеты, много беседовал с султаном, пытаясь на примерах из далекого или недавнего прошлого показать, каким должен быть праведный правитель и как следует вершить государственные дела [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 288-289].

[1] В течение двух лет, с 1399 по 1401 г. между ал-Макризи и ал-ʻАйни продолжался конфликт, связанный с должностью *мухтасиба*, подробно рассмотренный в статье [Broadbridge, 1999, p. 89-91].
[2] Совр. г. Газинатеп на юго-востоке Турции.

Ал-‘Айни создал большое количество сочинений по истории и *адабу*, важнейшее из которых – «Связки жемчужин…» (*Iqd al-jumān fī taʾrīkh ahl al-zamān*), законченное в 1447 г. Это произведение – ценный источник по истории и культуре мамлюкской эпохи в целом, хотя политические события бурджитского периода освещены в нем довольно кратко [ас-Султ̣ān, 2002]. В небольшом по объему сочинении, написанном для аз-Захира Татара, ал-‘Айни особое внимание уделил происхождению этого султана. Он утверждал, что далекие предки Татара были арабами из племени Гассан[1] [ал-ʿАйнӣ, 1962]. Работа, посвященная ал-Му’аййаду Шайху, помимо рассуждений о достоинствах султана дополнена рассказом о событиях нескольких лет его правления – с 1413 по 1416 год [ал-ʿАйнӣ, 1998].

К числу историков периода правления Бурджитов принадлежит Насир ад-Дин Мухаммад Ибн ал-Фурат (ум. в 1405 г.). Сохранилось лишь несколько фрагментов его труда, не полностью переписанного набело. «История…» (*Taʾrīkh al-duwal wa-l-mulūk*) Ибн ал-Фурата доведена до 1401 г., материал расположен в хронологическом порядке, имеются биографии-некрологи выдающихся ученых, литераторов, военачальников, знати, а также тексты документов. Главы, относящиеся ко времени жизни автора, представляют собой некое подобие дневниковых записей (опубликована часть, охватывающая 1387–1395 гг.). Ибн ал-Фурат не только упоминает о том, что был свидетелем происходившего, но и выражает свое отношение к событиям, о которых пишет, передает содержание бесед или кратких разговоров с участниками этих событий [ʿАлӣ, 1992, с. 43-44, 55, 59, 72-73; Ибн ал-Фурāт, 1936-1938; Little, 1998, p. 433].

Перу известного хадисоведа[2] и талантливого литератора Ибн Хаджара ал-‘Аскалани принадлежит хроника мамлюкского государства «Забытые

[1] Арабское племя, вожди которого в конце V в. основали государство в Сиро-Палестинском регионе, у границ Византии. См. [Пигулевская, 1964].

[2] Ибн Хаджар ал-‘Аскалани написал более 150 работ по хадисоведению. Собирая предание, он посетил Сирию, Хиджаз, Йемен, много преподавал, в том числе и в школах, основанных мамлюкскими султанами. В течение долгого времени он исполнял обязанности главного шафи‘итского судьи в Каире и в этом качестве принимал участие в решении важнейших вопросов управления государством [ʿИнāн, 1969, с. 105-107].

вести о современниках», охватывающая период с 1372 по 1446 г. (*Inbāʾ al-ghumr bi-anbāʾ al-ʿumr*) [Ибн Ҳаджар, 1969-1998]. Он же написал на основе «Знатных лиц…» (*Aʿyān al-ʿaṣr wa-aʿwān al-naṣr*) ас-Сафади (ум. в 1363 г.)[1] с добавлением большого количества новой информации биографический словарь «Скрытые жемчужины…» (*al-Durar al-kāminah fī aʿyān al-miʾah al-thāminah*), который содержит более пяти тысяч жизнеописаний VIII в.х. [Ибн Ҳаджар, 1929-1931]. Большую ценность представляет «Дополнение…» (*Dhayl al-durar al-kāminah*) к этому словарю, в которое Ибн Хаджар поместил жизнеописания его выдающихся современников (IX в.х.) [Ибн Ҳаджар, 1992]. Еще одно сочинение Ибн Хаджара включает в себя биографии египетских судей I-VIII в.х. (*Rafʿ al-iṣr ʿan quḍāt Miṣr*). В этот труд Ибн Хаджар поместил и свою собственную биографию [Ибн Ҳаджар, 1998]. Ибн Хаджар является автором еще около 80 трактатов и книг по истории. Около половины из них не сохранилось [ʿАṭā, 1997, с. 17-21; ас-Суйӯṭӣ, 1927, с. 45-53; Bauer, 2000; Sievert, 2003, s. 5; Van Steenbergen, 2006, p. 10].

Одним из учеников Ибн Хаджара ал-ʻАскалани был ас-Сайрафи (ум. в 1495 г.). Отец ас-Сайрафи служил менялой, получал большой дополнительный доход от торговли на каирском ювелирном рынке и обеспечил сыну блестящее образование, которое, однако, не стало залогом блестящей карьеры. Несмотря на все усилия, ас-Сайрафи так и не досталось столь желанное для него место главного ханафитского судьи. Чтобы прокормить растущую семью ученый был вынужден заниматься перепиской книг, и сбывать составленные им с небольшими добавлениями или комментариями редакции сочинений своих учителей. Труд ас-Сайрафи представляет собой своеобразное и первое в своем роде смешение стиля неформальной беседы и официальных сообщений. Присутствуя по долгу

[1] Халил б. Айбек ас-Сафади, сын мамлюкского эмира и чиновник в сирийской администрации, составил два больших биографических словаря. Один из них, «Достаточный…» (*al-Wāfī bi-al-wafayāt*), включает в себя рассказы о выдающихся представителях мусульманской общины со времен Пророка до XIV в., в другом (*Aʿyān al-ʿaṣr wa-aʿwān al-naṣr*), меньшем по объему, ас-Сафади сосредоточился на биографиях своих современников, значительно дополнив материал «Достаточного…» [Little, 1998, p. 431-432; Van Steenbergen, 2006, p. 10].

службы на заседаниях суда, ас-Сайрафи делал заметки о текущих делах, которые были им позднее использованы при работе над хроникой «Отрада…» (*Nuzhat al-nufūs wa-l abdān fi tawārīkh al-zamān*), охватывающей события 786–879/1384–1475 гг. [aṣ-Ṣайрафī, 1970-1994]. Еще одно сочинение ас-Сайрафи посвящено правлению султана ал-Ашрафа Каитбая и, по-видимому, задумывалось как подношение ко двору. Возможно, благодаря такому подарку ученый рассчитывал на продвижение по карьерной лестнице, но никаких сведений о том, что эти надежды оправдались, нет. Работа озаглавлена «Возвещение льву о сыновьях века» (*Inbāʾ al-ḥaṣr bi-abnāʾ al-ʿaṣr*) и наряду с другой, очень подробной информацией о событиях 873–877/1468–1473 и чуть менее подробной – о событиях 885/1480 и 886/1481 г. содержит сведения о ходе судебных заседаний, в которых принимал участие султан Каитбай [aṣ-Ṣайрафī, 2002; Petry, 1994, p. 5, 6].

Абу ал-Махасин Йусуф ибн Тагри Бирди, сын высокопоставленного мамлюкского эмира, служившего при аз-Захире Баркуке и ан-Насире Фараджe, рано потерял отца, прошел курс военной подготовки, получил хорошее образование, причем историю изучал у ал-Макризи и ал-‘Айни, был лично знаком с султанами ал-Му’аййадом Шайхом, ал-Ашрафом Барсбаем, аз-Захиром Джакмаком, аз-Захиром Хушкадамом и, будучи уже умудренным опытом старцем, стал доверенным советником ал-Ашрафа Каитбая. Тесные связи с мамлюкской военной элитой, доступ к самому широкому кругу информации, общение с выдающимися представителями египетской историографической школы позволили Ибн Тагри Бирди наполнить написанные им биографический словарь и две большие хроники оригинальным и ценным в научном отношении материалом. В первую очередь его интересуют события внутренней и внешней политики, запутанные интриги в среде высших мамлюкских офицеров. Несмотря на отмеченные ас-Сахави, о котором речь пойдет ниже, погрешности в датах и грамматические ошибки, Ибн Тагри Бирди выступает как проницательный автор, способный к трезвому суждению, ясным характеристикам и точным оценкам. На страницах своих

сочинений он нередко вступает в полемику с другими авторами, чаще всего с ал-Макризи, указывает на несоответствие некоторых сведений, которые он приводит, реальному ходу событий и оправдывает своего учителя незнанием *языка тюрков*, а также тем, что в свое время он отошел от государственных дел и получал информацию о мамлюках не из первых рук [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 38]. Сам Ибн Тагри Бирди помимо тюркского и арабского владел персидским языком, разбирался в поэзии, музыке и астрономии, был сведущ в других областях знаний, а также считался знатоком мамлюкского военного искусства – *фурусийи* [Крачковский, 1956, с. 145; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 415; Sievert, 2003, s. 5]. Очень редко Ибн Тагри Бирди позволяет себе резкие замечания относительно сведений, представленных в трудах других авторов, допуская такие высказывания как «об этом не следовало упоминать», «лучше промолчать, чем написать такие отвратительные, безобразные слова» [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 8].

В тех случаях, когда сведения Ибн Тагри Бирди расходятся с тем, что содержится в трудах его старших современников – ал-Макризи, Ибн Хаджара ал-‘Аскалани, историк подробно рассказывает, как ему стали известны те или иные факты, и почему он считает их достоверными. Чаще всего он ссылается на беседы с мамлюками, которые были очевидцами тех событий, о которых идет речь. Многие из этих воинов служили отцу Ибн Тагри Бирди или были его товарищами. Нередко информантами становились сыновья мамлюков – *авлад ан-нас* – сверстники и друзья хрониста [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 80].

В «Ярких звездах…» (*al-Nujūm al-zāhirah fī mulūk Miṣr wa-l-Qāhirah*), которые были написаны для одного из сыновей султана Джакмака, каждая глава посвящена тому или иному правителю мусульманского Египта (до 1468 г.). Наиболее подробно представлены годы властвования султанов – современников Ибн Тагри Бирди. Здесь в ряде случаев автор хроники рассказывает о событиях, в которых он лично принимал участие. Таково, например, описание осады Диярбакыра в 1433 г. [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т.

14, с. 221-214]. Особое внимание Ибн Тагри Бирди привлекает политическое развитие Султаната и борьба между мамлюкскими фракциями. Описание событий, связанных с вступлением на престол и наиболее значимыми деяниями некоторых мамлюкских султанов, трактовка этих событий, представленная Ибн Тагри Бирди, дает ценный материал для исследования мамлюкской концепции верховной власти.

Еще одно сочинение этого автора, «События эпох на протяжении дней и месяцев» (*Ḥawādith al-duhūr fī madā al-ayyām wa al-shuhūr*)[1] была задумана как продолжение «Путей познания государств…» ал-Макризи и «Связок жемчужин…» ал-‘Айни. Сам Ибн Тагри Бирди отмечает, что в этом сочинении он стремился лишь кратко, «без чрезмерности» написать «о событиях и биографиях». За подробностями от отсылает своего читателя к «Звездам…» и «Чистому источнику…» (об этом произведении речь пойдет ниже) [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 463]. Эта традиционная в структурном отношении хроника охватывает период с 845/1441 по 874/1469 г. и содержит наблюдения и размышления Ибн Тагри Бирди о современных ему событиях и людях [Семенова, 1966, с. 16; Little, 1998, p. 438–440; Sievert, 2003, s. 6]. В трудах Ибн Тагри Бирди, как и в сочинениях ал-Макризи, похвалы заслуживает тот султан, который следует заветам наиболее выдающихся своих предшественников. Преемственность культурно-политической традиции рассматривается как необходимое условие успешного правления, мира и стабильности.

В «Чистом источнике…» (*al-Manhal al-ṣāfī wa-l-mustawfā baʿda-l-wāfī*), в известной мере продолжая работу ас-Сафади, Ибн Тагри Бирди собрал и расположил в алфавитном порядке 2822 биографии выдающихся людей эпохи бахритских и бурджитских (до ал-Ашрафа Инала) султанов. В этой работе наибольший интерес представляют биографические сведения о тех, кого Ибн

[1] В работе были использованы два издания «Событий..»: новое бейрутское, 1990 г. [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990], а также старое издание под редакцией У.Поппера, в которое включены материалы последней части (с 861 по 874 г.х.), не вошедшие в более позднее бейрутское издание [Ibn Taghrī Birdī, 1930-1942].

Тагри Бирди знал лично [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984-2009; Sievert, 2003, s. 6; Van Steenbergen, 2006, p. 10]. К своему биографическому словарю Ибн Тагри Бирди составил «Целительный указатель» (*al-Dalīl al-shāfī ʿalá al-manhal al-ṣāfī*), в котором содержится очень краткая информация (годы жизни, основной род деятельности) о тех, чьи жизнеописания представлены в «Чистом источнике…» [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1983].

Подобно Ибн Тагри Бирди и своему учителю, Ибн Хаджару ал-‘Аскалани, большой (около 12000 жизнеописаний) биографический словарь (*Al-Ḍawʾ al-lāmiʿ l-ahl al-qarn al-tāsiʿ*) составил ‘Абд ар-Рахман ас-Сахави. Отдельный, последний том этого сочинения посвящен выдающимся женщинам IX в.х. Работа над словарем была закончена в 1491 г. [ас-Саҳāвӣ, 1992; Little, 1998, p. 438-440, 443; Sievert, 2003, s. 6]. Значительный пласт материала в этом сочинении касается тех, с кем ас-Сахави был знаком лично. Ас-Сахави также составил дополнение к биографическому словарю Ибн Хаджара (*al-Dhayl ʿalá Rafʿ al-Iṣr aw Bughyat al-ʿUlamāʾ wa-al-Ruwāh*), в котором поместил очень подробные биографии наиболее выдающихся *кади* своей эпохи [ас-Саҳāвӣ, 2000]. Ас-Сахави родился в Каире, здесь же он учился у выдающихся *улемов*, в том числе, как было упомянуто выше, и у Ибн Хаджара ал-‘Аскалани, несколько лет провел в Мекке. Возможно, именно общение с Ибн Хаджаром пробудило у ас-Сахави интерес к истории.[1] Помимо большого биографического словаря, он написал продолжение истории аз-Захаби (ум. в 1348 г.), охватывающее события 745/1345–898/1493 гг. (*Wajīz al-kalām fī al-dhayl ‘alá duwal al-Islām*). Значительное место в этой работе занимают биографии *улемов* Мекки и Медины; большой точностью и более подробным, чем у других авторов, отличаются сообщения о мятежах бедуинов в Хиджазе [Кузнецов, 2010, с. 150-151; Саййид, 2017, с. 147-149; ас-Саҳāвӣ, 1995].

[1] Ас-Сахави принадлежит один из самых больших по объему и самых полных по содержанию трактатов, посвященных собственно исторической науке, историческому знанию (*al-Iʿlān bi-l-tawabīkh li-man dhamma ahl al-taʾrīkh*); в нем исторические дисциплины рассматриваются как область религиозного знания [Кузнецов, 2007, с. 60].

Наиболее значимой работой ас-Сахави по истории является продолжение хроники ал-Макризи под названием «Выплавленная золотая руда в дополнении к *Путям*» (*al-Tibr al-masbūk fī dhayl ʻal-Sulūkʼ*), охватывающее события 845–857/1441–1453 гг. Ас-Сахави взялся за эту работу по настоятельной просьбе уже упоминавшегося выше Йашбека мин Махди, одного из высокопоставленных эмиров в период правления аз-Захира Хушкадама и ал-Ашрафа Каитбая. Помимо сообщений об исторических событиях «Выплавленная золотая руда…» содержит обширный и очень подробный биографический материал [ас-Саҳāвӣ, 2002-2007].

Особняком среди хроник бурджитского периода стоит наполненная живыми историями из жизни египетского общества и мало внимания уделяющая событиям при дворе работа Бурхан ад-Дина Ибрахима б. ʻУмара ал- Бикаʻи под названием «Вечернее разъяснение тайн современников» (*Iẓhār al-ʿaṣr li-asrār ahl al-ʿaṣr*). Работа охватывает события десяти лет: с 855/1451 по 865/1461 г., причем оценки и суждения ал-Бикаʻи часто расходятся с мнением другого авторитетного автора этого периода – Ибн Тагри Бирди. «Вечернее разъяснение тайн…» лишь отчасти отражает политическую историю Султаната. Гораздо больше ал-Бикаʻи пишет о своей собственной жизни, карьере, перипетиях личных и профессиональных отношений между *улемами*, делает пространные отступления, посвященные обсуждению и трактовке различных вопросов богословия [ал-Биқāʻӣ, 1992-1993]. Сочинение ал-Бикаʻи представляет большой интерес как источник для изучения, в первую очередь, невоенной элиты Султаната мамлюков. Сам ал-Бикаʻи был разносторонним ученым, выдающимся теологом, учился у Ибн Хаджара ал-ʻАскалани, был знаком с Ибн Кади Шухбой (ум. 1448 г.), ас-Сахави, ас-Суйути (ум. в 1505 г.), служил в мамлюкской администрации, участвовал в нескольких военных кампаниях (в одной из них он сопровождал будущего султана ал-Ашрафа Инала). При султанах Джакмаке и Инале ал-Бикаʻи был официальным чтецом «*Сахиха»* ал-Бухари. Аудиенции ал-Ашрафа Каитбая ему было запрещено посещать с 1470 г., когда он потерпел поражение в обширной и

очень напряженной дискуссии, пытаясь добиться осуждения суфийского поэта Ибн ал-Фарида (ум. в 1235 г.) за некоторые противоречащие исламу, по мнению ал-Бика‘и, высказывания (речь, в частности, шла о *хулул* – реинкарнации) [Ибн ал-Ḫимṣī, 2000, с. 159-161; ас-Суйӯṭī, 1927, с. 24-25; Guo, 2001; Saleh].

Автором еще нескольких источников по истории мамлюков Бурджи является Зайн ад-Дин ‘Абд аль-Басит б. Халил б. Шахин ал-Малати. Дед ‘Абд ал-Басита, Шахин (ум. в 834/1430-1431 г.) был мамлюком султана аз-Захира Баркука, при ан-Насире Фарадже стал наместником в Иерусалиме. Отец ‘Абд ал-Басита, Халил Ибн Шахин (ум. в 1468 г.) служил и в Египте, и в Сирии, входил в число эмиров высшего звена, при султане ал-Ашрафе Инале был назначен наместником Малатьи. В этом городе и родился ‘Абд ал-Басит. Когда к власти пришел наследник Инала ал-Му’аййад Ахмад, Халил б. Шахин был приглашен в Каир, а затем стал одним из приближенных и советников султана аз-Захира Хушкадама [ал-Малаṭī, 2002, т. 1, с. 7-18, т. 6, с. 356].

Халил б. Шахин дал своему сыну прекрасное богословское образование, но, несмотря на выдающиеся успехи в изучении ханафитского мазхаба, ‘Абд ал-Басит б. Шахин ал-Малати никогда не стремился к карьере юриста. Он проявлял устойчивый интерес к естественным наукам и стал врачом. В 60-х гг. XV в. он совершил путешествие по Северной Африке, побывал в ал-Андалусе. Он принимал активное участие в деятельности каирских суфиев, пользовался влиянием в мамлюкской среде, переводил для высокопоставленных эмиров различные сочинения с арабского. Кансух ал-Гури обратил на ‘Абд ал-Басита б. Шахина ал-Малати свое благосклонное внимание и окружил заботой его семью, когда сам ученый был тяжело болен [Petry, 1994, p. 5-7]. Подобно своим знаменитым предшественникам ‘Абд ал-Басит ал-Малати составил большой биографический словарь, в который поместил жизнеописания своих современников [ал-Малаṭī, 2011]. Самая объемная работа ‘Абд ал-Басита – «Достижение ожидания относительно продолжения *Держав*» (*Nayl al-amal fī dhayl ‘al-Duwal’*) охватывает почти полтора столетия истории Султаната

мамлюков – с 744/1343 по 896/1491 г. и была задумана как продолжение сочинения Шамс ад-Дина Мухаммада б. Ахмада б. ‘Усмана аз-Захаби «Державы ислама» (*Duwal al-Islām*). Материал, собранный ‘Абд ал-Баситом, был самым активным образом использован Ибн Ийасом, который зачастую дословно цитирует «Достижение…». Особый интерес представляют те части сочинения ал-Малати, в которых речь идет о последних годах правления ал-Ашрафа Инала, о правлении аз-Захира Хушкадама, аз-Захира Тамурбуги и ал-Ашрафа Каитбая, поскольку этот период выходит за рамки сочинений таких авторитетных авторов как Ибн Хаджар, ал-‘Айни и ал-Макризи, а ‘Абд ал-Басит получил сведения об этом времени от своего отца, который был самым активным участником политической жизни при султане Инале и входил в число приближенных султана Хушкадама; к концу правления Хушкадама ‘Абд ал-Басит был уже вполне взрослым человеком, вернулся из путешествия по странам Магриба и в дальнейшем отразил в «Достижении…» события, современником которых был сам. Он часто ссылается на Ибн Тагри Бирди и часто спорит с ним, особенно, когда речь идет о султанах Инале, Тамурбуге и Йалбае. Большим количеством подробностей и сведений, не упомянутых в хрониках Ибн Ийаса и других авторов, отличаются сообщения ‘Абд ал-Басита о периоде правления Каитбая. Они представляют особую ценность, поскольку хроники Ибн Тагри Бирди охватывают только первые месяцы этого длительного и важного этапа истории Султаната [ал-Малаṭī, 2002].

В 900/1495 г. закончил свою книгу «События …» (*Ḥawādith al-zamān wa-wafayāt al-shuyūkh wa-al-aqrān*) Ахмад б. Мухаммад ал-Ансари Ибн ал-Химси (ум. в 1527 г.). В правление султана Каитбая он переехал из Дамаска в Каир и здесь написал «События…», которые были задуманы как продолжение хроники Ибн Хаджара ал-‘Аскалани, упомянутой выше. Ал-Химси дает особенно много сведений о бюрократическом аппарате Дамаска [Ибн ал-Ḫимçī, 2000; Petry, 1994, p. 8].

Одним из самых плодовитых авторов мамлюкской эпохи был Джалал ад-Дин ас-Суйути. Он создавал многотомные труды и небольшие сочинения по

самым разным областям знания (всего около шестисот произведений), «для него это было своеобразным спортом и предметом гордости по каждой дисциплине он сознательно стремился составить такие своды, которые были бы постоянно в ходу и увековечили его имя у последующих поколений» [Крачковский, 2004, с. 482]. Ас-Суйути родился в Каире, в семье авторитетного шафи‘итского законоведа. Коллеги и друзья его рано умершего отца взяли на себя воспитание будущего ученого. Еще не достигнув восьмилетнего возраста, ас-Суйути знал наизусть Коран и посещал занятия Ибн Хаджара ал-‘Аскалани, изучал *фикх*, грамматику, хадисы, первый свой трактат написал в 17 лет, а в 20 лет завершил труд своего скончавшегося учителя, Джалал ад-Дина ал-Махалли (ум. в 1459 г.) – большой комментарий к Корану, назвав его «Тафсир двух Джалалей» [Фролов, 2000, с. 9-11]. Ученый много путешествовал, побывал в Сирии, Йемене, Индии, странах Магриба [ʿAṭā, 1997, с. 48-49; Saleh, 2001, p. 74-75]. Одна из крупнейших работ ас-Суйути по истории – «Прекрасная беседа…» (*Ḥusn al-muḥāḍarah fī akhbār Miṣr wa-al-Qāhirah*). Центральное место в ней занимает биографическая часть, отдельная глава посвящена истории *вазирата*, кроме того, имеется географический очерк, описание маршрута из Египта в Мекку, дан перечень случаев голода, дороговизны, чумы, землетрясений, есть глава о почтовых голубях, Ниле, острове Рода, достопримечательностях Каира и т.д. [Крачковский, 2004, с. 483-484; ас-Суйӯṭī, 1967]. Биографический словарь (*Naẓm al-ʿiqyān fī aʿyān al-aʿyān*) содержит около двухсот жизнеописаний современников ас-Суйути [ʿAṭā, 1997, с. 49; ас-Суйӯṭī, 1927]. Важное значение для настоящей работы имеет «История халифов» (*Taʾrīkh al-khulafāʾ*), во второй части которой последовательно изложены обстоятельства пребывания Аббасидских халифов в Каире. Завершается «История…» ас-Суйути упоминанием о халифе ал-Мустамсике (1497-1508; 1516-1517) [Микульский, 2017, с. 56-57; ас-Суйӯṭī, 2003].

Автор подробной в последних частях хроники «Редкие цветы среди событий эпохи» (*Badā’i‘ al-zuhūr fī waqā’i‘ al-duhūr*) Мухаммад ибн Ахмад ибн

Ийас ал-Ханафи был выходцем из семьи черкесских мамлюков. Дед его, Ийас ал-Фахри, принадлежал самому аз-Захиру Баркуку, занимал должность второго *давадара* при ан-Насире Фарадже, и оставил своим наследникам большие земельные владения, имевшие статус *икта‘*. В семье Ийаса появилось на свет двадцать пять детей (как добавляет хронист, «не считая выкидышей»), но выжили только три мальчика и одна девочка. Отец Ибн Ийаса, Ахмад скончался в 1503 г. в возрасте восьмидесяти четырех лет. Он был состоятельным человеком, пользовался известностью среди *авлад ан-нас* и был вхож в круг военной элиты и высокопоставленных чиновников [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 47]. Сам Ибн Ийас имел возможность не служить ни в военном, ни в гражданском ведомстве и заниматься только научной работой. Масштабная конфискация *икта‘*, которую проводил султан ал-Ашраф Кансух ал-Гури, коснулась и Ибн Ийаса, которому в суде пришлось отстаивать свои права на земельные участки. Ибн Ийас воспринял посягательства на семейную собственность как личное оскорбление и не скрывал своего негативного отношения к Кансуху ал-Гури. Несмотря на это, его хроника, доведенная до 1522 г., является источником первостепенной важности для изучения периода правления последних мамлюкских султанов – ал-Ашрафа Кансуха аль-Гури и ал-Ашрафа Туманбая, а также истории покорения Египта османами. В строгом хронологическом порядке, день за днем описывает Ибн Ийас события политической, экономической, социальной, культурной, религиозной жизни Египта. Предвзятое отношение к Кансуху ал-Гури не мешает Ибн Ийасу признавать изворотливый ум этого султана и его способность к внедрению новых принципов организации финансовой системы, армии и административного управления. Наиболее подробно описывает Ибн Ийас период с 922/1516 по 928/1522 г. Фиксируя все, что происходило при дворе, Ибн Ийас не меньше внимания уделяет событиям городской жизни – необычным происшествиям, громким скандалам, преступлениям. Его хроника представляет большой интерес для изучения не только политической, но также – культурной и социальной истории Египта [Крачковский, 2004, с. 488;

Семенова, 1966, с. 17; Brinner, 1986, p. 812-813; Havemann, 2010, p. 88-89; Mauder, 2020, s. 80–82].

Вторую группу источников историко-биографического характера составляют сочинения, посвященные правлению отдельных султанов, локальной истории, дневниковые записки, трактаты о тех или иных знаменательных событиях конца XIV – начала XVI в., хроники и биографические словари османского периода.

«Сияющей жемчужиной…» (*al-Durrah al-muḍīʾah fī al-Dawlah al-Ẓāhirīyah*) назвал свой труд, посвященный султану аз-Захиру Баркуку, выходец из семьи сирийских богословов Мухаммад б. Мухаммад Ибн Сасра. Годы жизни Мухаммада б. Сасры неизвестны. С уверенностью лишь можно сказать, что он был очевидцем событий конца XIV в., о которых писал. Наиболее подробное освещение получила история мятежа 1389 г., а также второй период правления Баркука (до 1397 г.). Мухаммаду Ибн Сасре, по-видимому, было хорошо знакомо все, что происходило в это время в Дамаске; это придает особую ценность его работе, поскольку большая часть источников этого времени представляет «взгляд из Каира». Ибн Сасра в деталях излагает ход восстания, передает диалоги действующих лиц, упоминает об этнической принадлежности участников конфликта, а также снабжает свой рассказ многочисленными отступлениями нравоучительного характера, приводит цитаты из Корана и хадисов на подходящую тему, вспоминает по тому или иному поводу известные случаи из истории, украшает текст пространными выдержками из поэтических произведений [A Chronicle…, 1963, vol. 1, p. XII-XIX, vol. 2].

Еще одно сочинение, посвященное султану аз-Захиру Баркуку, остается пока неопубликованным. Это «Книга жемчуга…» (*Kitāb al-Durr al-naḍīd fī manāqib al-Malik al-Ẓāhir Abī Saʿīd*) неизвестного автора, составленная, вероятно, в самом начале правления этого султана. Вводная часть «Книги жемчуга…» содержит рассуждения о том, каким должен быть глава мусульманского государства, и стихи, восхваляющие Баркука. В первой

главе перечислены мамлюкские султаны от ал-Му‘изза Айбека (1250-1257) до ас-Салиха Хаджжи (1381-1382), о каждом написано несколько слов, хотя в некоторых случаях названы только годы их пребывания на троне. Автор «Книги жемчуга…» дает краткую характеристику правления того или иного султана, иногда упоминает наиболее яркие эпизоды из его биографии. Вся история Бахритов проносится перед читателем в калейдоскопе дат, имен и событий. При последних султанах этой династии, ал-Мансуре ‘Али (1377-1381) и его брате ас-Салихе Хаджжи, гарантом спокойствия и безопасности в государстве, как утверждает анонимный автор «Книги жемчуга…», стал Баркук. «…Сердца подданных поднялись на вершину любви к нему», - пишет он [Китāб ад-дурр…, f. 19 r], и посвящает этому султану довольно пространную хвалебную касыду [Там же, f. 19 r, 20 r – 24 r]. Затем он переходит к рассмотрению вопросов, связанных с практикой молитвы, поста, выплаты *закята*, паломничества, в том числе возникающих в случае, если паломник отправляется на охоту или продает раба, разбираются конкретные случаи купли-продажи недвижимости, невольниц, юридические проблемы из области семейного и наследственного права, а также вопросы, связанные с захватом пленных и проведением состязаний по стрельбе из лука, подробно разъясняются некоторые спорные ситуации, возникающие во время охоты. Не исключено, что «Книга жемчуга…» была составлена одним из чиновников судебного ведомства. Заключительная часть рукописи этого сочинения, которая в настоящее время хранится в Берлинской государственной библиотеке, содержит еще одну поэму, посвященную Баркуку [Илюшина, Арабские источники…, 2014; Китāб ад-дурр…, f. 24 r – 38 r].

Сарим ад-Дин Ибрахим Ибн Дукмак (ум. в 1407 г.), некоторое время являвшийся губернатором Дамьетты, также составил несколько сочинений, в которых затрагивается период правления султана аз-Захира Баркука [Ибн Ḫаджар, 1992, с. 182; Семенова, 1966, с. 14; Тизенгаузен, 1884, с. 315–316]. Для подготовки диссертации были использованы его исторический труд

«Драгоценная жемчужина…» (*al-Jawhar al-thamīn fī siyar al-mulūk wa-al-salāṭīn*) и географический – «Триумф…» (*al-Intiṣār li-wāsiṭat ʿiqd al-amṣār*), в котором содержится описание Каира, Александрии и некоторых провинций Египта [Ибн Дуḳмāḳ, 1966; Его же, 1985].

Выходец из другой провинции Султаната мамлюков, Мухибб ад-Дин Мухаммад Ибн аш-Шихна (ум. в 1485 г.), оставил описание своего родного города под названием «Отборный жемчуг по истории Алеппо» (*al-Durr al-muntakhab fī taʾrīkh Mamlakat Ḥalab*). Сочинение Ибн аш-Шихны представляет собой часть его собственной, не сохранившейся до наших дней работы, которая, в свою очередь, является сокращенным изложением и продолжением книги «Сад пейзажей в знании о первых и последних» (*Rawḍ al-manāẓir fī ʿilm al-awāʾil wa-l-awākhir*), принадлежащей отцу Мухаммада Ибн аш-Шихны, Абу ал-Валиду Ибн аш-Шихне (ум. в 1412 г.), написанной на основе сочинения ‘Изз ад-Дина Ибн Шаддада ал-Халаби (ум. в 1285 г.), в котором дан обзор региональной географии упомянутых областей до монгольского завоевания [Ибн аш-Шиḥна, 1997; Крачковский, 2004, с. 370]. В «Отборном жемчуге…» Ибн аш-Шихны двадцать пять глав, которые повествуют об основании города и завоевании его мусульманами, а также о многочисленных зданиях, садах, каналах и прочих сооружениях в Алеппо. Ибн аш-Шихна снабдил материал, почерпнутый им из трудов предшественников, информацией о современном ему состоянии построек и об учреждениях, в них расположенных. В двадцатой и двадцать первой главах он разместил сведения о тех городских объектах, которые были возведены в XV в., а также о том, каким изменениям были подвержены описанные Ибн аш-Шаддадом кварталы и памятники. Особую ценность представляет подробный перечень *медресе* и других образовательных учреждений, основанных в Алеппо в мамлюкский период. Важнейшим источником сведений по управлению провинциями Султаната мамлюков является последняя глава «Отборного жемчуга…», в которой содержится информация о наместниках, судебной, военной и административной системе

Алеппо во второй половине XV в. Значимость этого материала определяется тем, что Мухаммад Ибн аш-Шихна сам на протяжении долгого времени занимал должность судьи в Алеппо и был не только ученым, но и видным государственным деятелем [Ибн Шиḥна, 1984; Илюшина, «Отборный жемчуг…»…, 2019].

Короткому периоду правления сына ал-Ашрафа Каитбая, ан-Насира Мухаммада посвятил свое сочинение (*al-Badr al-zāhir fī nuṣrat al-Malik al-Nāṣir Muḥammad ibn Qāytbāy*) еще один представитель семьи Ибн аш-Шихна – ‘Афиф ад-Дин Хусайн б. Мухаммад (ум. в 1504-1505 или 1510-1511 г.). В начале работы дан обзор событий последних месяцев правления Каитбая, далее подробно описана история противостояния между юным султаном, которого поддерживали мамлюки его отца, и оппозицией, возглавляемой эмиром Кансухом. Историческая часть сочинения завершается сообщением о разгроме мятежников 3 февраля 1497 г. [Ибн аш-Шиḥна; Holt, 1998, p. 12-13].[1]

К периоду правления ал-Ашрафа Каитбая относится создание двух памятников, каждый из которых целиком посвящен описанию только одного из фрагментов истории Бурджитов второй половины XV в.: первый – поездке султана в Сирию, второй – военному походу под командованием эмира Йашбека. Авторы сочинений были непосредственными участниками событий, о которых они повествуют. Бадр ад-Дин Абу-ль-Бака’ б. Йахйа Ибн ал-Джи‘ан (ум. в 1496 г.) принадлежал к семье, представители которой на протяжении десятилетий занимали высокие посты в канцелярии султана,[2] и входил в число приближенных ал-Ашрафа Каитбая, служил в *армейском ведомстве* (*dīwān al-jaysh*), затем занял пост *государственного секретаря* (*kātib al-sirr*) и управляющего *вакфом* султана, слыл искусным политиком и литератором

[1] Издание этого сочинения, вышедшее в 1983 г. в Бейруте, к сожалению, осталось для нас недоступным. В работе была использована оцифрованная копия рукописи из Национальной библиотеки Франции.

[2] Ибн ал-Джи‘аны имели хороший доход, их социальный статус был подкреплен матримониальными связями со знатными семьями Египта и Сирии, а также тем почетом и уважением, которым они пользовались как основатели нескольких мечетей и *медресе* в Каире. Всего около пятидесяти членов клана ал-Джи‘ан на протяжении более чем ста лет служили в административной и судебной системах Султаната мамлюков [Семенова, Основные направления…, 1958, с. 83; Humphreys, 2009, p. 176; Loiseau, 2009, p. 289-290; Martel-Thoumian, 1991, p. 295–319].

[Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 354; Martel-Thoumian, 1991, p. 298]. В 1477 г., тогда еще в качестве помощника *государственного секретаря,* он принял участие в поездке султана Каитбая в Сирию. Это путешествие Абу-л-Бака' описал в своем сочинении «Занимательная речь о путешествии нашего владыки ал-Малика ал-Ашрафа» (*al-Qawl al-Mustaẓraf fī Safar Mawlānā al-Malik al-Ashraf*). «Занимательная речь…» была впервые издана в конце XIX в.,[1] в 1922 г. вышел перевод этого произведения на французский язык.[2] Для подготовки диссертации было использование ливанское издание 1984 г. Несмотря на то, что со времени публикации сочинения Абу-л-Бака' прошло уже почти полтора столетия, ценность и значение этого источника изучены сравнительно мало, в зарубежных работах по мамлюковедению на него ссылаются эпизодически, а в исследованиях российских ученых, насколько нам известно, он до сих пор не упоминался. Абу-л-Бака' оставил детальные сообщения о всех событиях и точный отчет о каждом из дней этого путешествия, дополнил их описанием почтовой службы, городов и деревень, сведениями о некоторых представителях военно-политической элиты, *улемах и* чиновниках того времени. Абу-л-Бака' пишет, что ему довелось повидать на этом пути «и селения, и людей, и деревья, и плоды, и реки, и горы, и диковинки, и чудеса» [Ибн ал-Джиʿāн, 1984, с. 7–8, 46].

Второе из упомянутых выше сочинений, «Поход эмира Йашбека», раскрывает важные аспекты внешней политики Султаната мамлюков. Автор «Похода…», судья Мухаммад ал-Халаби, более известный как Ибн Аджа (ум. в 1476 г.), участвовал в 1471-1472 гг. в военной экспедиции египетской армии на территории, находившиеся севернее и северо-западнее Алеппо. Он подробно описал боевые действия мамлюков против отрядов Шаха Сувара (1467-1472) из династии Дулкадиритов (1337-1522), а также свою поездку ко

[1] Ibn al-Jīʿān, Abū al-Baqāʾ Muḥammad ibn Yaḥyá (d.1496). Viaggio in Palestina e Soria di Kaid Ba XVIII sultano della II dinastia Mamelucca, fatto nel 1477. Ed. by R.V. Lanzone. Turin: G. B. Paravia e c., 1878.
[2] Devonshire L.H. (trans) Relation d'un voyage du sultan Qaitbay en Palestine et en Syrie // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Vol. 20. P. 1–43.

двору Узуна Хасана (1453-1478) в Ак Коюнлу [Духмāн, 1986, с. 13; ал-Халаби, 1985, с. 5].

О событиях ранней истории мамлюков Бурджи в локальной перспективе повествует труд уроженца Дамаска Шихаб ад-Дина Ахмада Ибн Хиджжи ал-Хисбани (ум. в 1413 г.), охватывающий период с 751/1350 по 815/1413 г. «История» (*Tārīkh Ibn Ḥijjī*) Ибн Хиджжи отличается заметным интересом не только к городской, но и к сельской жизни. Ибн Хиджжи вел активную переписку с друзьями и родными из Хисбана и получал подробную информацию обо всем, что происходило в этом большом селении, расположенном в южной части аш-Шама [Ибн Ҳиджжӣ, 2003; Walker, 2014, p. 332].

Историю Бейрута составил представитель знатного арабского рода Бухтуридов, осевших в северной Сирии в эпоху Крестовых походов, Салих б. Йахйа Ибн Бухтур (ум. в 1436 г.). Бухтуриды были призваны защищать Дамаск от нападений крестоносцев, служили Зенгидам (1127-1251), Аййюбидам, а затем и мамлюкам. Продолжая историю своих славных предков, Салих б. Йахйа возглавил отряд добровольцев численностью около ста человек и отправился на Кипр в составе мамлюкского войска в 1425 г. Во время подготовки к третьей экспедиции в 1426 г. он собрал уже около трехсот человек, но из-за поломки корабля во время шторма Салих б. Йахйа был вынужден остаться в Египте [Ибн Ибн Буҳтур, 1927; Hitti, 1957, p. 637; Salibi, 1961]. Его рассказ о собственном участии в завоевании Кипра представляет особенный интерес для изучения взаимодействия мамлюков с подвластным им населением.

Еще один сирийский автор, Таки-ад-Дин Абу Бакр Ахмад ал-Асади Ибн Кади Шухба (ум. в 1448 г.), главный судья Дамаска, был учеником Ибн Хиджжи ал-Хисбани. Он дополнил исторический труд своего учителя и составил к нему продолжение, в котором есть материал, касающийся периода правления Бурджитов. «История» (*Taʾrīkh Ibn Qādī Suhbah*) Ибн Кади Шухбы представляет собой хронику с включением объемного биографического

материала, распределенного по годам. Ибн Кади Шухба подробно описывает политические события, дает сведения о ценах, сообщает о примечательных погодных явлениях [Ибн Ḳāḍī Шухба, 1977-1997; Тизенгаузен, 1884, с. 443; Reisman, 1998, p. 25-27].

Сообщения о том, что происходило в Сирии, прежде всего, в Дамаске, во второй половине XV в., содержит довольно краткая по сравнению с работами таких авторов как ал-Макризи, Ибн Тагри Бирди или Ибн Ийас, хроника ‘Али б. Йусуфа ал-Бусрави (ум. в 1500 г.). Ал-Бусрави упоминает наиболее значимые события политической и военной истории, но гораздо больше его интересует то, как эти события отражались на жителях Дамаска и окрестностей. На страницах его «Истории» (*Tārīkh al-Buṣrawī*) можно найти заметки об отношении автохтонного населения Сирии к мамлюкским воинам и отдельным эмирам. В центре внимания ал-Бусрави – городская жизнь во всех, самых разнообразных ее проявлениях – от цен на рынке до интеллектуальных споров мусульманской элиты. Сведения ал-Бусрави о том, что происходило в Египте, не всегда точны, особенно в том, что касается дат, даже если речь идет о таком, казалось бы, важном событии как свержение султана. Но для ал-Бусрави гораздо важнее, что как раз в эти дни на одной из улиц Дамаска в случайной стычке был разбит кувшин с вином. Ал-Бусрави с сожалением отмечает, что в городе уже боле сотни виноторговцев, законы шариата попраны, и мусульманам можно уповать только на Всевышнего. Ал-Бусрави предоставляет своему читателю самостоятельно сопоставить значимость происшествия с кувшином вина и смены власти в Каире, а может быть, и прийти к выводу о том, что мамлюкские эмиры, занятые борьбой за власть, допускают нарушение мусульманской законности [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 204-205]. Хроника, как и другие произведения этого жанра в мамлюкскую эпоху, содержит некрологи, большая часть которых посвящена сирийским *улемам*. Сочинение ал-Бусрави дает богатый материал для изучения структуры административного управления в Сирии.

Дневниковые записи за более, чем двадцать лет – с 885/1480 по 908/1502 г. оставил судебный служащий из Дамаска, Шихаб ад-Дин Ахмад Ибн Таук (ум. в 1509 г.). Его семья была родом из деревни Джаруд, расположенной к северо-западу от Дамаска. Когда Ибн Таук начал вести свой дневник он жил в Дамаске, иногда выезжал в Ма‘лулу, где владел землей. По роду службы он вступал в контакт с влиятельными представителями сирийской военной и богословской элиты, местной знати, был хорошо осведомлен о судебных делах. В то же время, будучи чиновником невысокого ранга, Ибн Таук пишет не только о крупных политических событиях или интригах в административной верхушке, но обо всем, что волновало и заботило жителей Дамаска и его окрестностей [Ибн Ṭауḳ, 2000-2007; Conermann, Seidensticker, 2007; Shoshan, 2020, p. 19; Wollina, 2014, p. 285].

Сочинение дамасского хрониста Шамс ад-Дина Мухаммада Ибн Тулуна (ум. в 1546 г.) «Уведомление для рода человеческого о тех из числа тюрков, кто был назначен наместником в Дамаске Великого аш-Шама» (*Iʿlām al-wará bi-man wulliya nāʾiban min al-Atrāk bi-Dimashq al-Shām al-Kubrá*) содержит – в полном соответствии с названием – историю правления наместников мамлюкского султана в Сирии [Ибн Ṭулӯн, 1973]. О самом себе Ибн Тулун написал в автобиографической работе «Загруженный корабль об обстоятельствах [жизни] Мухаммада Ибн Тулуна» («*Al-Fulk al-mashḥūn fī aḥwāl Muḥammad ibn Ṭūlūn*»). Ибн Тулун был плодовитым автором, сам он перечисляет более семисот собственных сочинений; большая их часть посвящена вопросам богословия и права [Ибн Ṭулӯн, 1996]. Среди его работ по истории – трактат «Увеселение друзей…» (*Mufākahat al-khillān fī ḥawādith al-zamān*), который представляет собой хронику довольно краткую в первой части (о событиях 884-921/1479-1516 гг.) и более подробную, близкую к дневниковым записям – во второй (с 922/1516 по 926/1520 г.). Несмотря на то, что сообщения Ибн Тулуна не много нового добавляют к тому, что подробно описано Ибн Ийасом, «Увеселение друзей…» занимает важное место в источниковой базе диссертационной работы, поскольку в этом сочинении

представлен иной, независимый взгляд на события, известные благодаря подробному изложению Ибн Ийаса, причем взгляд свидетеля и очевидца, а в некоторых случаях – и непосредственного участника этих событий [Ибн Ṭūlūн, 1998; Conermann, 2004; Hirschler, 2013, p. 167].

«Книгу высокой дружбы…» (*al-Uns al-jalīl bi-taʾrīkh al-Quds wa-al-Khalīl*) Абу ал-Йумн ‘Абд-ар-Рахман ибн Мухаммад Муджир ад-Дин ал-‘Умари ал-Макдиси ал-‘Улайми (ум. в 1521/1522 г.) посвятил описанию своего родного города, Иерусалима, а также Хеврона и других городов Палестины. В последней части этого сочинения, законченного в 900/1494 г., изложена краткая история наиболее значимых событий до периода правления ал-Ашрафа Каитбая включительно [Крачковский, 2004, с. 509-510; Михайлова, 1965, с. 96-97; Lutfi, 1985, p. 72]. Историографический отдел «Славного друга…» содержит ценные дополнения к сообщениям других источников, позволяющие получить представление о взаимодействии представителей центральной власти с местной администрацией [ал-ʿУлаймӣ, 1968].

История Мекки (*Itḥāf al-wará bi-akhbār Umm al-Qurá*) представлена в сочинении Мухаммада Наджм ад-Дина Ибн Фахда (ум. в 1480 г.). Для настоящего исследования интерес представляют материалы третьей и особенно четвертой части, в которых дано описание событий, современных самому Ибн Фахду, в том числе и тех, которые были непосредственно связаны с активным вмешательством мамлюкских султанов в торговлю пряностями и другими товарами в Джидде [Ибн Фахд, 1983-1990].

До 926/1520 г. доведена хроника родившегося в предместьях Бейрута Ибн Сибата (*Ṣidq al-akhbār: Taʾrīkh Ibn Sibāṭ*). О жизни самого Ибн Сибата известно так мало, что даже его имя вызывает разночтения.[1] История Ибн Сибата сохранилась не полностью, но последняя ее часть, представляющая наибольший интерес, поскольку охватывает события, современником которых был сам Ибн Сибат, дошла до нас практически целиком [Ибн Сибāṭ, 1993].

[1] Известен также вариант «Ибн Асбат».

Крупный арабский историк Ахмад б. Абу ал-Хасан ‘Али б. Ахмад Нур ад-Дин Ибн Зунбул ар-Раммал (ум. в 1552-1553 г.), автор истории завоевания Египта османами, лично принимал участие в военных походах ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури. Он прославляет мужество и героизм мамлюков и резко осуждает османов, которые направили оружие против своих единоверцев. Несмотря на то, что подлинность целого ряда эпизодов, монологов и диалогов, которыми Ибн Зунбул украсил свой труд вызывает обоснованные сомнения[1], представленный им материал является ценным дополнением к хронике Ибн Ийаса [Ибн Зунбул, 1998].

‘Али ибн Мухаммад ал-Лахми ал-Ишбили (ум. после 1517 г.) в своем сочинении «Хранимая жемчужина в жизнеописании ал-Музаффара Салимхана» (*al-Durr al-muṣān fī sīrat al-Muẓaffar Salīm Khān*), написанном в 1517 г., также основное внимание сосредоточил на истории османского завоевания Египта [Лаҳмӣ, 1962].

Сирийский автор XVI в. ‘Абд ал-Кадир ан-Ну‘айми (ум. в 978/1579-1571 г.) составил труд по истории *медресе*, в котором содержится большое количество сведений об образовательной деятельности в мамлюкский период [ан-Ну‘аймӣ, 1990, т. 2].

Через несколько десятилетий после османского завоевания сочинение, охватывающее историю от сотворения мира до 1008 г.х., написал уроженец Дамаска Ахмад б. Йусуф ал-Карамани (ум. в 1611 г.). Каждой династии, в том числе и тем, которые правили в бейликах Малой Азии, составлявших «буферную зону» между владениями османов и мамлюков, в его «Сообщениях о государствах и памятниках начала в истории» (*Akhbār al-duwal wa-āthār al-awal fī al-taʾrīkh*) посвящена отдельная глава [ал-Ḳарамāнӣ, 1992].

В османский период большой биографический словарь выдающихся мусульман X в.х. составил сирийский богослов и законовед, имам мечети Омеййадов в Дамаске Мухаммад ал-Газзи (ум. в 1651 г.) [ал-Ґаззӣ, 1979].

---

[1] См. критический обзор [Al-Tikriti, 2000].

В 1080/1670 г. завершил работу над пространным биографическим словарем (*Shadharāt al-dhahab fī akhbār man dhahab*) ‘Абд ал-Хайй б. Ахмад Ибн ал-‘Имад (ум. в 1679 г.). Жизнеописания в этом словаре расположены не в алфавитном порядке, а по годам – от первого до тысячного года хиджры. В том, что касается исторических событий интересующего нас периода, труд Ибн ал-‘Имада не добавляет ничего нового к тому, что известно по собственно мамлюкским источникам, но в то же время является удобным подспорьем для поиска базовых сведений о различных деятелях мамлюкского периода, поскольку охватывает его от начала до конца [Ибн ал-ʿИмāд, 1993].

Для подготовки диссертации были также использованы арабские источники, выходящие за рамки двух обозначенных выше больших групп. Это трактаты *по военному искусству, теории джихада*, *родословию мамлюков,* а также отдельные *литературные произведения* мамлюкского периода.

Включенное в первую главу работы краткое описание курса военной подготовки, которую проходили мамлюки, носит ознакомительный, вводный характер. Поскольку целью этого описания была не исчерпывающая характеристика мамлюкского военного искусства, а только выявление базовых навыков и ключевых норм и ценностей, которые прививали молодым воинам, в работе были использованы в качестве примера выдержки из отдельных трактатов по военному искусству мамлюков, преимущественно неопубликованных, а не весь обширный пласт источников по этой теме.[1] Первый из таких трактатов – сочинение Мухаммада Абу Бакра ал-Харави (ум. после 1397 г.) «Чудеса и тайны…» (*Al-Badā'iʿ wa-l-asrār fī ḥaqīqat al-radd wa-l-intiṣār wa-ghāmiḍ mā ijtamaʿat ʿalaihi al-rumāt bi-l-amṣār*), написанное в конце XIV в. и состоящее из двенадцати разделов, в том числе о том, как надлежит вести себя воину-мамлюку [ал-Харāвӣ]. Еще одно сочинение о военном искусстве (*Al-Urjūzah al-ḥalabīyah fī ramy al-sihām ʿan al-qusīy al-ʿarabīyah*) было составлено Абу Бакром ал-Халаби в 1482 г. Единственная копия этого

[1] Подробный обзор см. [al-Ṣarrāf, 2004].

стихотворного трактата, в котором основное внимание уделяется приемам стрельбы из лука, сохранилась в Государственной библиотеке Берлина [ал-Ḫалабӣ]. Ал-Харави и ал-Халаби продолжили и развили традицию создания поэтических произведений о военном искусстве, зародившуюся еще в домамлюкскую эпоху, а автором первого из известных в настоящее время трактатов о стрельбе из лука,[1] созданным в мамлюкский период, был Тайбуга ал-Ашрафи ал-Бакламиши ал-Йунани (ум. в 1394 г.) [ал-Бакламӣшӣ; Илюшина, Арабские источники…, 2014; Ее же, Трактат…, 2012; al-Ṣarrāf, 2004].

Изучение идеологических концептов и проблемы легитимности власти мамлюкских султанов потребовало включения в источниковую базу работы сочинений по теории государства и права. Базовые принципы мусульманского правового и политического мировоззрения нашли отражение в трудах выдающегося средневекового мусульманского мыслителя Абу ал-Хасана ал-Маварди (ум. в 1058 г.). Наряду с наиболее известным его сочинением «Принципы управления», или в более полном варианте названия «Законы власти и религиозное правление» (*Al-Aḥkām al-sulṭāniyya wa-l-wilāyāt al-dīniyya*) к работе был также привлечен небольшой трактат о месте и функциях *вазирата* в системе административного управления государством (*Qawānīn al-wizāra wa-siyāsat al-mulk*) [ал-Māвардӣ, 1979; Его же, 1989].

К числу сочинений домамлюкского времени относится труд известного историка XI в. Хилала ас-Саби «Установления и обычаи двора халифов», в котором упоминается о службах *вазира*, *хаджиба* и ряде других должностей и ведомств, которые сохранились в Султанате мамлюков [Хилāл аṣ-Ṣāбӣ, 1983]. Обращение к научному переводу труда Хилала ас-Саби, выполненному

[1] Трактат сохранился в нескольких редакциях под разными названиями. По списку из Британского музея, озаглавленному «Книга достаточная для стремящихся к познанию стрельбы из лука» (*Kitāb ghunyat al-ṭullāb fī maʿrifat ramī al-nashshāb*) перевод и исследование этого трактата были опубликованы в 1970 г. Дж.Д.Латамом и В.Ф.Патерсоном. Во введении к своей работе, авторы подчеркивают, что основное внимание они сосредоточили на технических аспектах стрельбы из лука [Latham, Paterson, 1970, p. XXXII]. Еще одна редакция этого трактата (*Ghunyat al-rāmī wa-ghāyat al-marāmī fī ʿIlm al-ramy ʿan al-qaws*) была опубликована на арабском языке в 1998 г., но доступ к этому изданию нам получить не удалось. Для подготовки диссертации была использована рукопись из Национальной библиотеки Королевства Марокко в Рабате.

И.Б.Михайловой, позволило проследить истоки эволюции этих ведомств и послужило верным ориентиром в трактовке ряда терминов.

В трактате (*Al-Ijtihād fī ṭalab al-jihād*), написанном по просьбе мамлюкского наместника в Сирии, крупный историк и правовед бахритского периода ‘Имад ад-Дин Ибн Касир (ум. в 1373 г.) рассмотрел вопросы теории и практики джихада [Ибн Каc̱īр, 1981]. В бурджитский период фундаментальное сочинение о джихаде написал еще один сирийский *факих* Ахмад Ибн ан-Наххас (ум. в 1411 г.), неуклонно следовавший принципам, заявленным им на страницах собственной книги и погибший, защищая одно из прибрежных селений от нападения *франков* [Ибн ал-‘Имāд, 1993, т. 9, с. 157; Ибн ан-Наḫḫāс, 1990].

В фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета хранится трактат о происхождении черкесов (*Nasab al-jarākisa*). Рукопись датируется 1114/1702 г. Оригинал, как сообщает переписчик, был закончен в 1041/1632 г. Текст занимает 29 страниц. Анонимный автор начинает свой труд с вознесения хвалы Всевышнему и определяет тему сочинения следующим образом: «Это благородная родословная и возвышенное исследование, включающее в себя сообщение о происхождении черкесов от курайшитов, которые являются потомками Исмаила, сына господина нашего Ибрахима, мир им». Автор обещает быть кратким и отмечает, что в своей работе он опирался на «многочисленные произведения и верные хроники» [Насаб…, л. 2]. В статье, опубликованной в 1959 г., профессор П.М.Холт сообщает о двух списках небольшой рукописи, также посвященной родословной черкесских беев, один из которых датируется 1681 г. и хранится в Библиотеке Джона Рейнолдса в Манчестере, а другой, из коллекции Британского Музея, был сделан в 1843 г. [Holt, 1959]. Труд озаглавлен следующим образом: «Покорение лиц, хмурящихся при упоминании родословной черкесских эмиров и связи ее с курайшитами» (*Qahr al-wujuh al-'ābisah bi-dhikr nasab al-Jarākisah min Quraysh*). Дата завершения работы – 1041/1632 г. Профессор Дж.Хасавей

ссылается на рукопись из библиотеки Принстоновского университета (Garrett Manuskript Collection, MS 186H), имеющую название, идентичное тому, которое носит рукопись, хранящаяся в СПбГУ [Hathaway, 2003]. Сравнение текста петербургской рукописи с подробным описанием лондонского и манчестерского экземпляров, которое дает П.М.Холт, а также полное совпадение в датировке оригинала и материалы, представленные в работе Дж.Хасавей, позволяют с большой степенью вероятности предположить, что мы имеем дело со списками одного и того же трактата. Как и любая родословная, это произведение пронизано идеями преемственности, единства, историчности. Мамлюкские султаны и эмиры предстают в повествовании анонимного автора трактата как часть единого целого – мусульманской общины [Илюшина, О родословной…, 2008].

Мамлюкская эпоха богата историческими сочинениями. Авторы этих трудов пытались реконструировать и интерпретировать события на основе собственных взглядов и тех суждений, которые были им известны и которые они считали заслуживающими внимания. Так, например, видимые отличия в хрониках ал-Макризи и Ибн Тагри Бирди в значительной мере отражают отношение к мамлюкской политической элите в мамлюкской и немамлюкской среде. Безусловно, оценочные характеристики в источниках во многом определяются не только социальным положением, но и личной позицией их авторов. Но даже самые предвзятые работы позволяют уловить черты исторической реальности. Так, ал-Кудси в своем трактате «Великолепные благородные страны ислама и упоминание о том, что стало мне ясно из скрытой Божьей мудрости относительно привлечения турков в Египет», где он на все лады расхваливает мамлюков, тем не менее признает, что «турки» чинят насилие и произвол, что местное население воспринимает действия мамлюков как «чудовищные и безобразные» [ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 124-125]. Далее ал-Кудси пытается объяснить и оправдать действия военных, но его свидетельство именно в таком контексте, имеет большую ценность и, по всей вероятности, отражает истинное отношение подданных Султаната к своим властителям.

Весьма показательна в этом отношении во многом афористичная и эмоционально насыщенная поэтическая трилогия, составленная представителями двух поколений известной в XIV-XV вв. семьи сирийских ученых ал-Ба‘уни. Один из авторов был современником аз-Захира Баркука, основателя Султаната Бурджи, другой стал свидетелем заката былого могущества мамлюков. Несмотря на то, что время написания первой и последней части трилогии разделяет почти семьдесят лет, для произведения в целом характерно не только композиционное и стилистическое единство, но и схожая позиция авторов в оценке происходящих событий. Ее авторы представили политическую историю Султаната мамлюков такой, какой она, вероятно, виделась людям еще более далеким от государственной деятельности, мамлюкского сообщества и даже административной службы, чем большинство авторов исторических сочинений. Первую *урджузу* трилогии ([*Al-Urjūza fī taʾrīkh al-khulafāʾ*]) написал Мухаммад Шамс ад-Дин ал-Ба‘уни (ум. в 1466 г.). Отец Мухаммада Шамс ад-Дина слагал стихи и слыл прекрасным оратором, султан аз-Захир Баркук назначил его читать проповеди в знаменитой мечети Омейядов в Дамаске [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 308-309; ас-Суйӯṭӣ, 1927, с. 13]. Оба брата Мухаммада прославились как ученые: Ибрахим был филологом, а Йусуф написал несколько трудов в области точных наук. Современники с неизменным восторгом отзывались о присущем всем представителям клана ал-Ба‘уни тонком чувстве языка, безупречном владении стилем и поразительной способности легко и быстро создавать стихотворные тексты. Племянник Шамс ад-Дина тоже стал поэтом, а его племянница ‘А’иша прославилась как автор многочисленных мистических сочинений [Homerin, 2003]. Шамс ад-Дин ал-Ба‘уни дает краткую характеристику правления мамлюкских султанов от ал-Му‘изза Айбека до ал-Ашрафа Барсбая. Султаны-Бурджиты выступают в *урджузе* настоящими героями: Баркук– «победитель», Фарадж – «щедрый» и «смело идущий навстречу опасности», Татар – «возродитель справедливости», но больше всего похвал достается завоевателю Кипра Барсбаю. В этой, последней

части своей работы ал-Ба‘уни от ярких, кратких, но емких характеристик переходит к менее выразительному стилю панегирика [ал-Бā‘ӯнӣ, [ал-Урджӯза…]].

Племянник Шамс ад-Дина Хатиба ал-Ба‘уни, Мухаммад б. Йусуф б. Ахмад Баха’ ад-Дин ал-Ба‘уни (ум. в 1505 г.), записавший *урджузу*, продолжил сборник своим собственным сочинением, в котором перечислил султанов от Йусуфа ал-Малика ал-‘Азиза, сына Барсбая, до Каитбая. Поэма Мухаммада б. Йусуфа названа «Достойные и самые остроумные слова о жизни ал-Малика ас-Са‘ида ал-Ашрафа» (*Al-Qawl al-sadīd al-aṭraf fī sīrat al-Malik al-Sa‘īd al-Ashraf*) [ал-Бā‘ӯнӣ, Ал-Ҳаул…]. Баха’ ад-Дину ал-Ба‘уни принадлежит и последняя часть «трилогии», в которой речь идет о султанах ал-Ашрафе Каитбае, ан-Насире Мухаммаде, аз-Захире Кансухе, ал-Ашрафе Джанбулате, ал-’Адиле Туманбае, Кансухе аль-Гури и ал-Ашрафе Туманбае [ал-Бā‘ӯнӣ, [Без названия]; Илюшина, Поэтическая трилогия…, 2014; Ahlwardt, 1887-1899, b. 9, s. 234, 311].

Отношение Мухаммада Шамс ад-Дина и Мухаммада б. Йусуфа ал-Ба‘уни к героям их повествования определяют нормы и ценности ислама. Авторы трилогии воспевают подвиги султанов, которые одержали победу над врагами мусульман – монголами и крестоносцами, славят тех, кто «укреплял столпы шариата», проявлял милосердие к подданным, «возрождал справедливость» и «смело шел навстречу опасности». Ал-Ба‘уни выступают как носители традиционной мусульманской культуры, представители автохтонного населения страны, в отличие, например от Ибн Тагри Бирди, выходца из мамлюкской среды. В работах Ибн Тагри Бирди акценты расставлены несколько иначе. Согласно Ибн Тагри Бирди проницательность - более ценное качество правителя, чем милосердие, а убийство нескольких десятков человек не является проявлением жестокости или тирании, если позволяет обеспечить стабильность власти.[1] Любое решение султана, согласно

[1] Например, о султане ал-Му’аййаде Ибн Тагри Бирди пишет следующее:

Ибн Тагри Бирди, справедливо, если оно продиктовано стремлением упрочить власть и сохранить преемственность культурно-политической традиции, что, в свою очередь, рассматривается как необходимое условие успешного правления, мира и благополучия в стране.

Выбранная авторами *урджуз* тема – история правления мамлюкских султанов – ставит их работу в число сочинений, которые сохраняют и передают коллективную память, отражают потребность общества иметь доступное изложение событий недавнего прошлого, осознавать их, гордиться победами и помнить о трагедиях. Возможно, взгляд на мамлюкскую историю, представленный в трилогии, был присущ не только интеллектуальной элите страны, образованным и состоятельным горожанам, к которым относились авторы этого произведения, но был близок и более широким слоям населения, поскольку поэтическое искусство – одно из самых ярких свидетельств мировосприятия эпохи.

Еще одно стихотворное произведение, использованное для подготовки диссертации, – «Божественные касыды…» (*Qaṣāʾid al-Rabbānīyah wa-l-muwashshaḥāt al-sulṭānīyah al-ghūrīyah*); его авторство приписывается султану ал-Ашрафу Кансуху ал-Гури. «Божественные касыды…» носят, в основном, религиозный характер и представляют собой важный источник для изучения идеологии мамлюков [Дӣвāн…; Илюшина, «Божественные касыды…»…, 2012].

«Он был султаном, которого уважали и боялись, смелым, отважным, разумным и отличал хорошее от дурного. Эмир Арнубуга ал-Йусуфи ан-Насири – да будет Бог милостив к нему – рассказывал мне: «Ал-Му’аййад смотрел на человека, разбирая в нем хорошее и дурное одним лишь взглядом. Так он узнавал столько, что и спрашивать было ни о чем не нужно. Он давал пришедшему довольствие и наделы, которые ему следовали, подобно тому, как искусный целитель выписывает больному лекарство. Если человек ему нравился, он поднимал его до самого высокого ранга в самый короткий срок, если же нет – скупился дать ему даже такой надел, который приносит десять тысяч дирхамов в год». Закончились слова Арнубуги.

Я сказал: «Вот что требуется от правителей, а иначе – благое погублено будет дурным». Он сохранял преемственность с теми, кто правил до него, приняв власть, когда в государстве не было порядка …

Однажды ему передали, что о нем говорят, будто он предал смерти чуть ли не восемьдесят командиров высшего ранга. Ал-Му’аййад ответил, что убил лишь тех, кто этого заслуживал, и что султан вправе казнить всякого по своему выбору. Мамлюки, те, что были недостаточно умны, чтобы постичь глубокий смысл этих слов, не поняли значения сказанного и считали такую речь своего повелителя постыдной» [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 259].

Следующую группу источников составили *труды на русском и европейских языках*. Во второй половине XIV в. возрождается прерванное монгольским нашествием паломничество русских богомольцев в Палестину. В начале XV в. совершил путешествие на Восток иеродиакон Зосима. Он посетил Константинополь, Святую Землю, оставил описание реки Иордан и добрался до берегов Мертвого моря [Житенев, 2007, с. 151, 159, 205-211]. В Иерусалиме Зосима побывал, по его собственным словам, в 6928 г. от сотворения мира, что, как указано в современном издании, должно соответствовать 1420 г. н.э. Между тем, Зосима отмечает, что в это время в Египте правил султан Татар. Поскольку до января 1421 г. на троне находился султан ал-Му'аййад Шайх, посещение Зосимой Иерусалима, вероятно, относится все-таки к 1421 г. Интересно замечание Зосимы о том, что «в Египте султан, сиречь царь, имя его Татар, а в Дамаске – Цекмак» [Хожение Зосимы…, 1984, с. 311], отражающее в некоторой степени ослабление контроля над Сирией со стороны центральной власти в период острого политического кризиса, наступившего после смерти ал-Му'аййада Шайха.

В середине XV в. два паломнических путешествия в Египет и на Святую Землю совершил иеромонах Варсонофий. Он одним из первых русских богомольцев привел подробное описание Синая и монастыря Св. Екатерины на Синае [Житенев, 2007, с. 223-230; Хождение священноинока …, 1896; Хожение Варсонофия…, 1984].

Путь гостя Василия, отправившегося к святыням Египта и Палестины в 1465-1466 г., лежал через Малую Азию. Интересны его описания городов (с довольно подробным перечнем укреплений), в которых он побывал как раз накануне затяжного военного конфликта между Султанатом мамлюков и Дулкадиром (тюркским бейликом в Восточной Анатолии)[1], ставшим

[1] Об истории эмирата (бейлика) Дулкадир и развитии его отношений с Султанатом мамлюков в предшествующий период, а также о различных вариантах написания названия этого эмирата см. [Духмāн, 1986, с. 25-30; Mordtmann, Ménage, 1991; Venzke, 2000, p. 407-413], а также Гл. 3 и 4 настоящей работы.

своеобразной прелюдией к первой османо-мамлюкской войне [Житенев, 2007, с. 231-238; Хожение гостя…, 1984].

Завершение эпохи Крестовых походов, развитие взаимовыгодных торговых связей Султаната мамлюков со странами Европы, прежде всего с Венецианской Республикой, способствовало установлению стабильного и регулярного транспортного сообщения между портовыми городами Западного и Восточного Средиземноморья и создавало благоприятную почву для появления латинских источников по истории Султаната мамлюков.

В коммерческую деятельность на Ближнем Востоке был вовлечен Бельтрамо (Бертрандо) Миньянелли из Сиены (ум. в 1455 г.). Он изучил арабский язык, служил переводчиком при нескольких дипломатических миссиях и составил три сочинения – рассказ о том, как Дамаск был взят войсками Тамерлана в 1401 г. (*Ruina Damasci*), жизнеописание Тамерлана (*Vita Tamerlani*) и биографию аз-Захира Баркука (*Ascensus Barcoch*) [Сулаймāн, 1985, с. 3-6].[1]

Большое путешествие на Восток в 1436-1439 г. совершил кастильский рыцарь Перо Тафур (ум. в 1484 г.). В 1437 г. он побывал в Египте и даже встретился с мамлюкским султаном, которому передал послание от кипрского короля [Coureas, 2019; Tafur, 1926].

В 1510 г. была впервые опубликована книга о путешествии итальянца Лодовико ди Вартема (ум. в 1517 г.), побывавшего в странах Востока в 1503-1508 гг. О Египте Л.Ди Вартема пишет очень кратко, чуть больше внимания он уделил Дамаску, Бейруту, Триполи и Алеппо и довольно подробно рассказал о следовании сирийского каравана паломников, который он сопровождал в составе отряда мамлюков [Varthema, 1928].

В 1511 г. Египет посетил придворный аптекарь из Лиссабона Томе Пирес (ум. в 1524?1540 г.). Описание своего путешествия он составил в

[1] Для подготовки диссертации использованы переводы сочинений Б.Миньянелли на английский язык, опубликованные в рамках аналитических статей В.Д.Фишером [Fischel, 1956; Idem, 1959].

завоеванной португальцами Малакке, сделав интересные замечания о порядке престолонаследия у мамлюков и плачевном экономическом состоянии, в котором находился египетский Султанат в начале XVI в. [The Suma oriental…, 1944].

В XV в. организованный характер стало приобретать паломничество европейцев на Святую Землю. Интересы европейских паломников, их суждения, попытки так или иначе интерпретировать увиденное и услышанное были, независимо от принадлежности к определенной социальной группе, уровня образования, широты кругозора и опыта путешествий, ограничены традиционными, установленными Святым Писанием рамками восприятия действительности. Тем не менее, в исследуемый период в записках европейских паломников появляются более самостоятельные суждения, их авторы пытаются доверять собственным глазам, здравому смыслу и, иногда, новым доступным источникам информации [Haarmann, 2001, p. 2]. Записки европейских паломников, внимание которых сосредоточено на описании святынь, в силу своей специфики содержат не много материла по основной теме диссертационного исследования, вместе с тем в них можно обнаружить крупицы драгоценной информации о характерных деталях культуры, быта, военных традиций и нравственного облика мамлюков, которые арабские и мамлюкские источники зачастую опускают как само собой разумеющиеся и всем известные. Взгляд «со стороны» позволяет отмечать то, что не видно «изнутри».

Пространное и подробное описание двух своих паломнических поездок (в 1480 и 1483-1484 гг.) на Святую Землю оставил швейцарец Феликс Фабри (ум. в 1502 г.) [Fabri, 1892-1893]. В 1496-1499 гг. путешествие на Восток совершил Арнольд фон Харф (ум. в 1505 г.). В 1497 г. он побывал в Каире и оставил заметки о своих впечатлениях, в том числе о мамлюках и их системе престолонаследия, впрочем, не совсем точно охарактеризованной [Harff, 1946]. В 1507 г. отправился в путь из Германии Мартин Баумгартен (ум. в

1535 г.) чтобы посетить Святые места – Иерусалим и Синай. Во время путешествия он записывал все, что «видел, рассматривал, примечал и слышал». Записки эти были переведены с немецкого на латынь и изданы в 1594 г. Х.Донавером, а в 1794 г. опубликованы на русском языке в Петербурге [Посетитель…, 1794].

Два путешествия на Восток, в 1481 и 1487 гг., совершил еврейский банкир Мешуллам бен Менахем из Вольтерры. Банк семьи Мешуллама имел хорошую репутацию и был известен далеко за пределами Италии. Сам Мешуллам Бен Менахем был человеком религиозным, благочестивым и очень деловым. Это деловитость сказывается и в его описаниях. Вот, например, первые строки, посвященные Александрии: «Никогда прежде не видел я такой красивой крепости!» - восклицает путешественник. И тут же указывает число башен, ширину стен Цитадели, а также точное количество мамлюков, которые согласно распоряжению султана охраняют ее каждую ночь [Volterra, 2012, s. 39-40]. Мешуллам Бен Менахем не ограничивается изложением своих впечатлений и событий, связанных с поездкой. Неоднократно он упоминает, что занимался изучением того или иного вопроса, специально собирал интересующую его информацию. В Египте Мешуллам Бен Менахем провел больше месяца. Три города – Иерусалим, Александрия и Каир получили наиболее подробное описание в составленном им сочинении.

Несмотря на то, что большая часть записок паломников и путешественников ограничена стремлением следовать традиции описания «диковинок Востока» или представить увиденное в соответствии с текстами Священного писания, содержащиеся в этих заметках и дневниках сведения позволяют иногда уловить «настроение толпы», восприятие тех или иных событий политической истории жителями Каира, Александрии, Дамаска и приблизиться тем самым к пониманию того, какие нормы мамлюкской политической культуры были настолько устоявшимися, что достаточно прочно внедрились и в сознание немамлюкского населения Султаната.

Выводы

Мамлюкская эпоха, в том числе бурджитский период истории Султаната мамлюков, нашла отражение в многочисленных нарративных источниках. Пространные и подробные хроники, многотомные биографические словари, сочинения по локальной истории, дневниковые записи, энциклопедии, трактаты по теории государства и права, стихотворные учебники по военному делу и письмовники для чиновников дают богатый материал для изучения истории и культуры Египта и Сирии в XIII-XVI вв. Обширная и многообразная источниковая база привлекает исследователей возможностью погрузиться в детальное изучение того или иного вопроса, что далеко не всегда возможно для тех, кто занимается средневековым Востоком. Интенсивное освоение источников и разработка мамлюкской тематики во второй половине XX в. привела к формированию мамлюковедения как отдельного направления в востоковедении; в университетах стран Азии и Европы сложились крупные, активно развивающиеся центры мамлюкских исследований, а в США Чикагский университет стал «штаб-квартирой» современного мамлюковедения, где издается специальный журнал «Mamlūk Studies Review» и постоянно пополняется онлайн библиография источников и литературы, уже насчитывающая более 16 тысяч наименований.

Богатая источниковая база и настоящий бум мамлюковедения в последние два-три десятилетия имеют «оборотную сторону»: чем глубже ученые проникают в отдельные вопросы социальной, экономической, культурной, политической жизни Султаната мамлюков, тем более сложной и трудноразрешимой становится задача представить социальную, экономическую, политическую историю бахритского или бурджитского периода в целом. Действительно, при всем обилии исследовательской литературы по мамлюковедению на европейских языках до сих пор не было издано ни одной монографии, охватывающей всю историю бурджитского периода. Пожалуй, наиболее серьезный шаг в этом направлении был сделан К.Петри, представившим сравнительный анализ политики ал-Ашрафа Каитбая

и ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури, правление которых занимает в общей сложности более 45 лет (вторая половина XV – начало XVI в.). Публикации арабских коллег, посвященные политическому развитию Султаната мамлюков в бурджитский период, носят, в основном, обзорный характер. Большей глубиной отличаются труды по социально-экономической истории, а также работы, посвященные локальной истории (прежде всего, речь идет о монографиях Л.А.‘Абд ал-Маджид, Й.Д.Гаванимы, ‘А.К.Касима, М.Ф.аш-Ша‘ира).

Для реконструкции последовательности и выявления взаимосвязи событий политической истории Египта и Сирии в период правления султанов Бурджи, а также для осуществления комплексного анализа факторов, под влиянием которых складывалась внутренняя и внешняя политика мамлюков в бурджитский период, были использованы публикации российских и зарубежных ученых, посвященные как истории Султаната мамлюков в целом, так и отдельным ее эпизодам. Наиболее глубокую проработку в исследованиях российских и зарубежных историков получили периоды правления султанов ал-Ашрафа Барсбая, ал-Ашрафа Каитбая и ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури, на первый из которых приходится завоевание Кипра и установление монополий на торговлю (М.ал-Ашкар, С.В.Близнюк, Н.Куреас, С. Ван Ньювенхайзе, Й. Ван Стинберген), а на два последних – финансовые реформы и военные конфликты с османами (Д.Айалон, М.Винтер, М.А.Духман, Н.А.Иванов, Д.Игараши, Н.М.Мустафа, Ш.М.Мустафаев, Д.Ю.Муслу, А.Ф.Мутавалли, К.Петри, Ш.Хар-Эл).

Специфический характер перехода власти в период правления бурджитских султанов отмечают едва ли не все исследователи, работы которых хоть сколько-нибудь касаются политических отношений или мамлюкской элиты. Публикаций, посвященных изучению самого «механизма» перехода власти и различных факторов, под влиянием которых он изменялся, значительно меньше. Тем не менее, исследования отдельных элементов сформированной Бурджитами нединастийной системы

престолонаследия и принципов их взаимодействия, подготовленные Д.Айалоном, Х.Зивертом, С.Конерманном, А.Леванони, Й. Ван Стинбергеном, У.Хаарманом, П.М.Холтом и другими учеными, позволили вплотную подойти к решению задачи всестороннего изучения этой системы и выявления ее характерных особенностей, а также изучить формы и способы политической борьбы в Султанате бурджитских мамлюков, определить ее специфику в условиях нединастийного престолонаследия.

Для исследования структуры государственного управления Султаната мамлюков Бурджи, форм, принципов и динамики взаимодействия мамлюкской политической элиты с административными институтами и социальными группами Египта и Сирии, выявления наиболее значимых изменений в политической административной структуре Султаната мамлюков в период правления мамлюков Бурджи существенное значение имели исследования Д.Игараши, Б.Мартель-Туман, К.Петри, Л.А.Семеновой, А.А.Хасанова. Исследование особенностей взаимосвязи светской и религиозной власти в Султанате мамлюков Бурджи базировалось на работах М.Банистера, В.В.Бартольда, Е.И.Зеленева, К.Маудера.

Базовыми источниками для решения основных задач, поставленных диссертантом, служили хроники и биографические словари Ибн Ийаса, Ибн Тагри Бирди, Ибн Хаджара, ал-Макризи, ал-Малати. Сопоставление сведений, которые дают эти авторы (там, где это возможно), привлечение наряду с их многотомными трудами источников «второго плана» – сочинений, посвященных правлению отдельных султанов, локальной истории, «малых» хроник, охватывающих только несколько лет бурджитской истории, стало одним из основных принципов в работе с источниками. Не менее важным было и то, что к исследованию удалось привлечь сочинения представителей разных слоев общества – военной аристократии и мамлюков невысокого ранга, *улемов*, чиновников, а также авторов, которые наблюдали за событиями политической истории (или даже были их участниками) не только из столицы, Каира, но и из других городов, находившихся на территории Султаната.

Решению одной из главный проблем, с которой сталкивается любой исследователь, работающий с источниками нарративного характера, – искажением материала под влиянием субъективных факторов, способствовало привлечение документальных источников и максимально широкий охват разнохарактерных и разноплановых сочинений, созданных в мамлюкскую эпоху или сразу после ее завершения.

Глава 2. Установление власти бурджитских султанов и закрепление новых принципов престолонаследия (1382-1424).

§ 1. Государство мамлюков, мамлюкское сообщество и мамлюкская военно-политическая иерархия.

Мамлюкский султанат располагал обширными территориями, неоднородными по своему составу и значению. Центральные положение занимал Египет. Сельское хозяйство и международная торговля давали здесь стабильный доход, необходимый для содержания армии; Каир был столицей и главной резиденцией мамлюкских султанов. В Сирии географические особенности, довольно пестрый этнический и религиозный состав населения обусловили разделение территорий на семь крупных провинций: Дамаск, Алеппо, Триполи, Хама, Сафад, Газа и Карак. Помимо наместничеств в сферу влияния мамлюкского султана входили территории, правители которых, в отличие от *наместников,* не получали назначение в Каире (в некоторых случаях назначение имело место, но, как правило, только как подтверждение уже имевшегося статуса), но которые, тем не менее, признавали себя (иногда только формально) вассалами султана. Эти территории составляли важные для мамлюкского государства и в стратегическом, и в идеологическом, и в экономическом отношении зоны. Однако, при Бурджитах степень зависимости таких вассальных государств от Каира стала снижаться. Так, управление Йеменом и Баркой в XV в. носило, по существу, автономный характер [Семенова, 1966, с. 27; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 364, 376].

Отношения с Эфиопией колебались от полного признания авторитета мамлюков эфиопскими правителями до угрозы военного конфликта. К концу XV в. дипломатические контакты Эфиопии и Султаната приняли устойчиво умеренный характер. Мамлюкские султаны ал-Ашраф Каитбай и ал-Ашраф Кансух ал-Гури принимали эфиопских паломников и давали им разрешение на посещение святынь в Иерусалиме [Ṭарх̱ān, 1960, с. 146, 159-161].

В период второго правления аз-Захира Баркука были предприняты шаги для укрепления влияния мамлюков в Нубии, но при сыне Баркука, ан-Насире Фарадже, когда Египет и Сирию охватил масштабный политический кризис, достигнутые позиции были утрачены, и на протяжении практически всего бурджитского периода мамлюки не вмешивались в дела Нубии [Ṭарḫāн, 1960, с. 149; Trimingham, 1965, p. 83-84].

Сложная система взаимоотношений связывала Египет и Сирию с эмиратами (бейликами) Малой Азии, которые вели самостоятельную политику, нередко противоречившую интересам Султаната мамлюков, имели место и вооруженные столкновения. Мамлюки использовали и дипломатические шаги, и военную силу для того, чтобы сохранить свое влияние в этом регионе. Формально большая часть правителей анатолийских княжеств признавала авторитет мамлюкских султанов, некоторые получали официальное «назначение» на пост эмира в собственных владениях из Каира [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 232-233; Holt, 1975, p. 237-238; Sievert, 2003, p. 55-56].

Хиджаз со священными городами Меккой и Мединой, где правили шерифы – потомки наследников пророка Мухаммада,[1] а также Джиддой – крупнейшим портом на Красном море, играл важную роль в идеологической и экономической политике мамлюкских султанов, сохраняя при этом частичную, контролируемую мамлюками автономию. Султан присваивал титул *эмира Мекки* мекканскому шерифу, мог оказывать влияние на его смещение и выбор кандидатуры преемника. Султан также назначал судей в Мекке и эмира Медины [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 75; Ибн Фахд, 1983-1990, т. 4, с. 653; Ayalon, 1960, p. 57-58; Petry, 1994, p. 40]. Постоянный гарнизон мамлюков находился с Мекке с 1423 г.[2] В дальнейшем для стабилизации

[1] Подробнее об истории Хиджаза в мамлюкский период см. [Mortel, The Ḥusaynid…, 1994].

[2] Поводом для размещения гарнизона послужила конфискация всех товаров с одного из судов, следовавших из Калькутты, которую годом ранее по собственному произволу осуществил шериф Мекки Хасан б. Аджлан (1395-1415; 1416-1426). Для контроля за сбором пошлин в Мекку был отправлен отряд из тридцати человек. Некоторые исследователи полагают, что именно с этого времени Мекканский эмират был *de facto* включен в состав Султаната мамлюков [Mortel, Aspects…, 1995, p. 2; Idem, The Mercantile…, 1994, p. 16].

политической ситуации в Хиджазе неоднократно требовалось военное вмешательство со стороны Каира. Шериф, в свою очередь, должен был поддерживать интересы и авторитет султана, в том числе проявлять по отношению к мамлюкскому правителю все положенные знаки покорности и внимания [ʿАбд ал-Маджӣд, 2010, с. 146; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 321].[1]

Мамлюкские гарнизоны были расквартированы, как уже упоминалось выше, в Мекке, а также в Медине и Джидде. Помимо этого, отряды мамлюков охраняли крепости, расположенные вдоль побережья Красного моря. Командиры этих гарнизонов считались не *наместниками* султана в этих городах и крепостях, а его *инспекторами* (*shādd*). Помимо этого, султан назначал особых хранителей святынь, обычно из числа заслуженных евнухов [Petry, 1994, p. 40]. В начале XVI в., на завершающем этапе правления бурджитских султанов, мамлюки уже не вмешивались в борьбу между претендентами на пост шерифа Мекки, а их политика по отношению к ситуации в Хиджазе носила пассивный характер [Mortel, 1989, p. 288].

Основу экономики Султаната мамлюков, располагавшегося на плодородных территориях Египта и Сирии, аграрный потенциал которых с древности обеспечивал продовольствием столицы крупнейших империй – Александрию, Рим, Константинополь, составляло сельское хозяйство. Для долины Нила и средиземноморского побережья традиционным было ирригационное земледелие. Крестьянское землепользование носило общинный или индивидуальный характер на основе аренды, обработка земли считалась государственной обязанностью. Общинный характер землепользования препятствовал переходу земли из рук в руки, что упрощало управление *икта‘* – пожалованиями, обусловленными несением военной

[1] Так, например, в 1441 г. аз-Захир Джакмак сместил шерифа Бараката б. Хасана (1425-1441; 1447-1455), который посмел не явиться ко двору султана, и назначил *эмиром Мекки* его брата ‘Али б. Хасана. В Мекку был отправлен отряд из ста пятидесяти султанских мамлюков, которые должны были оказать помощь ‘Али и защитить его от его же смещенного ранее брата, если тот будет проявлять недовольство. По-видимому, ‘Али б. Хасан не добился успеха. Уже через год он был смещен, а на его место аз-Захир Джакмак назначил третьего из братьев – Абу ал-Касима [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 58, 75].

службы. Денежная аренда позволяла мамлюкам быстро получить доход и не заботиться о реализации сельскохозяйственной продукции [Семенова, Крестьянство…, 1958, с. 11-13; Lapidus, 1969; Petry, 1994, p. 103].

Поземельный налог – *харадж* – взимался с государственных земель, земель *ризк* (пожалованных в виде «пенсии»)[1] и *икта',* и, так же, как и подушный налог с немусульманского населения – *джизья,* поступал в государственную казну. Освобождены от *хараджа* были только *вакфы*[2] и *мулки* (земли, находившиеся в частной собственности)[3]. Вместе с тем, налоговое обложение в реальности не всегда соответствовало этой «идеальной» схеме. Так, ризковые земли иногда освобождались от налогов, а вакуфные, напротив, облагались. Доходы от вакуфных земель попадали в казну в исключительных случаях, как правило во время подготовки к военным кампаниям, например, при султане ан-Насире Фарадже, когда в Сирию вторглись войска Тимура, или при султанах ал-Ашрафе Каитбае и ал-Ашрафе Кансухе ал-Гури в период военного противостояния с османами. Для Египта

---

[1] *Ризки,* как и *икта'*, не должны были передаваться по наследству. Учетом и управлением *ризками*, как и *икта',* занималось *Армейское ведомство* (*diwān al-jaysh,* см. ниже) На получение *ризка* могли претендовать не способные к военной службе (в силу преклонного возраста или по состоянию здоровья) эмиры, вдовы и сироты мамлюков, а также потомки мамлюков (*awlād al-nās*) и представители сословия *улемов* [Haarmann, Joseph's law…, 1998, p. 70].

[2] Термином *вакф (waqf)* обозначают «неотчуждаемое имущество, предназначенное для определенных целей, «…право собственности на которое по волеизъявлению учредителя *вакфа* ограничено пользованием всем или частью дохода или продукта» [Большаков, Ваḳф, 1991, с. 45]. Имущество, переданное в *вакф*, перестает быть собственностью дарителя, но и не становится собственностью того, кому подарено. Обычно под *вакфом* подразумевается «*вакф хайри*» *(waqf khairī)*, т.е. богоугодный, благотворительный *вакф*. Средства *вакфа* чаще всего расходовались на содержание мечетей, школ, больниц, приютов, странноприимных домов. Вакуфная собственность, как правило, не облагалась налогами, не подлежала продаже, отчуждению и конфискации. Попечитель *вакфа* получал известную долю доходов с *вакфа*. Учредитель *вакфа* мог лично управлять вакуфными владениями или назначить на эту должность управляющего. *Вакф*ы были и остаются источником финансирования многих религиозных, образовательных, благотворительных и медицинских учреждений мусульманского мира, доходы от *вакфов* идут на поддержание памятников истории и шедевров архитектуры, позволяют решать целый ряд социальных и гуманитарных задач. Важным приобретением учредителя *вакфа* являлся статус пользующегося уважением, благочестивого члена общества. С другой стороны, учреждение *вакфов* – законный и надежный механизм, дающий гарантии экономической безопасности и обеспечивающий благоприятный налоговый режим для собственников в обмен на помощь и поддержку, которые они оказывают религиозной общине и социуму в целом [Илюшина, Вакфы…, 2008, с. 100-103]. Кроме того, учредитель *вакфа* мог предусмотреть выплату части или даже всего дохода от вакуфного имущества (в последнем случае *вакф* относился к категории *ахли* (*waqf ahlī*) – семейный) членам своей семьи, а также назначить кого-то из своих родственников управляющим *вакфа* (которому также предназначалась фиксированная плата из доходов *вакфа*) [Петрушевский, 2007, с. 172; Petry, A Geniza…, 1998, p. 53-54]. Предусмотренные в учредительном документе доходы и выплаты для членов семьи позволяли мамлюку, передававшему собственность в *вакф,* обеспечить своих наследников, не нарушая правила ненаследования *икта'* [Garcin, 1988, p. 121-122].

[3] Владелец *мулка* должен был выплачивать '*ушр,* размер которого был значительно меньше *хараджа* [Sato, 1997, p. 251].

(за исключением Фаюмского оазиса) размер *хараджа* устанавливался ежегодно в зависимости от уровня разлива Нила [Семенова, Крестьянство…, 1958, с 13-14; Семенова, 1966, с. 122].

Подсчеты, выполненные Л.А.Семеновой, показывают значительное сокращение суммы *хараджа* на протяжении XV в. за счет постепенного распространения налогового иммунитета на земли *икта‘*. К числу причин сокращения суммы *хараджа* следует, по-видимому, отнести и деградацию ирригационной системы. Возведение ирригационных сооружений велось в бурджитский период в меньшем масштабе, чем в предшествующее время. Сокращение суммы подушного налога (*джизьи*) было связано с переходом *зиммиев*[1] в ислам [Семенова, Крестьянство…, 1958, с. 15-16]. Кроме того, после реформ, проведенных в первой половине XIV в. султаном ан-Насиром Мухаммадом, *джизья* на территориях, входивших в *икта‘*, стала поступать владельцу *икта‘*. Таким образом, поступления *джизьи* в государственную казну существенно сократились [ал-Ваккāд, 1999, с. 74-75].

В случае необходимости быстро пополнить казну, например, для подготовки к началу военных действий, мамлюкские султаны брали деньги взаймы у крупных торговцев. Так, в 797/1394-1395 г., когда возникла угроза вторжения Тимура в сирийские владения Султаната, аз-Захир Баркук взял под расписку у трех купцов в общей сложности миллион серебряных дирхамов [ал-Джалāлī, 2002, с. 10]. В некоторых случаях отношения заимодавца и должника становились почвой для включения представителей торгового сообщества и их семей в *джама‘а* – негосударственные политические объединения под патронажем султана или эмира.

Характерной чертой мамлюкской эпохи было развитие городов как центров ремесла и торговли, в том числе международной, которая давала

[1] *Зиммии* – иноверцы, признавшие власть мусульман [Большаков, Ахл…, 1991, с. 27].

значительные поступления в казну [Ґава̄нима, 1987, с. 323-330; Хасанов, Город…, 1974, с. 225].[1]

В социальном отношении население Султаната мамлюков делилось на несколько больших групп, внутри каждой из которых выделялись подгруппы, имеющие свою собственную внутреннюю градацию:

1) военно-политическая корпорация мамлюков; внутри этой группы существовала строгая иерархия от раба, воспитанника мамлюкской школы, до эмиров высшего звена и султана;
2) местная знать; к этой группе относились *улемы,* судьи, чиновники, крупные торговцы (*хаваджа*) и руководители отраслей ремесла; особенностью этой большой группы было то, что четко разделить все перечисленные слои населения на подгруппы довольно затруднительно: дело в том, что *улемы,* например, занимали должности судей и чиновников, нередко совмещая эту деятельность с участием в торговле или содержанием ремесленных лавок;
3) промежуточное положение между первыми двумя группами занимали *авлад ан-нас* – потомки мамлюков;
4) зажиточные крестьяне и ремесленники, мелкие и средние торговцы;
5) городская и сельская беднота;
6) племена бедуинов – кочевое и полукочевое население Египта и Сирии.[2]

В армии султаната прослеживалось четкое деление на египетские и сирийские военные части. Сведения о численности мамлюкской армии, как и о численности корпуса султанских мамлюков, имеющиеся в источниках, значительно разнятся, даже если речь идет об одном и том же периоде. Подробный обзор сообщений о количестве мамлюков в хрониках и сводах

---

[1] Купцы, прибывавшие в Египет, обычно уплачивали налог в размере 1/10 стоимости ввозимых ими товаров [Семенова, Крестьянство…, 1958, с. 16].

[2] О социальных группах в Султанате мамлюков см. [ал-Маḳрӣзӣ, 2007, с. 147-150; Фаузӣ, 1958, с. 15-17; Хасанов, Город…, 1974, с. 225; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 378; Conermann, Mamlukica…, 2013, s. 319-320; Lapidus, Mamluk…, 1984, p. 175].

бурджитского периода представлен в статьях Д.Айалона [Ayalon I, 1953; Idem II, 1953; Idem, 1954]. Несмотря на отсутствие точной и достоверной информации о численности мамлюкской армии, не вызывает сомнений довольно четкая тенденция: количество мамлюков в армии Бурджитов сокращалось и было меньше, чем у Бахритов. Авторитетный исследователь экономического развития стран Ближнего Востока в Средние века Э.Аштор указывает, что первые мамлюкские султаны-Бахриты приобретали до 800 военных рабов в год, а во второй половине XV в. эта цифра не превышала 200 или 300 человек [Ashtor, 1976, p. 282]. Сокращение численности мамлюков было обусловлено целым рядом факторов: повторяющиеся, более частые и тяжелые, чем в бахритский период эпидемии чумы, снижение доходов казны из-за перевода земель из фонда *икта‘* в категории *ризк*, *мулк* и *вакф,* постепенного упадка торговли и сельского хозяйства в конце XV в. Кроме того, одной из причин сокращения числа мамлюков, которые находились на службе у эмиров, было стремление правящего султана не допустить чрезмерного укрепления военного отряда того или иного эмира, поскольку это могло представлять потенциальную опасность для самого султана [Ayalon I, 1953, p. 224–228; Idem, II, 1953, p. 462, 464; Garcin, 1988, p. 125].

Египетское войско состояло из трех крупных формирований, различавшихся и по статусу, и по уровню обеспечения, и по источникам средств на это обеспечение. Наиболее привилегированная часть – султанские мамлюки, в свою очередь, делились на мамлюков, купленных правящим султаном (*джулбан* или *муштарат*)[1] и мамлюков, перешедших на службу к этому султану после смерти своих хозяев (если эти хозяева были султанами) – *караниса (qarāniṣa)*.[2] Еще одно подразделение составляли мамлюки *сайфийа (sayfīyah)*. Это были мамлюки погибших или удаленных от службы эмиров – те, кто был принят в состав корпуса султанских мамлюков. *Сайфийа* занимали

[1] Внутри группы *муштарат (mushtarāt)*, к которой относили всех когда-либо приобретенных военных рабов, существовала градация, подробно описанная в исследовательской литературе [Зеленев, 2007, с. 130-131].
[2] Подробнее об истории подразделении *караниса* в мамлюкской армии см. [ʻУс̱мāн, 2017].

наименее привилегированное положение среди султанских мамлюков и, как правило, не принимали активного участия в политических событиях. Султанские мамлюки в отличие от других подразделений армии были сконцентрированы в Каире и только в исключительных случаях несли гарнизонную службу, например в Мекке или на Кипре. Значительная часть султанских мамлюков была расквартирована в казармах Цитадели. Именно султанские мамлюки должны были составлять опору власти правителя. Постепенная замена «старой гвардии» на своих воспитанников – *муштарат* стала традиционной стратегией мамлюкских султанов [Ḳāсим, 1994, с. 13-14]. Подразделение *джулбан (julbān)* принимало активное участие в событиях, связанных со сменой правителя. Негативное влияние на боеспособность мамлюкской армии оказывали конфликты между *джулбан* и другими подразделениями султанских мамлюков. В результате значительная часть *сайфийа* была выведена из корпуса султанских мамлюков и лишилась привилегий [Ayalon I, 1953, p. 205–207, 220–221].

Особую группу среди мамлюков султана составляли его личные гвардейцы – *хассакийа* (*khāṣṣakīya).* Это было привилегированное подразделение султанских мамлюков, телохранители султана, те, кому он мог доверить свою жизнь. Гвардейцам давали ответственные поручения, например, передачу султанских пожалований при назначении на новую должность или арест высокопоставленных эмиров. Численность корпуса гвардейцев достигала нескольких сотен, а у ал-Ашрафа Барсбая и ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури их было более тысячи. Из числа личных гвардейцев отбирались кандидаты для работы в различных ведомствах, в том числе и тех, которые не были непосредственно связаны с армией, например, в казначействе или службе «главного хранителя чернильницы»[1]. Здесь гвардейцы приобретали опыт и знания, необходимые для работы в государственном аппарате, и возможность для карьерного роста. На завершающем этапе

[1] См. об этих ведомствах ниже.

истории Бурджитов выросла не только численность, но стал выше и статус гвардейцев. Так, например, камердинеры (*jamdārīyah*), входившие ранее в состав корпуса гвардейцев, были выделены как самостоятельная группа, и служба в качестве камердинера рассматривалась как возможный «подготовительно-испытательный этап» перед переводом в корпус *хассакийа* [Ibid, p. 213-216; Idem, Djamdār, 1991].

Мамлюки эмиров составляли другое подразделение. Они имели, обычно, более слабую военную подготовку, чем мамлюки султанов, поскольку у них не было возможности проходить обучение у лучших мастеров военного дела в казармах султана. Когда эмир умирал или покидал службу, его мамлюки переходили в корпус султанских мамлюков, к другим эмирам или присоединялись к *халка (ḥalqah)* [Ayalon II, 1953, p. 450–461].

В отряд *халка,* специальное подразделение мамлюкской армии, могли вступить потомки мамлюков (*авлад ан-нас*), евнухи, курдские и монгольские свободные воины – *вафидийа (wāfidīyah),* туркоманы, бедуины, потомки Аййюбидов, а также представители местного населения, связанные узами родства с «кастой» мамлюков [Ḳāсим, 1994, с. 17-18; Ayalon, The Great Yāsa…, 1972, p. 134-136, 141-143; Idem, The Wafidiya…, 1951; Idem, I, 1953, p. 204; Idem, II, 1953, p. 456; Elbendary, 2015, p. 49; Nakamachi, 2006]. Подразделение *халка,* которое считалось элитным при Аййюбидах и сохраняло высокий уровень боеспособности, по крайней мере, в начальный период правления Бахритов, при первых Бурджитах уже выполняло роль второстепенного и вспомогательного отряда, члены которого имели слабую в сравнении с мамлюками военную подготовку. Негативное влияние на боеспособность *халка* оказывало снижение доходов воинов этого подразделения. Они получали походные выплаты меньшего размера (иногда только одну треть от того, что выдавалось мамлюкам), были хуже обеспечены верховыми животными (так, например, во время первой османо-мамлюкской войны каждый мамлюк помимо коня имел, как минимум, одного верблюда для перевозки поклажи, а *халка* получили одного верблюда на двоих воинов) [Har-

El, 1995, p. 202]. В условиях сокращения фонда *икта‘* и доходов казны в целом, *халка* получали все меньше и меньше пожалований, многие были не в состоянии даже приобрести коня [Ashtor, 1976, p. 283; Ayalon II, 1953, p . 448-455].

В мамлюкской армии существовали звания *эмиров пяти, десяти, двадцати, сорока* и *сотни*. В теории каждому из них полагалось иметь соответствующее количество мамлюков, на практике число мамлюков, принадлежавших эмиру, могло отличаться в меньшую или – редко – в большую сторону от полагающегося по рангу. *Эмиров сорока* часто называли *эмирами с оркестром* (*amīr ṭablkhāna*), поскольку они имели право сопровождать собственный выезд шествием небольшого оркестра – группы музыкантов, играющих на ударных и духовых инструментах. *Эмиры сотни* и, разумеется, султан тоже имели подобные оркестры, состоявшие из большего количества музыкантов [Духмāн, 1990, с. 106; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 159, 162, 163; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 443, т. 7, с. 168, т. 8, с. 166; Семенова, 1966, с. 51–52; Певзнер, 1958, с. 183; Хасанов, Социально-политический строй…, 1974, с. 85-86; Ayalon II, 1953, p. 467–469].

Эмир сотни помимо ста собственных мамлюков-всадников на поле боя командовал тысячей воинов *халка,* поэтому его звание обозначалось как *эмир сотни и командир тысячи* (*amir al-miʾa wa muqaddim al-alf)* или просто *командир тысячи* (*muqaddim al-alf). Эмиры сотни* и находившиеся в их подчинении мамлюки, помимо военных, решали задачи, связанные со сбором налогов и податей. Так, согласно свидетельству одного из хронистов, «…Ежегодно весной несколько эмиров – *командиров тысячи* – направляются во все каря для изъятия положенных с каждой провинции лопат и землечерпалок».[1]

Встречающееся в учебниках и обзорной литературе указание на то, что таких эмиров было ровно двадцать четыре, относится к бахритскому периоду.

[1] Цит. по [Семенова, Крестьянство…, 1958, с. 16].

При Бурджитах количество эмиров сотни варьировалось и могло приближаться к десяти или, напротив, быть больше двадцати пяти.[1] Отчасти это было связано с политической нестабильностью, отчасти – с подвижностью земельного фонда, поскольку присуждение любого звания должно было сопровождаться выделением *икта‘* соответствующего размера. *Икта‘*, которые получали эмиры, как правило, были раздроблены на несколько частей, расположенных в различных провинциях [Ḳāсим, 1994, с. 14-15; Семенова, 1966, с. 124-125; аш-Ширбӣнӣ, 1997, т. 1, с. 231]. Поскольку количество земель, которые могли быть выделены в качестве *икта‘*, было ограниченным, получить звание эмира и соответствующий земельный надел мамлюк мог только в том случае, если прежний владелец этого надела умер, погиб, был казнен, или получил более высокое звание и другой, соответствующий этому новому званию надел, или был арестован или отправлен в ссылку и лишен своего *икта‘* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 186, 191-193; Ayalon, Discharges…, 1972, p. 26-27]. В редких случаях *икта‘* мог быть выделен из личных владений султана, однако это было более характерно для бахритского, нежели бурджитского периода, когда султан, напротив, стремился к увеличению собственных (а не казенных) земель. Таким образом, количество эмиров и, следовательно, мамлюков, которых эти эмиры могли содержать,[2] было ограничено земельным фондом *икта‘*. Увеличение численного состава армии неизбежно вело к усилению эксплуатации крестьян, либо к ухудшению обеспечения мамлюков, которое, в свою очередь, приводило к беспорядкам, разбою и грабежам со стороны мамлюков, стремившихся таким нехитрым способом восполнить недостаток жалованья, пайков и фуража. С другой стороны, сокращение населения в результате эпидемий и природных катастроф, приводило к тому, что *икта‘*, на обработке

[1] Например, в 1515 г. в мамлюкской армии было двадцать семь *эмиров сотни* – командиров *тысячи* [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 434].

[2] Считалось, что две трети доходов от собственного *икта‘* эмир должен расходовать на содержание и обеспечение своих мамлюков, однако, следовали этому правилу не все и не всегда, насколько можно судить по довольно скудным в этом отношении материалам источников [Ayalon II, 1953, p. 459–460].

которого трудилось меньше людей, приносил меньший доход, и эмир не получал достаточных, или, по крайней мере, привычных средств ни для себя, ни для своих мамлюков. Несмотря на то, что чума поражала мамлюков не меньше, чем местное население,[1] «свободных» *икта‘* не оставалось, поскольку на место умершего эмира, сразу назначался следующий, ожидающий повышения звания. Кроме того, будучи лишь временным владельцем, как правило, только какой-то части того или иного сельскохозяйственного района, эмир не был заинтересован в развитии и укреплении общинных крестьянских хозяйств [Ashtor, 1976, p. 283].

Специфическую роль в военно-административной системе Султаната мамлюков играли племена и племенные союзы бедуинов. Они занимались и скотоводством, и земледелием и несли перед государством определенные обязательства, связанные с участием в военных походах, а также с поставками верховых животных для армии мамлюков; на Синае племена получали специальную плату за охрану основных караванных путей, связывавших Египет и Сирию, должны были предоставлять лошадей для почтовой службы, а также верблюдов для поклажи в случае, если султан или его представители пересекали полуостров [ас-Саййид, 1998, с. 217-223; Richards, 1987, p. 205; Idem, 2011, p. 10-11]. Вследствие особенностей традиционного расселения бедуины Верхнего Египта могли контролировать поставки зерна в Каир и другие города Дельты, а также пути торговли с Суданом, что давало им весьма действенный рычаг влияния на центральную власть. В период правления Бурджитов бедуины постепенно становятся все более заметной силой на политической арене Египта. Во время военных действий поддержка бедуинов и присоединение их отрядов к мамлюкской армии играли важную роль, зачастую не столько из-за того, что мамлюки приобретали дополнительную боевую силу, сколько из-за того, что тылы мамлюкской армии и окружающие

[1] В источниках неоднократно встречаются упоминания о том, что во время эпидемий уровень смертности среди мамлюков был гораздо выше, чем среди местного населения. Эти сведения подтверждаются авторитетными исследованиями [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 309; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 273; Neustadt, 1946, p. 68-69].

районы не подвергались нападению и разграблению со стороны кочевников [Amitai, 1999, p. 138]. В случае мятежа или смуты бедуины могли оказать действенную поддержку тому или иному лидеру.[1] Малейшее ослабление контроля со стороны мамлюков давало повод нападению бедуинов на сельских и городских жителей. Племенная конфедерация Ал Фадл – наиболее крупная и влиятельная на севере Сирии – неоднократно опустошала Хаму и другие сирийские города. Бану Лам совершали набеги в Палестине и Трансиордании [Petry, 1994, p. 38-39].

Помимо бедуинов Египта и Сирии[2], мамлюкам приходилось иметь дело и с племенами кочевников в Хиджазе, которые представляли опасность для паломников,[3] а кроме того, угрожали власти мекканского шерифа. В течение десяти лет ал-Ашраф Каитбай боролся с бедуинами Худжар. Позднее, при ал-Ашрафе Кансухе ал-Гури, мятежи вспыхнули с новой силой [Семенова, 1966, с. 150; Petry, 1994, p. 40].

Серьезный урон авторитету мамлюкского султана – покровителя Священных городов, Мекки и Медины, – наносили нападения бедуинов на караваны *хаджжа*. Гибель паломников была тревожным сигналом, ставившим под сомнение и боеспособность мамлюков, и, как следствие, их статус защитников мусульман.

Во главе мамлюкской военно-политической иерархии стоял султан. Его имя произносилось в пятничной молитве и чеканилось на монетах. Султанат мамлюков Бахри был образован в период противостояния мусульман с крестоносцами и монголами. Разгром армии Людовика IX в 1250 г. и победа при ʿАйн Джалуте в 1260 г. позволила мамлюкам захватить власть и стать правителями Египта и Сирии. Уничтожение остатков крестоносных владений

---

[1] Так, после возвращения Баркука на трон в 1390 г. сирийские кочевники во главе со своим предводителем Нуʻайром заключили союз с Минташем (см. о нем ниже) и в течение двух лет совершали набеги на населенные пункты, захватывали города и даже готовились к взятию Дамаска. Баркуку удалось подавить это восстание только после того, как Нуʻайр принял решение отказаться от опасного союза с Минташем [Korn, 2003, p. 310].
[2] Бедуинские племена кочевали в Сирийской пустыне, а районы Наблуса и Хаурана населяли полукочевники, чьи шейхи получали формальное подтверждение своего статуса в Каире.
[3] Нападениям бедуинов подвергались и мусульманские и христианские паломники. См., например [Хожение Зосимы…, 1984, с. 310].

на Ближнем Востоке и успешное противодействие нападениям монголов принесли мамлюкам славу защитников мусульман. Идея джихада стала ключевым элементом мамлюкской идеологии и лежала в основе легитимности их власти [Зеленев, Илюшина, Теория…, 2019, с. 6; Crone, 1980, p. 89; Fierro, 2010, p. 3; Mauder, 2019, p. 166].

С точки зрения шариата легитимность власти мамлюкских султанов была обеспечена еще со времен аз-Захира Байбарса (1260-1277) инвеститурой аббасидских халифов, которые после вторжения монголов в Багдад нашли убежище во владениях мамлюков. Байбарс захватил трон, убив своего предшественника, ал-Музаффара Кутуза, заслужившего славу победителя монголов и защитника всех мусульман [Абӯ ал-Фидāʾ, 1907, т. 3, с. 247; аз-Ẕахабӣ, 1989-2004, т. 48, с. 355]. Это обстоятельство не остановило первого аббасидского халифа в Каире ал-Мустансира, который вынес инвеституру об утверждении Байбарса правителем Египта, Сирии, Диярбакыра, Хиджаза, Йемена и земель Евфрата. Тем самым были заложены основы теократического правления мамлюкских султанов, получавших власть из рук халифа – *повелителя правоверных*, а ислам в очередной раз проявил свою способность освещать религиозным авторитетом отнюдь не религиозные представления, политико-правовые установки и этико-культурные ценности, сохраняя статус государственной религии [Гордлевский, 1962, с. 188; Зеленев, Илюшина, 2013, с. 42; Кузнецов, 2010, с. 225-226; Смилянская, 1981, с. 4; Fuess, 2013, p. 96; Mauder, In the Sultan’s Salon…, 2021, vol. 2, p. 872-873]. Высоким авторитетом в Султанате мамлюков, как и в любом другом средневековом мусульманском государстве, пользовался *шайх ал-ислам.* В мусульманской духовной иерархии он занимал второе после халифа место. Его мнение было решающим при рассмотрении особенно сложных и спорных судебных дел, он давал рекомендации султану о назначении *улемов* на различные должности в религиозных учреждениях.

Аббасидские халифы в государстве мамлюков в политическом плане полностью подчинялись султанам. Султан принимал решение о передаче

халифского титула новому претенденту и мог при этом вмешиваться в порядок наследования этого титула, принятый у Аббасидов, он же принимал решение о низложении халифа, если в этом была необходимость, мог отправить халифа в тюрьму или в ссылку [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 367, 377].

Важное значение для подтверждения легитимности правления мамлюкских султанов и их высокого авторитета в мусульманском мире имел статус защитников «двух Священных городов» - Мекки и Медины. Ежегодно под патронажем мамлюков в священные города мусульман отправлялись караваны паломников[1] и новое покрывало для Каабы. Под покровительством мамлюкского султана находился и третий священный для мусульман город – Иерусалим с Мечетью Скалы [ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 100; Stilt, 2011, p. 31].[2]

Султан определял внутреннюю и внешнюю политику государства. Он совмещал политические функции, которые должны были давать конкретный результат – борьба с внешними врагами и внутренними смутами, обеспечение безопасности населения, решения о введении новых или отмене уже имеющихся налогов и сборов, – с не менее активной и авторитетной деятельностью, связанной с религиозной жизнью. Важным направлением этой деятельности было осуществление судебных функций. В руках султана объединялось управление двумя системами правового регулирования в государстве – первой, специфической внутримамлюкской, и второй, охватывающей все группы общества, в том числе и мамлюков, которая была основана на шариате. Кроме того, мамлюкские султаны назначали судей, имамов, *шейхов* и преподавателей в *медресе*, обеспечивали сбор *закята* [Stilt, 2011, p. 25-26]. Под непосредственным патронажем султана находилось одно

[1] Организация паломнических караванов, которые формировались в Каире и Дамаске не только из подданных мамлюкского султана, но включали в себя пилигримов из Магриба, Центральной и Западной Африки, Месопотамии, Малой Азии, приносила мамлюкам идеологические дивиденды и немалые доходы, поскольку товары, перевозимые паломниками из других стран, облагались налогами, а сбор караванов сопровождался оживленной торговлей на рынках «двух столиц» [‘Ankawi, 1974, p. 149].

[2] О значении Иерусалима как центра паломничества в мамлюкскую эпоху см. [Lutfi, 1983, p. 158-171].

из крупнейших религиозно-образовательных учреждений в Египте – *ханака*[1] Сирйакус [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 435, 526].[2] Султан принимал решение о назначениях на все должности в военно-административной системе, а также о назначении халифа и верховных судей всех четырех *мазхабов* [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 370].[3]

Во главе ведомств, связанных с управлением делами султанского двора, стояли эмиры, составлявшие политическую элиту государства. Уже в первые десятилетия XV в. ближайшим помощником и главной опорой султана становится *атабек (atābak al-ʿasākir, al-amīr al-kabīr)*[4]. Если у власти формально находился малолетний султан, получивший трон по наследству, что нередко происходило в Султанате мамлюков, *атабек*, в большинстве случаев, фактически выполнял функции регента и приобретал титул *правителя владений* (*mudabbir al-mamlaka*) [Ayalon, 1954, p. 58].

Именно те эмиры, которые становились *атабеками*, впоследствии чаще всего добивались права занять трон. Собственно, так и началась история мамлюкских султанов, первым из которых стал ал-Муʻизз Айбек, занимавший пост *атабека* при Аййюбидах [Levanoni, 1994, с. 377]. В мае 1250 г., после гибели ал-Муʻаззама Тураншаха (1249-1250), последнего[5] правителя из династии Аййюбидов, мамлюки Бахри избрали Айбека *атабеком* – командиром армии. Он стал соправителем вдовы аййюбидского султана ас-

---

[1] *Ханака* – суфийская обитель, место совместного проживания и отправления религиозных предписаний суфиев [Акимушкин, 1991, с. 272]. В бурджитский период в *ханаках*, наряду с деятельностью суфиев имело место преподавание традиционных для ислама суннитского толка религиозных дисциплин [Little, 1991, p. 104]. Подробнее о *ханаках* в бурджитский период см. [Homerin, 1999].

[2] *Ханака* Сирйакус была основана бахритским султаном ан-Насиром Мухаммадом и находилась приблизительно в двадцати километрах к северу от Каира. В *ханаке* работали авторитетные и прославленные *улемы,* она была рассчитана на сто суфиев, каждый из которых имел отдельное помещение, получал денежное содержание, пищу, мыло и проч. При *ханаке* постоянно находились врач, хирург и окулист, имелись мужская и женская бани [Petry, 1981, p. 341]. Султан был *шейхом* и управляющим *ханаки.* Этот обычай был нарушен лишь однажды, в год вступления на престол ал-Ашрафа Инала, когда управление *ханакой* Сирйакус было поручено одному из эмиров [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 435].

[3] Помимо многочисленных упоминаний о подобных назначениях в исторических хрониках и биографических словарях сохранились тексты некоторых соответствующих указов. См., например [Ибн Ḫиджжа, Китāб…, 2005, с. 5-26, 31].

[4] Появление института *атабеков* в мусульманском мире относится к сельджукской эпохе. О значении и использовании терминов *atābak al-ʿasākir, al-amīr al-kabīr* см. [Ayalon, al-Amīr…, 1986, p. 444; Idem, Atābak…, 1986, p. 732].

[5] Формально следующим после Тураншаха и последним султаном династии Аййюбидов считается малолетний Муса б. Йусуф, ал-Ашраф Музаффар ад-Дин, чье имя произносилось в *хутбе* с 1250 по 1254 г.

Салиха Наджм ад-Дина Аййюба (1240-1249) Шаджарат ад-Дурр (ум. в 1257 г.), а в июле того же года был признан султаном [Зеленев, 2013, с. 27-30; Кадырбаев, 2006; Учок, 1982, с. 46-49; Northrup, 1998, p. 249-50]. При мамлюках *атабек,* или главный эмир, выполнял не только функции командира армии, но и принимал активное участие в управлении государством.

В период третьего правления ан-Насира Мухаммада (1310-1341) был создан Консультативный совет, расширена и упорядочена система дворцовых служб и должностей.[1] Принимая важные решения, в частности, о начале военных действий как против внешних, так и против внутренних врагов, султан созывал на совет эмиров. Заседания совета предполагали присутствие халифа, *вазира* и верховный судей [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 370; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 219]. В бурджитский период состав и функции Консультативного совета претерпели значительные изменения. Так, например, участие *вазира* в этих заседаниях стало не обязательным, а в некоторые периоды и не предполагалось. Совет больше не выбирал главного эмира – *атабека*: решение о назначении *атабека* принимал султан. Слово султана на совете играло решающую роль, тем не менее обсуждение важных государственных вопросов, во-первых, позволяло султану выяснить мнение эмиров, попытаться выявить оппозицию и, возможно, разделить ответственность за принятое решение; во-вторых, если эмиры одобряли решение султана, предполагалось, что султан не столкнется с их противодействием, когда это решение будет выполняться. Иногда, баланс сил в совете нарушался, высокопоставленные эмиры могли оказывать давление на

[1] Увеличение числа эмиров при дворе султана, систематизация рангов и титулов нашли отражение в развитии мамлюкской геральдики [Теплякова, 2017, с. 5]. Гербы, как и *нисбы* мамлюкских эмиров отражали принадлежность к определенной группе внутри мамлюкского сообщества и служили символическими показателями политической и социальной идентичности. В особых случаях герб давался султаном, иногда выбирался мамлюком по собственному усмотрению. Как правило, изображения на гербе были в той или иной мере связаны с военным подразделением или административной структурой, к которой принадлежал мамлюк при получении им звания эмира, например, чернильница была обязательным элементом в гербе *давадара*, а платок указывал на принадлежность к службе *камердинера*. Однажды выбранный или дарованный герб, чаще всего, не меняли с получением новых должностей и званий. Мамлюки гордились своим послужным списком, и чем ниже было их положение в начале карьеры, тем более весомыми становились достижения и победы [Mayer, 1933, p. 3-7]. Нередко на гербах и знаменах изображались животные, символизирующие власть, силу, ловкость – львы, орлы, соколы [Frenkel, 2013, p. 426]. О гербах эмиров бурджитского периода см. [Садофеев, 2017; Хотко, Султаны…, 2015].

султана. Так, например, при ал-Ашрафе Каитбае, когда в 1480 г. по обвинению в коррупции были лишены места шафи‘итский и ханафитский судьи, *атабек* Азбек (ум. в 1499 г.), оказывавший покровительство этим *факихам*, убедил султана вернуть их на прежние должности [Petry, 1994, p. 143].

В число приближенных султана входили *эмир совета* (*amīr al-majlis*), *эмир оружия* (*amīr silāḥ*), *главный дворецкий* или *главный церемониймейстер* (*ḥājib al-ḥujjāb*), *командир вахты* (*raʾs nūbat al-nuwab*), *эмир султанских конюшен* (*amīr ākhūr al-kabīr*)

Э*мир совета* выступал организатором заседаний совета эмиров, помимо этого, в случае необходимости, обеспечивал визиты врачей к султану, а также личную охрану султана [ал-Хӣла, 1971, с. 1066].

Эмир оружия командовал отрядом оруженосцев из числа султанских мамлюков, заведовал главным оружейным складом и в особых случаях нес оружие султана [Ayalon, 1954, p. 60].

Главный церемониймейстер помимо основной функции, определенной названием этой должности[1] и заключавшийся в организации официальных визитов во дворец, парадов и всех аудиенций султана, мог самостоятельно решать некоторые споры между эмирами и рядовыми мамлюками, выносить наказания, принимать жалобы и прошения [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 371].

В ведении *командира вахты* находились султанские мамлюки, он должен был следить за соблюдением дисциплины в их рядах, при необходимости разбирать споры и конфликты, приводить в исполнение наказания и иные приказы султана в отношении султанских мамлюков [ал-Хӣла, 1971, с. 1066; Ayalon, 1954, p. 60-61]. В подчинении у *командира вахты* находился большой отряд *вестовых* (*raʾs nūbah*). Для многих мамлюков скромная служба *вестового* была шансом проявить себя, быть замеченным и

[1] В аббасидскую эпоху слово «хаджиб» употреблялось в значении «страж внутренних покоев». Учреждение должности главного *хаджиба* (*ḥājib al-ḥujjāb*) относится, вероятно, к X в. О высоком положении главного *хаджиба* при дворе халифов в XI в. сообщает Хилал ас-Саби [Хилāл аç-Çāбӣ, 1983, с. 55-60, 101, 111].

продвинуться по карьерной лестнице. Для некоторых из них первой ступенью было получение звания *эмира десятка*, бывали случаи, когда *вестовых* назначали *наместниками*, например в Александрию, и повышали до звания *эмира сорока*. Но были и такие, которые оставались *вестовыми* до старости [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 312, 314, 340].

Эмир султанских конюшен был управляющим конюшнями в каирской Цитадели, в его ведении находились все верховые животные султана, в том числе и те, которые использовались для почтовых нужд. В подчинении *эмира султанских конюшен* находилось, как правило несколько *эмиров сорока* и *эмиров десятка* [Ayalon, 1954, p. 63].

Мамлюкская военно-политическая иерархия носила довольно подвижный характер, эмиры могли перемещаться с одной высокой должности на другую, минуя несколько ступеней, причем как «вверх», так и «вниз». Так, например, должность *командира вахты* была не самой высокой в мамлюкской «табели о рангах», но во второй половине XV в., когда сохранившаяся с бахритского периода военно-политическая иерархия мамлюков утрачивала традиционную устойчивость, *командир вахты* мог получить назначение на пост *атабека*. Один из случаев такого перемещения связан с историей вступления на престол султана ал-Ашрафа Каитбая. Каитбай был назначен *командиром вахты* в краткий период правления султана аз-Захира Йалбая. До этого он служил в армии в звании *командира тысячи*. Должность *командира вахты* освободилась после того, как эмир Азбек был назначен *наместником* султана в Сирии. Каитбай и Азбек были ровесниками, оба начали служить еще при ал-Ашрафе Барсбае, однако карьера Азбека была, пожалуй, более насыщенной и яркой. Три раза его отправляли в ссылку, дважды в тюрьму, в должности *командира вахты* он находился более двух лет, до этого более года был *главным дворецким*. Азбек участвовал в военных походах. Незадолго до назначения наместником в Сирии он, командуя отрядом мамлюков, одержал победу над восставшими бедуинами Укба. Не исключено, что, если бы Азбек во время свержения аз-Захира Йалбая, находился в Каире, а не в Дамаске, он

был бы более вероятным претендентом на пост *атабека*, а затем и султана, чем Каитбай. Тем не менее, именно Каитбай получил пост *атабека,* когда после свержения Йалбая, к власти пришел аз-Захир Тамурбуга. Быстрый перевод на пост *атабека* объяснялся не повышением роли и значения *командира вахты* в мамлюкской политической иерархии, но кризисом власти и конкретной политической ситуацией в Каире.[1]

Помимо перечисленных выше эмиров важную роль в управлении делами государства играли *главный устадар (al-ustādār al-kabīr)* – управляющий резиденцией султана и *главный давадар* – «хранитель султанской чернильницы» *(al-dawādār al-kabīr)*. В большинстве случаев (но не всегда) эти должности занимали мамлюкские эмиры высшего звена.

Устадар ведал дворцовыми службами и слугами, под его контролем находилось обеспечение султанских мамлюков, *вазир* уже в начальный период правления Бурджитов стал одним из его подчиненных. Должность *устадара* обычно доверяли только «людям меча», т.е. мамлюкам, эмирам [Ayalon, 1954, p. 61-62]. В подчинении *устадара* находился *глава кашифов (kāshif al-kushshāf)*, который, в свою очередь, контролировал работу провинциальных *кашифов* – чиновников, отвечавших за сбор налогов (преимущественно с земельных наделов *икта'*). В функции *кашифов* входил контроль за строительством ирригационных сооружений [Семенова, Основные направления…, 1958, с. 87]. Провинциальным *кашифом* мог быть назначен кто-то из местных, не обязательно обладающий статусом *улема* или *кади.* Нередко крестьянам приходилось терпеть жестокие притеснения со стороны таких управляющих. Ибн Тагри Бирди сообщает, что жители провинции ал-Бухайра неоднократно жаловались султану на своего *кашифа,* который был для них «хуже дьявола» [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 182].

Главный давадар в бурджитский период постепенно приобрел большое политическое влияние, а его функции распространялись далеко за пределы

[1] Подробнее об этих событиях см. Гл. 4.

вопросов, связанных с пером и чернильницей султана, фактически, он был личным управляющим султана в самом широком смысле этого слова. *Главному давадару* султана подчинялись младшие *давадары* – служащие его ведомства. Обычно, это были мамлюки султана, не имевшие еще звания эмира [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 309; Ayalon, 1954, p. 62-63].

Управление личной казной султана осуществлял специальный чиновник – *казначей (khāzandār)*. На эту должность назначались, как правило, евнухи. По мере увеличения личной собственности султана росло влияние *казначея,* во второй трети XV в. этого чиновника уже называют *казначей – главный евнух (zamām khāzandār)*. С ростом доли личной казны султана в финансовой системе была связана еще одна тенденция: управление собственными доходами и расходами султан поручал тем, кто пользовался особенным доверием, независимо от ранга или места, которое занимал этот человек в административно-военной иерархии [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 230; Ayalon, The Eunuchs…, 1977, p. 271-272; Igarashi, 2009, p. 41; Idem, 2010, p. 94].

На должность *вали (wālī) – главы полицейского ведомства* в Каире, согласно традиционной мамлюкской иерархии, сложившейся в бахритский период, мог быть назначен только эмир – один из «людей меча». Шихаб ад-Дин ал-Калкашанди относит *вали* к числу двадцати пяти эмиров, которые составляли ближайшее окружение султана [ал-Ḳалḳашандӣ, 1913–1922, т. 4, с. 16-23]. *Вали* осуществлял сбор пошлин, а также штрафов за неуплату налогов и другие провинности, должен был пресекать любые нарушения законности и порядка в торговле и коммерции, сообщать в вышестоящие инстанции (султану или его представителю) о жалобах на деятельность судей, а также обеспечивать исполнение указов султана и решений суда относительно гражданских лиц. Он производил аресты и осуществлял наказания как по непосредственному приказу султана или его наместника, так и по собственной инициативе. В его распоряжении был отряд мамлюков и несколько помощников – стражников, дозорных, тюремных надзирателей, факельщиков

[Ибн Ḳāḍī Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 8, 11-12; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 379, 382]. Наконец, *вали* расследовал такие серьезные преступления как убийство, контролировал захоронение тех, кто погиб в результате противоправных действий или несчастных случаев [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 450]. *Вали* назначались в крупные города – Александрию, Дамьетту, Асуан, Иерусалим (здесь должность *вали* могли доверить мамлюку невысокого ранга, даже не имевшему звания эмира) [Lutfi, 1985, p. 156]. Во главе каждой из тринадцати провинций Нижнего Египта и семи Верхнего также стояли *вали* [Баḫр, 1999, с. 38-40; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 376]. Их произвол был одной из причин постепенного обнищания египетского крестьянства. Описывая события 1451 г., Ибн Тагри Бирди отмечает:

> «Жители деревень и кочевники покидали свои места, и увеличивалось число бедняков в Каире… и умерло большое число их… была близка к разорению египетская земля; опустели многие селения… земли опустошены из-за произвола губернаторов и бедуинских шейхов, а также из-за бегства крестьян».[1]

Широкий круг обязанностей *вали* позволяет считать, что этот чиновник совмещал функции градоначальника и главы полицейского ведомства, поэтому в российской и современной западной историографии название этой должности переводится двояко: «губернатор» и «префект полиции».[2]

В бурджитский период позиция *вали* в мамлюкской иерархии была довольно подвижной. Должность *вали* Каира занимали как мамлюки (включая рядовых), так и египтяне [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 433]. В условиях обострения политической обстановки или после прихода к власти нового султана положение *вали*, как и большинства эмиров могло резко измениться. Так, в период краткого правления аз-Захира Тамурбуги, предпринимавшего все возможные меры, чтобы укрепить свои позиции, *вали* Каира, который был *хушдашем* («однополчанином»)[3] Тамурбуги, получил звание *эмира сотни* и

---

[1] Цит. по [Семенова, Крестьянство…, 1958, с. 16-17].
[2] См., например, [Хасанов, Социально-политический строй…, 1974, с. 61-62; Petry, 1981, p. 23; Idem, 2017, p. 14; Stilt, 2011, p. 36].
[3] О *хушдашах* см. ниже.

был переведен на должность *главного дворецкого* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 306, 341].

Относительная стабильность в управлении ведомством *вали* Каира наблюдается в период правления ал-Ашрафа Каитбая. В течение почти двадцати лет, с 1469 по 1487 г. эту должность занимал Йашбек мин Хайдар [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 30]. По-видимому, султан доверял ему и был доволен его службой. В 882/1477-1478 г. Йашбек сопровождал Каитбая в его тайной поездке в Сирию с целью инспекции крепостей и фортов [Ибн ал-Джиʿāн, 1984, с. 47]. В 1480 г., когда в *хаджж* вместе с султаном отправился каирский *мухтасиб*, его полномочия были временно переданы Йашбеку мин Хайдару [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 243]. После начала войны с османами в Каире сложилась напряженная обстановка. Йашбек был не в состоянии остановить грабежи и нападения султанских мамлюков, о чем прямо заявил султану. Это стало причиной отставки Йашбека [ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 3, с. 1003-1004]. Впоследствии Йашбек был переведен на должность *второго эмира конюшен*, затем, в 1489 г. повышен до звания *командира тысячи*, а в 1491 г. назначен наместником Хамы [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с. 80-81, 147, 232].

Ниже по положению в мамлюкской военно-политической иерархии были эмиры, занимавшие другие должности при дворе султана: *начальник тюрьмы (amīr jāndār)*[1]*, начальник военной полиции (naqīb al-jaysh)*[2]*, командир султанских мамлюков (muqaddam al-mamālīk al-sulṭanīya)*[3].

В начале бурджитского периода высоким статусом обладал *наместник султана* (*nāʾib)* в Египте. При Бахритах *наместник султана* в Египте занимал самую высокую после султана степень в административной иерархии. При

---

[1] *Начальник тюрьмы*, помимо своих прямых функций, мог испрашивать у султана дозволения эмирам и чиновникам войти, вводил их в помещение для аудиенций, передавал (наряду с *давадаром* и *начальником султанской канцелярии*) почту султану, помимо этого руководил службой исполнения наказаний [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 7; ал-Хӣла, 1971, с. 1066; Ayalon, 1954, p. 63-64;].

[2] *Начальник военной полиции* выполнял приказы султана, связанные, в основном, с перемещением отдельных воинов или отрядов, а также конвоировал осужденных мамлюков; наряду с другими офицерами нес ответственность за охрану султана во время официальных церемоний и военных походов [Ayalon, 1954, p. 64-65].

[3] На должность *командира султанских мамлюков* обычно назначали евнуха. Он возглавлял мамлюкские военные школы-казармы в каирской Цитадели [Ayalon, 1954, p. 65].

перечислении всех высокопоставленных лиц в мамлюкских хрониках имя *наместника султана,* как правило называется сразу после имени самого султана. *Наместник султана* был членом Консультативного совета и замещал султана во время его отсутствия. При аз-Захире Баркуке из-за частых восстаний бедуинов были введены должности *наместников* Верхнего и Нижнего Египта [ʿĀшӯр, 1976, с. 366; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 370, 375]. В начале XV в. *наместник султана* постепенно утрачивает свою влиятельную позицию при дворе. Должность *наместника султана* в Египте была упразднена по приказу султана ал-Му'аййада Шайха [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 340; Ayalon, 1954, p. 58].

Наместники областей и городов были призваны представлять и защищать власть султана, вместе с тем существовала опасность неповиновения, мятежа со стороны *наместников*. Такая ситуация диктовала необходимость тщательного подбора кандидатур и их своевременной замены или ротации. Поскольку формальные критерии были минимальны, решение, как правило принималось на основе рекомендаций (или доносов) и под влиянием личных отношений, особенно когда речь шла о ключевых постах. Наиболее влиятельным сторонником или весьма опасным противником султана мог стать *наместник* Сирии, которая нередко становилась плацдармом для мятежей, а также наместники крупных сирийских городов, в первую очередь, Алеппо. Роль и значение *наместника* Сирии определялась еще и тем, что он возглавлял форпост обороны Султаната от вторжений из Малой Азии. В периоды политической нестабильности или военных действий, как например, после нашествия Тимура в 1400–1401 гг. и смуты, сопровождавшей годы правления ан-Насира Фараджа, контроль султана над всей Сирией или отдельными ее районами мог быть практически утрачен [Wing, 2015, p. 7].

К середине XV в. с целью упрочения центральной власти султан полностью узурпировал право назначать *наместников* сирийских городов, которым раньше хотя бы в некоторой степени пользовался *наместник*

Дамаска. Не наместнику, но султану принадлежало право присваивать звания *эмиров сорока* и *эмиров сотни*, назначать руководителей административных ведомств и главных *кади* городов и провинций. *Наместник* же мог назначать чиновников и *улемов* только на рядовые должности [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с. 148; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 375]. В самом Дамаске претенденты на ключевые посты в административном аппарате, а также главные судьи четырех *мазхабов* во второй половине XV в. утверждались султаном [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 403].

Важную роль в управлении наместничествами играл *комендант цитадели* (*nāʾib al-qalʿa*)[1], который подчинялся непосредственно султану [Ґавāнима, Ат-Таʾрӣẖ ал-ẖадāрӣ…, 1982, с. 33]. Одной из функций *коменданта* крепости в городах – центрах провинций и областей был негласный контроль за действиями *наместника*. *Комендант* отправлял донесения султану о благонадежности *наместника* или, напротив, о готовящемся мятеже или заговоре. Такие донесения или доносы требовали проверки, поскольку их содержание определялось не только реальным положением дел, но и местными интригами, личной враждой и т.п. Тем не менее, сообщение *коменданта* могло стать причиной вызова наместника в Каир, для того чтобы султан лично разобрался в деле [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 163]. Если же неблагонадежность *наместника* не вызывала сомнений, чаще всего, именно *комендант* должен был обеспечить исполнение приказа о его аресте [Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 138]. В исключительных случаях *наместнику*

[1] Главной задачей *коменданта* была защита крепости. *Комендант* контролировал вход и выход через крепостные ворота. По приказу султана *комендант* заключал в тюрьму или брал под личный надзор эмиров, участвовавших или замешанных тем или иным образом в мятежах [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 93]. В середине XV в. *комендант* цитадели в Дамаске получил дополнительные полномочия: он собирал для казны султана плату за получение должностей, особенно когда речь шла о чиновниках, судьях и судебных служащих, а также конфискованные деньги и имущество.[1] В цитадели скапливались значительные средства. Султан мог распорядиться о выделении из этих средств неких сумм на местные нужды, например, ремонт мечети или обеспечение каравана паломников, или же затребовать доставку денег в Каир. Так, после смерти ал-Ашрафа Каитбая в 1496 г. из цитадели Дамаска в Египет было отправлено сто тысяч динаров под охраной ста мамлюков, которыми командовал *комендант* лично [Igarashi, 2009, p. 47-48]. Вел расчеты, следил за движением средств и осуществлял выплаты *адъютант коменданта* (*naqīb*) [ал-Буçравӣ, 1988, с. 68; Ибн ал-H̱имçӣ, 2000, с. 158].

передавались функции *коменданта*, что было знаком особого доверия со стороны султана [Ибн Ṭūлӯн, 1973, т. 2, с. 76, 198; ал-Буçравӣ, 1988, с. 201]

Разделение власти между *наместником*, который решал общие вопросы управления провинцией, и *комендантом цитадели*, стоявшим во главе гарнизона, в известной степени ограничивало самостоятельность *наместника* и *коменданта* и позволяло султану осуществлять более эффективный контроль над сирийскими территориями. Возможность гибко управлять ситуацией в Сирии была весьма актуальна, поскольку именно эта часть Султаната чаще всего подвергалась вторжению извне и становилась очагом мамлюкских мятежей, имевших целью захват центральной власти.

Управление наместничествами строилось по каирскому образцу: в Сирии были представлены все государственные институты, имевшиеся в Египте. В окружение *наместника* султана в Дамаске входили *атабек, главный дворецкий, командир вахты, давадар* и т.д. со всеми их подчиненными [Ибн Ṭūлӯн, 1973, т. 2, с. 75]. В других городах, особенно небольших, при сохранении общих принципов, количество военной и гражданской администрации было меньшим, как правило, за счет совмещения должностей или слияния нескольких институтов в один [Lutfi, 1985, p. 155-156]. Наместник также назначал старост городских кварталов (*shaykh al-ḥārah, ʿārif al-ḥārah*). Они, как и *кашифы,* которые действовали, в основном в сельской местности и обладали более высоким статусом, чем старосты, собирали налоги, а также осуществляли некоторые полицейские функции. Иногда упоминаются старшины какого-либо сообщества ремесленников или торговцев, которые также служили опорой власти *наместника* [Хасанов, Город…, 1974, с. 226].

Наместник Сирии был самым тесным образом вовлечен в политическое соперничество эмиров. Нередко эта должность становилась последней ступенью перед продвижением на еще более высокие и влиятельные позиции в Каире, или, наоборот, служила мягкой формой отстранения, например, с поста *атабека.* В то же время, в напряженной политической ситуации султан мог перевести *атабека,* если это был самый надежный и доверенный из его

приближенных, на должность *наместника* Сирии для предотвращения возможных беспорядков или мятежа. Но чаще всего должность *наместника* Сирии получал в качестве повышения эмир, занимавший должность *наместника* второго по величине и значению города этой провинции – Алеппо [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 264; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 426; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 63; Его же, 1995, т. 3, с. 893-894].

Алеппо занимал важное стратегическое положение на северной границе Султаната и имел мощные укрепления. Гарнизон Алеппо был передовой ударной силой мамлюков, способной, при необходимости, активно действовать на территории Малой Азии. Наместник Алеппо мог также выступать своего рода посредником между правителями анатолийских бейликов и султаном, нередко через него поступала в Каир корреспонденция от этих правителей и донесения об обстановке в регионе [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 268; Ибн Шиḥна, 1984, с. 207-208; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 236; Хожение гостя…, 1984, с. 352].

Третьим по значению наместничеством в Сирии был Триполи. Как правило, назначению на должность *наместника* султана в Триполи предшествовала служба *наместником* в Хаме или на высоких должностях в Каире – таких как *главный конюший*, *эмир совета* или *командир вахты* – в звании не ниже *эмира сотни*. Когда в 1466 г. наместником в Триполи был назначен один из *эмиров сорока*, это было зафиксировано в хрониках как вопиющий случай нарушения иерархии [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 263; Ибн Шиḥна, 1984, с. 207-208; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 244-245]. Наместничество в таких городах как Хама, Триполи, Малатья, Карак, Сафад, Иерусалим, Газа было не столь престижным, как в Дамаске или Алеппо,[1] между тем, Газа как стратегический пункт на пути между Египтом и Сирией, приобретала особое значение в периоды военных конфликтов, если Сирия

[1] На должность наместника в Иерусалиме мог быть назначен даже *эмир десятка* [ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 2, с. 133].

подчинялась враждебным по отношению к султану силам (будь то внешний или внутренний враг).

Карак был отвоеван мамлюками у Аййюбидов при султане аз-Захире Байбарсе в 1263 г., а в конце XIV в. послужил базой, на которой готовилось возвращение на трон Баркука. В XV в. Карак, как и другие города Сирии, нередко становился ареной политических интриг и заговоров, направленных против султана. Мятежные эмиры могли получить поддержку местных племен, поэтому управление этой провинцией было самым тесным образом связано с контролем над племенными вождями, умелой манипуляцией их интересами. Необходимость эффективного взаимодействия с бедуинами в Караке была обусловлена еще одной немаловажной причиной: именно эта провинция была основным поставщиком верховых животных для мамлюкской кавалерии [Brown, 2013, p. 315; Walker, 2006, p. 80].

От Тарсуса, расположенного в Киликии, до Малатьи, которая была самой отдаленной крепостью в ал-Джазире (Северной Месопотамии), вдоль Тавра был расположен ряд укрепленных фортов, выстроенных для обороны от нападений со стороны Византии еще при багдадских халифах [Духмāн, 1986, с. 20]. Наименьшей «популярностью» среди мамлюкских эмиров пользовалось наместничество в ар-Рухе. Этот пограничный город постоянно подвергался нападениям и разрушениям, и служба в нем была неприбыльной и опасной [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 211]. С 1407 г. управление ар-Рухой было передано эмиру Ак Коюнлу. Номинально представители династии Ак Коюнлу считались наместниками мамлюкского султана в этом городе.[1] Фактически речь шла о формальном признании авторитета султана, отношения с которым должны были сохранять союзнический характер, и автономном (по крайней мере в вопросах финансов, налогов и внутренней политики) правлении. Такая

[1] После похода против Ак Коюнлу, завершившейся заключением нового мирного договора, ал-Ашраф Барсбай назначил наместником ар-Рухи мамлюкского эмира Инала (будущего султана ал-Ашрафа Инала). Инал, не желавший менять обжитую Газу, наместником которой он служил тогда, на ар-Руху, которая лежала практически в руинах, не принял назначения, более того, он протестовал так рьяно, что перешел все границы дозволенного и нагрубил султану. Только через несколько дней, взвесив все «за» и «против», он согласился с решением Барсбая [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 223-225].

же, в целом, ситуация складывалась и в других областях Анатолии, где правили представители местных династий, признававшие авторитет мамлюкского султана и считавшиеся его наместниками. Отношения вассал-сюзерен приносили известную выгоду обеим сторонам: представители местных династий могли рассчитывать на поддержку и защиту султана в борьбе как с внешними врагами, так и внутренними конкурентами, а мамлюки укрепляли свой престиж и формировали «буферную» зону на северных рубежах, расширяя таким образом «идеологические границы» Султаната [Wing, 2015, p. 3–4, 11]. В целом, от отношений между центральной и местной элитами зависела степень централизации и характер власти султана, а на управлении наместничествами строилась территориальная целостность Султаната мамлюков.

Наместники имели в своем распоряжении военные гарнизоны и должны были обеспечивать порядок и безопасность во вверенных им областях. Такая функция помимо обязанностей давала *наместникам* довольно широкие полномочия, что нередко приводило к самоуправству и оборачивалось для населения дополнительными тяготами и поборами. Так, например, обычной практикой было взимание «штрафа» с жителей какого-то района, если на его территории был обнаружен труп убитого человека. Согласно законам мусульманского права в случае, если личность убийцы установить не удавалось, при определенных условиях, «выкуп за кровь» – *дийа* – мог быть наложен на жителей всего квартала, района или какой-то местности. Наместники мамлюкского султана по-своему «трактовали» это положение и налагали такую *дийю* независимо от того, был ли известен убийца или нет, и не заботились о том, соответствует ли конкретный случай всем условиям, закрепленным в законе. Более того, размер «штрафа» они тоже устанавливали по собственному усмотрению [ал-Буҫравӣ, 1988, с. 198].

Административная система Султаната мамлюков складывалась на основе аййюбидских и, еще более ранних, аббасидских традиций государственного управления. Во главе многочисленных *диванов* стояли

чиновники, которых набирали большей частью из числа *улемов,* иногда – из представителей иных сословий. В целом ряде случаев управление *диванами* передавалось мамлюкским эмирам.

К числу наиболее важных ведомств в административной системе Султаната мамлюков относилась *канцелярия – диван ал-инша' (dīwān al-inshāʾ*). Название *диван ал-инша'* впервые появляется при Фатимидах, но история этого ведомства восходит к Омеййадской эпохе (661-750) [Duri, 1991, p. 323-326]. *Начальник канцелярии,* или *государственный секретарь* (*kātib al-sirr*) должен был находиться при султане, когда принимались какие-либо государственные решения, сопровождать его во время поездок или военных походов. Он знакомился с корреспонденцией, поступающей в адрес правителя, составлял ответы, в том числе и ответы на жалобы, если таковые поступали,[1] получал подпись султана на подготовленных письмах, отправлял их по назначению, представлял султану иностранных посланников, рассматривал прошения, участвовал в работе ведомства *вазира* и в издании приказов, в том числе о назначении и смещении *наместников* и других должностных лиц, а также готовил текст договора, согласно которому халиф передавал светскую власть султану, и завещания о наследовании престола, наконец, в его руках находилась вся *почтовая служба* (*idārat al-barīd*) и *тайная разведка* (*mukhabarat al-dawlah*)[2] [Духмāн, 1990, с. 137; Закиров, 1966, с. 107-109; Недвецкий, 1998]. Такой круг обязанностей, собственно, и определял особое положение *начальника канцелярии*, что нашло отражение в названии его должности – буквально, «чиновник, владеющий тайной». Должность *начальника султанской канцелярии* считалась самой высокой среди должностей, занимаемых гражданскими лицами. При этом *начальник*

[1] *Начальник канцелярии* сортировал, в том числе, и обращения заявителей в суд *мазалим* (см. ниже), составлял ответы на большую их часть и только самые важные передавал на рассмотрение султана [Tillier, 2017, p. 45].
[2] В ранний мамлюкский период функции *начальника канцелярии* и *главы почтового ведомства* были разделены. Первым чиновником, совмещавшим должности *начальника канцелярии* и *главы почтовой службы*, был ‘Абд ал-Вахид б. Исма‘ил ал-Ханафи (ум. в 1385 г.) [Gottschalk, 1991, p. 330].

канцелярии подчинялся мамлюкскому офицеру – *давадару* [Gottschalk, 1991, p. 330].

Документы и письма на всей территории Султаната составлялись в строгом соответствии с установленными образцами, соблюдались единые правила, детально разработанная система обращений, использовались одинаковые термины. Служба в канцелярии требовала, таким образом, специальных знаний и подготовки [Саʿад, 1988, с. 37]. Между тем, высокий пост *начальника султанской канцелярии* иногда приобретался за деньги или по протекции. Если получивший таким способом свою должность глава влиятельного ведомства плохо ориентировался в специфической области составления писем и документов, основную работу за него выполнял, как правило, опытный *заместитель* (*nāʾb kātib al-sirr*) [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 2, с. 561]. В таком случае *заместитель* получал доступ к султану и мог приобрести значительное, хотя и не формальное, влияние в государстве [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 101]. В канцелярии служили также чиновники-*катибы,* некоторые из них владели иностранными языками и занимались подготовкой переписки с европейскими государствами [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 374].[1]

Важными фигурами в мамлюкской администрации были *вазир* (*wazīr*) – один из главных чиновников финансового ведомства и *управляющий армейским ведомством (nāẓir al-jaysh).* В подчинении *вазира* находились чиновники, занимавшиеся сбором налогов. За сбором подушной подати с

[1] Предполагалось, что все письма и приказы составляются в строгом соответствии с волей султана. На деле, султану не всегда были известны детали документов, которые он подписывал. Во-первых, не все султаны были способны воспринять высокий стиль арабского языка и особенности деловой речи, а во-вторых, султан, что вполне естественно, не утруждал себя чтением (или даже прослушиванием того, что для него мог зачитать секретарь) всего огромного объема документов и писем, составленных от его имени. Так, например, в 1449 г. аз-Захир Джакмак получил жалобу от *наместника* Сирии, на то, что *устадар* султана, присланный в Дамаск, пользуется правом во время официальных церемоний занимать более почетное место, чем все эмиры, за исключением *атабека.* Джакмак, очевидно, такого права своему *устадару* не давал, поскольку сразу же вызвал *начальника канцелярии*, накричал на него и потребовал объяснений относительно того, каким образом в текст приказа попало то, что он, султан, совсем не приказывал. *Начальник канцелярии* попытался оправдаться тем, что *устадар* сам вписал в готовый документ соответствующую фразу [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 215-216]. Как бы то ни было, этот случай служит вполне наглядной иллюстрацией того, что тексты документов не всегда были в деталях известны султану.

немусульман следил отдельный чиновник, назначавший, в свою очередь, иудейского и христианского контролеров, которые должны были вести учет юношей соответствующего вероисповедания, достигших совершеннолетия и исключать престарелых и умерших из списков налогоплательщиков [ʿĀшӯр, 1976, с. 367-368; Семенова, Крестьянство…, 1958, с. 15-16]. Ведомство *вазира* осуществляло общий надзор за ирригационной системой, а также распоряжение имуществом, владельцы которого скончались, не оставив завещания [Mortel, The decline…, 1995, p. 179]. *Вазиру* починялись финансовые ведомства, осуществлявшие контроль за отдельными, довольно узкими сферами хозяйственной деятельности, например, *диван мельниц* (*dīwān al-tawāḥīn*) [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 374]. Ведомство *вазира*, которое в Египте нередко возглавляли копты, в административной системе Султаната мамлюков было подвержено значительным изменениям (о них речь пойдет в последней главе настоящего исследования). В бурджитский период *вазир* в большей или меньшей степени занимался вопросами обеспечения султанских мамлюков и султанского двора [Ayalon, 1954, p. 61].

Армейское ведомство (dīwān al-jaysh) было унаследовано мамлюками от Аййюбидов и осуществляло комплексное администрирование системы *икта‘*, поэтому иногда его называли *диваном икта‘ (dīwān al-iqṭāʿ).* В ведении *дивана* находились все вопросы, связанные с распределением, контролем, учетом *икта‘,* а также материальное обеспечение войска [ал-Баṭāвӣ, 2007, с. 26; Richards, 1977, p. 1; Idem, A Mamlūk…, 1991, p. 63]. В *армейском ведомстве* составлялись списки воинов и эмиров и вся связанная с регистрацией и учетом мамлюков документация. Отдельный департамент этого *дивана* занимался документами по тем частям армии, которые были укомплектованы немамлюками. Помимо центрального ведомства, существовали *армейские диваны* в провинциях, которые входили в состав соответственно египетского и сирийского кабинетов. Египетский и сирийский кабинеты возглавляли *мустауфи ал-джайш (mustawfī al-jaysh).* Еще два *мустауфи* занимались соответственно вопросами, связанными с управлением территориями

бедуинов и с пенсионным фондом, созданным для обеспечения воинов, которые в силу возраста или состояния здоровья больше не могли находиться на службе [Ḡавāнима, Ат-Таʾрӣх ал-ҳадāрӣ…, 1982, с. 42-43; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 396, 542; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 373-374; Ayalon, 1954, p. 66].

Руководил *армейским ведомством управляющий,* назначаемый из числа *улемов,* как правило, *кади.* В случае необходимости назначался *заместитель управляющего* (*nāʾib nāẓir al-jaysh)*. Должность ближайшего помощника *управляющего* носила наименование *сахиб диван ал-джайш* (*ṣāḥib dīwān al-jaysh*), вторым помощником управляющего был *сахиб диван ал-мамалик* (*ṣāḥib dīwān al-mamālīk*). В подчинении *управляющего* были чиновники-секретари (*kātib* ед.ч., *kuttāb* мн.ч.), в том числе и *секретарь султанских мамлюков (kātib al-mamālīk al-sulṭanīya)*[1] и *нотариусы-регистраторы* (*shāhid* ед. ч., *shuhūd* мн. ч.)[2] [Gottschalk, 1991, p. 330; Martel-Thoumian, 1991, p. 47-49]. Поскольку система *икта‘* составляла основу экономики Султаната и от эффективности управления этой системой зависело как благосостояние эмиров высшего звена, так и само существование мамлюкского войска, *управляющий армейским ведомством* входил в число высокопоставленных чиновников государства, а контроль за его деятельностью осуществлял султан. Первый бурджитский султан аз-Захир Баркук особенно пристально следил за работой *управляющего армейским ведомством*, любое неверное решение чиновника могло привести к самому суровому наказанию.[3]

Важную роль в мамлюкской административной системе играл *мухтасиб (muḥtasib)*. *Мухтасиб* должен был пресекать нарушение норм мусульманской морали, контролировал соблюдение порядка в публичных местах, правил

---

[1] *Секретарь султанских мамлюков* нес ответственность за списки мамлюков султана, зачитывал имена мамлюков, когда это требовалось во время парадов или официальных церемоний [Ayalon, 1954, p. 65].

[2] Традиционно *шахидами* были пользовавшиеся уважением представители общины. В случае необходимости, они выступали свидетелями в суде или при составлении документов [Хилāл аç-Çāбӣ, 1983, с. 104].

[3] В 1384 г. аз-Захир Баркук разгневался на *управляющего армейским ведомством*, ударил его чернильницей, затем последовало около 300 палочных ударов. Едва живого чиновника унесли домой, где он и скончался спустя три дня. В 1386 г. Баркук лично нанес около ста ударов палкой *управляющему армейским ведомством* и приказал отправить этого чиновника в тюрьму [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 200, 247].

торговли, точность мер и весов, осуществлял контроль за городским ремеслом, назначал квартальных старост. Он имел право на месте наказывать тех, кто был уличен в нарушениях [Большаков, 1984, с. 273-274; Ḡавāнима, Ат-Таʾрӣх ал-ḫадāрӣ…, 1982, с. 39-40; Семенова, 2009, с. 521; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 391; Tillier, 2017, p. 46]. Фактически, *мухтасиб* нес ответственность за цены на рынке и обладал широкими полномочиями, позволявшими ему эти цены регулировать. Так, например, в период правления аз-Захира Джакмака, *мухтасиб* Каира приказал *главному дворецкому* султана продать половину имевшихся у этого высокопоставленного эмира запасов зерна, чтобы сбить цены на рынке. *Дворецкий* отказался подчиниться этому требованию, соответствующая жалоба поступила султану, и эмир был отправлен в ссылку [Mortel, The decline…, 1995, p. 179-180]. Конкуренция среди желающих занять столь влиятельную должность была велика, *мухтасибы* Каира нередко становились объектом интриг и доносов и довольно быстро лишались своего места. К середине XV в. устойчивой стала практика получения этой должности за взятку, а удержаться на посту *мухтасиба* можно было, имея влиятельных покровителей, хотя и это не гарантировало от провалов [ал-ʿАрӣнӣ, 1950, с. 164-165; ал-Асадӣ, 1968, с. 137].[1]

К управлению финансами относился *диван вакфов* (*dīwān al-awqāf*). Это ведомство имело несколько отделов, каждым из которых заведовал специальный чиновник. Так, например, имуществом, завещанным в пользу Священных городов (Мекки и Медины), ведал *назир ал-аукаф (nāẓir al-awqāf) – управляющий вакфами.* Эту должность, как правило, занимал главный шафиʻитский судья [ʿĀшӯр, 1976, с. 376]. А имуществом, завещанным в пользу

[1] Так, например, в 1449 г. в ссылку был отправлен *мухтасиб* Каира, которого поддерживал Йусуф Ибн Катиб Джукм (ум. в 1458 г.), один из главных чиновников финансового ведомства [ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 10, с. 322-323]. В должности *мухтасиба* его сменил ставленник другого бюрократа, ан-Наххаса (ум. в 1459 г.). Ан-Наххас, пользуясь покровительством самого султана, пытался сместить Йусуфа Ибн Катиба Джукма и его сторонников [Mortel, The decline…, 1995, p. 179].

мечетей, *рибатов*[1], *завий*[2] и *медресе – назир ал-ахбас (nāẓir al-aḥbās)*[3], *управляющий имуществом, завещанным на благотворительные цели.* Причем таких управляющих было два: один в Сирии, другой в Египте. Все эти *управляющие* назначались султаном [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 216; его же, 1992, т. 16, с. 122]. Вакуфное имущество включало в себя не только земли, но лавки, постоялые дворы, мастерские, бани, мельницы, пекарни, маслобойни и т.п.

Имуществом отдельных учреждений и институтов управляли *назиры.* Они могли быть как из числа мамлюкских офицеров, так и из числа гражданских лиц. Например, на должность *управляющего имуществом* (*nāẓir*) ал-Азхара при аз-Захире Баркуке был назначен *командир султанских мамлюков* Бахадур ат-Таваши, а при ал-Му'аййаде Шайхе – торговец ювелирными изделиями Шамс ад-Дин ал-Махури [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 374, 376].

В целом, структура государственного управления в Султанате мамлюков, унаследованная от предшествующих династий, сохраняла базовые принципы организации,[4] но, как и мамлюкская военно-политическая иерархия, отличалась значительной подвижностью, обладала способностью адаптироваться к новым экономическим и политическим реалиям. Предпосылки для высокого уровня адаптивности самой мамлюкской корпорации, особенно в бурджитский период, складывались в системе конкурентных отношений, которые составляли основополагающий принцип

---

[1] *Рибат* – обитель дервишей, аскетов. В бурджитский период *рибаты* чаще всего представляли собой обитель для людей бедных, посвятивших себя религии; как правило, это были суфии, но принадлежность к суфийскому ордену не была обязательным условием проживания в *рибате.* Иногда *рибат* как своего рода резиденция был связан с одной из *ханак* [Little, 1991, p. 105].

[2] *Завийа* – обитель суфия. В бурджитский период часть *завий* была пристанищем для суфийских шейхов и их последователей, другие *завийи* были схожи по характеру с *рибатами* или мечетями, в которых, как правило, но не всегда, суфийские практики составляли часть религиозной деятельности обитателей и прихожан [Кныш, 1991; Little, 1991, p. 105].

[3] В ранний мамлюкский период *диван вакфов* носил название *диван ал-ахбас* [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 374].

[4] О базовых принципах государственного управления в Султанате мамлюков и ключевых характеристиках мамлюкского политического режима в целом см. также [Зеленев, 2007, с. 158-166; Garcin, 1998; Petry, The Military Institution…, 1998].

формирования военно-политической элиты и складывались еще на этапе воспитания и обучения молодых мамлюков.

Термин «мамлюк» происходит от арабского глагола *malaka* – владеть, быть собственником и буквально переводится как *«тот, кто находится в чьей-либо собственности».* В Средние века и начальный период Нового времени мамлюками называли белых военных рабов, а также тех, кто уже получил освобождение. Фактически было достаточно одного акта купли-продажи, чтобы придать тому или иному лицу статус мамлюка. Мягкое, патриархальное отношение к рабу, которое предписывает ислам, а также возможность с принятием веры Мухаммада стать полноправным членом *уммы*, прошедшим хорошую и полезную школу беспрекословного послушания и подчинения, способствовало становлению военного рабства как важнейшего военно-политического института в мусульманском мире. Уже в эпоху Омеййадов, к которой исследователи относят первые признаки формирования института мамлюков,[1] бывший раб, ставший свободным челном *уммы*, мог сделать успешную карьеру на военном или любом другом поприще [Большаков, Мамлӯк, 1991, с. 157; Смирнов, 2004, с. 144-145; Ayalon, Mamlūk, 1991, p. 314; Irwin, The Middle East…, 1986, p. 3-4; Nicolle, 1993, p. 3-5; Scheunchen, 2019, p. 108].

Особые условия для формирования властной элиты из рабов-воинов сложились в мусульманском Египте, где не было собственного военно-служилого сословия, как не было и базы, на которой это сословие могло появиться. Большую часть населения страны составляли сельские труженики – феллахи. Разделение на «сельскохозяйственные» и «воинственные» племена было знакомо людям с глубокой древности. Между этими племенами формировались отношения опеки, «покровительства» и защиты за определенную плату – часть производимой продукции [Назаретян, 2007, с. 131]. Своеобразный симбиоз занятого мирными профессиями – торговлей,

[1] Подробнее об истории формирования института военных рабов в мусульманском мире см. [Ayalon, Preliminary…, 1975; Idem, 1976; Idem, Aspects…, 1977].

хлебопашеством, ремеслом, исламской юриспруденцией и богословием - арабского населения и правящей военной элиты как некое подобие упомянутых выше отношений сложился и в Египте. Мамлюки, не имевшие другого пути кроме военной карьеры, заняли в Египте место сменявших друг друга на протяжении столетий завоевателей и были приняты местным населением в тревожной обстановке Крестовых походов как очередные защитники, взявшие на себя тяжкое бремя власти. Воины-рабы воспринимались местным населением как чуждый элемент, как властвующая группировка, которая обеспечивает внутренний порядок и обороноспособность страны. Их право на власть было обеспечено обладанием военной силой и способностью ее применять. Мамлюки сформировали особую военную касту Египта, которая находилась на верхушке социальной пирамиды в образованном ими государстве, для жителей которого было привычным разделение общества на *хасса* и *‘амма*.[1] Они были лично независимы и не подчинялись ничьим установлениям, кроме своих собственных, корпоративных. Оторванные от родных мест, изолированные от местного населения, мамлюки выработали принципы групповой идентичности, важными элементами которой были отношения побратимства между воинами, воспитанными в одном «доме», и особая гордость, которую вызывал статус раба, являвшийся необходимым условием включения в элитную группу [Зеленев, 2007, с. 159; Кадырбаев, 2007]. Таким образом, в Египте характерное для мусульманского мира терпимое отношение к рабам, допускавшее их значительную социальную мобильность, наложилось на историческую традицию делегирования властных полномочий иноземной элите, в качестве которой с середины XIII в. выступала замкнутая корпорация мамлюков. Ее члены – рабы - добились права на власть и с презрением

[1] Об устойчивом разделении общества на *хасса* и *‘амма* в средневековом мусульманском сознании см. [Наумкин, 1981]. Как отмечает В.В.Наумкин, учение о *хасса* и *‘амма*, зародившееся в первые века ислама, получило развитие именно в мамлюкскую, а затем в османскую эпоху [Там же, с. 41].

относились к свободному населению страны, которое было неспособно защитить свою свободу.

Важную роль в формировании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей мамлюков играла система элитарного военного образования. Специфика подготовки мамлюкской элиты состояла в том, что молодые мамлюки проходили обучение в специальных, закрытых для немамлюков образовательных учреждениях. Воспитание и подготовка будущего воина начинались в доме его хозяина, а если этим хозяином был султан, то в специальных казармах, расположенных в каирской Цитадели – *тибаках (ṭibāq)*.[1] Торговец, доставивший молодого раба, предъявлял свой товар самому султану. Нового мамлюка осматривали и, если он был здоров, согласно письменному распоряжению передавали евнуху. Обычно мальчик (ал-Макризи пишет, что при Калауне и Калаунидах ко двору султана доставляли только совсем юных рабов) попадал в ту казарму, где содержались его соплеменники [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 2, с. 218].[2] Стоимость раба доходила до ста тысяч дирхамов, и случалось, что отец продавал своего сына торговцу, доставлявшему будущих воинов в Египет [ал-ʿАрӣнӣ, 1967, с. 84; ал-Маḳрӣзӣ, 1998, т. 3, с. 67-68; Ayalon, Mamlūk, 1991, p. 317]. По достижении совершеннолетия (верным признаком считалось появление бороды) мамлюк, принадлежавший эмиру, как правило, получал освобождение и статус *джунди* (*jundī*) – воина, рядового [Смирнов, 2004, с. 162]. Каждый следующий султан стремился заполнить *тибаки* собственными мамлюками (*джулбан)*, и удалить мамлюков, принадлежавших его предшественникам, за пределы Цитадели – оплота своей власти и безопасности [Ayalon I, 1953, p. 209].

Обучение в *тибаке* начиналось с чтения Корана, для каждого отряда назначался *факих*. Ежедневно он преподавал мамлюкам письмо, основы шариата, руководил практическим освоением правил молитвы [ал-ʿАрӣнӣ,

---

[1] Молодые воины, еще не получившие освобождение, и, как правило, обучавшиеся в *тибаке*, именовались словом *куттабийа* (*kuttābīyah)* [Ayalon I, 1953, p. 208–209].

[2] При Бурджитах начала распространяться практика покупки уже достигших совершеннолетия рабов. О возрасте рабов, доставлявшихся в Египет, см. [Ayalon, The Mamlūk Novice…, 1986].

1967, с. 89; ал-Маḳрӣзӣ, 1998, т. 3, с. 65]. Военная подготовка включала в себя обучение стрельбе из лука, искусству верховой езды, владению копьем, фехтованию и борьбе [ал-ʻАрӣнӣ, 1956, с. 53; Хотко, 1999, с. 276; Tafur, 1926, p. 74].[1] Мамлюкское военное искусство – *фурусийа (furūsīyah)*[2], которому молодых рабов в течение нескольких лет обучали в *тибаках,* занимало особое место в формировании мамлюкской идентичности, мамлюкской культуры, как совокупности знаний и представлений, идеологии и морали, как системы мировоззрения и норм поведения, объединявшей мамлюков и отграничивавшей их от остального населения Султаната. Трактаты по *фурусийи*, которые имели хождение в мамлюкский период,[3] дают представление о том, как и чему обучали молодых рабов в военных школах-*тибаках*. Так, например, в конце XIV в. был написан трактат «Чудеса и тайны…» (*al-Badāʾiʿ wa-l-asrār fī ḥaqīqat ar-radd wa-l-intiṣār wa-ghāmiḍ mā ijtamaʿat ʿalayhi al-rumāt bi-l-amṣār).* Его автор, Мухаммад Абу Бакр ал-Харави, известный также как ал-Хулл Савра (ум. после 1397 г.), рассказывает о разновидностях луков, о том какие преимущества и недостатки они имеют, об истории искусства стрельбы и выдающихся его мастерах, о стрелах и их названиях. В одном из двенадцати разделов трактата изложены правила поведения воина: «Первое, что надлежит тому, кто обучается стрельбе из лука, – оставить споры, болтовню и смех. Ученик не должен презирать того, кто знает меньше, и соперничать с тем, кто его превосходит в военном искусстве» [ал-Харāвӣ, л. 24 r]. Готовясь к стрельбе, следует «полностью овладеть собой, расслабить суставы, успокоиться, не отвлекаться на того, кто обращается к

---

[1] Подробнее о мамлюкских военных школах см., например [Ayalon, L'esclavage…, 1951; Rabie, 1975].

[2] О термине *фурусийа* см. [Ayalon, 1961, p. 34-37].

[3] Сочинения по *фурусийи* были востребованы и популярны. Наряду с новыми трактатами эмиры охотно приобретали для своих библиотек копии более ранних произведений – своеобразную классику военной литературы. Так, например, в 1335 г. Махмуд б. ʻАла ад-Дин ал-Джунди сделал богато иллюминированный каллиграфический список «Книги о науке верховой езды…» (*Kitāb fī al-ʿilm bi-l-furūsīyah wa-l-ʿamal bi-hi wa-l-ʿilm bi-thaqāfah rājilan wa-maʿrifat al-ramī*) для эмира Йалбуги ас-Сайфи. Сочинение, вероятнее всего, было создано при Фатимидах, хотя в качестве автора указан – возможно, для того чтобы работа выглядела более весомой, авторитетной – знаменитый Йаʻкуб Аху Хизам, писавший для халифа ал-Мутаваккиля (847-861) [Schoeler, 1990, s. 143-144]. В 1474 г. по заказу одного из мамлюкских эмиров был изготовлен снабженный многочисленными иллюстрациями трактат по военному делу, составленный, вероятно на основе более ранних сочинений [Зайцева, 2018; Alikberov, Rezvan, 1995]. Подробный аналитический обзор сочинений по *фурусийи*, созданных в мамлюкский период, см. [Haarmann, The late…, 1998].

тебе, не смеяться тому, что увидел, не занимать ни разум, ни сердце ничем, кроме того, что ты сейчас делаешь» [Там же, л. 25 v]. Далее следует детальное описание всего, что должен знать и уметь ученик прежде, чем он приступит к стрельбе. Затем автор трактата переходит к основам искусства стрельбы из лука, после этого рассказывает об особенностях охоты, в том числе в разное время суток, о том, как носить и хранить лук и стрелы, о специфике стрельбы во время военных действий. Отдельная глава посвящена стрельбе по мишеням. В начале стрелок должен был научиться попадать по мишеням разного размера, расположенным как далеко, так и на близком расстоянии, затем – переходить к стрельбе по движущейся цели. Для тренировки автор трактата предлагает изготовить следующую мишень: прикрепить к колесу изображение льва или слона, или еще какого-нибудь животного и преследующей его собаки. Колесо следует пустить по склону. Эта ступень обучения считается пройденной, когда ученик сможет уверенно попадать в «дичь», не задев «собаку». Следующее упражнение, которое следовало повторять много раз в течение нескольких месяцев, представляло собой стрельбу по четырем мишеням, расположенным слева, справа, спереди и сзади ученика, который должен был стоять на одном месте, не переступать ногами и двигаться только корпусом. Овладев безупречной техникой стрельбы, можно было приступать к выполнению этого упражнения сидя верхом на коне, который стоял неподвижно, затем пустить коня шагом, потом рысью и т.д., постепенно увеличивая расстояние до мишеней. Двенадцатый раздел трактата посвящен состязаниям по стрельбе, разрешенным уловкам и недозволенным хитростям, которые используют соревнующиеся [Там же, л. 59 r - 60 v, 63 v - 68 r].

В 1482 г. закончил работу над поэмой об искусстве стрельбы из лука Абу Бакр ал-Халаби, известный как ал-Мункар (ум. после 1495 г.). После традиционных *басмалы* и *хамдалы* автор поэмы переходит к рассуждениям о том, какое важное место среди обязанностей мусульманина занимает джихад, и какое значение имеет для воина умение хорошо стрелять. Далее речь идет об основных принципах владения луком и различных школах (*мазхабах*)

стрельбы из лука [ал-Ҳалабӣ, л. 43 v – 46 v; Ahlwardt, 1887-1899, b. 5, s. 73-74]. Поэма содержит разделы о том, какие разновидности луков являются наиболее предпочтительными, о том, в какой позиции должен находиться стрелок, как держать лук, как захватывать стрелу, как следует натягивать тетиву, как правильно подобрать вес и длину стрелы, как определять дальность полета стрелы во время состязаний и т.д. Особая глава посвящена анатомии человека и типам телосложения с учетом

Худобы и роста
И сажени длинны,
Которая зависит от того, сколь длинны руки,
Пальцы коротки ли,
Еще учтем ладонь – узка или мясиста,
Длину плеча и ширину груди,
Могуч ли стан,
И талия тонка ли.
И коль наставник сведущ,
Для каждого он подберет урок

[ал-Ҳалабӣ, л. 43 r – 46 r].

В трактах по *фурусийи* имелись специальные разделы, посвященные воспитанию в учениках терпения, упорства, прилежания – тех качеств, которые необходимы для того, чтобы добиться хорошего результата в стрельбе. Так, например, ал-Бакламиши, автор еще одного мамлюкского трактата по *фурусийи*, особенно подчеркивает необходимость подчинения учителю, «иначе, – пишет он, – пропадешь, собьешься с пути… Наставник – основа всякой науки» [ал-Бакламӣшӣ, с. 152]. Не перечить и не возражать, не зазнаваться и не презирать товарищей, молчать, быть послушным, смиренным, безупречным в поведении и манерах, полностью преданным своему делу – вот обязанность каждого, кто познает искусство стрельбы из лука, будь он в начале этого пути или в конце [Там же, с. 152].

Особое внимание тот же автор уделяет и качествам, которыми должен обладать наставник. Первое из них – проницательность. Учитель должен, оценив телосложение, понять способности воспитанника, затем узнать, умен он или неразвит, восприимчив или противится обучению, предан ли истинной вере. Если ученик удовлетворяет всем требованиям, с него берут

обязательство не стрелять ни в мусульманина, ни в того, с кем заключен договор, ни в собаку, ни в других четвероногих, если только они не цель на охоте и не те, кого нужно уничтожить, но и тогда не должно чинить мучений, которых можно избежать.

Наставнику надлежит прилагать все силы, все свое усердие, чтобы передать знания воспитанникам. Он тренирует учеников, способствует дружбе между ними, побуждает к работе, ни одного не порицает в присутствии других и уделяет равное внимание каждому. Наставник должен обладать «силой слона, стремительностью льва, бесстыдством тигра и лисы, быть снисходительным и терпеливым к товарищам, спутником своим сделать меч, другом – копье, а нож – правой рукой… Основа же всего и залог благополучия – благочестие» [ал-Бакламӣшӣ, с. 154-155].

Одной из важнейших задач наставника было воспитание мужества в молодых воинах. В трактатах по *фурусийи* имеются упоминания и разъяснения соответствующих аятов Корна, хадисов о храбрости. Ал-Бакламиши обращает внимание своего читателя на то, что пророк Мухаммад всегда говорил: «Боже упаси от трусости и лени!», и приводит различные высказывания о мужестве, в том числе слова знаменитого полководца Халида ибн Валида (ум. в 642 г.), отрывки из касыд арабских поэтов и стихи, которые приписываются халифу ‘Али (656-661) [ал-Бакламӣшӣ, с. 176-180].

В бахритский период мамлюкские султаны уделяли большое внимание воспитанию молодых рабов, попавших в *тибак* каирской Цитадели. Султан мог вызвать любого из мальчиков, чтобы лично проконтролировать уровень его знаний, или внезапно явиться в *тибак* с проверкой. В «*Хитат*» ал-Макризи сообщает, что султан Калаун нередко присутствовал при доставке пищи для мамлюков и проверял ее качество. Мамлюки не имели права покидать *тибак*, и лишь в правление султана ал-Ашрафа Халиля (1290-1293) им было разрешено выходить за пределы Цитадели (только в течение дня) [ал-Маḳрӣзӣ, 1998, т. 3, с. 65]. Командиры-евнухи бдительно следили за чистотой

нравов воспитанников. Виновные в нарушении дисциплины строго наказывались.[1]

С приходом к власти Бурджитов изменились условия набора молодых рекрутов, их содержания, воспитания и обучения. Возраст новых рабов, которых покупал султан и эмиры, становился старше, к их выучке и поведению предъявлялись менее строгие требования, что со временем, негативно сказалось на боевых качествах мамлюкской армии в целом. В обстановке не прекращавшейся борьбы за власть сохранить строгую дисциплину в казармах не удавалось.[2]

К середине XV в. стало заметным снижение уровня военной подготовки мамлюков. В 1444 г. аз-Захир Джакмак не стал проводить традиционных военных состязаний по случаю отправки каравана паломников [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 111]. Искусство *фурусийи* постепенно забывалось. В 1454 г. умер признанный знаток и непревзойденный мастер стрельбы из лука, наставник султанских мамлюков Насир ад-Дин Мухаммад ас-Сагир ал-Казани. Ему было уже больше восьмидесяти лет, и, по свидетельству Ибн Тагри Бирди, не осталось никого, кто мог бы обучать молодых воинов искусству стрельбы из лука так же хорошо, как и Мухаммад ас-Сагир [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 147].[3] В 1453 г. султан ал-Ашраф Инал приказал возобновить соревнования по копейному бою по случаю отправки каравана паломников, которые не проводились в течение последних десяти лет правления его предшественника, аз-Захира Джакмака. Тогда выяснилось, что несколько *эмиров сотни* – высших командиров мамлюкского войска –

---

[1] Первый бурджитский султан аз-Захир Баркук лично разбирал дела мамлюков, находившихся в *тибаке*. Ал-Макризи сообщает о следующем происшествии: 4 ноября 1398 г. один из этих воинов продиктовал *факиху тибака* имена нескольких мамлюков и командиров, якобы замышлявших смуту. Султан вызвал упомянутых в записке лиц и сообщил им о том, в чем их обвиняют. Тогда мамлюки попросили сказать им, кто выдвинул обвинение. Доносчика привели и передали мамлюкам. После того как они ударили его «около тысячи раз» несчастный сознался, что возвел напраслину из ненависти к одному из присутствовавших. В результате разбирательства был наказан и автор доноса, и *факих*, писавший под его диктовку [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 431].

[2] Ал-Макризи отмечает вопиющие случаи беспорядка. В 1388 г. аз-Захир Баркук вызвал евнуха Бахадура – *начальника султанских мамлюков*. Бахадура не оказалось в крепости, его нашли в каком-то доме на берегу Нила пьяным и в таком виде доставили во дворец. Султан был вне себя от гнева, отослал Бахадура в Сафад, понизив до *эмира десятка* [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 210].

[3] Сам Ибн Тагри Бирди, между прочим, тоже считался знатоком *фурусийи* [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 415].

совершенно не владеют этим видом военного искусства. Пришлось найти и назначить наставника (на эту позицию – *му‘аллим (mu‘allim)* – был назначен эмир Джанибек аз-Зариф (ум. в 870/1465-1466 г.) и обратиться к специальным трактатам. Сам Инал считался знатоком *фурусийи* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 134, 435].

После смерти ал-Ашрафа Инала искусство копейного боя пришло в упадок и было почти забыто к концу XV в. Попытку возродить это искусство предпринял султан ал-Ашраф Кансух ал-Гури в 1503 г. Один из эмиров был назначен *му‘аллимом*, еще четверо – его помощниками, вскоре начались тренировки на ипподроме [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 59-60]. По-видимому, попытка восстановить лучшие традиции подготовки будущих воинов, была связана не только, а может быть и не столько, со стремлением повысить боеспособность армии. Возможно, Кансух ал-Гури, ставший во главе государства после тяжелого и длительного политического кризиса, стремился возродить то, что объединяло мамлюков, позволяло им чувствовать себя отличными от других, осознавать свою избранность, исключительность, то, чем они могли и должны были гордиться, – а значит и побеждать. Сохранение специфических военных навыков, военного искусства, также как проведение парадов, турниров,[1] показательных выступлений мамлюков[2] имели помимо решения вполне практических задач, связанных с поддержанием дисциплины и боеспособности армии, важное идеологическое значение – они были одной из традиционных форм передачи культуры новым поколениям мамлюков и демонстрировали военный характер власти, служили напоминанием о том, что главная миссия этой власти – джихад, направленный против врагов ислама, на защиту *уммы* [Guo, 2013, p. 21-22; Humphreys, 1972, p. 87].

---

[1] На специальных ипподромах проводились военные турниры и состязания по игре в поло, где воины могли продемонстрировать ловкость и совершенство в искусстве верховой езды. Успех в турнире или спортивная победа была хорошим поводом для того, чтобы организовать праздник. Так, в 1398 г. аз-Захир Баркук после игры в поло устроил настоящий пир: на столы были отправлены отменно приготовленные четыреста гусей, тысяча цыплят, двадцать конских туш, множество сладостей и напитков из меда, сахара, изюма и специй [Frenkel, 2013, p. 424].

[2] Нередко турниры и показательные выступления устраивали по случаю различного рода торжеств, прибытия посольств и делегаций [Ибн ал-Х̣имс̣ӣ, 2000, с. 269]. Подробное описание одного из них сохранил немецкий путешественник М.Баумгартен, посетивший Каир в 1507 г. [Посетитель…, 1794, с. 62-68].

В *тибаке* мамлюк получал не только комплекс знаний и навыков, но, что, может быть, более важно, именно здесь формировалось специфическое коллективное самосознание, которое является неотъемлемым элементом конституирования социальной группы. Воины *тибака,* чужие для всех, кроме своих товарищей-«однополчан», действовали сообща, будь то на поле боя, в войне с врагами мусульман и султана, или на улицах Каира, в борьбе за право на получение пайка и жалования. Преданность хозяину становилась частью их нового мировоззрения [Amitai, 2006, p. 42-46]. Вместе с тем, поведение мамлюка было обусловлено не только воспитанием, образованием и особенностями характера, но и специфическим способом мировосприятия, связанным с одной стороны с его исключительным статусом по отношению к местному населению, с другой – с атмосферой постоянной конкурентной борьбы за политические или материальные ресурсы.

В любом другом обществе функцию воспитания и образования, передачи ценностных ориентиров и преемственность традиций культуры наряду со школой обеспечивают иные социальные институты, в первую очередь семья. В основе мамлюкской организации лежал так называемый мамлюкский «дом», ядро которого составлял глава, или хозяин, «дома» и его личные мамлюки.[1] Мамлюкское сообщество формировалось из оторванных от родных мест юношей-рабов, такой «дом» заменял им семью, а братьями становились *хушдаши (hushdashīyah)* -– те, кто вместе начинал путь мамлюка, принадлежал одному владельцу, товарищи по военной школе, «соратники»,

[1] Владельцами мамлюков в Султанате Бурджи были не только эмиры, но и высокопоставленные чиновники. Такие мамлюки служили гвардейцами-охранниками, управляющими, финансовыми помощниками и т.д., а также могли занимать довольно высокие должности в административном аппарате, полностью следуя при этом интересам своего владельца [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 146, 147; Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 39]. Таким образом, начинали формироваться «дома», построенные по мамлюкскому принципу, но принадлежащие немамлюкам. В последующий, османский период, «дома», принадлежавшие как мамлюкам, так и османам, а также местной элите, стали основной формой социально-политической организации в Египте. Глава такого «дома» всеми средствами способствовал тому, чтобы члены его «большой семьи» занимали выгодные и ответственные должности как в гражданской, так и в военной сферах. Сделавшие карьеру мамлюки, в свою очередь, поддерживали авторитет, укрепляли финансовое положение, обеспечивали рост численности и боеспособности «дома», в котором были воспитаны [Зеленев, 2003, с. 44]. Подробнее о «домах» в османский период см. [Смирнов, 2019; Hathaway, 1997].

«однополчане» [ʻАбд ар-Рāзиḳ, 1976, с. 167-173; Ayalon I, 1953, p. 206].[1] В таких условиях роль школы-*тибака* была очень весомой. Здесь будущие воины усваивали систему ценностей, на которой зиждилась стабильность власти мамлюкских правителей. Если же султан был далек от интересов *тибака*, не мог обеспечить своим рабам все необходимое или не считал нужным обучать их чему-либо, кроме военного ремесла, из защитников мамлюки превращались в обидчиков, разбой и смуты расшатывали основы государства.

Мамлюки, принадлежавшие одному и тому же султану или эмиру, объединялись во фракцию, называвшуюся по *лакабу (laqab)* (в случае, если это были мамлюки султана – по тронному имени) хозяина, например, мамлюки аз-Захира Баркука назывались *аз-захирийа,* мамлюки ал-Ашрафа Инала – *ал-ашрафийа* и т.д. Связи внутри такой группы отчетливо проявлялись (и проверялись) в период смуты [Levanoni, 2004]. Отношения побратимства между *хушдашами* помогали им побеждать или хотя бы выживать. Принадлежность к той или иной группе, прошедшей обучение в одной школе и имевшей одного хозяина, была в числе факторов, которые определяли и судьбу мамлюка, и его карьеру [Ayalon, Names…, 1975, p. 217-218; Conermann, Es boomt!..., 2003, p. 22].

Связи между мамлюками одного «дома» отражали общность интересов, тесную солидарность, имели большое значение в мамлюкском сообществе и ценились не меньше, а может быть, больше, чем семейные или родственные [ʻАбд ар-Рāзиḳ, 1976, с. 155-156; Ḳāсим, 1998, с. 140; Смирнов, 2004, с. 161].[2] Например, эмир Йунис ал-ʻИла’и, не обладавший, по свидетельству современников, никакими особенными способностями, силой или мужеством, сумел подняться на одну из самых высоких должностей в мамлюкской иерархии, обойдя других, более достойных кандидатов, только благодаря

[1] Процесс формирования и структура мамлюкского «дома» подробно рассмотрены в работах Е.И.Зеленева и Д.Креселиуса [Зеленев, 2007, с. 129-131; Crecelius, 1981, p. 30-31].
[2] О фракции мамлюков, принадлежавших одному хозяину, как псевдосемейной группе см. также [Ayalon, L'esclavage…, 1951; Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 84; Richards, 1998, p. 34-35].

протекции своего *хушдаша* – султана ал-Ашрафа Инала. Протекцию своим «однополчанам» составляли не только султаны. Мамлюки, которым удалось занять более или менее значимую ступень военно-политической иерархии, тоже оказывали поддержку *хушдашам.* Например, *вали* Каира мог поспособствовать назначению своего товарища, вместе с которым он начинал службу а «доме» одного из эмиров, на пост *коменданта крепости* в Сафаде [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 184-185, 301]. В целом, поддержка, которую *хушдаши* оказывали друг другу, была важным фактором политической жизни Султаната. Именно *хушдаши* помогали претенденту на престол бороться за власть и, если ему удавалось захватить трон, становились его основной опорой, по крайней мере, на первых порах, пока собственные мамлюки нового султана не приобретали достаточную силу и политический вес [Ayalon I, 1953, p. 209]. В конце концов, победу одерживал тот, кому удавалось заручиться поддержкой большинства. Для самих мамлюков количество сторонников того или иного эмира служило мерилом его политического веса.

Взаимоотношения, конкуренция и борьба между фракциями составляли основу политической жизни мамлюкской элиты. Во главе фракции после смерти султана мог стоять не самый старший по званию или возрасту эмир, но тот, кого признавали таковым, кто обладал наибольшим влиянием, был способен, а главное хотел повести за собой «однополчан» в критической ситуации. Лидеры таких группировок-фракций стремились получить контроль над максимально возможным количеством материальных и нематериальных, знаковых или символических, ресурсов.

Особенность военной и социальной организации мамлюкской корпорации была такова, что теоретически каждый воин мог подняться на высшую ступень политической иерархии, – как писал авторитетный американский мамлюковед К.Петри, «благодаря своему военному таланту, политической проницательности и непостижимым поворотам судьбы» [Petry, 1994, p. 2]. Не отрицая роли случая, в следующих главах мы попытаемся проследить за карьерой целого ряда мамлюкских эмиров, выявить некоторые

закономерности в этих непредсказуемых «поворотах», а также серьезные институциональные изменения, которые происходили на протяжении всего периода правления Бурджитов в высших эшелонах власти Султаната мамлюков.

§ 2. Приход к власти мамлюков Бурджи. Султан аз-Захир Баркук.

Основателем бурджитского, или черкесского Султаната по праву считается султан аз-Захир Баркук. Баркук начал военную карьеру, когда ему было чуть больше двадцати лет. В юности он попал рабство (возможно, был захвачен пиратами), приблизительно в 1362-1363 г. известный в мамлюкской среде перекупщик невольников ‘Усман б. Мусафир продал его в Каире *атабеку* Йалбуге ал-‘Умари. В известном смысле Баркуку повезло, поскольку его новый хозяин был одним из самых влиятельных и высокопоставленных эмиров в государстве [Кадырбаев, 2007; Хасанов, 1973, с. 163; Fischel, 1959, p. 64].

Баркук выделялся среди своих сверстников необычной выносливостью, силой и прекрасной памятью. Он в совершенстве овладел верховой ездой и техникой боя с применением различных видов оружия. Успехи в обучении могли обеспечить Баркуку блестящее начало карьеры, однако произошло непредвиденное: Йалбуга пал жертвой заговора, а его мамлюки, которых подозревали в нападении на своего хозяина – в их числе оказался и Баркук, – были брошены в тюрьму. После освобождения Баркук несколько лет служил у наместника Сирии, эмира Манджака ал-Йусуфи (ум. в 776/1374-1375 г.), затем, по требованию ал-Ашрафа Ша‘бана (1363-1376), вместе со своими однополчанами прибыл в Каир и получил назначение в отряд, находившийся на службе у султанских сыновей [Ибн Ҳаджар, 1929-1931, т. 4, с. 360-361; его же, 1992, с. 69; Fischel, 1959, p. 65].

Баркук принял участие в мятеже, результатом которого стало убийство султана ал-Ашрафа Ша‘бана. Айнабек, предводитель восставших мамлюков, повысил Баркука от рядового до *эмира сорока*. Новое вооруженное выступление, на этот раз направленное против Айнабека, принесло Баркуку

звание *эмира сотни* и *командира тысячи*. Позже он возглавил отборные отряды, которые должны были охранять султана. Через год Баркук и его товарищ по военной школе, Барака, фактически управляли всеми делами в государстве, лишь формально признавая султаном малолетнего сына ал-Ашрафа Ша‘бана [Ибн Ḳāḍī Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 38; Levanoni, 2010, p. 259].

Баркук с присущей ему серьезностью стал укреплять свое влияние в придворных кругах, сторонился праздности и забав, тогда как его побратим Барака без устали предавался охоте и развлечениям. Конфликт между бывшими союзниками постепенно нарастал. В 1380 г. Баркук начал подготовку к единоличному захвату власти. Он добился заключения Бараки в тюрьму, организовал его убийство и под видом защиты порядка перебил почти всех его мамлюков, требовавших возмездия за смерть своего командира. В 1382 г. второй сын ал-Ашрафа, Хаджжи, сменивший на троне своего брата ал-Малика Мансура (1376-1382), был отстранен от власти. Обязанности султана принял на себя Баркук [‘Атā, 2008, с. 40-41; Ибн Таġрī Бирдī, 1992, т. 11, с. 183-184; Fischel, 1959, p. 73; Wijntjes, 2010, p. 391].

Приход к власти аз-Захира Баркука, первого черкесского султана, который дерзнул положить конец почти столетней традиции правления Калаунидов, вызвал недовольство и открытый протест сторонников прежней системы, при которой трон занимали потомки Калауна независимо от их способности править, что открывало простор для своеволия эмиров (в том числе, и в финансовой сфере). Основную часть оппозиции составили представители тюркско-татарской группировки, хотя размежевание по этническому признаку не было явно выражено в начале правления нового султана. Баркук, вероятно, осознавал, что резкие перемены могут привести к катастрофе, и, вступив на престол, оставил мамлюков высшего звена в их прежних должностях [Ибн Таġрī Бирдī, 1992, т. 11, с. 186]. В первый период своего правления (с 1382 по 1389 г.) он неоднократно демонстрировал

приверженность исконным мамлюкским традициям и обычаям[1], которых придерживался прославленный султан Байбарс[2], предпочитал привлекать на свою сторону потенциальных противников, а не уничтожать их, хотя сдерживать свой решительный характер и горячий нрав[3] ему было нелегко.

Оппозиция постепенно концентрировалась вокруг эмира Йалбуги ан-Насири (ум. в 1390 г.). Ранее Йалбуга, так же, как и Баркук, принадлежал к числу мамлюков ал-‘Умари, но был старше и имел звание *эмира сотни*, когда Баркук только начинал свою карьеру. При дворе султана ал-Ашрафа Ша‘бана Баркук, будучи рядовым, должен был исполнять приказания Йалбуги. После того, как второй сын ал-Ашрафа был свергнут с престола, ситуация кардинально изменилась. Как наместник Алеппо Йалбуга должен был являться ко двору и выражать почтение и покорность новому султану: стоя на коленях, он целовал землю у ног Баркука, который еще недавно был его подчиненным и не смел садиться в его присутствии [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 190-191].

В течение полугода Баркук и Йалбуга сохраняли status quo, но затем Баркук сместил Йалбугу с должности наместника Алеппо и отправил в александрийскую тюрьму [ас-Султ̣ān, 2002, с. 148, 179].[4] Ибн Тагри Бирди отмечает, что арест Йалбуги считали необоснованным, и именно с этим событием связывает начало первой, скрытой фазы конфликта между сторонниками султана и оппозицией, который закончился в 1389 г. вооруженным восстанием [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 199].

В начале 1386 г. был раскрыт заговор, имевший целью убийство султана. Виновники были арестованы, побиты палками, а десять зачинщиков и их предводитель, Тамурбуга ал-Хаджиб, казнены [Там же, 1992, т. 11, с. 199].

---

[1] Добавим, что в сфере экономики и финансов Баркук также не пытался изменить привычную схему и действовал, следуя курсу своих предшественников [Bacharach, 1967, p. 283].

[2] Например, Баркук лично выезжал в торжественной процессии, чтобы открыть плотину в время разлива Нила. Этот обычай после смерти Байбарса мамлюкские султаны соблюдали редко.

[3] Баркук был, вероятно, столь же вспыльчив, сколь и отходчив. В хрониках не раз упоминается о том, что посаженного в тюрьму эмира, Баркук отпускал буквально через несколько дней с пожалованиями и подарками. См., например [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 199].

[4] В 1386 г. тюремное заключение было заменено ссылкой в Дамьетту [ас-Султ̣ān, 2002, с. 190].

Жестокая расправа[1] с заговорщиками не способствовала укреплению внутримамлюкского единства, поскольку побратимские и семейно-корпоративные связи пронизывали все мамлюкское сообщество и грубые репрессии вызывали цепную реакцию неповиновения. В этом была специфика социокультурного бытования мамлюков, одновременно его сила и слабость.

В 1387 г. Баркук вызвал Йалбугу ан-Насири во дворец. После того как эмир проявил должное почтение, султан наградил его подарками и восстановил в прежней должности [Ибн ал-Фурāт, 1936-1938, т. 9, ч. 1, с. 19]. Не успел Йалбуга покинуть Каир, как стало известно, что в Сирии подняли восстание бывшие мамлюки султана ал-Ашрафа Ша‘бана под предводительством эмира Малатьи Минташа (ум. в 1393 г.), к которому примкнули бедуины Ал Фадл и дулкадириты под командованием Сули б. Караджа (1386-1397) [Духмāн, 1986, с. 30; Ибн Дуḳмāḳ, 1985, с. 465; ас-Сулṭāн, 2002, с. 215]. Султан пожалел о своем решении отправить Йалбугу ан-Насири в Алеппо, принятым под давлением других эмиров, но не стал отменять уже изданный приказ. Он демонстрировал полное самообладание и, как обычно, поехал поохотиться в Гизу[2]. В это время прибыл гонец от Минташа с заверениями в том, что его хозяин подчиняется власти султана. Из Сирии поступали противоречивые сведения, среди прочего сообщалось, что Минташ – мятежник, а его лживые заявления имеют одну цель – протянуть время до конца зимы и дождаться, когда дороги будут пригодны для быстрого передвижения в Каир. Баркук выслал в Сирию одного из своих доверенных

[1] Виновные без одежды, по двое, спиной к спине были усажены на верблюдов и прибиты гвоздями к седлу. Тамурбуга получил отдельного верблюда. Мрачный караван прошел по улицам города. Такая казнь называлась *тасмир* (*tasmīr*). Затем осужденных сняли с верблюдов, ввели на помост и разрубили пополам (удар наносили по животу так, чтобы внутренности казненного вывалились наружу, затем наступала мучительная смерть). Эта казнь имела название *тауситт (tawsīt)* [Ибн Таґрī Бирдī, 1992, т. 11, с. 199].

[2] Охота была излюбленным увлечением, в известном смысле атрибутом господствующего класса в арабском мире и далеко за его пределами. И мамлюки не составили в этом смысле исключения. Возможность вести охоту, владеть охотничьими птицами заняла свое место в системе ценностей мамлюкской военной элиты. Охота давала возможность практиковаться в стрельбе и наездничестве, считалось что охота благотворно сказывается на здоровье воина, укрепляет тело и дух. Наконец, охота, где мамлюк мог продемонстрировать свою способность одержать верх над диким и непокорным животным, символизировала силу и власть [Илюшина, 2015; Frenkel, 2013, p. 423].

эмиров с тайным поручением выяснить истину [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 206-208; Wijntjes, 2010, p. 389].

Тем временем в Алеппо обострились отношения между *наместником* Йалбугой ан-Насири и *атабеком* Судуном ал-Музаффари, смещенным с поста, который занял Йалбуга. Оба написали друг на друга доносы. Баркук пребывал в нерешительности, его подозрения относительно Йалбуги ан-Насири росли [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 210; Ибн ал-Фурāт, 1936-1938, т. 9, ч. 1, с. 50-51; ас-Султāн, 2002, с. 234-235].

В обстановке нарастающей нестабильности Баркук неоднократно поддерживал своих мамлюков выплатой значительных денежных сумм, в одной из хроник говорится, что он награждал каждого воина собственноручно. С февраля 1389 г. султан стал приглашать своих гвардейцев на совместное распитие кумыса. Такие встречи проходили на площади у подножия Цитадели по средам и воскресеньям и имели важное значение для сплочения мамлюков султана, напоминая о патриархальном характере мамлюкского «дома», который лежал в основе всей структуры отношений внутри мамлюкского сообщества [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 210; Ибн ал-Фурāт, 1936-1938, т. 9, ч. 1, с. 51; Humphreys, 1972, p. 87]. Выделялись средства и для воспитанников *тибака.* В частности, 27 апреля 1389 г. им было выдано по двести серебряных дирхамов [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 221]. Приобретение и воспитание молодых мамлюков было стратегической задачей султана, поскольку это в перспективе давало ему возможность ослабить собственную зависимость от крупных эмиров (и их военных отрядов), чья поддержка нередко, особенно в кризисной ситуации, давалась дорогой ценой, а верность могла в любой момент обернуться предательством.

Обеспокоенный султан решил отправить Йалбуге подарки и пригласить его в столицу с тем, чтобы обсудить дело Минташа. *Наместник* Алеппо опасался быть схваченным и уклонился от визита, объяснив это необходимостью держать под контролем этого самого Минташа [Ибн ал-Фурāт, 1936-1938, т. 9, ч. 1, с. 51-52]. Отказ Йалбуги еще больше насторожил

Баркука. Он вызвал на совет мамлюков из своего ближайшего окружения. Было принято решение отправить в Алеппо эмира с письмом, в котором Йалбуге предлагалось помириться с Судуном. На самом деле миссия посланца султана заключалась в том, чтобы найти верных людей и подготовить арест Йалбуги ан-Насири. Йалбуга тоже не бездействовал. Его мамлюк распространял в Каире обращения с призывом выступить против султана. Попутно этот сметливый «агент» добыл информацию о готовящемся аресте своего хозяина и успел вернуться с донесением в Алеппо раньше, чем туда прибыл посланец султана [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 210-212].

Предупрежденный о планах Баркука, Йалбуга выразил полную покорность. Согласно воле Баркука, он пригласил Судуна ал-Музаффари в свою резиденцию, но примирение не состоялось: Судун явился с оружием, началась стычка между ним и охранниками Йалбуги. В результате Судун ал-Музаффари и трое из его мамлюков погибли. Инцидент стал поводом для начала открытого противостояния. Йалбуга ан-Насири заключил соглашение с Минташем. Объединив силы, они готовились к мятежу [Ибн Дуқмāқ, 1985, с. 466; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 212-213; ас-Султāн, 2002, с. 234-235; A Chronicle…, 1963, vol. 2, p. 3-4;].

В Каире было принято решение выслать отряд для борьбы с Йалбугой и Минташем. Баркук еще раз привел к присяге своих эмиров и устроил в честь этого большой пир на площади перед Цитаделью. Вскоре пришло сообщение о том, что мятежники захватили Триполи, затем бежал наместник Хамы, и город был сдан Йалбуге [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 213-217; Ибн ал-Фурāт, 1936-1938, т. 9, ч. 1, с. 54; ал-Қаттāр, 1998; с. 147; A Chronicle…, 1963, vol. 2, p. 4-5]. Баркук принял энергичные меры, чтобы не допустить заключения соглашения между мятежниками и халифом. *Повелитель верующих,* а также все Калауниды – потенциальные кандидаты на престол – были изолированы. Султанские мамлюки получили очередное пожалование – лошадей, верблюдов, оружие и по тысяче дирхамов каждый. Свою готовность

выступить на стороне Баркука выразили правители Тебриза и Мардина [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 215-217; ас-Султ̣ān, 2002, с. 236-237].

Отряд, отправленный Баркуком в Сирию, прибыл в Газу. *Наместник* султана в этом городе проявил должное уважение к эмирам, приветствовал воинов и сделал все, что от него требовалось для обеспечения их дальнейшего продвижения к Дамаску. Тем не менее, командир отряда египетских мамлюков приказал его арестовать. Многие считали, что единственной причиной ареста наместника было его тюркское (а не черкесское) происхождение. В критический для новой власти период конфликт между черкесской и тюркской группировками мамлюков перешел в фазу обострения. Сам Баркук на этом этапе, не ставил своей задачей преследование мамлюков тюркского происхождения, осознавая, вероятно, что это только сократит число его сторонников. В Газе его эмиры, как свидетельствует источник, действовали по собственной инициативе. Арест *наместника*-тюрка насторожил воинов гарнизона в Дамаске, многие из которых были тоже тюрками. Их решимость сохранять верность султану-черкесу была поколеблена. В первую же ночь после получения известий из Газы 50 мамлюков тюркского происхождения покинули Дамаск, число перебежчиков на сторону Йалбуги ан-Насири продолжало расти. В конце марта на сторону оппозиции перешли *наместник* Баальбека и еще 13 эмиров Дамаска [Ибн ал-Фурāт, 1936-1938, т. 9, ч. 1, с. 61; A Chronicle…, 1963, vol. 2, p.7].

В начале апреля сирийский экспедиционный корпус Баркука вступил в Дамаск. Мамлюки султана, видимо, под влиянием общей смуты, начали грабежи. В такой обстановке жители города скорее были готовы поддержать Йалбугу, чем оставаться подданными Баркука.

В результате первой жестокой стычки войско султана потеснило противника. Затем Йалбуга был разбит во второй раз. В разгар боя два эмира Баркука перешли на сторону Йалбуги со своими отрядами. Получив подкрепление, мятежники в третьем сражении разгромили мамлюков Баркука, захватили трофеи и пленных, которых отправили в крепость. Черкесов

Йалбуга постарался разделить, выслав часть из них в тюрьмы Баальбека и других сирийских городов. Бежавших преследовали, их ждала жестокая расправа. Султан терял самых верных своих соратников [ас-Сулṭāн, 2002, с. 237-238].

Дамаск приветствовал победителя. Дома эмиров, оставшихся верными султану, а также резиденция *наместника* были разграблены. В погромах с энтузиазмом участвовали горожане [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 217-219]. По свидетельству историка Мухаммада б. Сасры, который был очевидцем этих событий, уносили все – деньги, драгоценности, ткани, мебель, резные окошки с дверей и даже гвозди, которыми были скреплены деревянные перекрытия зданий [A Chronicle…, 1963, vol, p. 12-13].

Когда весть о поражении в Сирии достигла Каира, начались беспорядки: рынки были закрыты, прокатилась волна грабежей и погромов. Положение усугубилось очередной вспышкой чумы. Как пишет хронист, «оцепенение и растерянность охватили Баркука» [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 221]. В сражении у Дамаска он потерял своих ближайших соратников. После совета с эмирами султан принял решение отправить в Сирию еще один отряд. В его состав вошли 1400 мамлюков, каждый из которых получил по тысяче серебряных дирхамов. Кроме того, по двести дирхамов было выдано воспитанникам султанского *тибака* [A Chronicle…, 1963, vol. II, p. 18].

Обстановка накалялась. Пришло сообщение о предательстве Инала ал-Йусуфи, которого Баркук назначил *наместником* Алеппо вместо Йалбуги ан-Насири. Инал примкнул к мятежникам, захватил города Газа и Рамла, после этого Карак был сдан ему без боя [Ибн Дуḳмāḳ, 1985, с. 467-468].

Султан оставался в Каире и всеми средствами укреплял преданность тех, кто еще был на его стороне. Поскольку в критической ситуации голос халифа мог приобрести неожиданный вес и силу, он снова пригласил в свою резиденцию *повелителя верующих*: в присутствии судей султан и халиф поклялись друг другу сохранять искреннюю дружбу. Ал-Мутаваккил (1362-1377; 1377-1383; 1389-1406) получил подарки, в том числе серую кобылу и

новую резиденцию в Цитадели. После этого Баркук объявил об отмене налоговых сборов, призвал жителей столицы закрыть дома и лавки и приступить к строительству укреплений для защиты города. Каир готовился к осаде [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 221-229; ас-Суйӯṭӣ, 2003, с. 394; Banister, 2021, p. 92].

Эмирам сорока и *десятка* было выдано по 400 дирхамов, денежные пожалования получили все армейские части. Несмотря на это тонкий поначалу ручеек перебежчиков вливался в войско Йалбуги, который в июне 1389 г. был уже у стен Каира [Ибн Дуḳмāḳ, 1985, с. 468; ас-Султāн, 2002, с. 239-240]. Вскоре султана покинули сразу 500 его личных мамлюков. Измена была жестокой и вероломной. Накануне предатели получили от Баркука – *эмиры сотни* – по 10 000 динаров, а *эмиры с оркестром* – по 5 000. Каждую ночь из Цитадели уходили мамлюки. Кара Дамирдаш ал-Ахмади принял из рук султана 30 000 динаров. После этого он важно произнес: «Владыка султан, не бойся, я останусь рядом с тобой твоим слугою, будь уверен». Не прошло и часа после этого разговора, как Кара Дамирдаш сел на коня и ускакал в лагерь Йалбуги [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 229-231].

Наиболее стойкие из мамлюков султана вступали в стычки с противником, но силы были неравны, Баркук вынужден был оставить трон и скрыться [Ибн Дуḳмāḳ, 1985, с. 469]. Как показало развитие событий, судьба свергнутого султана во многом зависела от того, насколько верны и непоколебимы будут его немногочисленные соратники.

Глава восставших эмиров Йалбуга ан-Насири настоял на том, чтобы султаном вновь стал последний из бахритских правителей – Хаджжи[1]. Сам Йалбуга занял должность *атабека* и взял в свои руки управление делами государства. Он контролировал каждый шаг Хаджжи ал-Мансура вплоть до мелочей. Когда султан наградил своего портного, Йалбуга отменил этот приказ, несчастный ремесленник получил несколько ударов палками, а

[1] Когда Хаджжи стал султаном в первый раз (в 1382 г.), он получил почетное имя ас-Салих. В 1389 г. ему дали другое тронное имя – ал-Мансур [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 262].

Хаджжи ал-Мансур воскликнул: «Если мои распоряжения не исполняются даже относительно портного, то что же это за султанская власть?» и «…замолчал с болью в сердце» [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 273].

Йалбуга публично заявил, что всем мамлюкам-черкесам гарантируется безопасность, сохранение прежнего положения и наделов. То же самое пообещали и личным гвардейцам Баркука, если они явятся ко двору. За поимку свергнутого султана была назначена премия в тысячу динаров для гражданских лиц и повышение звания для военных. Тому, кто прячет Баркука, грозили всеми возможными карами [A Chronicle…, 1963, vol. 2, p. 19].

Баркук был схвачен в доме одного из своих эмиров и отправлен в Карак. Казнить его не решились, опасаясь, что стремление отомстить за гибель хозяина и командира заставит мамлюков Баркука поднять вооруженное восстание. Йалбуга ан-Насири попытался избавиться от скрывавшихся в Египте сторонников свергнутого султана, объявив, что все они должны отправиться на службу в Сирию, а каждый, кто останется и будет схвачен, понесет наказание. Молодые мамлюки, обучавшиеся в казармах Баркука, были распределены среди других эмиров, их учителей и наставников распустили. В целом, все действия Йалбуги были направлены на то, чтобы привлечь как можно больше сторонников (жителям Каира было объявлено: «Пусть всякий, кто терпел притеснения при прежней власти, приходит к эмиру Йалбуге ан-Насири, чтобы найти правду и справедливость» [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 262-267]), а потенциальных противников заставить колебаться между открытым протестом, который чреват непредсказуемыми последствиями, и безопасным проявлением лояльности по отношению к новой администрации [Ибн Дуқмāқ, 1985, с. 471-472].

Внезапный удар Йалбуге был нанесен его бывшим союзником Минташем. Положение Йалбуги осложнялось тем, что к Минташу, не располагавшему крупными силами, примкнули мамлюки Баркука. Временное объединение с Минташем давало им шанс одолеть более могущественного противника – Йалбугу ан-Насири. В августе 1389 г. начались вооруженные

столкновения в столице. Та и другая сторона делали попытки заручиться поддержкой жителей Каира. Минташ преуспел в этом: в *медресе* султана Хасана, которая стала опорным пунктом мятежников, приходили горожане, прихватив камни в качестве боеприпасов. Ожесточенное сражение продолжалось целый день, Минташ одержал победу, эмиры Йалбуги один за другим переходили в его лагерь [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 269-274; A Chronicle…, 1963, vol. II, p. 24].

Йалбуга понял, что остался в меньшинстве, и отправил халифа ал-Мутаваккиля в качестве посредника и миротворца к Минташу. На призыв халифа прекратить смуту предводитель мятежников ответил, что он выступил против Йалбуги, а не против султана. Это Йалбуга, подчеркнул он, фактически захватил власть, и не позволяет Хаджжи ал-Мансуру – сыну покойного султана ал-Ашрафа – управлять делами государства, отстраняет мамлюков ал-Ашрафа, отдавая предпочтение своим однополчанам. И все это – в нарушение данных прежде обещаний. «Он дал мне только 100 000 дирхамов, – воскликнул Минташ, - а себе забрал лучшие наделы (*икта‘*). Мой надел дает лишь 600 000 дирхамов в год! Клянусь, я не отступлюсь, пока не убью Йалбугу, или он не убьет меня» [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 277].

После этого состоялось еще одно кровопролитное сражение. Эмиры из ближайшего окружения Баркука, которых Йалбуге удалось ранее привлечь на свою сторону, покинули его и перешли в войско Минташа. Минташ одержал победу. Горожане снова поддержали его. Несмотря на опасность, они подбирали упавшие на землю стрелы и приносили их лучникам Минташа, что было очень кстати, поскольку оружия и боеприпасов не хватало. Перестрелка продолжалась, в ход были пущены пушки. Снаряды разрушили купол мавзолея султана Хасана, загорелась палатка Йалбуги. За ночь отряды Минташа пополнились новыми перебежчиками. Йалбуга покинул Цитадель. Минташ явился к султану ал-Мансуру Хаджжи, объявил, что находится в его власти и хочет служить ему, как служил его отцу. Йалбуга ан-Насири вскоре был схвачен, закован в кандалы и отправлен в тюрьму.

Мамлюки Баркука напрасно рассчитывали, что Минташ сдержит обещание и освободит их предводителя. В отличие от всех остальных участников мятежа они не получили ни денежных наград, ни высоких должностей, ни новых наделов. Минташ осознавал, что такое вероломство вызовет неминуемый протест, и решил нанести упреждающий удар. В Карак он отправил гонца с тайным предписанием убить Баркука, его мамлюков он вызвал якобы для того, чтобы решить все назревшие вопросы, закрыл за собравшимися двери и отдал приказ начать расправу. Было убито около двухсот человек. На остальных мамлюков из «дома» Баркука началась настоящая охота, многие были схвачены и отправлены в тюрьму, а их имущество пополняло казну Минташа [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 278-282].

В отличие от Йалбуги, Минташ не был склонен к компромиссам, действовал быстро, решительно и жестоко. Неповиновение, как со стороны мамлюков, так и со стороны мирного населения, каралось без промедления. Когда настало время навести порядок в столице, Минташ объявил, что каждый горожанин, у которого найдут меч, нож или другое оружие, будет наказан. В первый же день шестерым отрубили руки [Там же, т. 11, с. 287].

Политика грубой силы позволяла контролировать ситуацию в Каире, но для того, чтобы подчинить весь Султанат, нужны были либо другие методы, либо хорошо отлаженный репрессивный аппарат, которого у Минташа не было. Поспешив устранить конкурентов, Минташ сделал врагами своих бывших союзников и остался в меньшинстве. Одно за другим приходили тревожные сообщения из Сирии, где вслед за расколом в Каире, началось противостояние между эмирами, а вскоре стало известно, что *наместник* Карака освободил Баркука и перешел на его сторону [Ибн Дуқмāқ, 1985, с. 482-473; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 287; ал-Мақрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 25; A Chronicle…, 1963, vol. 2, p. 25].

Минташ продолжал действовать с неукротимой энергией. От арестов он перешел к казням, снарядил отряд для отправки в Карак, но тут же отменил

свой приказ, опасаясь, что мамлюки этого отряда могут перейти на сторону его врага, призвал халифа и судей, чтобы вынести фетву о казни Баркука, и, наконец, женился на сестре султана ал-Мансура Хаджжи, организовав пышную свадьбу.

Тем временем взбунтовались ссыльные мамлюки в Кусе[1], вышел из повиновения новый *наместник* Алеппо – однополчанин Йалбуги ан-Насири. События развивались стремительно, число сторонников Баркука росло с каждым днем, их опорным пунктом стал Карак. Туда удалось добраться тремстам мамлюкам Баркука, бежавшим из Верхнего Египта [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 291-292; ал-Маḳдисӣ, л. 28 а].

14 октября 1389 г. Баркук направился к Дамаску. На подступах к городу он захватил многочисленные трофеи, его отряд продолжал пополняться эмирами, в основном из числа сосланных в Сирию Йалбугой и Минташем [Ибн Ḫиджжа, Ҫамарāт…, 2005, с. 250-251]. В Каире срочно снаряжали армию, которую должен был возглавить сам султан ал-Мансур Хаджжи. Казна быстро опустела, Минташ проводил обыски и конфискации в домах арестованных или бежавших мамлюков Баркука, забрал деньги, предназначавшиеся сиротам погибших эмиров, обязал коптского патриарха выплатить 100 000 дирхамов, а главу иудейской общины – 50 000 дирхамов, определенные суммы должны были внести все эмиры, дело дошло до того, что забрали лошадей с мельниц, люди остались без муки, цены на хлеб выросли. Принятые меры не повысили популярности Минташа, к тому же собранной суммы было недостаточно. Воины получили слишком мало, и остались недовольны [ал-Ваḳḳāд, 1999, с. 95].

Когда армия все-таки отправилась в Сирию, в Каире вспыхнуло восстание. Под предводительством *эмира десятка* Буты заключенные в тюрьму мамлюки Баркука, сделали подкоп, вырвались на свободу, захватили оружие и разгромили гарнизон, оставленный Минташем. Восставшие

[1] О городе Кус в мамлюкскую эпоху см. [Garcin, 1976].

объявили султаном Баркука. Весть об этом с радостью встретили жители Египта, которые были измучены смутой и поборами [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 295-298, 310-313; ал-Маḳдисӣ, л. 30 а, 30 б, 32 а, 32 б; A Chronicle…, 1963, vol. 2, p. 27-49].

Тем временем, Баркук получил значительное подкрепление из Сафада. Один из мамлюков, воспитанный в его доме, Йалбуга ас-Салими, служил *давадаром* у *наместника* Сафада. Когда *наместник* отправился со своим отрядом на помощь защитникам Дамаска, Йалбуга ас-Салими освободил находившихся в заключении в Сафаде эмиров Баркука – всего около двухсот человек. Они захватили городскую цитадель и казну [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 297; ал-Маḳдисӣ, л. 28 б].

Решающая схватка между Баркуком и Минташем началась 2 января 1390 г. Несмотря на отчаянное сопротивление мамлюков Баркука, Минташу удалось заставить их отступить и на правом, и на левом фланге. Но об окончательной победе Минташа говорить было еще рано. Дело в том, что Баркук воспользовался суматохой боя и захватил в плен халифа и султана ал-Мансура Хаджжи, которые ожидали исхода сражения на безопасном расстоянии в стороне от египетского обоза вместе с находившейся при них армейской казной. Минташ не знал об этом и отправился праздновать свой триумф в Дамаск, а Баркук всю ночь провел в палатке Хаджжи, собирая своих сторонников. На следующее утро мамлюки Баркука в ожесточенном сражении одержали верх. После того, как Минташ потерпел поражение, ал-Мансур Хаджжи отрекся от престола. Султаном снова стал аз-Захир Баркук. Он принял присягу от халифа и вернулся в Каир [Ибн Дуḳмāḳ, 1985, с. 474-475; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 301-309; A Chronicle…, 1963, vol. 2, p. 49-51].

Одержав военную победу, султан приказал, чтобы торжественное шествие по улицам столицы возглавлял халиф, а уже за ним следовал ал-

Мансур Хаджжи[1] рядом с Баркуком [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 4]. На самом деле это была изящная форма демонстрации того, что пришедший в полное забвение институт халифской власти вновь рассматривается новым политическим режимом как государствообразующий, более того, как идеологическая основа единства и сплочения, наряду с традиционными мамлюкскими узами солидарности, которых, как показали предшествующие события, для нерушимости государственных устоев оказывается катастрофически недостаточно. На справедливость этого тезиса указывает и тот факт, что Баркук предпринял шаги по интеграции мамлюков в египетскую социальную городскую среду, фактически разрушив традиционную мамлюкскую социальную изоляцию. Султанским мамлюкам было разрешено жить в городе и жениться [ал-ʿАрӣнӣ, 1967, с. 90; ал-Маḳрӣзӣ, 1998, т. 3, с. 67; Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 389]. Постепенно эти воины впитывали элементы местного быта, наметилась тенденция к сближению локальной арабской и мамлюкской культуры [Rabbat, 1995, p. 293].

После триумфального возвращения на трон, Баркуку пришлось заново укреплять свой авторитет в армейской среде. Опыт показывал, что каждое слово должно быть тщательно взвешено, каждый шаг просчитан до мелочей. Один из первых указов султана касался освобождения эмиров, находившихся в заточении в Александрии. Баркук дал торжественную клятву, что ни один из них не будет подвергнут преследованию [ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 89].

Ликвидация Йалбуги и Минташа, поднявших мятеж против Баркука, была первоочередной и очень непростой как в тактическом, так и в стратегическом плане задачей. Для устранения Минташа султан решил использовать его бывшего союзника, Йалбугу. Йалбуга был освобожден, назначен *эмиром оружия,* а затем *наместником* в Сирии. Осенью 1391 г. султану поступило донесение о местонахождении Минташа. Для поимки

[1] Ал-Мансур Хаджжи был помещен в каирскую Цитадель, где прожил в почете (но не имея возможности пользоваться свободой передвижения за пределами Цитадели) до своей смерти в 1412 г. [Ибн Ḫаджар, 1992, с. 217; Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 390].

мятежника были отправлены одновременно два отряда: один под командованием *наместника* Алеппо, другой – под командованием Йалбуги. *Наместник* Алеппо прибыл первым и попытался схватить преступника, но это ему не удалось. В это время к месту событий со своим отрядом подоспел Йалбуга. Он стал отчитывать «коллегу», из Алеппо за неверные, на его взгляд, действия, был при этом очень груб, и даже взялся за оружие. Эта стычка была охарактеризована как *фитна* – хронист пишет: «Дело едва не дошло до *великой смуты (fitnah kabīrah)*, но оба пришли в себя…» [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 313]. Между тем, именно этот эпизод был истолкован Баркуком как доказательство коварства Йалбуги, причем источники абсолютно единодушны в трактовке этих событий. И ал-Макризи, и Ибн Тагри Бирди, и ал-Кудси в один голос утверждают, что степень сдержанности Йалбуги, который только взялся за оружие, но не применил его против не выполнившего приказ султана *наместника* Алеппо, была воспринята Баркуком как свидетельство того, что Йалбуга лишь лицемерил, затеяв эту стычку. На самом же деле, Минташу не удалось бы избежать ареста, если бы он не был ранее предупрежден Йалбугой [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 28-29; Его же, 1984-2009, т. 12, с. 162-171; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 313]. Упоминание о том, что письмо, отправленное Йалбугой Минташу и эмиру, у которого Минташ скрывался, было предъявлено Баркуку, содержится у ал-Кудси в «Великолепных благородных странах ислама…» [ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 89-90]. Поскольку история не сохранила для нас никаких других доказательств тайных контактов между Йалбугой и Минташем, трудно судить о справедливости обвинений, выдвинутых против Йалбуги Баркуком. Как бы то ни было, их оказалось достаточно, чтобы схватить и казнить Йалбугу, и чтобы это решение не вызвало протеста среди эмиров. Вероятнее всего, самым убедительным доказательством правомочности отданного Баркуком приказа был приобретенный им после возвращения на трон политический вес и неоспоримое преимущество над соперниками и конкурентами.

Прошло почти два года, прежде чем Баркуку удалось покончить с Минташем. Только летом 1393 г. в Каир пришло донесение об аресте мятежника. События разворачивались следующим образом. Минташ скрывался у бедуинов под защитой шейха Ну‘айра. *Наместник* Алеппо, потерпев неудачу в попытке захватить Минташа силой, начал переговоры с Ну‘айром. В обмен на пост *эмира арабов,* т.е. официально признанного и назначенного султаном командующего отрядов бедуинов своего племенного объединения, Ну‘айр согласился выдать мятежника. В последний момент, однако, он предупредил Минташа об опасности. Тот пытался бежать, но было уже поздно. Осознав, что арест неизбежен, Минташ попытался покончить с собой, нанеся себе несколько ударов кинжалом. Раненного отправили в Алеппо. Он был заключен в тюрьму и подвергнут самым страшным пыткам, целью которых, согласно Ибн Тагри Бирди, было получение информации о том, где Минташ прячет свои богатства. Несчастный утверждал, что у него ничего не осталось, и, в конце концов, по распоряжению Баркука был казнен. Отсеченную голову преступника пронесли по улицам Алеппо и отправили в Каир, где вывесили на всеобщее обозрение и только потом передали вдове. Хронисты утверждают, что Баркук не скрывал своей радости, когда весть об аресте Минташа пришла в столицу [Ибн Дуḳмāḳ, 1985, с. 482-483; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 35, 38; ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 102; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 337].

Опыт борьбы с соперниками, вероятно, убедил Баркука в том, что надежной опорой для султана могут быть только его собственные мамлюки. В 1395 г., после смерти своего старшего сына Мухаммада, который ранее был официально объявлен наследником, Баркук передал принадлежавшие Мухаммаду земли в специальный фонд, предназначавшийся для обеспечения султанских мамлюков.[1] Учреждение такого фонда должно было способствовать упрочению центральной власти, однако со временем

[1] Для управления фондом был учрежден *Отдельный диван* (*diwān al-mufrad*). Подробнее об этом ведомстве см. Гл. 6.

укрепление особого статуса (и особой финансовой поддержки) султанских мамлюков привело, во-первых, к падению дисциплины в их рядах, мятежам и беспорядкам в случае даже самой незначительной задержки или сокращения положенных им выплат и награждений, а во-вторых, к расколу мамлюкской армии, в которой привилегии *джулбан* стали неминуемо противоречить интересам *караниса*. Однако эти негативные последствия начали проявляться лишь в середине XV в. Баркук же полностью достиг поставленной цели. Количество купленных им мамлюков значительно возросло,[1] и власти его ничто не угрожало [Илюшина, Борьба…, 2013].

Султан Баркук умер в возрасте шестидесяти лет в июне 1399 г. Наиболее авторитетные источники сообщают, что султан проболел всего 10 дней после того, как принял в пищу несовместимые продукты, правда один из авторов, ал-Кудси, опускает подробное и не очень приятное описание того, что съел и выпил султан и предлагает другую версию: после упражнений с копьем вспотевшего Баркука просквозило ветерком и он схватил простуду. Как бы то ни было, султан скоропостижно скончался, завещав трон своему сыну Фараджу [Ибн Ḳāḍī Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 41; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 81-82; ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 91; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 441-442].

Скорбь о Баркуке в народе была неподдельной. Подобно Байбарсу о нем слагали песни, а его биографию изучали, знали и рассказывали как былинные предания. Согласно последней воле Баркука, тело его было захоронено рядом с кладбищем, на котором покоились благочестивые суфии, посвятившие себя служению Богу. Могила, по завещанию султана, была устроена прямо у дороги, за каирским и воротами Баб ан-Наср Впоследствии на этом месте выстроили гробницу и *ханаку*, на сооружение которых Баркук выделил перед смертью восемьдесят тысяч динаров [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 85; ал-Маḳдисӣ, л. 87 а; Ormos, 2018, p. 65-66].

[1] Число купленных Баркуком мамлюков достигало пяти тысяч, ежемесячно только на жалование им выделялось около четырехсот тысяч серебряных дирхамов [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 85].

§ 3. Политический кризис в период правления ан-Насира Фараджа.

В 1399 г. военные действия против Султаната мамлюков начал Тимур. Наступление Тимура стало важной вехой в истории внешней политики мамлюков, которые впервые после падения династии Ильханов (1256-1335) должны были противостоять вторжению, представлявшему серьезную угрозу их власти и территориальной целостности их государства [Dekkiche, 2013, p. 134]. В октябре 1400 г. Тимур подошел к Алеппо. Не получив подкрепления из Каира, местный гарнизон выступил на защиту города и был разбит. Жители подверглись жестокой расправе. Та же участь ждала Хаму. Затем Тимур повел свою армию к Дамаску. Навстречу ему, из Египта выступило войско мамлюков [ʿĀшӯр, 1995, с. 342-346; Фильштинский, 2008, с. 286; Fischel, 1956, p. 208-215]. Подробное описание событий, связанных с осадой Дамаска и последующими переговорами с Тимуром, оставил Ибн Халдун.

Вопреки желанию остаться в Каире, Ибн Халдун был вынужден подчиниться воле султана и сопровождать мамлюкское войско, направлявшееся в Сирию. Под Дамаском, где армии Фараджа и Тимура расположились лагерем, произошло несколько мелких военных столкновений, не повлиявших сколько-нибудь заметно на соотношение сил. Неожиданно пришло известие о том, что часть мамлюков тайно возвращается в Египет с намерением воспользоваться тем, что султан и его гвардия находятся в Сирии, и захватить власть. Опасаясь смуты, Фарадж помчался в Каир. Беззащитный Дамаск замер в оцепенении, ожидая неизбежного нападения Тимура [Иванов, «Китаб…»…, 2008, с. 73; Fischel, 1956, p. 217].

В этой обстановке городские судьи и *улемы* собрались на совет и решили вступить в переговоры с Тимуром [ʿĀшӯр, 1995, с. 348]. Грозный полководец согласился гарантировать безопасность мирным жителям, если Дамаск будет

сдан без сопротивления. В составе группы парламентеров на весьма небезопасную встречу с Тимуром отправился Ибн Халдун.[1]

Неизвестно, повлияли ли беседы с Ибн Халдуном на дальнейшие планы Тимура. Во всяком случае, после того как ворота города были открыты, полководец не счел нужным придерживаться условий договора, и Дамаск был отдан на разграбление монгольскому войску. 19 марта 1401 г. Тимур ушел из Дамаска, оставив обескровленную Сирию[2] в состоянии экономического упадка и политического хаоса [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 2, с. 526; Drory, 2013, p. 395-398; Fischel, 1956, p. 223-225; Lapidus, Muslim…, 1984, p. 26-27].

Одновременно наступление на мамлюкские владения начал Баязид I (1389-1402). Он захватил значительную часть Киликии, а в августе 1399 г. в Каире стало известно, что османы взяли города Малатью и Эльбистан и строят планы вторжения в Сирию. Ситуация складывалась так, что армия Баязида I могла оказаться в тылу у Тимура, если бы он решился на завоевание Египта. Тимур направил свои войска против османов, одержал решительную победу в битве при Анкаре 27 июля 1402 г. и, покорив Малую Азию, вернулся в Самарканд [Ибн Ḳāḍӣ Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 29, 65; Garcin, 1998, p. 292; Inalcik, 1995, p. 16; Shaw, 1976, p. 34-35].

---

[1] Ибн Халдун и Тимур общались через переводчика, Тимур интересовался обстоятельствами жизни Ибн Халдуна в Египте, его отношениями с Баркуком, особенно подробно расспрашивал о городах, расположенных на северо-западе Африки, и о переправе в Андалусию. В конце концов, Тимур пожелал иметь письменное описание Магриба, т.е. всей Северной Африки западнее Египта (сведениями о Египте он, по всей видимости, уже обладал). Ибн Халдун должен был указать все расстояния, реки, горы, населенные пункты, да так, чтобы завоеватель увидел их «словно воочию». Ученый исписал около двенадцати тетрадей, выполняя задание Тимура, но и тогда не получил разрешения вернуться к в Египет.Пребывание при дворе полководца затягивалось и становилось чревато непредсказуемыми последствиями. Ибн Халдун отправился на рынок, купил великолепный список Корана, молитвенный коврик тончайшей работы, копию знаменитой поэмы «Плащ» ал-Бусири (1211-1294)[1] и четыре коробки лучших восточных сладостей (согласно легенде, разбитый параличом поэт увидел во сне Мухаммада, который набросил ему на плечи свой плащ. Наутро ал-Бусири почувствовал себя в силах встать и посвятил необыкновенному видению касыду, в которой прославлял Пророка и рассказывал о своем чудесном исцелении; поэма ал-Бусири приобрела необыкновенную популярность и даже служила своеобразным талисманом: считалось, что она избавляет от болезней и защищает от злых сил [Фильштинский, 1991, с. 461-462]). Тимур принял подарки благосклонно, но Ибн Халдуну пришлось еще несколько раз беседовать с ним, привлекая на помощь все свое красноречие и прозорливость, прежде чем разрешение ехать в Каир было им получено [Ибн Ҳалдӯн, 2000-2001, т. 7, с. 729-739].

[2] Значительная часть работоспособного населения, в том числе и квалифицированные ремесленники и оружейники были захвачены и отправлены в Самарканд [Закӣ, 1956, с. 89; Humphreys, 1998, p. 458].

Мамлюки были избавлены от дальнейшего вторжения монголов, но Сирия подверглась опустошению и разорению. Не многим лучше обстояло дело в Египте. Когда Тимур начал наступление на территорию Султаната, Фарадж, вынужденный в срочном порядке готовить войско к походу, ввел ряд чрезвычайных налогов. Он, в частности, обложил временными податями всех владельцев земли и держателей *икта‘* в Египте (с каждого участка – 1500 дирхамов) и корабли, прибывающие в Каир (по 100 дирхамов с каждого пассажирского и в соответствии с количеством груза с тех, что привозили зерно) [‘Абд ал-Ḫамӣд, 2006, с. 73-74; Муṣтафā, 1996, с. 92; Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 386]. Воспользовавшись тем, что основные силы мамлюкской армии были стянуты в сирийском направлении, в 1401 г. бедуины подняли мятеж в Верхнем Египте, поступление налогов из этого региона фактически прекратилось. Несколько неурожайных лет на рубеже XIV и XV вв., вызванных наводнениями и засухами, усугубили тяжелое положение в Египте. Началась эпидемия чумы, пик которой пришелся на 1405 г., целые районы пришли в запустение и даже несколько самых оживленных каирских рынков прекратили свое существование (в 1403 и 1405 гг. по свидетельству арабских хронистов погибла едва ли не половина населения Египта) [Ḳāсим, 1978, с. 57; Панченко, 2017, с. 26; аṭ-Ṭарāуна, 2010, с. 48; Abu-Lughod, 1971, p. 39; Ashtor, 1986, p. 305; Borsch, 2005, p. 42-43].

Экономика Султаната находилась в состоянии тяжелого кризиса, который затронул все слои населения[1]. Значительно сократились расходы на содержание войска, настолько, что, как пишут источники, многие мамлюки вынуждены были полностью исключить из своего рациона мясо. Катастрофически не хватало средств на обеспечение мамлюкских школ. Широкое распространение получила практика доставлять ко двору султана не мальчиков, а уже взрослых рабов, бывших у себя на родине моряками,

[1] Изменились даже предпочтения в одежде. Городские жители вынуждены были сменить дорогие восточные ткани на дешевые и менее качественные европейские [Ashtor, 1986, p. 583; Walker, 2000, p. 171]. Подробнее о финансовом состоянии Султаната мамлюков в период правления ан-Насира Фараджа см. [ан-Наджӣдӣ, 1993, с. 290-305].

истопниками и даже водоносами. Молодой Фарадж, сам еще не искушенный в науках, считал, что обучение у *факиха* только портит воина и не заботился о религиозном образовании и этическом воспитании мамлюков. В результате, как пишет ал-Макризи, мамлюки султана стали «самыми низкими и порочными из людей, слабыми, невежественными и скупыми душой» [ал-Маḳрӣзӣ, 1998, т. 3, с. 67].

Опасная ситуация на сирийских границах и в Верхнем Египте, бесславное отступление мамлюкского войска из Дамаска, тяжелое экономическое положение создавали предпосылки для роста политической напряженности в Каире, где постепенно разгорался конфликт между соратниками аз-Захира Баркука и молодыми гвардейцами ан-Насира Фараджа.

Ан-Насир Фарадж унаследовал трон от своего отца в возрасте неполных одиннадцати лет [Ибн Ḳāḍӣ Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 19; ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 91]. Период правления молодого султана стал переломным в переходе от престолонаследия, основанного на династическом начале, к новым способам установления верховной власти.

Аз-Захир Баркук сломал устоявшуюся традицию и добился смещения своего малолетнего подопечного, последнего представителя династии Калаунидов, ас-Салиха Хаджжи. Тем не менее, когда встал вопрос о преемнике, Баркук сделал все, чтобы обеспечить переход власти к собственному сыну. Он сформировал большую и влиятельную группу приобретенных им лично мамлюков, которые были готовы выполнить его политическое завещание. Согласно последней воле Баркука опекунами Фараджа стали главный эмир, *атабек* Айтамуш, *эмир оружия* Тагри Бирди и племянник Баркука, сын его сестры, *давадар* Байбарс [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 82-83; Ибн Ḥаджар, 1992, с. 250; Ибн Ḫалдӯн, 2000-2001, т. 7, с. 715][1].

[1] Айтамуш, мамлюк эмира Асандамира ал-Баджаси, был верным соратником Баркука, дослужился до *эмира сотни*, а после того, как Баркук стал султаном, получил должность *командира вахты*. Узнав, что по стечению обстоятельств Айтамуш все еще находится в статусе раба, Баркук выкупил его у наследников умершего к тому времени Асандамира и отпустил на свободу [ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 2, с. 289]. Эмир Тагри Бирди, *румиец*, как и мать Фараджа, относился к числу *муштарат*. Этноним *румиец* в конце XIV – начале XV в. мог означать

Атабек эмир Айтамуш, который был назначен опекуном Фараджа, и, фактически, взял в свои руки управление султанатом, относился к числу ветеранов мамлюкского войска и входил в состав политической элиты с первого дня правления Баркука. Осенью 1399 г. мамлюки, которые принадлежали лично Фараджу, составляли его охрану и ближайшее окружение, обвинили Айтамуша в том, что он планирует сместить юного султана, и подняли мятеж. На стороне Айтамуша выступил эмир Тагри Бирди и большая часть бывших мамлюков Баркука. В двух сражениях, в Каире и окрестностях Газы, мамлюки-ветераны потерпели поражение. Айтамуш и другие командиры были схвачены и казнены. В живых остался только Тагри Бирди благодаря заступничеству своей сестры Ширин (ум. в 1400 г.) – матери Фараджа [Ибн Ḳāḍī Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 67-93; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 149-169; Ибн Ḫаджар, 1992, с. 90].

Независимо от того, существовала ли реальная угроза смещения Фараджа[1], переворот, осуществленный его гвардейцами, и физическое уничтожение мамлюков-ветеранов, соратников Баркука, которых возглавлял опекун юного наследника престола Айтамуш, исключили возможность дальнейшего развития событий по схеме, характерной для эпохи Калаунидов, когда при молодом и неопытном султане управление государством находилось в руках авторитетного и могущественного эмира.

Мятеж в Каире, раскол среди мамлюков, привели к дестабилизации политической обстановки в Султанате в целом. На сторону ветеранов встал *наместник* Сирии, вышел из повиновения весь Верхний Египет, начались волнения в Дельте [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 158-163]. В результате переворота, осуществленного гвардейцами Фараджа, ключевые позиции в

не только принадлежность к христианскому населению Византии (преимущественно к грекам), как в более ранний период, но применялся также к выходцам из Анатолии, имевшим тюркско-татарское происхождение [Мустафаев, 2013, с. 263-266].

[1] Сын эмира Тагри Бирди, известный хронист Ибн Тагри Бирди, категорически отрицает существование заговора с целью смещения Фараджа. Он подчеркивает многочисленные заслуги эмира Айтамуша и его абсолютную лояльность по отношению к наследнику Баркука [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 169].

политической верхушке заняли молодые и амбициозные султанские мамлюки, карьера которых началась лишь в последние годы правления Баркука.

Среди гвардейцев ан-Насира Фараджа не было признанного лидера. В течение пяти лет, с 1399 по 1404 г., мятежи и смуты практически не прекращались. Мамлюки яростно боролись за доступ к власти, за влияние на молодого султана. Смещения и назначения эмиров беспорядочно следовали одно за другим, нередко тюремное заключение для кого-то из мамлюков в короткий срок заменялось наградой или пожалованием, а затем снова ссылкой. Постепенно в хаосе политической борьбы наметилась новая линия раскола в мамлюкской военной элите. К 1404 г. Йашбек, который возглавлял выступление гвардейцев Фараджа в 1399 г., в конце концов, оттеснил конкурентов и смог стать главным советником султана, в его руках находилось управление государством, он принимал решения о назначениях и смещениях эмиров. В то же время Фарадж все больше времени проводил в доме своего зятя, эмира Иналбая[1]. Большое влияние на султана имел и племянник Баркука Байбарс[2] [Ибн Ḫиджжӣ, 2003, с. 551].

Заметив, что султан явно благоволит своим родственникам, сторонники Йашбека решили добиться смещения Иналбая. В ноябре 1404 г., когда Фарадж отказался выполнить их требование, они в течение нескольких дней не являлись на службу. Фарадж обратился к Байбарсу с просьбой начать переговоры и добиться примирения Йашбека и Иналбая, но это не дало результата. Йашбек забаррикадировался в стенах *медресе*, примыкающей к его дому, откуда было удобно обстреливать резиденцию Иналбая и подступы к Цитадели. На стороне султана выступили Иналбай и Байбарс, они окружили *медресе*, сражение продолжалось несколько дней. Йашбек был вынужден бежать. Он и его сторонники нашли убежище в Сирии. Они заверили

[1] Иналбай занимал должность *эмира конюшен*. Он был женат на Байрам, дочери Баркука. Отец Иналбая, эмир Куджмас, приходился Баркуку двоюродным братом [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 36].
[2] Байбарс, сын ‘А’иши, сестры Баркука, после мятежа 1399 г. стал *атабеком* [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 408, т. 6, с. 115].

наместника султана в Дамаске, эмира Шайха ал-Махмуди,[1] что никогда не выказывали неповиновения султану, а причина перестрелки в Каире заключалась в том, что Иналбай оговорил их перед султаном, и они не могли не отомстить ему. Шайх оказал беглецам покровительство и в июне 1405 г. вместе с Йашбеком вступил в сражение против эмиров, верных Фараджу. Отряд султанских мамлюков был разбит, Шайх и Йашбек, захватив богатую добычу, двинулись к Каиру, но там они потерпели поражение, были вынуждены бежать и скрылись. Новым *наместником* Дамаска Фарадж назначил еще одного своего зятя, эмира Навруза ал-Хафизи (ум. в 1414 г.)[2] [Ибн Ḫиджжӣ, 2003, с. 655, 691; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 36, 115, 147].

В результате вооруженной борьбы между гвардейцами Фараджа победу одержала фракция, которую возглавляли эмиры, находившиеся в той или иной степени родства с семьей султана. Определился новый вектор в развитии системы престолонаследия и принципов формирования политической элиты в Султанате черкесских мамлюков. На протяжении всего XV в. семейные связи играли значимую роль в борьбе эмиров за верховную власть. Один из самых авторитетных исследователей истории мамлюков Д.Айалон охарактеризовал этот период как «время правления зятьев и родственников» [Ayalon, 1949, p. 144].[3]

Вскоре после победы над мятежниками Фарадж выслал своего зятя Иналбая в Дамьетту, лишив всех должностей и наделов. По-видимому, Шайху и Йашбеку удалось убедить султана в том, что в смуте, которая едва улеглась, виноват Иналбай. После поражения в Каире Шайх отправил Фараджу покаянное письмо, объясняя, что единственная причина его выступления на стороне мятежников заключалась в том, что Иналбай оговорил Йашбека в глазах султана, а он, Шайх, как и все верные гвардейцы Фараджа, считает

[1] В 1412 г. эмир Шайх ал-Махмуди стал султаном с тронным именем ал-Му'аййад.
[2] Эмир Навруз ал-Хафизи был мужем Сарры, дочери Баркука [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 231].
[3] Практически все бурджитские султаны были связаны между собой семейными узами. Чаще всего каждый следующий владыка приходился зятем одному из своих предшественников [Fuess, 2017]. Подробнее значение матримониальных и семейных связей в системе престолонаследия Бурджитов будет рассмотрено в Гл. 6.

такой поступок непростительным [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 251-252; Ибн Ҳиджжӣ, 2003, с. 694; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 131-132, 138].

Ссылка Иналбая вызвала недовольство и волнения в среде черкесских мамлюков Каира, которые сражались против Йашбека и Шайха на стороне султана. Фараджа стали обвинять в том, что он, особенно после женитьбы на дочери Тагри Бирди, выказывает все больше благоволения мамлюкам-румийцам. Черкесские эмиры опасались, что румийцы оттеснят их из ближайшего окружения султана. Назревала смута. На стороне черкесов был готов выступить Йашбек, объявившийся со своими мамлюками в Каире. По совету Байбарса, Фарадж отменил распоряжение о высылке Иналбая и позволил ему вернуться в столицу. Йашбек тоже получил официальное прощение. Эти меры не остановили черкесов. Они блокировали подступы к Цитадели.

Ан-Насир Фарадж сделал еще одну попытку примириться с черкесами, которые требовали немедленной высылки Тагри Бирди из Египта. Фарадж дал согласие и сразу после этого исчез из Цитадели. Согласно сообщениям хронистов, события развивались следующим образом. Как раз накануне того дня, когда султан договорился с черкесами о выдаче Тагри Бирди, праздновали Навруз. Фарадж после неумеренного употребления горячительных напитков в кругу своих личных мамлюков прыгнул в пруд, за ним последовали его собутыльники. Как пишет ал-Макризи, Фарадж забыл о необходимости сохранять достоинство и величие и совершенно сравнялся с мамлюками в шутовстве и бесстыдстве. Один из плескавшихся в воде черкесов стал, будто бы играя, топить Фараджа. Дело, по-видимому, приняло серьезный оборот. Когда другой мамлюк – румиец по происхождению – освободил султана, тот был едва ли ни при смерти. Сначала Фарадж попытался скрыть охватившее его негодование, но потом не сдержался и начал поносить всех черкесов. Он без меры восхвалял мамлюков-румийцев, подчеркивая свое родство с ними. Проявление открытой враждебности со стороны султана подтолкнуло черкесов к организованным и сплоченным действиям. Они привлекли на свою

сторону двоюродного брата султана *атабека* Байбарса, который в то время фактически держал в руках бразды правления государством. Фарадж, осознав, что его жизни угрожает серьезная опасность, тайно покинул Цитадель. 21 сентября 1405 г. на трон был посажен малолетний брат Фараджа ‘Абд ал-‘Азиз ал-Мансур [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 255-258; Ибн Ҳиджжӣ, 2003, с. 697-699; ал-Ҟудсӣ, 1997, с. 91; ал-Маҟрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 140-148].

Конфликт между черкесскими и румийскими родственниками султана вылился в крупномасштабное политическое противостояние, в ходе которого сам Фарадж был смещен, а эмиры, не состоявшие в родстве с семьей султана, получили шанс вновь занять место в политической элите столицы и вступить в борьбу за власть.

При юном ‘Абд ал-‘Азизе все большее влияние приобретала партия *атабека* Байбарса, сына сестры Баркука. Йашбек, выступление которого на стороне черкесов сыграло значимую роль в смещении Фараджа, быстро терял завоеванные позиции. Он объединил тех, кто был недоволен засильем слишком молодого и, по мнению многих мамлюков, не заслужившего своего высокого положения Байбарса, и сделал ставку на возвращение Фараджа на трон. Для подготовки переворота потребовалось около двух месяцев. 28 ноября 1405 г. в Каире султаном снова был провозглашен ан-Насир Фарадж [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 4-11; 2, j. 6, s. 148; Ибн Ҳиджжӣ, 2003, с. 712; ал-Ҟудсӣ, 1997, с. 92].[1]

В течение двух лет эмиры – черкесские родственники Фараджа, оказавшиеся в оппозиции, – были уничтожены. Байбарса схватили и отправили в александрийскую тюрьму осенью 1405 г., затем он был убит. Иналбай погиб в сражении с эмиром Шайхом в 1407 г. [Ибн Ҳиджжӣ, 2003, с. 787]. Еще один зять Фараджа, Судун ал-Хамзави[2] был схвачен и осенью 1407 г. и казнен по приговору четырех главных судей Каира, инициированному

[1] Свергнутого султана ‘Абд ал-‘Азиза ал-Мансура и еще одного брата Фараджа, Ибрахима, отправили в тюрьму Александрии, где оба скончались в 1406 г., возможно были отравлены [Ибн Ҳиджжӣ, 2003, с. 756].
[2] Брак между Зайнаб, младшей дочерью Баркука, и эмиром Судуном ал-Хамзави был заключен 9 февраля 1403 г. [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 231].

Фараджем [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 150, 181-185, 195; ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 3, с. 278-279].

Основные этапы длительного политического кризиса, охватившего Султанат черкесских мамлюков в период правления Фараджа, были отмечены нарастанием напряженности и конфликтами между несколькими группировками эмиров. Борьба молодых гвардейцев Фараджа с ветеранами мамлюкского войска, соратниками Баркука, сменилась соперничеством среди победивших гвардейцев. Когда верх одержали те из них, кто был связан с семьей султана узами родства, началась вражда между черкесскими и румийскими зятьями Фараджа: черкесы одержали верх и Фарадж был смещен. Конфликт, вскоре расколовший черкесских мамлюков на две фракции, снова привел Фараджа на трон. Повзрослевший за годы смуты сын Баркука еще в течение семи лет, пока черкесские эмиры, рвущиеся к власти, боролись между собой, оставался султаном [Илюшина, Политический…, 2016].

Отсутствие сплоченной оппозиции привело к продолжительному пребыванию на троне молодого наследника престола и, в то же время, стало причиной того, что никто из эмиров, составлявших верхушку политической элиты султаната, не сумел закрепиться за позиции опекуна-регента, и в течение длительного времени удерживать в руках бразды правления государством.

В дальнейшем борьба за власть развернулась между несколькими влиятельными черкесскими эмирами. В конце концов победу одержал наместник Сирии Шайх.

§ 4. Ал-Му'аййад Шайх и аз-Захир Татар. Становление новой системы престолонаследия.

Как отмечал академик В.В.Бартольд, в государстве, основанном мамлюками в Египте, ставленник гвардии только в редких случаях имел возможность передать власть по наследству сыну или родственнику [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 40]. Сын Баркука, ан-Насир Фарадж, занимал трон в общей сложности около тринадцати лет. На протяжении всего этого

периода шла жестокая борьба фракций мамлюкских эмиров. Политический кризис едва не закончился для мамлюков катастрофой, когда в Сирию вошли войска Тимура. Несмотря на то, что вариант передачи власти сыну Фараджа был неприемлем и не рассматривался ни одной из фракций [Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 391-392], вопрос о том, сохранится ли династическая модель правления или будут установлены новые принципы престолонаследия, все еще оставался открытым, и решать его предстояло мамлюкским эмирам, политической элите Султаната, наиболее влиятельным представителем которой был Шайх.

Шайх попал в Египет в возрасте 10 или 12 лет, был куплен Баркуком, обучался верховой езде, метанию копья, владению мечом и, видимо, хорошо себя зарекомендовал: был зачислен в привилегированный отряд гвардейцев султана, а затем получил должность *виночерпия* (*sāqī*), а еще через несколько лет – звание *эмира десятка*. В 1397 г. Шайх стал *эмиром сорока*, в 1399 г. ему была поручена почетная и ответственная миссия – охрана и сопровождение египетского каравана паломников. При ан-Насире Фарадже, наследнике аз-Захира Баркука, Шайх получил звание *эмира сотни,* был назначен *наместником* султана в Триполи, и затем, в 1402 г. – наместником в Сирии [ʻАбд ал-Х̣амӣд, 2006, с. 66; ал-ʻАйнӣ, 1998, с. 242; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 2, с. 489-490]. За время своей долгой политической карьеры Шайх приобрел и опыт, и авторитет, купил значительное количество личных мамлюков и скопил солидный капитал. В 1412 г. он объединил силы с одним из уже упоминавшихся выше высокопоставленных эмиров Египта, Наврузом ал-Хафизи и поднял мятеж. Фарадж был захвачен в Дамаске. В обмен на отречение от престола ему гарантировали личную безопасность. Шайх не решился сразу же объявить о своем намерении занять трон. Смещение законного наследника требовало осторожности и тщательной подготовки. Механизм нединастийного перехода власти еще не сложился, и Шайх нашел оптимальный путь, чтобы обеспечить легитимность этого процесса, выиграть время, избежать немедленного начала беспорядочной и кровопролитной

борьбы за власть и стабилизировать обстановку: он убедил своих сторонников в том, что полномочия султана следует возложить на халифа. Халиф ал-Муста‘ин (1406-1414) решительно отказался принимать эти полномочия. Вероятно, ал-Муста‘ин понимал, что, согласившись на предложение Шайха, он восстановит против себя тех, кто поддерживает законного наследника – ан-Насира Фараджа, и опасался, что такой рискованный шаг может стать пагубным для него самого. Тогда Шайх добился согласия ал-Муста‘ина с помощью хитрости. Сводному брату халифа (по матери), эмиру ат-Тази, было поручено отправиться к свергнутому султану с посланием, которое содержало прямое указание на то, что именно ал-Муста‘ин всячески порицал Фараджа, ратовал за его смещение и объявил вне закона всякого, кто станет ему помогать. Халиф через своего сводного брата, разумеется, узнал о письме и утратил всякую надежду получить прощение Фараджа в случае, если тот вернется на трон. Осознав свое отчаянное положение, отчасти под влиянием ат-Тази, ал-Муста‘ин согласился принять титул султана [Бартольд, Теократическая…, 2002, с. 313-314; Banister, 2020, p. 6]. После этого совет эмиров и *улемов* во главе с халифом приговорил ан-Насира Фараджа к смертной казни [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 104, 146; ал-Маḳдисӣ, л. 181 б – 182 а]. По свидетельству ал-Кудси казнь Фараджа была жестокой, тело молодого султана в течение нескольких дней оставалось брошенным в выгребной яме [ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 92].

После казни ан-Насира Фараджа Шайх передал полномочия наместника Сирии Наврузу, а сам вернулся в Каир вместе с новым султаном – халифом ал-Муста‘ином. Шайх позаботился о том, чтобы изолировать ал-Муста‘ина от любой силы, потенциально способной его поддержать, через несколько месяцев сместил его и приказал заключить в тюрьму. После этого эмир Шайх был объявлен султаном с тронным именем ал-Му’аййад [ал-‘Айнӣ, 1998, с. 305-306; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 250]. Новым халифом стал брат ал-Муста‘ина, Давуд, получивший почетное имя ал-Му‘тадид. В следующий раз ал-Му’аййад Шайх вспомнил о халифе только через несколько лет, когда во

время тяжелой болезни решил назначить наследником своего полуторагодовалого сына [ʿАбд ал-Ҳамӣд, 2006, с. 66; Бартольд, Халиф…, 2002, с. 40; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 250, 338].

Ал-Му’аййад Шайх был признан большинством эмиров, но у него оставался опасный соперник – *наместник* Сирии Навруз, который принимал самое активное участие в свержении ан-Насира Фараджа и располагал достаточным авторитетом в мамлюкской среде, а также большим гарнизоном, чтобы попытаться захватить власть. Конфликт между бывшими союзниками – Шайхом и Наврузом постепенно перешел в открытую форму, и на второй год своего правления ал-Му’аййад Шайх осадил цитадель Дамаска, в которой скрывался Навруз. С помощью хитрости Навруза удалось выманить из крепости, затем он был казнен. Голову Навруза отправили в Каир и повесили на воротах Баб аз-Зувайла, по этому случаю столица была празднично украшена… [ал-ʿАйнӣ, 1998, с. 435-327; Humphreys, 2009, p. 140].

Несмотря на эту победу, положение Шайха оставалось непрочным. Через два года в Сирии началась серьезная смута. Султан был вынужден покинуть столицу и лично отправиться во главе войска на борьбу с мятежниками. Сирийская кампания пришлась как раз на время разлива Нила. Еще раньше была начата расчистка занесенного песком старого русла реки в районе Булака, чтобы поднимавшаяся вода не затопляла городские кварталы. Между островом Рода и районом Новой мечети ан-Насири в Каире планировалось возвести плотину. В работах принимали участие едва ли не все жители столицы, рынки и улицы опустели, в иные дни глашатаи объявляли: «Кто посмеет открыть лавку вместо того, чтобы идти на плотину, будет повешен» [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 178-183, 190]. По приказу ал-Му’аййада Шайха, который лично следил за тем, как ведутся работы, на стройку вышли эмиры со своими мамлюками, чиновники, и даже сын султана со всей своей свитой, за каждым был закреплен определенный участок. Строительство не удалось завершить: поднявшиеся воды Нила разрушили большую часть того, что было сделано. На этом беды, постигшие египтян, не

закончились. Подъем воды остановился, не достигнув необходимого для орошения земель уровня. Цены на зерно сразу повысились. Через несколько дней подъем воды возобновился, но воспользовавшиеся отсутствием султана и большинства эмиров чиновники, по-видимому, вступившие в сговор со спекулянтами, не объявили об этом вовремя: ячмень и пшеницу продолжали продавать втридорога [ал-ʻАйнӣ, 1998, с. 344-345].

Новый урожай, несмотря на хороший разлив Нила, был скудным. Причиной, отчасти, стали необыкновенно засушливая осень, повторяющиеся вспышки эпидемии чумы и нашествие полевых мышей. Свою роль сыграли разорительные набеги бедуинов и не менее разрушительные ответные экспедиции мамлюков. Бедуины совершали нападения на селения Верхнего Египта, в сентябре 1415 г. они разграбили ал-Бухайру и увели большое количество скота. Отряды мамлюков, отправленные в ас-Саʻид и ал-Бухайру, не смогли ни нагнать и покарать виновных, ни вернуть имущество жителям, и только нанесли еще больший ущерб посевам. Росту цен в Каире способствовала тяжелая ситуация с продовольствием в Хиджазе: приезжавшие оттуда в Египет купцы были готовы покупать зерно едва ли не по любым ценам. Зимой *ирдабб* пшеницы продавали почти вдвое дороже, чем во время разлива, когда подскочили цены на зерно. Во всех областях Нижнего Египта начались волнения. Каирские бедняки вышли на берег Нила, пытаясь раздобыть хотя бы немного зерна на прибывающих кораблях, в давке погибали люди; купцы, опасаясь грабежей, приостановили заключение сделок. Ввиду катастрофической нехватки зерна, пшеницу было разрешено продавать только на мельницы, мамлюкам пришлось взять под контроль поставку муки в пекарни и охранять печи с оружием в руках. Цена на пшеницу продолжала расти, но и за большие деньги зерно можно было достать только по счастливому случаю где-нибудь в деревне. Каир голодал [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 377-378, 392].

Тем временем ал-Муʼаййад, справившись с мятежом в Сирии, смог начать подготовку к возращению в Египет. На пути в столицу, он счел

необходимым посетить одну из египетских *ханак.* Как член братства он присутствовал на ночном бдении суфиев, которое включало в себя чтение Корана, песнопения и пляски дервишей. Султан устроил богатое угощение для всех, а чтецам и музыкантам пожаловал сто тысяч дирхамов. В столице ал-Му'аййад лично взялся за контроль цен на зерно. Возвращение султана успокоило людей, опасавшихся, что сирийская смута докатится до Каира, жизнь постепенно возвращалась в нормальное русло [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 190; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 399].

И тем не менее, разрушительные последствия многочисленных смут, которые почти не прекращались после смерти аз-Захира Баркука, разорение Сирии войсками Тимура, неурожаи и, наконец, провал проекта по расчистке русла Нила и строительству новой плотины нанесли тяжелые удары по экономике Султаната и заставили ал-Му'аййада искать дополнительные источники пополнения казны. Султан принял решение установить контакты с купцами *хаваджа*[1], они получили ряд привилегий, а взамен делились частью своих доходов с султаном. Достигнутые соглашения стали первой попыткой вмешательства мамлюкских султанов в международную торговлю [Van Steenbergen, Wing, D'hulster, II, 2016, p. 554].

Еще один путь выхода из кризиса ал-Му'аййад увидел в упорядочении денежной системы. При аз-Захире Баркуке стоимость золотого динара составляла от 20 до 24 серебряных дирхамов [ан-Наджӣдӣ, 1993, с. 283]. В конце XIV – начале XV в. в Султанате мамлюков получили распространение золотые монеты европейского происхождения. Они имели общее название *ал-ифранти* (другой вариант – *ал-ифранджи, al-ifrantī*) или *ал-мушаххас* (*al-mushakhkhaṣ*)[2] и несколько разновидностей. Чаще всего встречались венецианские – *ал-бундукийа* (*al-bunduqīya*), или дукат, и флорентийские – *ал-ифлури* (*al-iflūrī*). Вес таких монет мог различаться, их стоимость доходила до

[1] *Хаваджа* – в Султанате мамлюков – купеческая элита, крупные торговцы, поставлявшие рабов султану и его приближенным, высшим офицерам мамлюкской армии [Sato, 2015, p. 85].
[2] От арабского *шахс (shakhṣ)* – «особа», «персона», «лицо» – поскольку, на одной стороне такой монеты, как правило, имелось изображение правителя, при котором она была отчеканена.

230 медных дирхамов, или фалсов, а вес ста таких «динаров» составлял от 78 и трети миткаля до 81 миткаля с четвертью. Кроме европейских золотых имели хождение динары, выпущенные ан-Насиром Фараджем. Они назывались *ан-насири (al-nāṣirī),* их вес составлял 19 киратов в отличие от традиционного двадцатичетырехкаратного мусульманского динара, что, по сути, означало изменение всей системы обмена золотых на серебряные монеты. С этого времени (реформа была проведена в 1403 г.) султан мог сам устанавливать курс обмена, используя этот инструмент для пополнения казны [Bacharach, 1973, p. 82]. Золотые динары и серебряные дирхамы, чеканившиеся при ал-Му'аййаде, называли *ал-му'аййади (al-mu'ayyadī)*.[1] По приказу султана были введены в употребление монеты в половину и четверть серебряного дирхама. Стоимость дирхама чистого серебра[2] составляла 18 медных фалсов [ал-ʿАйнӣ, 1998, с. 332]. Серебро было разрешено продавать только в султанскую казну. Стоимость *ал-му'аййади* и золотых мусульманских динаров, отчеканенных до Фараджа, была определена в 250 дирхамов, а стоимость *ан-насири* вычисляли по реальному весу. *Ан-насири* было решено постепенно изъять из употребления. С 5 мая 1415 г. эти динары скупали у населения по цене 180 фалсов. Кроме того, скупали и все серебряные монеты – европейские и мусульманские по цене 15 фалсов за дирхам. Еще через месяц было объявлено, что венецианские серебряные дирхамы будут скупать по 12 фалсов [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 186; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 379-383]. Таким образом, обмен монет проходил с очевидной выгодой для казны султана: золотые и серебряные монеты покупали по цене, приблизительно на 10% ниже рыночной.

[1] Подробнее о монетах, имевших хождение в Египте и Сирии на протяжении всего периода правления мамлюкских султанов, см. [Schultz, 1999, p. 184-188].

[2] Исследования сохранившихся монет показали, что содержание серебра в них было, в среднем, более 90% [Bacharach, Gordus, 1968, p. 311].

Финансовые механизмы, связанные с обменными операциями, которые ал-Му'аййад и другие мамлюкские султаны[1] использовали для пополнения казны, стали одной, хотя далеко не единственной, причиной роста инфляции, которая в конце XV в. – начале XVI в. самым негативным образом сказалась экономике Султаната мамлюков. В качестве меры по борьбе с инфляцией мамлюкские султаны делали попытки зафиксировать стоимость золотых монет и стабилизировать цены на рынке. Касалось это только цен в золотых, в то время как основные продукты потребления, в первую очередь продовольственные товары, продавались на медные дирхамы. В результате меры, которые принимались, чтобы остановить рост цен, затрагивали, в основном, торговлю предметами роскоши, как сказали бы сейчас, «люксовый рынок». В целом, попытки мамлюкских султанов установить контроль над ценами и упорядочить монетарную систему носили эпизодический характер и не приводили к устойчивым результатам. В этой сфере мамлюкский режим сталкивался с противодействием крупных торговых корпораций и нередко был вынужден принимать компромиссные решения [Shoshan, 1986, p. 38, 51].

Султан ал-Му'аййад Шайх занял трон после тридцати лет службы и прошел долгий путь от воспитанника мамлюкской школы до правителя большой державы. В отличие от ан-Насира Фараджа, получившего власть по наследству, он стремился к восстановлению принципов, которые лежали в основе мамлюкской системы формирования войска [Ayalon II, 1953, p. 476]. Ал-Му'аййад Шайх воспитывал и обучал своих мамлюков[2] самым тщательным образом и давал им чины лишь после долгого периода службы. Он был большим поклонником традиционного мамлюкского военного искусства и заслужил славу мужественного воина и справедливого командира.

---

[1] Например, в 1423 г. в ходе планомерной замены дуката (венецианского золотого) на *ал-ашрафи* (*al-ashrafī,* золотой динар, который чеканился при султане ал-Ашрафе Барсбае), дукаты покупались у населения за 220 серебряных дирхамов, в то время как их рыночная цена составляла 225 серебряных дирхамов [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 119; ал-Ҳусайнӣ, 1975, с. 56; Shoshan, 1986, p. 37].

[2] К концу своего правления аль-Му'аййад, по некоторым оценкам, приобрел около 5 000 мамлюков [Sievert, 2003, s. 66].

Один из поэтов мамлюкской эпохи, Ибн Нахид (1356-1438) посвятил Шайху ал-Му'аййаду (1412-1421) следующие строки:

Захочет радости – откроются врата веселья,
исправит нрав дурной, смахнет он пыль с дороги к ликованью.
Когда он лук возьмет, то удивись,
как если б месяц
с луной соединился,
когда же выпустит стрелу из арбалета, смотри –
из ожерелья Близнецов рассыплются все звезды,
когтистой лапы лука Шайха Орел Летящий убоится – Альтаир[1]
[Veselý, 1999, s. 182][2].

В 1420 г. для султана ал-Му'аййада были устроены показательные состязания в стрельбе из лука; в них участвовали султанские мамлюки и их наставники, продемонстрировавшие чудеса *фурусийи*. Ал-Му'аййад решил проводить такие соревнования каждую неделю – по вторникам и субботам [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 248]. Среди его мамлюков были выдающиеся мастера военного дела.[3]

В значительной мере последовательные шаги ал-Му'аййада по укреплению мамлюкской армии позволили позже Барсбаю одержать знаменитые победы на Кипре и отвоевать Тартус, который в течение двенадцати лет входил в состав территорий, подчиненных Тимуру. Ал-Му'аййад Шайх упорно искоренял новшества, введенные ан-Насиром Фараджем, упразднил учрежденные при нем должности при дворе и даже сократил количество дворцовой прислуги [ад-Дамāмӣнӣ, л. 3 v; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 179, т. 13, с. 179; Humphreys, 2009, p. 138, 458].

Для ал-Му'аййада Шайха, как, вероятно, и для большинства мамлюкских эмиров, было очевидно, что приход к власти юного наследника, не подготовленного к ответственной миссии управления государством, чреват разрушительными последствиями и для государства, и для армии. Система регентства, более или менее исправно функционировавшая при Калаунидах,

---

[1] Альтаир – α в созвездии Орла – по-арабски *ан-наср ат-та'ир (al-nasr al-ṭā'ir),* что дословно переводится как *летящий, парящий орел.*

[2] Перевод выполнен с оригинального арабского текста, опубликованного Р.Веселы в указанной статье.

[3] Так, например, один из мамлюков ал-Му'аййада Шайха, Касбай аш-Шишмани (ум. в 1466 г.), считался выдающимся знатоком копейного боя и стрельбы из лука [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 234].

была сломана бурджитским переворотом, а соперничество опекунов, назначенных Баркуком для Фараджа, только усугубляло напряженную политическую ситуацию. Вместе с тем, сам ал-Му'аййад Шайх, вероятно, рассчитывал, что он, в отличие от Баркука, сможет подготовить достойного наследника престола и, подобно Калауну, основать собственную династию.

Своим наследником ал-Му'аййад Шайх видел старшего сына, Ибрахима (ум. в 1420 г.). Уже подростком, Ибрахим участвовал в военных походах, затем, став старше, получил звание *эмира сотни* и *командира тысячи*. В 1419 г. он возглавил мамлюкское войско, отправленное в Караман. Эта военная экспедиция завершилась победой мамлюков и управление эмиратом было передано наместнику султана [Dekkiche, 2013, p. 135]. Ибрахим неоднократно проявлял личное мужество, заслужил репутацию храброго офицера, и у ал-Му'аййда, действительно, были основания гордиться своим сыном и надеяться, что Ибрахим станет достойным его преемником. Но по странному стечению обстоятельств за несколько месяцев до смерти Шайха, который к тому времени был уже тяжело болен и очень слаб, Ибрахим умер. Ал-Макризи и Ибн Тагри Бирди очень сдержанно сообщают об обстоятельствах внезапного недуга и смерти предполагаемого наследника султана, а Ибн Хаджар прямо пишет о том, что Ибрахим был отравлен [ʻĀшӯр, 1976, с. 169; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 302-303; Ибн Х̣аджар, 1969-1998, т. 3, с. 217-218; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 11-12].

Остальные сыновья ал-Му'аййада Шайха были еще в младенческом возрасте. Вероятно, султан осознавал, что ему уже не суждено увидеть их взрослыми и способными принять трон. Через два месяца после гибели Ибрахима он выдал своею дочь Сатиту за *атабека* Алтунбугу ал-Курмуши (ум. в 1421 г.), и в завещании назначил его регентом при новом наследнике – Ахмаде, которому было всего полтора года [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 3-17; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 12, 16]. Обстоятельства вынудили султана отказаться от планов передачи власти старшему сыну, подготовленному к самостоятельному правлению, и обратиться к опыту Калаунидов, при которых

управление государством нередко находилось в руках регентов при малолетних наследниках.[1]

Итак, ал-Му'аййад сделал ставку на укоренившийся в поздний калаунидский период механизм опекунства-регентства и подкрепил его браком своей дочери с эмиром, которому завещал защиту будущего наследника, а фактически – управление государством. Особое значение семейно-родственных связей в политической жизни султаната Бурджитов проявилось уже в период правления ан-Насира Фараджа. После того как эмиры, возглавлявшие влиятельную фракцию черкесских родственников Фараджа, были уничтожены, в борьбу за власть вступили бывшие мамлюки его отца. Помимо честолюбия, авторитета и большего или меньшего количества сторонников, их объединяло еще и то, что каждый из них был связан матримониальными узами с женщинами из семьи, или – в более широком смысле – из «дома» аз-Захира Баркука. Навруз ал-Хафизи, который в 1405 г. участвовал в мятеже против Фараджа, в событиях 1412 г. выступил на стороне Шайха, а затем, в 1414 г. снова поднял смуту с целью захватить трон, был женат на Сарре, дочери Баркука. Когда после первого мятежа 1405 г. Навруз был вынужден покинуть Египет, Сарра вступила в брак с Мукбилем ар-Руми. Он тоже участвовал в мятеже против ан-Насира Фараджа и был казнен в 1412 г. [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 231, т. 13, с. 271-272; ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 235-236]. И сам Шайх не преминул связать себя узами брака с одной из дочерей Баркука. Это была Зайнаб, вдова Судуна ал-Хамзави, который был казнен в 1407 г. [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 105; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 453; Yosef, Mamluks…, 2012, p. 63].

Став султаном, ал-Му'аййад Шайх тоже столкнулся с опасностью, которую представляли эмиры, женатые на дочерях или родственницах аз-

[1] Примечательно, что в качестве опекуна для своего собственного сына ал-Му'аййад Шайх назначил не черкеса, а эмира тюркско-кыпчакского происхождения. У Ибн Тагри Бирди есть одна интересная ремарка: он пишет, что ал-Му'аййад выбрал Алтунбугу ал-Курмуши, потому что «верил, что тот поступит с его сыном также, как поступал с сыновьями султанов *атабек* Йалбуга ал-'Умари, и никогда не посягнет на то, чтобы самому стать султаном». Сравнение же с Йалбугой здесь появилось потому, поясняет хронист, что Алтунбуга и Йалбуга были одного племени – тюрки [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 73].

Захира Баркука и ан-Насира Фараджа. Вместе с Наврузом, о котором уже упоминалось выше, против Шайха выступил Йашбек б. Аздамир (ум. в 1414 г.). Жена этого Йашбека была сестрой Фатимы, вдовы Фараджа. А в 1415 г. Шайх казнил еще одного потенциального конкурента – эмира Асабугу, который женился на дочери Баркука Байрам, вдове Иналбая, погибшего в 1407 г. [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 272, 280; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 292, 306, 376; ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 10, с. 270].

Возможно, ал-Му'аййад надеялся, что *атабек* Алтунбуга станет надежной опорой для Ахмада, который едва делал свои первые шаги, а может быть, рассчитывал, что в случае, если Алтунбуга захватит власть, то, по крайней мере, его жена – дочь ал-Му'аййада Шайха – займет достойное место при дворе, а ее дети – внуки ал-Му'аййада Шайха, возможно унаследуют трон. Так или иначе, дальнейшие события показали, что лояльности и верности Алтунбуги ал-Курмуши, на которую уповал ал-Му'аййад, было недостаточно, чтобы сохранить престол для маленького наследника. 14 января 1421 г. плачущего Ахмада, которому был год и восемь месяцев от роду, забрали у матери и повезли во дворец. По дороге мамлюкам пришлось забавлять малыша игрушками, а когда, согласно обычаю, настало время целовать землю у ног сидящего на троне султана, все постарались сделать это как можно быстрее, потому что Ахмад, напуганный барабанным боем, задрожал и снова расплакался. Церемония прошла без участия Алтунбуги, который в это время находился в Сирии [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 3; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 2, с. 494].

Отсутствием Алтунбуги воспользовался молодой и амбициозный офицер из числа мамлюков аз-Захира Баркука, Татар. Он заручился поддержкой большинства эмиров, находившихся в Каире, и сделал все, чтобы избавиться от потенциальных соперников. Одного из них, Кушгара ал-Курдуми, который мог претендовать на регентство, он приказал арестовать прямо во время похорон ал-Му'аййада [Sievert, 2003, s. 42]. Затем Татар привлек на свою сторону *улемов* и был официально признан регентом. Только

имя малолетнего султана по-прежнему чеканилось на монетах и произносилось во время пятничной молитвы в мечетях. Татар взял в жены мать Ахмада и по закону стал воспитателем и опекуном мальчика [ʻАбд ан-Набӣ, 2008, с. 42; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 3-17]. Но Алтунбуга ал-Курмуши по-прежнему представлял серьезную угрозу для нового регента и его планов по захвату власти.

Обстановка накалялась, и Татару пришлось отправиться в Сирию, чтобы вступить в сражение с Алтунбугой и его сторонниками. Только после победы над Алтунбугой и ареста наиболее влиятельных эмиров из фракции ал-Му'аййада он решился осуществить перестановки на ключевых позициях в управлении государством и сместить Ахмада. Став султаном, Татар оформил развод с матерью Ахмада. Свергнутый мальчик-султан должен был оставаться в Цитадели Каира под надзором. Когда через несколько месяцев к власти пришел ал-Ашраф Барсбай, Ахмад и его сводный брат Ибрахим были ночью вывезены из Цитадели и отправлены в александрийскую тюрьму, где оба умерли через несколько лет (в 1430 г.) во время очередной вспышки чумы [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 85-86; ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 585; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 3, с. 207].

Аз-Захир Татар был провозглашен султаном 29 августа 1421 г. Ему было немного за тридцать, и он, как и ал-Му'аййад, начинал свою карьеру в казармах султана Баркука. Правда, первые шаги дались ему нелегко. Он попал в рабство еще ребенком, торговец, видимо, предполагая, что Татар слишком юн, чтобы быть зачисленным в мамлюкскую школу, начал учить его «кое-чему из Корана и ханафитского права» [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 35]. Через некоторое время благодаря тому, что перекупщик был близко знаком с кем-то из эмиров высшего звена, мальчика все же удалось продать самому аз-Захиру Баркуку. Татар хорошо учился в школе, но был очень мал ростом. Когда настало время выпуска, Баркук, определив тех, кто может получить вольную, Татара оставил среди продолжающих обучение, решив, что юноша еще молод для окончания школы. Тогда эмир, *командир вахты*, подвел расстроенного

Татара к Баркуку и пояснил, что этот мамлюк уже достаточно взрослый, кроме того, достиг отличных результатов в изучении *фикха*, прилежен в занятиях и заслуживает того, чтобы султан его облагодетельствовал. Баркук тут же приказал написать документ об освобождении и выдать Татару коня. С этого времени маленький честолюбивый мамлюк начал продвигаться по карьерной лестнице и при султане ал-Му'аййаде дослужился до *командира вахты* и *эмира совета* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 3, с. 305; Его же, 1992, т. 14, с. 4-5, 35, 36-38].

Аз-Захир Татар оставался на троне до 30 ноября 1421 г. – всего три месяца, но фактически во главе государства он находился дольше – с января 1421 г., когда стал регентом при ал-Музаффаре Ахмаде. Значительная часть недолгого периода правления аз-Захира Татара была занята борьбой с соперниками и оппозицией, а последний месяц – омрачен тяжелой болезнью. Но даже в такой короткий срок Татар успел зарекомендовать себя как вдумчивый и дальновидный политик. Сохранились свидетельства его стремления восстановить отношения с Расулидами Йемена и создать безопасные и благоприятные условия для международной торговли в Джидде, которая могла приносить большие доходы в казну мамлюкского государства.

На протяжении многих столетий Йемен сохранял роль центра международной морской торговли и был одним из важнейших опорных пунктов египтян в их коммерческих контактах с Индией и Китаем. В Средние века порт Адена играл ключевую роль в системе морских перевозок в западной части Индийского океана [Margariti, 2007, p. 2]. Представители династии Расулидов, правившие в Йемене с 1229 г., поддерживали тесные культурные и политические связи с аййюбидскими, а затем и с мамлюкскими султанами Египта, под контролем которых с XIII в. находились торговые пути, проходившие по Красному морю [Босворт, 1971, с. 115–116; Conermann, 1998, s. 148–149]. Материалы энциклопедии ал-Калкашанди и другие источники мамлюкского периода свидетельствуют о постоянной дипломатической

переписке между Расулидами и султанами-Бахритами. Посольства из Йемена регулярно прибывали в Каир [ал-Ḳалḳашандӣ, 1913–1922, т. 7, с. 370-337].

В первой трети XV в. отношения между Султанатом мамлюков и государством Расулидов приобрели напряженный характер. Вступивший на йеменский престол в 1401 г. ан-Насир Ахмад (1401-1424) ограничил права иноземных торговцев, проживавших в его владениях. Египтяне, прибывавшие из Йемена, жаловались на притеснения со стороны расулидского правителя. По-видимому, эти жалобы были должным образом доведены до сведения юного султана ан-Насира Фараджа и его советников: на торговлю йеменских купцов в Египте также был наложен ряд ограничений [Labib, 1965, s. 89, 375].

При ал-Му'аййаде Шайхе официальные визиты представителей Расулидов в Египет были возобновлены. 8 марта 1416 г. в Каир прибыл посол из Йемена в сопровождении каравана из двухсот верблюдов, нагруженных богатыми дарами, среди которых были шелка, фарфор, ладан, сандал и даже цибетовые кошки, столь высоко ценимые за способность выделять драгоценный мускус. Подарки были приняты, а послу оказан должный прием. Через несколько месяцев йеменская делегация отправилась в обратный путь с ответными дарами [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 405-406, 419, 435].

Однако этот помпезный обмен посольствами не остановил постепенно нараставшего между мамлюками и Расулидами конфликта, следующей вехой которого стало решение шерифа Мекки ввести дополнительные сборы с торговцев в Джидде. Полученные средства, как было объявлено, предназначались мамлюкскому эмиру, возглавлявшему египетский караван паломников. Ан-Насир Ахмад направил султану ал-Му'аййду Шайху официальный протест против введения новых поборов и стал снабжать йеменские корабли достаточным количеством питьевой воды с тем, чтобы они могли следовать в Египет, не заходя в порт Джидды. В ответ на это шериф Мекки организовал несколько рейдов в Красном море. Не только йеменские, но и индийские суда подверглись нападению, торговцы терпели убытки [Ибн Фахд, 1983-1990, т. 3, с. 578; Labib, 1965, s. 377].

Попытку урегулировать этот конфликт предпринял аз-Захир Татар. От его имени было составлено послание, адресованное йеменскому султану ан-Насиру Ахмаду. Послание аз-Захира Татара, как и положено, начинается с витиеватого обращения, а затем плавно переходит к содержательной части – сообщению о том, что к власти в Каире пришел новый султан, который выражает намерение восстановить торговые отношения с Йеменом.

… Да сделает Всевышний Бог могущественными поборников Его Величества султана ал-Малика ан-Насира аш-Шихаба[1], который не перестает укреплять спокойствие и безопасность Йемена. Благодаря ему народ Саны продолжает становиться сильнее в делах своих и привольно живет в райских садах Адена. Поистине община могущественна с Ахмадом…

Имя «ан-Насир» столь же весомо, сколь и имя «аз-Захир»[2], эта пара имен может стать рифмой. Такое созвучие Бог не сделал бы возможным, если бы не гармония этих двух домов. Бог удалил некоторое отчуждение, которое было между нами в дни правления ал-Му'аййада, – да отступит всякое зло!

Бог – хвала Ему – заменил это зло в наши дни, дни правления аз-Захира, на приветливость, о которой возвещают певцы дружелюбия … Мы обратились к симпатии и сделали ее полнее… Я преклонил наши каламы в святилищах страниц и объявил Его Величеству Ахмаду привет и мир. А как же иначе? Ведь на благо его Священный Закон установил власть аз-Захира[3], облагодетельствовав эту общину лучшим имамом. Милость Всевышнего Бога во всем могуществе Его проявилась в том, что он удалил ал-Малика ал-Му'аййада[4] в лучший мир и избавил страну и рабов своих от смут и волнений, и в том, что *улемы* и те, кто пользуется авторитетом в религии, принесли нам священную присягу… *Повелитель верующих*[5] бросил жезл своего выбора, проявив в этом предел стараний во благо веры. И вот мы заняли престол, и делами праведными очистили страну от тех, кто приносил ей вред…

Мы выражаем Его Величеству нашу благородную цель, которая состоит в том, чтобы на море на нарушался *мадид*[6], поющий корабли. Притеснения остались в прошлом. Мы расстелем перед купцами покрывало почестей и будем встречать их со всем радушием [ад-Дамāмӣнӣ, л. 43 v – 44 r].

В тексте письма также упоминается о посланце, который должен передать это письмо вместе с подарками от мамлюкского султана. Итак, основное содержание короткого письма Татара предельно ясно: новый султан осуждает политику своего предшественника в отношении Йемена и заявляет о

[1] Имеется ввиду ан-Насир Ахмад, правитель Йемена из династии Расулидов.
[2] Ан-Насир и аз-Захир – тронные имена правителя Йемена Ахмада и мамлюкского султана Татара соответственно.
[3] Т.е. мамлюкского султана аз-Захира Татара.
[4] Т.е. предшествующего мамлюкского султана, ал-Му'аййада Шайха.
[5] Т.е. халиф из династии Аббасидов.
[6] Один из традиционных размеров в арабском стихосложении.

своем стремлении создать благоприятные условия для торговли по Красному морю.

Чиновником, составившим текст письма от имени султана аз-Захира Татара, был Таки ад-Дин Ибн Хиджжа. Полный текст письма включен в его антологию «Пьянящий напиток…» [Ibn Ḥijja, 2005]. Сохранились еще две, пока не опубликованные редакции этого письма. Одна из них вошла в сочинение Бадр-ад-Дина ад-Дамамини «Закатное солнце, [освещающее] восхитительное место танца [калама]» [ад-Дамāмӣнӣ], а другая была обнаружена в парижской рукописи анонимного собрания образцов дипломатической корреспонденции [[Choix de lettres…]].

Тексты в обеих рукописях почти полностью совпадают. Различия в некоторых словах и выражениях позволяют предположить, что письмо в берлинской рукописи представляет собой редакцию более раннего, парижского, варианта, в которой скорректированы некоторые грамматические неточности и внесены легкие стилистические правки.[1] Оба варианта очень близки к тексту письма, размещенному в сочинении Ибн Хиджжи. Во французском сборнике на авторство Ибн Хиджжи имеется прямое указание в заголовке к тексту письма, а в рукописи из берлинской библиотеки такого указания нет. Тем не менее, во введении к своей работе ад-Дамамини упоминает, что его труд будет представлять собой комментарий к сочинению Ибн Хиджжи. В первую часть «Закатного солнца…» ад-Дамамини поместил тексты писем, а вторая часть, которая, вероятно, содержала упомянутый комментарий, не сохранилась. Ад-Дамамини был лично знаком с Ибн Хиджжей, слыл знатоком арабского языка, преподавал в ал-Азхаре и написал несколько довольно известных трудов по грамматике. Между прочим, в конце жизни он совершил путешествие в Йемен и в течение года преподавал в

[1] Например, в предложении *A‘azza Allāh Ta‘ālā anṣār al-Maqām al-‘Ālī al-Sulṭānī al-Malikī al-Nāṣirī al-Shihābī lā zāla ‘alam al-aman wa-l-īmān marfū‘an bihi fī al-Yaman* глагол *zāla* в парижской рукописи употреблен в форме женского рода, хотя относится к имени мужского рода. А в предложении *zāda Allāh sharafahu ta‘ẓīman wa-karam baytihi allāzī rafa‘at bihi qawā‘id al-īmān takrīman* вместо придаточного предложения *allāzī rafa‘at bihi qawā‘id al-īmān* в парижской рукописи слово *baytihi* определено лишь прилагательным *ṭāhir* [[Choix de lettres…], f. 49 v – 50 r; ад-Дамāмӣнӣ, л. 43 v – 44 r].

Забиде, а затем отправился в Индию, где добился почета и уважения за свои глубокие познания. Однако, в мамлюкской администрации он никогда не служил. Вероятнее всего, ад-Дамамини для составления своего «Солнца…» пользовался либо автографом, либо одним из ранних списков сочинения Ибн Хиджжи. Анонимный автор парижского сборника, напротив, судя по составу его труда, а также информации о деталях оформления ряда писем, договоров и проч., которую он приводит, был одним из служащих султанской канцелярии и делал копии непосредственно с документов.[1] Таким образом, мы располагаем тремя редакциями одного и того же письма: одна, по-видимому, представляет собой черновик, хранившийся в архиве канцелярии, а две других – авторский вариант и одна из его ранних копий.

Наличие нескольких редакций письма, включенных в разные антологии, но отличающихся лишь незначительными деталями, позволяет с достаточной степенью уверенности судить о содержании и главной цели послания аз-Захира Татара, которые и у Ибн Хиджжи, и у ад-Дамамини, и у анонимного автора парижской рукописи остаются идентичными.

Итак, письмо было составлено, его содержание известно, но, к сожалению, упоминаний о том, было ли оно отправлено и достигло ли оно адресата, как упоминалось выше, ни в мамлюкских хрониках, ни в источниках по истории Йемена не обнаружено. Вполне возможно, что ан-Насир Ахмад, получив послание, не счел необходимым отвечать на него, поскольку на престоле в Каире к власти пришел уже другой султан. Несмотря на то, что сведений об отправке письма и его дальнейшей судьбе пока найти не удалось, сам факт подготовки этого послания йеменскому султану имеет значение для выявления значимого вектора в политике султана аз-Захира Татара, о правлении которого сохранились довольно скудные сведения, а также для понимания эволюции взаимоотношений между властью и крупными торговыми корпорациями в Султанате мамлюков в первой половине XV в.

[1] О составителе сборника см. [Dekkiche, 2013, p. 132].

Письмо, в котором Татар выражал стремление наладить отношения с ан-Насиром Ахмадом, создать благоприятные условия для торговли на Красном море и обеспечивать безопасность ее участников, не было случайностью. Мы располагаем другими свидетельствами намерения этого султана восстановить коммерческие контакты с Йеменом. Еще до вступления на престол, в качестве регента (*mudabbir al-mamlaka*) он подготовил указ об отмене дополнительных налогов (*mukūs*)[1] в Джидде и возврате торговцам их конфискованного ранее имущества. Указ был издан 28 февраля 1421 г. от имени ал-Музаффара Ахмада [Ибн Фахд, 1983-1990, т. 3, с. 579]. Затем Татар отменил обычай преподносить подарки от шерифа Мекки мамлюкскому эмиру, который руководил египетским караваном паломников. Решение султана облегчало положение купеческих корпораций в Хиджазе, поскольку именно они финансировали это мероприятие. Кроме того, был издан указ, запрещавший повышать пошлины в Джидде и подвергать прибывающих в Хиджаз коммерсантов каким-либо притеснениям [Labib, 1965. S. 378; Mortel, Taxation…,1995, p. 12].

Не известно, принадлежала ли инициатива восстановления дипломатических и торговых отношений с Йеменом самому аз-Захиру Татару или кому-то из его советников. Татар имел репутацию благочестивого правителя и, как уже упоминалось выше, прилежно изучал *фикх*, поддерживал доверительные отношения с авторитетными *улемами* и оказывал им покровительство [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 199, с. 98]. *Улемы* же были своеобразным связующим звеном между населением султаната и мамлюкской военно-политической элитой. Не исключено, что крупные торговцы, в первую очередь

[1] Впервые *мукус (mukūs)* – дополнительные налоги, не зафиксированные в мусульманском праве – были введены в IX в. (одним из них был налог на рыбу, выловленную в Ниле и Средиземном море). В мамлюкский период *мукус* получили широкое распространение. Такого рода налогами облагались едва ли не все виды производства, торговли и другой деятельности, приносящей прибыль – от рынков и мельниц до бань и музыкальных представлений. *Мукус* налагались на свадебные торжества и заключенных (по количеству дней, месяцев или лет, проведенных в тюрьме), на владельцев домов за уборку улиц и фасадов (если на них была обнаружена пыль и грязь), на жителей города или области по случаю назначения нового губернатора и т.д. Деньги, собранные в качестве мукус, в первую очередь налоги на пряности и другие товары, которые ввозились из Индии и других стран Азии, составляли значительную часть поступлений в государственную казну [Alazzam, 2013].

из корпорации *Карими*[1], воспользовались приходом к власти нового султана и сделали попытку, с помощью связей при дворе, добиться восстановления благоприятных условий для торговли. Дело в том, что после смерти аз-Захира Баркука стала заметной перемена отношения к торговым корпорациям конкурировавших друг с другом *Карими* и *франков* со стороны верховной власти. Документы итальянских архивов, в том числе донесения консулов, указывают на то, что при ан-Насире Фарадже европейские торговцы стали терпеть притеснения, а султан ал-Му'аййад Шайх, напротив, заключил с венецианцами новые торговые соглашения и оказывал им покровительство, при этом *Карими* сталкивались в Джидде с незаконными требованиями, препятствовавшими их торговле. С приходом к власти аз-Захира Татара ситуация снова изменилась: поддержку султана получили *Карими*, а политика в отношении *франков* стала более жесткой [Pedani, 2002, p. 136]. Такие колебания позволяют предположить, что в начальный период правления Бурджитов торговые корпорации пытались оказывать влияние на политику мамлюкских султанов, чтобы получить максимальное количество привилегий в ущерб своим конкурентам. Возможно, при юном и не способном к самостоятельному правлению ан-Насире Фарадже, когда фракции эмиров были заняты борьбой за власть, а решения государственной важности принимали сменявшие друг друга фавориты, *Карими* предоставился удобный случай, чтобы с успехом лоббировать собственные интересы. После казни ан-Насира Фараджа ответный ход сделали венецианцы, призывая к восстановлению справедливости, а затем при Татаре *Карими* снова попытались вернуть расположение мамлюкского султана, настроив его против *франков.* Борьба за привилегии между *Карими* и *франками*, в свою очередь, оказывала влияние на торговые связи между Египтом и Йеменом.

[1] Крупнейшая купеческая корпорация Египта, основание которой, по-видимому, относится к эпохе Фатимидов. Купцы *Карими* занимали влиятельное положение в сфере международной транзитной торговли. Название корпорации, вероятно, происходит от слова *kārim* («драгоценный», «дорогостоящий»), которым называли пряности, доставлявшиеся в Хиджаз из Индии [ал-Ḳӯçӣ, 1975, с. 17-18]. О различных вариантах этимологии названия *Карими* см. [ʻАбд ал-Джалӣл, 1967].

В условиях острой нехватки денег в казне мамлюкские султаны и, прежде всего, ал-Ашраф Барсбай, о котором речь пойдет в следующей главе, стремились увеличить доходы за счет повышения пошлин и введения государственных монополий на торговлю. Корпорация купцов *Карими* постепенно утратила лидирующее положение на рынке, и, в конце концов, прекратила свое существование [Лабӣб, 1951, с. 43-50; Abu-Lughod, 1971, p. 41]. После смерти ан-Насира Ахмада в 1424 г. Йемен погрузился в череду междоусобных конфликтов [Босворт, 1971, с. 116] и надолго вышел из сферы влияния египетских султанов.

Аз-Захир Татар не успел завершить столь важный для экономического развития Султаната проект создания благоприятных условий для международной торговли по Красному морю. Через полтора месяца после восшествия на трон он почувствовал себя плохо, а 6 ноября 1421 г. окончательно слег [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 42]. 30-го числа того же месяца он скончался, завещав власть своему десятилетнему сыну Мухаммаду [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 49, 78]. Согласно последней воле Татара регентом и опекуном этого мальчика должен был стать *атабек* Джанибек ас-Суфи (ум. в 1438 г.). Но он был арестован *главным давадаром* султана, эмиром Барсбаем, который сам занял пост регента. Через четыре месяца, получив поддержку большинства эмиров, Барсбай захватил власть и был провозглашен новым султаном [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 49, 78; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 3, с. 5-6].

Когда Мухаммад был смещен, его отправили к матери, с ней он провел несколько спокойных лет, не будучи никак ограничен в свободе. Став старше, Мухаммад стал выезжать в город вместе с сыном ал-Ашрафа Барсбая. Затем Барсбай женил Мухаммада на дочери *атабека* Йашбека ас-Саки. Мухаммад умер от чумы 18 марта 1430 г., когда ему было около двадцати лет. Рассказывают, что он был наивен и глуповат, хотя проворен и быстр в движении. Одевался он просто, не гордился, не важничал и никогда не жалел об утрате статуса султана, выучил наизусть Коран и знал черкесский язык,

несмотря на то, что родился в Египте [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 70-71; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 3, с. 209].[1]

Черкесское происхождение султанов-Бурджитов и постепенное вытеснение тюркско-кыпчакских эмиров из политической элиты государства в начальный период правления новой «династии» неизбежно приводили к поиску теоретического обоснования легитимности перехода власти к иной по этническому составу группе мамлюков. Потребность в «заглублении корней» остро ощущалась первыми преемниками аз-Захира Баркука. Для султанов аз-Захира Татара и ал-Му'аййада Шайха знаменитый историк ал-Айни создал специальные трактаты, в которых было обосновано их родство с древними арабскими племенами.

В первой половине XV в. негативное отношение египтян ко всему тюркскому, неарабскому, которое отмечалось еще при Аййюбидах, и было вызвано засильем тюркской гвардии, снова стало расти. Мамлюки давно уже не подтверждали свой статус защитников мусульман военными победами, а политическая нестабильность и кризис экономики только усугубляли положение. В таких условиях особую значимость приобретали попытки найти глубинную связь между инородной правящей верхушкой и арабским населением страны [Haarmann, Rather…, 1988, p. 63-73]. И несмотря на то, что поиски эти зачастую стирали грань между реальным и воображаемым прошлым,[2] их результат, в случае успеха, служил укреплению авторитета бурджитских правителей, которые могли, возводя свою родословную к достойным героям минувших веков, отчасти компенсировать таким образом отсутствие династического принципа как важного элемента легитимизации власти.

Вопрос о происхождении представителей военно-политической элиты Султаната, которая обновлялась каждое поколение, неоднократно поднимался

---

[1] О языке черкесских мамлюков и сохранении черкесских традиций в мамлюкской среде см. [Хотко, К вопросу…, 2015; Его же, Черкесия…, 2017, с. 219-243].

[2] О воображаемом прошлом и его роли в легитимизации власти мамлюкских султанов см. [Frenkel, 2014, p. 61-62].

в различного рода сочинениях мамлюкской эпохи.[1] Возможно, рассуждения о том, что мамлюки не только умеют владеть оружием, но и имеют славных и благородных предков, отчасти отражали потребность общества найти дополнительные аргументы, для того чтобы примириться с господством чужаков, нередко с трудом объяснявшихся на арабском языке. Для мамлюков достойная родословная, в которой прослеживались общие с автохтонным населением страны корни, была средством поддержания авторитета власти.

Одна из версий происхождения черкесских мамлюков представлена в сочинении Бадр ад-Дина ал-‘Айни, посвященном султану аз-Захиру Татару. Это был трактат, в котором утверждалось, что далекие предки Татара были арабами из племени Гассан. Последний вождь гассанидов, Джабала ибн ал-Айхам, – поясняет историк, – принял ислам,[2] а затем совершил отступничество, бежав в Византию с отрядом в пятьсот человек, оттуда он отправился в страну, где жили черкесы. Гассаниды во главе с Джабалой поселились там, брали в жены черкешенок, а черкесы женились на арабских девушках. Оба племени смешались, и с тех пор в роду у черкесов появились предки из арабского племени Гассан. И это еще одно доказательство несомненного права нашего владыки Татара на высокую честь называться султаном, – заключает ал-‘Айни [ал-‘Айнӣ, 1962, с. 5-6].

Согласно арабским и византийским источникам Джабала ибн ал-Айхам, о котором упомянуто в трактате, перешел на сторону мусульман после того, как войска императора Ираклия (610-641) были разгромлены в битве при Йармуке летом 636 г., а затем снова вернулся к византийцам. Причины его разрыва с мусульманами не совсем ясны. Возможно, на решение Джабалы, который хотел остаться христианином, повлияло то, что халиф ‘Умар (634-644) отказался сделать для него исключение и не позволил ему уплачивать

[1] Так, например, в коллекции рукописей Государственной библиотеки в Берлине сохранился анонимный трактат, посвященный аз-Захиру Баркуку. Неизвестный автор трактата посвятил доказательству законности правления этого султана целую главу, написанную в стихах с многочисленными ссылками на Коран и Сунну [Китāб ад-дурр…,].

[2] Среди гассанидов было распространено христианство в монофизитской форме. См. [Пигулевская, 1964].

садаку[1] вместо *джизьи* и *хараджа*, обязательных для всех *зиммиев* в халифате [Кривов, 1981, с. 156].

В сочинениях некоторых арабских историков сохранилось и другое объяснение отступничества вождя Гассанидов: Джабала ибн ал-Айхам принял ислам, пожелал совершить *хаджж*, но, когда он стал обходить вокруг Каабы, один из паломников наступил на край его *извара*. Джабала почувствовал себя оскорбленным, ударил обидчика и сломал ему нос (по иной версии – выбил глаз). Халиф ‘Умар, которому стали известны обстоятельства дела, потребовал, чтобы гордый Гассанид возместил ущерб либо понес наказание. Тогда Джабала, обиженный тем, что его уравняли с «человеком низкого звания», покинул Мекку и бежал к ромеям [Медников, 1897, с. 297].

Некоторое сходство с историей о Джабале обнаруживается в легенде о происхождении черкесов, которая представлена в анонимном рукописном трактате «Насаб ал-джарāкиса». В первой части трактата речь идет о событиях до эпохи правления халифа ‘Умара. Среди потомков Исмаила, упоминается Бану ‘Амир; от него, как отмечено в генеалогии, и ведут свой род черкесы. В седьмой главе автор рассказывает о легендарном появлении этого народа на арене истории и прослеживает его родословную с VII по XVII вв., возводя происхождение черкесских мамлюков Египта к племени Курайш, пророку Мухаммаду и первому человеку, которого сотворил Всевышний – Адаму. Как сообщает автор трактата, на каком-то празднике, во время состязаний Киса, глава курайшитского рода Бану ‘Амир, случайно ранил араба по имени Фухайд, и тот лишился глаза. Дело дошло до халифа ‘Умара, и, чтобы уйти от законного наказания, Киса б. ‘Икрима б. ‘Амр б. Вадд ал-‘Амири ночью бежал (по-арабски – «*сара Киса*»). С тех пор он и его люди назывались Саракиса («*сара*» + «*Киса*»), что близко к арабскому «*джаракиса*» – черкесы. Как отмечает автор родословной, это название стало известно повсюду – в Хиджазе, Йемене, Ираке, Египте. Киса странствовал со своей армией, которая

[1] *Садака* – отчисление имущими мусульманами части своих доходов в пользу неимущих [Боголюбов, 1991].

насчитывала 30 тыс. человек, и расправлялся со всеми, кто оказывал ему сопротивление. Он дошел до Византии, и напуганный правитель Константинополя предоставил Саракиса право выбрать для себя любую землю. Воинственные потомки курайшитов поселились в некой области Алф Райик, которая ранее принадлежала армянам, «а был этот край богат и многоводен» [Насаб…, л. 12]. На этом повествование прерывается: видимо, в рукописи отсутствуют один или несколько листов [Илюшина, О родословной…, 2008].

Отголоски легендарной версии происхождения черкесов от курайшитов заметны и в кабардинском предании о трех братьях, от которых произошли черкесы, албанцы[1] и курды: «Один из этих братьев каким-то образом лишил одного человека глаза, и последний отказался от всякого другого удовлетворения, кроме «око за око». Дело было представлено на суд Камефа Омара, который решил, что потерпевший имеет право требовать соблюдение закона возмездия — «око за око». Вследствие такого решения все братья бежали из своей страны в Кара-Хисса (Малая Азия)» [Инал-Ипа, 2006]. Вполне возможно, что эта легенда была отголоском мифологического осмысления важных для Черкесии связей с арабо-мусульманским Востоком в тот период, когда для местных княжеских семей родовая связь со арабской знатью времен Праведных халифов рассматривалась как средство поддержания и укрепления престижа [Хотко, Развитие…, 2017, с. 152]. Однако, особенно примечательно, что князь Кес упоминается в адыго-кабардинских родословных. Его имя, возможно, связано с этнонимом «касоги» (в арабоязычных источниках – каса, касак, кашак). Касоги считаются предками современных адыгов (черкесов). К роду Каса[2] (Киса, Куса – особенности арабского письма не позволяют

[1] Речь идет о народах Кавказской Албании. Албанцы, или албаны, представляли собой близкие по происхождению восточнокавказские племена. Подробнее см. [Аликберов, 2015].

[2] С.Х.Хотко, на протяжении многих лет занимающийся исследованием истории черкесов, отмечает, что в еврейско-хазарской переписке упоминается «страна Каса», а термин «Каса» «покрывал все адыгские и абазинские племена Западного Кавказа» [Хотко, 2001, с. 72]. Относительно указания Ибн Тагри Бирди С.Х.Хотко пишет следующее: «Каса здесь видимо означает касаг-кашек – обычное для арабов и персов наименование зихов» [Там же, с. 155].

определить краткий гласный, следующий за согласным «*каф*»), относит аз-Захира Баркука, основателя черкесского султаната, известный историк XV в. Ибн Тагри Бирди [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 183]. Таким образом, легенда, в которой ключевой фигурой представлен некий арабский вождь Киса, ближе к собственно черкесской традиции, и, возможно, что аноним, составивший трактат о родословной черкесских мамлюков, был, также как и Ибн Тагри Бирди, выходцем из мамлюкской среды.

Исторический миф о происхождении черкесов был тесным образом связан с идеологией военно-политической группировки мамлюков. Фабула исторического мифа остается неизменной: некий арабский вождь в результате конфликта, в котором опасности подвергается его жизнь, покидает пределы Аравийского полуострова и вместе со своими соплеменниками поселяется вдали от родных мест. Его потомки – черкесы, имеющие арабские корни, - через несколько веков становятся правителями Египта. Таким образом, решается основная задача – установить генеалогическую связь черкесов и арабов и поднять авторитет иноземной мамлюкской элиты в арабском обществе [Iliushina, 2015].

Версия, представленная в трактате ал-‘Айни, ближе к арабской исторической традиции. Ал-‘Айни делает главным героем своего рассказа Джабалу ибн ал-Айхама – реальное историческое лицо, упомянутое и в арабских, и в византийских источниках, пытается приблизить свое повествование к хорошо известным в арабской культурной среде событиям. Он не утверждает, что все черкесы происходят от арабов, и подчеркивает, что лишь часть черкесов (к которой, бесспорно, по его убеждению, относится султан аз-Захир Татар) имеет не только черкесских, но и арабских предков, объясняя, каким образом это произошло. В качестве дополнительного аргумента ал-‘Айни указывает на сходство добродетелей и характерных качеств, присущих черкесским мамлюкам и достойнейшим представителям арабских племен: и те, и другие проявляют отменное мужество, они прекрасные воины-всадники, ревностно оберегают своих женщин и детей,

славятся гостеприимством. Стремясь сохранять объективность, ал-‘Айни указывает и на другие общие для черкесов и исконных жителей Аравийского полуострова черты: горячность и вспыльчивость, даже склонность к озорству, неукротимость в преследовании врагов и приверженность закону кровной мести [ал-‘Айнӣ, 1962, с. 6].

История о Джабале и арабских предках черкесских мамлюков соответствует наметившейся в первой половине XV в. тенденции сближения военной мамлюкской и местной арабской культур. Представленная арабским историком ал-‘Айни легендарная версия происхождения черкесских мамлюков позволяет выявить значимый вектор развития идеологии правящей элиты Египта: стремление мамлюкских султанов и их ближайшего окружения продемонстрировать хотя бы отдаленную связь и смутно различимые общие корни с основным населением страны. Эта задача стала особенно актуальной после прихода к власти новой группировки мамлюков – Бурджитов, разрушивших устоявшуюся при Калаунидах систему престолонаследия.

Выводы.

К началу правления Бурджитов в Султанате мамлюков сформировался военно-политический режим, который носил закрытый исключающий характер. К принятию государственных решений допускалась только привилегированая часть монолитной мамлюкской элиты. Обособленность и четкое определение границ мамлюкской корпорации были предопределены принципами формирования мамлюкского войска, создававшегося как специальное подразделение, члены которого не имеют связей с местным населением. На протяжении почти всего бахритского периода верховная власть передавалась по наследству, в известной мере вопреки основополагающему организационному принципу мамлюкской системы, согласно которому титулы, должности, звания, как земельные наделы – *икта‘*, не могли быть объектом наследования.

В 1382 г. в Каире был отстранен от власти ас-Салих Хаджжи, последний из Бахритов – мамлюкских султанов тюркского происхождения. Почти за сто

лет до этого события другой бахритский правитель, Калаун, сформировал новый военный корпус, большую часть которого составляли выходцы с Кавказа, преимущественно черкесы. В течение длительного времени они охраняли мамлюкских султанов Египта – многочисленных потомков Калауна. В 1382 г. один из черкесских гвардейцев, эмир Баркук захватил власть и был признан султаном. В последующие семь лет вся политическая жизнь страны была сосредоточена вокруг противостояния между сторонниками Баркука и оппозицией, выступавшей за возвращение власти потомкам Калаунидов. В 1389 г. вспыхнуло вооруженное восстание, в результате которого султаном был снова объявлен юный Хаджжи. Через несколько месяцев Баркук вернул себе трон, окончательно закрепив за мамлюками черкесского происхождения право на власть в султанате.

Аз-Захир Баркук, сместив последнего Калаунида, сделал попытку основать собственную династию. Большие надежды Баркук возлагал на своего старшего сына Мухаммада, но он умер в 1395 г. Обстоятельства сложились так, что наследником стал другой сын Баркука – одиннадцатилетний Фарадж [Ибн Ḳāḍī Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 19; ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 91]. Династия Калаунидов была окончательно сломлена, но вопрос о том, сохранят ли Бурджиты династийный принцип престолонаследия, оставался открытым. Серьезные усилия для того, чтобы обеспечить правление своего старшего сына, Ибрахима, а после его гибели – другого наследника, Ахмада, предпринял и ал-Му’аййад Шайх. Складывались предпосылки для возвращения к разрушенной самим Баркуком системе управления, существовавшей при Калаунидах, когда при юных и безвольных султанах вся власть была сосредоточена в руках опекуна-регента и поддерживающей его армейской верхушки.

Однако, события, последовавшие за смертью аз-Захира Баркука, ал-Му’аййада Шайха и остававшегося у власти всего несколько месяцев аз-Захира Татара, показали, что черкесские мамлюки, вдохновленные примером Баркука, уже не были готовы мириться с правлением султана, занимавшего

трон только по праву родства. Сам Шайх и его сторонники продемонстрировали, что законный наследник может быть смещен и, более того, физически уничтожен. Принцип передачи верховной власти от отца к сыну не стал устойчивой доминантой политической системы Султаната мамлюков Бурджи. При этом наметилась существенная тенденция в развитии новой, формировавшейся у Бурджитов системы престолонаследия: заметную роль в политической карьере мамлюков стали играть семейные узы, связывавшие их с султаном, причем родство по крови имело второстепенное значение. Напротив, женитьба на дочери, сестре, вдове или даже бывшей наложнице султана могла принести весомые политические дивиденды.

В политике аз-Захира Баркука нетрудно усмотреть многие параллели с действиями султана Байбарса. В первую очередь это касается укрепления институтов власти военно-теократического государства – Султаната мамлюков, в котором наряду с султаном-главнокомандующим существовала и другая ветвь власти – теократическая во главе с халифом из рода Аббасидов. Этот институт власти возник благодаря усилиям аз-Захира Байбарса [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 40; Зеленев, 2007, с. 135]. Аз-Захир Баркук, придал этому институту новое содержание. Если аз-Захир Байбарс, по крайней мере формально, позиционировал себя как слуга халифа, то при аз-Захире Баркуке и его приемниках ситуация изменилась: теперь халиф стал слугой султана. Для победы теократической формы власти необходим был еще только один шаг – объединение функций султана и халифа в одном лице, но этого не произошло. Вопрос о соотношении светской и религиозной власти получил дальнейшее развитие при османах. Завоеватель Египта Селим I (1512-1520), сделавшись «служителем обоих священных городов» приобрел в глазах мусульман право на титул имама. Его и его последователей, как отмечает В.В.Бартольд, называли «халифами» «…нисколько не заботясь о том, передал ли Селиму свои права халиф Мутаваккиль» [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 71-72]. Позднее была создана теория «о духовном суверенитете турецкого султана как преемника египетских Аббасидов над всеми правоверными

мусульманами» [Там же, с. 76]. Возвращаясь к сравнению политики аз-Захира Баркука и аз-Захира Байбарса, подчеркнем, что, по существу, оба султана вынуждены были решать схожие задачи: укрепление центральной власти и личного авторитета, подчинение мятежных эмиров – сторонников свергнутой группировки. Для достижения своих целей оба использовали идею передачи светской власти от халифа султану. Возрождение халифата, как средства укрепления позиций новой власти после периода смуты – одна из возможных траекторий развития мусульманского государства. Именно по этому пути пошел ал-Ашраф Кансух ал-Гури, который занял трон после почти пятилетней смуты, расшатывавшей Султанат в конце XV в.

Период становления власти Бурджитов был отмечен частой сменой эмиров на руководящих постах в Султанате, судей высшего звена и чиновников, а также вовлечением халифов в политическую борьбу – в первые годы правления аз-Захира Баркука и перед началом правления ал-Муʾаййада Шайха [ал-Джалӣлӣ, 2002, с. 7]. Такая политизация халифата представляется не случайной. Пока новая модель престолонаследия еще не устоялась, претенденты на престол пытались (в первый раз безуспешно, а во второй – с полным успехом) подкрепить свои действия, которые пока еще могли восприниматься как незаконные даже в мамлюкской среде, не просто обращением к традиционному и неоспоримому с точки зрения шариата источнику легитимности власти – авторитету халифа, но использовать самого халифа как щит, под прикрытием которого велась подготовка к захвату трона.

Начальный период правления Бурджитов был связан с серьезными изменениями в политике, идеологии, этническом составе правящей элиты и подготовке молодых рекрутов. Ключевые позиции в армии и окружении султана заняли черкесы, которые со временем вытеснили кыпчаков, монголов и татар и составили большинство в военно-политической прослойке Египта и Сирии. Для новой элиты составлялись родословные, подтверждающие ее высокий статус и особое положение. Вопросы родства и генеалогии становились особенно актуальными, когда право мамлюков на власть

находилось под угрозой. Забегая вперед, отметим, что предпоследний мамлюкский султан Кансух ал-Гури заявлял не только о своем происхождении от Гассанидов, но и о том, что он принадлежит к потомкам Исаака [Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 388].

Постепенный упадок системы образования и воспитания мамлюка, который стал заметен уже в период правления ан-Насира Фараджа, приводил к фатальным изменениям в групповом самосознании, в том числе к деформации понятия чести. В результате мамлюки неуклонно утрачивали авторитет, который зиждился, среди прочего, на строгой приверженности определенному кодексу поведения, а «демаркационные линии», разделявшие военную элиту и гражданское население, смещались, приобретали размытый характер. «Граница» между эмирами и *улемами* теряла свойство абсолютной непроходимости, что, в свою очередь, неизбежно приводило к изменениям в системе формирования и функционирования государственных и негосударственных политических институтов.

Еще одним признаком начального этапа формирования новой системы престолонаследия были частые смуты и мятежи, которые приводили к свержению правящих султанов и широкомасштабным военным действиям между оппозицией и частями мамлюкской армии, выступавшей на стороне правителя. Серьезные политические и военные конфликты наносили урон экономике султаната. Так, после междоусобной борьбы в период правления ан-Насира Фараджа целый ряд рынков Каира прекратил свое существование. От нападений пиратов страдали Александрия и другие портовые и прибрежные города Средиземноморья, набеги бедуинов опустошали Верхний Египет. Разорение крестьянских хозяйств увеличивало налоговую нагрузку на города, что на фоне войн и конфликтов приводило к постепенному упадку ремесла и торговли [Семенова, 1962, с. 238; Ее же, 1966, с. 167-168]. Нашествие Тимура, неоднократно и довольно подробно освещавшееся в

научной литературе[1] и потому лишь кратко упомянутое в этой главе, привело к хозяйственному упадку в Сирии, по-настоящему катастрофические последствия которого ощущались на протяжении нескольких десятилетий [Mortel, 1996, p. 437; Van Steenbergen, Van Nieuwenhuyse, 2018, p. 151]. Не менее важным было и то, что бесславный исход столкновения с войсками Тимура нанес серьезный урон авторитету мамлюков.

[1] См., например, [Drory, 2013; Fischel, 1952].

Глава 3. Стабилизация политической системы (1424-1467).

§ 1. Джихад султана ал-Ашрафа Барсбая и монополизация торговли.

В первой половине XV в. территория Султаната мамлюков достигла максимальных размеров. Под контролем черкесских правителей Египта находились Сирия, Палестина, Хиджаз, Йемен, Нубия, Барка, в 1426 г. был завоеван Кипр [Зеленев, 2007, с. 143; Хасанов, 1973, с. 158]. По ряду формальных признаков это было уже не обычное государство, а прообраз региональной империи. Ее геополитическим ядром оставался Египет, политическая элита была представлена корпорацией мамлюков, в которой главенствующие позиции занимали мамлюки черкесского (кавказского) происхождения, идеологическим обоснованием ее существования стала доктрина халифата-султаната, восходящая к первым десятилетиям мамлюкского правления в Египте. Внешняя политика ал-Ашрафа Барсбая с ее основными направлениями – Кипр, южная Анатолия (Диярбакыр), Хиджаз – приобрела захватнический характер [Van Steenbergen, Van Nieuwenhuyse, 2018, p. 152]: стремление установить контроль над максимально широкой территорией неизбежно сопровождает процесс имперского генезиса.

Характерным примером имперской экспансии стала политика мамлюков в отношении Кипра. По договору, заключенному в 1414 г. мамлюкским султаном ал-Му'аййадом Шайхом, правитель Кипра должен был препятствовать действиям пиратов в Восточном Средиземноморье,[1] но уже в первые годы правления ал-Ашрафа Барсбая киприоты стали систематически нарушать это соглашение [ʿĀшӯр, 1996, с. 277; Фильштинский, 2008, с. 288]. В 1415 г. они совершили рейд вдоль египетского побережья и захватили в плен полторы сотни мусульман, пятьдесят мусульман были захвачены в Яффе в 1416 г. [Coureas, Losing the war…, 2013, p. 353]. Кипр стал настоящим

[1] Заключению договора предшествовали неоднократные нападения *франков* на мусульманские корабли, захват товаров и пленных, которых затем продавали в качестве рабов на рынках Кипра и Родоса: в 1401 г. был захвачен корабль с зерном, следующий из Египта, совершено нападение на Триполи, в 1403 г. большой рыцарский флот атаковал Триполи, Латакию, Бейрут, Сидон. В 1410-1411 гг. мамлюки совершили ответный поход на Кипр. В 1413 г. нападению снова подверглось побережье Сирии [Coureas, Losing the war…, 2013, p. 352-353; ал-Ḳaṭṭār, 1998, с.130-131].

прибежищем европейских пиратов, разорявших прибрежные территории Сирии и Египта и грабивших корабли, которые следовали по Средиземному морю. В 1416 г. при поддержке Кипра каталонцы совершили нападение на Александрию, затем в 1422 г. – еще одно, захватив при этом египетское торговое судно с товарами общей стоимостью 100 000 динаров. В 1424 г. пришло сообщение о том, что недалеко от Дамьетты захвачены два мусульманских судна с товарами, более ста человек были взяты в плен. Дерзкие вылазки каталонских флибустьеров, базировавшихся на Кипре, приобрели систематический характер. Нападения *франков* наносили серьезный ущерб торговле. Ал-Ашраф Барсбай решил не ограничиваться обороной побережья, и начал готовиться к походу на Кипр [ал-Ашқар, 2002, с. 49, 61; Муṣтафā, 1996, с. 96; Labib, 1965, s. 351, 353].

В середине августа 1424 г. два корабля с восьмьюдесятью султанскими мамлюками отчалили от пристани в Булаке. Конечно, целью столь скромной по численности военной экспедиции был не захват Кипра, а разведка боем, проба сил в преддверии более масштабного вооруженного вторжения. В Дамьетте к мамлюкам присоединилось небольшое быстроходное судно с добровольцами, в Триполи – еще несколько кораблей. Эскадра отправилась на Кипр и остановилась в Фамагусте, отвоеванной генуэзцами у кипрского короля в войне 1373-1374 гг. [ал-Ашқар, 2002, с. 62; Близнюк, 2007, с. 218-219; ал-Қаṭṭāр, 1998, с. 132]. Местный правитель принял их, оказав все необходимые знаки почета. Генуэзцы – конкуренты венецианских купцов – были крайне заинтересованы в сохранении мирных отношений и развитии торговли с Султанатом мамлюков. Потеря или разрушение Фамагусты, крупной средиземноморской базы, могла нанести невосполнимый урон их торговле со странами Востока. Еще в начале XV в. правительство Фамагусты отправило делегацию в Каир для того, чтобы заверить мамлюкского султана в лояльности генуэзцев. В послании ан-Насиру Фараджу говорилось, что Фамагуста не оказывает поддержки пиратам и не принимает их корабли в своем порту. В подтверждение своих мирных намерений генуэзцы сообщали,

что им удалось освободить двадцать мусульман, попавших в плен к морским разбойникам [Labib, 1965, s. 346].

Пополнив запасы воды и продовольствия в Фамагусте, мамлюкская эскадра направилась к Лимасолу. Жители города приготовились к бою, они смогли выставить около семидесяти всадников и тридцать пехотинцев. Мамлюки начали сражение и одержали победу. Был убит один кипрский кавалерист и несколько пеших воинов, часть судов, находившихся в гавани, потоплена, часть сожжена. Добычу составили двадцать три пленника, оливковое масло, мед, сукно. В середине октября 1424 г. эскадра вернулась в Египет [ал-Ашқар, 2002, с. 63; ʻĀшӯр, 1976, с. 172-174].

Успешная вылазка вдохновила мамлюков на новый поход. В конце 1424 г. началось строительство кораблей для военных действий в Средиземном море. Ал-Ашраф Барсбай лично следил за тем, как продвигаются работы. Одновременно шло укрепление береговой линии к востоку от Александрии. Недалеко от селения ат-Тина, была возведена башня[1], в которой разместился гарнизон, состоявший из десяти кавалеристов и пятнадцати пехотинцев. Здесь, на пути к ал-ʻАришу, нередко высаживались европейцы, безнаказанно захватывали людей и грабили караваны. Новое военное подразделение обеспечивало защиту путников, следовавших через Синайский полуостров [аш-Шāʻир, 1997, с. 20-21].

Из Дамьетты и Александрии продолжали поступать тревожные сообщения о нападениях пиратов. Ал-Ашраф Барсбай выделил дополнительные военные силы для охраны портов, султанские мамлюки готовились к морской экспедиции, каждый эмир должен был выставить не менее десяти рядовых. Шестистам воинам султан выделил по двадцать динаров, обеспечение еще трехсот человек было возложено на эмиров [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 109, 111-112].

[1] Башня была построена примерно в 34 км к востоку от Порт Саида, имела квадратную форму, длина каждой стороны составляла 30 локтей [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 107-108, 114].

20 июня 1425 г. из Булака отчалило восемь судов, в Триполи к ним присоединились отряды мамлюков и значительное количество добровольцев. В составе эскадры, которая отправилась на Кипр, в общей сложности было более сорока кораблей. В Фамагусте воинов снова встретили со всеми почестями, местные власти выразили полную покорность мамлюкскому султану. Войско расположилось лагерем в стороне от города, в течение трех дней отряды мамлюков совершали набеги на поселения в западной части острова. Затем добычу погрузили на корабли, четыреста человек осталось на берегу, чтобы передвигаться к Лимасолу по суше. Ранним утром эскадра отправилась в путь, но в море их уже ждали *франки*. Заметив десять судов и один большой трехпалубный парусник, мамлюки решили не принимать боя и укрыться в гавани. Они встретили европейцев на берегу. Атаку удалось отбить, и ночь прошла спокойно, но лишь только рассвело, мамлюки обнаружили, что они прижаты к воде войском, высланным из Лимасола. В тяжелом сражении киприоты были разбиты. После этого мамлюки продолжили набеги на соседние территории. Добычи и пленных было уже столько, что они едва помещались на кораблях, поэтому, когда пришло известие о том, что правитель Лимасола готовит к бою большую армию, было принято решение покинуть остров. В конце августа 1425 г. эскадра вернулась в Египет [ал-Ашқар, 2002, с. 64-68].

В общей сложности на Кипре было захвачено в плен 1060 человек. Добычу – сукно, шерсть, сундуки и сосуды, железо, оружие – из порта в Цитадель доставил караван, состоявший из ста семидесяти носильщиков, сорока мулов и десяти верблюдов. Продажа пленных продолжалась несколько дней. Султан запретил разделять детей и родителей, и семьи продавались целиком. В покупке участвовали все слои населения: мамлюки, *улемы*, торговцы, простолюдины. Часть полученных денег ал-Ашраф Барсбай распределил среди участников похода [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 114-117].

Напомним, что *добыча (ghanīmah)* наряду с *хараджем* и *джизьей*, согласно шариату, поступает в государственную казну [Большаков, Ганӣма, 1991, с. 54]. В период правления мамлюков Бурджи значительная часть *добычи* пополняла доходы султаната не столько в результате войн с внешними врагами, сколько в результате подавления мятежей и восстаний [ʻАбд ал-Ḥамӣд, 2006, с. 66]. Таких крупных поступлений *добычи*, которые были получены в результате кипрского похода, не было в течение нескольких десятилетий. Ал-Ашраф Барсбай решил готовить еще одну экспедицию. На этот раз речь шла уже о возможном захвате всех владений кипрского короля.

2 мая 1426 г. султан произвел смотр войска и начал выдавать «подъемные», тем, кто должен был отплыть на Кипр. Помимо мамлюков Египта явились отряды из Сирии и большое количество добровольцев, среди которых были даже весьма знатные *факихи.* На всех выделенных денег не хватало, и часть *газиев* заявила о своей готовности собрать все необходимое за свой счет, но и тогда ал-Ашраф Барсбай вынужден был многим отказать, поскольку все, кто хотел отправиться в поход, не смогли бы уместиться на имеющихся судах. Современники отмечали, что на улицах Каира легко было узнать получивших назначение на один из кораблей эскадры: их лица светились воодушевлением и радостью, в то время как те, кто не попал в списки, ходили понурые и с завистью поглядывали на счастливчиков. Отправка войска началась 10 мая 1426 г. и продолжалась в течение десяти дней. Все это время булакская пристань и прилегающие к ней территории были заполнены людьми, по Нилу сновали лодки, на берегу разбили множество палаток, а в домах Булака можно было раздобыть место только за очень большую плату или через весьма влиятельных лиц. Провожающие приветствовали воинов радостными криками и возносили молитвы об их победе и благополучном возвращении [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 116-117, 122-123; Ḳāсим, 1978, с. 92].

В первые дни похода в районе Рашида четыре судна дали течь, около десяти человек утонуло. Часть эскадры была вынуждена задержаться, а

передовой отряд отправился в сторону Александрии. Неожиданно на горизонте появились корабли *франков*. Мамлюкам пришлось вступить в перестрелку. Когда на следующее утро подоспела оставшаяся в Рашиде часть судов, европейцы отступили. Трудное начало экспедиции не остановило мусульман. Эскадра продолжала двигаться в сторону Кипра [ал-Ашқар, 2002, с. 71].

В начале июля мамлюки подошли к Лимасолу. Им стало известно, что основные силы киприотов сосредоточены в районе Никосии. Высадившись в Лимасоле, мамлюки с боя взяли крепость и разграбили город. После погромов, продолжавшихся в течение шести дней, они отправились к Никосии двумя отрядами – по морю и по суше. На подступах к городу авангард мусульманской армии, состоявший в основном из элитного подразделения султанских мамлюков, неожиданно наткнулся на лагерь противника. Эмиры решили не дожидаться отставших частей и тех, кто следовал морем, и бросились в атаку. Численный перевес был на стороне киприотов[1], мамлюки понесли серьезные потери, но сумели одержать победу и захватить в плен короля Жана де Лузиньяна (1398-1432). Когда подошли оставшиеся части сухопутного отряда, мусульмане вступили в Никосию, преследуя остатки кипрского войска [Близнюк, 2010, с. 43]. Тем временем четырнадцать *франкских* кораблей атаковали мамлюкский флот, но после тяжелого сражения вынуждены были отступить. 18 июля 1426 г. эскадра с пленными[2] и богатой добычей отправилась в обратный путь [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 125-130].

Плененный король Жан де Лузиньян принес клятву вассальной верности мамлюкскому султану. В качестве выкупа он заплатил сто тысяч динаров, еще

[1] Численность передового мамлюкского отряда, согласно данным Ибн Тагри Бирди, составляла 70 человек [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 128].

[2] Число пленников, доставленных в каирскую Цитадель, превышало тысячу человек, еще приблизительно столько же осталось в собственности добровольцев, участвовавших в походе [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 126-134].

столько же ему следовало прислать немедленно после возвращения на Кипр[1], размер *джизьи* должен был составить двадцать тысяч динаров в год.[2] Подчинение Кипра позволило ал-Ашрафу Барсбаю пополнить казну и рассчитывать на регулярные денежные поступления от Лузиньянов.[3] Еще важнее было то, что торговля с европейскими странами, прежде всего с Венецией, стала, по крайней мере на какое-то время, более безопасной. Каталонские пираты потеряли удобное пристанище в восточной части Средиземного моря, а мамлюки, продемонстрировав после долгого перерыва военную доблесть, снова заставили своих врагов если не трепетать, то хотя бы проявлять осторожность и избегать столкновений с армией султана.[4] Родосские госпитальеры даже стали опасаться нападения мамлюков, поскольку участвовали в обороне Кипра.[5] План захвата острова действительно обсуждался при дворе ал-Ашрафа Барсбая. В марте 1427 г. в Каир прибыл посланник с Родоса с просьбой не начинать военные действия против госпитальеров [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 126-138, 140-141; Rabie, 1989, p. 282-283].

Основное внимание ал-Ашрафа Барсбая было отдано средиземноморскому направлению, возможно, поэтому, военные действия против Ак Коюнлу имели меньший успех. Еще при султане ан-Насире Фараджe Ак Коюнлу признали себя вассалами мамлюкского султана, но после

---

[1] В октябре 1427 г. поступила первая выплата в размере 50 тысяч динаров [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 147].

[2] Или 5000 дукатов. Впоследствии эта сумма была увеличена до 8000 дукатов в год [Близнюк, 2010, с. 43-44].

[3] После смерти короля Жана в 1432 г. отношения мамлюков с правящей династией Лузиньянов приобрели мирный характер. Каждый год киприоты сами отправляли положенную сумму в Каир, что позволяло им не только не опасаться нападений мамлюков, но и избавить себя от обременительных визитов мамлюкских эмиров, которых ранее присылали для получения указанной в договоре подати (в 1431 г. численность мамлюкской «делегации» составила 300 человек). К тому же, проявив себя послушными вассалами мамлюкского султана, они получили право беспошлинной торговли в Сирии [Labib, 1965, s. 352; Tafur, 1926, p. 76]. В 1436 г. киприоты добились права выплачивать дань султану не наличными, а натурой, в том числе камлотовой тканью, причем по цене на египетском рынке, которая была выше, чем на Кипре. Уплата дани натурой стимулировала развитие производства на Кипре, а разница в цене на камлот давала киприотам существенную экономию [Coureas, Losing the war… , 2013, p. 355].

[4] В 1429 г. пять каталонских кораблей с вооруженными командами подошли к Александрии. Увидев, что египтяне стягивают крупные силы и готовятся к бою, *франки* отступили [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 163].

[5] Рыцари ордена Св. Иоанна (Госпитальеры) обосновались на Родосе в начале XIV в. (главный город острова был окончательно занят ими в 1309 г.). Родос и Кипр стали основными базами крестоносцев в Средиземном море.

возвышения Шахруха они заключили выгодный для себя союз с Тимуридами, вместе с ними одержали победу над своими соперниками – Кара Коюнлу (1380-1468) и уже не нуждались в покровительстве и защите со стороны Каира. После 1420 г. они совершили несколько набегов на территории, находившиеся под контролем мамлюкского султана. Эти действия правителя Ак Коюнлу Кара Юлука (1378-1435), который имел официальный статус наместника мамлюкского султана, рассматривались мамлюками как мятеж. В 1429 г. по приказу ал-Ашрафа Барсбая мамлюки опустошили верхнюю часть Месопотамии, взяли и разграбили ар-Руху и захватили в плен сына Кара Юлука. В 1430 г. Ак Коюнлу предприняли ответное нападение на Малатью и Айнтаб [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 164–167; Фильштинский, 2008, с. 289].

Следующий поход на Ак Коюнлу ал-Ашраф Барсбай решил возглавить лично, и, судя по сообщениям хронистов, именно его недальновидные решения стали одной из главных причин провала операции. На самом деле положение султана осложнялось тем, что он не был уверен в полной лояльности своих сирийских эмиров: *наместник* Дамаска готовил заговор, целью которого было смещение ал-Ашрафа Барсбая [Wing, 2015, p. 2–8]. Мамлюкская армия подошла к хорошо укрепленным стенам Амида в конце мая 1433 г. Первая попытка атаковать город, как и следовало ожидать, не принесла быстрого успеха. Ал-Ашраф Барсбай, рассчитывавший, вероятно, на молниеносную победу, был недоволен. Он отпускал самые злобные замечания в адрес своих солдат, а каждого раненого, возвращавшегося с поля боя, встречал насмешками. Поток ругательств со стороны султана остудил боевой пыл мамлюков быстрее, чем град стрел и камней, которые обрушили на них защитники Амида.

Эмиры пытались урезонить Барсбая, напоминая ему, что нужно правильно организовать осаду и что крепости не берут ни за день, ни за два. Султан был непреклонен и назначил новую атаку, добавив, что первыми в бой пойдут *караниса*, и только за ними он сам и его мамлюки. Недовольство

действиями султана росло, в войске начался раскол. Стычки с отрядами Ак Коюнлу продолжались с переменным успехом. Были построены осадные башни и камнеметы. После тридцати пяти дней осады к ал-Ашрафу Барсбаю явились послы Ак Коюнлу с предложением заключить мир. Барсбай, который постоянно опасался мятежа в собственном войске, сразу же согласился. Ак Коюнлу были поставлены минимальные условия – имя мамлюкского султана должно было упоминаться в пятничной молитве и чеканиться на монетах, иначе говоря, Кара Юлук должен был формально подтвердить свой вассалитет по отношению к ал-Ашрафу Барсбаю.

Мамлюкскую делегацию довольно пренебрежительно встретили в одной из крепостей, которую правитель Ак Коюнлу выбрал своей резиденцией на время осады столицы. Кара Юлук, приняв предложенные ему условия, с усмешкой добавил, что даже половины суммы, истраченной Барсбаем на поход, хватило бы, чтобы убедить его согласиться признать себя вассалом мамлюков. Парламентеры решили не передавать своему султану всех деталей встречи с Кара Юлуком. В начале июля 1433 г. ал-Ашраф Барсбай со своими мамлюками спешно оставил Амид, остальная часть войска едва поспевала за своим командиром. Перемирие между Ак Коюнлу и мамлюками продолжалось всего несколько месяцев, уже в весной 1434 г. наместник ар-Рухи столкнулся с отрядами Ак Коюнлу [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 214-221, 233].

Тимуриды не ограничились действиями на северных границах Султаната мамлюков с опорой на Ак Коюнлу и сделали попытку укрепить свои позиции в Хиджазе. Под влиянием Шахруха, шерифы Мекки начали проявлять самостоятельность и фактически отказались признавать сюзеренитет египетского султана. Ал-Ашрафу Барсбаю пришлось отправить в Священные города мамлюкский гарнизон, ситуация была урегулирована под давлением, но без применения военной силы [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 164-167; Фильштинский, 2008, с. 289].

В октябре 1429 г. в Каир прибыли послы от Шахруха. В письме, которое они привезли султану содержалась просьба прислать толкование хадисов ал-Бухари, написанное Шихаб ад-Дином Ахмадом ибн Хаджаром ал-‘Аскалани, и исторический труд ал-Макризи. Шахрух также писал, что хочет отправить покрывало для Каабы. Ал-Ашраф Барсбай ответил отказом. В дальнейшем Шахрух неоднократно повторял свою просьбу относительно покрывала для Каабы, но Барсбай даже не удостаивал его ответом [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 170, 201, 236-237, 239, 245; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 3, с. 178; Dekkiche, 2014-2015, p. 251-253]. Отношения с Шахрухом, стремившимся занять влиятельные позиции в мусульманском мире, становились все более напряженными. В 1435 г. Шахрух объявил своим собственным наместником османского султана, а также эмиров из династий Караманидов и Ак Коюнлу, которые ранее, по крайней мере, формально, признавали себя вассалами мамлюкского султана. Еще через некоторое время в Каир прибыл посол с грамотой о назначении ал-Ашрафа Барсбая наместником Шахруха в Египте. Барсбай был разгневан. Посла избили, связали и окунали в холодную воду, держа вниз головой, так что несчастный едва не простился с жизнью. Затем ал-Ашраф Барсбай велел ему отправляться назад и передать, что, если Шахрух в ближайший год не явится, чтобы силой доказать свое право владеть Египтом, никто не станет всерьез принимать его грамоты и письма с претензиями и заявлениями, которые ничего не стоят. Никаких ответных действий со стороны Шахруха не последовало [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 248, 252-253, 256-257; Dekkiche, 2013, p. 136-137].

Для шерифа Мекки сближение с Шахрухом обошлось довольно дорого: впредь он должен был передавать в египетскую казну всю *джизью* и *харадж* Джидды. С января 1425 г. в казну султана стали поступать пошлины с кораблей, прибывавших в этот порт из Индии[1]. Каждый год специальный чиновник султана отправлялся в Хиджаз, чтобы контролировать таможенные

[1] В 1426 г. в египетскую казну из Джидды поступило около 7 000 динаров [Labib, 1965, s. 381].

сборы, по окончании сезона он возвращался в Каир. В 1427 г. порт Джидды был расширен, выстроены новые склады и мечеть [Labib, 1965, s. 380].

Политическая нестабильность в последние десятилетия правления Бахритов, разорительное нашествие Тимура начала XV в., повторяющиеся засухи, неурожай, и особенно, вторая волна эпидемии чумы,[1] захлестнувшая Ближний Восток на рубеже XIV-XV вв., привели к серьезным демографическим и экономическим проблемам в султанате мамлюков. Уже в начале своего правления ал-Ашраф Барсбай столкнулся с необходимостью упорядочить финансовую систему и увеличить один из основных источников доходов – прибыль, которую давала международная торговля. Проведенная им монетарная реформа и введение стандарта золотого динара *ал-ашрафи* стали основой для всех последующих изменений в этой сфере, но не смогли обеспечить твердый курс мамлюкской валюте.[2]

Мамлюки стремились полностью контролировать торговлю на Красном море, направив ее через порт Джидды. В 1426 г. Барсбай разрушил Айдаб[3],

---

[1] Перва волна эпидемия чумы пришла в Сирию и Египет в 1349 г. Согласно некоторым источникам, погибло до двух третей населения. Арабский историк ал-Айни вспоминает: «Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях египетских дороже 10 дирхамов… Рассказывал мне отец мой – да помилует его Аллах -, что он в то время был молодым человеком и что он приходил к покойникам в молельню, чтобы молиться за них, что люди, уставая беспрерывной ходьбы, потом безотлучно стали находиться в молельне айнтабской, и как только приносили покойника, так над ним совершали молитву. Иногда молились за один раз над 50 или более покойниками, и дошло (наконец) дело до того, что не хватало ни омывателей (трупов), ни носильщиков, ни могильщиков. Закапывали иногда по 10 и по 20 (трупов) в одну яму. Не стало людей в домах; в последних были брошенные пожитки, утварь, серебряные и золотые деньги, но никто не брал их… Умирали они (люди) от кровохарканья. Случалось, что человек поест, пойдет и заговорит с своими приближенными, вдруг захаркает кровью, и не пройдет самого короткого мгновенья, как с ним уже все покончено» [Цит. по Тизенгаузен, 1884, с. 529-530].

[2] Манипуляции с ценами на золото и серебро, которыми ал-Ашраф Барсбай занимался по примеру своих предшественников, не смогли решить накопившихся проблем. Еще при малолетнем сыне аз-Захира Татара Мухаммаде Барсбай впервые вызвал менял, чтобы обсудить судьбу серебряных дирхамов *ал-му'аййади*. Значительная часть этих монет потеряла свой изначальный вес: полудирхамы стали весить столько же, сколько монеты в четверть дирхама. Барсбай приказал использовать эти монеты не по счету, а по весу, определив цену полного серебряного дирхама в 20 медных фалсов (при ал-Му'аййаде стоимость серебряного дирхама составляла 18 фалсов). Стоимость золотых *ал-ифранти* была определена в 220 фалсов. Теперь каждый торговец был вынужден использовать весы при расчете с покупателем. Это затрудняло торговлю и вызывало недовольство горожан. В 1430 г. ал-Ашраф Барсбай снизил стоимость золотого динара на пятьдесят медных дирхамов, а все серебряные дирхамы европейской чеканки приказал скупать у населения по 16 медных фалсов, запретив их хождение на рынке [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 185]. Следуя примеру ал-Му'аййада, который вывел из употребления европейские серебряные дирхамы, скупая их у населения по заниженной цене, ал-Ашраф Барсбай точно так же поступил с отчеканенными в Европе золотыми динарами. Однако, выпущенные в 1426 и 1430 гг. золотые динары *ал-ашрафи* недолго превалировали на египетском рынке, и через некоторое время в употребление снова вошли европейские монеты [ан-Наджӣдӣ, 1993, с. 562; Geschichte…, 1987, s. 250; Schultz, 1998, p. 335-336].

[3] Порт на западном берегу Красного моря.

который продолжал принимать корабли вопреки воле султана. Кусайр[1] был полностью подчинен мамлюкам, а эфиопский правитель Суакина[2] признал себя вассалом ал-Ашрафа Барсбая. Переговоры с шерифами Мекки о перемещении основного потока судов из Адена в Джидду начались еще при ал-Му‘аййаде. Некоторые советники Барсбая считали, что в отношениях с Йеменом не следует ограничиваться конкуренцией в транзитной торговле и настаивали на военном захвате. Предложение не было принято. Султан, вероятно, лучше своих приближенных осознавал, насколько трудной и опасной могла стать такая операция. Более актуальными были планы завоевания Кипра [Илюшина, Внешняя…, 2013].[3]

Ал-Ашраф Барсбай стремился получить максимум прибыли от контроля над Джиддой. Он запретил египтянам вести самостоятельную торговлю в этом порту и вынудил тем самым индийских купцов иметь дело с собственными наместниками. Теперь торговцы из Индии покупали в Джидде товары по тем ценам, которые устанавливал лично султан. На индийские товары, которые вывозили из Египта или Сирии налагалась экспортная пошлина. Кроме того, все купцы, которые везли пряности из Хиджаза в Сирию, должны были следовать через Каир, где осуществлялся сбор пошлины [ал-Ашқар, 2002, с. 54; Mortel, 1996, p. 437].

В 1423 г. ал-Ашраф Барсбай установил монополию на производство сахара, а позднее и на выращивание сахарного тростника. Цены на сахар повысились, это стало особенно чувствительным ударом для египтян, поскольку сахар использовали, в том числе, и для изготовления лекарства на основе патоки, которое, как считалось, могло спасти от чумы. Со временем

---

[1] Египетский порт на Красном море.

[2] Порт на Красном море, находится на северо-востоке современного Судана.

[3] В 1425/1426 г. ал-Ашраф Барсбай отправил в Йемен посольство с подарками и просьбой оказать финансовую поддержку в подготовке к джихаду – новому походу против европейских пиратов. Эмирам Барсбая был оказан подобающий прием, правитель Йемена начал готовить благожелательный ответ и подношение мамлюкскому султану. Тем временем, пришло сообщение о том, что около пятидесяти воинов, остававшихся на египетском судне, совершили нападение на одно из йеменских поселений, ограбили его и убили четырех жителей. Переговоры были немедленно прекращены, мамлюки вернулись в Каир с пустыми руками [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 108, 120; Labib, 1965, s. 381].

нововведения Барсбая привели к упадку производства сахара. После 1426 г. сахар оказалось выгоднее привозить с Кипра, и постепенно киприоты полностью вытеснили Египет и Сирию с «сахарного» рынка, став основным производителем и поставщиком этого товара [Coureas, Losing the war…, 2013, p. 351]. Наряду с монополией на производство сахара ал-Ашраф Барсбай неоднократно делал попытки установить полный контроль над торговлей целым рядом товаров, которые производились в Сирии [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 64, 146; Geschichte…, 1987, s. 249].

Государственная монополия была установлена на торговлю зерном, мясом, перцем и александрийскими тканями. Ал-Ашраф Барсбай запретил купцам *Карими,* которые традиционно занимались поставками пряностей, торговать перцем, передав эту функцию своим собственным агентам – *туджжар ал-хасс (tujjār al-khāṣṣ)*. Одна из первых спекулятивных операций ал-Ашрафа Барсбая с пряностями датируется 1432 г.: тогда агенты султана скупили всю партию перца в Джидде по 50 динаров за *химль* («верблюжий вьюк»), а затем Барсбай пригласил в свою резиденцию представителей крупнейших торговых домов, которые продали свой товар агентам султана в Джидде, и вынудил их купить этот же самый перец по 80 динаров [Labib, 1965, s. 383]. На этом ал-Ашраф Барсбай не остановился. Используя свою власть, он остановил импорт пряностей из Индии. Когда все запасы, имевшиеся у египетских купцов, были распроданы, он скупил пряности, доставленные в Джидду, по самым низким ценам (других покупателей у индийских купцов практически не осталось), а затем при полном отсутствии конкуренции продал эти пряности в Каире с огромной прибылью [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 145-146].

Туджжар ал-хасс должны были продавать перец европейским оптовикам по ценам, установленным лично султаном. Самый крупный импортер пряностей, Венеция, нашла выход из положения: торговлю стали вести прямо на кораблях в Александрийской гавани. Ал-Ашраф Барсбай лишился таможенных сборов, был вынужден пойти на понижение цен, но не

отступил от своего решения монополизировать продажу перца и в последующие годы последовательно вытеснял европейцев с рынков Дамаска, Бейрута, Триполи, Александрии. Монополия на торговлю пряностями сохранялась и в последующий период. Попытки контролировать торговлю делали и *наместники* султана в провинциях, причем касалось это товаров самого разного рода. В 1428 г. был запрещен свободный вывоз зерна и тканей из Баальбека. В Триполи мамлюкские чиновники скупали у крестьян мыло, мясо, хлеб, зерно, виноград, масло и затем продавали эти товары городским торговцам по более высокой цене. В Дамаске кузнецы были вынуждены покупать сталь только через специальное ведомство султана. После 1485 г. *наместники* Иерусалима, Рамлы, Газы и Хеврона устанавливали собственные цены на оливковое масло [Семенова, 1962, с. 234-235, 240]. Пошлины росли, купцы, отказывавшиеся покупать пряности по фиксированным ценам, попадали под арест [Семенова, 2009, с. 522-523].

Под давлением крупнейших купеческих сообществ король Альфонс V (1416-1458) при посредничестве родосских рыцарей, заинтересованных в сохранении мира с мамлюками, начал переговоры с ал-Ашрафом Барсбаем. Обе стороны пошли на уступки, и в 1430 г. был заключен договор, согласно которому мусульманские торговые суда получили гарантии безопасного плавания в Средиземном море, а европейцам был снова открыт доступ на рынки Египта и Сирии. Но уже через два года монопольная политика ал-Ашрафа Барсбая привела к новому конфликту. Каталонцы заявили, что установление фиксированных цен на ряд товаров является нарушением права свободной торговли, закрепленного в договоре 1430 г., и выразили протест. Нарушение права свободной торговли, на которое пожаловались купцы, *франки* сочли достаточным поводом для того, чтобы возобновить грабежи и захватили пять мусульманских кораблей недалеко от Бейрута и еще восемнадцать у берегов Сирии. В качестве ответной меры (предусмотренной все в том же договоре) ал-Ашраф Барсбай арестовал имущество всех каталонских купцов, находившихся на территории Султаната мамлюков, а

самих их приказал выдворить из страны. *Франки*, пользуясь поддержкой Альфонса V, продолжали нападать на торговые суда мусульман. В 1436 г. была предпринята еще одна попытка урегулировать отношения между Арагоном и Египтом. Новый договор обеспечил кратковременное перемирие, но вскоре оно было нарушено. Отношения между сторонами обострялись, мусульманские купцы страдали от грабежей со стороны европейцев [Фильштинский, 2008, с. 288; Labib, 1965, s. 355-358].

Последние месяцы правления ал-Ашрафа Барсбая принесли жителям столицы серьезные испытания. В январе 1438 г. султан почувствовал недомогание, а в конце февраля в Каире и окрестностях началась эпидемия чумы. В одной из бесед с судьями и *улемами* речь зашла о том, что чума – наказание Божие за людские грехи.[1] Барсбай спросил, чем навлекли на себя египтяне гнев Всевышнего. Кто-то сказал, что в Каире женщины украшают себя без меры и ходят по улицам днем и ночью, другой предложил запретить им это, и тем самым отвести кару Господню. Начался спор, вспомнили, что помимо модниц есть старухи и те, о ком некому позаботиться… На следующий день ал-Ашраф Барсбай приказал объявить, что всем женщинам, независимо от возраста, не дозволяется покидать свои дома. Этот запрет не просто усложнил повседневные заботы жительниц города, охваченного чумой. Женщины не могли попрощаться с умирающими родственниками и сходили с ума от горя; когда одной из них не позволили идти вслед за погребальными носилками, на которых лежало тело ее маленького сына, она бросилась с крыши своего дома и разбилась насмерть.

Султан, вероятно, чувствуя приближение смерти, спешил совершить как можно больше благодеяний и не ограничился щедрой раздачей милостыни и учреждением *вакфов*, как это делалось обычно. В начале марта вышел новый указ: всех заключенных выпустили из тюрем. Город наполнился

[1] Такая точка зрения лишь частично отражала взгляды мусульманских богословов. Подробнее о восприятии и интерпретации чумы в исламе см. [Dols, 1977, p. 109-121].

преступниками, среди которых были и воры, и бандиты. Жители Каира опасались грабежей и нападений, не зная, где искать защиты.

Распоряжение запретить женщинам появляться на улицах города не остановило распространения чумы, а проявление милосердия по отношению к заключенным не принесло облегчения ни страждущей душе султана, ни его телу, измученному болезнью. В апреле ал-Ашраф Барсбай приказал казнить двух врачей, подозревая, что они назначили ему неверное лечение. Состояние султана становилось все хуже и хуже, каирские доктора стремились избежать личной ответственности, страшась последствий, и новые снадобья назначал только большой консилиум [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 271, 273-279, 281-282]. Ал-Ашраф Барсбай скончался в июне 1438 г. Правление его наследника, четырнадцатилетнего ал-‘Азиза Йусуфа продолжалось 94 дня.

§ 2. Основные направления внутренней и внешней политики Султаната мамлюков в период правления аз-Захира Джакмака.

Султан Джакмак изображается в арабских хрониках XV в. как благочестивый правитель, известный своим глубоким интересом к богословию и *фикху*, скромностью и воздержанием: он проводил время в окружении *улемов,* не носил дорогих платьев, довольствовался седлом, цена которого едва ли была больше десяти динаров, но не жалел денег на книги и был готов отдать за искусно выполненную рукопись любую сумму [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 295; его же, 1990, с. 462; его же, 1992, т. 15, с. 198–200; Behrens-Abouseif, 2018, p. 18; Berkey, Culture…,1998, p. 394]. Период его правления отличался относительной политической стабильностью, не был отмечен серьезными военными столкновениями или конфликтами во внешней политике. Между тем, именно в этот период окончательное закрепление получила собственно мамлюкская, ненаследственная модель смены правителя, проявились тенденции, определявшие политическое и социальное развитие государства мамлюков вплоть до его окончательного падения под ударами османской армии в 1517 г.

Юный Джакмак был привезен в Египет в конце XIV в., здесь он был продан в качестве раба, получил образование и воспитание в доме одного из мамлюкских эмиров, сына *атабека* Инала ал-Йусуфи (ум. в 1392 г.). Затем выяснилось, что при дворе султана Баркука служит старший брат Джакмака, Джаркас ал-Касими (ум. в 810/1407–1408 г.). По просьбе Джаркаса Джакмак был переведен в казармы султана, затем получил освобождение и вошел в отряд гвардейцев Баркука. При Фарадже Джакмак получил звание *эмира десятка*, при ал-Му'аййаде – *эмира сорока*, а при Ахмаде ал-Музаффаре, полуторогодовалом сыне ал-Му'аййада, поддержал будущего султана Татара и стал *эмиром сотни*. Когда Татар пришел к власти, Джакмак был назначен *комендантом* каирской Цитадели. В период правления Барсбая он последовательно продвигался по карьерной лестнице, занимал должности *главного церемониймейстера*, *эмира конюшен, эмира совета, эмира оружия*. За три года до смерти Барсбая он поднялся на высшую ступень в мамлюкской военно-политической иерархии и стал *атабеком* – первым лицом в государстве после султана. Позднее Джакмак был назначен регентом при сыне Барсбая Йусуфе ал-'Азизе. Когда этот мальчик стал султаном, значительное влияние приобрели личные мамлюки его покойного отца, Барсбая. Противоположную фракцию составили эмиры старшего поколения во главе с Джакмаком. В трехдневном сражении на улицах Каира Джакмак одержал победу, при этом никто из побежденных не был арестован или казнен. Взвешенные и обдуманные решения Джакмака позволили ему привлечь на свою сторону еще большее количество мамлюков. Только после того, как Джакмак заручился поддержкой всех авторитетных эмиров, Йусуф был смещен и заключен в тюрьму. В 1438 г. Джакмак был признан султаном ['Атā, 2008, с. 41; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 275-283, т. 5, с. 237; его же, 1990, с. 461-462; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 67; Sobernheim, 1991, p. 6].

Поддержка большинства, однако, не означала полной и окончательной победы. Джакмаку предстояло выдержать еще не одно «испытание на прочность». Первыми выразили недовольство султанские мамлюки –

привилегированная армейская молодежь. Выступления султанских мамлюков были нередким явлением в бурджитский период, причем к концу XV в. такие выступления участились и стали приобретать все более угрожающий характер. Развитие событий во многом зависело от того, какую позицию займет *атабек* – самый старший эмир в войске, одной из функций которого и было посредничество между мамлюками и султаном. В случае угрозы мятежа *атабек* мог попытаться урегулировать конфликт, либо, напротив, использовать назревающий кризис, чтобы захватить власть. Эмир Куркумас (ум. в 1438 г.), которого Джакмак назначил *атабеком*, выбрал второй путь. Когда султанские мамлюки обратились к нему и выразили недовольство малой суммой полученного вознаграждения (каждому было выдано по 100 динаров), Куркумас, решился выступить против султана. Он попытался привлечь на свою сторону максимальное число мамлюков, пообещав выплату не в сто, а в двести динаров, но этого было, очевидно, недостаточно, чтобы расшатать прочный фундамент власти, который Джакмак последовательно выстраивал в течение, как минимум, трех лет, пока он сам занимал пост *атабека*. Несмотря на то, что значительное количество рядовых мамлюков и младших эмиров поначалу поддержало Куркумаса, подавляющее большинство старших эмиров осталось с Джакмаком. В однодневном сражении с султаном Куркумас потерпел поражение, затем был арестован, а через три месяца казнен [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 284-288, т. 9, с. 57-63; его же, 1992, т. 15, с. 36, 38–48, 52–3; Van Steenbergen, Van Nieuwenhuyse, 2018, p. 155-159].

Другая опасность для центральной власти традиционно исходила от эмиров Сирии. Через три месяца после мятежа Куркумаса, против султана выступили наместники Алеппо и Дамаска. Они заявили о поддержке Йусуфа ал-‘Азиза, которому удалось бежать из Цитадели. Но объединить силы с сирийскими эмирами наследник Барсбая не успел: 12 апреля 1439 г. он снова был арестован, а затем отправлен в Александрию, где жил под надзором. В течение следующих двух недель Джакмак сломил сопротивление наместников Алеппо и Дамаска [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 288, 291; Sobernheim,

1991, p. 6]. Таким образом, чтобы закрепить свое положение на троне и одержать убедительную победу над оппозицией и в Египте, и в Сирии, Джакмаку потребовалось всего около семи месяцев.

В целом, процесс перехода власти от Йусуфа к Джакмаку, или, по сути, от Барсбая к Джакмаку, полностью соответствовал собственно мамлюкской системе престолонаследия, согласно которой власть не передается по наследству (как и любой титул, должность или звание), но переходит одному из членов мамлюкской военно-политической элиты по решению большинства старших эмиров. Джакмак получил пост *атабека* от Барсбая, что само по себе было знаком доверия и признания авторитета. В течение трех лет Джакмак был опорой султана, зарекомендовал себя как настоящий *«отец-командир»,* способный урегулировать конфликты, находить оптимальные решения, не проявляя ни излишней жесткости, ни слабости. В краткий переходный период, когда власть формально принадлежала Йусуфу, Джакмак выступил как защитник интересов большинства старших эмиров, занял сдержанную, но однозначно твердую позицию в отношении молодых мамлюков Барсбая, и только после того, как оппозиция была полностью нейтрализована, сместил Йусуфа. Источники подчеркивают, что Джакмак выразил готовность принять власть только при условии согласия всех эмиров: «И вскричали все в одни голос: “Мы согласны…”» [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 283].

Достаточно продолжительный (по мамлюкским меркам) период пребывания Джакмака на посту *атабека*, доверие со стороны султана и признанный авторитет среди мамлюков обусловили преемственность и сравнительно плавный, по крайней мере, не обернувшийся тяжелым политическим кризисом переход власти. Законный характер передачи трона Джакмаку был обеспечен единогласным решением эмиров, которое с соблюдением всех необходимых формальностей поддержал аббасидский халиф и главные судьи четырех суннитских правовых школ. События, связанные с переходом султаната к Джакмаку, продемонстрировали, что мамлюкская модель политической власти может быть осуществлена на

практике и не приводит к беспорядочной борьбе претендентов на трон и затяжным кровопролитным конфликтам.

Аз-Захир Джакмак, как и его предшественник ал-Ашраф Барсбай, пытался противостоять *франкам* в Средиземном море, отправил корабли в Кастилию и на Родос (через Кипр). Помимо очевидной цели защиты морской торговли и прибрежных городов, экспедиции под знаменем джихада могли поднять авторитет султана и отвлечь его воинов от мятежей и смут. Но ни одна из этих задач не была решена: мамлюки столкнулись с упорным сопротивлением рыцарей-иоаннитов, которые успели подготовиться к обороне, получив донесение от своего шпиона из Дамьетты. Они первыми атаковали мамлюкскую флотилию из пятнадцати судов, на которых было размещено около тысячи воинов, прибывших к берегам Родоса осенью 1440 г. Жестокая схватка не принесла победы ни одной из сторон, и мамлюки вернулись в Египет со скудной добычей – всего несколькими пленными на борту. Джакмак решил готовиться к еще одному походу, он приказал отремонтировать старые и выстроить новые корабли, а кроме того, заключил договоры с Венецией и Кипром, которые обещали сохранять нейтралитет в случае начала военных действий между мамлюками и родосскими рыцарями. При посредничестве кипрского короля был заключен договор согласно которому госпитальеры (т.е. те из них, которые располагались на Кипре) не будут вступать в военные действия с мамлюками [ʿĀшӯр, 1996, с. 285; Ḳāсим, 1998, с. 152-153; Borchardt, 2008, p. 167; Wansbrough, 1965, p. 483].

Экспедиция на Родос, предпринятая мамлюками в 1440 г., вынудила госпитальеров искать возможность урегулирования отношений с египетским султаном. Главный магистр попытался предотвратить новое нападение и отправил в Каир посольство с подарками и освобожденными мусульманскими пленниками, но в Египте гонцы были арестованы и заключены под стражу.

Мамлюкские корабли отчалили из Дамьетты в конце лета 1443 г., чтобы соединиться с сирийской флотилией, но, застигнутые штормом, вынуждены были укрыться у берегов Малой Азии. Здесь они захватили и разрушили

небольшую крепость, построенную иоаннитами на островке в нескольких километрах от Ликии.[1] Осеняя непогода и приближение зимних холодов заставили мамлюков вернуться в Египет. Добычу составили около 200 пленных, а также предметы мебели и какая-то утварь. Скромные результаты, тем не менее, не означали поражения, и Джакмак решил собрать третий поход, чтобы все-таки достичь главной цели – базы иоаннитов на Родосе.

Мамлюкские корабли вышли из Дамьетты летом 1444 г., в Триполи к ним присоединился сирийский флот, и в августе войско султана высадилось на Родосе. В результате нескольких сражений, принесших тяжелые потери обеим сторонам, мамлюки потерпели поражение и были вынуждены оставить остров [Rabie, 1989, p. 283-286].

Военные экспедиции 1442, 1443 и 1444 г. не принесли мамлюкам ни победы, ни славы, хотя родосские рыцари были значительно ослаблены в ходе боевых действий. В конце концов, Джакмак пошел на заключение мирного договора. В 1446 г. война между госпитальерами и мамлюками была официально завершена, а в 1449 г. султан снял монополию на торговлю перцем и другими пряностями [ʿĀшӯр, 1976, с. 178-180; Garcin, 1998, p. 294; Sobernheim, 1991, p. 6]. Эти меры оживили торговлю между Египтом и Родосом, тем не менее, договор не обеспечивал полную безопасность мамлюкских средиземноморских гаваней, и уже в 1450 г. Джакмаку пришлось отправить несколько специальных отрядов для охраны береговых территорий и крепостей [Coureas, 2010, p. 217]. В этот период наметилась тенденция сближения правителей Родоса и Кипра для противостояния османской угрозе [Ṭарх̮ān, 1960, с. 108–111]. Такая взаимная поддержка укрепляла их позиции, позволяла им наносить все больший урон мусульманским купцам и была опасна для мамлюков. Осенью 1450 г. европейцы захватили у египетского порта Рашид (Розетта), расположенного на берегу Нила в пяти километрах от

[1] Современный греческий остров Меис, расположенный напротив турецкого города Каш. Крепость носила название Шатору (Chateau Roux - Castellorizo). Остров принадлежал госпитальерам с 1306 по 1522 г. [Duggan, 2010, p. 56].

Средиземного моря, четыре корабля с зерном на сумму около ста тысяч динаров. В 1451 г. *франки* атаковали Сур [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 90–92, 257–258, 298, 328].

Тревожные вести поступали и с южных границ. В 1450 г. *кади* Суакина, эфиопского города на берегу Красного моря, правитель которого при Барсбае признал себя вассалом мамлюкского султана, прибыл в Каир и сообщил, что эфиопы построили около двухсот судов, чтобы попытаться захватить контроль над большим участком р. Нил и ограничить поступление воды в Египет. Угроза эфиопского вторжения нависла и над мусульманскими портовыми городами на Красном море [ʻĀшӯр, 1968, с. 36; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 262, 298; ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 3, с. 25]. Военного столкновения удалось избежать, но враждебные действия южных соседей Египта были еще одним свидетельством постепенного ослабления позиций мамлюков в этом регионе. Дело в том, что попытка Барсбая полностью контролировать торговлю на Красном море, перенаправив основной поток судов в Джидду, где за сбором таможенных пошлин следил специальный мамлюкский чиновник, нарушала интересы всех участников торговли: купцам приходилось продавать свои товары в Джидде по монопольным ценам, установленным султаном, Аден, Суакин и другие портовые города на Красном море лишались доходов из-за снижения торгового оборота, а шериф Мекки был вынужден передавать львиную долю *джизьи, хараджа* и пошлин с Джидды в Каир [Labib, 1965. s. 380]. Такие меры позволили Барсбаю пополнить казну, но были неэффективны в долгосрочной перспективе. Суакин демонстрировал явное отступление от принятых на себя вассальных обязательств, одновременно, мекканский *шарифат* настойчиво добивался политической и финансовой автономии. После 1441 г. мамлюкских чиновников в Джидде заменили местные торговые агенты, в следующем году шериф Мекки сделал попытку полностью захватить Джидду и обложить там торговые суда собственными пошлинами. Мамлюкам удалось вытеснить мятежника из города, но, в конце концов, Джакмак был вынужден признать, что для Султаната относительная самостоятельность

мекканского шерифа, выступающего в качестве союзника мамлюков, гораздо выгоднее, чем дестабилизация в регионе, ставящая под угрозу безопасность и торговли, и паломников, и, собственно, авторитет султана как защитника Священных городов [Meloy, 2010, p. 141–162].

Джакмак пошел и на уступки Тимуридам. Шахрух, как упоминалось выше, предпринял несколько попыток добиться права присылать в Мекку дары и покрывало для Каабы, но при Барсбае его послы встречали в Каире такой суровый прием, что не нашлось ни одного человека, который был бы готов отправиться к мамлюкам, когда в 1444 г. было принято решение организовать очередное посольство. Тем не менее, против всех ожиданий Джакмак удовлетворил просьбу Шахруха [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 51–52]. В отличие от Барсбая Джакмак предпочел компромисс угрозе очередного военного противостояния, поскольку основное его внимание было сосредоточено на средиземноморском направлении, где ни походы на Родос, ни последующий договор с каталонцами не смогли обеспечить безопасность торговли, гаваней и прибрежных городов.

В отношениях с османами и эмирами Малой Азии Джакмак также стремился к заключению союзов и решению конфликтов дипломатическими средствами [Sobernheim, 1991, p. 6]. Важным шагом было примирение с эмиром Дулкадира, который при Барсбае вступил в союз с османами, что позволило Мураду II (1421-1444; 1446-1451) ослабить влияние мамлюков в Малой Азии. В 843/1439–1440 г. эмир Дулкадира прибыл в Каир и заявил о своей полной покорности мамлюкскому султану. В результате Мурад II приостановил продвижение к мамлюкским границам и сосредоточил усилия в других направлениях. В 1445 г. он отправил в подарок Джакмаку группу пленников, захваченных им в Малой Азии. Посольство Мурада II было встречено в Каире с должными почестями, султан выразил радость по случаю победы мусульман. Вероятно, Джакмак рассчитывал, что своим главным противником османы сделают христианские государства и не станут претендовать на владения мамлюков. Османы, действительно, продолжали, по

крайней мере формально, считать себя вассалами мамлюкского султана, о чем было заявлено во время обмена посольствами и в 1446 г., и в 1449 г. [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 88, 112, 123, 211–212, 286].

В этот период османский султан воспринимался мамлюками, прежде всего, как союзник в борьбе с *франками*, защитник мусульманских крепостей. О намерении сохранять добрососедские отношения и с османами, и с дулкадиритами свидетельствует и то, что одна из жен Джакмака была дочерью османского султана, а другая – дочерью эмира Дулкадира, причем через год после смерти последней Джакмак взял в жены еще одну дочь эмира Дулкадира [Духмāн, 1986, с. 27; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 205, 230, 236, 284, 347; его же, 1992, т. 15, с. 100, 204; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 449].

На рубеже 40-х – 50-х годов XV в., несмотря на урегулирование отношений с дулкадиритами и османами, северные рубежи Султаната оказалась под угрозой из-за междоусобной борьбы между претендентами на главенство в роде Ак Коюнлу. В 1449 г. обстановка на границе с Ак Коюнлу настолько обострилась, что встал вопрос об отправке войска в Сирию под командованием самого султана. В следующем году для противостояния Ак Коюнлу Джакмаку пришлось стягивать силы в Алеппо. *Наместники* сирийских городов оставались со своими отрядами в этом районе более года [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 209–210, 274, 278, 330; Dekkiche, 2016, p. 586].

Таким образом, в начале 50-х годов государство мамлюков находилось в окружении территорий, правители которых формально признавали вассалитет по отношению к египетскому султану, однако практически на всех направлениях Джакмак был вынужден перейти к компромиссной политике и занять оборонительные позиции. Наибольшую угрозу представляли нападения каталонцев, разрушавшие торговлю в восточном Средиземноморье, доходы от которой составляли важнейшую часть поступлений в мамлюкскую казну.

Во внутренней политике аз-Захир Джакмак взял курс на укрепление центральной власти и контроль за деятельностью административного

аппарата. С самых первых лет правления мамлюков очагом сепаратизма и мятежей была Сирия. Султаны стремились, насколько это было возможно, ограничить власть и самостоятельность своих *наместников* в Дамаске. Джакмак расширил список городов, *наместники* которых получали назначение от него лично, укрепив, таким образом, контроль над провинциями аш-Шама [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 133–134; Ġавāнима, Таʾрӣх нийāбат…, 1982, с. 31-32].

Еще одну угрозу политической стабильности и авторитету центральной власти представляли племена бедуинов. Для их усмирения Джакмаку приходилось неоднократно (в 1444, 1445, 1448, 1449 гг.) высылать отряды мамлюков в провинции Верхнего и Нижнего Египта [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 106, 119, 165, 221]. При Джакмаке, в отсутствие внешних войн, все карательные экспедиции против бедуинов заканчивались полной и довольно быстрой победой мамлюков, но тенденция к повторению мятежей, несмотря на все усилия, предпринимаемые центральной властью, проявлялась уже со всей очевидностью. В дальнейшем выступления подвижных вооруженных отрядов бедуинов (к слову, не менее искусных наездников, чем мамлюки), которые дестабилизировали обстановку и на внутренних, и на приграничных территориях султаната, стали одним из факторов, оказавших влияние на исход османо-мамлюкского военного противостояния [Ҳасан, 2000, p. 46–47, 49–50].

Меры по укреплению центральной власти Джакмак совмещал с усилением контроля за деятельностью разросшегося бюрократического аппарата. Бюрократизация государства стала толчком к распространению коррупции, которая достигла угрожающих масштабов [ал-Асадӣ, 1968, с. 95-96]. На протяжении всего периода своего правления аз-Захир Джакмак пытался бороться со злоупотреблениями чиновников, неоднократно снимал с должностей и подвергал наказаниям управляющих различными видами собственности, в том числе мечетей и больниц, например, в 1449 г. всего через месяц после назначения был смещен главный *мухтасиб* из-за того, что цены на основные продукты в Каире поднялись. В то же время, у такого

пристального внимания султана к деятельности административного аппарата была и другая сторона: если вина чиновника признавалась существенной, его имущество конфисковывалось в пользу казны. Если же султан смягчал свой гнев на милость, тот, кому удалось избежать наказания, спешил преподнести Джакмаку богатые подарки. Так, в 1451 г. *назир ал-хасс (nāẓir al-khāṣṣ)*[1], получив позволение и дальше занимать эту высокую должность, преподнес Джакмаку пять тысяч динаров золотом, пятьдесят одеяний из шерсти, сто – из баальбекского хлопка, пятьдесят – из парчи, соболиные, рысьи, беличьи шкуры, александрийское расшитое золотом полотно, шелка, сахар, сладости, фрукты. А в 1452 г. *начальнику султанской канцелярии*, на которого поступила жалоба от одного из эмиров, было предложено или отправиться в тюрьму или уплатить пять тысяч динаров в казну. Чиновник предпочёл второй вариант и сохранил и свою свободу, и свою высокую должность [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 210, 322, 362].

Коррупция в султанате мамлюков стала распространяться задолго до начала правления Джакмака [Petry, 2012]. Уже Баркук принимал «дары» от тех, кто рассчитывал быть утвержденным в той или иной должности. Эта практика была продолжена его преемниками. Так, при Фарадже в 1401 г. Мухаммад ас-Салихи (ум. в 1403 г.) расстался со значительной суммой денег, чтобы получить место судьи, а в 1411 г. ‘Абд ал-Гани ал-Армани (ум. в 1418 г.) таким же образом добился назначения главным *устадаром*. Крупная сумма денег была передана в казну ал-Му’аййада Шайха чиновником, получившим пост *вазира* в 1419 г. [ал-Ашқар, 2011, с. 80]. В период правления Барсбая должность *начальника султанской канцелярии* обошлась ‘Умару б. Хиджжи (ум. в 1427 г.) в десять тысяч динаров [Ибн Ҳаджар, 1969-1998, т. 3, с. 182-184, 392; ал-Мақрӣзӣ, 2002, т. 2, с. 561, т. 3, с. 49; Igarashi, 2017, p. 138], такая же сумма была уплачена одним из рьяных претендентов за назначение на должность *устадара* [аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 3, с. 232]. При Джакмаке

[1] Глава ведомства, занимавшегося управлением земель, которые находились в собственности государства. Подробнее об этом ведомстве см. Гл. 6.

коррупция приобретает новые формы, более того, система «покупки» должностей начинает оказывать влияние и на «людей меча». Так, один из мамлюков получил звание *эмира оружия* после того, как подарил султану несколько верховых животных; передав в казну султана некую сумму денег получили свои назначения *наместники* Газы, Бейрута, Сафада, Хамы, Алеппо [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 225, 299; его же, 1992, т. 16, с. 297]. Должность *давадара* в 1449 г. досталась одному из эмиров, после того как он передал в казну около двадцати тысяч динаров [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 5, с. 329]. Подобные случаи многократно упоминаются на страницах хроник [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 143, 158, 162, 170-171, 172, 177, 297, 299, 303].[1] По существу, речь шла о частичном перемещении средств из карманов высокопоставленных эмиров и чиновников в казну султана [Van Steenbergen, Wing, D'hulster, I, 2016, p. 565-566].

Получение различного рода подарков и крупных денежных сумм при обстоятельствах, о которых говорилось выше, не означает что деятельность Джакмака по борьбе со злоупотреблениями чиновников носила показной характер и была лишь поводом для вымогательств. Джакмак действительно проявлял более пристальное внимание к деятельности администрации и судебных органов, чем другие мамлюкские султаны. Известен даже случай,

[1] Распространение коррупции продолжилось при преемниках Джакмака. При султане ал-Ашрафе Инале один из претендентов получил должность *вали* Каира, заплатив за это назначение четыре тысячи динаров. Через три с половиной месяца должность вернули его предшественнику – тоже за уплату некоей суммы, размер которой в известных нам источниках не упомянут [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 455, 484]. В 1456 г. *вали* Каира был арестован, брошен в тюрьму и затем освобожден после уплаты десяти тысяч динаров [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 10]. Взятка могла помочь и в дальнейшем продвижении по службе. Так, в 1460 г. *вали* Каира после уплаты некоей суммы получил должность *коменданта* столичной Цитадели. При Хушкадаме один из султанских мамлюков таким же образом получил пост *коменданта* цитадели Алеппо. Вскоре другому эмиру была «продана» должность *наместника* в Сафаде., а в 1465 г. должность *наместника* в ал-Бире благодаря подкупу получил мамлюк, даже не имевший звания эмира [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 129, 160, 239, 244]. Широкое распространение получила коррупция при султанах Каитбае и Кансухе аль-Гури. Исследования К.Петри показали, что правящая элита была вовлечена в криминальную деятельность [Petry, 2012; Van Steenbergen, Wing, D'hulster, I, 2016, p. 552]. К концу XV в. практика внесения в казну некоторой суммы денег за назначение на ту или иную долж ность не только в административной, но и в судебной системе стала нормой, при этом часть оговоренной суммы могла быть передана в личную казну султана, а часть – в казну государственную [ал-Буçравӣ, 1988, с. 213; Ибн Ṭӯлӯн, 1996, с. 59].Попытку остановить распространение коррупции и взяточничества сделал последний мамлюкский султан ал-Ашраф Туманбай [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 117]. Однако, в условиях наступления армии османов, когда мамлюкский султан стремительно терял контроль над остававшимися в его владении территориями, эта попытка не привела к слому уже устоявшейся системы взимания мзды за назначение на те или иные должности, а только лишила казну Туманбая этого, фактически, узаконенного его предшественниками источника дохода.

когда спор между мусульманским судьей и иудейским торговцем Джакмак решил в пользу иудея. В другой раз, когда совет четырех судей вынес наказание своему провинившемуся собрату – одному из *кади* – в виде штрафа в десять тысяч динаров, Джакмак возмутился и воскликнул: «Я спрашивал вас о наказании. При чем здесь десять тысяч динаров?!». После этого подсудимого тут же по приказу султана избили палками [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 366, 372; ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 4, с. 20; Irwin, 2002, p. 67].

По-видимому, Джакмак действительно пытался добиться строгого соблюдения закона и добросовестной работы своих чиновников путем жесткого контроля и репрессий. Конфискация имущества не противоречила идее законности, а подарки, в том числе и в виде крупных денежных сумм, ко времени правления Джакмака уже стали своего рода традицией, к тому же могли восприниматься как естественное выражение благодарности справедливому и благочестивому повелителю.

Помимо жесткого контроля за деятельностью административного аппарата Джакмак опробовал еще один путь борьбы со злоупотреблениями чиновников – замену гражданских служащих на мамлюков. Так, вместо египтянина из семьи ат-Таблави, представители которой в течение всей первой половины XV в. занимали должность *вали* в Каире и снискали недобрую славу за свои многочисленные злоупотребления, Джакмак назначил одного из своих эмиров. Если в начале XV в., при Фарадже, сыне Баркука, должности, традиционно занимаемые мамлюками, нередко переходили к «людям пера», то при Джакмаке начинается обратный процесс: должности возвращаются мамлюкам, более того, эмиры берут в свои руки выполнение и тех административных функций, которые обычно были прерогативой гражданских чиновников. Уже в 1450 г. тот же эмир, который был назначен на должность *вали* Каира, стал, помимо этого, исполнять обязанности *мухтасиба* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 133, 136, 224; Илюшина, Египтяне…, 2021].

В 1452 г. произошла еще более показательная перестановка в административном аппарате султана. Пост *вазира* – одного из главных

чиновников финансового ведомства, отвечавшего, в том числе, и за обеспечение султанских мамлюков, – получил эмир Тагри Бирди ал-Калави (ум. в 1453 г.). В период правления черкесских султанов ранее только один эмир в течение очень короткого времени занимал эту должность [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 2, с. 324-327; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 372; Martel-Thoumian, 1991, p. 447]. Назначение Тагри Бирди ал-Калави сопровождалось пышной церемонией. Тагри Бирди получил высшие воинские звания – *эмира сотни* и *командира тысячи*, ему также преподнесли особое одеяние – накидку, расшитую золотом. Такая накидка была своего рода знаком отличия *атабека,* главного эмира, занимавшего самую высокую после султана ступень в мамлюкской политической иерархии [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 375; ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 4, с. 26]. Таким образом, новый *вазир* был удостоен тех же почестей, что и *атабек.* Это событие и эпизод с накидкой приобретают символическое значение, если рассматривать их в свете дальнейшей трансформации мамлюкского административного аппарата, в котором ключевые должности постепенно переходят к эмирам.

Таким образом, период правления Джакмака был отмечен дальнейшими мерами по укреплению центральной власти; жесткий контроль за деятельностью административного аппарата сопровождался ростом коррупции, которая стала, по существу, общепринятой формой перемещения денежных средств, накопленных чиновниками и эмирами высокого ранга, в казну султана; кроме того, были сделаны первые шаги по замещению представителей местной элиты мамлюкскими эмирами на некоторых постах в государстве.

Аз-Захиру Джакмаку пришлось столкнуться с последствиями введения монополий на торговлю рядом товаров, инициатором которой был ад-Ашраф Барсбай, кроме того, на последние годы его правления приходится целый ряд природных катастроф, что привело в конечном итоге к едва ли не самому длительному и значительному в истории бурджитского периода росту цен. В 1449 г. в Каир пришла чума. В 1450 г. были выпущены новые монеты,

стоимость которых была на шесть дирхамов меньше, чем предыдущих. В том же году цены значительно поднялись из-за недостаточного разлива Нила и удерживались в течение нескольких месяцев. В 1451 г. на Египет обрушилось новое бедствие: от вредителей погибла бóльшая часть всех посевов. Вслед за этим в Каире распространилось неизвестное заболевание, унесшее множество жизней. Цены на пшеницу выросли в несколько раз [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 257, 317-318, 330, 338, 358, 359; ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 4, с. 6; Hasebe, 2005, p. 28–29; Sobernheim, 1991, p. 6; Chalyan-Daffner, 2013, p. 598-607]. Рост цен, инфляция, недостаток продовольствия и распространение эпидемий стали причиной социальной напряженности, вылившейся в целый ряд волнений как среди местного населения, так и среди мамлюков.

Выступления молодых султанских мамлюков – *джулбан* – стали заметным явлением политической жизни Каира в период правления Джакмака. К середине XV в. *джулбан* начинают выходить из-под контроля своего повелителя и покровителя, представляя скорее опасность для правящего султана, чем опору его власти [Garcin, 1998, p. 295, 301; Levanoni, 1998, 17-18]. В значительной мере это было связано с тем, что на протяжении всего периода правления мамлюкских султанов система воспитания и обучения мамлюка неоднократно претерпевала изменения. Один из арабских авторов XV в., сетуя на падение дисциплины среди воинов, сообщает, что в середине XIV в. первые пять лет в *тибаке* мамлюк проводил, поднося обувь учителю и командиру, наполняя кувшины для омовения и натирая полы, в следующие пять лет ему разрешалось выходить на пятничную молитву в мечеть, еще пять лет он служил оруженосцем у своего *аги* – самого младшего из мамлюкских офицеров, после этого ему давали право передвигаться верхом, но он по-прежнему во всем подчинялся *аге.* И только после двадцати лет службы в казарме мамлюк получал коня, слугу и жалование. В течение всего этого времени мамлюк продолжал учиться у *факиха*, осваивал военное искусство, приучался к послушанию, дисциплине и становился «как шелковый». А в первой половине XV в., при Барсбае, едва купленный

султаном мамлюк прибывал в Алеппо, как ему уже присылали коня, золоченое седло, попону и кафтан, а наместник был готов ему во всем услужить. Такой мамлюк чувствовал себя властителем, а не рабом, и не подчинялся ничьим приказам [ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 129–130]. Этот рассказ, вероятнее всего, носит гиперболизированный характер, но тем не менее верно отражает тенденцию, четко проявившуюся в период правления султанов Бурджи: время пребывания мамлюка в *тибаке* сокращалось, обучением военным и, особенно, религиозным и «гуманитарным» дисциплинам все больше и больше пренебрегали, а привилегии султанских мамлюков настолько превышали все разумные пределы, что это приводило к конфликтам *джулбан* и с другими мамлюками, и даже с султаном, что в конце концов стало одной из причин военного поражения и гибели Султаната.

В 1442 г. мамлюки Джакмака подняли мятеж, они выдвигали требования по улучшению своего содержания, перекрыли доступ в резиденцию султана, избили *начальника султанской канцелярии* и забрасывали камнями всех, кто пытался пробраться через установленный ими кордон в Цитадели. Джакмак попытался уговорить мамлюков-ветеранов (*караниса*), чтобы они силой оружия заставили молодежь (*джулбан*) повиноваться, но опытные эмиры убедили султана в том, что кровопролитие только усугубит ситуацию. Действительно, в среде султанских мамлюков обнаружились разногласия, не получая ответа на свои требования, молодые мамлюки постепенно перешли к выяснению отношений между собой, и смута улеглась. В том же году двенадцать султанских мамлюков, которые должны были отправится в Мекку для сопровождения шерифа, отказались повиноваться и не явились к месту сбора. В 1446 г. около двадцати мамлюков попытались забрать вино из домов коптов в Каире, но получили отпор, завязалась схватка, трое мамлюков были убиты. В 1446 г. султанские мамлюки набросились с дубинками на *главного устадара.* Несчастный едва не умер от побоев. В 1448 г. султанские мамлюки отказались выполнять приказ Джакмака и не вышли на состязание в метании копья. В том же году *джулбан* снова пытались напасть на *устадара.* Султану

пришлось отправить для его защиты старших эмиров, а затем «ласково уговаривать», как пишет хронист, своих молодых воспитанников прекратить беспорядки. В 1451 г. султанские мамлюки отказались принять выплату в размере ста дирхамов на каждого. Джакмак, разгневавшись, вышел, чтобы лично наблюдать за раздачей денег, вероятно, рассчитывая, что при нем *джулбан* не посмеют бунтовать, но присутствие султана нисколько не смутило его собственных мамлюков, и они продолжали настаивать на увеличении суммы выплаты. Джакмаку ничего не оставалось делать, как, ворча, удалиться в свои покои. *Джулбан* продолжали «забастовку», пока сумма выплаты не была увеличена до тысячи дирхамов на каждого [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 69–70, 74, 123, 135, 166, 180–181, 333]. Такая уступка позволила молодым мамлюкам почувствовать себя еще более уверенно и серьезно поколебала авторитет султана в глазах старших эмиров.

В дальнейшем Джакмаку приходилось предпринимать экстраординарные меры, чтобы защищать население от бесчинства мамлюков. Так, он запретил своим воинам покидать Цитадель во время праздников [Sobernheim, 1991, p. 6]. Малейшая угроза волнений или столкновений в мамлюкской среде немедленно сказывалась на чувствительном к любым опасностям каирском рынке. Торговцы закрывали свои лавки, предпочитая переждать смуту за запертыми дверями. Такие меры предосторожности были вполне оправданы. Действительно, стычка вооруженных людей на улице могла привести к нанесению ущерба и жителям окрестных домов, и их имуществу. Между тем, как правило, выступления султанских мамлюков в период правления Джакмака не были направлены против горожан.

В связи с последним замечанием рассмотрим еще два эпизода, связанных с беспорядками в среде *джулбан*, которые заслуживают, на наш взгляд, отдельного внимания. В 1444 г. решение Джакмака позволить Шахруху отправить *кисву* для Каабы вызвало недовольство жителей Каира, горожане забросали тимуридских послов камнями, осыпали ругательствами и проклятиями. Несмотря на строгий приказ встретить послов со всеми

почестями, часть султанских мамлюков решила, по-видимому, воспользоваться ситуацией. Около трехсот воинов стали преследовать послов, которые пытались спастись от нападок в предоставленной им резиденции. *Джулбан* удалось захватить все богатые подарки, предназначавшиеся султану. Порядок был восстановлен очень быстро. Все награбленное вернули послам, присовокупив к этому ответные подношения. Виновных наказал лично Джакмак [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 110].

Во втором эпизоде инициаторами беспорядков также выступили жители Каира. В 1449 г. ранним утром одного из дней сентября у ворот Цитадели собралась толпа. Люди громко кричали, были слышны ругательства и проклятия. Сначала было непонятно, в чем дело. Но, когда появился *мухтасиб*, как обычно направлявшийся ко двору, волнение усилилось, разъяренные горожане стали оскорблять чиновника и обвинять его в том, что он является ставленником Абу Хайра ан-Наххаса (ум. в 1459 г.). Выяснилось, что гнев толпы направлен и против *мухтасиба*, и против ан-Наххаса. Последний был известным своими многочисленными злоупотреблениями чиновником, выбившимся из среды простых ремесленников на весьма высокие позиции в администрации, и влияние его в значительной мере строилось на том, что он смог добиться доверия Джакмака, а также привлечь на службу в различные ведомства своих протеже.

Как только у ворот Цитадели появился ан-Наххас, направлявшийся, как обычно, на аудиенцию к султану, горожане набросились на него, и здесь к ним присоединились мамлюки *джулбан.* Вместе с толпой они участвовали в преследовании ан-Наххаса и не преминули ограбить дом, в котором избитый и раздетый едва ли не донага чиновник попытался скрыться. И только после того, как появился отряд эмиров, отправленный Джакмаком, порядок с трудом удалось восстановить [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 216–219].

Если первый из этих эпизодов еще можно было бы рассматривать как очередную хулиганскую выходку *джулбан,* второй случай свидетельствует о том, что выступление султанских мамлюков *вместе* с горожанами было не

случайным и имело основания. Дело в том, что повышение цен на продукты, в первую очередь мясо и зерно, сказывалось прежде всего именно на небогатых слоях городского населения и молодых мамлюках, которые не имели *икта‘* и получали месячное денежное довольствие. Именно поэтому *мухтасиб* – лицо, несущее прямую ответственность за цены на рынке, и становился объектом нападок и горожан, и султанских мамлюков, интересы которых в этом случае полностью совпадали. Приблизительно через год в 1450 г. *джулбан* снова напали на ан-Наххаса и требовали его высылки из Каира, а «большинство мусульман радовалось этому», как замечает ас-Сахави [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 266–267; ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 3, с. 32-34; Mortel, The decline…, 1995, p. 182–183]. В дальнейшем совместные выступления *джулбан* и жителей Каира повторялись неоднократно. Более того, к концу бурджитского периода *джулбан* перешли от разбойных нападений на должностных лиц, виновных, по их мнению, в сокращении жалования, довольствия, пайков и т.д., к более серьезным действиям. В 1515 г. они потребовали от султана не внеочередных выплат, как это часто бывало, но отмены дополнительных налогов на торговлю, которые приводили к росту цен, а также прекращения произвола и незаконных конфискаций имущества у населения [Elbendary, 2015, p. 153].

Таким образом, в период правления Джакмака проявляется абсолютно новая тенденция политической и социальной жизни султаната. Совместные выступления *джулбан* и жителей Каира свидетельствуют о постепенном расширении связей между мамлюками и местным населением, в ряде случаев, мамлюки выступают на стороне местного населения *против* султана и его администрации. Уже в середине XV в. мятежи молодых мамлюков подрывают авторитет султана, в дальнейшем они приводят к расколу в армии и ослаблению центральной власти [Илюшина, Основные…, 2019].

Джакмак заболел в начале 1453 г., а 1 февраля 1453 г. отрекся от престола в пользу своего сына ‘Усмана. 13 февраля 1453 г. Джакмак скончался. На его похоронах молитвой руководил халиф. Джакмак был

погребен в мавзолее, выстроенном эмиром Канибаем ал-Джаркаси (ум. в 1461 г.), *эмиром конюшен*. В этой усыпальнице был похоронен хозяин Канибая, эмир Джаркас, который был родным братом Джакмака [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 294, т. 9, с. 21; его же, 1990, с. 399; ас-Саḫāвӣ, 2002-2007, с. 4, с. 79].

‘Усман оставался султаном до 16 марта 1453 г. и был свергнут эмиром Иналом. В одной из поэм мамлюкского периода ‘Усману посвящены такие строки:

> Недолго его продолжалось правленье,
> Те сорок три дня пронеслись как во сне, как виденье
>
> [ал-Бāʿӯнӣ, Ал-Ḳаул…, л. 25 а].

§ 3. Ал-Ашраф Инал и аз-Захир Хушкадам: две модели формирования политической элиты.

Ал-Ашраф Инал был представителем «старой гвардии». После смерти первого бурджитского султана, аз-Захира Баркука один за другим приходили к власти его мамлюки (не считая султанов-наследников): ал-Му’аййду Шайху было около сорока лет, когда он вступил на престол, ал-Ашрафу Барсбаю – сорок пять, аз-Захиру Джакмаку – около шестидесяти пяти, ал-Ашрафу Иналу – семьдесят три. За несколько десятилетий, минувших со времени ухода Баркука, его гвардия постарела, но, по-прежнему, составляла ядро политической верхушки и удерживала все влиятельные посты в государстве. Следующие поколения эмиров тщетно пытались сломить их сопротивление.

Мамлюки-ветераны избрали Инала своим предводителем, и предполагалось, что именно они составят ближайшее окружение султана. Но, вопреки всем ожиданиям, на следующий день после своего вступления на престол Инал назначил *атабеком* своего сына Ахмада (ум. в 1488 г.). Это был беспрецедентный случай в мамлюкской истории. Инал нарушил двухсотлетние традиции мамлюкской политической культуры, согласно которым занять высший пост в военно-политической иерархии мог только самый авторитетный и влиятельный эмир. Между тем, положение нового

султана было еще недостаточно прочным, а влияние «старой гвардии» слишком велико: через два дня Инал был вынужден сместить собственного сына и назначить *атабеком* своего однополчанина и старшего товарища, восьмидесятипятилетнего Танибека ал-Бурдабеки (ум. 1458 г.) [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 424-427; ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 802, ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 42].

Тем не менее, Инал использовал все возможности, чтобы укрепить позиции Ахмада в политической элите. Каждый год Ахмад возглавлял процессию, которая отправлялась к Нилу, чтобы торжественно открыть плотину во время ежегодного разлива. Это была почетная миссия, которую по традиции выполнял султан, и только если по какой-либо причине султан был не в состоянии возглавить такую процессию, это поручалось первому среди эмиров – *атабеку* [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 214, 261, 289]. Ахмад выполнял эту функцию вместо престарелого Танибека ал-Бурдабеки. Кроме того, он, получив звание *эмира сотни*, неоднократно командовал военными отрядами, которые султан направлял в провинции Египта для подавления мятежей и беспорядков. Такие рейды позволяли Ахмаду продемонстрировать отвагу, способность управлять подразделениями всадников в бою и военное мастерство. Помимо этого, Ахмад участвовал в состязаниях по *фурусийи* – традиционному военному искусству мамлюков. В 1457 г. Ахмад был назначен *эмиром хаджжа* (*amir al-ḥājj)* и совершил паломничество вместе со своей матерью [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 447, 456, 478, 494, 539, 590; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 15, 21, 23]. Вероятно, все это должно было убедить и рядовых, и старший офицерский состав в том, что Ахмад занимает место в высшей элите не по праву наследника, а в соответствии с личными способностями и заслугами. После смерти Танибека в 1458 г. Инал осуществил первоначальный план и назначил своего сына на пост *атабека*. На этот раз открытого недовольства кандидатура двадцатисемилетнего Ахмада уже не вызвала [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 2, с. 713; Reinfandt, 2002, p. 51-52]. Становилось очевидно, что Инал целенаправленно готовит его к вступлению на престол.

В узкий круг доверенных лиц султана, помимо Ахмада, вошел эмир Бурдабек (ум. в 1464 г.). Он был мамлюком Инала, затем стал его *казначеем*. Еще до вступления на трон Инал женил Бурдабека на своей старшей дочери, а после того, как стал султаном – пожаловал Бурдабеку звание эмира и назначил *вторым давадаром* [ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 662-663]. После вступления на престол Инал выдал другую свою дочь, Фатиму, за эмира Йуниса (ум. в 1461 г.), которого за два месяца до этого назначил *главным давадаром* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 12, с. 269; его же, 1990, с. 490; его же, 1992, т. 16, с. 301; ал-Малаṭӣ, 2011, т. 1, с. 42].

Положение зятя султана, Бурдабека, было, очевидно, гораздо выше, чем предполагала его довольно скромная должность. В критических ситуациях, в том числе связанных с обеспечением армии, Бурдабек мог повлиять на решение султана, что не раз позволяло избежать смуты. Именно ему Инал поручал самые деликатные миссии, связанные с переводом и утверждением эмиров на тех или иных постах в государстве, особенно в наместничествах, поскольку посланец султана в этих случаях не просто передавал приказ, но и оценивал обстановку, внимательно собирая информацию и сведения о лояльности местных командиров и чиновников. Особое положение Бурдабека в свите султана было хорошо известно не только в мамлюкской среде, но и за его пределами: к Бурдабеку с просьбами и жалобами обращались египтяне из разных слоев общества – искавшие заступничества или помощи в продвижении по службе. Одно слово этого эмира могло изменить судьбу и простого ремесленника, и высокопоставленного судьи [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 423-424; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 494, 496, 537; его же, 1992, т. 16, с. 108, 300–301; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 195; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 4-6; его же, 1995, т. 2, с. 765].

Помимо Ахмада и Бурдабека большим влиянием при дворе пользовалась жена Инала Зайнаб (ум. в 1479 г.), что было довольно необычно для Султаната мамлюков, хотя история этого государства в каком-то смысле и началась с правления женщины – Шаджарат ад-Дурр, вдовы последнего аййюбидского

султана [ʻАбд ар-Рāзиḳ, 1999, с. 55; Зеленев, 2013; Кадырбаев, 2006]. Все предшественники Инала на мамлюкском престоле имели, как правило, несколько жен и наложниц. Например, у аз-Захира Джакмака было в разное время восемь жен и еще не менее двух наложниц. Зайнаб была единственной женой Инала, матерью всех его детей и, как утверждают источники, Инал наложниц не брал [ас-Саḫāвī, 1992, т. 12, с. 44; Rapoport, 2007, p. 30].

Заслуживает внимания происхождение Зайнаб. Ее отец, Бадр ад-Дин Хасан б. Хассбек (ум. в. 813/1410-1411 г.) приходился родственником по женской линии султану аз-Захиру Байбарсу, подлинному основателю могущества мамлюкской державы [Ибн Ḫаджар, 1969-1998, т. 2, с. 475–476; Его же, 1992, с. 211]. Бадр ад-Дин Хасан б. Хассбек был сыном мамлюка, входил в число эмиров высшего ранга и, вместе с тем, был сведущ в основах фикха, владел арабским языком, получил право издавать фетвы и преподавать. Он стал одним из тех, у кого учились мамлюкские эмиры, и даже прославленный ал-Макризи слушал его толкование хадисов. Судя по отзывам биографов, Бадр ад-Дин б. Хассбек был одним из лучших представителей *авлад ан-нас* – потомков мамлюков, т.е. того сословия, которое служило связующим звеном между военно-политической элитой и автохтонным населением Египта [Ибн Таġрī Бирдī, 1990, с. 525; ас-Саḫāвī, 1992, т. 3, с. 100].

Особое положение Зайнаб, Ахмада и Бурдабека, их определяющее влияние на все решения, которые принимал султан, подчеркивают наиболее авторитетные авторы мамлюкских хроник этого периода. Ибн Тагри Бирди замечает: «тяжел был гнет со стороны его сына, его жены и его зятя» [Ибн Таġрī Бирдī, 1992, т. 16, с. 135]. Бурхан ад-Дин ал-Бикаʻи пишет об Инале так: «Он во всем следовал советам своей жены. Она влияла на его решения. Это все портило и привело к тому, что люди были разгневаны правлением Инала и проклинали его самого. А более всего ненавидели люди его зятя, эмира Бурдабека» [ал-Биḳāʻī, 1992-1993, т. 3, с. 215–216]. Замечание ал-Бикаʻи, который был разносторонним ученым, выдающимся теологом,

представителем интеллектуальной элиты Египта, особенно ценно, поскольку суждения этого автора часто расходятся с мнением Ибн Тагри Бирди, выходца из мамлюкской среды. Здесь же ал-Бика‘и полностью с Ибн Тагри Бирди соглашается. ‘Абд ар-Рахман ас-Сахави тоже указывает на то, что Инал во всех делах руководствовался мнением своей жены. «Бед и вреда от всего этого становилось все больше, особенно для бедняков», – пишет он [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 2, с. 329].

Ал-Ашраф Инал позаботился о том, чтобы обеспечить своей семье, а главное своему наследнику, Ахмаду, стабильный доход, достаточный не только для того, чтобы вести образ жизни, соответствующий статусу султана, но и для решения политических задач. Он учредил в пользу своей семьи *вакф*, доходы от которого составляли около тридцати четырех тысяч динаров в год. После вступления на престол сына Инала, Ахмада, *вакф* был дополнен, и в результате общая сумма дохода достигла семидесяти восьми тысяч динаров в год [Reinfandt, 2001, s. 273].

Тщательная подготовка передачи власти наследнику требовала формирования военного подразделения, абсолютно преданного султану, боеспособного и достаточного мощного для подавления оппозиции. По-видимому, таким подразделением должны были стать личные мамлюки Инала – *джулбан*. Инал потворствовал всем прихотям *джулбан,* но при этом старался минимизировать собственные затраты на их обеспечение: все свободные средства он вкладывал в семейный *вакф*. Ощущая скудость жалования и пайка, мамлюки султана, пользуясь полной безнаказанностью, переходили все границы дозволенного и буквально грабили каирских торговцев, отбирая нужные им товары – продукты, одежду, верховых животных – по заниженным ценам или вовсе без платы. Они нападали на чиновников и эмиров, Инал же не предпринимал никаких мер для восстановления дисциплины. Более того, в августе 1456 г. был издан указ, согласно которому населению запрещалось препятствовать каким-либо действиям мамлюков [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 586–587, 592–593].

Не исключено, что в потворстве своим мамлюкам Инал видел способ не только приобрести их преданность, но и возможность ослабить влияние старших эмиров. Так, во время чумы 1460 г. *джулбан* стали присваивать *икта*‘, принадлежавшие воинам из отрядов эмиров-ветеранов (*карариса*), а также *икта*‘ *авлад ан-нас*. «Если хозяин был здоров, они ждали его болезни, а если болен – поджидали, когда умрет», - пишет Ибн Тагри Бирди [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 118]. По существу, речь шла о перераспределении фонда *икта*‘ в пользу мамлюков султана.

За восемь лет пребывания у власти Инал реорганизовал политическую элиту и работу ключевых ведомств таким образом, чтобы обеспечить максимальную поддержку своему наследнику: ближайшими советниками султана стали члены его семьи, управление султанским двором и значительной частью имущества было также передано его родственникам, особые привилегии и едва ли не безграничную свободу действий получили мамлюки султана. В то же время, структура административного управления и высшего командного состава армии, формировавшего политическую верхушку государства, осталась прежней. Родственники султана образовали своего рода «теневой кабинет», действовавший за рамками этой структуры, и только назначение Ахмада на пост *атабека* было формальным проявлением новой стратегии – стратегии основания династии.

По странному стечению обстоятельств сыновья всех предшественников ал-Ашрафа Инала становились султанами в очень юном возрасте. Самому младшему из них было полтора года, а самому старшему – семнадцать. Единственным взрослым наследником, получившим в бурджитский период трон по завещанию своего отца, стал тридцатилетний сын Инала Ахмад. Не только вполне сознательный возраст Ахмада давал надежду на то, что его правление будет более продолжительным и успешным, нежели формальное пребывание на троне его малолетних предшественников. Инал мог по праву гордиться Ахмадом, который имел благочестивый и серьезный нрав, опыт безупречной службы и стремление во всем следовать политике отца. В

феврале 1461 г. ал-Ашраф Инал на смертном одре в присутствии своих родных (а не старших эмиров, как это обычно происходило), завещал власть Ахмаду.

Перед новым султаном, получившим тронное имя ал-Му'аййад, стояла сложная задача сохранения равновесия между фракциями мамлюкских эмиров, в первую очередь, между мамлюками своего отца и мамлюками его предшественника, Джакмака. Только таким образом он мог попытаться предотвратить открытое выступление оппозиции. Впрочем, шансов на это было крайне мало. В свержении ал-Му'аййада Ахмада были заинтересованы и *ашрафиты* – мамлюки ал-Ашрафа Инала, и *захириты* – мамлюки аз-Захира Джакмака: и те, и другие предпочли бы видеть на троне одного из своих однополчан, но не султанского сына.

Позиция *захиритов* была ясна: при Инале большинство мамлюков аз-Захира Джакмака лишились своих должностей и *икта',* были высланы из столицы или арестованы. Обычно, приход к власти нового правителя давал опальным эмирам шанс вернуть утраченные позиции, но Ахмад полностью следовал политике своего отца, и никаких существенных изменений в политической элите и командном составе войска не проводил. Ахмад был молод, полон сил; чем спокойнее и увереннее он вел дела, тем меньше надежд оставалось у *захиритов* на изменение своей незавидной участи. Единственным выходом для них было смещение султана, но, не имея достаточных военных и финансовых ресурсов (которых они были лишены после прихода к власти Инала), *захириты* могли добиться этого только при поддержке влиятельных и состоятельных *ашрафитов.*

Попытки склонить *ашрафитов* к свержению Ахмада поначалу не имели успеха: эмиры Инала были хорошо обеспечены, занимали высокие и почетные должности и не видели причин рисковать доминирующим положением своей фракции в Султанате. И тем не менее, *захириты* со временем смогли убедить *ашрафитов* в необходимости сместить Ахмада с трона. Отчасти здесь сыграли свою роль амбиции лидера фракции эмиров Инала, Джанима ал-Ашрафи (ум. в 1462 г.), который занимал пост *наместника* Сирии, но, очевидно, считал, что

покои султана в каирской Цитадели подходят ему больше, чем резиденция в провинциальном Дамаске. Джаним был первым претендентом на престол и с помощью своего сына активно вербовал сторонников. Других *ашрафитов* к союзу с оппозицией подталкивал стиль управления, принятый Ахмадом. Молодой, но уже вполне взрослый и возмужалый султан был прекрасно знаком и с военной службой, и с работой административного аппарата и не нуждался в помощниках и советниках. Он самостоятельно принимал все решения, был способен проконтролировать действия эмиров и чиновников вплоть до мельчайших деталей, если в том была необходимость [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 204, 205–207]. Он рос и воспитывался в доме своего отца, и ближайшую опору видел в семье и родственниках, а не в однополчанах и товарищах по казарме, которых у него и не было. Постепенно становилось ясно, что Ахмад, возможно, сам не до конца осознавая это, склоняется к единоличному правлению. На протяжении всего бурджитского периода последовательно утверждался иной подход к пониманию сущности верховной власти: султан обладал полномочиями, делегированными ему большинством старших эмиров, которые оставляли за собой право участия в обсуждении и решении вопросов управления государством [Van Steenbergen, Wing, D'hulster, II, 2016, p. 564]. При Ахмаде эмиры оказались в положении не участников политического процесса, имеющих, по крайней мере, совещательный голос в принятии государственных решений, а лишь исполнителей воли султана. Обострение политической ситуации в связи с активными действиями других фракций и казавшиеся неопределенными и шаткими перспективы ближайшего будущего с учетом того, что Ахмад, очевидно, отдавал предпочтение своей родне, а не эмирам своего отца, подтолкнули *ашрафитов* к тому, чтобы согласиться на его смещение.

После объединения *ашрафитов* и *захиритов* положение Ахмада стало критическим. В условиях острой борьбы за власть поддержка семьи, на которую привык рассчитывать сын и наследник Инала, не выдержала испытания на прочность. Бурдабек, *второй давадар*, зять и ближайший

советник молодого султана, был захвачен оппозицией. *Главный давадар* эмир Йунис был тяжело болен и не принимал никакого участия в событиях, происходивших в Каире. Эмир Барсбай ал-Баджаси (ум. в 1466 г.), который получил должность *эмира конюшен* после того как женился на внучке Инала, дочери Бадарийи (ум. в 1474 г.) и Бурдабека, примкнул к оппозиции: ни семейные узы, ни покровительство Инала он не счел достаточно убедительными причинами для поддержки Ахмада, когда стало ясно, что большинство эмиров выступают против молодого султана [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 12, с. 269–270; его же, 1992, т. 16, с. 314].

Накопленный Иналом семейный капитал сам по себе тоже не обеспечивал надежную защиту Ахмаду. Полученное наследство Ахмад не спешил тратить на подарки и награды для эмиров. Вероятно, он полагал, что и так хорошо обеспеченные *ашрафиты* не нуждаются в дополнительном поощрении, а привлекать на свою сторону *захиритов* и мамлюков из других фракций нет необходимости – ведь без этого вполне обходился его отец. Создание корпуса собственных мамлюков требовало не только денег, но и времени: от покупки молодого раба до его выпуска из военной школы обычно проходило несколько лет.

Последней опорой Ахмада оставались *джулбан* его отца. Они были единственным подразделением султанских мамлюков, которое поддержало Ахмада, когда отряды эмиров оппозиции окружили Цитадель. Те же мамлюки, которые достались Иналу по наследству от Джакмака и его сына, перешли на сторону *захиритов.* Ахмад, осознав безнадежность своего положения, решил прекратить кровопролитие и отдал *джулбан* Инала, своим единственным защитникам, приказ отступить [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 211–218].

После смещения с трона, Ахмад был арестован, а затем вместе со своим братом Мухаммадом отправлен в Александрию. Остаток жизни наследник Инала посвятил изучению суфизма, в 1482 г. он стал шейхом ордена Шазилийа [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 216–220; Reinfandt, 2001, s. 274-276].

Наиболее влиятельной и многочисленной фракцией эмиров, свергнувших Ахмада с престола, были мамлюки его отца – *ашрафиты*. Ситуация осложнялась тем, что лидера *ашрафитов,* наместника Сирии Джанима, не было в Каире: он выехал из Дамаска, но все еще находился в пути. События разворачивались так быстро, что был поднят вопрос о новой кандидатуре. Лидером мамлюков был избран *атабек* Хушкадам. Он не имел обширных и прочных связей в мамлюкской среде, поскольку был *румийцем* (возможно, арнаутом, выходцем с Балкан), а не черкесом [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 280]. Кроме того, Хушкадам принадлежал к уже довольно малочисленной и не очень влиятельной группировке *му'аййадитов* – мамлюков султана ал-Му'аййада Шайха. *Захиритов,* которые сами выдвинули его кандидатуру, Хушкадам полностью устраивал, поскольку не принадлежал к *ашрафитам,* а значит у *захиритов* появлялся шанс выступить в качестве опоры нового султана и вернуть былые позиции в политической элите. *Ашрафитов* же они убедили в том, что Хушкадам, как не очень сильный кандидат, вполне годится на роль временного лидера, а Джаним после прибытия из Дамаска сможет без особенных препятствий заменить его. Эмирам остальных группировок з*ахириты* дипломатично представили Хушкадама как кандидата, который не будет оказывать предпочтение ни одной из фракций, и после непродолжительного обсуждения *атабек* Хушкадам на совете эмиров был объявлен новым султаном [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 208–209].

Едва вступив на престол, Хушкадам стал предпринимать энергичные меры, чтобы привлечь на свою сторону большинство эмиров, в первую очередь, *ашрафитов,* которые ждали прибытия своего лидера, Джанима, из Дамаска. Новый султан действовал старым проверенным способом: он стал щедро раздавать *икта'*. Поскольку земельный фонд *икта'* был ограничен, Хушкадам забирал наделы у *джулбан* Инала – единственных рьяных защитников Ахмада, а также из фонда земель, находившихся в ведении диванов *аз-захира* (*dīwān al-dhakhīrah,* недвижимое имущество и арендованная собственность султана) и *ал-муфрад* (имущество для

обеспечения мамлюков султана), из вакуфных земель Инала и его приближенных (у зятя Инала, эмира Бурдабека, помимо земельных наделов было конфисковано около двухсот тысяч динаров), причем это касалось земель и в Египте, и в Сирии. Помимо этого, Хушкадам раздавал эмирам султанских мамлюков, иногда сразу по пятьдесят человек [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 228, 301, 314; ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 664].

Первым помощником султана в перераспределении земель стал лидер фракции *захиритов* Джанибек (ум. в 1463 г.), политический талант и решимость которого сыграли немаловажную роль в возведении Хушкадама на престол. Хушкадам назначил его *главным давадаром* и сделал посредником в переговорах с Джанимом. В результате, лидера *ашрафитов* удалось отправить обратно в Дамаск. Джаним был утвержден в своей прежней должности – *наместника* Сирии, получил десять тысяч динаров и богатые подарки [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 225, 226; ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 836].

После этого Хушкадам начал постепенное наступление на *ашрафитов*. Хушкадам не стал прибегать к репрессиям и наказаниям: фракция *ашрафитов* была еще очень сильна. Положение же самого Хушкадама было пока недостаточно устойчивым, чтобы рисковать, вступая в открытую конфронтацию с многочисленной группировкой мамлюков. Султан выбрал хорошо испытанное, мягкое, но эффективное средство: он начал постепенно высылать *ашрафитов* из столицы с различными поручениями и назначениями. Так, например, значительная часть эмиров была отправлена на Кипр для укрепления действовавшего на острове мамлюкского гарнизона. Только в декабре 1461 г. Хушкадам решился на смещение Джанима; опальный эмир сумел скрыться, но был убит через год – в декабре 1462 г. [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 233–238, 284; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 63].

Одной из самых важных задач для Хушкадама, как и всех его предшественников на мамлюкском престоле, было создание собственной фракции. Уже в первые дни правления он освободил из заточения своих *хушдашей* – старших эмиров из числа мамлюков ал-Му’аййада Шайха. Не

раздражая представителей других группировок выдвижением *му'аййадитов* на высокие должности, он делал менее заметные перестановки, но передавал при этом своим соратникам в пользование обширные *икта'*. И только в 1465 г. Хушкадам заменил самого старшего эмира в мамлюкской политической иерархии, *атабека* Джарибаша (ум. в 1473 г.), на *му'аййадита* эмира Канима (ум. в 1466 г.) [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1983, т. 2, с. 528]. Упрочив таким образом, свои позиции в Каире, Хушкадам в следующем, 1466 г. назначил одного из своих *хушдашей* на пост *наместника* Триполи – третьего по значению города мамлюкской Сирии. В 1467 г., когда из-за наступления правителя Дулкадира Шаха Сувара сложилась угрожающая ситуация на северных границах Сирии, Хушкадам заменил *наместника* Алеппо на своего однополчанина-*му'аййадита*. Одновременно султан вел активную закупку новых военных рабов и вкладывал значительные средства в содержание султанских мамлюков. Число его личных мамлюков достигло к 1467 г. четырех тысяч, а большинство *хушдашей* получили звание *эмира сотни* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 224, 236, 252, 254, 257, 259, 263, 268; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 233–245].

Через два года после вступления на престол Хушкадам решился на расправу с эмиром Джанибеком, лидером фракции *захиритов.* Джанибек, который сыграл очень важную роль в событиях, связанных с приходом к власти Хушкадама, пользовался большим влиянием при дворе и располагал немалыми финансовыми средствами [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 289]. Благодаря его активной деятельности *захириты* стремительно набирали силу, что, вероятно, и подтолкнуло Хушкадама к решению устранить этого своего потенциального соперника.

В августе 1463 г. султанские мамлюки напали на Джанибека, убили его и двух его *хушдашей*. Сразу же после этого были арестованы еще шесть эмиров-*захиритов*, затем – еще четверо. На освободившиеся должности были назначены однополчане Хушкадама – представители фракции *му'аййадитов* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 246–247].

Таким образом, Хушкадам решил две принципиально важные для удержания власти задачи. Во-первых, он смог ослабить наиболее влиятельные фракции мамлюков. Ликвидировав лидеров *ашрафитов* и *захиритов,* Хушкадам уничтожил потенциальных конкурентов. Во-вторых, он сумел создать собственную группировку, которая обеспечивала ему прочное положение на троне. При этом он использовал хорошо зарекомендовавшую себя тактику: привлечение любыми средствами максимального количества сторонников, острожное удаление оппозиции, рассчитанные и точные удары по наиболее опасным соперникам.

Противником, в борьбе с которым Хушкадам не имел шансов на победу, было время. И сам Хушкадам, и его однополчане, служившие уже более сорока лет, были немолоды. Каним, назначенный *атабеком,* оставался на этом посту чуть более года и скончался в сентябре 1466 г. в возрасте около восьмидесяти лет. Вместо него Хушкадам назначил Йалбая, тоже *му'аййадита* и тоже уже очень пожилого человека. Самому Хушкадаму было около семидесяти. После его смерти, 9 октября 1467 г. мамлюки, обсудив все возможные кандидатуры, присягнули Йалбаю. Важную роль в этом выборе сыграло то, что кандидатуру Йалбая поддержали эмиры из фракции, которую сформировал Хушкадам, а также *джулбан* – группа личных мамлюков султана, которые представляли основную военную силу в Каире [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 264, 273, 318–319; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 250, 278]. В полном соответствии с политическим идеалом Бурджитов трон занял самый старший по званию, заслуженный и опытный воин, получивший поддержку большинства эмиров [Илюшина, Ал-Ашраф Инал…, 2021].

Выводы

Период стабилизации нединастийной системы престолонаследия (1422-1467) был отмечен более высокой степенью устойчивости мамлюкского политического режима и ростом имперских амбиций мамлюкских султанов.

Султан ал-Ашраф Барсбай вошел в историю как великий *воин джихада*, возродивший славу мамлюков – защитников мусульман. Его завоевательные

походы разделили историю взаимоотношений между Султанатом мамлюков и Кипром на две довольно продолжительные фазы. В конце XIV – первой четверти XV в. на независимом Кипре базировались и так или иначе находили поддержку европейские пираты, целью которых были торговые корабли в Восточном Средиземноморье и прибрежные города и населенные пункты Египта и Сирии. Победы Барсбая вынудили кипрского короля признать сюзеренитет мамлюкского султана.[1] Подчинение христианских правителей острова способствовало укреплению авторитета мамлюков в мусульманском мире. Восстановление престижа мамлюков было, по-видимому, главной целью и военного похода против Ак Коюнлу. В целом, военные походы ал-Ашрафа Барсбая сыграли важную роль в укреплении господствующего положения мамлюков в регионе и стали одним из факторов, обеспечивших сравнительно мирное и спокойное правление его преемников.

Однако, в долгосрочной перспективе действия ал-Ашрафа Барсбая привели к экономическим потерям для Султаната. Нападения каталонцев как на мусульманские, так и на христианские (в первую очередь венецианские и генуэзские) корабли разрушали международную торговлю в Восточном Средиземноморье. Успех кипрских походов оказался временным. Более того, еще во время экспедиции 1426 г. серьезный урон был нанесен генуэзской Фамагусте. В дальнейшем генуэзские купцы, как и мусульманские, оказались под ударом пиратов, вместе с тем, случалось, что они попадали в плен к мамлюкам, которые пытались обменивать их на единоверцев, захваченных каталонцами, что осложняло традиционно союзнические и взаимовыгодные отношения между мамлюками и генуэзцами [Coureas, Commercial Relations…, 2013, p. 339, 345, 350]. Пираты, пользуясь поддержкой Альфонса V и родосских рыцарей, даже после утраты базы на Кипре постоянно пополняли

[1] Этот статус правители Кипра сохраняли до османского завоевания в XVI в. [Coureas, Losing the war…, 2013, p. 351]. Несмотря на то, что в 1473 г. Венеция получила контроль над Кипром, а с 1489 г. венецианцы официально управляли островом, что было подтверждено каирским договором 1490 г., согласно которому мамлюкский султан гарантировал Венеции инвеституру над Кипром, уплата ежегодной дани Султанату мамлюков продолжалась. Такое положение было выгодно и Венеции, и мамлюкам. Уплата дани была своего рода гарантией хороших отношений между этими двумя государствами, столкнувшимися с растущей угрозой со стороны османов [Близнюк, 2016, с. 631-633; Coureas, The Tribute… 2013, p. 364].

свои кошельки за счет захвата торговых судов, что позволяло им набирать команды, обновлять вооружение и оснащение кораблей. Добыча, полученная в результате победы на Кипре, дала ал-Ашрафу Барсбаю возможность решить первоочередную задачу снабжения войска, но для строительства и модернизации флота, который мог бы стратегически обеспечить безопасность торговли и осуществление имперской политики в средиземноморском направлении, ресурсов уже не хватало.[1]

Временный характер носили и успехи в торговле. Следуя имперской логике, ал-Ашраф Барсбай попытался расширить территории, находившиеся под контролем мамлюков, и сконцентрировать торговые операции в подвластных ему городах – Джидде, Каире, Александрии. Но действия с позиции силы в сфере коммерции оказались неэффективными. Венецианцы нашли обходные пути для продолжения торговли в Александрии, где увеличился оборот «теневого рынка»[2]. Они заняли ведущие позиции вдали от центра султаната – в Леванте, где смогли диктовать цены в отсутствие купцов *Карими*, самого мощного торгового объединения в мусульманской части Восточного Средиземноморья, которое было, если не полностью разрушено, то в значительной мере ослаблено ал-Ашрафом Барсбаем. Господствующее положение мамлюков в Восточном Средиземноморье, обеспеченное победой на Кипре, было постепенно утрачено. Установление монопольных цен на пряности и ряд других товаров приводило к стагнации и сокращению объемов внешней торговли[3], ограничило динамику и рост внутреннего рынка и негативно сказывалось на состоянии экономики [ал-Асадӣ, 1968, с. 83-85; Humphreys, 1998, p. 458]. Давление со стороны мамлюкских султанов вынуждало европейских купцов искать новые торговые пути.

---

[1] Крайне скудные внутренние ресурсы для получения древесины и железной руды вынуждали мамлюков импортировать практически все материалы, необходимые для строительства кораблей и, особенно, для оснащения их огнестрельными орудиями. Древесина относилась к числу самых дорогостоящих товаров, которые поставлялись в Египет [Volterra, 2012, s. 41]. Более подробно о состоянии мамлюкского флота в XV в. см. [Ayalon, Baḥriyya, II, 1986, p. 945-946; Fuess, 2001, p. 19-63].

[2] О торговых операциях, которые совершались между египетскими и венецианскими купцами в обход указов ал-Ашрафа Барсбая см. [Christ, 2012, p. 209-229].

[3] Стремление султана монополизировать египетский рынок привело к обострению отношений не только с каталонцами и венецианцами, но и с торговцами из Генуи и Флоренции [Labib, 1965, s. 359-361, 363].

При аз-Захире Джакмаке во внешней политике мамлюков наступил переход от военных действий, направленных на расширение подконтрольных территорий, к обороне. Угроза со стороны Эфиопии, нестабильное положение в Хиджазе, напряженные отношения с Тимуридами, наступательная активность османов в Малой Азии, постоянные нападения каталонцев, а также повторяющиеся мятежи бедуинов в Верхнем и Нижнем Египте вынуждали Джакмака идти на уступки и компромиссы, чтобы сохранить свои владения и сосредоточить силы в одном, представляющем наибольшую опасность направлении – в отношениях с *франками*. Несмотря на это, ни военные экспедиции на Родос, ни заключение договора с каталонцами не достигали цели: разбойные нападения пиратов продолжали наносить ущерб международной торговле и мамлюкским гаваням на Средиземном море. Сокращение поступлений в казну вело к росту социальной напряженности, которая усугублялась рядом природных катастроф, обрушившихся на Египет на рубеже 40-х и 50-х годов XV в. Все более частыми становятся мятежи султанских мамлюков. В некоторых случаях мамлюки выступали *вместе* с горожанами *против* султана и его чиновников. Повторяющиеся мятежи расшатывали авторитет султана, а постепенное усиление позиций *джулбан*, в конце концов, привело к расколу в армии.

Аз-Захир Джакмак пришел к власти в результате уверенной победы в борьбе фракций и группировок эмиров. В период его правления в полной мере проявился специфический характер политической власти как нединастической гегемонии корпорации мамлюков с опорой на обширный бюрократический аппарат. Бюрократизация государства была благодатной почвой для распространения коррупции, которая становилась, по сути, способом перераспределения ресурсов сначала в пользу чиновников и эмиров, а затем султана, которому они служили.

Наиболее серьезную попытку отступить от традиционной для мамлюков-Бурджитов модели формирования политической элиты предпринял ал-Ашраф Инал. Он последовательно осуществлял план основания

собственной династии и отстранения от управления государством мамлюкской политической верхушки. Сын Инала, ал-Му'аййад Ахмад, фактически перешел к единоличному правлению, оставил эмирам роль исполнителей его воли, удалив их от процесса принятия политических решений. Несмотря на то, что молодой, энергичный, уравновешенный и вдумчивый ал-Му'аййад Ахмад – отважный воин и благочестивый мусульманин – был идеальным кандидатом на роль преемника, он был свергнут с престола еще быстрее, чем все его предшественники, получившие трон по наследству. События, связанные со смещением ал-Му'аййада Ахмада, как и вся краткая история его правления, стали свидетельством того, что в Султанате бурджитских мамлюков окончательно закрепились модель нединастийного престолонаследования и принципы политического управления, согласно которым старшие эмиры имеют, как минимум, право совещательного голоса, а султан принимает в расчет их мнение, как и позиции наиболее влиятельных фракций. Отступление от этого принципа оказалось неприемлемым даже для тех представителей политической верхушки, которые занимали высокие и престижные должности, обладали обширными *икта',* получали большой доход, награды и поощрения и, казалось бы, имели все основания поддержать молодого султана.

Аз-Захир Хушкадам вернул управление султанатом к мамлюкским политическим традициям и более последовательно, чем другие султаны бурджитского периода претворял в жизнь «мамлюкский политический идеал»: принимал советы старших эмиров, поддерживал *хушдашей*, воспитывал молодых мамлюков, решительно, но с разумной степенью осторожности устранял соперников.

Период правления султанов ал-Ашрафа Барсбая, аз-Захира Джакмака, ал-Ашрафа Инала и аз-Захира Хушкадама характеризовался относительной политической стабильностью и упорядочиванием системы престолонаследия, вместе с тем именно в эти четыре с лишним десятилетия уходят корнями те процессы, негативное влияние которых на экономику и военный потенциал

Султаната в полной мере проявилось, когда целостности и самому существованию государства мамлюков стала угрожать Османская империя.

Глава 4. Нарастание внешней угрозы и кризис мамлюкской государственности (1467-1501).

§ 1. Социально-экономическое развитие Султаната мамлюков в период правления ал-Ашрафа Каитбая.

После смерти султана аз-Захира Хушкадама государство мамлюков охватил тяжелый внутренний кризис, на фоне которого обострялась ситуация на северных границах Сирии, где началось наступление дулкадиритов. Стабилизировать политическую обстановку в Каире и одержать победу над внешними врагами удалось султану ал-Ашрафу Каитбаю.

Каитбай был выходцем с Кавказа, арабские источники указывают на его черкесское происхождение. Он начал службу при Барсбае – по одной из версий в военной школе, по другой – уже будучи умелым наездником и прекрасным стрелком [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 1, с. 392; Хотко, Геополитические…, 2015, с. 65]. После смерти Барсбая был куплен аз-Захиром Джакмаком, получил освобождение, стал одним из личных гвардейцев султана и дослужился *главного давадара*. При Инале он вошел в число высших эмиров Султаната, получив звание *эмира сотни*, при Йалбае – получил пост *командира вахты* [Petry, 1994, p. 13-14]. Весной 1462 г. Каитбай выступал в качестве наставника копьеносцев на празднествах по случаю отправки *махмаля* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 237].

Переломный этап в карьере Каитбая наступил после смерти аз-Захира Хушкадама. Как упоминалось выше, следующим султаном стал Йалбай. Его кандидатуру поддержала фракция мамлюков Джакмака, лидером которой стал к тому времени Тамурбуга[1], и Хайрбек аз-Захири (ум. в 1474 г.), возглавлявший фракцию мамлюков Хушкадама. Эмиры Инала не были представлены на этом совете, поскольку их предводитель Куркумас, выполняя приказ, отданный Джакмаком, находился за пределами Каира и готовился к

[1] Тамурбуга возглавил фракцию *захиритов*, мамлюков Джакмака, еще при Хушкадаме [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 229].

походу в Верхний Египет для подавления мятежа бедуинов [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 458-459].

Примечательно, что сам Йалбай не принимал никакого участия в подготовке решения о собственном вступлении на престол, его доставил на совет Хайрбек, а описание этого эпизода в источниках поразительно напоминает сообщения о том, как из гарема приводили малолетних наследников султанов, когда им предстояло занять трон. Разница была только в том, что Йалбай был не слишком юн, а слишком стар. По свидетельству Ибн Тагри Бирди, Йалбай сам сознавал свою немощь и тяготился данной ему властью [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 273, 318-319, 332-333; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 278]. Очевидно, что выбор был сделан, как и в случае с сыновьями султанов по формальному признаку – Йалбай занимал пост *атабека*, т.е. был первым после султана эмиром в мамлюкской политической иерархии.

Как и Хушкадам, Йалбай видел главную опору в своих *хушдашах* – бывших мамлюках ал-Му'аййада Шайха – и продвигал их на значимые посты в армии и администрации. Сразу после вступления на престол он назначил одного из *му'аййадитов эмиром совета*. Не прошло и нескольких дней, как этот же однополчанин Йалбая был повышен до *эмира оружия* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 322, 324]. Такая политика до некоторых пор соответствовала интересам главного советника Йалбая – *давадара* Хайрбека аз-Захири, который представлял фракцию мамлюков Хушкадама. Дело в том, что сам Хушкадам, как уже упоминалось выше принадлежал к числу мамлюков ал-Му'аййада, и немногочисленные и уже довольно пожилые *му'аййадиты* фактически составляли часть фракции мамлюков Хушкадама, ее «старую гвардию». Сами они уже едва ли были способны на активную политическую борьбу, но благодаря своим титулам и солидному послужному списку были хорошим «фасадом» для действий молодого и энергичного Хайрбека, который стремился, как показали дальнейшие события, подготовить плацдарм для решительного рывка к трону.

Важным шагом, во многом определявшим отношение мамлюков к новому султану, была выдача денежного вознаграждения по случаю вступления на престол. Йалбай, как его предшественники, назначил султанским мамлюкам выплаты в размере 100 динаров каждому, однако, эту сумму получили только *джулбан* Хушкадама, которые находились под покровительством Хайрбека. Большинство *караниса* получили лишь половину, а некоторые еще меньше – всего четверть от назначенной суммы. Против обыкновения ничего не получили *авлад ан-нас* и евнухи. Что касается офицерского состава, то деньги выдали только тем эмирам, которые должны были отправиться в поход под командованием Куркумаса [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 324-325]. Полный или частичный отказ от выплаты денежного вознаграждения, которого ожидали мамлюки, негативно сказался на авторитете нового султана и стал причиной роста недовольства как среди рядовых, так и среди эмиров.

Как только прошла церемония присяги, отряд мамлюков под командованием Куркумаса был отправлен в Верхний Египет для подавления восстания бедуинов. Собственно приказ об отправке этой экспедиции отдал еще Хушкадам, но султанские мамлюки отказались покидать Цитадель, пока султан был на смертном одре. Они выступили в поход только после того, как Йалбай, кандидатура которого их устраивала, занял трон. Не успел Куркумас с войском покинуть окрестности Каира, как пришло донесение, в котором сообщалось, что смута в Верхнем Египте уже затихла. Несмотря на это Йалбай настаивал на том, чтобы мамлюки продолжили путь на юг. Этот решение, несомненно, было принято по рекомендации Хайрбека, для которого возвращение в столицу Куркумаса, главы фракции мамлюков Инала, не участвовавшего в выборе кандидатуры султана, было крайне нежелательно. Вскоре Йалбай отдал тайный приказ схватить Куркумаса и еще двух офицеров из его фракции и доставить александрийскую тюрьму [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 321-322; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 281].

Уже в первые дни пребывания Йалбая на троне стало ясно, что он не способен к самостоятельному правлению.[1] По свидетельству Ибн Ийаса, султан ни шага не мог ступить без помощи своего *давадара* – Хайрбека.[2] Руководствуясь рекомендациями этого эмира, Йалбай продолжил аресты среди мамлюков. Создавалось впечатление, что советник султана сознательно заводит ситуацию в тупик, из которого только один выход – мятеж. Недовольство действиями Йалбая росло. Группировка молодых мамлюков Хушкадама набирала силу, было ясно, что султан не в состоянии держать их под контролем. Уже через полтора месяца после вступления на престол Йалбая скрытый конфликт между султаном и его *хушдашами* с одной стороны и Хайрбеком и мамлюками Хушкадама с другой приобрел настолько напряженный характер, что *му'аййадиты* перестали появляться в Цитадели, опасаясь нападения. В сложившейся ситуации *му'аййадиты* стали искать сторонников среди мамлюков Инала [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 323, 328; аṣ-Ṣайрафӣ, 2002, с. 105-107].

В конце ноября 1467 г. *му'аййадиты* и *ашрафиты* (фракция бывших мамлюков ал-Ашрафа Инала) собрались в доме *давадара* Йашбека мин Салман-Шаха (ум. в 1473 г.), куда было доставлено оружие и амуниция. Однако, и *му'аййадиты* и *ашрафиты* медлили и не решались выступать: Йалбай, на защиту которого планировали встать заговорщики, опасался, что начало вооруженного противостояния между его сторонниками с одной стороны и Хайрбеком и *джулбан* с другой неминуемо приведет к его собственной гибели или аресту, поскольку он был, фактически блокирован мамлюками *джулбан* в Цитадели, а каждый его шаг контролировал Хайрбек. В конце концов, в начале декабря 1457 г. Йашбек, самый старший в группе

[1] Ибн Ийас пишет, что Йалбай был груб и малограмотен, и имел прозвище *Йалбай Бешеный* (*Yalbāy al-Majnūn*) [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 466], а Ибн Тагри Бирди замечает, что султан не только не умел читать, но не знал даже букв. Для того чтобы он мог подписать документ или распоряжение, секретарь намечал подпись точками, чтобы Йалбаю оставалось только обвести ее [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 325].

[2] Если к Йалбаю обращались с вопросом или просьбой, он говорил: «А что я?... Скажи ему» - т.е. Хайрбеку. Нового султана так и прозвали – «*Скажи-ему» (Qul-lah)* [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 461, 467; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 333].

му'аййадитов, решился на выступление. На улицах Каира началось кровопролитное сражение. Положение восставших осложнялось тем, что Йашбек, по-видимому, не считал себя полноправным и единственным главой отряда: сначала он ожидал, что решение о начале выступления примет Йалбай, а затем, когда столкновение уже началось, не бился в первых рядах, а снова ждал, не сможет ли Йалбай выбраться из Цитадели и присоединиться к своим сторонникам. Такое поведение Йашбека, вероятно, стало причиной сомнений среди *ашрафитов*, и на следующий день большая их часть перешла на сторону Хайрбека и мамлюков Хушкадама. Йашбек остался с кучкой своих «однополчан» - *му'аййадитов*. Поняв, что дело проиграно, они разошлись – каждый пытался найти убежище и скрыться [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 329- 331]. 4 декабря 1467 г. Йалбай был смещен, арестован и отправлен в александрийскую тюрьму, где через год скончался [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 458-467; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 333].

Эмиры снова собрались на совет. *Атабеком* войска, т.е. первым претендентом на престол, был *румиец*[1] Тамурбуга, лидер фракции мамлюков Джакмака. Он и стал новым султаном с тем же тронным именем, что и Йалбай – аз-Захир. На освободившееся место *атабека* Тамурбуга назначил Каитбая [ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 786-787].

Избрание Тамурбуги повлекло за собой реконфигурацию мамлюкских группировок. Союз между эмирами Джакмака, которых возглавлял Тамурбуга, и эмирами Хушкадама распался. Теперь Хайрбек, лидер мамлюков Хушкадама, стал главным соперником Тамурбуги, и новый султан стал искать поддержку среди других фракций. В первые же дни на троне он освободил сыновей не только своего бывшего хозяина, аз-Захира Джакмака, но и сыновей ал-Ашрафа Инала, находившихся в ссылке в Александрии, а также отдал приказ об освобождении и возвращении в Каир нескольких эмиров-*ашрафитов*. Тамурбуга велел объявить, что все мамлюки Инала, содержание

[1] В источниках упоминается о том, что Тамурбуга, как и Хушкадам, был арнаутом, т.е. выходцем с Балканского полуострова [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 337].

которых было урезано при Хушкадаме, будут сполна получать свое жалование. Было очевидно, что он стремится создать прочный союз своих «однополчан» - мамлюков Джакмака, и мамлюков Инала, чтобы противостоять сильной фракции мамлюков Хушкадама. Нескольких своих *хушдашей-захиритов* Тамурбуга повысил в звании (до *эмира сотни*), передав им при этом не только обширные *икта'*, но и земли из султанских владений. В то же время, Тамурбуга довольно мягко обошелся с фракцией своих главных соперников – мамлюков Хушкадама, вероятно, надеясь лишить Хайрбека поддержки хотя бы некоторых из них. Часть эмиров из числа бывших мамлюков Хушкадама получила повышения и новые *икта'*. В ссылку было отправлено только пять эмиров-*му'аййадитов* – «однополчан» Хушкадама [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 337, 341, 342, 343]. Но, возможно, в этом и заключался просчет Тамурбуги, поскольку главную опасность для него представляла не «старая гвардия» из фракции Хушкадама, а молодые эмиры, готовые вступить в борьбу за власть вместе с Хайрбеком.

Еще одним важным шагом, который сделал Тамурбуга для укрепления своих позиций, была раздача денежного вознаграждения султанским мамлюкам. Тамурбуга доплатил все, что назначил, но не успел выплатить Йалбай. Однако на новое вознаграждение – уже по случаю собственного вступления на престол – денег Тамурбуге уже не хватило. Отсутствие выплат он компенсировал щедрой раздачей *икта'* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 340-342].

Лихорадочные попытки Тамурбуги привлечь на свою сторону как можно больше мамлюков и эмиров буквально любой ценой были связаны с тем, что он не успел это сделать до вступления на престол. Йалбай занимал трон менее двух месяцев, и Тамурбуга был явно не готов к тому, чтобы уверенно взять власть в свои руки. Но и в стане его главного противника, Хайрбека, не было единства. Хайрбек опирался на поддержку *джулбан* Хушкадама, главным образом из числа своих соплеменников – абазинцев, и сумел заключить союз с некоторыми эмирами-*ашрафитами*. Другая часть

джулбан Хушкадама, преимущественно черкесы, не спешила встать на сторону Хайрбека и была более склонна признать лидерство Касбая – зятя[1] Тамурбуги. При этом *атабек* Каитбай держался в стороне от той и другой фракции, не появлялся в Цитадели, более того, на несколько дней покинул Каир. В конце января 1467 г. *джулбан* из числа сторонников Хайрбека окружили резиденцию султана [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 346, 348; ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 789].

Поздним вечером 31 января 1468 г. заговорщики схватили Тамурбугу. Хайрбек объявил себя султаном и расположился на троне. Его *хушдаши* - мамлюки Хушкадама целовали землю у его ног, однако ни собрание эмиров, на котором было бы достигнуто решение о поддержке кандидатуры Хайрбека, ни церемония присяги, не были проведены. Таким образом, Хайрбек и согласно мусульманскому закону, и согласно мамлюкским политическим традициям был не более, чем самозванцем. Самая мощная военная сила в Каире – *джулбан* – были частично на его стороне. Хайрбек ожидал, по-видимому, что это подтолкнет эмиров к тому, чтобы присоединиться к нему, но этого не произошло [ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 790-791]. Тем временем, *атабек* Каитбай, который находился за пределами Цитадели, собрал на совет эмиров, не участвовавших в перевороте, осуществленном Хайрбеком, а также мамлюков Барсбая и Инала, которых ему удалось привлечь на свою сторону. Было принято решение сместить Тамурбугу и назначить султаном Каитбая. Все, кто присутствовал на совете, в знак верности целовали землю у его ног. Объединенные силы под командованием Каитбая подошли к Цитадели, где им оказали вооруженное сопротивление *джулбан* – сторонники Хайрбека. Во время стычки большая часть эмиров из лагеря Хайрбека перешла на сторону Каитбая [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 349-350].

Поняв, что остался в меньшинстве, Хайрбек приказал освободить Тамурбугу, кинулся ему в ноги, начал каяться и просить заслуженной казни.

[1] Касбай ал-Хушкадами (ум. в 1477 г.) был братом жены Тамурбуги. Женой самого Касбая была дочь султана ал-Ашрафа Инала [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 4, 18, 119; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 6, с. 229, т.12, с. 90].

Тамурбуга нашел в себе мужество с достоинством принять поражение. Он спокойно прервал Хайрбека и произнес: «И твое, и мое время прошло» [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 475].

На рассвете Каитбай ворвался в Цитадель, сопротивление мамлюков Хушкадама, которые остались без лидера, было сломлено. Хайрбека и еще нескольких эмиров из числа заговорщиков заковали в цепи и бросили в тюрьму.[1] С Тамурбугой, о смещении которого было официально объявлено в присутствии халифа и судей, обошлись с приличествующим его званию уважением и отправили в Дамьетту, где он должен был оставаться, пользуясь свободой передвижения в пределах города [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 475; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 351-352; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 311].

В условиях острой политической борьбы, главную роль в которой, как обычно, играли группировки двух последних султанов – *ашрафиты* и *захириты*, а также раскола внутри самой сильной из них – группировки эмиров Хушкадама, победа досталась Каитбаю, начинавшему службу еще при Барсбае. Отчасти повторился сценарий, по которому разворачивались события, связанные с избранием Хушкадама: Хушкадам, как и Каитбай принадлежал к группе мамлюков, уже утративших силу и влияние, но сохранивших авторитет, заслуженный годами службы. *Ашрафиты* поддержали Каитбая, поскольку их глава, эмир Куркумас, и другие старшие эмиры были арестованы еще при Йалбае, и, лишившись лидера, они пытались решить только одну задачу – не допустить к трону своих главных противников – *захиритов. Захириты,* в свою очередь, были ослаблены расколом и дискредитированы провалившимся заговором, поэтому тоже предпочли отдать голоса «стороннему» кандидату. Выбор, согласно традиции, пал на *атабека*, т.е. эмира, который занимал самую высокую по после султана ступень в мамлюкской военно-политической иерархии. К тому же Каитбай пользовался заслуженным уважением и имел репутацию человека, который со

[1] Впоследствии Хайрбек был выслан из Каира; ему разрешили отправиться в Мекку, а последний год своей жизни он провел в Иерусалиме [ал-ʿУлаймӣ, 1968, т. 2, с. 305].

всеми сохраняет ровные отношения, стабильного, уравновешенного, умеющего договариваться. Тридцать лет, шаг за шагом Каитбай делал карьеру, ничем особенно не выделяясь – в этом, наверное, и был его талант. Ни один источник не сообщает о том, что Каитбай выступал против кого-то, участвовал в мятежах или смутах. Каитбай долго ждал и сделал свой ход в нужное время.

Вступив на престол, ал-Ашраф Каитбай решительно расправился с потенциальными соперниками, но обошелся при этом без казней и пыток. Были арестованы или высланы из Египта не только эмиры из верхушки политической элиты, но, что особенно важно, мамлюки и эмиры из числа *джулбан* – основного источника каирских смут и главной военной силы, поддерживавшей Хайрбека. Всего два месяца понадобилось Каитбаю, чтобы полностью подавить оппозицию. Одновременно он, как и его предшественники, начал щедрую раздачу званий, *икта‘*, пожалований, а также формирование группы ближайших помощников, которые вместе с султаном выстраивали политический курс государства и руководили работой бюрократического аппарата [ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 311, 315; Petry, 1994, p. 15].

В число привилегированных приближенных султана вошли Йашбек мин Махди и Азбек мин Татах (ум. в 1499 г.). Первый был *давадаром* – управляющим делами султанского двора, второй – командующим армией – *атабеком.* Оба подчинялись лично султану. Йашбек мин Махди имел репутацию смельчака и безжалостного убийцы, держал в страхе всех чиновников независимо от их ранга и был незаменим как в усмирении армейских бунтов, так и в пополнении казны за счет «добровольных» пожертвований тогда, когда это было необходимо. Авторитет Азбека, в отличие от Йашбека, строился не на страхе, но на подлинном уважении и преданности подчиненных ему воинов. Азбек и Йашбек были надежной опорой султана. Азбек контролировал войско, давал султану советы по распределению *икта‘,* решал конфликты, если таковые возникали между

эмирами, мамлюками и султаном, и не раз его мудрое вмешательство помогало остановить готовившуюся смуту. Йашбек был правой рукой султана в финансовой сфере. Если Каитбай покидал Каир, Азбек и Йашбек оставались его неофициальными «заместителями», в полномочиях которых, впрочем, никто не пытался усомниться. Положение Азбека – *атабека* – в мамлюкской военно-политической иерархии формально было выше, чем скромная позиция Йашбека – «*хранителя чернильницы*», но в реальности авторитет Йашбека был более весомым. Йашбек не скупился на званные обеды и торжества, чтобы привлечь симпатии административной элиты. В результате, когда в 1480 г. султан отправился в *хаджж*, главные судьи Каира пришли с поздравлениями по случаю начала нового месяца, которые обычно направлялись к султану, к Йашбеку, а не к Азбеку. Тогда же Йашбек принял посла из Ак Коюнлу и разместил его вместе со свитой в своей резиденции до прибытия султана [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 231; ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 242, 244; Conermann, Ibn Aǧās…, 2003, p. 125-128; Petry, 1994, p. 15].

В первые месяцы правления Каитбая, как это и раньше происходило после прихода к власти нового султана, по всему Египту прокатилась волна бедуинских восстаний.[1] Ситуация осложнялась тем, что одновременно мамлюки были вынуждены противостоять наступлению Шаха Сувара, правителя эмирата Дулкадир.[2] Каитбаю пришлось потратить немалые суммы денег на несколько военных кампаний,[3] направленных против Шаха Сувара,

---

[1] Например, в год прихода к власти ал-Ашрафа Инала в ал-Бухайре вспыхнуло крупное восстание бедуинов, начальник провинции был убит. В следующем году в ал-Бухайру снова пришлось отправить отряды мамлюков. Крупное сражение завершилось победой войска султана. Но обстановка продолжала оставаться нестабильной, и отряды мамлюков остались в провинции для поддержания порядка до конца лета 1454 г. Как только войско покинуло ал-Бухайру беспорядки возобновились, и в октябре Иналу пришлось снова отправить мамлюков на борьбу с бунтовщиками. Разбойные нападения бедуинов в Сирии не удавалось пресечь в течение нескольких месяцев [Ибн Таġрī Бирдī, 1990, с. 446, 494, 496, 498, 502]. А в год прихода к власти аз-Захира Хушкадама дело дошло до того, что отряд бедуинов пробрался в столицу Султаната и занялся грабежом прямо на улицах Каира [ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 18]. Дважды за первые полгода со времени вступления на престол Хушкадам высылал отряды мамлюков в Верхний и Нижний Египет для усмирения непокорных племен. В 1463 г., а затем в 1464 г. Хушкадаму пришлось снова отправлять отряды мамлюков в ал-Бухайру. Численность отрядов достигала четырехсот человек [Ибн Таġрī Бирдī, 1992, т. 16, с. 241-242, 245, 253, 255].

[2] Военный конфликт с между мамлюками и Шахом Суваром будет подробно рассмотрен в следующем параграфе этой главы.

[3] В 1468 г. назначенные в поход мамлюки и эмиры получили следующие суммы: *атабек* – четыре тысячи динаров, *эмиры сотни* – по три тысячи динаров, *эмиры сорока* – по пятьсот динаров, *эмиры десятка* – по двести динаров [ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 317].

который оказался не только честолюбивым политиком, но и талантливым стратегом и продолжал оказывать сопротивление мамлюкам вплоть до 1472 г. [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 317, 323, 326; Mordtmann, Menage, 1991, p. 239; Petry, 1994, p. 16].

Каитбай отправлял из Каира отряд за отрядом. Для снаряжения каждой следующей экспедиции требовались деньги. Положение складывалось настолько отчаянное, что султан начал изымать наделы даже из пожалованных халифу земель, передавая их в качестве *икта‘* своим эмирам. В июне 1468 г. султан созвал на совет халифа и главных судей, шейхов и эмиров для того, чтобы обсудить решение о введении чрезвычайных налогов, изъятии излишков у чиновников, в том числе частичной конфискации личной собственности и вакуфного имущества. Совет состоялся, но план Каитбая не был поддержан. На этот раз финансовую помощь султану оказали старшие эмиры, кроме того, часть денег была изъята из выплат, предназначенных *авлад ан-нас* и других категорий получателей жалования из числа немамлюков. Султан пообещал компенсировать недоплаты с течением времени. Когда осенью 1468 г. Каитбай еще раз вынес на совет вопрос о введении чрезвычайных налогов, он снова получил отказ [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 326-328, 330; Igarashi, 2009, p. 34-35].

Назревал кризис. Трудным положением султана, вынужденного воевать и с Шахом Суваром, и с египетскими бедуинами, а также глухим недовольством среди военной гражданской элиты, которое было связано с нехваткой денег в казне и необходимостью оказывать финансовую поддержку султану, воспользовались остатки оппозиции. В июне 1468 г. они организовали побег Тамурбуги (предшественника Каитбая на троне) из Дамьетты. Однако уже в конце того же месяца Тамурбуга был схвачен мамлюками Каитбая и отправлен в Александрию. Тамурбуга направил Каитбаю письмо с извинениями и выражением полной покорности, и ему было разрешено жить в городе, в доме ал-‘Азиза Йусуфа, сына Барсбая, и выезжать в мечеть [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 328-331].

Каитбаю удалось предотвратить готовившийся мятеж, но нестабильная политическая ситуация в Каире, а также разорение северных провинций Сирии армией Шаха Сувара, грабежи и нападения бедуинов в Египте, порождали инфляцию. Постоянно увеличивавшиеся потребности войска привели к росту цен на зерно и фураж уже в апреле 1468 г. С отправкой каждого нового отряда мамлюков в Сирию или на подавление мятежей бедуинов цены поднимались. Для стабилизации положения на рынке Каитбай в июне 1468 г. начал продавать пшеницу из своих личных запасов. Тем не менее, в Каире было неспокойно. Мамлюки *джулбан* взбунтовались из-за задержек в выдаче фуража и продовольствия и совершили нападение на *вазира* и *устадара.* Султану с трудом удалось убедить их разойтись по казармам [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 321, 330-332].

Обеспечение султанских мамлюков и снаряжение экспедиций для противостояния нападениям дулкадиритов требовало быстрых и радикальных решений для выхода из финансового кризиса. Каитбай получил в наследство от своих предшественников систему управления землепользованием и распределения доходов, в которой уже сформировался довольно устойчивый перекос в сторону превалирования жалований над *икта‘,* что пагубно сказывалось на состоянии экономики и так испытывающей перегрузки в условиях тяжелого политического кризиса.

Уже с приходом к власти Баркука наметилась тенденция увеличения личных доходов султана, в том числе и за счет государственной собственности. Это было связано в первую очередь с необходимостью отстаивать и защищать свое право на власть в условиях постоянной конкурентной борьбы между эмирами. Султан был заинтересован в том, чтобы максимальное число мамлюков получало жалование лично от него, поскольку в противоположность жалованию, получение *икта‘* давало известную долю самостоятельности и независимости, а значит, могло переместить держателя *икта‘* из лагеря сторонников султана в лагерь его противников. Поскольку мамлюки уже не вели завоевательных войн, территория государства

оставалась более или менее постоянной и количество земель не увеличивалось. В такой ситуации рост личных владений султана неизбежно приводил к сокращению фонда *икта‘* и государственных земель. Это в первую очередь сказывалось на положении воинов *халка* и *авлад ан-нас*, которые прежде получали *икта‘,* а в новых условиях переходили в категорию получателей жалования. Кроме того, эмиры, имевшие в своем распоряжении *икта‘,* использовали все доступные средства, чтобы внести в списки получателей жалования своих мамлюков и снизить тем самым собственные расходы на их содержание. Благодаря протекции влиятельных эмиров и чиновников в реестры султанских *диванов* в качестве получателей жалования попадали и немамлюки – те, кто имел, родственные, матримониальные, деловые или иные связи с членами военной и административной элиты. В результате количество претендентов на жалование стало расти быстрее, чем доходы султанской казны. Переход значительного числа мамлюков на жалование и сокращение количества тех эмиров, которые могли обеспечивать себя и своих воинов за счет *икта‘* порождало еще одну проблему: в случае военного похода помимо обычных «подъемных» для командиров и султанских мамлюков требовалось выплатить жалование, а также дотации на фураж и одежду за несколько месяцев вперед. Снаряжение каждой новой военной экспедиции ложилось тяжким бременем и на государственную казну, и на личные финансы султана.

Еще одним следствием этого перекоса было сокращение доходов казны. Между тем, расходы государственной казны не сокращались, а напротив, росли, в первую очередь из-за необходимости укрепления обороны сирийских границ в условиях медленной, но неуклонной экспансии османов.[1] Самым простым решением проблемы дефицита государственной казны для мамлюков, привыкших к силовым методам, вероятно, представлялось повышение сборов с имевшихся сельскохозяйственных угодий. Во всяком

[1] О военных столкновениях с османами и бейликами Малой Азии пойдет речь в следующем параграфе.

случае, именно таким путем действовали назначенные султаном управленцы. Авторитет провинциальных представителей администрации, которые едва ли не буквально выколачивали налоги с обедневших феллахов, падал, что создавало, наряду с ослаблением центральной власти, предпосылки для мятежей бедуинов [Igarashi, 2009, p. 30, 31, 32].

Перед Каитбаем стояла серьезная задача реструктуризации финансовой системы, которую он был вынужден решать одновременно с поиском средств, необходимых для снаряжения военных отрядов, отправлявшихся на защиту сирийских границ и борьбу с восстаниями бедуинов. В сентябре 1468 г. Каитбай предпринял экстраординарные меры для пополнения казны. Он устроил смотр *авлад ан-нас* приписанных к частям *халка* и получавшим жалование. Каждому из этих *авлад ан-нас* предлагалось натянуть лук. Если испытуемый был в состоянии удовлетворительно выполнить эту задачу, его вносили в список тех, кто будет отправлен в следующую военную экспедицию. Если же кто-то из *авлад ан-нас* не мог натянуть мамлюкский лук, его освобождали (по крайней мере, на время) от военной службы, но за это он должен был уплатить в казну султана «штраф», размер которого был пропорционален получаемому им жалованию: при жаловании в 2000 дирхамов – 100 динаров, при жаловании в 1500 дирхамов – 75 динаров, при жаловании в 1000 дирхамов – 50 динаров. Была еще одна опция: не платить «штраф», но отказаться от жалования. Предпринятая Каитбаем проверка *авлад ан-нас* на способность к военной службе дала необходимый результат. Собранные средства позволили снарядить отряд численностью пятьсот человек [ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 348; Igarashi, 2009, p. 31].

Попытка Каитбая привести выплату жалований в соответствие с выполнением воинской обязанности была только первым шагом на пути реформирования системы обеспечения армии, системы, которая, как стало очевидно, была уже не в состоянии обеспечивать потребности военного времени. К осени 1468 г. ситуация усугубилась распространением чумы и в Египте, и в Сирии. В Дамаске люди умирали и от болезни, и от голода, потому

что лето выдалось засушливым, и цены на зерно были очень высокими, а когда весной 1469 г. эпидемия подошла к своему пику, число умерших достигало тысячи человек ежедневно. Летом 1469 г. эпидемия стала перемещаться в восточные провинции Сирии, но цены в Дамаске продолжали оставаться высокими, особенно после возвращения остатков разбитого Шахом Суваром мамлюкского войска [ал-Буҫравӣ, 1988, с. 34-36, 38; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 392].

В крайне тяжелой обстановке, после того как были получены известия о поражении в Сирии, на фоне распространения эпидемии чумы, а также после того, как все попытки ввести чрезвычайные налоги или осуществить частичную конфискацию земель, находившихся в личной собственности, и вакуфного имущества потерпели неудачу, Каитбай приступил к инспекции расходов своей личной казны. С помощью Йашбека были самым тщательным образом проверены списки получателей жалования, фуража и дотаций на одежду. Каждый, кто значился в этих списках, был вызван и снова испытан на пригодность к военной службе. Всех выплат были лишены те, кто не прошел испытание, а также женщины и дети. Кроме того, всем получателям жалования, оставшимся в списках, в том числе и султанским мамлюкам, выплаты и выдачи были сокращены до нормы на одного человека. Дело в том, что, как выяснилось, многие различными способами добивались увеличения размера жалования, пайков и дотаций, например, за счет покупки права на эти выплаты у других лиц. Строгая ревизия позволила значительно сократить расходы из личной казны султана. В качестве дополнительной меры в 1469 г. было введено правило, согласно которому всякий мамлюк, эмир или военнообязанный из числа *авлад ан-нас*, отказавшийся по каким-либо причинам участвовать в военном походе, должен был уплатить в казну сто динаров в случае, если «отказник» был держателем *икта‘,* и двадцать динаров, если это был получатель жалования. Осенью 1468 г. Каитбай передал Йашбеку право распоряжаться распределением мясного пайка, и в течение

непродолжительного времени этому верному помощнику султана удалось прекратить выдачу пайка всем категориям его получателей, кроме мамлюков.

Ревизия жалований и строгий контроль за их распределением требовали реконфигурации административного аппарата. В ходе ряда перестановок Каитбай постепенно передал главному *давадару* Йашбеку управление тремя ключевыми финансовыми ведомствами – *диваном ал-муфрад («Отдельным диваном»*, распоряжавшимся землями, доходы с которых шли на обеспечение султанских мамлюков)[1], *диваном вазира,* распределявшим пайки и жалования, а также *диваном главного кашифа*, занимавшимся сбором налогов в египетских провинциях [Igarashi, 2009, p. 34-36].

Централизация управления давала возможность сократить всевозможные нарушения и утечку средств, а жесткий нрав Йашбека должен был остановить жалобщиков и недовольных. Помимо этого, большое значение имело и то, что Йашбек был, фактически самым влиятельным эмиром в государстве, не столько благодаря своему рангу или занимаемым должностям, сколько из-за того доверия, которым он пользовался у султана. Такое положение нового распорядителя сбором налогов позволило хотя бы на время преодолеть еще одно препятствие для пополнения государственной казны – так называемую «плату за покровительство» *(ḥimāyah).* Такую плату получали эмиры или крупные чиновники из Каира, представители центрального аппарата государственного управления, за защиту жителей провинций и местных держателей *икта‘* от «притеснений» со стороны провинциальных властей [Meloy, 2004, p. 202-205]. *Химайа* создавала дополнительные трудности для сбора налогов, получить которые в полном объеме и так было нелегко. Назначение Йашбека практически исключало использование *химайа,* поскольку никто из мамлюкских командиров, даже самого высшего звена, не мог оказать давление на Йашбека и, тем самым, защитить своих «протеже» от уплаты податей в казну [Igarashi, 2009, p. 31, 37].

[1] Подробнее об «*Отдельном диване*» см. Гл. 6.

Очевидно, Каитбай стремился лично контролировать все доходы и расходы государства настолько, насколько это возможно. Концентрация управления личными финансами султана в руках Йашбека – самого близкого и доверенного эмира султана, безусловно, этому способствовала. Другие должности в сфере управления финансами султан тоже передавал своим приближенным. Так, управление *джизьей* (*naẓrat al-jawālī*) получил юный племянник Каитбая [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 64].

Реорганизация управления финансовыми ведомствами, предпринятая Каитбаем, не изменила коренным образом вектор развития финансово-экономической системы султаната, наметившийся ранее, а только упорядочила и привела в соответствие с реальным распределением собственности между казной султана и государственной казной структуру администрации. Более того, доля мамлюков и эмиров, получающих жалование, в общем числе воинов, постоянно увеличивалась, в то время как количество держателей *икта‘* сокращалось [Igarashi, 2009, p. 50].

В 1469 г., несмотря на то что мамлюки провели ряд успешных рейдов против бедуинов, мятежи племен в ряде провинций Египта продолжались. В октябре того же года Каитбаю пришлось издать специальный указ о том, что в случае нападения кочевников на монастырь Св. Екатерины ответственность за нанесенный ущерб понесут шейхи племен аш-Шаркийи [Ernst, 1960, s. 162-163]. Дело в том, что монастырь служил пристанищем для мусульманских паломников, которые держали путь в Мекку и Медину, поэтому разбойные набеги бедуинов наносили урон авторитету султана не только как мусульманскому владыке, под покровительством которого находится *ахл аз-зимма*, но и как защитнику мусульман и служителю Священных городов. Держать специальный мамлюкский гарнизон в монастыре было невозможно,

рейды на Синай давали в лучшем случае кратковременный результат, и самым эффективным способом были договоры с шейхами племен.[1]

Одновременно Каитбай поставил перед Йашбеком очень непростую задачу: собрать налоги в охваченных волнениями районах Верхнего Египта. Только в конце зимы 1470 г. Йашбек вернулся в Каир. Жестокость, с которой он обходился с мятежниками, а также изъятие у них имущества и запасов, положили конец восстаниям и позволили пополнить личную казну и Йашбека, и султана,[2] но, вместе с тем, имели и негативные последствия. Бедуины не могли забыть страшных казней и унижения своих соплеменников, которые выходили за рамки обычных военных столкновений с мамлюками. Действия Йашбека привели к углублению вражды между мамлюками и бедуинами, что, в конце концов, стало одной из причин крушения Султаната Бурджи.[3] Кроме того, из-за карательной операции, которая продолжалась более полугода, поставки продовольствия из Верхнего Египта, фактически, прекратились. Цены на зерно в Каире, по-прежнему, росли. В марте 1470 г. Каитбай приказал продать еще одну партию пшеницы из своих собственных запасов по стоимости ниже рыночной, чтобы остановить повышение цен.

Возможно, именно «подношение» Йашбека позволило Каитбаю принять меры для стабилизации ситуации на рынке. Султан объявил о начале компенсации тех сумм, которые были изъяты из выплат, предназначавшихся для *авлад ан-нас*. И все-таки, несмотря на шаги, предпринятые султаном, в Каире ощущалась нехватка продовольствия. Летом 1470 г. на рынке уже нельзя было купить ни гуся, ни курицу, пшеничные лепешки стали дороги, и люди начали печь хлеб из ячменя. Снова подняли восстание бедуины Нижнего

---

[1] Об ответственности за защиту монастыря, возлагавшейся на шейхов, см. также [Richards, The Qasāma…, 1991, p. 250]. Договоры заключались периодически, на протяжении всего XV в. как представителями верховной власти и мамлюкской администрации различного уровня, так и самими монахами. См. например, договор 822/1419 г. [Scroll 24. Arabic Firmans 186], архивная запись о договоре 866/1461-1462 г. [Scroll 25. Arabic Firmans 187], договор 874/1467 г. [Scroll 26. Arabic Firmans 188].

[2] В 1470 г. после возвращения из карательной экспедиции против бедуинов Верхнего Египта, *главный давадар* Йашбек преподнес султану богатые подарки – коней, верблюдов, муку, мед, зерно, сто тринадцать тысяч золотых динаров. Стоимость всего подаренного составляла около двухсот тысяч динаров [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 409].

[3] Подробнее об этом см. Гл. 5, § 3.

Египта, на борьбу с ними выступил *атабек* во главе большого отряда мамлюков [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 391, 402, 404, 409, 410, 422, 425].

В обстановке затянувшегося кризиса осенью 1470 г. Каитбай объявил об отмене нескольких видов дополнительных налогов (*мукус*). Еще ранее, в 1468 г. был издан указ об отмене *мукус*, которые налагались на индийских торговцев в Джидде [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 430; Meloy, 2019, p. 616-617]. Это решение, в первую очередь, было направлено на поддержку торговли и снижение темпов обнищания населения. С другой стороны, оно должно было способствовать укреплению имиджа султана как поборника восстановления порядка и справедливости в полном соответствии с шариатом.

Усилия Каитбая, направленные на преодоление кризиса, начали давать результат. Зимой 1470-1471 г. цены на продукты в Каире снизились. Началось сооружение нового *ивана* в Цитадели. На строительство было выделено двадцать тысяч динаров из личной казны султана [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 435, 441-442]. К январю 1473 г. султан успел приобрести и обеспечить воспитание 2000 личных мамлюков. В общей сложности за первые пять лет пребывания у власти Каитбай потратил 3 770 000 золотых динаров на военные экспедиции, покупку новых рабов, оружие, лошадей, реконструкцию и ремонт зданий, строительство «социальных объектов», благотворительность и поддержку религиозной деятельности [Ayalon, 1958, p. 292-294; Sievert, 2003, s. 17-18].

Наиболее важную и стабильную часть личных доходов султана давали налоги с принадлежащих ему земель. Доходы только с египетских земель давали более двухсот тысяч динаров. Еще одним существенным источником пополнения казны султана были подарки и подношения эмиров. Пополнению казны султана способствовали как меры по централизации управления финансовыми ведомствами, о которых шла речь выше, так и уже известная раньше и ставшая едва ли не нормой при Каитбае практика «продажи» должностей, а также конфискации имущества у провинившихся чиновников [аш-Ширбӣнӣ, 1997, т. 1, с. 252; Igarashi, 2009, p. 39, 40]. Так, например, за то, чтобы получить должность главного ханафитского судьи в Дамаске, один из

претендентов передал в казну султана три тысячи динаров, а в последующие годы «цена» на эту должность выросла до четырнадцати тысяч динаров. Пост *атабека* Дамаска занял эмир, уплативший за это восемь тысяч динаров; за наместничество в Алеппо было уплачено шесть тысяч динаров [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 315, 317-318, т. 7, с. 238]. *Давадар* султана в Дамаске был утвержден в должности за десять тысяч динаров [Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 38]. *Начальник канцелярии* в Дамаске получил свой пост за шесть тысяч динаров, а должность *наместника* султана в Сирии была отдана, по свидетельству ас-Сахави, за сто тысяч динаров [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 115-116; ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 3, с. 1014-1015].

Другим, уже традиционным, источником пополнения казны стала конфискация денег у опальных эмиров и чиновников, например, у бывшего *эмира совета* было изъято двести тысяч динаров, а общая стоимость конфискованного только у одного этого эмира имущества и наличных денег составила триста пятьдесят тысяч динаров, что вполне могло покрыть расходы на целую военную экспедицию. Еще одним средством пополнения казны султана было получение денег и имущества умерших или погибших эмиров [Ибн Ṭӯлӯн, 1973, т. 2, с. 38; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 316-318].

Вместе с тем, политическая ситуация оставалась, по-прежнему, нестабильной. Все силы мамлюков были направлены к северным рубежам Сирии – на борьбу с Шахом Суваром и Ак Коюнлу. Пользуясь этим, бедуины не прекращали набеги и грабежи. Весной 1471 г. султану пришлось снова отправлять карательные отряды в Нижний Египет. Летом 1473 г. в Нижний Египет была выслана очередная карательная экспедиция. Договоры с шейхами племен о защите монастыря Св. Екатерины и мусульманских паломников не давали желаемого результата, и Каитбай был вынужден предпринимать дополнительные меры, чтобы оградить монастырь от разбойных нападений [Ernst, 1960, s. 166-172; Moritz, 1918, s. 39-45]. Положение усугублялось постоянными нападениями *франков* на египетские торговые суда в Средиземном море и населенные пункты, расположенные вдоль береговой

линии. Так, в 1473 г. европейцы разграбили окрестности Александрии, захватили пленных и несколько кораблей с товарами [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 441, т. 7, с. 56, 73; Petry, 1994, p. 56].

Победа над Шахом Суваром (в 1472 г.) и над Ак Коюнлу (в 1473 г.)[1] создавала необходимые предпосылки для восстановления экономики. Летом 1473 г. цены на продукты в Каире снизились [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 70]. Но и в последнее перед войной с Османами мирное десятилетие жителям Султаната пришлось выдержать несколько испытаний.

Особенно тяжелым выдался 881/1476-1477 г. Продолжительная засуха привела к нехватке воды в Каире. Летом за один кувшин давали пять динаров, но даже за такую цену раздобыть воду было трудно. В Цитадели вспыхнул пожар. Серьезно пострадало несколько построек, и на ремонт пришлось потратить значительную сумму из казны. В восточных областях Султаната началось распространение чумы, а зимой 1476-1477 г. первые случаи заболевания были зафиксированы уже в Каире. В феврале чума проникла в столичную Цитадель, количество умерших мамлюков достигло четырехсот человек. В марте уже около восьмидесяти мамлюков умирало ежедневно. Подсчет потерь, произведенный в первых числах апреля, показал, что чума унесла жизни около двух тысяч мамлюков из числа *джулбан* и *караниса*, двадцати пяти евнухов, а также такого количества слуг, что султан чуть ли не сам носил подносы с едой с кухни. Погибли многие эмиры. В некоторых городах Египта и Сирии, где первая волна чумы уже прошла, началось повторное распространение заболевания, но к маю 1477 г. эпидемия пошла на спад [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 81; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 155, 161, 167, 168, 169, 171, 174, 176, 177-178].

Несмотря на то, что Каитбаю удалось отстоять территории Султаната в военных конфликтах 1469-1473 гг., вторжение Шаха Сувара нанесло тяжелый урон авторитету мамлюков. Они трижды терпели позорное поражение в

[1] Подробнее о военных действиях мамлюков против Дулкадира и Ак Коюнлу см. в следующем параграфе.

сражении с правителем Дулкадира и в течение нескольких лет не могли добиться покорности своих вассалов. Фактически, в этих кампаниях проявились признаки утраты мамлюками способности применять силу, что согласно теории элит В.Парето чревато политическим поражением. Право мамлюкских султанов на сюзеренитет перестало быть неоспоримым и уже вызывало сомнение не только у правителей бейликов Малой Азии, в большей или меньшей степени признававших свою зависимость от Каира, но и в самом Султанате, прежде всего у шейхов бедуинских племен. С окончанием военных действий на сирийских границах мятежи бедуинов не прекратились. Население Дельты не раз подвергалось грабежам со стороны кочевников, в 1475 г. восстание бедуинов охватило аш-Шаркийю и Гизу. Бедуины Верхнего Египта саботировали поставку зерна в столицу, и Каитбаю приходилось неоднократно отправлять в ас-Саʻид карательные экспедиции. Весной 1476 г. возглавить такую экспедицию было поручено *атабеку* Азбеку [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 115, 212; Семенова, 1966, с. 149; Фильштинский, 2008, с. 291]. В начале 1478 г. *главный давадар* Йашбек самым жестоким образом расправился с мятежниками из племени Хавара, зачинщики смуты были доставлены в Каир и казнены. Весной 1479 г. войсковые части Сирии были вынуждены выступить за защиту Алеппо, вокруг которого подняли мятеж бедуины [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 226]. В следующем, 1480 г. на подавление мятежей бедуинов в Сирии Каитбай был уже вынужден отправить отряды из Каира [Ибн ал-Ḫимṣī, 2000, с. 157]. Все эти меры давали, очевидно, только временные результаты. Во всяком случае походы *главного давадара* в Верхний Египет[1] стали практически регулярными, продолжали поступать сообщения о мятежах в Сирии и нападениях на паломников [Ибн Ṭауḳ, 2000-2007, т. 1, с. 144; ас-Саḫāвī, 1995, т. 3, с. 391, 993; Fabri, 1892-1893, vol. 2. p. 63-65].

[1] Ситуация в Верхнем Египте усугублялась последствиями повторявшихся вспышек чумы: сокращение численности населения земледельческих районов приводило к упадку ирригационной системы и одновременно – к укреплению положения бедуинов, которые меньше страдали во время эпидемий (некоторые исследователи отмечают рост численности племен Верхнего Египта в мамлюкский период) [ʻĀшӯр, 1992, с. 58-63; Borsch, 2000, p. 137-138; Garcin, 1976, p. 468-507; Petry, 1994, p. 108-113] .

Беспорядки, чинимые бедуинами, наносили серьезный ущерб и сельскому хозяйству, и торговле, и, что не менее важно, оказывали негативное влияние на отношение населения к мамлюкам, которые утрачивали в глазах жителей Султаната ореол непобедимых воинов и защитников – мамлюки с трудом обеспечивали безопасность внутренних территорий.

До начала войны с османами Каитбай предпринял несколько попыток упорядочить монетарную систему Султаната. Дело в том, что на протяжении всей первой половины XV в. вес серебряного дирхама, имевшего хождение в государстве мамлюков, уменьшался. При Барсбае 20 серебряных дирхамов составляли стоимость золотого динара, а при Джакмаке – уже 24. Ревизия 1457 г. показала, что содержание серебра в египетских дирхамах составляет 96%, а в сирийских – только 50%. В следующем году монеты с недостаточным содержанием серебра были изъяты из обращения. Стоимость медного фалса стала составлять 1/8 часть серебряного дирхама [Reinfandt, 2003, s. 15]. Медь доставляли в Египет из Центральной Европы через Венецию и другие средиземноморские портовые города, причем к концу XV в. ввоз этого металла вырос в несколько раз. Это объяснялось увеличением добычи меди на европейских шахтах после 1450 г. в результате внедрения новых технологий. На рынках появлялось избыточное количество медных денег, что привело к увеличению стоимости золотых динаров. Фалсы постепенно приобретали статус основной валюты Султаната: цена всего, что покупалось и продавалось на рынках, определялась в фалсах, а не дирхамах и динарах [Shoshan, 1983, p. 61-62].

Фалсы, как и другие монеты в Султанате мамлюков, не имели постоянного, фиксированного веса, что затрудняло торговлю и создавало благоприятную почву для финансовых махинаций и деятельности фальшивомонетчиков. В 1476 г. был издан указ о запрете оборота монет, не имеющих чеканного знака султана. Дело было в том, что вес фалсов старой чеканки был меньше веса новых фалсов. В результате на товары назначали сразу две цены – в старых и новых фалсах, что негативно сказывалось на

состоянии рынка. Такая же ситуация наблюдалась и в отношении дирхамов и динаров. По-видимому, добиться выполнения указа, о котором упоминалось выше, сразу не удалось. В результате Каитбай принял еще одно решение: все монеты должны приниматься в расчет по весу, а не по номинальной стоимости [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 155, 164, 166, 228]. Через три года Каитбай повторил попытку унифицировать стоимость монет и упорядочить торговлю. В 1479 г. он приказал начать чеканку новых денег. Но полной замены, очевидно, не произошло, как и не было введено в оборот сколько-нибудь существенное количество новых монет, поскольку упоминаний о значительных изменениях в системе расчетов в источниках нет. Отсутствие единого стандарта для всех монет, имевших хождение в Египте и Сирии, оказывало негативное влияние состояние финансово-экономической системы Султаната, а избыточное количество меди приводило к инфляции, которая была тесно связана с ситуацией на европейском рынке ценных металлов.

Несмотря на то, что шаги, предпринятые Каитбаем для реструктуризации финансовых ведомств, упорядочения денежной системы и преодоления экономического кризиса, вызванного затяжными военными действиями, не всегда достигали цели, относительной стабилизации удалось достичь и в социальной, и в экономической сфере. Не вызывает сомнений и то, что централизация управления финансами позволила значительно пополнить казну султана. Деньги, которые были собраны благодаря новой системе администрирования налогов и решительным действиям верных соратников, прежде всего Йашбека,[1] Каитбай щедро тратил на строительство. В этот период Каитбай основал в Каире несколько благотворительных учреждений. В 1477 г., в самый разгар эпидемии чумы, Каитбай выехал в город, чтобы лично проинспектировать состояние мечети ал-Азхар, после чего

[1] Сбор налогов находился под личным контролем Йашбека, который, в случае необходимости, сам выезжал в провинции, чтобы добиться полного сбора положенной суммы. В 1479 г. Йашбек как главный сборщик средств в казну султана лично ездил в Дамьетту. После гибели Йашбека в 1480 г. пополнением казны занялся *давадар* Акбирди. Этот энергичный и честолюбивый эмир действовал не менее решительно, чем его предшественник и не забывал преподносить богатые подарки султану [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 228, 358].

выделил десять тысяч динаров на ее ремонт. В 1480 г. султан совершил *хаджж* и потратил на раздачу милостыни пять тысяч динаров. В 1480-1481 г. на ремонт мечети Омеййадов в Дамаске, пострадавшей от пожара[1], из казны султана было потрачено около пятнадцати тысяч динаров [Behrens-Abouseif, 1999, p. 130]. В 1480 г. были закончены работы по ремонту плотин в Гизе. На эти работы было потрачено около ста тысяч динаров [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 165]. Велось строительство дорог и постоялых дворов, ремонт каналов [аш-Шиштāвӣ, 1999, с. 14; Eger, 2014, p. 70-71]. В 1483 г. Каитбай приобрел собственность в общей сложности на двести тысяч динаров и передал ее в *вакф* в пользу Медины. Тогда же в Медине были отменены все дополнительные налоги [Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 31; Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 165; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 178, 244, 343, 423; ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 2, с. 862-863; Behrens-Abouseif, 2014, p. 358; Petry, 1994, p. 16-17].

Ремонт, восстановление и строительство благотворительных и религиозных объектов должны были укрепить авторитет Каитбая и в самом Султанате, и за его пределами, что было особенно важно в свете напряженных отношений с османами, которые настойчиво оспаривали право мамлюков на статус главных защитников мусульманского мира и, что еще важнее – тех, кто укрепляет ислам своими славными победами. Помимо этого, многочисленные религиозные благотворительные и образовательные учреждения, которые были основаны и обеспечены *вакфами* султана и его эмиров, формировали фундамент социального благополучия и стабильности.[2]

Еще одна задача, которую решал Каитбай в этот период, – укрепление обороноспособности государства. Султан вкладывал средства и в поддержку армии,[3] и в строительство фортов и крепостей. Особого внимания требовала защита населенных пунктов, расположенных вдоль побережья Средиземного

[1] Мечеть сильно пострадала от пожала в 1479 г. Ее ремонт начался в том же году на деньги, которые собирали сами жители Дамаска [Walker, 2004, p. 38].
[2] Подробнее об этом см. Гл. 6.
[3] Каитбай не скупился на выдачу денег войску и обеспечение султанских мамлюков. В одном только 1483 г. Каитбай выплатил мамлюкам, отправлявшимся на защиту сирийских границ, более семидесяти тысяч динаров [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 353, 363, 423].

моря. Дело в том, что в период правления Каитбая продолжались нападения *франков* на торговые суда мусульман и атаки на прибрежные города и селения [Амӣн, 1975, с. 345]. В 880/1475-1476 г. были захвачены в плен египетские купцы, которых смогли освободить после уплаты выкупа только в 1477 г. [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 2, с. 863]. В 1476 г. из-за не прекращавшихся вторжений *франков* Каитбай направил на охрану побережья отдельный отряд. В Александрии удалось схватить целую команду морских разбойников. Их доставили в Каир, Каитбай предоставил им возможность выбора – принять ислам или лишиться жизни. Около тридцати человек были казнены, остальные, решившиеся на отречение от веры, отпущены. Наконец, в 1477 г. было принято решение о сооружении цитадели в Александрии. На ее возведение было потрачено более ста тысяч динаров. Помимо этого, в цитадели был размещен специальный гарнизон, а также оружие и боеприпасы. Значительные средства были выделены на строительство других укреплений вдоль береговой линии. Сторожевая башня была возведена в Рашиде. В Дамьетте была выстроена и обеспечена *вакфом* Каитбая новая оружейная палата. В 1478 г. *главный давадар* Йашбек восстановил заградительную цепь, которая должна была препятствовать доступу в дамьеттскую гавань больших европейских судов [ʻАбд ал-ʻАзиз, 1976, с. 111; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 158, 171, 225, 234; Ayalon, 1967, p. 9-10].

Социально-экономическое положение Султаната мамлюков в последнее десятилетие правления ал-Ашрафа Каитбая испытывало негативное влияние целого комплекса факторов, наиболее существенными из которых были последствия длительных и не всегда успешных военных действий. В 1485 г. после начала войны с османами в Каире стали повышаться цены. Сначала подорожали лошади, мулы и ослы, которых практически не осталось на рынке. К концу года подскочили цены на хлеб, Каитбай приказал всем эмирам и чиновникам, имеющим запасы зерна, продать как минимум по пятьсот *ирдаббов*, чтобы на прилавках снова появился хлеб. Рост цен стал заметен и в других городах Султаната, а также в Мекке, куда значительная часть

продовольствия поставлялась из Египта [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 431-432, 434, 435. т. 8, с. 151-157].

В 1487 г. в Каире начались перебои с водой, поскольку мамлюки забирали у водовозов верблюдов. С прилавков снова стал исчезать хлеб. На этот раз дефицитом воспользовались европейские торговцы: они с выгодой продали в Каире большую партию пшеницы. Одной из причин дороговизны в Каире была чеканка новых монет – серебряных дирхамов, начатая в очередной раз с благой целью введения единой, имеющей установленную ценность валюты. Однако, это привело к тому, что скопившиеся у торговцев старые дирхамы – серебряные, но с примесью меди, потеряли свою стоимость. Торговцы терпели убытки и пытались их компенсировать за счет повышения цен [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 992, 999-1002; Har-El, 1995, p. 146].

Средства, вложенные Каитбаем в обеспечение армии в предвоенные годы, обеспечили поддержание численного состава и военной подготовки мамлюков, но для отправки каждого нового отряда на борьбу с османами требовались походные выплаты.[1] Огромные траты на строительство, благотворительность и содержание армии опустошили казну. Каитбай искал любые средства для ее пополнения. Одним из таких средств стали настойчивые попытки оживления международной торговли. В 1489 г. был заключен договор, регулирующий деятельность флорентийских коммерсантов в Султанате мамлюков, что должно было упорядочить поступление доходов от торговли [Amari, 1863, p. 181; Rizzo, 2019, p. 784]. Договоры Каитбая с Флоренцией и другими европейским государствами были направлены на создание благоприятных условий для экспорта товаров из Египта и Сирии, в том числе изделий местного производства,[2] что должно было стимулировать деятельность ремесленных корпораций [Behrens-Abouseif, 2022, p. 864].

---

[1] Согласно сообщению ‘Абд ал-Басита ал-Малати, со времени вступления на престол до 1489 г. Каитбай потратил на «походные» выплаты (*nafaqa*) эмирам и мамлюкам семь миллионов шестьдесят пять тысяч динаров [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с. 149].

[2] Об изделиях из металла, которые изготавливались на экспорт в мастерских Султаната мамлюков, см. [Притула, 2007].

Та протяжении всего XV в. сокращались налоговые поступления с *икта‘*. Попытки ускользнуть от уплаты налогов повторялись все чаще и чаще, кроме того, в целом ряде случаев владельцы *икта‘* получали налоговый иммунитет [Семенова, Основные направления…, 1958, с. 88]. В период с 1485 по 1494 г. Каитбай был вынужден неоднократно вводить дополнительные налоги. Только в Египте в 1488 г. на отправку армии для борьбы с османами с населения было собрано (в качестве чрезвычайных налогов и добровольных пожертвований) около миллиона динаров [Har-El, 1995, p. 168]. В 1489 г. и 1491 г. в казну султана была собрана чрезвычайная подать со всех собственников земель, в том числе и с эмиров, а также с вакуфного имущества в Фустате и Каире. Летом 1487 г., перед началом очередной военной кампании, Каитбай был вынужден обратиться к каирским купцам за финансовой помощью. В результате трудных переговоров ему удалось получить более десяти тысяч динаров. В 1489 г. для выплаты наградных своим мамлюкам Каитбай принудил получателей жалованья, не участвовавших в военных действиях, внести в казну определенные суммы: те, кто получал более трех тысяч дирхамов, должны были выплатить шестьдесят динаров, если жалованье составляло две тысячи дирхамов – сорок динаров, если одну – двадцать. Если же кто-то отказывался вносить обозначенную сумму, его лишали жалованья на шесть месяцев. Из этих денег *джулбан* получили по сорок динаров, *караниса* – по двадцать пять или тридцать (по разным источникам). При этом *джулбан* была обещана выплата еще по десять динаров каждому так, чтобы сумма составила пятьдесят динаров. Эти десять динаров были, действительно, выплачены позже, но только после настойчивых требований *джулбан*. Весной 1489 г. сверх этой суммы мамлюкам, назначенным в поход, помимо жалования и денег на покупку и содержание верховых животных, было выплачено еще сто пятьдесят тысяч динаров [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с. 141, 144, 147-148, 151, 156]. В 1490 г. в Дамаске был собран чрезвычайный налог в связи со снаряжением новых отрядов [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 222].

Практика чрезвычайных поборов стала приобретать регулярный характер и сохранилась после заключения мира с османами.[1] В 1491 г. ситуация стала настолько критической, что пришлось собрать *кади*, *улемов* и армейских командиров, чтобы принять совместное решение о сборе налога с вакуфного имущества и частных владений [Har-El, 1995, p. 151, 208]. В то же году дополнительные налоги были собраны с купцов в Дамаске, Каире, Александрии и Дамьетте. Для пополнения опустевшей за годы войны казны мамлюки использовали любой повод. Так, в 1493 г. из-за конфликта жителей одной из сирийских деревень с мамлюком дамасского *хаджиба* на крестьян был наложен крупный штраф [Ибн Ṭауḳ, 2000-2007, т. 3, с. 1228]. В 1494 г. гвардеец Каитбая, доставил в Каир, если верить сообщению Ибн Таука, миллион (или даже миллион четыреста тысяч) динаров, которые были собраны в Алеппо и прилегающих к нему областях, Сафаде и Дамаске. Даже если цифры не точны, вероятно, сумма была действительно значительной. Дважды за период правления Каитбая проводилась конфискация имущества, принадлежащего *ахл аз-зимма*. Кроме того, проводились проверки управления *вакуфным* имуществом, которые нередко приводили либо к штрафам, либо к «добровольной» выплате неких сумм проверяющему [Ибн Ṭауḳ, 2000-2007, т. 3, с. 1294; Igarashi, 2009, p. 39, 45-46].

Все тяготы военного положения первыми почувствовали на себе жители Алеппо и северных областей Сирии. Снаряжение и «подъемные» для мамлюков и эмиров обеспечивал султан из централизованно собранных средств, но снабжение продовольствием, постой и т.д. ложились, порой непосильным бременем, на население сирийских провинций. Степень отчаяния, до которого были доведены жители Алеппо бесконечными поборами, показывает вопиющий случай: в 1480 г. в городе заживо был

[1] Средства нужны были не только для восстановления численного состава и укрепления армии. Одним из постоянных расходов египетской казны были регулярные ремонтные работы, которые требовалось проводить для поддержания исправной работы ирригационных сооружений. Так, после окончания войны с османами, в 1491 г. по поручению Каитбая был проведен ремонт плотин в районе Гизы. Работы включали в себя строительство набережной и павильона с садом для отдыха султана [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 271].

сожжен *уполномоченный* султана (специальный агент, занимавшийся сбором средств в казну из различных источников) [Ибн ал-Ḫимṣī, 2000, с. 162]. В 1481 г. в Алеппо снова вспыхнули беспорядки. Горожане вышли на улицы, напали на *коменданта* крепости и одного из судей – оба были убиты [Семенова, 1966, с. 170].

Волнения вспыхивали во всех северных областях Сирии, отчасти это были отголоски одного из самых крупных за весь бурджитский период крестьянских восстаний, которое началось еще в 1453 г. под лозунгами, сходными в общих чертах с идеологией исмаилитов, под предводительством Ша‘ша‘, объявившего себя *махди*, и в 1456 г. перекинулось на территорию Ирака. В 1457 г. с помощью эмиров Ак Коюнлу и Кара Коюнлу восставших удалось оттеснить к Басре, но отдельные очаги движения Ша‘ша‘ сохранялись вплоть до начала XVI в.[1] В 1491 г. *главный дворецкий* Дамаска, следовавший в Каир с крупной суммой денег, подвергся нападению и был ограблен [ал-Буṣравī, 1988, с. 149]. Ситуацию осложняли мятежи бедуинов [Ибн Ṭулӯн, 1998, с. 62]. В 1491 г. несколько мамлюков было убито во время нападения бедуинов в Акабе [ас-Саḫāвī, 1995, т. 3, с. 1221-1222]. В 1493 г. волнения докатились до Дамаска. Подвергся нападению *наместник* султана: разъяренная толпа забросала его камнями. [Духмāн, 1986, с. 19; Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 289; Ибн Таġрī Бирдī, 1990, с. 459, 567-568; ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 24; Семенова, 2009, с. 523; Wollina, 2012, p. 6]. В 1495 г. жители Хамы окружили резиденцию *наместника* султана и убили несколько мамлюков. Об этом инциденте было доложено в Каир. Каитбай приказал отправить в Хаму гарнизоны Алеппо, Триполи и Химса. Расправа с мятежниками сопровождалась грабежами и убийствами, многие дома были сожжены [Ибн ал-Ḫимṣī, 2000, с. 275].

После начала военных действий между османами и мамлюками в 1485 г. стали нарастать беспорядки в Египте. Нападению бандитов подверглись

[1] Подробнее о крестьянских восстаниях и движении Ша‘ша‘ см. [Семенова, Крестьянство…, 1958].

паломники, торжественный день открытия нильской плотины был омрачен многочисленными случаями хулиганства. Каитбай принимал решительные меры для охраны своих подданных. Бандиты были пойманы и отправлены в тюрьму, а осенью по улицам Каира пронесли отрубленные головы шейхов племени Фазара, виновного в грабежах и порче сельскохозяйственных угодий. В связи с очередными разбойными нападениями бедуинов на монастырь Св. Екатерины на Синае в 1486, 1487, 1488, 1490, 1492 гг. были изданы указы о мерах по защите монахов и их собственности [Ernst, 1960, s. 184-188, 190-192, 198-200, 202-204]. В 1486 г. подняли восстание феллахи. В 1487 г. был жестоко подавлен еще один мятеж бедуинов в Верхнем Египте [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 423, 430, 431, 435-436, т. 8, с. 138; ас-Саййид, 1998, с. 186-187]. В 1489 г., когда стало известно, что будет собран налог с городской собственности за два месяца вперед, бедняки вышли на улицы и преследовали судью, который посоветовал султану принять такое решение [Семенова, 1966, с. 170].

В 1490 г. на истощенное военными поборами население Султаната обрушилось новое бедствие: началась эпидемия чумы. В Каире умирало до двадцати тысяч человек ежедневно, в Дамаске – около трех тысяч, в Алеппо – полторы [Lutfi, 1983, p. 326]. В 1492 г. эпидемия вспыхнула с новой силой. Ас-Сахави сообщает, что только султанских мамлюков умерло от трех тысяч семисот до четырех тысяч. Такого размаха эпидемия не достигала в Египте с середины XIV в. [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 1237-1239; Petry, 1994, p. 19].[1] Стихийные бедствия усугубляли картину разорения. Даже незначительные, на первый взгляд, природные катаклизмы наносили тяжелый, а иногда и

[1] Согласно сведениям хронистов, в Каире от чумы умирало до двадцати тысяч человек ежедневно, в Дамаске – около трех тысяч, в Алеппо – полторы [Зеленев, 2007, с. 151; ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 1237-1239; ал-ʿУлаймӣ, 1968, т. 2, с. 360-363; Lutfi, 1983, p. 326; Petry, 1994, p. 19;]. Упоминания о количестве умерших, нередко встречающиеся в исторических сочинениях мамлюкского периода, едва ли можно признать достоверными. Скорее, они могут свидетельствовать о размахе эпидемии [Dols, 1977, p. 301]. А вот сообщения о потерях среди мамлюков султана, вероятно, отличаются большей точностью хотя бы потому, что каждый из воинов был занесен в специальный реестр, получал довольствие и т.п. Во время эпидемий уровень смертности среди мамлюков был гораздо выше, чем среди местного населения [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 309; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 273; Neustadt, 1946, p. 68-69].

непоправимый урон ослабленному за военные и чумные годы хозяйству.[1] В следующем году в Каир снова пришла чума. На этот раз эпидемия была слабее, но и она унесла немало жизней [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 287; Ḳāсим, 1998, с. 350].

Длительное правление ал-Ашрафа Каитбая нередко называют наиболее стабильным в политическом и благополучным в социально-экономическом отношении периодом в истории Султаната Бурджи. Реформы Каитбая, направленные на централизацию управления финансами и восстановление регулярного обеспечения армии, создание прочного блока эмиров, поддерживавших султана, а также гибкая политика в отношениях с армейскими командирами и местной элитой позволили отстоять целостность подвластных территорий, дать отпор внешним врагам и избежать серьезных политических смут. Вместе с тем, за фасадом военных побед, созидания и строительства величественных памятников скрывались тревожные признаки приближения тяжелого кризиса в политической, идеологической, финансово-экономической и социальной сферах. Сокращение численного состава армии, истощение казны, разорение целых областей и рост социальной напряженности были обусловлены, наряду с другими неблагоприятными факторами, затяжными войнами, которые мамлюки были вынуждены вести для защиты границ своего государства.

§ 2. Отношения с бейликами юго-восточной Анатолии. Первая османо-мамлюкская война (1485-1491).

Во второй половине XV в. особую значимость для защиты обширных владений мамлюков приобрели эмираты в Анатолии, составившие приграничную или «буферную зону» между растущей Османской империей и мамлюкской Сирией. Обе державы боролись за влияние в этой важной в

[1] Так, поздней осенью 1492 г. в Дамьетте выпал крупный град, от которого пострадал домашний скот (в основном, молодняк) и домашняя птица, что обернулось настоящим бедствием для жителей провинции [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 287].

стратегическом отношении области.[1] Затяжной военный конфликт с Дулкадиром, одним из эмиратов, расположенных между владениями османов и мамлюков, и обширным государством Ак Коюнлу, которое вступило в соперничество за гегемонию в регионе, стал доминирующим фактором, определявшим политическое и социально-экономическое развитие Султаната в первые пять лет правления Каитбая. Предпосылки этого конфликта складывались в предшествующий период, когда, захватив Константинополь, османы стали настойчиво продвигаться к сирийским владениям мамлюков, один за другим подчиняя фронтирные бейлики и разрушая тем самым «буферную зону», которая позволяла сохранить баланс сил в юго-восточной Анатолии. До середины XV в. самым крупным независимым бейликом Малой Азии, разделявшим территории, которыми владели мамлюки и османы был Караман.[2]

Уже на начальном этапе своей истории, в XIII – начале XIV в., Караман, приобрел характерные черты приграничного государственного образования, став самым серьезным в Малой Азии препятствием для продвижения монголов на запад. Специфика геополитического положения эмирата диктовала его правителям необходимость чутко реагировать на изменение военной и политической ситуации в регионе и опираться на поддержку могущественных соседей, в первую очередь Султаната мамлюков.

К концу XIV в. караманиды образовали одно из самых сильных княжеств Центральной Анатолии и стали серьезным противником османов [Орешкова,

---

[1] Одним из факторов, определявшим значимость контроля над юго-восточными районами Малой Азии, было наличие в этом регионе древесины и металлической руды – ресурсов особенно ценных для державы, которая ведет активные военные действия на суше и на море [Fuess, 2021, p. 64].

[2] Родоначальником династии Караманидов (1256–1483) считается предводитель большого племенного ополчения туркмен по имени Караман (ум. в 1261 или 1262 г.). По некоторым сведениям, его возвышению способствовал авторитет его отца, Нури Суфи, суфия из Азербайджана. Караман во главе туркменов, кочевавших в предгорьях Тавра, нападал на правителей Коньи – Сельджукидов Рума, и совершал набеги на земли Киликийской Армении [Еремеев, Мейер, 1992, с. 88, 91; Мустафаев, 2017, с. 58]. Существует другая, вероятнее всего, легендарная версия происхождения династии Караманидов, согласно которой ее родоначальником был угольщик Камр ад-Дин, торговавший своим товаром в Ларенде. Дела его шли так успешно, что он стал влиятельным человеком и оставил своим детям большое состояние [ал-Муҳаймӣд, 2012, с. 264]. Эта легенда примечательна тем, что напоминает об одной из важнейших характеристик территории Анатолии, на которой располагался Караман, – наличии полезных ископаемых, доступ к которым в конечном счете стал одной из причин военного превосходства османов над мамлюками.

1979, с. 188]. Наличие такого противовеса растущей силе молодого османского государства было выгодно Султанату мамлюков. Вместе с тем, чрезмерное усиление Карамана могло представлять угрозу и для самих мамлюков. Во-первых, воинственные караманиды, «забывая» о своем вассалитете и союзнических обязательствах, стали нападать на северные владения мамлюков [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 1, ч. 2, с. 338]. Во-вторых, крупномасштабные военные действия между османами и караманидами могли привести к нарушению бесперебойной торговли в Конье и других крупных городах Малой Азии, через которые шли поставки рабов для мамлюкской армии. Важнейшей целью мамлюкской политики в Малой Азии становится сохранение баланса между османским и караманидским бейликами, примирение этих двух враждующих соперников [Илюшина, Караман…, 2019].[1]

В первой половине XV в. Караман остался единственным бейликом в Малой Азии, который не был включен в состав Османского государства. Эмиры Карамана пытались с выгодой для себя использовать поддержку османов и мамлюков, заключали соглашения с теми и другими, но с заметным

[1] Постепенное расширение владений османов в Анатолии вызвало ответные военные действия со стороны караманидов. Османский султан Мурад I (1360–1389), в свою очередь, объявил, что уничтожение караманидов является религиозной обязанностью каждого благочестивого мусульманина, поскольку они, караманиды, выступая против османов, препятствуют победе последних в «священной войне» и помогают тем самым врагам ислама. Военная операция, которую иногда называют первой османо-караманидской войной была, проведена в 1386/1387 г., заставила караманидов отступить, но лишь на короткое время. После гибели Мурада в 1389 г., ‘Ала ад-Дин снова занял территории, отошедшие османам по конийскому договору 1387 г. Он заключил союз с правителем Сиваса Кади Бурхан ад-Дином Ахмадом (ум. в 1398 г.) и призывал эмиров западной Анатолии выступить против взошедшего на османский престол Баязида I [Жуков, 1988, с. 56; Har-El, 1995, p. 62]. Летом и осенью 1390 г. Баязид I одержал победу над бейликами, поддержавшими наступление караманидов. К зиме 1390/1391 г. он вторгся на территорию Карамана и оккупировал Конью, а затем продвинулся еще дальше на восток, захватив Кайсери [ал-Маḳрīзī, т. 5, с. 311, Муḥаммад, 2007, с. 342]. В конце концов, используя нерешительность, взаимную подозрительность и противоречия среди анатолийский беев, вступивших в коалицию для борьбы с османами, Баязид I подчинил эмираты Западной Анатолии [Еремеев, Мейер, 1992, с. 100–101]. В 1391 г. ‘Ала ад-Дин ‘Али попросил о мире. Между государством османов и владениями караманидов была установлена новая граница [Орешкова, 2018, с. 43-44; Shaw, 1976, p. 29–30]. Баркук, тем временем, вел переписку и с Баязидом I, и с ‘Ала ад-Дином. В конце января 1392 г. Баркук отправил Баязиду подписанную халифом инвеституру. Принимая делегацию и новый титул, Баязид назвал себя рабом египетского султана и с почтением подтвердил, что во всем будет подчиняться его воле. После этого по просьбе Баркука он остановил подготовку к войне с мятежными ‘Ала ад-Дином и Кади Бурхан ад-Дином, [ал-Маḳрīзī, 1997, т. 5, с. 321; Фильштинский, 2008. с. 293; Diem, 2002, s. 50; Har-El, 1995, p. 66–67]. Однако, мир между караманидами и османами, на заключении которого так настаивал Баркук, оказался непрочным. Только вмешательство Тимура изменило опасную для мамлюков расстановку сил в Малой Азии. [ал-Муḥāмī, 1981, с. 139; Орешкова, 2018, с. 50; Петросян, 2019, с. 129; Shaw, 1976, p. 34–35].

постоянством эти соглашения нарушали, обращая оружие против недавних союзников. Вероломство Караманидов вынуждало мамлюков использовать военную силу, но к полному подчинению Карамана они, очевидно, не стремились: для Султаната было важно сохранить воинственных караманидов на границе со стремительно расширявшимися владениями о сманов [ал-Ḳарамāнӣ, 1992, т. 2, с. 512, т. 3, с. 22; Петросян, 1990, с. 30, 36; Muslu, 2014, p. 190–191; Shaw, 1976, p. 42]. Готовясь к походу на Константинополь, Мехмед II (1444-1446; 1451–1481) решил обезопасить свои малоазийские границы и вынудил караманидов заключить мирный договор. Позднее этот договор был скреплен браком Ибрахим-бея с дочерью Мехмеда II [Петросян, 1990, с. 40; ал-Муҳаймӣд, 2012, с. 300; Shaw, 1976, p. 51, 56]. Получив гарантии безопасности своих южных рубежей, Мехмед II смог сосредоточиться на более важной цели – византийской столице.

К началу второй половины XV в. относятся два разных по своему историческому масштабу события, которые положили начало серьезным переменам в отношениях между мамлюкским султанатом и его соседями в Малой Азии. Одно из этих событий было связано с событиями в Диярбакыре. В 1453 г. соперничество между наследниками основателя династии Ак Коюнлу, Кара-Юлука ‘Усмана завершилась победой Узуна Хасана (1453-1478), который расширил границы своих владений, подчинив Азербайджан, Аран, Армению и Ирак [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 18; Мустафаев, 1994, с. 11]. Теперь уже не Караманиды, а Ак Коюнлу стали главными соперниками османов в Малой Азии. Но если эмиры Карамана, несмотря на попытки проводить независимую политику, лавируя между османами и мамлюками, были склонны признавать сюзеренитет мамлюкского султана, Ак Коюнлу во главе с Узуном Хасаном были полностью самостоятельным эмиратом, более того, по оценкам некоторых исследователей, «державой международного значения» [Босворт, 1971, с. 224].

Еще более важным событием, сыгравшим поворотную роль в исторической судьбе Султаната мамлюков, стало взятие Константинополя

османами. Османский бейлик приобрел статус империи, а Мехмед II славу великого воина ислама. Престижу мамлюков был нанесен серьезный урон [Зеленев, 2007, с. 164]. Авторитет мамлюкских султанов, защитников мусульман и покровителей Священных городов – Мекки и Медины, которые получали инвеституру из рук Аббасидского халифа и претендовали на главенствующую роль в мусульманском мире, пошатнулся.

Между тем, победа османов над Византией не вызвала видимой тревоги при дворе мамлюкского султана. 27 октября 1453 г. в Каир прибыл посланник Мехмеда II с поздравлениями ал-Ашрафу Иналу в связи с вступлением на престол, а также с сообщением о том, что Божьей милостью, после осады и тяжелого сражения был взят главный город Византии. Кроме прочего, Иналу были доставлены два пленника из числа христианских служителей Собора Святой Софии. Инал благосклонно принял подарки Мехмеда II и сообщение о взятии Константинополя. В Каире торжественно праздновали победу мусульман. Город был украшен, а в честь османского посланника устроили большой пир. Мехмеду II вместе с одним из эмиров Инала было отправлено ответное письмо. Мамлюкскому посланнику устроили торжественную встречу в Стамбуле, он получил награды и подарки, после чего вернулся в Каир. 24 апреля 1456 г. мамлюкскому султану было доставлено еще одно письмо от Мехмеда II, в котором сообщалось – в стихах и в прозе – о военных успехах и завоеваниях османов в Сербии. Инал отправил ответ с поздравлениями [Даррāдж, 1959, с. 203; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 453, 494, 574-584; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 49, 50, 59, 72; ар-Рашӣдӣ, 1989, с. 161].

До тех пор, пока объектом экспансии Мехмеда II оставалась христианские европейские государства, мамлюки предпочитали поддерживать мирные отношения с османами, стремясь сохранить хотя бы видимость превосходства. Этот иллюзорный «сюзеренитет» мамлюков охотно поддерживали османы, не скупившиеся на подарки и изъявления наипочтительнейшей покорности в дипломатических посланиях. Такая

политика приносила османскому султану вполне ощутимые дивиденды, как это произошло, например, в 1455 г., когда эмир Карамана Ибрахим-бей, опасавшийся вторжения османов на подвластные ему территории, обратился за поддержкой к султану Иналу. Ибрахим-бей пожаловался на то, что Мехмед II предоставил защиту греческой православной Церкви. Инал оставил без внимания жалобы Ибрахим-бея и отказал ему в военной поддержке. Тогда оскорбленный правитель Карамана решил продемонстрировать силу и доказать, что с ним стоит считаться не меньше, чем с османским султаном. В 1456 г. он оккупировал города Адану, Тарсус и Гюлек, которые находились под сюзеренитетом мамлюков [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 516, 590; Har-El, 1995, p. 77-78]. Таким образом, мамлюкский султан, выступивший в этом вопросе на стороне османов, фактически, обратил оружие Карамана против мамлюкских владений, что было на руку Мехмеду II, заинтересованному в том, чтобы ослабить своих соперников – караманидов и мамлюков.

В ответ на нападения караманидов в 1457 г. из Каира была отправлена карательная экспедиция. Мамлюкская армия вторглась на территорию Карамана, была захвачена и разрушена крепость Давалю, назначенный Ибрахим-беем *наместник* в Тарсусе был казнен (его отрубленную голову отправили в Каир и вывесили там на воротах аз-Зувайла), несколько столкновений с рассеянными частями войска караманидов закончились победой мамлюков, были разрушены еще три крепости, большая часть населенных пунктов разграблена. Тем не менее, мамлюки воздержались от нападения на такие крупные города как Конья и Кейсери, поскольку были не готовы к длительному походу, а местные ресурсы были исчерпаны. После того как мамлюкская армия вернулась в Египет, Ибрахим из своей столицы Коньи направил в Каир посольство с подарками, извинениями и заверениями в полной покорности. Между караманидами и мамлюками был заключен еще один непрочный мир [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 86, 95; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 11, 16, 19-21].

К укреплению союза с османами мамлюков подталкивала и угроза нового крестового похода, который пыталась организовать католическая Церковь против завоевателя Константинополя – «антихриста» Мехмеда II. Папская эскадра, отправленная в 1456 г. к берегам Леванта, представляла потенциальную опасность и для мамлюкских кораблей и портов [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 589; Har-El, 1995, p. 78].

В связи с активизацией действий европейцев в Восточном Средиземноморье сохранение Кипра в орбите влияния мамлюкской державы приобретало еще большую актуальность для султана Инала. В 1458 г. на Кипре разразился династийный кризис. За трон боролись дети Жана II (1432-1458): его дочь Шарлотта (1458-1460) и незаконнорожденный сын Жак Бастард (1464-1473). Жак сам прибыл в Каир, чтобы просить помощи мамлюкского султана. Инал принял решение поддержать его [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 107-108]. В привычном для мамлюков исламском подходе к вопросам наследования у сына наложницы было не меньше, а больше прав на престол, чем у дочери законной жены правителя. Свою роль, вероятно, сыграл и личный визит обладавшего дипломатическими талантами и немалой энергией Жака Бастарда.[1] Для выбора Инала были и более серьезные причины. Дело в том, что что этого претендента поддерживала Венеция, а Шарлотту – Родос, прибежище морских разбойников, разгромить которое так и не удалось мамлюкам. У венецианцев и мамлюков, несмотря на непростое развитие торговых отношений, была общая первоочередная задача – борьба с пиратами в Восточном Средиземноморье [Близнюк, 2010, с. 46; Coureas, Commercial Relations…, 2013, p. 345]. Таким образом, поддержка «венецианского» претендента, возможно, воспринималась как целесообразный шаг в политике противостояния пиратам.

[1] Кипрские хроники предполагают возможность подкупа со стороны Жака, кроме того, имеются сведения о том, что между Жаком и Иналом было достигнуто соглашение об увеличении дани, которая ежегодно поступала в египетскую казну из Кипра [Близнюк, 2010, с. 46].

Инал отправил на Кипр небольшую флотилию, специально выстроенную для этого похода.[1] Мамлюки сумели одержать несколько побед, захватить более сотни пленных, но затем понесли тяжелые потери: из-за шторма не все корабли смогли вернуться к родным берегам [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 109, 129; Reinfandt, 2003, s. 14]. Тем не менее, к 1464 г. Жак сумел завоевать весь остров. С этого времени начинается постепенный, но неуклонный переход Кипра под контроль Венеции [Близнюк, 2016, с. 225-226].

В период правления Инала вместо нескольких соперничающих эмиратов, правители которых в большей или меньшей степени действовали с оглядкой на Каир, на северных рубежах мамлюкских владений сформировались две крупные абсолютно независимые державы, стремившиеся к активному расширению своих территорий – Османская империя и государство Ак Коюнлу. Политика патронажа по отношению к эмирам Малой Азии и короткие военные рейды для восстановления порядка на границах перестали быть достаточным и эффективным средством для обеспечения безопасности границ Султаната мамлюков. Изменение баланса сил в регионе требовало иных политических решений. Начинался новый исторический период, мамлюкам предстояло военное и идеологическое соперничество с молодыми и могущественными мусульманскими государствами.

Напряженность в отношениях между мамлюками и османами стала заметна, когда турецкие армии двинулись на восток, и символически проявилась в нарушении дипломатического этикета. Прибывший в 1464 г. ко двору султана аз-Захира Хушкадама османский посланник не стал целовать землю у ног мамлюкского правителя, как это было принято согласно обычаю.

[1] В состав войска вошли три *эмира сотни*, три *эмира сорока,* семь *эмиров десятка*, пятьсот мамлюков султана, а также добровольцы и корабельная обслуга. Подготовка экспедиции и особенно строительство кораблей легло тяжелым бременем на египтян. Недостаток средств в казне подталкивал мамлюков к тому, чтобы добывать древесину, деньги и рабочую силу путем грабежей и насилия, которые в течение последних лет правления Инала стали едва ли не нормой в повседневной жизни Каира из-за бесчинств *джулбан* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 125-126, 127; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 472].

Хушкадам был оскорблен и, в свою очередь, не стал отправлять Мехмеду II, ответное посольство [Har-El, 1995, p. 79; Muslu, 2013, p. 259-264].

Неблагоприятно для мамлюков складывалась ситуация в Карамане. В 1464 г. после смерти Ибрахим-бея династийные распри в этом эмирате переросли в настоящую гражданскую войну [Еремеев, Мейер, 1992, с. 130; Shaw, 1976, p. 64-65; Ӯзṭӯнā, 2005, с. 389]. Двое из многочисленных сыновей караманского бея были претендентами на престол: любимец Ибрахима Исхак (ум. в 1465 г.) и Пир Ахмет (ум. в 1474 г.), матерью которого была дочь Мехмеда II. Исхак обратился за помощью к Узуну Хасану, и, после того как войска Ак Коюнлу вступили в Караман, занял трон своего отца, а в пятничной хутбе были названы имена аз-Захира Хушкадама, Узуна Хасана и самого Исхака. Но Пир Ахмет не смирился с поражением, добился благосклонности своего деда, османского султана, и в 1465 г. одержал победу над Исхаком, [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 299–306; ал-Муҳаймӣд, 2012, с. 300–301; ал-Муҳāмӣ, 1981, с. 133; Sümer, 1997, p. 624; Woods, 1999, p. 93-95]. Таким образом, влияние османов в Карамане возросло, а позиции мамлюков были значительно ослаблены.

В отношениях с Ак Коюнлу также наметился поворот в сторону конфликта.[1] После того, как мятежный *наместник* Сирии бежал во владения Ак Коюнлу, Хушкадам, несмотря на все заверения Узуна Хасана в том, что никакого укрытия этому эмиру не будет предоставлено, выслал к границам Ак Коюнлу отряд мамлюков. Однако вскоре в Каир пришло известие о смерти мятежника, и отряд был отозван. Следующий инцидент был связан с захватом мамлюкской крепости Гергер, расположенной между Амидом и Малатьей. Крепость обеспечивала защиту северного торгового пути, связывавшего Алеппо с городами Малой Азии. Гергер был захвачен курдами, отдельные

[1] Мирные отношения с Ак Коюнлу продолжались около пятидесяти лет и были установлены еще при ан-Насире Фарадже, когда Кара Юлук (одержал победу в битве с одним из мамлюкских эмиров, выступивших против мамлюкского султана. Кара Юлук отправил голову убитого мятежника в Каир, за что получил благодарность Фараджа и был назначен наместником мамлюков в ар-Рухе [Wing, 2015, p. 3].

племена и конфедерации племен которых находились в полунезависимых отношениях с Ак Коюнлу. Оставив себе добычу, курды передали ключи от крепости Узуну Хасану. Тот, в свою очередь, немедленно отправил ключи в Каир. Хушкадам принял этот символический знак владения, однако его недоверие к правителю Ак Коюнлу только возросло. Оно укрепилось еще больше, когда выяснилось, что власть мамлюков над крепостью так и осталась символической: курды отказались передавать Гергер новому *наместнику*, прибывшему из Каира. Опасения Хушкадама были не напрасны. В январе 1465 г. Узун Хасан занял Гергер и предложил мамлюкскому султану право владения этой крепостью в обмен на десять тысяч динаров и город Харпут, в котором от имени мамлюков правил дулкадиритский эмир. Требования были оскорбительными, а кроме того, были чреваты конфликтом с Дулкадиром. И тем не менее, Хушкадам решил не ссориться с Узуном Хасаном, который мог стать самым сильным его союзником в противостоянии с османами. Хушкадам принял условия, выдвинутые правителем Ак Коюнлу, но оставил себе возможности для маневра: он заявил, что Узун Хасан может взять себе Харпут, если сможет. Одновременно в Харпут из Каира было отправлено подкрепление для отражения возможной атаки. Узун Хасан все-таки завладел Харпутом и блокировал подступы к Малатье и Эльбистану. Хушкадаму оставалось только смириться с этими потерями. Узун Хасан, в свою очередь, смиренно назвал себя *наместником* мамлюкского султана в Харпуте [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 255, 257; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 236; Woods, 1999, p. 92-95]. Очевидно, оба правителя стремились избежать открытого конфликта, при этом Ак Коюнлу активно расширяли свою территорию, а мамлюки оказывали им только весьма умеренное противодействие, рассчитывая на поддержку Ак Коюнлу в возможном противостоянии с османами.

Несмотря на отправку войска для поддержки Дулкадиритов, которые правили Харпутом от имени мамлюкского султана, кризиса в отношениях с Дулкадиром, расположенном у северной границы мамлюкской Сирии,

избежать не удалось. Вскоре после конфликта вокруг Гергера, во время визита в Каир на пятничной молитве в мечети был убит дкадиритский эмир (в 1465 г.). Ходили слухи, что убийство было совершено по тайному приказу Хушкадама, который немедленно утвердил на посту эмира Эльбистана брата погибшего – Шаха Будака (1465-1467; 1472-1479). Одновременно османский султан утвердил в качестве правителя Дулкадира другого претендента – Шаха Сувара (1467-1472). Вероятно, история с убийством эмира была отражением борьбы за власть в Дулкадире двух претендентов, одного из которых поддерживали мамлюки, а другого османы. Оба султана – и османский, и мамлюкский, собрали войска для помощи своим претендентам. Османы действовали более оперативно, и Шах Сувар одержал победу над своим соперником. Хушкадам отозвал мамлюкский экспедиционный корпус, однако, как показали дальнейшие события не смирился с поражением мамлюкского ставленника в Эльбистане. Летом 1466 г. он назначил Рустама, дядю Шаха Будака и Шаха Сувара эмиром Дулкадира и отдал распоряжение *наместнику* Алеппо оказать Рустаму необходимую военную поддержку [Духмāн, 1986, с. 27, 33-34; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, т. 308; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 235, 238, 243; ал-Халаби, 1985, с. 3-4; Mordtmann, Ménage, 1991, p. 239-240].

Спор о престолонаследии в Дулкадире приобрел угрожающие масштабы. Летом 1467 г. из Алеппо поступило донесение о том, что Шах Сувар, ставленник османов, готовится к вторжению на территорию мамлюкской Сирии. *Наместники* Триполи и Хамы получили срочный приказ оказать поддержку гарнизону Алеппо. В сентябре 1467 г. в сторону Алеппо выступил со своими мамлюками *наместник* Дамаска. Одновременно началось формирование войска в составе нескольких старших эмиров и тысячи султанских мамлюков в Каире. Отправке этого войска помешала болезнь султана [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 268, 270].

Шах Сувар успел захватить инициативу и разбил мамлюкские части, выступившие из Дамаска, командиры которых, вероятно, были более заняты известиями о болезни и смерти султана Хушкадама, чем предстоящим

сражением. Мамлюки понесли тяжелые потери, среди погибших были *наместники* Триполи и Хамы, *атабеки* Дамаска и Алеппо. Пограничные крепости оказались в руках Шаха Сувара, обширные области севернее Алеппо подверглись разграблению, а *наместник* Сирии попал в плен. Аз-Захир Йалбай приказал готовить новое войско для борьбы с Шах Суваром. В поход, помимо эмиров, должны были отправиться шестьсот султанских мамлюков, но их выступлению помешал очередной политический кризис, в ходе которого Йалбай был смещен, на два месяца трон занял Тамурбуга, и, наконец, власть перешла к Каитбаю [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 323-324].

Ал-Ашраф Каитбай, перед которым стояла первоочередная задача укрепления центральной власти, сделал попытку урегулировать конфликт с Дулкадиром дипломатическим путем. Сразу после вступления на престол он отправил посольство к Мехмеду II с подарками. Мамлюкский султан выразил сожаление по поводу инцидента, связанного с решением вопроса о престолонаследии в Дулкадире. Подарки были приняты, османский султан направил Каитбаю поздравления по случаю вступления на трон [Har-El, 1995, p. 88-89]. Однако дипломатические любезности не остановили дальнейшего углубления конфликта: дулкадириты продолжали наступление в северной Сирии, а османы готовились к захвату восточной Анатолии.

В 1468 г. Мехмед II предложил своему внуку, Пир Ахмету, правителю Карамана, присоединиться к походу, но получил отказ. Тогда Мехмед II оккупировал западную часть Карамана, взял Конью и вынудил Пира Ахмета бежать. Османы вторглись в Анатолию, которая долгое время служила буферной зоной, обеспечивающей безопасность северных границ мамлюкской Сирии [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 326, 411]. Именно с оккупацией Карамана в 1468 г., позволившей Мехмеду II помимо прочего полностью контролировать торговый путь, соединявший Алеппо с Константинополем (через Адану и Конью), отношения между османами и мамлюками приобрели характер враждебного соперничества и в конце концов вылились в открытые военные

действия – первую османо-мамлюкскую войну (1485–1491) [Inalcik, 1995, p. 31, 124].

Однако, в 1468 г. Каитбай был вынужден, по крайне мере, на время, смириться с потерей Карамана и бросить все силы на борьбу с Шахом Суваром. Он отправил в Сирию большой отряд, в состав которого вошли командиры высшего звена – *атабек, эмир оружия, командир вахты, главный дворецкий*. Вскоре в Каир поступили печальные вести о поражении мамлюков и гибели нескольких эмиров. Остатки отряда вернулись в Каир в конце мая 1468 г. После этого Каитбай объявил о снаряжении нового войска, в состав которого должны были войти тысяча рядовых, несколько *эмиров десятка, сорока* и *сотни* [аẓ-Ẓайрафӣ, 2002, с. 8-9].

Ситуация осложнялась вмешательством османов, которые объединили силы с Шахом Суваром. Район Алеппо и, по сути, территориальная целостность Султаната мамлюков оказались под угрозой. Айнтаб был захвачен и разграблен. Османский султан взял на себя смелость обратиться к местной гражданской элите Алеппо и Дамаска и заявил, что готов обеспечить защиту всех сирийских торговцев, вступающих на территорию Дулкадира [Har-El, 1995, p. 89; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 313, 326, 330]. Каитбай предпринял экстраординарные меры, чтобы собрать необходимые средства для снаряжения нового войска. В конце концов, в октябре 1468 г. мамлюки подготовились к походу.[1] В тяжелых боях с Шахом Суваром мамлюкам под командованием *атабека* Азбека удалось занять территории дулкадиритов. Летом 1469 г. на обратном пути в Алеппо изможденное войско мамлюков подверглось нападению отрядов Шаха Сувара. Мамлюки понесли тяжелые потери. Остатки разбитой армии возвращались в Дамаск, и, не дожидаясь разрешения, отдельными группами стали направляться в Каир. Азбек был фактически брошен без поддержки в Алеппо. Поход в целом

[1] О сборе средств на отправку войска см. предыдущий параграф. Поход задерживался и из-за нехватки денег, и из-за вспышки чумы, которая унесла жизни десятков солдат пока войско находилось в лагере в окрестностях Каира [Har-El, 1995, p. 89].

продемонстрировал, что мамлюки уже с трудом справляются с противодействием даже со стороны небольшого бейлика, а султан и его командиры не в состоянии поддерживать дисциплину в армии и полностью контролировать действия отдельных ее отрядов [ал-Буçравī, 1988, с. 35, 38].

Шах Сувар, воспользовавшись уходом мамлюков, попробовал захватить Малатью, однако в этом городе он встретил неожиданное и, вероятно, поэтому оказавшееся весьма эффективным, сопротивление. Наместник Малатьи сумел одержать победу над отрядом дулкадиритов. В 1469 г. сохранявшие вассалитет по отношению к мамлюкам Рамаданиды (1358-1608) отвоевали у Шаха Сувара Сис. Так, благодаря действиям своих союзников мамлюки получили передышку. Шах Сувар, решил, по крайней мере, на время, остановить военные действия и отправил в Каир делегацию с просьбой о мире. Каитбай принял послов из Дулкадира и заверения Шаха Сувара в покорности довольно сдержанно. Вероятно, обе стороны стремились лишь к заключению перемирия для того, чтобы собрать силы для продолжения борьбы [Har-El, 1995, p. 90-91]. Во всяком случае уже в начале 1470 г. *наместникам* сирийских городов Каитбай приказал быть готовыми возобновлению военных действий с Дулкадиром, а летом того же года в Каире стали собирать в поход новое войско. Шах Сувар использовал перемирие с мамлюками, чтобы отомстить рамаданидам, и зимой 1470-1471 отвоевал Сис. Почти в то же самое время в Каир поступило донесение о том, что Узун Хасан, правитель Ак Коюнлу, ведет войска к Алеппо [ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 384, 403, 408, 412, 414, 425, 430, 431, 436; ал-Халаби, 1985, с. 4; Conermann, Ibn Aǧās…, 2003, p. 131].

Военный конфликт с Шахом Суваром, в котором мамлюки трижды были разбиты дулкадиритами и не смогли добиться полной и решительной победы,[1] серьезно подорвал авторитет Султаната мамлюков. Подготовка к борьбе с дулкадиритами и Ак Коюнлу требовала не просто передышки, но масштабного восстановления и укрепления армии. В этих условиях в 1470 г. Каитбай пошел

[1] Шах Сувар, несмотря на заверения в покорности Каитбаю, стал чеканить собственную монету в Эльбистане.

на заключение компромиссного соглашения с османами: мамлюки отказывались от вмешательства в дела Карамана, а Мехмед II – от поддержки Шаха Сувара. Таким образом, османы получили возможность контролировать самый большой бейлик, разделявшим их молодую империю и владения мамлюков. Кроме того, османы были заинтересованы в объединении с мамлюками против общего врага – Узуна Хасана, под властью которого находились обширные территории, простиравшиеся от Кавказа до Месопотамии и северного Ирана, а войско насчитывало до пятидесяти тысяч всадников [Духмāн, 1986, с. 19; Еремеев, Мейер, 1992, с. 130; Har-El, 1995, p. 91-92]. Узун Хасан вел переговоры с Венецией, что представляло потенциальную опасность для османов,[1] и мог оказать поддержку караманидам. Опасения османов были не напрасны. Потеряв собственную столицу, эмир Карамана при поддержке Венеции и Ак Коюнлу сумел объединить и укрепить уцелевшие отряды и даже нанес несколько ответных ударов по владениям Мехмеда II, достигнув в 1470 г. центральной Анатолии [Еремеев, Мейер, 1992, с. 102; Мустафаев, 1994, с. 32; ар-Рашīдī, 1989, с. 289-290; Inalcik, 1995, p. 28; Wansbrough, 1961, p. 201].

Воспользовавшись тем, что Шах Сувар остался без поддержки османов, мамлюкская армия под командованием *главного давадара* Йашбека, в составе которой помимо эмиров всех рангов было две тысячи султанских мамлюков, выступила из Каира весной 1471 г. и направилась в сторону границы с Дулкадиром. Йашбек получил неограниченные полномочия и полную свободу действий в Сирии, включая смещение и назначение *наместников* городов и областей [ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 439; Har-El, 1995, p. 93]. Тщательная и всесторонняя подготовка похода принесла свои плоды. Мамлюки взяли Айнтаб, захватили Адану, одержали решительную победу над дулкадиритами

[1] Продвижение османов на запад привело к утрате стабильности во всем Восточном Средиземноморье. Одним из наиболее существенных факторов обострения политической ситуации в этом регионе стала война между Венецианской Республикой и Османской империей, которая продолжалась с 1463 по 1479 г. и снова разгорелась в 1499 г, закончившись только через четыре года [Новичев, 1963, с. 50; Орешкова, 1979, с. 191; Irwin. Egypt, Syria…, 1986, p. 80].

в битве у Джейхана, заняли Эльбистан и Мар'аш, получили ключи от крепостей Сис, Даренде и Заманти.[1] В июне 1472 г. Шах Сувар был пленен, а в августе доставлен в Каир, где он и трое его братьев были повешены на воротах аз-Зувайла. Управление Дулкадиром было передано Шаху Будаку, который дал торжественную присягу верности мамлюкскому султану [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 53; Духмāн, 1986, с. 27-28; ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 2, с. 839; Семенова, 1966, с. 143; ал-Халаби, 1985, с. 5-7; Har-El, 1995, p. 93-96; Sievert, 2003, s. 36; Venzke, 2000, p. 425].

Тем временем Узун Хасан готовился противостоять временному и, очевидно, непрочному альянсу османов и мамлюков. Поздней осенью 1472 г. армия Ак Коюнлу захватила Малатью, Гергер, Айнтаб и подошла к предместьям Алеппо. Отдельная колонна, которой командовал сын Узуна Хасана прошла через ар-Руху и заняла ал-Биру. В том же году другое войско Ак Коюнлу при поддержке караманидов и Венеции приблизилось к Бурсе. Амбициозные намерения Узуна Хасана состояли не только в том, чтобы расширить территорию Ак Коюнлу, но и в том, чтобы оспорить авторитет османского султана-воителя (*газиа*[2]) и мамлюкского султана, имевшего высокий статус *хранителя обоих священных городов,* распространить свое влияние вплоть до Хиджаза [Sievert, 2003, s. 38]. В апреле 1473 г. Узун Хасан отправил в Мекку собственный *махмал*[3] с *кисвой* и требование читать *хутбу* с его собственным именем, а не именем мамлюкского султана. Однако, еще на подступах к городу посланцы Узуна Хасана были арестованы и в кандалах отправлены в Каир [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 2, с. 841-842; Har-El, 1995, p. 98].

Активное наступление Узуна Хасана заставило Каитбая предпринять ответные шаги. Из Каира в Сирию один за другим были немедленно отправлены два отряда и началось снаряжение большого войска, которое под

---

[1] Детальное описание похода мамлюкского войска под командованием Йашбека см. [ал-Халаби, 1985].
[2] О султанах-*газиа* см. [Annoshahr, 2009].
[3] *Махмал* воспримался как символ политического покровительства над мусульманскими святынями, тысячам паломников, собиравшихся в караван, он должен был напоминать о правителе–защитнике Священных городов, даже если сам он не участвовал в *хаджже* [Резван, 1991, с. 163; Sardi, 2013, p. 172].

командованием Йашбека к марту 1473 достигло Алеппо. Однако к этому времени основные силы Ак Коюнлу уже отошли за Евфрат, чтобы подготовиться к нападению османов. Йашбек легко одержал победу над сыном Узуна Хасана, остававшимся в ал-Бире, и вытеснил его за пределы мамлюкских владений. Османы, действительно, планировали наступление на Ак Коюнлу и вели активные переговоры с Каитбаем и Йашбеком о совместных действиях. Весной 1473 г. посол Мехмеда II был со всеми почестями принят в Каире [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 2, с. 840, 841; Har-El, 1995, p. 96-97]. После этого Каитбай отправил ответное посольство с богатыми подарками. Летом того же 1473 г. в Каир пришло донесение о том, что войско Мехмеда II готово к решительному сражению с Узуном Хасаном. В августе 1473 г. армия Ак Коюнлу потерпела настолько сокрушительное поражение, что Узун Хасан был вынужден навсегда отказаться от соперничества и с османами, и с мамлюками, а караманиды окончательно утратили самостоятельность[1]: вступивший на престол после гибели Пир Ахмета его брат Касим-бек (ум. в 1483 г.) управлял Караманом как вассал османского султана [Еремеев, Мейер, 1992, с. 102; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 72-74, 76-77, 83; Мустафаев, 1994, с. 32; Орешкова, 2018, с. 88; Inalcik, 1995, p. 28].

После этих событий Каитбай поспешил восстановить свое положение сюзерена по отношению к Ак Коюнлу. Он приказал освободить арестованных в Мекке эмиров Узуна Хасана. В ответ на это проявление доброй воли он сразу же получил формальные извинения, а в 1474 г. между Султанатом мамлюков и Ак Коюнлу был заключен мирный договор, в подтверждение которого Узун Хасан в последующие годы направил в Каир несколько посольств [Har-El, 1995, p. 98-99].

[1] Датой присоединения Карамана к Османской империи некоторые исследователи считают 1475 г., хотя и после 1475 г. Караманиды пытались вести независимую политику [Sümer, 1997, p. 624].

Одновременно продолжался обмен делегациями между Каитбаем и Мехмедом II [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 169].[1] Обе стороны были заинтересованы в сохранении мирных отношений, по крайней мере, на некоторое время. После разрушительных вторжений дулкадиритов и Ак Коюнлу, а также тяжелых потерь в сражениях с Шахом Суваром мамлюкам требовалось восстановить силы. Для османов было важно закрепить свои позиции в Карамане, поскольку именно этот бейлик мог стать плацдармом для наступления на Сирию.

Поводом для смены тональности в отношениях двух империй стала судьба Карамана. Дело в том, что после того, как османы подавили сопротивление караманидов, единственный оставшийся в живых наследник караманидского престола попросил убежища у мамлюкского султана. Каитбай отказал Мехмеду II в просьбе выдать наследного принца караманидов Касим-бека. Оба султана, очевидно, рассчитывали использовать Касим-бека для того, чтобы установить контроль над Караманом [Har-El, 1995, p. 99]. В условиях нараставшей напряженности в отношениях между османами и мамлюками Каитбай в 1477 г. совершил поездку в Сирию для инспекции военных укреплений, гарнизонов и армейских частей [Ибн ал-Джиʿāн, 1984].

Тем временем, Мехмед II предпринял шаги для того, чтобы подчинить своему влиянию Дулкадир, где в то время правил ставленник мамлюков Шах Будак. Мехмед предложил поддержку брату Шаха Будака, ʻАла ад-Дауле, дочь которого была замужем за сыном османского султана, Баязидом.[2] После тяжелых и кровопролитных сражений Шах Будак был свергнут с дулкадиритского престола и в 1480 г. попросил убежища в Алеппо [Духмāн, 1986, с. 28; Har-El, 1995, p. 100-101].

Почти одновременно с политическим поражением в Дулкадире мамлюкская армия была разбита в сражении с Ак Коюнлу. События

[1] Посольства сопровождались традиционным обменом подарками. Весной 1474 г. Каитбай решил дополнить обычный «набор» подношений слоном, жирафом, а также быками, овцами и козами [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 89-90].
[2] Покоритель мамлюков Селим Грозный был сыном Баязида и дочери ʻАла ад-Даули.

разворачивались следующим образом. На подавление мятежа бедуинов Ал Фадл, в ходе которого был убит *наместник* Хамы, из Каира в Сирию был отправлен большой отряд под командованием *главного давадара* Йашбека. К нему присоединились войсковые части Дамаска, Хамы, Триполи и Алеппо. Кочевники не стали испытывать судьбу и предпочли уклониться от сражения с этой внушительной армией, которая значительно превышала по численности обычные мамлюкские карательные отряды. Преследуя мятежников, Йашбек подошел к границе с Ак Коюнлу и по собственной инициативе осадил ар-Руху. Источники никак не объясняют причины этого решения. Некоторые исследователи предполагают, что честолюбивый Йашбек захотел прославить себя, возвратив мамлюкам город, который перешел под контроль Ак Коюнлу еще при Фарадже, или, возможно, им двигало желание отомстить за поражение, которое он потерпел от Узуна Хасана в 1473 г.; не исключено также, что Йашбека склонил к решению атаковать ар-Руху кто-то из многочисленных претендентов на престол Ак Коюнлу, которые начали борьбу за власть после смерти Узуна Хасана [Woods, 1999, p. 45, 46, 50, 51, 130]. Как бы то ни было, Йашбек привел мамлюкскую армию под стены ар-Рухи. На помощь защитникам города быстро подошло войско Ак Коюнлу. Поздней осенью 1480 г. состоялось сражение. Мамлюки были разбиты и понесли тяжелые потери. Среди погибших и взятых в плен были *наместники* Триполи и Дамаска. Йашбек был захвачен воинами Ак Коюнлу и казнен [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 164].

В 1481 г. в Сирию было отправлено новое мамлюкское войско, теперь уже под командованием уравновешенного и осторожного *атабека* Азбека, главная задача которого состояла в том, чтобы освободить захваченных в плен эмиров, в первую очередь Йашбека, известие о казни которого еще не достигло Каира [Ибн Ṭауḳ, 2000-2007, т. 1, с. 31-32, 40]. Вместе с тем, Каитбай стремился избежать военного столкновения, если такая возможность предоставится. Как только он получил заверения от правителей Дулкадира и Ак Коюнлу о том, что они готовы принять патронаж мамлюков, выдать

пленных и заключить мир, мамлюкское войско было отозвано в Каир. Перемирие давало Каитбаю только передышку, но никак не гарантировало безопасность сирийских границ. Более того, когда Мехмеду II стало ясно, что Дулкадир и Ак Коюнлу не собираются предпринимать никаких действий против мамлюков, он решил взять дело в свои руки и начал готовиться к большой военной экспедиции в Сирию. Движение османской армии было остановлено в мае 1481 г., когда Мехмед II умер в Гебзе [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 165-166; Har-El, 1995, p. 102]. Каитбай получил шанс на сохранение мира. Новый османский султан Баязид II (1481-1512) в отличие от своего предшественника – *Завоевателя* – во внешней политике больше полагался на дипломатические шаги, нежели на применение военной силы [Petry, 1994, p. 18].

Вступление Баязида на престол было оспорено его братом Джемом, который опирался на оппозиционные круги в османской знати. Баязид одержал верх, Джем нашел убежище в Султанате мамлюков, получив разрешение явиться в Каир лично от султана Каитбая [Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 39]. Он совершил *хаджж*, а затем начал готовится к военному походу. Вместе с ним в Алеппо отправились мамлюкские эмиры под предводительством *атабека* [ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 3, с. 929]. Вставший на сторону мамлюков правитель Карамана Касим-бек собрал войско и объединившись с Джемом, выступил из Алеппо в сторону Коньи. Союзники потерпели поражение в битве с армией Баязида II [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 190]. В дальнейшем мамлюки пытались использовать Джема в борьбе против экспансии османов.[1] Поддержка, оказанная Джему, как и другие попытки вмешательства мамлюков в вопросы престолонаследия у османов, оказала негативное влияние на отношения между двумя империями и способствовала росту напряженности между Каиром и Стамбулом.

[1] Подробнее о роли Джема в османо-мамлюкском противостоянии см. [Hattox, 2002].

К враждебным действиям против мамлюков подталкивал Баязида II и эмир Дулкадира. В 1483 г. он нарушил заключенное в 1481 г. перемирие и осадил Малатью [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 350]. Это нападение грозило мамлюкам не только утратой – в очередной раз – одного из своих пограничных городов: более существенным было то, что Дулкадир открыто и недвусмысленно вышел из союза с мамлюками, предоставив османам не только доступ к мамлюкским границам, но и военную поддержку [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 213; Har-El, 1995, p. 124].

В Каире начались приготовления к походу. Каитбай решил отправить на помощь *наместнику* Малатьи помимо сирийского войска большой отряд (в его составе было более тысячи султанских мамлюков) из Египта [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 196-197]. Для Каитбая в этих обстоятельствах было важно обеспечить, если не поддержку, то хотя бы нейтралитет со стороны Ак Коюнлу. Эту цель удалось достичь, и правитель Ак Коюнлу подтвердил верность взятым ранее обязательствам, что давало мамлюкам возможность сосредоточиться на борьбе с дулкадиритами.

Нападение дулкадиритов, как и опасался Каитбай, открыло османам дорогу к мамлюкским владениям и стало катализатором беспорядков на границе: туркоманы из подвластных османам племен сделали попытку разграбить поселения к северо-западу от Алеппо, но их удалось остановить [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 351, 353, 360]. Затем отряды сирийских мамлюков вторглись на территорию Дулкадира. Под их натиском ‘Ала ад-Даула покинул собственную столицу – Эльбистан и обратился за помощью к османам. Баязид II выслал войско для поддержки ‘Ала ад-Даули, вступив таким образом в открытую конфронтацию с мамлюками [Har-El, 1995, p. 125; Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 57].

В 1484 г. ‘Ала ад-Даула и присоединившиеся к нему османские войска начали новое наступление. Объединенные силы египетских и сирийских мамлюков выдвинулись им навстречу из Алеппо. В первом сражении с дулкадиритами и османами мамлюки были разбиты и понесли тяжелые

потери, но все-таки смогли собрать силы и, получив подкрепление, нанесли решительный удар и одержали победу. Численность основной части войска составила около трех тысяч мамлюков. В конце 1495 г. из Алеппо в Каир пришло донесение о том, что ‘Ала ад-Даула готов заключить мир. Возможно, такому повороту событий способствовали разногласия между заносчивым ‘Ала ад-Даулей и османским главнокомандующим Ашик Пашой-заде [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 197, 199; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 362, 422, 429, 436; Har-El, 1995, p. 125].

Но самую главную опасность для мамлюков представлял не Дулкадир, а османы, которые неуклонно продвигались в восточную Анатолию и располагали мощной армией с хорошо обученной пехотой, способной эффективно использовать огнестрельное оружие [Humphreys, 1998, p. 460]. В Египет и Сирию приходили тревожные известия о том, что османы готовятся к масштабному наступлению. Для обороны сирийской границы из Каира было направлено новое войско, которое должно было объединиться с отрядами, собранными *наместником* султана в Дамаске [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 211; Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 58-59; Har-El, 1995, p. 128-129].

Согласно сообщению Ибн Ийаса, в 1484 г. произошел инцидент, ставший поводом для критического обострения отношений между мамлюками и османами. В Джидду прибыли индийские купцы, которые везли драгоценные подарки от своего государя для османского султана. Купцы были взяты под охрану и доставлены в Каир. Среди подарков был кинжал с рукояткой, инкрустированной драгоценными камнями. Кинжал, будто бы, так понравился Каитбаю, что он оставил его себе. Баязид был разъярен, когда позже узнал о том, что кинжалом, предназначенным для него, владеет Каитбай [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 210]. Даже если история с кинжалом и личные обиды, действительно, имели место, по сути, они представляли собой выступившее на поверхность глубинное напряжение, связанное с тем, что мамлюки стояли на пути, связывавшем быстро развивающуюся Османскую империю с Индией и странами Дальнего Востока. Османы были, очевидно,

заинтересованы в прямых, без посредничества или препятствий – объективного или субъективного характера – со стороны мамлюков, выходах на морскую дорогу в Азию.

Однако, Каитбай, после тяжелого опыта сражений с дулкадиритами и Ак Коюнлу, которые продолжались с небольшими перерывами в течение почти пятнадцати лет, вероятно, осознавал, что война с османами может нанести слишком тяжелый, если не смертельный удар мамлюкской армии. К тому же военные действия против Дулкадира и Ак Коюнлу, которые хотя бы формально признавали себя вассалами мамлюкского султана, можно было охарактеризовать как *фитну* – борьбу с мятежниками, выступившими против законной власти мусульманского правителя. А вот война с османами, чей авторитет воителей и защитников ислама после взятия Константинополя и побед на Балканах был неоспорим не только в мусульманском мире, но и за его пределами, могла поставить в весьма невыгодное в идеологическом плане положение уже самих мамлюков. Ведь любой мусульманин мог задаться вопросом: если османы, защитники ислама, сражаются с мамлюками, значит мамлюки – отступники или, по крайней мере, недостаточно ревностно соблюдают законы ислама?

И в военном, и в идеологическом плане, нападение османов представляло слишком серьезную угрозу для мамлюков. Каитбай, посоветовавшись со своими эмирами, принял решение отправить к Баязиду II посольство с целью заключить мир. Делегацию возглавил Джанибек ал-‘Ала’и Хабиб (ум. в 1487 или 1488 г.), который имел опыт дипломатических переговоров и уже бывал во владениях османов [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 414]. Для Баязида II было приготовлено письмо от Каитбая, богатые подарки (их стоимость достигала десяти тысяч динаров), а также послание от халифа с инвеститурой, которая, впрочем, не произвела на османов никакого впечатления. Не прислушался Баязид II и к еще одному посланию, уже от имени аббасидского халифа, направленному ему из Каира, в котором содержался призыв погасить огонь *фитны*, разгоревшейся между двумя

султанами – мамлюкским и османским [Ибн Ṭулӯн, 1998, с. 58-59; Фильштинский, 2008, с. 293; Har-El, 1995, p. 128-129]. Каитбаю не удалось избежать войны с османами, но, по крайней мере, были предприняты все возможные шаги, чтобы охарактеризовать конфликт между османами и мамлюками как *фитну,* в которой мамлюкский султан вместе с халифом выступал как поборник восстановления справедливости и мира между мусульманами. Эта «*фитна*» вылилась в войну, полностью истощившую ресурсы Султаната мамлюков [Зеленев, Илюшина, 2021].

До начала боевых действий в юго-восточной Анатолии османы заключили мирные соглашения с правителями европейских государств, в первую очередь, Венгрии и Венеции. Обстановка в Сирии тоже складывалась благоприятно для османов: мамлюкские отряды, ослабленные потерями в боях с дулкадиритами, были переброшены от сирийской границы на борьбу с мятежами бедуинов. В планы Баязида II входил захват Аданы и Тарсуса, подчинение местных племенных конфедераций и княжества рамаданидов. В мае 1485 г. османы стремительно направились к Тарсусу. Мамлюкский гарнизон оставил город, то же самое произошло в Алеппо. Официально заявленной причиной военных действий со стороны османов стала защита паломников и торговцев, безопасность которых нарушали мятежные племена туркоманов, а также действия армян, несоответствующее нормам, регулирующим права христиан в землях *Дар ал-ислам*. По сути, речь шла о захвате южной Киликии. Осуществление этого плана представляло непосредственную угрозу целостности Султаната мамлюков. Реакция Каитбая была решительной и быстрой. Он отправил вассальным племенам туркоманов и рамаданидов деньги и провизию, что должно было укрепить их боевой дух и способность сопротивляться османам, и стал готовить армию к походу. Помощь, поступившая из Каира, не спасла рамаданидов и союзные им племена от поражения, но все-таки они смогли на время задержать османов [Har-El, 1995, p. 133-137].

Мамлюкская армия под командованием Азбека прибыла в Дамаск, соединилась с сирийскими частями и продолжила движение на север. Первоочередная задача состояла в подчинении Дулкадира, поскольку участие ‘Ала ад-Даули в военных действиях на стороне османов поставило бы мамлюков перед необходимостью сражаться сразу с двумя противниками, один из которых, к тому же, мог угрожать им с тыла. Появление войска мамлюков, которое было, действительно, многочисленным, отлично организованным и экипированным, вероятно, стало достаточно убедительным аргументом для ‘Ала ад-Даули, чтобы воздержаться от сопротивления. В конце 1495 г. из Алеппо в Каир пришло донесение о том, что ‘Ала ад-Даула готов заключить мир [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 429, 436]. Восстановление отношений между дулкадиритами и мамлюками должен был подтвердить брак между сыном *атабека* Азбека и дочерью ‘Ала ад-Даули [ал-Буçравī, 1988, с. 114].

Позиция дулкадиритов, тем не менее, была неустойчивой. Они вели переговоры с Баязидом II. ‘Ала ад-Даула, заверил османского султана в своей преданности и уведомил его о том, что Каитбай готов пойти на мирные переговоры с османами. Вероятнее всего, ‘Ала ад-Даула хотел избежать участия в масштабной военной кампании, которая неминуемо была бы чревата для него потерями, а славу и добычу в любом случае пришлось бы разделить с более могущественным союзником – османским или мамлюкским султаном [Har-El, 1995, p. 139].

Азбек, сделав остановку в Алеппо, продолжил движение в сторону Киликии и в начале марта 1486 г. под Аданой одержал быструю и решительную победу над османами. Мамлюки праздновали успех и прославляли своего султана,[1] а Баязид II начал подготовку к отправке нового войска. Когда сведения о приготовлениях османов достигли Азбека, он

[1] Один из эмиров даже выстроил в честь этой победы здание в Каире – покрытую куполом цистерну для воды. В великолепной резной надписи, расположенной на фасаде, в лучших традициях арабского панегирика сообщалось о сражении и воздавалась хвала Каитбаю [Behrens-Abouseif, Islamic Architecture…, 1998, p. 147-148].

запросил подкрепление в Каире и Дамаске. В Дамаск, кроме прочего, было направлено послание с призывом «подняться на борьбу с врагом» [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 111-112]. В нем говорилось о том, что большую часть войска Баязида II составляют «неверные» (*kuffār*), которых, к тому же, на три года освободили от выплаты *джизьи*. *Улемы* Дамаска вынесли решение о сборе средств на снаряжение ополчения. Однако не все были согласны с этим решением, и шафиʻитский судья отменил его. Через несколько дней после этого из Каира пришел указ, в котором говорилось о том, что османский султан использует помощь неверных, а потому война против него стала джихадом. На этом основании был объявлен сбор средств с судей, торговцев, держателей *иктаʻ*, получателей жалования и доходов от *вакфов*. Но и после этого собранных денег хватило только на то, чтобы обеспечить отправку всего сотни пехотинцев [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 112-113; Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 214, 215, 230; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 424-425].

Упоминание о джихаде существенно для понимания идеологической составляющей османо-мамлюкского конфликта. До начала крупномасштабных военных действий, когда еще существовала возможность примирения, этот конфликт был охарактеризован с мамлюкской стороны как *фитна*. Очевидно, что мамлюки, с трудом восстанавливавшие силы после противоборства с Дулкадиром и Ак Коюнлу, стремились избежать военного столкновения с османами. Все усилия были направлены на сохранение статус-кво в регионе. Но когда война уже началась, было найдено основание для того, чтобы квалифицировать ее как джихад, что позволяло на законных с точки зрения шариата основаниях привлечь людские, а главное – материальные и финансовые ресурсы гражданского населения Султаната, хотя бы в некоторой мере сократить расходы, связанные в том числе и с потерями мамлюков на поле боя, а значит, необходимостью закупки новых рабов и их обучения, что обходилось очень дорого. Забегая вперед, отметим, что по окончании военных действий, когда велись переговоры о заключении мира, конфликт с османами в мамлюкских источниках был снова охарактеризован как *фитна* [ал-ʻУлаймӣ,

1968, т. 2, с. 359]. Доктрина джихада служила как мамлюкам, так и османам идеологическим оружием в борьбе за доминирование, а в сочетании с концепцией *фитны* позволяла манипулировать сознанием мусульман в собственных политических интересах [Зеленев, Илюшина, 2021].[1]

Призывы к джихаду, тем не менее, не вызвали энтузиазма ни у египтян, ни у сирийцев, уже измученных и чрезвычайными налогами, и ростом цен. Султанские мамлюки требовали новых наград за одержанную победу и демонстрировали вопиющее нарушение дисциплины и субординации. Сбор денег и рекрутов шел нелегко и не давал желаемого результата. В этих условиях в начале 1487 г. Каитбай предпринял еще одну попытку примирения с османами: он отпустил пленников, захваченных у Аданы. Их командир, Херсекли Ахмед-паша (ум. в 1517 г.), приходившийся зятем Баязиду II, получил богатые подарки и отправился в Стамбул, дав обещание подготовить почву для заключения мира [Har-El, 1995, p. 143-147].

В декабре 1487 г. Баязид II принял решение начать новое наступление на владения мамлюков с целью окончательного подчинения Киликии и «освобождения» Сирии от власти мамлюков. Весной следующего года османская армия выступила в поход, установила контроль над регионом Аданы и Тарсуса, затем разделилась: часть войска была направлена на оккупацию оставшейся пока еще не занятой османами территории Киликии, другая часть – в Сирию. Одновременно морская эскадра османов вышла в сторону Леванта, чтобы оказать поддержку сухопутным отрядам. Быстрое продвижение османов к сирийской границе ускорило приготовления к войне, которые были еще ранее начаты Каитбаем. Мамлюкский султан искал любую возможную поддержку. В 1488 г. Каитбаю удалось договориться о поставке пшеницы из Сицилии, а в 1489 г. сицилийский король Фернандо отправил в Египет пятьдесят каравелл, чтобы укрепить мамлюкский флот в войне с Османами [O'Callaghan, 2014, p. 176]. На военную службу набирали бедуинов

[1] Подробнее об идеологии джихада в политике мамлюков см. Гл. 5.

– для кавалерии, и арабских крестьян, а также полукочевое население Палестины – в пехоту. Новобранцы получали денежное вознаграждение из средств, собранных богатыми горожанами. В мае 1488 г. *наместник* Сирии, не дожидаясь египетского войска, отправился из Дамаска в сторону Алеппо [Ибн Ṭūлӯн, 1973, т. 2, с. 76; Har-El, 1995, p. 163-167, 171, 175].

Через несколько дней из Каира выступили крупные силы мамлюков под командованием Азбека. В составе экспедиции было около четырех тысяч султанских мамлюков, одиннадцать *эмиров сотни* и более шестидесяти *эмиров сорока* и *десятка*. Армия Баязида II к этому времени уже растратила часть своих ресурсов на захват Киликии и восстановление фортификационных сооружений в Адане и Тарсусе. В генеральном сражении мамлюки (по некоторым оценкам общая численность войска под командованием Азбека достигала сорока тысяч человек, только с египтян на их снаряжение был собран чуть ли не миллион динаров) одержали победу над османами[1]. Мамлюки захватили добычу, в том числе и более двух десятков кораблей. Но еще до возвращения Азбека в Каире стали появляться воины, участвовавшие в походе. Дисциплина в армии падала, мамлюки были недовольны полученными выплатами, что привело в том же году к мятежу, который едва не закончился сменой власти. Между тем, суммы, выделенные мамлюкам перед этим походом, были выше обычных [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 245-247, 250, 254-255].

Не успел Азбек вернуться в Каир, как султан начал подготовку к новому походу. Дело в том, что поражение не остановило османов: они снова заняли Адану и Тарсус, лишь только главные части мамлюкской армии отошли в Сирию. Кроме того, стало известно, что при поддержке османов Шах Будак, которому удалось бежать из цитадели Дамаска осадил в Эльбистане своего брата, ‘Ала ад-Даулу и захватил в плен двух его сыновей. Складывалась

[1] Первое столкновение между авангардом мамлюкской армии, состоявшим из набранных в Палестине пехотинцев и алеппского гарнизона, закончилось победой османов, которых поддерживала морская эскадра. Подробнее о событиях этого этапа османо-мамлюкской войны см. [Har-El, 1995, p. 175-191].

опасная для мамлюков ситуация: Каитбай мог лишиться своего пусть и не очень верного вассала и союзника (после поражения османов, ‘Ала ад-Даула, наконец, оставил колебания и полностью перешел на сторону мамлюков). В мае 1489 г. авангард мамлюкского войска в срочном порядке выступил из Каира, чтобы присоединиться к сирийским частям, остро нуждавшимся в подкреплении, и оказать, если потребуется, поддержку ‘Ала ад-Дауле. Осаду Эльбистана удалось прорвать, Шах Будак был схвачен и в июле 1489 г. отправлен в Каир [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с. 142, 148, 150; Har-El, 1995, p. 192, 194-196; Venzke 2000, p. 429, 454-461].

Одновременно Каитбай вел активные переговоры с европейцами о судьбе брата Баязида II, Джема. Папе был предложен союз для организации противостояния Османам. Когда Баязиду стало известно об этих планах, он решил начать обсуждение мирного соглашения с мамлюками – возможно, чтобы не рисковать, сохранить завоеванные территории и выиграть время для подготовки новому наступлению, возможно, чтобы дезориентировать Каитбая. Однако, османские послы в Каире были встречены очень холодно: Каитбай твердо заявил, что не будет обсуждать заключение мира с Баязидом, пока не османы не уйдут из Киликии и не освободят мамлюкских закупщиков рабов [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с. 153; Har-El, 1995, p. 197-198].

Подготовка к новому походу снова потребовала введения чрезвычайных налогов. Отряды *авлад ан-нас* были снабжены аркебузами и должны были в присутствии султана продемонстрировать владение этим видом оружия. Армия выступила из Каира весной 1490 г. и к середине апреля уже была в Дамаске [Ибн ал-Х̣имс̣ӣ, 2000, с. 222; ал-ʿУлаймӣ, 1968, т. 2, с. 348]. Мамлюки одержали победу над османами, по случаю которой были устроены помпезные торжества. Между тем, за этим парадным фасадом скрывалось истинное положение в государстве мамлюков: войско проявляло недовольство и требовало возвращения в Каир. Несмотря на приказы Каитбая оставаться в Алеппо, чтобы контролировать ситуацию в приграничных территориях, Азбек

и эмиры вернулись в столицу. Это было прямое неповиновение султану [Зийāдах, 1951, с. 208-209; Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 264, 270].

В 1491 г. между османами и мамлюками был заключен мир [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 147-148; ал-ʿУлаймӣ, 1968, т. 2, с. 359]. К подписанию договора Каитбая подтолкнул целый ряд факторов,[1] важную роль сыграли состояние армии и финансов. Дисциплина в рядах мамлюков и воинов *халка* разваливалась, даже пользовавшийся заслуженным уважением, умудренный годами и опытом Азбек не мог справиться со своеволием и рядовых, и эмиров. *Джулбан* требовали новых выплат, денег в казне не было. Армия понесла тяжелые потери. Для восстановления численности мамлюков султан был вынужден начать кампанию по закупке новых рабов [ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 3, с. 1268-1269].

Затяжные войны – сначала с Дулкадиром и Ак Коюнлу, а затем с Османами, – которые мамлюки были вынуждены вести для защиты границ своего государства практически на протяжении всего длительного периода правления султана Каитбая, истощили казну и привели к разорению населения и Сирии, и Египта. Победы давались слишком дорогой ценой, а неоднократные поражения не только на военном, но и на идеологическом фронте стали причиной постепенного падения авторитета мамлюков и ослабления центральной власти. После смерти Каитбая в 1496 г. Султанат погрузился в череду острых политических конфликтов, которые четыре раза за пять лет приводили к смене правителя.

§ 3. Период политической нестабильности и борьба за власть после смерти ал-Ашрафа Каитбая (1496–1501).

Ал-Ашраф Каитбай находился у власти феноменально долгий для султанов-Бурджитов срок. Через шесть месяцев после вступления на престол, в августе 1468 г., Каитбай назначил *атабеком* Азбека мин Татаха. В течение двадцати семи лет Азбек оставался правой рукой и верным соратником

[1] Подробнее о событиях, предшествовавших заключению мирного договора между мамлюками и османами, а также о причинах решения прекратить войну, принятого Баязидом и Каитбаем см. [Har-El, 1995, p. 207–209].

султана. Согласно традиции, сложившейся при Бурджитах, именно он должен был стать первым претендентом на трон после смерти султана. Азбек не просто занимал самую высокую после султана ступень в мамлюкской политической иерархии. Он пользовался заслуженным уважением и имел высокий авторитет в армейской среде. Под его командованием были одержаны победы в первой османо-мамлюкской войне. Как настоящий «отец-командир» Азбек неоднократно улаживал конфликты между эмирами, непокорными и своевольными *джулбан* и султаном. За годы службы Азбек скопил огромное состояние, имел возможность покупать и воспитывать собственных мамлюков. Казалось бы, складывались все предпосылки для того, чтобы Азбек стал сначала регентом при юном наследнике Каитбая, а затем – султаном. Но в политической карьере Азбека и решении вопроса о преемнике Каитбая сыграл роль фактор времени: Каитбай пришел к власти, когда ему было около пятидесяти пяти лет, Азбек был его ровесником, в последний год правления Каитбая им обоим было уже за восемьдесят – на смену зрелости постепенно приходила старость. Когда стало ясно, что Каитбай уже болен и слаб, что пора решать вопрос о преемнике, Азбек предоставил более молодым и энергичным эмирам бороться за власть.

К числу самых амбициозных претендентов на престол относился зять Азбека, Кансух Хамсуми'а. Кансух Хамсуми'а начал службу при аз-Захире Хушкадаме, затем стал одним из гвардейцев Каитбая. В 1474 г. сестра Кансуха вышла замуж за самого могущественного и влиятельного эмира при дворе – *главного давадара* Йашбека мин Махди. Этот брак открывал перед Кансухом Хамсуми'а, которому тогда было около двадцати пяти лет, перспективы быстрого продвижения по службе. В 1479 г. он получил пост *второго давадара* и стал помощником Йашбека. Кансух использовал все возможности, которые давала служба в ведомстве *давадара:* уже через два года он был назначен *главным эмиром султанских конюшен* и вошел, таким образом, в высшую политическую элиту государства. В 1487 г. состоялся его брак с

дочерью[1] *атабека* Азбека – внучкой султана Джакмака. Свадебный поезд торжественно проследовал через весь город к дому Кансуха. Более 400 носильщиков несли приданое. Говорили, что его стоимость достигала ста тысяч динаров. Большой праздник был устроен в Эзбекие, где располагалась резиденция Азбека [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 235, 237; ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 1007-1008].

Кансух еще при жизни Каитбая не скрывал своего намерения занять трон. Летом 1495 г., во время болезни Каитбая, в Каире стали распространяться слухи о том, что готовится заговор, и *главный эмир конюшен* Кансух Хамсуми'а хочет захватить власть. Когда слухи дошли до мамлюков султана, они решили по-своему наказать предполагаемого мятежника – разграбили резиденцию Кансуха Хамсуми'а, при этом довольно много ценного имущества было уничтожено. У Кансуха появилась веская причина проявлять недовольство, а еще – хороший повод, чтобы поднять эмиров на борьбу с султаном, который не в состоянии контролировать дисциплину *джулбан* и обеспечивать порядок и безопасность в собственной столице. При посредничестве *атабека* Азбека конфликт с трудом удалось погасить [Ибн ал-Ҳимṣӣ, 2000, с. 276-277].

Но уже через месяц, в конце августа 1485 г. эмир Кансух Хамсуми'а собрал своих сторонников в резиденции Азбека в Эзбекие и начал готовить мятеж. В поддержку Кансуха выступили *караниса.* Именно они, ветераны, страдали от бесчинств *джулбан* и вынуждены были постоянно мириться с тем, что султан отдает предпочтение своим собственным мамлюкам – и когда встает вопрос о том, кому оставаться в столице, если войско отправляется в тяжелый поход, и когда принимается решение о том, какому из подразделений выплачивать жалование в первую очередь и в большем размере. Кансух Хамсуми'а, который, как и все эмиры, был прекрасно осведомлен о положении

[1] Дочь Азбека, вышедшая замуж за Кансуха, умерла в 1493 г., когда началась очередная вспышка чумы [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 281].

карариса, использовал их недовольство и *антиджулбанские* настроения в своих интересах.

Но Каитбай оказался не настолько немощным, чтобы сдаться без боя. На стороне султана остались его собственные мамлюки и несколько эмиров: *давадар* Акбирди (ум. в 1499 г.), *главный церемониймейстер* Танибек Кара, а также и *главный казначей* и *командир вахты*. И Акбирди, и Танибек Кара приходились родственниками Каитбаю: Акбирди был женат на сестре Фатимы, супруги Каитбая, а Танибек Кара – на внучатой племяннице Фатимы[1] [Ибн ал-Ḫимṣī, 2000, с. 278-279; ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 314–315]. Акбирди также приходился двоюродным братом самому Каитбаю [Ибн аш-Шиḥна, f. 12 r]. Каитбай объявил о том, что собирает всех, кто верен присяге, в Цитадели. После некоторого колебания большая часть мамлюков и эмиров решила поддержать султана. Вооруженного столкновения удалось избежать. Кансух Хамсуми'а и несколько его сторонников бежали из Каира, но уже через несколько дней их схватили, а затем по приказу Каитбая выслали в Сирию. Азбек, в доме которого готовился мятеж, оказался в сложном положении. Хотя он и явился в Цитадель по первому приказанию, доверие султана, которым он пользовался на протяжении долгих лет безупречной службы, было поколеблено. В результате было принято решение о том, что Азбек вместе с семьей удалится в Мекку [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 300-307; Ибн ал-Ḫимṣī, 2000, с. 279-280].

Когда Каитбай почувствовал себя уже настолько плохо, что уже не мог встать с постели, Кансух Хамсуми'а вернулся в Каир и устранил двух наиболее влиятельных эмиров, которые составляли главную опору султана: *атабек* Тамураз аш-Шамси (ум. в. 1497 г.) был схвачен мамлюками Кансуха, а *главный давадар* Акбирди скрылся, опасаясь, что его постигнет та же участь [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 314-316].

[1] Жена Танибека Кары была внучкой султана ал-Ашрафа Инала [ал-Малаṭī, 2011, т. 2, с. 662].

Незадолго до этих событий наследнику Каитбая, Мухаммаду, исполнилось тринадцать лет. Своевольный подросток сумел так рассердить своего отца, измученного старостью, войной с османами и разрухой, наступившей после самой страшной за всю мамлюкскую историю эпидемии чумы, что тот сослал его в казармы, велел вместо головного убора из дорогой ткани одеть на него старый *замт*[1], заставить мести полы и сажать за стол с последними из рабов, а если посмеет поднять голову – задать ему хорошую трепку. *Атабек* Азбек заступился за непослушного мальчишку, и того через несколько дней вернули во дворец, но до конца своих дней Каитбай не простил его и так и не назначил своим наследником. Вполне возможно, что умудренный опытом султан понимал, что его сын не сможет удержаться на троне. Через год Каитбай скончался. Мухаммад, сын Каитбая был избран султаном по воле гвардейцев, но не по завещанию своего отца [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 325].

Наследник Каитбая, четырнадцатилетний ан-Насир Мухаммад выступил энергичным сторонником оснащения армии большим количеством огнестрельного оружия,[2] проявив дальновидность, которую трудно было ожидать от столь юного правителя; он писал стихи на арабском и тюркском. Но видимая одаренность не принималась в расчет эмирами, которые считали недопустимым настоящее правление, а не временное, формальное пребывание на троне сына султана. Кансух Хамсуми'а, получивший пост *атабека* в первый же день правления ан-Насира Мухаммада, выразил эту позицию в коротком и недвусмысленном заявлении: «Никто, рожденный здесь (т.е. мусульманин), не должен становиться султаном». Власть может принадлежать только мамлюку в полном смысле этого слова, т.е. тому, кто был рабом [Ибн

[1] *Замт* – шапка, часть повседневного костюма мамлюка, чаще всего красного цвета. Она была покрыта длинными нитями, что делало ее похожей на меховую. В бурджитский период замт обычно носили рядовые мамлюки. Мамлюки высокого ранга носили маленькие тюрбаны, которые назывались *такфифа* [Fuess, 2008, p. 82-83; Mayer, 1952, p. 24. 33; Muṣṭafá, 1969-1970, p. 10].

[2] Подробнее о попытке создания специального отряда стрелков-аркебузиров, предпринятой ан-Насиром Мухаммадом см. [Ayalon, 1999, p. 192].

аш-Шиḥна, f. 23 r, 25 v; Haarmann, Joseph’s law…, 1998, p. 58; Idem, 2001, p. 18].

Обстановка при дворе накалялась с каждым днем. Кансух Хамсуми’а не явился в резиденцию султана даже на праздник дня рождения Пророка. Акбирди, который мог бы оказать сопротивление Кансуху, находился в Сирии и активно набирал сторонников. Не случайно именно требование Кансуха отправить отряд мамлюков в Сирию для ликвидации Акбирди стало поводом для открытого конфликта между султаном и его *атабеком*. Ан-Насир Мухаммад отказал Кансуху и прямо заявил, что не считает Акбирди мятежником [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 198, 200, 202-203, 204; Ибн аш-Шиḥна, f. 39 v - 40 r].

1 февраля 1497 г., через шесть месяцев после вступления на трон, ан-Насир Мухаммад был смещен. Новым султаном был объявлен Кансух Хамсуми’а. Его правление в отличие от рекордно длительного периода правления Каитбая, было рекордно коротким. Он продержался на троне меньше недели. В его свержении главную роль сыграли мамлюки султана – *джулбан*. За долгие годы правления Каитбая этот корпус мамлюкской армии значительно окреп в отличие от других подразделений, в первую очередь, *караниса*, которые понесли гораздо больше потерь во время османо-мамлюкской войны. Успех любого претендента на престол во многом зависел от того, сможет ли он получить поддержку *джулбан*. У Кансуха Хамсуми’а такой поддержки не было. Его конфликт с мамлюками Каитбая разгорелся еще до начала правления ан-Насира Мухаммада, и *джулбан* понимали, что, если Кансух останется у власти, им будет грозить серьезная опасность. В то же время при сыне Каитбая *джулбан* могли сохранять свое привилегированное положение и пользоваться полной свободой действий, которую молодой и неопытный султан никак не ограничивал.

Ранее в случае смещения султана или его наследника победу над *джулбан* можно было одержать, объединив несколько фракций эмиров. Именно так развивались события, связанные со смещением других султанов-

наследников. Положение Кансуха Хамсуми'а осложнялось тем, что таких фракций, в сущности, не осталось. Дело в том, что за почти тридцать лет правления Каитбая эмиры его предшественников – Хушкадама, Инала, Джакмака ушли с политической сцены: большинства уже не было в живых, другие состарились и не могли или не хотели принимать участие в борьбе за власть и влияние. По существу, конкуренция развернулась внутри одной фракции – мамлюков Каитбая. А самые сильные эмиры этой фракции были соперниками Кансуха Хамсуми'а в гонке за трон.

На четвертый день своего правления Кансух Хамсуми'а был вынужден покинуть Цитадель и бороться уже не за власть, а за собственную жизнь. В качестве укрытия и опорного пункта Кансух Хамсуми'а использовал резиденцию своего тестя Азбека. *Джулбан* ворвались Эзбекию, но Кансух к этому времени успел скрыться. Тогда *джулбан* подожгли подсобные помещения, пристройки и парадный вход во дворец Азбека, утащили светильники и ковры из мечети, оружие и походные палатки со склада, а потом – заодно – разграбили и расположенные поблизости дома [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 340-341; Ибн аш-Шиḥна, f. 69 r – 90 v; Harff, 1946, p. 104].

Распространились слухи о том, что Кансух Хамсуми'а был ранен пулей в лицо и погиб. Но вскоре Кансух со своими мамлюками объявился у Газы. Здесь он встретился с Акбирди, который сумел объединить большую часть эмиров и мамлюков, находившихся в ссылке в различных провинциях Сирии, а также часть эмиров Дамаска. Между войском, собранным Акбирди, и мамлюками Кансуха в начале марта 1497 г. произошло сражение. Кансух Хамсуми'а был убит, а Акбирди с победой вернулся в Газу [ал-Буṣравī, 1988, с. 204-206; Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 345-348].

Тем временем в Каире трон снова занял ан-Насир Мухаммад. В апреле 1497 г. Акбирди прибыл в Египет. Среди сопровождавших его эмиров находились *наместники* Газы и Триполи. Все они были приняты султаном и получили пожалования. В Газу был отправлен приказ казнить тех, кто был захвачен в плен в сражении между Акбирди и Кансухом Хамсуми'а. Более

мягко султан обошелся с высокопоставленными египетскими и сирийскими чиновниками, которые оказывали поддержку Кансуху Хамсуми'а: все они были наказаны денежными штрафами [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 209-210]. Так, совершенно отчетливо проявилась «политизация администрации» и «коммерциализация политики». Если раньше чиновники старались держаться в стороне от борьбы эмиров за власть, то в конце XV в. медленный процесс сращения военной и гражданской элиты, привел к тому, что высокопоставленные чиновники оказались вовлеченными политическое противостояние претендентов на трон. С другой стороны, в предшествующий период приход к власти нового султана мог сопровождаться частичной заменой бюрократического аппарата, из которого постепенно удалялись все, кто мог быть заподозрен в недостаточной лояльности по отношению к очередному правителю. При ан-Насире Мухаммаде за симпатии к его сопернику чиновникам пришлось расплачиваться, в бквальном смысле этого слова, значительными денежными суммами.

В схватке с Кансухом Хамсуми'а Акбирди стал победителем. Он был назначен сразу на все ключевые должности в администрации ан-Насира Мухаммада: стал *главным давадаром, главным устадаром, вазиром, эмиром совета* и *главным управляющим египетских провинций (kāshif al-kushshāf)* [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 210; Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 349]. Фактически в его руках было сосредоточено управление всеми доходами и расходами казны.

В августе 1497 г. Акбирди поднял мятеж с целью свержения ан-Насира Мухаммада. В мятеже принял участие *командир вахты* Акбай и *эмир совета* Танибек Кара. Цитадель, которую защищали мамлюки султана, находилась в осаде тридцать один день, но взять ее так и не удалось, ан-Насир Мухаммад при поддержке многочисленных мамлюков своего отца сохранил трон, а Акбирди был вынужден покинуть Каир [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 213, 215; Ибн Ṭӯлӯн, 1973, т. 2, с. 78; Fuess, 2020, p. 206].

Акбирди не смог захватить власть, но все еще оставался опасным соперником султана. Впрочем, сам он заявлял, что выступает не против ан-

Насира Мухаммада, а против его советников, которые злоупотребляют доверием юного правителя. В первую очередь, речь шла о дяде Мухаммада по материнской линии, эмире Кансухе (ум. в 1517 г.). Заметное влияние, которым пользовался при дворе этот родственник молодого султана, не имевший ни внушительного послужного списка, ни военных заслуг, действительно, вызывало раздражение у эмиров и способствовало сплочению оппозиции.

Возможно, ан-Насир Мухаммад считал правдивыми заявления Акбирди, но не исключено и то, что султан и его приближенные осознавали, что Акбирди слишком опасный соперник, и вторую осаду Цитадель может не выдержать. Во всяком случае ан-Насир Мухаммад предпринял попытку примирения с Акбирди, который отправился в Верхний Египет. Султан направил ему послание, в котором призывал закончить вражду [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 216]. Акбирди не принял предложение ан-Насира Мухаммада и отправился в Сирию, где рассчитывал собрать новое войско.

Пятнадцатилетний ан-Насир Мухаммад остался в Каире. Его настойчиво опекала мать и ее брат – тот самый эмир Кансух, получивший в 1497 г. пост *главного давадара*. Их единственной опорой были *джулбан,* которые пользуясь своим положением, чувствовали себя безраздельными хозяевами столицы. Любой, кто пытался противостоять им, рисковал жизнью. Тем временем, из Мекки вернулся Азбек. Он снова занял пост *атабека*, сменив на этом посту Тамураза аш-Шамси, который был убит. Мамлюки молодого султана бесчинствовали в столице. Грабежи и убийства не прекращались. Азбек попытался убедить ан-Насира Мухаммада обуздать потерявших контроль *джулбан*, но тот не прислушался к его словам. Дело дошло до того, что летом 1498 г. мамлюки захватили Азбека и силой доставили его во дворец с тем, чтобы он убедил султана выдать им очередное денежное вознаграждение. Азбеку оставалось только подчиниться, и султан пообещал выплатить каждому мамлюку по пятьдесят динаров через месяц [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 373, 375, 384].

Ан-Насир Мухаммад окончательно утратил контроль над мамлюками своего отца и, очевидно, тяготился опекой матери и дяди. Противовес этой «партии родственников» мог составить Акбирди, который готовил почву для возвращения в Каир. Осенью 1498 г. ан-Насир Мухаммад (ему уже исполнилось шестнадцать лет) вопреки желанию матери и дяди, женился на племяннице Акбирди. Вероятнее всего, этот брак был частью плана Акбирди, пытавшегося получить влияние на султана и поссорить его с матерью и Кансухом. Дело в том, что сам Акбирди как было упомянуто выше, тоже был связан с семьей Каитбая: он был женат на сестре Фатимы, жены Каитбая, а матерью ан-Насира Мухаммада была одна из наложниц Каитбая, Аслбай [Petry, 1994, p. 18]. Таким образом, ан-Насир Мухаммад оказался в центре соперничества двух фракций – одна из них была связана с его матерью Аслбай, а другая – с вдовой его отца, Фатимой. Женитьба ан-Насира Мухаммада на племяннице Акбирди, действительно, привела к серьезной ссоре султана с матерью и стала поводом для разрыва с Кансухом.

Ан-Насир Мухаммад растерял всех своих союзников. *Атабек* Азбек был чуть ли не единственным из приближенных султана, кто, соблюдая приличия, явился на прием в Цитадель по случаю торжеств в день рождения Пророка. Этот праздник стал для ан-Насира Мухаммада последним. После пикника, который был устроен за городом, молодой султан был убит. Встал вопрос о том, в чьи руки перейдет власть. Согласно традиции, эмиры предложили занять трон самому старшему из них – *атабеку* Азбеку, но он категорически отказался. Уговоров не последовало. Вслед за этим в зале совета появился дядя убитого ан-Насира Мухаммада, эмир Кансух. Без лишних проволочек было принято решение о том, что султаном станет именно он [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 390; Ибн Сибāṭ, 1993, т. 2, с. 914-915]. Кансуху в то время еще не исполнилось тридцати лет, а Азбеку было за восемьдесят.

Нам не дано знать истинных причин отказа Азбека. Может быть, он осознавал, что у него не много шансов удержаться на троне и не хотел пасть жертвой жестокого и коварного убийства. А он знал, что его седины не

остановят молодых мамлюков – *джулбан*. Ведь совсем недавно его ровеснику и предшественнику на посту *атабека* Тамуразу ал-Йусуфи, больному старику, едва вставшему с постели, мамлюки отрубили голову без суда и следствия прямо на улице. А может быть, Азбек счел, что несколько дней, месяцев или лет на троне в разоренной стране, охваченной смутами, не прибавят ему ни достоинства, ни славы, которые он уже заслужил своими военными победами и увековечил в величественной мечети и прекрасных садах Эзбекие.

Так или иначе, ставшая традиционной для бурджитских мамлюков схема перехода власти, согласно которой после недолгого правления наследника новым султаном становится самый старший из эмиров по званию, *атабек*, перестала работать. Причины слома устоявшегося «алгоритма» крылись в серьезной структурной трансформации военно-политической элиты. Теперь уже не *атабек* – командир армии, возглавлял верхушку эмиров. Ведущую роль в государстве стали играть мамлюкские выдвиженцы, в руках которых находилось управление финансами и казной султана. Привычные механизмы избрания самого старшего и могущественного эмира уже не работали, и Султанат погрузился в политический хаос еще почти на четыре года. В борьбу за власть вступили мамлюки ал-Ашрафа Каитбая: троим из них, аз-Захиру Кансуху, ал-Ашрафу Джанбулату и ал-‘Адилю Туманбаю удалось стать султанами.

Аз-Захир Кансух сделал, пожалуй, самую головокружительную карьеру в истории бурджитских султанов. В качестве раба его доставили в Египет в 898/1492-1493 г., а через шесть лет он уже занял трон в Султанате мамлюков – одной из самых крупных держав мусульманского мира. Он обучался в казармах Каитбая и вошел в число *камердинеров* султана. В 1496 г., разумеется, не без влияния своей сестры – матери ан-Насира Мухаммада, был назначен *казначеем*, в следующем году получил звание эмира сорока и стал *директором кладовой напитков и десертов,* а в 1497 г. добился от своего племянника назначения сразу на три должности, позволявшие контролировать финансы султана и его мамлюков – *давадара, устадара и вазира*. Кансух

пришел к власти, когда ему было около тридцати лет. Он был самым молодым из всех бурджитских правителей, которые получили трон не по праву наследования, а по решению эмиров.

Политическому успеху Кансуха способствовало несколько факторов. Во-первых, благодаря тому, что ан-Насир Мухаммад был его племянником, он стал играть роль опекуна и советчика при юном султане и, фактически, мог распоряжаться его казной, а должности *давадара*, *устадара* и *вазира* позволяли ему контролировать и содержание султанских мамлюков, и налоговые поступления. Таким образом, Кансух получил возможность обеспечить себе поддержку *джулбан* и наиболее влиятельных эмиров и чиновников.

Вторым важным фактором было отсутствие сплоченной оппозиции. Как отмечалось выше, политическая борьба развернулась между несколькими эмирами из числа мамлюков Каитбая, каждый из которых сам рассчитывал захватить власть. Кансух Хамсуми'а погиб в борьбе с Акбирди. Сам Акбирди после двух неудавшихся мятежей растерял сторонников и не смог собрать новое войско для очередного похода в Каир. Другие эмиры пока еще были не в состоянии сформировать достаточно мощный блок, чтобы противостоять *джулбан* и Кансуху, который прочно обосновался в Цитадели благодаря своим родственным связям с семьей султана.

Летом 1499 г. в Каир было доставлено сообщение о смерти Акбирди (он скончался в Триполи после недолгой болезни). В начале осени 1499 г. его останки были доставлены в Каир и захоронены в выстроенной им гробнице, а через месяц султан аз-Захир Кансух женился на Мисрбай, вдове ан-Насира Мухаммада, племяннице Акбирди. Такая последовательность событий едва ли была случайной и, во всяком случае, делает уместным вопрос о том, носил ли этот брак политический характер, тем более что аз-Захир Кансух уже был женат, а за несколько дней до брака с Мисрбай его жена, Джанкилди, родила ему сына. Это событие торжественно отмечалось, и Джанкилди была удостоена всяческих почестей [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 416-417]. Кроме

того, позже, учреждая *вакф* на строительство и содержание мечети и погребального комплекса, аз-Захир Кансух закрепил получение определенной доли доходов от вакуфного имущества за Джанкилди и ее потомством, а Мисрбай в этом документе вообще не была упомянута [Документ…]. Избегая догадок об эмоциональной стороне отношений Кансуха и Мисрбай, попытаемся отметить позитивные для репутации и авторитета султана последствия этого союза. Во-первых, брак с Мисрбай укрепил связь аз-Захира Кансуха семьей Каитбая. К тому же, женившись на Мисрбай, Кансух взял под свое покровительство сироту (отец Мисрбай погиб еще до вступления Кансуха на престол) и вдову сына своего хозяина (напомним, что Кансух был мамлюком Каитбая), поступив в полном соответствии с мусульманской этикой и обычаями мамлюков. И, наконец, этот брак мог быть воспринят в мамлюкской среде как символическое завершение политического соперничества Кансуха с эмиром Акбирди, как демонстрация доброй воли султана по отношению к семье его уже покойного противника и, в более широком смысле, к его «дому», т.е. ко всем его мамлюкам. Таким образом, аз-Захир Кансух сделал шаг, который мог принести ему репутацию благочестивого мусульманина и верного традициям мамлюков правителя, а для бывших сторонников Акбирди – открывал путь в лагерь правящего султана.

Прошло всего три месяца после заключения брака между аз-Захиром Кансухом и Мисрбай, и жители Каира стали свидетелями очередной свадебной церемонии, на этот раз весьма помпезной: зимой 1500 г. *атабек* Джанбулат женился на Аслбай (ум. в 1509 г.), матери ан-Насира Мухаммада, бывшей наложнице Каитбая и сестре аз-Захира Кансуха [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 418-419]. Аслбай стала третьей женой Джанбулата, который начал свою службу в качестве одного из мамлюков *наместника* далекой Малатьи. Счастливый поворот в судьбе Джанбулата произошел, когда он в числе других рабов был преподнесен в качестве подарка *главному давадару* Каитбая, Йашбеку, а тот, в свою очередь, подарил Джанбулата султану. Каитбай

освободил Джанбулата и зачислил его в отряд своих гвардейцев, затем сделал *младшим давадаром.* Через некоторое время Джанбулату был поручен надзор за *вакфами* султана и управление *ханакой* Сирйакус. Одновременно Джанбулат продолжал службу в ведомстве *давадара*. Он получил звание *эмира десятка*, и в 1488 г. был назначен эмиром *махмаля.* После благополучного возвращения из Мекки Джанбулат получил звание *эмира сорока*, а затем был назначен *эмиром хаджжа*. В 1491 г. он возглавил делегацию, отправившуюся к Баязиду II для подписания мирного договора, а по возвращении получил звание *эмира сотни*. Каитбай активно продвигал Джанбулата по службе и, вероятно, не без его посредничества Джанбулат женился на внучке султана Инала, которая приходилась внучатой племянницей жене самого Каитбая. В 1494 г., после смерти своей первой жены, Джанбулат женился во второй раз – на дочери *начальника канцелярии* Зайн ад-Дина Абу Бакра Ибн Музхира (ум. в 1488 г.) [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 62-63; его же, 1995, т. 3, с. 1259-1260; Martel-Thoumian, 1991, p. 274]. Третий брак – с Аслбай – укреплял позиции Джанбулата как одного из главных претендентов на престол. Не исключено, что и сама Аслбай играла не пассивную роль в заключении этого союза. После смерти сына ее положение при дворе уже не было столь высоким и значимым как раньше, женитьба аз-Захира Кансуха на ее невестке, к которой она и раньше испытывала неприязнь, вероятно, внесла еще больший разлад в ее отношения с братом. А вот брак с Джанбулатом открывал перед Аслбай совсем другие перспективы и давал ей шанс войти в Цитадель не наложницей, как при Каитбае, не матерью, как при ан-Насире Мухаммаде, не сестрой, как при аз-Захире Кансухе, а полноправной супругой султана.

Как и в первые месяцы правления ан-Насира Мухаммада политическая борьба развернулась между двумя главными претендентами на престол – *атабеком* и *главным давадаром*. Соперником *атабека* Джанбулата был *давадар* Туманбай. Собственно, Туманбай и открыл «свадебный сезон», начавшийся после вступления на престол ан-Насира Мухаммада. Зимой 1497-

1498 г. он женился на Хабибе (ум. в 1500 г.), дочери султана ал-Мансура ‘Усмана, внучке аз-Захира Джакмака. Уже тогда Туманбай, занимавший пока еще должность *второго давадара,* строил планы устранения ан-Насира Мухаммада [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 387], а брак, который породнил его с Джакмаком, вероятно, должен был стать одной из ступенек к трону.

Туманбай начал свою карьеру рядовым мамлюком *наместника* Сирии, Касруха ал-Йахави (ум. в 1497 г.), затем был подарен Каитбаю, прошел обучение в казармах султана и был зачислен в отряд гвардейцев. В 898/1492-1493 г. стал служить в казначействе, затем получил должность *второго давадара* [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 332, 350, 368, 372].

Осенью 1498 г. Туманбаю представился случай осуществить давно задуманный план устранения ан-Насира Мухаммада. Туманбай встретил молодого султана, когда тот после трехдневного пикника, устроенного по случаю дня рождения Пророка, с немногочисленной свитой возвращался в Каир. Он любезно предложил ан-Насиру Мухаммаду, не пожелавшему спешиться и сделать привал, отведать отменной простокваши (*laban fākhir*), и пока тот лакомился, взяв в одну руку ложку, а в другую миску, Туманбай придерживал коня султана за уздечку. В это время мамлюки Туманбая, следуя знаку своего хозяина, набросились на ан-Насира Мухаммада и убили его. Тем не менее, на этот раз Туманбай счел преждевременным претендовать на престол, и султаном стал более сильный кандидат – эмир Кансух, дядя ан-Насира Мухаммада [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 392, 393-395; Ибн Ṭулӯн, 1973, т. 2, с. 89].

Сразу после прихода к власти аз-Захира Кансуха, Туманбай получил место *главного давадара*. Буквально через несколько дней он был назначен *вазиром* и *устадаром*. Должность *главного давадара* тоже осталась за ним. Туманбай продолжал последовательно продвигаться к трону и строил планы смещения Кансуха. В июне 1500 г. он поднял мятеж. Кансух готовился к обороне Цитадели и начал аресты, но засилье «партии родственников» у власти и бесчинства *джулбан*, которые окончательно утратили всякое понятие

о дисциплине, уже давно вызывали недовольство эмиров, а сам султан, поднявшийся к трону, минуя все ступени военной карьеры, не мог не рождать у них зависти и раздражения. Туманбай умело манипулировал настроениями командиров и бюрократов, осторожно вербовал сторонников и сумел сплотить оппозицию. Под его влиянием в июне 1500 г. эмиры приняли решение о смещении аз-Захира Кансуха. Но и в этот раз Туманбай не решился претендовать на престол, поскольку гораздо больше шансов на успех было у *атабека* Джанбулата [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 418-419, 423-424, 426-427; Ибн Сибāṭ, 1993, т. 2, с. 915].

Заслуживает внимания тот факт, что Туманбай, сыгравший решающую роль в устранении ан-Насира Мухаммада и свержении аз-Захира Кансуха, в обоих случаях «уступил дорогу» эмирам, связанным родственными и матримониальными узами с семьей Каитбая. Сам Туманбай был женат на внучке Джакмака, правление которого завершилось почти за полвека до того, как смерть Каитбая открыла мамлюкам дорогу к активному соперничеству за политическую власть. Разумеется, семейное положение возможных кандидатов было не единственным и не главным фактором, влиявшим на решение эмиров о том, кто следующий займет трон. Тем не менее, связь, и особенно, через брак, с «домом» султана, которому принадлежало большинство влиятельных мамлюков, по-видимому, тоже принималась в расчет. Во всяком случае, Туманбай, добравшись, наконец, до власти в январе 1501 г., не преминул в том же месяце заключить брак с Фатимой, вдовой Каитбая [ʿАбд ар-Рāзиḳ, 1999, с. 83].[1]

Если попробовать выстроить схему родственных и матримониальных связей между эмирами, претендовавшими на трон с 1496 по 1501 г., и женщинами из дома Каитбая, становится ясно, что за кулисами политической

[1] Это было третье замужество Фатимы, которая в первый раз осталась вдовой, когда ей было уже за пятьдесят. Брак с Туманбаем был заключен, когда Фатиме было около шестидесяти лет, а самому Туманбаю – около сорока.

борьбы стояли Фатима, вдова Каитбая, и Аслбай, его наложница, мать ан-Насира Мухаммада (*Рис. 1*).

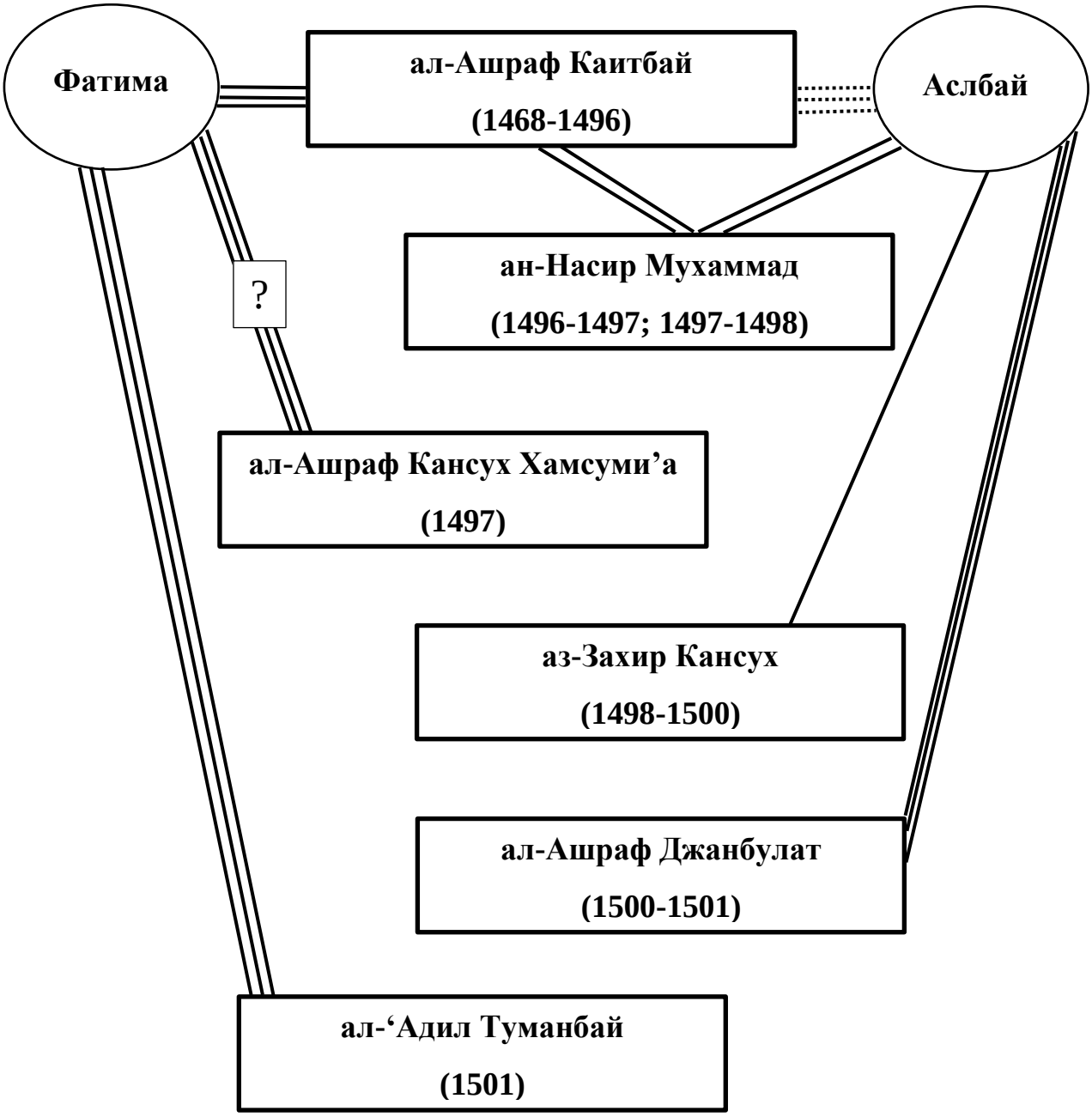

Рисунок 1. Родственные и матримониальные связи в «доме» Каитбая.

Условные обозначения:

- брак;

- хозяин-наложница;

- отец-сын, мать-сын;

- брат-сестра.

Мы не располагаем убедительными свидетельствами того, что эти две женщины в какой бы то ни было степени оказывали влияние на события, происходившими на политической сцене, но их активное участие в этих событиях не вызывает сомнения.

О роли Аслбай в том, как складывались отношения ее сына, ан-Насира Мухаммада, с его соперниками – будущим султаном ал-Ашрафом Кансухом и *давадаром* Акбирди, а также о том, какие основания у нее могли быть для заключения брака с Джанбулатом, уже упоминалось выше. Приход к власти Кансуха Хамсуми'а в какой-то степени был победой Фатимы. Дело в том, что ни один из детей Фатимы и Каитбая не пережил отца. Первый сын Фатимы и Каитбая, Ахмад, умер в 1469 г., когда в Каире началась чума. Ему было около четырех лет. Тогда же умерла их шестилетняя дочь, Ситт ал-Джаракиса [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 10, 28].

После смерти Каитбая Фатима осталась без защиты и поддержки. Брак с Кансухом Хамсуми'а давал ей надежду восстановить свое почетное положение при дворе и, что немаловажно, сохранить и приумножить свое состояние. Фатима начала приобретать недвижимость еще в 1473 г. Тогда она купила десять городских объектов и шесть участков в Дельте. Судя по документам, все шесть участков находились раньше под контролем ведомства, которое занималось распределением *икта'*. В последующие тридцать лет Фатима продолжала осуществлять сделки с недвижимостью и инвестиции.[1] Ее состояние оценивалось в несколько десятков тысяч динаров [Rapoport, 2007, p. 13, 21].

Свержение и гибель Кансуха Хамсуми'а поставили Фатиму в положение пособницы мятежника, посягнувшего на власть законного наследника престола, что давало Аслбай вместе с её сыном и её братом законные основания для того, чтобы расправиться с богатой вдовой или, по крайней мере, сделать ее менее богатой, а значит и менее желанной невестой для

[1] Подробнее о недвижимости и финансовом положении Фатимы см. [Petry, 2004].

очередного претендента на власть. При ан-Насире Мухаммаде дом Фатимы был разграблен мамлюками, а аз-Захир Кансух, став султаном, конфисковал часть ее имущества [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 417-418]. Материальное положение Фатимы пошатнулось, но высокий статус вдовы Каитбая позволял ей и в шестьдесят лет оставаться привлекательной на «рынке невест». Брак с ал-‘Адилем Туманбаем, казалось бы, оставлял за ней последнее слово в споре с Аслбай и открывал дорогу к восстановлению той влиятельной и почетной позиции в резиденции султана, которую она занимала при Каитбае, но ее новый супруг смог удержаться на троне только три месяца.

Придя к власти, ал-‘Адил Туманбай быстро избавился от всех, кто поддерживал его в борьбе за престол, многие мамлюкские эмиры были арестованы. По его приказу ал-Ашраф Джанбулат был закован в кандалы и отправлен в тюрьму, а затем убит без суда и следствия. Жестокие расправы и убийство Джанбулата вызвали волну негодования среди мамлюков. Ал-‘Адил Туманбай был свергнут в апреле 1501 г., в день праздника *‘ид ал-фитр,* и бежал из Цитадели. Через сорок два дня его обнаружили в Каире в самом жалком состоянии. Ибн Ийас сообщает, что за это время волосы его так отросли, что стали похожи на овечью шерсть. Когда мамлюкам, жаждавшим отомстить свергнутому султану за все его злодеяния, удалось пробраться в дом, где он скрывался, ал-‘Адил сделал попытку спастись, спустившись со стены, но упал и сломал ногу. Его быстро настигли мамлюки ал-Ашрафа Джанбулата... Отрубленную голову ал-‘Адиля водрузили на медное блюдо и отнесли в Цитадель. Новый султан, Кансух ал-Гури, распорядился о похоронах. Голова Туманбая была соединена с телом, труп обмыли, завернули в саван и предали земле в месте, которое сам ал-‘Адил предназначил для своего погребения. Процессию сопровождала вооруженная охрана, поскольку Кансух ал-Гури опасался, и не без оснований, что мамлюки Джанбулата попытаются сжечь тело прямо на носилках [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 450-464, т. 4, с. 11; Alhamzah, 2009, p. 34].

Вдова ал-‘Адиля Туманбая (а также Кансуха Хамсуми’а и Каитбая), Фатима, прожила еще несколько лет. Она скончалась во время эпидемии чумы в 1504 г. На пышных похоронах присутствовала военная аристократия и высшее духовенство Каира. Следующий султан, Кансух ал-Гури, закрепил свою связь с домом Каитбая брачным союзом между своим племянником, будущим султаном ал-Ашрафом Туманбаем, и племянницей Фатимы [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 64; D’hulster, Van Steenbergen, 2013, p. 78].

Выводы

В период правления ал-Ашрафа Каитбая определяющую роль в политической, экономической, социальной жизни Султаната мамлюков стали играть военные конфликты с государствами Малой Азии. В конце XIV – первой половине XV в. крупнейшие бейлики юго-восточной Анатолии, Караман и Дулкадир, выполняли функции буферной территории в защите мамлюкской Сирии. Их эмиры считались – в большей или меньшей степени формально – вассалами мамлюкского султана и пытались лавировать между мамлюками и османами, преследуя свои собственные интересы. Во второй половине XV в. Дулкадир, стал играть существенную роль в отношениях между Османами, мамлюками, а затем, и Сефевидами. Стремление правителей Дулкадира к независимости, достичь которой они пытались, используя поддержку османов, представляло серьезную угрозу для мамлюков.

Выступление Шаха Сувара, его впечатляющие победы в Сирии нанесли серьезный ущерб авторитету султана и власти мамлюков, которые проявили неспособность защитить границы своего государства и своих подданных. Изгнание дулкадиритов далось мамлюкам дорогой ценой – в прямом и переносном смысле. Не только Дулкадир, но эмиры и беи других княжеств, хотя бы формально признававшие вассалитет по отношению к египетскому султану, получили веские основания для того, чтобы усомниться в непобедимости мамлюкской армии, а главное – в могуществе своего сюзерена, от которого зависел и их собственный авторитет. В таких обстоятельствах любой из них мог предпочесть союз с другим правителем, чья репутация не

была запятнана позорными поражениями. Мамлюкам удалось отстоять свои территории, но «идеологические границы»[1] Султаната, которые охватывали буферные эмираты Малой Азии, простирались до Диярбакыра и Ак Коюнлу, получили иную конфигурацию и приблизились к сирийским провинциям.

Длительные военные действия, в ходе которых личные мамлюки султана – *джулбан*, и мамлюки-ветераны – *караниса*, находились в неравном положении, стали благоприятной почвой для постепенного углубления раскола в армии. В событиях, связанных с борьбой за власть, которая началась в последний год правления Каитбая, отчетливо проявился конфликт между подразделениями султанских мамлюков – *джулбан* и *караниса.* Последние продемонстрировали готовность выступить на стороне мятежников против султана, обеспечивавшего привилегированное положение *джулбан*. В ходе следующей, последней войны между мамлюками и османами противоречия между личными мамлюками султана и остальными подразделениями мамлюкской армии стали одной из причин крушения Султаната Бурджитов.

Материальные потери мамлюков тоже были существенными.[2] Война, фактически, свела на нет торговлю между османами и мамлюками: на доставку товаров в Египет и Сирию было наложено эмбарго. Походы османов в Крым в 1475 г. и на Кавказ в 1484 г. привели к нарушению поставки военных рабов в Египет [Ланда, 2005, с. 65; Хотко, 2016, с. 36]. К тому же на период войны 1485-1491 гг. османы наложили запрет на транспортировку рабов в Султанат мамлюков [Rapoport, 2007, p. 14]. Сокращение притока новых невольников совпало с мощными вспышками чумы в Египте, которая уносила жизни в первую очередь молодых, только что ввезенных мамлюков, не успевших адаптироваться к новым условиям. Потеря численного состава требовала восполнения, а значит денег на покупку новых рабов. Султаны увеличивали размер поземельного налога, эмиры стремились присвоить –

[1] Об «идеологических границах» Султаната мамлюков см. [Wing, 2015, p. 387-388].
[2] Только с 1485 по 1490 г. на военные кампании Каитбай за пять лет истратил более пяти миллионов динаров [Har-El, 1995, p. 207–210].

частично или полностью – суммы, которые выделялись на поддержание ирригационной системы. Все это вкупе с сокращением сельского населения,[1] которое страдало от чумы не меньше, чем городское, приводило к разрушительным последствиям для аграрного сектора экономики Египта [Borsch, 2005, p. 48-54; Varlik, 2015, p. 163]. Вся область вокруг Алеппо была разорена, другие сирийские провинции и, прежде всего, Дамаск были обескровлены отрядами египетской армии, которые требовали питания, постоя, фуража. Война с Османами полностью истощила ресурсы Султаната мамлюков и нанесла непоправимый урон экономике Египта и Сирии. Страшная эпидемия чумы 1492 г. довершила картину разорения.

Особенно сложная ситуация сложилась в Сирии, на территории которой велись затяжные военные действия. После смерти Каитбая политическая нестабильность и борьба между фракциями эмиров, часть которых базировалась в сирийских городах, привела к росту преступности, безнаказанными оставались нападения бедуинов. Передвигаться по дорогам между Каиром и Дамаском стало небезопасно даже для мамлюков [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 202]. Тяжелое положение, в котором находились жители сирийских провинций, приводило к росту недовольства гражданского населения и создавало почву для распространения сепаратистских настроений. Целостность Султаната, которую с трудом удалось отстоять в войне с османами, в условиях ослабления центральной власти снова была под угрозой.

Военные конфликты с бейликами Малой Азии, мятежи бедуинов, эпидемии чумы и стихийные бедствия ложились тяжким бременем на экономику Султаната, истощая и людские и финансовые ресурсы. Ал-Ашраф Каитбай предпринял целый ряд мер, чтобы аккумулировать максимальное количество финансовых средств и собственности под контролем центральной власти. По сути, речь шла о реорганизации финансовой системы, в которой

[1] О сокращении сельского населения и влиянии эпидемий на демографическую ситуацию в султанате в целом см. [Ayalon, 1985; Dols, 1977, p. 143-235; Tucker, 1999, p. 116, 122-123].

должны были доминировать два принципа – централизация и полный контроль, основанный не на создании соответствующих бюрократических структур, а на личных связях. Растущее политическое влияние приобретают эмиры-администраторы, различного рода управляющие, в ведении которых находилось имущество и финансы султана.

После смерти Каитбая в борьбе за власть главную конкуренцию *атабеку* стали составлять эмир, который занимал и совмещал должности *давадара*, *устадара* и *вазира*, т.е., фактически, контролировал все финансовые ведомства, и именно такой эмир становится первым претендентом на мамлюкский престол. После прихода к власти молодого наследника Каитбая борьба развернулась между *атабеком* Кансухом Хамсуми'а и *давадаром* Акбирди. На несколько дней Кансух Хамсуми'а сумел занять трон, но вскоре был убит в сражении с Акбирди. Затем в борьбу вступил дядя ан-Насира Мухаммада, Кансух. В 1497 г. он занял место, которое ранее принадлежало Акбирди и был назначен *главным давадаром*, *вазиром* и *устадаром,* а в следующем году – стал султаном. В период его недолгого правления соперничество снова развернулось между *атабеком* и эмиром, совмещавшим должности *главного давадара*, *вазира* и *устадара.* Ал-Ашраф Джанбулат стал последним в истории Бурджитов *атабеком*, которому удалось захватить трон. Вскоре он был свергнут *главным давадром*, *вазиром* и *устадаром* Туманбаем. На смену устоявшейся схеме смены власти пришла новая модель престолонаследия, в которой ведущую роль стали играть не армейские командиры, а эмиры, контролировавшие получение и распределение доходов казны.

Одним из факторов, повлиявших на кризис системы престолонаследия стала феноменально длительная продолжительность пребывания Каитбая у власти. Рядом с султаном находились его соратники и ровесники – *атабек* Азбек и сменивший его в 1495 г. Тамураз аш-Шамси. И Азбек, и Тамураз состарились за почти тридцатилетний срок правления Каитбая. Эти восьмидесятилетние старцы-*атабеки*, несмотря на авторитет и огромное

влияние, которым они пользовались в государстве, не могли и не хотели соперничать с молодыми эмирами, создавались предпосылки для перестройки мамлюкской военно-политической иерархии и выдвижения на политическую сцену эмиров, занимавших должности *главного давадара*, *вазира* и *устадара.*

Фактор времени сыграл еще одну роль в формировании новой модели перехода власти. К концу правления Каитбая в Султанате практически не осталось эмиров, принадлежавших к фракциям других султанов, которые были бы способны сформировать политические союзы и активно участвовать в борьбе за власть. В результате соперничество развернулось между эмирами одной фракции – мамлюками ал-Ашрафа Каитбая. Привычные механизмы создания альянсов в такой ситуации не работали. Ни одному из претендентов не удалось сформировать достаточно сильный блок, чтобы удержаться у власти. Отчасти это стало причиной довольно длительного по мамлюкским меркам правления султана-наследника: ан-Насир Мухаммад находился на троне в общей сложности более двух лет. Отчасти политическую ситуацию в период его правления можно сравнить с той, что сложилась в Султанате после смерти Баркука, когда при юном султане-наследнике ан-Насире Фарадже соперничество тоже развернулось между мамлюками, принадлежавшими к «дому» одного султана – Баркука. Существенная разница состояла в том, что при Фарадже новая система престолонаследия только формировалась, и решался вопрос о том, будет ли в ее основе лежать династийный принцип передачи власти. При ан-Насире Мухаммаде такой вопрос уже не стоял, и его сравнительно долгое пребывание на троне объяснялось, в первую очередь, отсутствием сплоченной оппозиции.

В период острой политической борьбы, развернувшейся в Султанате после смерти Каитбая, заметную роль в судьбах претендентов на престол играли их матримониальные и родственные связи с женщинами из «дома» султана. Женитьба на дочери, наложнице или вдове султана позволяла войти эмиру в довольно узкий круг привилегированной военной элиты, открывала широкие перспективы для развития карьеры, более того считалась веским

аргументом в пользу того кандидата на престол, которому посчастливилось такой брак заключить.[1]

Власть Каитбая опиралась на поддержку высших мамлюкских эмиров, гражданскую бюрократию, а также на занимавшую промежуточное положение между первыми и вторыми группу функционеров, которые были выходцами из самых разных слоев общества. Каитбай был приверженцем традиционных мамлюкских ценностей, пользовался заслуженным авторитетом воина и правителя. Вместе с тем, необходимость постоянного поиска ресурсов для снабжения армии и пополнения численного состава армии в условиях затяжных военных действий создавала предпосылки для проведения финансовых реформ и реконфигурации военно-административной элиты. Кансух ал-Гури, о котором пойдет речь в следующей главе, получивший в наследство от своих предшественников государство, разъедаемое коррупцией, страдающее от последствий войны и затяжного политического кризиса, продолжил реформы ал-Ашрафа Каитбая и сделал ставку на переход к полностью авторитарному правлению.

[1] Вопрос о роли матримониальных и родственных связей в системе престолонаследия Бурджитов будет рассмотрен в Гл. 6.

Глава 5. Падение власти мамлюкских султанов (1501-1517).

На завершающем этапе своей истории мамлюкам-Бурджитам предстояло справиться с разрушительными последствиями первой войны с османами и затяжного политического кризиса, последовавшего за смертью Каитбая. Султану Кансуху ал-Гури, который вступил на престол в 1501 г. пришлось решать сложную задачу укрепления центтальной власти и авторитета мамлюкских правителей, что было особенно важно в условиях противостояния с османами.

§ 1. Внутренняя политика ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури.

После того, как главные претенденты на престол, связанные матримониальными и родственными узами с семьей Каитбая, уничтожили друг друга в схватке за власть, а последний из них – ал-‘Адил Туманбай был убит мамлюками, разъяренными его неоправданной жестокостью по отношению к врагам и предательством по отношению к соратникам, следующим султаном стал Кансух ал-Гури, примкнувший к лагерю ал-‘Адиля Туманбая на последнем этапе политической гонки.

Достоверных сведений о происхождении Кансуха ал-Гури, как и большинства мамлюкских эмиров, нет. Его нисбу связывают с казармой ал-Гур в каирской Цитадели, где он проходил обучение, как один из мамлюков Каитбая [Petry, 1994, p. 20].[1] В Египет ал-Гури был привезен,

[1] Существует гипотеза, согласно которой будущий султан был рожден в грузинском городе Гори или его окрестностях, поскольку в казарме ал-Гур размещались преимущественно выходцы из этой области. Однако, в нисбе султана имеются разночтения. В Копенгагене, в Датской Королевской библиотеке хранится рукописный сборник стихов Кансуха ал-Гури (Полное описание рукописи см [Илюшина, «Божественные касыды…», 2012]). Текст рукописи полностью огласован. Первый согласный в нисбе имеет четко проставленную *фатху* (краткий гласный *а*) [Дӣвāн…]. Так же огласовано это имя в сборнике стихов *ал-Гаури* под названием «Божественные касыды…», который был записан по повелению самого султана одним из его мамлюков и хранится в Институте Рукописей в Каире [Дӣвāн…, 1980, с. 103] (текст тридцати шести из сорока двух стихотворений датской рукописи почти полностью совпадает с текстом «Божественных касыд…»). Огласовка *фатхой* была обнаружена и в копии «Шахнаме» с посвящением Кансуху *аль-Гаури,* по заказу которого она была изготовлена [Alhamzah, 2009, p. 31-32], а также в медльоне *шамсе* рукописи дидактического сочинения Йахйи Сибака Фаттахи (ум.в 1448 г.), также переписанного по заказу Кансуха *ал-Гаури* [Притула, 2018, с. 131, кат. 59]. В стихотворении Ибн Ийаса, посвященном вступлению султана на престол, а также в касыде, сопровождающей описание событий лета 1512 г., буква *ghayn* в имени ал-Гури должна быть – для сохранения строя стиха – огласована *даммой* (краткий гласный *у*) [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 278]. Трудно предположить, что Ибн Ийас, известный историк, выходец из семьи черкесских мамлюков и современник ал-Гури, не знал, как произносится имя этого правителя. Еще более невероятной представляется ошибка в текстах, написанных для султана по его собственному заказу. Противоречие, как

предположительно, торговцем по имени Бабирди [Alhamzah, 2009, p. 31-32]. Кансух ал-Гури входил в число мамлюков Каитбая, получил освобождение, коня и ткань на костюм, а после этого стал одним из *камердинеров* султана [Салӣм, 1966, с. 30]. Затем его перевели в личную охрану Каитбая. В 1481 г. Кансух ал-Гури при посредничестве своего тезки, эмира Кансуха Хамсуми'а, был назначен *кашифом* Нижнего Египта. Через три года Кансух ал-Гури получил звание *эмира десятка* и отправился служить в Алеппо, затем стал *наместником* Тарсуса, позже снова вернулся в Алеппо [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 2]. В 1489 г. он занял там должность *главного церемониймейстера* и отлично проявил себя в подавлении восстания 1493 г. Следующим его назначением было наместничество в Малатье. Успешная деятельность в провинциях позволила ал-Гури войти в число эмиров высшего звена. После смерти Каитбая и смещения его наследника ан-Насира Мухаммада, в карьере ал-Гури начались быстрые перемены. Аз-Захир Кансух, вероятно, полагая, что ал-Гури, провинциальный эмир, не участвовавший в бурных политических событиях в Каире, не будет представлять опасности как потенциальный соперник, но сможет стать хорошим союзником, назначил его *командиром вахты*. Затем ал-Гури вошел в круг доверенных лиц ал-'Адиля Туманбея и занял в его администрации сразу четыре должности: *главного давадара*, *вазира*, *устадара* и *главного кашифа*. Ал-'Адил Туманбай был свергнут 19 апреля 1501 г. Попытки двух других эмиров добиться избрания закончились неудачей, и уже на следующий день, 20 апреля 1501 г. Кансух а-Гури стал султаном [Alhamzah, 2009, p. 33-34; Petry, 1994, p. 20-21]. Ибн Ийас сообщает, что в день своего восшествия на престол ал-Гури плакал и отказывался

отмечает египетский исследователь Ш.М.Мурси, может объясняться стремлением ал-Гури связать свое происхождение с арабской областью ал-Гаур (на территории современных Иордании, Палестины и Израиля) [Дӣвāн…, 1980, с. 98]. Такое стремление вполне согласуется с заявлением ал-Гури о том, что черкесы ведут свой род от Гассанидов, т.е. имеют арабские корни [ʿАззāм, 1941, с. 51]. Возможно, Ибн Ийас, который закончил работу над своей хроникой уже после того, как Египет вошел в состав Османской империи, не счел нужным поддерживать версию арабского происхождения мамлюкского султана. В современной научной литературе употребляются оба варианта написания имени - *ал-Гури* и *ал-Гаури* (подробнее о вариантах прочтения имени этого султана см. [D'hulster, 2010, p. 242-246]). Мы будем придерживаться более распространенной в публикациях на русском языке формы – *ал-Гури*. Имя этого султана также передается в двух вариантах – *Кансух* и *Кансав.* См. об этом [Зеленев, 2007, с. 151].

принять титул и черную султанскую чалму [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 4-5]. Это не помешало новому правителю в течение последующих пятнадцати лет твердой рукой удерживать власть в Египте и Сирии.

В конце XV в. мамлюкский политический режим испытывал серьезные финансовые затруднения. Разорение крестьянства приобрело масштабы катастрофы. Феллахи бежали из деревень, умножая численность городской бедноты [Семенова, Крестьянство…, 1958, с. 17]. Кансух ал-Гури был вынужден проводить конфискации некоторой части *икта‘* и *вакфов*,[1] повышение налогов и таможенных пошлин, чтобы наполнять постоянно пустеющую казну. «Непопулярные» меры вызывали недовольство среди военной элиты и гражданского населения [Зеленев, 2007, с. 151; Alhamzah, 2009, p. 34-36].

По отношению к оппозиционерам и потенциальным соперникам из числа эмиров был принят курс жестких репрессий, но мятежи не прекращались. Под подозрением находился каждый, в администрации немногие могли удержаться более года. Кансух ал-Гури не доверял даже своим ближайшим соратникам – *атабеку* Каиту ал-Раджаби и *давадару* Мисрбаю. Только через пять лет пребывания у власти, когда был раскрыт очередной заговор (с участием вышеупомянутого *атабека*, а также *наместника* султана в Сирии), ал-Гури почувствовал себя достаточно уверенно: он устранил всех потенциальных конкурентов и с 1505 г. пользовался неограниченной властью, право на которую уже никто не осмеливался оспаривать [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 80-81; Mauder, 2019, p. 168].

Ал-Гури тщательно избегал личных отношений с эмирами, составлявшими политическую элиту государства. Лишь три человека входили в круг приближенных султана: его племянник Туманбай[2], советник по

[1] Конфискация *вакфов* (в основном, под предлогом несоответсвия учредительным документам) проводилась неоднократно на протяжении всего периода правления мамлюкских султанов [Morimoto, 2002, p. 115-119]. Однако, по подсчетам арабского исследователя М.ал-Б.аш-Ширбини Кансух ал-Гури санкционировал больше штрафов и конфискаций, чем любой другой мамлюкский султан [аш-Ширбīнī, 1997, т. 1, с. 243].
[2] Туманбай был сыном брата Кансуха ал-Гури [Ernst, 1960, s. 224].

юридическим вопросам Сари ад-Дин ‘Абд ал-Барр ибн аш-Шихна и судебный исполнитель – Зайн ад-Дин Баракат ибн Муса.

Туманбай был назначен на должность *главного давадара*. В качестве бессменного управляющего делами султанского двора он проявлял абсолютную преданность и ни разу не дал повода к подозрению в измене.[1]

Аз-Зайни Баракат ибн Муса, сын конюха-бедуина, служил помощником сокольничего в свите Каитбая, в 1503 г. стал личным судебным исполнителем (*bardadār*)[2] Кансуха ал-Гури. Его удивительный талант собирать информацию, распутывать интриги и добиваться признаний от самых стойких заговорщиков нашел достойное применение при дворе безмерно подозрительного правителя. Аз-Зайни Баракат занял прочное положение в административной элите, при этом он сохранял самые тесные контакты с непривилегированными слоями населения. Лучше, чем кто-либо другой он был осведомлен о том, чем живут столичные кварталы, о чем говорит каирская улица. Авторитет и популярность аз-Зайни Бараката росли день ото дня. Когда же ал-Гури осознал, насколько велика власть этого человека, и в январе 1509 г. попытался избавиться от него, связей и влияния аз-Зайни Бараката хватило, чтобы остановить все торговые сделки в Каире, в городе исчез хлеб. Султан был вынужден смириться и вернуть ему прежнее положение. Преемник ал-Гури, Туманбай, не имел никаких шансов противостоять Баракату и назначил его главным *мухтасибом* Каира. После падения власти мамлюков аз-Зайни Баракат продолжал служить в египетской администрации и в 1522 г. вернул себе должность главного инспектора столичных рынков [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 115; Petry, 1994, p. 21-25, 145-147]. Наличие информации и возможность влиять на настроение улицы и рынка дали шанс умному и расчетливому Баракату остаться на плаву даже тогда, когда корабль власти пошел ко дну.

Сари ад-Дин ибн аш-Шихна происходил из семьи известных сирийских *улемов*. Он начал карьеру еще в правление Каитбая. Современники весьма

[1] Карьера Туманбая будет рассмотрена в третьем параграфе этой главы.
[2] Подробнее об этой должности см. Гл. 6.

лестно отзывались о познаниях Сари ад-Дина в *фикхе*. В 1471 г. он покинул Алеппо и стал жить в Каире [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 50]. После смерти своего отца, Мухибб ад-Дина Ибн аш-Шихны, в 1485 г., Сари ад-Дин занял его место на посту *шейха ханаки* аш-Шайхунийа[1]. Однако, юридические манипуляции, с помощью которых Ибн аш-Шихна беззастенчиво пополнял свой собственный кошелек, вызвали гнев султана; за этим последовала высылка на службу в сирийское провинциальное судебное ведомство. Вскоре после того, как к власти пришел Кансух ал-Гури Ибн аш-Шихна вернулся в Египет, в 1501 г. получил должность главного ханафитского *кади* Каира [Салӣм, 1966, с. 36]. Участвуя в конфискации вакуфной собственности летом того же года, он проявил себя ловким специалистом и стал одним из разработчиков новой финансовой стратегии султана, суть которой состояла в том, чтобы создать фискальную систему, отвечавшую интересам не государства в целом, а султана лично [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 290; Petry, 1994, p. 22]. Важной частью нововведений стала политика султана ал-Гури в отношении *вакфов*.

Дело в том, что на к началу XVI в. значительная часть *икта‘* была передана в *вакф,* хотя в соответствии со статусом земель *икта‘,* они не могли быть переданы в *вакф*. В реальности в XV в. широкое распространение получила следующая несложная схема «приватизации» *икта‘*: держатель *икта‘* добровольно передавал *икта‘* в казну, затем выкупал его и передавал в *вакф*. Также распространялась практика продажи *икта‘*. В качестве покупателей в этом случае выступало, как правило торгово-ремесленное население [Семенова, 2009, с. 520; Conermann, Saghbini, 2002, p. 27]. Продажа казенной земли давала лишь единовременное поступление в казну, и была невыгодна в долгосрочной перспективе. В то же время, такие однократные, но массивные вливания наличных в государственный бюджет были очень актуальны в условиях хронической нехватки денег и, особенно, во время военных кампаний. Передача *икта‘* в *вакфы* приобрела к концу бурджитского

[1] *Ханака* аш-Шайхунийа была основана одним из мамлюков султана Калауна, эмиром Шахйу ал-‘Умари, в 1355 г. [ас-Суйӯṭӣ, 1967, т. 2, с. 266].

периода столь масштабный характер, что вся система *икта‘* в целом была на грани коллапса. Доходы казны сильно сократились, под угрозой было финансирование мамлюкской армии, в которой каждый эмир должен был иметь *икта‘* для собственного содержания и для покупки, обеспечения и вооружения своих мамлюков. По подсчетам исследователей в начале XVI в., накануне османского завоевания, около десяти из двадцати четырех частей, на которые были еще при Аййюбидах разделены египетские сельскохозяйственные угодья, уже были переданы в *вакф* [Reinfandt. 2003, s. 32, 33, 35].[1]

Характерной особенностью *вакфов* в бурджитский период было то, что доходы от переданного в *вакф* имущества нередко существенно превышали определенные в *вакфийе* расходы, как по объективным причинам (в связи с изменением ситуации на рынке), так и из-за заведомо заниженной оценки вакуфного имущества. Более того, у учредителя была возможность добавлять в *вакф* новую собственность. При этом объект, на содержание которого шли доходы от этого *вакфа* оставался прежним и не требовал увеличения расходов. Таким образом, увеличивались доходы держателя *вакфа* от «добавленного» имущества, которое нередко скупалось за бесценок, например, в годы эпидемий. «Избыточный» доход составлял в некоторых случаях до 90% от всего дохода с вакуфного имущества и отправлялся целиком в распоряжение управляющего *вакфом*, в роли которого нередко выступал сам учредитель. Управляющий, назначенный султаном, мог распоряжаться только той суммой, которая согласно учредительному документу предназначалась на содержание обозначенного в *вакфийе* учреждения – мечети, *медресе* и т.п. «Неучтенные»

[1] Учреждение многочисленных религиозно-образовательных центров на базе вакуфной собственности было обычной практикой мусульманских правителей [Мейер, 1981. с. 52-53]. Но во второй половине XV в. с ростом числа вакуфной собственности стали проявляться признаки формирования экономики «скрытых активов». Учреждение *вакфов* было своеобразным долгосрочным вложением собственности, которое давало некоторую гарантию ее сохранности в условиях частой смены правителей. Сохраняя имущество, переданное в *вакф* в неприкосновенности, учредители, тем самым, лишали себя возможности приумножить его, «изымали» его из экономической системы. Учредителями нередко были сами султаны, при этом султан имел право передавать в *вакф* не только земли, находившиеся в его личной собственности, но и земли казны. В этом случае они, фактически, отказывались от поступления и налогов, и единовременных доходов в собственную казну [Petry, 1993. p. 344; Reinfandt. 2003, s. 35].

доходы от *вакфов*, а также обмен (*istibdāl*) вакуфного имущества (который на практике превращался в передачу доходов одного *вакфа* в распоряжение управляющего другим *вакфом*) давали широкий простор для различных финансовых махинаций и фактически питали то, что сегодня назвали бы теневой экономикой [Petry, A Geniza…, 1998, p. 56; Reinfandt. 2003, s. 30-32, 37; Richards, 1985, p. 226-227].

Именно этой части «избыточных» доходов касались конфискации Кансуха ал-Гури, которые осуществлял Сари ад-Дин Ибн аш-Шихна. Ту часть доходов, которая шла на благотворительные цели, конфискации не затрагивали [Reinfandt. 2003, s. 30-31]. Таким образом, Кансух ал-Гури пытался сократить утечку средств, причиной которой было намеренное занижение стоимости вакуфного имущества.

Ловкому профессионалу и блестящему юристу, который был архитектором финансовых реформ Кансуха ал-Гури – Сари ад-Дину Ибн аш-Шихне – пришлось раньше времени завершить карьеру; он переоценил свои способности и свое влияние при дворе: в 1513 г., в одном из судебных разбирательств[1] он осмелился противоречить султану, был снят с должности и нашел свой бесславный конец в изгнании.

Выбор ближайших помощников и советников – Сари ад-Дина Ибн аш-Шихны, аз-Зайни Бараката и Туманбая, в числе которых оказался только один представитель военной элиты, к тому же родственник султана, был не случаен и вполне соответствовал намеченному Кансухом ал-Гури политическому курсу, целью которого была абсолютная власть и переход к династическому правлению. Кансух ал-Гури последовательно готовил передачу трона своему сыну, Мухаммаду (ум. в 1540 г.). В тринадцать лет Мухаммад получил звание *эмира сорока* и должность *казначея*, еще через год – звание *эмира сотни* и пост *главного эмира султанских конюшен*, совершил *хаджж* и участвовал во всех торжественных процессиях султана в Каире [Салӣм, 1966, с. 45-46].

[1] Подробно это судебное дело будет рассмотрено в Гл. 6.

Кансух ал-Гури переводил во владение своего сына значительные финансовые средства и земельную собственность. В 1514 г. был заключен брачный договор между Мухаммадом и дочерью *наместника* султана в Сирии (жениху было тринадцать, а невесте – восемь лет). Политическая подоплека этого союза не вызывает сомнений. Кансух ал-Гури, очевидно, осознавал, что его *наместник* в Дамаске может стать одним из самых опасных соперников его сына, когда тот унаследует трон, и попытался, таким образом, нейтрализовать эту потенциальную угрозу [Mauder, 2019, p. 170-178]. Отчасти, Кансух ал-Гури повторял шаги, предпринятые в свое время султаном ал-Ашрафом Иналом, который также готовил передачу власти своему сыну. Вместе с тем, курс на авторитарное правление и основание собственной династии, которому следовал Кансух ал-Гури, включал в себя не только концентрацию финансовых средств, власти, авторитета в руках узкого круга приближенных и родственников, но и мощную идеологическую подготовку.

Важным направлением политики престижа, которую проводил ал-Гури, было укрепление авторитета султана в армейской среде. Часть сохранившихся до на наших дней стихотворений поэтического сборника, авторство которого приписывается самому Кансуху ал-Гури, рисует образ султана как отца-командира, в них подчеркивается, что его власть зиждется на повиновении его солдат, единстве и сплоченности в рядах воинов:

…
Ал-Ашраф Гури навел порядок в войске,
Повиновеньем их – султан

[Дӣвāн…, л. 5 v].

…
Соедини сердца солдат моих все вместе.
Пусть будут цели их и ясны, и чисты.
Тех, кто обман задумал против нас,
Сгуби и уничтожь.
И укрепи того, душа которого
Тверда, правдива, мужества полна.
Мне власть над ними сохрани,
Они – опора государства и его защита.
Укрой заботой их, даруй им счастье
Ранг возвысить свой.
В особенности тем, на ком стоит держава.
Что есть они – пред вечности лицом – благое дело.

[Дӣва̄н…, л. 3 r].

…
Послушно войско нам. Соединилось,
Собралось в едином верном сердце.
Мы любим их как сыновей.
Пусть сохранит их Бог, единства не нарушив.
Душа полна любовью к ним,
Пусть Бог их вместе соберет на радость.
Для нас они все – братья,
Стеной стоят на страже государства,
Ему на пользу силы отдают.
Победоносна армия, в ней
Каждый предан нам кавалерист.
Сомненья нет в них

[Дӣва̄н…, л. 4 r].

…
И каждый старший в войске – как отец, а средний – брат,
Младые же для нас – как сыновья

[Дӣва̄н…, л. 4 v].

В приведенных выше строках перечислены, по сути, базовые характеристики мамлюкского сообщества, наличие которых было необходимым условием сохранения политической власти и военных побед. Чем дальше отступали мамлюки от этого идеала, тем опаснее становились смуты, а султан мог потерять и трон, и собственную жизнь. Отсутствие единства в армии и предательство подкупленного османами командира стали одной из причин поражения мамлюков на Дабикском поле и гибели Кансуха ал-Гури [Илюшина, «Божественные касыды…», 2012].

Формированию имиджа благочестивого и просвещенного правителя способствовала поддержка религии, деятельность в сфере культуры. Не всегда удачные попытки проведения финансовых реформ, губительные последствия распрей внутри военной элиты должны были затеряться в списке богоугодных дел, поблекнуть в тени величественных мечетей, прекрасных школ и богатых библиотек, учрежденных султаном. Весной 1503 г. была открыта великолепная *медресе*, возведенная по приказу Кансуха ал-Гури. Праздник по этому случаю продолжался всю ночь. Обилие яств на освещенных яркими фонарями столах поражало присутствовавших не меньше, чем восхитительное убранство здания. В дальнейшем неподалеку от *медресе* ал-Гури построил мавзолей и водоем с фонтаном для питья, а осенью 1503 г. – новую мечеть. По

приказу ал-Гури был основан постоялый двор и новые укрепления в Акабе, куда прибывали паломники, направляющиеся в Священные города. Осенью 1515 г. архитектор Хайр-бек вместе с группой инженеров, плотников и строителей отправился в Мекку для возведения госпиталя и пристанища для путников, кроме того, им было приказано вымостить Заповедную Мечеть и подвести к городу воду из источника Базан [ʿĀшӯр, 1976, с. 175-176; ал-Баḫӣт, 1976, с. 88; Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 52-53, 58-59, 63; Alhamzah, 2009, p. 50]. В конце 1506 или самом начале 1507 г. из Сирии в египетскую столицу доставили плодовые деревья, цветущие кустарники и кокосовые пальмы. Они были высажены на площади у Цитадели. Кансух аль-Гури, как сообщает Ибн Ийас, был очень увлечен этим проектом и любил прогуливаться в новом саду. В 1508 г. там устроили пруд и террасы. В 1513 г. султан распорядился о строительстве новых фонтанов в Каире [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 102, 137, 288-289; аш-Шиштāвӣ, 1999, с. 14-17]. Кансух ал-Гури поощрял перевод и переписку книг и прославился как основатель первой при мамлюкском дворе мастерской по иллюстрации рукописей [Alhamzah, 2009, p. 33].[1]

Большой интерес для понимания эволюции сакральных оснований легитимации власти в период правления султана ал-Гури представляет собой уже упомянутый выше сборник стихотворений религиозного содержания [Дӣвāн…; Dīwān, 1981]. В каждом из них названо имя султана, который представлен благочестивым мусульманином и набожным правителем, в некоторых бейтах использованы характерные для суфийской поэзии образы:

…
Владение – Твое. И паства вся – Твои рабы, Ты ими правишь.
Бедняк Твой Гури Тебе вверяет власть свою над ними…

[Дӣвāн…, л. 2 r].

…
Ал-Гури просит помощи у Господа во всяком деле.
Он царство получил, но лишь рабом остался

[1] По-видимому, султан и сам проявлял интерес к литературному творчеству или, по крайней мере, желал, чтобы его считали не только ценителем книг, но и причисляли к тем, кто владеет искусством слова. Во всяком случае, сохранились не только упомянутые выше стихотворения, но и другие сочинения, авторство которых приписывают ал-Гури [Behrens-Abouseif, 2002, p. 76-77]. Поэтический ответ Кансуха ал-Гури на посвященный ему панегирик приводит в своем биографическом словаре Наджм-ад-Дин аль-Гази [ал-Ġаззӣ, 1979, с. 111-112].

Всевышнего, Всеславного Владыки

[Дӣва̄н…, л. 3 r].

…

Позаботься о них…

И рабе Твоем Гури. Пусть взором Твоим осветится душа

[Дӣва̄н…, л. 3 r].

…

Быть может, ал-Гури увидит Божественный Свет,
Он царства и трона желанней

[Дӣва̄н…, л. 6 v].

…

Душа ал-Гури пьяна тем сладостным напитком,
Который наслаждение дает…

[Дӣва̄н…, л. r, 9 v].

…

На троне царства своего свидетельствовал Гури,
Что Свет превыше царства

[Дӣва̄н…, л. 11v].

…

Поэзия Гури украшена смыслом – запомнят ее.
Сколь многие были искусны подобно ему в сочинительстве –
ныне забыты

[Дӣва̄н…, л. 13 v].

…

Раб Твой ал-Гури слаб,
Грехами сердце истощилось,
Прощенья просит у Тебя,
О Милостивый Бог!

[Дӣва̄н…, л. 14 r, 14 v].

…

Раб Твой ал-Гури
Совсем не жесток:
Слезы немедля текут,
Трепет внушает Бог

[Дӣва̄н…, л. 15 r].

…

Ждет милосердия Гури
От Того, Кто дает благодать.
От злейшего в тварях Господних
Просит его ограждать

[Дӣва̄н…, л. 16 r].

…

Гури, Твой раб, покорен,
К судьбе своей устремлен

[Дӣва̄н…, л. 16 v].

…

Раб Твой грешный ал-Гури
Прощения просит

[Дӣва̄н…, л. 17 r].

…

Гури прощения просит
У Всемогущего Бога

[Дӣва̄н…, л. 18 r].

…
Его желанье Гури исполняет,
Его благодарит, Ему хвалу возносит

[Дӣва̄н…, л. 18 v].

…
Ты – Кто прощает ошибки,
Гури – Твой преданный раб

[Дӣва̄н…, л. 19 r].

…
Гури, раб Его молящий
О всякой радости,
Приюта ищет…

[Дӣва̄н…, л. 20 r].

…
Лишь Бог ал-Гури нужен,
Суду Его послушен,
Он Божьей воле внемлет,
У врат Его стоит

[Дӣва̄н…, л. 20 v].

…
Ал-Гури – раб, который совершал ошибки…
Прими молитву от него

[Дӣва̄н…, л. 21 v].

…
Гури, раб Твой молящий,
Столь многое получил от Тебя

[Дӣва̄н…, л. 21 r].

…
Ал-Гури Господа благодарит
И языком, и сердцем,
Боится он греха,
Защиты ищет он в прощеньи Божьем

[Дӣва̄н…, л. 21 r, 21 v].

…
Ал-Гури быть очищенным надеется от пятен,
И Милосердного он о прощеньи молит…

[Дӣва̄н…, л. 22 v].

…
Когда придет черед,
Защити раба Твоего ал-Гури
От несправедливости…

[Дӣва̄н…, л. 24 r].

…
Гури искренен в любви,
Он с ними заодно. Они –
На Бога уповают. И средь рабов Его
Могущественней нет никого

[Дӣва̄н…, л. 24 v].

…
На милосердие надеется ал-Гури
И просит он защиты…

[Дӣва̄н…, л. 25 r].

…
Раб Его Гури –
Тот, кто искренен в благодарности…

[Дӣва̄н…, л. 26 r].

…
Гури уповает на прощенье.
Защити, Господи, его на верном пути.

[Дӣва̄н…, л. 27 r].

…
Гури раб Твой трепещет,
Оставил грехи свои в прошлом…

[Дӣва̄н…, л. 27 v].

…
Надеется ал-Гури раб Его,
Что будет им доволен Господин

[Дӣва̄н…, л. 27 r, 27 v].

…
Раб Твой Гури кается,
От грехов своих отвращается…

[Дӣва̄н…, л. 28 r].

…
Прямым путем веди раба ал-Гури,
Даруй ему Божественную благосклонность

[Дӣва̄н…, л. 28 r].

…
Тому, Кто все свершит
И в этой жизни, и в другой,
Вверяет дело Гури –
Послушен Божьему суду

[Дӣва̄н…, л. 28 r, 28 v].

…
Удали грехи от раба Твоего ал-Гури,
Когда он придет к Тебе …

[Дӣва̄н…, л. 29 r].

…
О Боже! Говорит ал-Гури…

[Дӣва̄н…, л. 30 r].

…
О Снисходительный! Раб Твой ал-Гури просит
Сновиденье ему ниспослать

[Дӣва̄н…, л. 31 r].

…
Я, ал-Гури – раб,
Послушен и прошу прощенья

[Дӣва̄н…, л. 32 r].

…
Свидетельствует Гури, раб Твой,
Что Он – Единственный…

[Дӣва̄н…, л. 32 v].

…
Ал-Гури искренен в любви

И в помыслах своих, и в сердце

[Дӣва̄н…, л. 33 r].

…
Надеется ал-Гури,
Что будет принято все то,
Что совершил.
Он искренен пред Богом

[Дӣва̄н…, л. 34 r].

…
Я, Ашраф Гури – раб,
И Господа рабов прошу судьбу свершить

[Дӣва̄н…, л. 35 r].

…
О Великодушный! Ты дал мне
Службу Дому и Святому месту
И царство поручил…
…. Ал-Гури,
Будь для него Помощником

[Дӣва̄н…, л. 35 v].

…
О Господин рабов! Твой раб ал-Гури
Стремится в лучшую из стран,
К Заступнику, когда наступит срок…

[Дӣва̄н…, л. 37 r].

Ал-Гури, смиренный мусульманин, правитель, все помыслы которого обращены к Всевышнему, а все дела на благо подданных, – осевой образ поэтического сборника, иногда едва заметная, но прочная нить, связывающая все стихотворения воедино.

Обращение к суфийской тематике является весьма характерным и отражает значимую роль суфизма в мамлюкском сообществе, особенно в бурджитский период. Переход власти от Бахритов к Бурджитам был связан со значительными переменами в мамлюкской культуре. Баркук и его последователи, в целом, более активно, чем султаны и эмиры предшествующего периода, участвовали в религиозной и культурной жизни страны, выступая как меценаты и покровители, но также, и в качестве приверженцев тех или иных религиозных течений. Связи между мамлюкской элитой и лидерами местных, как правило, мистических направлений в исламе, стали более прочными и оживленными [Haarmann, Arabic…, 1988, p. 89-90; Lapidus, 2002, p. 295; Levanoni, 2010, p. 260].

Основатель бурджитской «династии», Баркук, был, вероятно, первым из мамлюкских правителей, учредивших специальные стипендии для суфиев. Эти стипендии были предназначены для тех суфиев, которые будут посещать выстроенную Баркуком в Каире *медресе.* Помимо этого, для суфиев был предусмотрен целый ряд должностей в большом религиозном комплексе Баркука, в том числе и должность специального чтеца суфийских касыд. Большое внимание, которое было уделено суфиям и их щедрому содержанию в учредительных документа *медресе* Баркука, стало знаковым для всего последующего периода правления бурджитских султанов, началом твердого курса на сближение не только с сословием *улемов*, но и с суфийскими религиозными лидерами, в основе которого лежала финансовая и институциональная поддержка со стороны государства [Haarmann, 1980, p. 36].

Мамлюки были основателями многочисленных *ханак* и часто сами назначали руководителей этих учреждений. Иногда в них располагались *рибаты* (в данном случае специальные помещения, «казармы») для солдат, которые здесь же проходили обучение, как например в *ханаке*, основанной султаном Байбарсом II (1309). Весьма характерно и то, что при бурджитских султанах суфийские *ханаки* стали включать в себя *медресе.* Образовательная деятельность в *ханаке* давала возможность многочисленным приверженцам суфизма проявить себя на юридическом или административном поприще, что с одной стороны способствовало еще большему распространению влияния суфизма в государстве и обществе, а с другой – было призвано укреплять авторитет мамлюкских султанов и военной элиты, которые оказывали суфизму столь мощную поддержку и сами становились его адептами [Ризḳ, 1997, т. 2, с. 494; Behrens-Abouseif, 2018, p. 21; Homerin, 1999, p. 68-70]. Большие суфийские ханаки были выстроены ал-Му’аййадом Шайхом и ал-Ашрафом Байбарсом, которые выделяли щедрые пожертвования суфиям [Fernandes, 1981, p. 141]. Султан Хушкадам был известен своей склонностью

к мистицизму и особым почитанием Ахмада ал-Бадави (ум. в 1276 г.)[1], святого из Танты [Haarmann, Rather…, 1988, p. 65; Idem, Arabic…, 1988, p. 89]. *Вакф* в поддержку большого суфийского религиозного комплекса в Нижнем Египте, центром которого была гробница святого Ибрахима ад-Даски (ум. в 1299 г.), учредил ал-Ашраф Каитбай [Hallenberg, 2000]. Сам ал-Гури оказал покровительство Ибрахиму Гюльшени (ум. в 1534 г.), основателю первой *завийи халватийа*. Перед решающей битвой с османами на равнине Мардж Дабик в 1516 г. Кансух ал-Гури объехал свои войска в сопровождении дервишей и глав орденов *бадавийа, кадирийа и рифа'ийа* [Тримингэм, 1989, с. 28-29, 71, 196, 240; Духмāн, 1986, с. 249].

Ал-Гури проводил регулярные встречи (*majālis*) в большом зале Цитадели, на которых улемы, ученые, интеллектуалы и литераторы обсуждали самые разные вопросы – от тонкостей арабской грамматики и мусульманского права до деталей одежды древних египтян и старинных персидских преданий [Berkey, The Mamluks as Muslims…, 1998, p. 170-173]. Неоднократно участники таких встреч возвращались к дискуссии о роли халифа в государстве, при этом всякий раз – о каких бы конкретно случаях ни шла речь – общее мнение склонялось, очевидно, не без помощи приближенных к султану *улемов,* к тому, что более важную роль в государстве играет султан. Более того, в заключительной молитве, которая читалась по окончании таких ученых ассамблей, султан именовался «повелителем правоверных» и «халифом мусульман», были также зафиксированы обращения к султану как к «халифу арабов и неарабов», «солнцу халифата», «имаму мусульман» и «халифу всех, кто населяет этот мир». Поскольку иногда султана даже называли «тенью Бога», «наместником Бога над его творением», «халифом Бога на земле» [Бартольд, Теократическая идея…, 2002, с. 314; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 369], участники ассамблей стали обсуждать вопрос о том, можно ли называть султана халифом и пришли к выводу, что это

[1] Тарикат ал-Ахмадийа (ал-Бадавийа) был одним из самых влиятельных братств в Египте, а могила Ахмада ал-Бадави – почитаемым местом паломничества [Кириллина, 1989, с. 65].

допустимо, но только в формулировке «халиф Посланника» (*khalīfat al-rasūl)*, а не «халиф Бога» (*khalīfat Allāh)* [ʿАззāм, 1941; Banister, 2015, p. 293-296]. Именно так – *khalīfat al-rasūl Allāh* – согласно преданию, именовались первые, «Праведные», халифы, а термин *khalīfat Allāh* появился позднее, в эпоху Омеййадов [Алексеев, 2010, с. 63-65; Кузнецов, 2015, с. 270]. Таким образом, рядом с аббасидским халифом, получившим титул «повелителя верующих» по наследству, в государстве мамлюков появлялась фигура «заместителя Посланника» - наиболее достойного из мусульман, и этим «заместителем»- «халифом» становился мамлюкский султан.

Стремление к учреждению наследственного султаната, сближение с народными формами религии и наконец, новая титулатура, отражающая тенденцию к сакрализации власти, были вызваны не только с личными амбициями султана, но в гораздо большей степени теми изменениями, которые произошли в политическом мировоззрении мусульман. Падение Багдадского халифата под ударами монгольской армии в 1258 г. стало отправной точкой для дальнейшей разработки исламской политической доктрины. Ведущие теологи-правоведы заявляли, что халифат в должной форме существовал только первые тридцать лет после смерти пророка Мухаммада. Ибн Таймийа (ум. в 1328 г.), один из самых видных представителей ханбалитского *мазхаба* в мамлюкскую эпоху, допускал возможность существования не одного, а многих имамов, которым мусульмане должны были подчиняться, т. е. допускал существование многих равноправных мусульманских государств, которые должны были учиться взаимодействовать друг с другом [Ибрагим, Сагадеев, Ибн Таймӣйа, 1991, с. 85]. Выдающийся философ и историк ‘Абд ар-Рахман ибн Халдун признавал право султанов выполнять функции халифов в отдельных мусульманских странах, удаленных друг от друга, т. е. допускал де факто возможность существования нескольких халифатов [Зеленев, Илюшина, 2018; Ибн Х̣алдӯн, 2000-2001, с. 204-344]. Во второй половине XV в. за пределами Египта и Сирии авторитет аббасидских халифов давно перестал быть незыблемым,

халифами объявляли себя правители и больших, и малых мусульманских государств (особенно, тюрко-монгольского мира), большое значение приобрела идея «религиозного братства, все члены которого обязаны безусловно повиноваться своему главе» [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 47-48]. Кансух ал-Гури, по-видимому, осознавал, что прежние принципы легитимации правления мамлюков теряют силу и для того, чтобы удержать вассально зависимые территории, более того, сохранить господство внутри Султаната, требуется укрепление тех основ власти, которые к началу XVI в. стали более актуальными, чем инвеститура, полученная из рук их собственных марионеток – аббасидских халифов в Каире.

Политика престижа, которую последовательно проводил ал-Гури, не смогла спасти мамлюкский султанат от гибели. Его попытки восстановить блеск и славу былого могущества свелись, в конечном счете, к расстановке богатых декораций, за которыми скрывались нищета экономики и слабость отсталого в техническом отношении войска. За четыре года до роковых событий на поле Мардж Дабик Кансух ал-Гури приказал убрать старую скамью, на которой восседали мамлюкские султаны, верша дела государства. Вместо нее он установил великолепную *мастабу* из драгоценного камня, украшенную резьбой и позолотой с бордюром из белого мрамора. Как пишет Ибн Ийас, люди сочли это плохим предзнаменованием… [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 203].

§ 2. Султанат мамлюков на международной арене в начале XVI в. Идеологическое противостояние с османами.

За сто с небольшим лет, в течение которых Египтом и Сирией правили султаны-Бурджиты, международная обстановка претерпела существенные изменения. На карте Ближнего Востока появились два могущественных государства: растущая Османская империя, овладевшая обширными территориями в Европе и Азии, и молодая амбициозная держава шиитов-Сефевидов. Развитие техники мореплавания, ремесленного производства и разработка новых месторождений драгоценных металлов постепенно

выводили Европу на новый, отличный от эпохи Крестовых походов, уровень отношений с Востоком. Для государства мамлюков угрозу теперь представляли не только военные экспедиции их западных и восточных соседей, но их активная экономическая экспансия.

К концу XV – началу XVI в. некогда могущественная мамлюкская империя постепенно утрачивала внутреннее единство и сюзеренитет над зависимыми территориями. Мамлюки постепенно потеряли контроль над Кипром – важнейшим опорным пунктом как для торговых, так и для военных операций. Еще при султане ал-Ашрафе Инале, который оказал поддержку Жаку Бастарду, начался постепенный переход Кипра под контроль Венеции.[1] При аз-Захире Хушкадаме на острове оставался лишь малочисленный мамлюкский гарнизон. Но Кипр, удаленный от центра политической жизни Султаната, не был привлекательным местом службы. Хушкадам дважды пытался отправить на остров войско для поддержки расположенного там небольшого мамлюкского гарнизона, но оба раза отряды, выступившие в поход, возвращались: султан не мог добиться от своих эмиров полного подчинения. Убедившись в том, что Хушкадам не обеспечивает подкрепления своему гарнизону на Кипре, Жак Бастард вскоре после окончательной победы над своими соперниками, нашел благовидный предлог, чтобы избавиться от остатков мамлюков на своей территории, хотя формально признавал мамлюкского султана владыкой и сюзереном [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 244, 252, 254-255; Fuess, 2005, p. 18-19]. Так мамлюки теряли возможность влиять на политику своих кипрских вассалов и контролировать ситуацию в Восточном Средиземноморье.

В период номинального правления Катерины Корнаро Кипр был основной морской базой Венеции в Восточном Средиземноморье [Har-El, 1995, p. 160].[2] 28 февраля 1490 г. Каитбай официально передал права на

[1] См. Гл. 3.
[2] Подробнее о роли Кипра во внешней политике Султаната мамлюков в указанный период см. [Близнюк, 2016, с. 184-190; Har-El, 1995, p. 159-162]

управление Кипром Венеции на условиях выплаты дани в 8000 дукатов, погашения прежних долгов размером в 16000 дукатов, формального признания вассалитета острова по отношению к Султанату и обязательства венецианцев защищать кипрские гавани и оказывать всяческую поддержку мамлюкам в борьбе против османов. Соглашение закрепило практически независимое положение венецианцев на Кипре, достигнутое ими к 1489 г. [Близнюк, 2010, с. 42, 56; Coureas, 2016, p. 398; Pedani, 2002, p. 137]. В условиях войны с османами решение передать управление Кипром Венеции представлялось оптимальным и, вероятно, единственно возможным.

Важное стратегическое значение имели эмираты в Анатолии, составившие приграничную или «буферную» зону между растущей Османской империей и Султанатом мамлюков. Обе державы боролись за влияние в этой области. Однако к началу XVI в. один из самых крупных и могущественных бейликов – Караман – был окончательно подчинен Османами: после 1487 г. источники не упоминают о караманидах, как независимых правителях каких-либо территорий в Малой Азии [Еремеев, Мейер, 1992, с. 135; Иванов, 1984, с. 5; ал-Муḫаймӣд, 2012, с. 304-305]. Попытка восстановить самостоятельность Карамана была предпринята в 1500 г., когда местные беи подняли мятеж против османов и вызвали из Ирана племянника Касим-бека Мустафу. Мамлюки, переживавшие сложный период борьбы за власть, не смогли оказать поддержку Караманидам, восстание было подавлено османами, а сам Мустафа бежал в Каир. Несмотря на это, османы вынуждены были позволить большей части представителей караманидской знати сохранить свое прежнее положение в бейлике. Но после 1501 г. караманидские беи уже не делали серьезных попыток отвоевать независимость, а владениям османов больше не угрожали нападения караманидских мятежников: этот барьер, в течение длительного времени отвлекавший силы османов и препятствовавший их продвижению в Сирию, был снят [Lindner, 2009, p. 135; Sümer, 1997, p. 624; White, 2011, p. 107]. Во второй половине XV в. тяжелый урон авторитету мамлюкских султанов

нанесли изнурительные войны с Дулкадиром и Ак Коюнлу, в которых мамлюки не раз терпели поражение от своих вассалов.

Политика престижа, которую проводил Кансух ал-Гури, была рассчитана на долгосрочную перспективу. Ни возможности оказать действенную поддержку тем правителям соседних государств, которые хотя бы формально признавали сюзеренитет мамлюкского султана, ни, тем более, выступить на защиту мусульман далеко за пределами своих владений и тем самым вернуть былую славу воинов ислама у мамлюков не было. Общий экономический упадок, который стал следствием инфляции, мятежей и – в конце XV в. разорительной войны с османами, был одной из основных причин невмешательства мамлюков в борьбу мусульман Гранады и Магриба, Йемена и Гуджарата против испанцев и португальцев, а также суннитов Багдада против шиитов Сефевидов.

В конце XV в. мусульмане окончательно утратили свои владения в Испании. На завоеванных христианами территориях они подвергались жестоким преследованиям и насильственному обращению в христианство. Еще в 1487 г. эмир Гранады обратился к мамлюкскому султану с просьбой о помощи в противостоянии христианской реконкисте. Но Каитбай в отличие от своих предшественников, которые в подобных случаях отправляли единоверцам хоть какую-то военную помощь,[1] ограничился дипломатическими мерами и угрозами, некоторые из которых были приведены в исполнение, но касались только христиан на территории Султаната [ʿИнāн, 1971, с. 1209; Ṭарḫāн, 1960, с. 147]. Каитбай отправил делегации к папе Иннокентию VIII (1484-1492), к Фердинанду I (1458-1494) в Неаполь, а также к Фердинанду Арагонскому (1479-1516) и Изабелле Кастильской (1474-1504). Он потребовал прекратить жестокое преследование мусульман и вернуть завоеванные христианами земли. Каитбай угрожал

[1] Так, например, в ответ на обращение мусульманского правителя Гранады в 1440 г., аз-Захир Джакмак обещал оказать материальную поддержку, отправить деньги и военное снаряжение, хотя и отказал в отправке войска [ʿИнāн, 1971, с. 1207; Lucena, 1955, p. 6].

начать репрессии против христиан, запретить им вступать на Святую Землю, а также разрушить могилу Христа и все христианские монастыри на территории Султаната мамлюков в случае, если его требование не будет исполнено. Угрозы Каитбая не произвели должного впечатления на католических королей. Напротив, они заявили, что на любые притеснения в отношении христиан во владениях мамлюкского султана, они ответят такими же мерами в отношении мусульман на своей территории [Hitti, 1957, p. 656-657; O'Callaghan, 2014, p. 81, 174-175; Van Koningsveld, Wiegers, 1999, p. 181-182]. Отказ мамлюков оказать действенную помощь единоверцам на фоне вполне мирных и едва ли не дружеских контактов Каитбая с сицилийским королем приводил к постепенной дискредитации Султаната мамлюков в мусульманском мире, а репрессии против христиан осложняли отношения с торговыми партнерами в Европе [Ланда, 2005, с. 64].

После того как дипломатические шаги, предпринятые предшественником Кансуха ал-Гури, Каитбаем, не принесли никакого результата, мусульмане Гранды около 1500 г. решили направить в Каир еще одно послание с просьбой о помощи, на этот раз в стихах [Van Koningsveld, Wiegers, 1999, p. 181-182]. Ответа на это послание ни со стороны Кансуха ал-Гури, ни со стороны его предшественников не последовало: никаких упоминаний о действиях мамлюков, направленных на защиту мусульман Гранады, ни в арабских, ни в европейских источниках не обнаружено. Отправка оружия, денег или продовольствия, а тем более далекие военные походы не входили в планы султана, первоочередной задачей которого была борьба с оппозицией мамлюкских эмиров.

Во внешней политике предметом особого внимания ал-Гури стала угроза мамлюкской торговле с Индией. Открытия Васко да Гамы (ум. в 1524 г.), проложившего новый путь в Индию вокруг Африки, захват португальцами важных стратегических портов - Адена и Ормуза лишили Египет привилегий необходимого связующего звена в торговле между Европой и Азией [Еремеев,

Мейер, 1992, с. 140; Лаҳмӣ, 1962].[1] Посредническая торговля, как уже отмечалось, составляла важный источник доходов Султаната мамлюков. Упадок этого направления торговли негативным образом влиял на и так не блестящее экономическое положение Египта и Сирии. Измотанные войнами с османами, мамлюки остро нуждались в средствах для закупки новых рабов. Из-за того, что португальцы контролировали большую часть поставок, египетские купцы уже не могли приобретать крупные партии специй в Индии [Ҳанҙал, 1997, с. 139; Apellániz, 2021, p. 7-8; The Suma oriental…, 1944, p. 10; Winter, 1998, p. 494]. Европейские коммерсанты стали закупать пряности, а также другие товары, ввозимые из Индии, в Лиссабоне, где цены были ниже, чем на рынках Египта. С ослаблением торговли мамлюкская империя была лишена значительной части доходов и стратегически важных товаров [Фаузӣ, 1958, с. 9-10; Lapidus, Muslim…, 1984, p. 40-42][2].

В 1505 г. султан отправил флот под командованием Хусайна ал-Курди в Индийский океан, объединенные силы египтян и индийского княжества Гуджарат нанесли поражение португальскому флоту, но в 1508 г. португальцы через Баб-эль-Мандебский пролив прошли в Красное море – мамлюкской торговле был нанесен удар «с тыла» [ʿĀшӯр, 1996, с. 299; Фильштинский, 2008, с. 295; Petry, 1994, p. 42].

Помимо португальцев серьезную опасность представляли родосские госпитальеры, которые стали еще активнее, чем раньше нападать на мусульманские корабли и населенные пункты, расположенные вдоль береговой линии. Кансух ал-Гури решил нанести удар по госпитальерам, но мамлюки потерпели поражение: в 1510 г. их флот был разгромлен в заливе

[1] Снижение численности населения в Евразии в результате эпидемий чумы также приводило к сокращению рынка. Помимо этого, развитие технологии ремесленного производства (в первую очередь ткачества) позволяло европейцам производить все больше товаров, ранее закупавшихся в Египте. Египет сохранял значение торгового партнера для стран Европы преимущественно как перевалочный пункт в торговле с Индией и Китаем. Поиск и освоение новых морских путей, связующих Запад и Восток представлял непосредственную угрозу для участия мамлюков в международной торговле [Humphreys, 1998, p. 460].

[2] Серьезные потери несли и давние партнеры египтян по торговле пряностями – венецианцы. Для того чтобы обсудить ситуацию, сложившуюся после захвата португальцами индийского рынка, в 1502 г. в Египет было направлено посольство. Кансух ал-Гури выразил готовность начать военные действия против португальцев на море в том случае, если Венеция окажет ему всю необходимую помощь [Ҳанҙал, 1997, с. 140].

Искандерун [Иванов, 1984, с. 6]. Годом раньше закончилось противостояние мамлюков и португальцев на море: в 1509 г. мамлюки потерпели сокрушительное поражение при Диу [Семенова, 2009, с. 524]. Тяжелая борьба, которую мамлюкам пришлось вести с португальцами, стала наиболее серьезным фактором международного масштаба, повлиявшим на исход последних сражений мамлюков с османами [Humphreys, 1998, p. 461].

В дальнейшем все усилия мамлюков были направлены на сохранение баланса сил в регионе. Любые военные действия рассматривались как наименее желательный исход того или иного конфликта, поэтому центральное место во внешней политике Кансуха ал-Гури занимали дипломатические отношения с ближними и дальними соседями.

Не имея достаточно сил для того, чтобы защитить купцов на морском пути в Индию и сохранить прибыли от международной торговли, Кансух ал-Гури сосредоточил внимание на том, чтобы удержать, если не контроль, то хотя бы влияние в Хиджазе. В 1515 г. он с такими почестями принял в Каире шерифа Мекки и осыпал его столь дорогими подарками, что это удивило всех, включая самого шерифа. Впрочем, шериф охотно поклялся на Коране в вечной верности мамлюкскому султану и держал клятву, по крайней мере до тех пор, пока вторжение османов не вынудило мекканцев пересмотреть свои приоритеты в заключении союзов с могущественными покровителями [Petry, 1994, p. 42].

Еще одним важным направлением активной дипломатической политики Кансуха ал-Гури было поддержание и укрепление контактов со средиземноморскими торговыми партнерами. В течение десяти месяцев в 1506-1507 гг. помпезное мамлюкское посольство находилось в Венеции, а еще через пять лет Кансух ал-Гури заключил с венецианцами новое соглашение. Специальная грамота, гарантировавшая безопасность купцам, прибывающим в Египет, была предоставлена Флоренции [Amari, 1863, p. 214-220; Pedani, 2002, p. 137; Wansbrough, 1971; Idem, 1963].

В отношениях с османами Кансух ал-Гури занял оборонительную позицию и, вероятно, стремился избежать военного конфликта. Вместе с тем, его решения в сфере экономической политики и на дипломатическом поприще зачастую приводили к обострению противоречий между Султанатом мамлюков и Османской империей. Так, например, манипуляции с курсом валюты вынудили турецких купцов покинуть рынки Каира, Александрии и других крупных городов. До этого времени, во второй половине XV в., османы регулярно поставляли в Египет не только белых рабов, но и стратегические материалы, необходимые для борьбы с португальцами, причем на самых выгодных условиях [Irwin, Egypt, Syria…, 1986, p. 77; Муṣтафā, 1996, с. 160]. Османы, так же, как и мамлюки, терпели убытки от сокращения торговли через Красное море из-за действий португальцев. Как полагает С.Ф.Орешкова, именно неспособность мамлюков дать отпор португальскому вторжению в систему морских торговых перевозок, несмотря на ту поддержку, которую получали мамлюки от османов, стала одной из причин второй османо-мамлюкской войны [Орешкова, 2018, с. 92].

В 1512 г. Кансух ал-Гури отправил в Стамбул посольство с поздравлениями по случаю вступления на престол Селима I (1512-1520), но при этом в Каире были приняты два племянника Селима (оба вскоре умерли во время эпидемии чумы). Разумеется, гостеприимство, оказанное его соперникам, не ускользнуло от внимания Селима [Духмāн, 1986, с. 229, 232; Petry, 1994, p. 33]. В какой-то мере двойственная, или, скорее, нерешительная позиция Кансуха ал-Гури в вопросе о том, стоит ли поддерживать кого-то из претендентов на османский престол, как, впрочем, и в других его дипломатических шагах, скорее готовила почву для конфликта, чем позволяла сохранить непрочный мир.

Селим I использовал нерешительность и, вместе с тем, очевидное стремление Кансуха ал-Гури к союзническим, а не враждебным отношениям с османами в своих интересах. Под эгидой противостояния европейскому военному контролю на море он привлек остатки мамлюкского флота к

экспедиции в Йемен в 1515 г. Был захвачен Забид, но Аден взять не удалось [Фильштинский, 2008, с. 296]. Этот поход подготовил дальнейшие действия османов по захвату Йемена, а для мамлюков обернулся только новыми тратами на снаряжение войска и потерями в личном составе.

Соперником османов, которые активно боролись за гегемонию на Ближнем Востоке, наряду с Султанатом мамлюков стало основанное в самом начале XVI в. в Иране шиитское государство Сефевидов [Petry, 1994, p. 24]. Кансух ал-Гури не решился поддержать шиитов Сефевидов, но и не дал согласия Селиму на его предложение вместе выступить на защиту суннитского ислама. Под предлогом сопровождения османской делегации, которая возвращалась из Каира, он отправил ко двору Селима одного из своих доверенных эмиров. Этот эмир должен был сообщать мамлюкскому султану все детали развития конфликта между османами и Сефевидами [Духмāн, 1986, с. 230]. Во время сражения на Чалдыранской равнине мамлюкское войско было сосредоточено в районе Алеппо в позиции стороннего наблюдателя, возможно, с целью присоединиться к победителю и воспользоваться ослаблением противников, чтобы закрепить за собой доминирующее положение в пограничных бейликах. Этот маневр не остался незамеченным и, вероятно, только укрепил намерение османского султана расширить свою империю за счет владений мамлюков [Смирнов, 2009, с. 82; Hathaway, 2018, p. 24-25].

23 августа 1514 г. османы разгромили сефевидскую армию и в начале сентября вступили в Тебриз [Иванов, 1984, с. 35]. Кансух ал-Гури, вероятно, рассчитывал, что сефевидский шах попробует взять реванш, и у мамлюков появится шанс встретить и остановить ослабленное этим предполагаемым сражением войско османов у самой границы. Наместник Алеппо, Хайрбек (ум. в 1522 г.), вступивший в тайные переговоры с османами, всячески поддерживал надежду султана на продолжение конфликта между османами и Сефевидами и даже отправлял ему донесения о том, что Сефевиды начали новое наступление. Сефевиды, действительно, довольно быстро восстановили

и реорганизовали армию и приступили к действиям в северной Месопотамии. Однако, это лишь укрепило решение Селима сначала нанести удар по мамлюкам, чтобы обезопасить свои позиции с юга и, возможно, пополнить собственные войска мамлюкскими подразделениями, и только после этого вступить в новое противоборство с Сефевидами.[1] Пытаясь сбить с толку противника, он написал Кансуху ал-Гури письмо, в котором заверял, что его единственная цель – мир с могущественным мамлюкским правителем [Ибн Зунбул, 1998, с. 91-92; Ayalon, The End…, 1987, p. 129-132]. Подготовку к вторжению на мамлюкские территории Селим I начал с полного подчинения Дулкадира: отрубленную голову правителя Дулкадира доставили в Каир. В 1515-1516 г. в состав Османской империи была включена вся Восточная Анатолия: османы вплотную подошли к мамлюкским границам [Иванов, 1984, с. 36-37; Духмāн, 1986, с. 28, 230, 233-234, 240-241; Мустафаев, 1990, с. 6; Petry, 1994, p. 24; Venzke, 2000, p. 433].

Кансух ал-Гури делал все возможное, чтобы избежать открытого конфликта с османами, но одновременно принимал меры по укреплению обороны. В 1515 г. он лично отправился в Александрию, чтобы осмотреть состояние крепостей на побережье Средиземного моря. Из Алеппо приходили тревожные известия о готовящемся нападении османов в Сирии, и возможной высадке османского десанта в Египте. На ремонт крепостей были выделены деньги и отправлены каменщики и строители. Для защиты цитадели в Александрии Кансух ал-Гури выслал огнестрельное оружие: около двухсот аркебуз и кремневые пищали. Его план повышения боеспособности армии предусматривал наряду с использованием отряда аркебузиров, увеличение числа пушек и восстановление высокого уровня традиционной военной подготовки мамлюков [Духмāн, 1986, с. 234-235; Ayalon, 1956, p. 47-71].

[1] Подробнее о причинах вторжения Османов в мамлюкскую Сирию см. [Ayalon, The End…, 1987].

В мае 1516 г. мамлюкская армия во главе с султаном выступила из Каира в сторону Алеппо.[1] К мамлюкам присоединились остатки разбитых османами дулкадиритов. Для того чтобы укрепить их решимость вступить в сражение, Кансух ал-Гури выплатил им восемь тысяч динаров. Всю казну, включая свои личные запасы, а также запасы оружия и амуниции (все это было погружено на сто пятьдесят верблюдов) султан взял с собой. В Каире остался Туманбай – как обычно, преданный и, к тому же полностью лишенный средств – а значит, не представлявший опасности для Кансуха ла-Гури. В Цитадели находилось, по некоторым подсчетам, около двух тысяч воинов, включая престарелых ветеранов и *авлад ан-нас*, не годных к службе [Духмāн, 1986, с. 233-234, 240-241; Ибн Зунбул, 1998, с. 96-97]. Кансух ал-Гури, вероятно, опасался мятежа, который могли бы поднять мамлюки во время его отсутствия в столице (напомним, что именно так разворачивались события, когда ан-Насир Фарадж отправился с войском в Сирию для того, чтобы остановить стремительное продвижение армии Тимура), поэтому и забрал с собой все свои сокровища, а также халифа, чтобы тот не выдал в случае смуты инвеституру другому претенденту на престол. Это решение сыграло роковую роль в судьбе Султаната мамлюков. Дело в том, что на протяжении пятнадцати лет Кансух ал-Гури последовательно переводил доходы государства в свою собственную казну, чтобы обеспечить переход к единоличному наследственному правлению. И все эти огромные средства после сдачи Алеппо достались османам,[2] а государственная казна была пуста – деньги были потрачены на снаряжение и отправку войска. Туманбай был, таким образом, лишен возможности обеспечить оборону Египта.

19 июня 1516 г. Кансух ал-Гури вступил в Дамаск. Необычайно богатое убранство торжественной процессии, вероятно, должно было внушить и мамлюкам сирийских гарнизонов, и жителям города уверенность в

---

[1] Совокупная численность султанских мамлюков, включая *джулбан* и *караниса*, и подразделений *авлад ан-нас*, выступивших в 1516 г. в Сирию под командованием Кансуха ал-Гури составляла, по некоторым оценкам, около пяти тысяч человек [Духмāн, 1986, с. 241].

[2] Подробнее об этом см. следующий параграф.

могуществе султана. 11 июля Кансух ал-Гури прибыл в Алеппо. Здесь находилась османская делегация, которая передала Кансуху ал-Гури подарки от своего владыки и осыпала его заверениями в мирных намерениях Селима I и в том, что единственная цель османского султана – борьба против сефевидского шаха за защиту суннитского ислама. Предлогом для этого посольства стала просьба османского султана прислать ему сахару и сладостей, которая была с удовольствием исполнена Кансухом, не терявшим надежду на сохранение мира. После этого к Селиму I была отправлена мамлюкская делегация с предложением официально заключить мир, но вскоре пришли известия о том, что посланцы мамлюкского султана арестованы османами и едва избежали казни[1] [Духмāн, 1986, с. 243-246; Иванов, 1984, с. 38].

Селим I больше не скрывал своих истинных намерений и в начале августа 1516 г. вторгся на территорию мамлюкской Сирии. 16 августа 1516 г. мамлюкская армия выступила из Алеппо. 24 августа 1516 г. на поле Мардж Дабик к северу от Алеппо османы нанесли сокрушительное поражение мамлюкам. Кансух ал-Гури погиб на поле боя (по одной из версий, убедившись, что сражение проиграно, он принял яд, по другой – умер от сердечного приступа) [Духмāн, 1986, с. 247-250; Зеленев, 2007, с. 151–155; Иванов, 1984, с. 25–30; Winter, 2017, p. 133-136].

Среди причин поражения мамлюков нередко называют военно-техническое превосходство османской армии, располагавшей огнестрельным оружием [Conermann, Es boomt!..., 2003, p. 27]. Вероятнее всего, под влиянием сочинения Ибн Зунбуля, которое представляет собой не столько историческую хронику, сколько исторический роман, в научной литературе распространилась точка зрения, согласно которой мамлюки не использовали огнестрельное оружие, потому что считали это недостойным и не

[1] По одной из версий, борода эмира, возглавлявшего делегацию, была сбрита и отправлена Кансуху ал-Гури вместе с письменным объявлением войны [Hitti, 1957, p. 657].

соответствующим традициям военного рыцарства.[1] Напомним, что представители средневековых военных элит – будь то французский шевалье или японский самурай – не считали для себя зазорным использовать наряду с традиционным холодным оружием огнестрельное. Трудно представить, что прагматичный «рыцарь Востока» был готов рисковать собственной жизнью и судьбой своего государства ради сомнительной чести быть застреленным каким-нибудь османским ополченцем, но сохранить при этом верность копью и сабле. Источники свидетельствуют о том, что мамлюки начали использовать пушки (правда, только для осады крепостей, но не на поле боя) уже во второй половине XIV в., т.е. раньше, чем османы [Хасанов, Социально-поилитческий строй…, 1974, с. 66; Ayalon, 1956, p. 46]. К этому же времени относятся описания легкого огнестрельного оружия в мамлюкских трактатах по *фурусийи*. Европейские путешественники XV-XVI в. неоднократно указывали на наличие у мамлюков аркебуз. Каитбай поощрял распространение этого вида оружия, выделяя дополнительную плату тем, кто овладел навыками стрельбы из аркебузы. В 1490 г. его «мушкетеры» одержали решительную победу над османами, и некоторые исследователи предполагают, что именно после этого сражения Баязид II, вынужденный заключить в следующем году мир с мамлюками, принял решение снабдить значительную часть своей армии легким огнестрельным оружием [Zouache, 2014-2015, p. 307].

Настоящим энтузиастом использования артиллерии был султан Фарадж, признанный мастер *фурусийи*. Попытку создать новое войско, способное владеть огнестрельным оружием сделал ан-Насир Мухаммад. В ходе острой политической борьбы, которая развернулась в период правления этого султана, огнестрельное оружие и пушки применяли эмиры, пытавшиеся захватить трон [Fuess, 2020, p. 206]. Кансух ал-Гури, потративший много сил на возрождение традиционного мамлюкского военного искусства, не менее активно поощрял применение огнестрельного оружия. Он сформировал

[1] См., например, [Духмāн, 1986, с. 259].

корпус, владевших огнестрельным оружием наемников, рекрутировавшихся в том числе и из городских ремесленников [Фильштинский, 2008, с. 294-295]. И все-таки не вызывает сомнений тот факт, что ни мамлюки, ни, к слову сказать, янычары, не торопились осваивать аркебузы. Каитбай набирал свои отряды «мушкетеров» из числа воинов *халка*, т.е. сыновей мамлюков и наемников [Har-El, 1995, p. 201]. Сдержанное отношение профессиональных мамлюкских кавалеристов к использованию аркебуз, вероятнее всего, объясняется техническими характеристиками стрелкового оружия. В XV, да и в XVI в., лук в руках опытного воина был более эффективен, чем ружье или аркебуза. Лук был легче и компактней, умелый лучник мог выпустить до шести стрел в минуту, за это же время из аркебузы можно было выстрелить только дважды. Вооружить хорошего лучника аркебузой или мушкетом, по сути, значило сделать его в три раза слабее, поэтому и египетские, и османские султаны создавали новые отряды «мушкетеров» не из мамлюков и янычар, а из наемников и ополченцев. Кроме того, значение имело качество и возможность приобретения огнестрельного оружия. Османы, шаг за шагом продвигавшиеся в Европу, находили среди покоренных народов искусных кузнецов, литейщиков, мастеров-оружейников. Кроме того, под их контролем находилась Анатолия – лучший в регионе источник угля, селитры и железа. Мамлюки занимали в этом отношении менее выгодную позицию. Они, как было отмечено выше, начали использовать пушки раньше, чем османы, но, в основном, применяли этот вид вооружения при осаде крепостей, когда достаточно было установить несколько пушек в наиболее удобных для обстрела осажденных точках. Для передвижения большого количества тяжелых пушек на открытом пространстве были нужны специальные повозки, которыми османы располагали в неизмеримо большем количестве, чем мамлюки [Bulliet, 1975; Irwin, 2004, p. 117-132].

На исход сражения при Мардж Дабик повлиял и раскол в мамлюкской армии из-за противоречий между молодыми мамлюками султана – *джулбан* и мамлюками-ветеранами - *карариса*. Ибн Ийас сообщает о неоднократных

убийствах *карариса* мамлюками *джулбан* с целью захвата *икта‘*. Кансух ал-Гури, как и его предшественники не только не пытался ограничить своеволие своих молодых воспитанников, но и подкреплял их привилегированное положение новыми указами. Так, в Каире было объявлено, что никто не смеет препятствовать каким бы то ни было действиям мамлюков султана, а всякому, кто посмеет удерживать хотя бы уздечку коня такого мамлюка, будет отрублена рука. Распоряжение султана фактически узаконило грабежи, которым подвергались жители столицы, прежде всего торговцы, со стороны султанских мамлюков. Бесчинства *джулбан* вызывали возмущение как у местного населения, так и у старших офицеров, которые подобными привилегиями не располагали. Перед сражением с османами, когда мамлюкское войско находилось в Алеппо, Кансух ал-Гури раздал своим *джулбан* лошадей, оружие и щедрые награды, *карариса* при этом не получили ничего. Старшие офицеры тоже остались без подарков – их лояльность султан решил подкрепить еще одной торжественной клятвой верности, которую они должны были дать перед всем войском во время парада [Духмāн, 1986, с. 246; Семенова, 1962, с. 239-240; ее же, 1966, с. 130].

Кансух ал-Гури на зря опасался предательства. И до, и после сражения при Мардж Дабик в османский лагерь переходили мамлюкские эмиры (были среди них и те, кто входил в число приближенных ал-Гури), которые передавали сведения о тайных переговорах мамлюков с Сефевидами, о численности мамлюкской армии и организации обороны городов Сирии и Египта. Селим имел численно превосходящее войско, и, как упоминалось выше, вступил в секретные переговоры наместником Алеппо Хайрбеком, обеспечив себе, таким образом, дополнительные преимущества. В разгар сражения Хайрбек неожиданно дал приказ отступать к Хаме. Почти одновременно поле боя один за другим стали покидать мамлюки-ветераны, которых Кансух ал-Гури отправил на линию огня, оставив своих собственных, молодых мамлюков в запасе: «старая гвардия» мамлюкского войска сочла

такое решение султана несправедливым и оскорбительным [Духмāн, 1986, с. 260-261; Petry, 1994, p. 25].

Одним из факторов, обусловивших победу османов, стала поддержка, которую им оказывало население Сирии и Египта [Иванов, Основные черты…, 2008, с. 202]. К концу XV – началу XVI в. контроль мамлюков над северной Сирией был значительно ослаблен. Соседние с Алеппо районы, расположенные в приграничных областях, подвергались постоянным нападениям со стороны кочевников [Venzke, 2000, p. 399]. Волнения и мятежи с участием и горожан, и крестьянства стали заметной чертой политической жизни султаната во второй половине XV в. Так, например, в 1490 г. в Каире нападению подвергся судья, в 1506 г. наместник султана в Дамаске был вынужден бежать из города под давлением взбунтовавшейся толпы, 1507 г. был отмечен серьезными беспорядками в Караке, а в 1514 г. мамлюки были вынуждены применить огнестрельное оружие во время сбора чрезвычайного налога [Семенова, 1962, с. 240]. В Алеппо и окрестных областях антимамлюкские настроения были особенно сильны. На протяжении нескольких десятилетий территория этой провинции неоднократно становилась зоной боевых действий, подвергалась грабежу и разорению со стороны воевавших с мамлюками эмиров Малой Азии и османов, местные жители несли помимо общих для всего населения Султаната налогов и повинностей, тяжелое бремя непосредственного снабжения мамлюкских воинов, обеспечивали им постой и подвергались чрезвычайным поборам для быстрого обеспечения воюющих отрядов. После генерального сражения, которое произошло между армиями Селима I и Кансуха ал-Гури, жители Алеппо с оружием в руках встретили тех мамлюков, которые надеялись укрыться за стенами цитадели. Примеру Алеппо последовали и другие города северной Сирии – бывшие подданные мамлюкского султана добивали остатки деморализованного мамлюкского воинства [Духмāн, 1986, с. 254; Иванов, 1984, с. 39].

Ход сражения и причины поражения мамлюков на поле Мардж Дабик были неоднократно и подробно рассмотрены в работах целого ряда исследователей, которые помимо отмеченных выше факторов указывают на изменение баланса сил в регионе, связанное с открытием нового морского пути в Индию и активными действиями португальцев, значительно ослабившими позиции Султаната мамлюков в международной торговле, сокращение доходов, которые давала разрушавшаяся вследствие эпидемий и тяжелого налогового бремени в период первой войны с османами египетская аграрная система, численное превосходство османской армии и неудовлетворительное состояние мамлюкского флота, а также распространение османофильских настроений в государстве мамлюков [Духмāн, 1986, с. 232-257; Иванов, 1984, с. 6-51; Кириллина, 1998, с. 114-115; Петросян, 2019, с. 259-262; Смирнов, 2009, с. 84; Fuess, 2001, p. 91-101; Humphreys, 1998, p. 461; Petry, 1994, p. 25; Venzke, 2000, p. 399]. Действительно, не менее важной, чем противостояние на поле боя или на дипломатическом поприще была борьба мамлюков и османов в сфере идеологии, где центральное место в любом вопросе, касающемся защиты целостности мусульманского государства, занимала концепция джихада.

Начало правления мамлюкских султанов было ознаменовано разгромом армии крестоносцев и победой над монголами при Айн Джалуте в 1260 г. Мощная волна военного джихада против крестоносцев и монголов привела мамлюков к власти, принесла им славу защитников ислама и укрепила их политический авторитет. В дальнейшем, джихад стал ключевым элементом идеологии бахритских султанов, которые, утверждая легитимность собственной власти, стремились предстать в глазах мусульман как наследники Аййюбидов – династии защитников Сунны [Fierro, 2010, p. 3; Frenkel, 2011, p. 103-104; Fuess, 2013, p. 97; Humphreys, 1972, p. 85].

К началу бурджитского периода ситуация изменилась. Мамлюки завершили разгром и изгнание крестоносцев с Ближнего Востока. В прежней форме джихад велся только против военно-морских баз западно-христианских

крестоносцев на Кипре, Родосе и других островах Восточного Средиземноморья. Часть монголов во главе с Газан Ханом (1295-1304) приняла ислам, и война против них – теперь уже братьев по вере – потребовала новых обоснований.[1] Не случайно в хрониках второй половины XV в. события, связанные с нашествием Тимура, обозначаются уже не как джихад, а как *фитна* (*fitna lankīya* или *fitna tīmūrīya)* [Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 386].[2]

Несмотря на решительные победы мамлюков над крестоносцами и ликвидацию крестоносных княжеств на территории Палестины и Сирии в XIII в. угроза нападений на города и крепости мамлюков со стороны рыцарей (и пиратов) сохранялась. Защита протяженной береговой линии мамлюкских владений в Египте и Сирии была непростой задачей, особенно в условиях кризиса центральной власти и постепенной демилитаризации мамлюков [Van Steenbergen, 2006, p. 20-22].[3] После того как кипрский король совершил в 1365 г. нападение на Александрию, а затем последовала серия атак в направлении сиро-палестинского побережья, по-видимому, возникла необходимость укрепить «дух джихада» как у военного, так и у гражданского населения Султаната. Наместник мамлюкского султана в Дамаске в 1368 г. обратился к

---

[1] Новый подход к джихаду сформулировал выдающийся мусульманский богослов и законовед Ибн Таймийа. Подробнее о его концепции, в которой центральное место занимает джихад не в «области войны» (*dār al-ḥarb*), а внутри мусульманского мира (*dār al-islām*), который нужно защищать от любых новшеств и ересей см. [Зеленев, Илюшина, Теория…, 2019; Хилленбранд, 2008, с. 236-239].

[2] Весьма характерный эпизод, иллюстрирующий «подвижность» применения термина «джихад» и связанных с ним понятий, приводит ал-Макризи. Когда в 1400 г. Алеппо был взят войсками Тимура, один из самых авторитетных сирийских *факихов* Абу ал-Валид Ибн аш-Шихна (ум. в 1412 г.) был вызван великим завоевателем на своеобразный диспут о том, кто заслужил право называться *шахидом* – героем, павшим в борьбе за правое дело (т.е. в джихаде) – защитники Алеппо или воины Тимура, ибо те и другие – мусульмане? Но, разумеется, ни о каком «диспуте» с победителем не могло быть и речи, и Абу ал-Валид дал уклончивый ответ, процитировав известный хадис «Кто сражался за то, чтобы слово Бога было превыше всего, – *шахид*» [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 528]. Мудрый *факих* не стал уточнять, какая из воюющих сторон вела джихад, и, вообще, было ли сражение в Алеппо *войной за веру*, хотя был, вероятно, одним из тех, кто сам призывал горожан к джихаду, когда нависла угроза вторжения монголов. Призывы к джихаду звучали и в Дамаске, когда к городу подошли войска Тимура [ʿĀшӯр, 1995, с. 347]. Подробнее об эволюции теории джихада и концепции *фитны* в мамлюкский период см. [Зеленев, Илюшина, 2018; Зеленев, Илюшина, Теория… 2019].

[3] Об ослаблении контроля над подвластными территориями, в частности, свидетельствовали участившиеся разбойные нападения бедуинов, сообщения о которых сохранились в архиве монастыря Са. Екатерины [Ernst, 1960, s. 222-225; Richards, 2001]. Одним из признаков ослабления ценральной власти и территориальной целостности стала возросшая активность различных социальных и политических групп на периферии Султаната мамлюков. Подробнее об этих выступлениях см. [Van Steenbergen, 2019; Van Steenbergen, Wing, D'hulster, I, II, 2016].

известному сирийскому *факиху* Ибн Касиру с просьбой написать книгу о джихаде, чтобы жители его провинции смогли ясно увидеть все блага, которые Бог приготовил для тех, кто будет защищать мусульманские прибрежные города. Как и его предшественники, Ибн Касир обратился к Корану и хадисам, чтобы продемонстрировать значение джихада в целом, и особенно джихада, направленного на защиту границ «Мира ислама» (*Dār al-islām)*. Ибн Касир подчеркнул особое значение войны за *рибаты* и посвятил отдельную главу нападению *франков* на Александрию, которое привело к тяжелым последствиям для мусульман, поскольку ни войско *наместника* султана, ни жители города не были готовы к обороне [Ибн Каc̱ӣр, 1981, с. 61-73; Fuess, 2014, p. 274].

Защита *рибатов*, пограничных крепостей постепенно становится важной частью мамлюкской военной политики. *Рибат* – укрепленная обитель полностью посвятивших себя служению Богу аскетов (*мурабитун),* заветом для которых стали слова одного из аятов суры «ал-Анфал»: «Держите в готовности все, какие можете, военные силы и отряды конницы: ими будете держать в страхе врагов Божиих и врагов ваших, и, кроме них, всех других, которых не знаете вы, но которых знает Бог. Что ни пожертвуете вы для пути Божия, вам за то верно отплатится и с вами не поступят несправедливо» (Коран 8:60).[1] *Рибаты* возводили вдали от городов, в пограничных областях. Вероятно, первые *рибаты* представляли собой сторожевые башни или небольшие укрепления, но со временем, в основном благодаря пожертвованиям благочестивых мусульман, эти постройки расширялись [Bonney, 2004, p. 100]. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что мамлюкские эмиры учреждали *вакфы* в пользу *рибатов*, обеспечивали их защитников оружием и пропитанием [Амӣн, 1975, с. 345-346]. Отличие *рибатов* от пограничных крепостей и фортов состояло в том, что их охраняли не отряды или части регулярной армии, подчиненной халифу, эмиру или

[1] Пер. Г.С.Саблукова.

султану, а добровольцы, мусульмане, считавшие своим долгом вести джихад и защищать «Мир ислама». Часто это были суфии, но принадлежность к какому-либо суфийскому ордену не была обязательным условиям для того, чтобы стать *мурабитом* [Little, 1991, p. 105; Mortel, 1998, p. 29].

В бурджитский период большое внимание вопросу о защите пограничных укреплений – *рибатов* – уделяет выдающийся теоретик и воин джихада Ибн ан-Наххас (ум. в 1411 г.). В отличие от Ибн Таймийи, для которого приоритетное значение имела духовная борьба за чистоту веры, Ибн ан-Наххас сосредоточился на военной составляющей джихада, защите мусульман от внешних врагов – *франков*, т.е. европейских пиратов, сделавших к тому времени Кипр базой для нападений на подвластные мамлюкам территории - сирийское и египетское побережье Средиземного моря, и монголов, которые под предводительством Тимура вторглись в конце XIV в. в Сирию.

Ибн ан-Наххас подчеркивает (со ссылкой на Ибн Таймию, который, в свою очередь, упоминает о согласном решении *улемов (иджма‘)*), что пребывание в рибате в качестве *мурабита* лучше, чем пребывание в священных для мусульманина городах – Мекке, Медине или Иерусалиме. В своем весьма пространном сочинении Ибн ан-Наххас подробно рассматривает все аспекты защиты *рибатов.* Он уделяет внимание вопросу о *намерениях* (*nīyāt*), который занимал важное место и в трудах его предшественников о джихаде. Ибн ан-Наххас считает, что всякий, кто находится в пограничном укрепленном пункте, ожидая наступательного или защитного джихада или готовясь к нему, является *мурабитом.* Если же человек находится в крепости в связи с иными обстоятельствами (например, родился и живет там), то он не обязательно является *мурабитом*, и считать его таковым или нет, зависит от его *намерений* [Ибн ан-Наха̣х̣ā̄с, 1990, с. 396, 409].

Для Ибн ан-Наххаса, который пережил разрушительное вторжение Тимура в Сирию и был свидетелем постоянных нападений европейских пиратов на города и крепости, расположенные у берегов Средиземного моря в

Египте, особое значение приобрел вопрос о том, является ли джихад обязанностью общины (*farḍ al-kifāya*) или личной обязанностью (*farḍ al-ʿayn*). Ибн ан-Наххас подробно рассматривает все аспекты защиты *рибатов* и утверждает, что, когда «неверные» нападают на земли мусульман, джихад становится личной обязанностью каждого – *farḍ al-ʿayn.* Для ученого было очевидно, что делегирование выполнения этой обязанности профессиональным воинам – мамлюкам – не оправдывает себя, если речь идет о защите *рибатов* [Ибн ан-Наḫḫāс, 1990, с. 101, 409].

Свои теоретические разработки Ибн ан-Наххас осуществил на практике, а его жизнь и трагическая смерть стали подлинным воплощением идеи джихада и как духовного самосовершенствования, *усердия на пути постижения знания*, и как борьбы с «неверными» в целях защиты *уммы.* Ибн ан-Наххас жил в Дамаске, был *факихом,* знатоком мусульманского права; собственное видение исламской концепции джихада он изложил в сочинении под названием «Места водопоя для стремящихся к полям сражений страстных поклонников [Бога]…» [Ибн ан-Наḫḫāс, 1990]. Когда войска Тимура вступили в Сирию, он покинул родные места и нашел прибежище в Дамьетте. В 1411 г. в Египте случилось трагическое происшествие, которое сыграло роковую роль в судьбе Ибн ан-Наххаса. В Александрии разгорелся конфликт между общинами генуэзцев и каталонцев. Этот конфликт перерос настоящее сражение на улицах города, число убитых, согласно Ибн Хаджару и ал-Макризи, которые описывают эти события, достигло двух тысяч человек. Каталонцы захватили в плен какого-то генуэзца и отправили его султану как зачинщика смуты. Султан ан-Насир Фарадж назначил выкуп в сто тысяч динаров (или, по другой версии – в сто пятьдесят тысяч). Пленный заявил, что его собственность находится под охраной генуэзцев. Когда генуэзцы отказались платить, Фарадж приказал арестовать генуэзских купцов в Александрии. Генуэзцы решили отомстить, сели на корабли и отправились в ат-Тину, где захватили в плен женщин и детей. На помощь жителям ат-Тины отправился отряд мусульман из Дамьетты, который возглавил Ибн ан-Наххас.

Генуэзцы забрали награбленное и ушли, а добровольцы из Дамьетты пали в неравном бою. В этой битве и погиб Ибн ан-Наххас [Ибн ал-ʻИмāд, 1993, т. 9, с. 157; Ибн Ҳаджар, 1969-1998, т. 2, с. 491-492; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 293; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 1, с. 203-204].

Джихад против *франков* стал лейтмотивом идеологии мамлюкских султанов в первой половине XV в. и находил поддержку у населения. Для мамлюков такая поддержка – и в форме добровольного участия в военных действиях, и, особенно, в форме финансовых пожертвований – была важным подспорьем в подготовке к войне. Так, например, походы на Кипр 1424–1426 гг. вызвали широкую волну добровольческого джихада.[1] Тогда к мамлюкам Египта присоединились отряды из Сирии и большое количество добровольцев-немамлюков, среди которых были даже весьма знатные *факихи* [Ибн Буҳтур, 1927, с. 221, 226; Moukarzel, 2007].[2] В джихаде аз-Захира Джакмака против родосских рыцарей-иоаннитов также участвовали добровольцы, в том числе из числа *факихов* и *улемов* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 91; Ḳāсим, 1978, с. 93; Rabie, 1989, p. 283–285]. Преемник Джакмака, султан ал-Ашраф Инал в 1456 г. использовал идею джихада в своей политике по отношению к Кипру. Высылая отряд для поддержки угодного ему претендента на кипрский престол, он объявил эту экспедицию джихадом, что позволило ему получить необходимую моральную и материальную поддержку подданных [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 124–125].

Признание готовящейся войны *справедливой*, объявление джихада позволяло правителям призывать к оказанию помощи все население Султаната рассчитывать, что такая помощь будет оказана. Так, например, в 1418 г. ал-Му'аййад Шайх собрал совет главных *кади* и халифа, чтобы решить вопрос о правомерности с точки зрения мусульманского права войны против правителя

[1] См. Гл. 3.

[2] В Сирии, в отличие от Египта, существовала устойчивая традиция защиты крепостей, городов и селений силами локальных отрядов «самообороны» – сначала от нападений византийцев, затем от атак крестоносцев. Местную элиту, наряду с богословами, юристами и чиновниками, составляли знатные семьи, представители которых на протяжении столетий несли военную службу. При мамлюках некоторые из них попадали в подразделения *халка*, назначались на пост *вали* в городах и провинциях или получали иные должности в военно-административной системе Султаната [Frenkel, 2011, p. 108].

тюрко-огузского государства Кара Коюнлу, который начал наступление на северные границы Султаната в Сирии. Соответствующая разрешительная фетва была вынесена, был объявлен призыв участвовать в джихаде лично или оказать финансовую поддержку в снаряжении войска [ал-Баṭāвӣ, 2007, с. 99].

После военных походов на Кипр в 1424-1426 гг. за внешним величием мамлюкского могущества все отчетливее стали проступать признаки слабости: добытые военные преимущества таяли на глазах, отражать атаки христианских пиратов становилось все сложнее, родосские экспедиции закончились провалом, мамлюкские султаны утрачивали контроль над Кипром. Рядовые мусульмане убеждались, что корпорация мамлюков медленно, но верно проигрывала европейцам-христианам грандиозную битву на море. Идеология джихада, которая лежала в основе политического авторитета бахритских султанов и легитимности их власти, в бурджитский период стала работать против мамлюков: «справедливая война» против христиан – рыцарей-иоаннитов, каталонцев, португальцев – после кипрских походов Барсбая уже не приносила громких побед, а следовательно – идеологических дивидендов [Зеленев, Илюшина, 2021, с. 59].

Во второй половине XV в. серьезную угрозу для государства мамлюков стали представлять единоверцы – османы. Основной тон идеологического противоборства с османами был задан еще первым бурджитским султаном аз-Захиром Баркуком. В одном из своих посланий к ‘Ала ад-Дину, правителю Карамана, который тогда находился в состоянии конфликта с османами, Баркук, ссылаясь на Коран и Сунну, указывал на важность сохранения мира между мусульманами и недопустимость привлечения немусульман для войны против своих собратьев по вере [Зухрат…, f. 103 b–104 b]. Центральной темой обращения, о котором идет речь, являются отношения между османами и караманидами. Письмо начинается цитатами из Корана и хадисов о том, как важно сохранять мир между правоверными. Далее сообщается, что султан узнал о вражде между караманидами и османами и о том, что те и другие готовятся к сражению. Еще одна отсылка к сунне должна была напомнить

адресату, что Пророк осуждает подобные действия. Затем Баркук пишет, что и к ‘Ала ад-Дину, и к Мураду он направил своих посланцев для заключения мира. Свое намерение примирить враждующие стороны Баркук подкрепляет новыми ссылками на Коран и хадисы, а также пространными благочестивыми рассуждениями о необходимости мира между мусульманами [Зухрат…, 102 б – 103 а;106 а - 108 а].

В одном из фрагментов письма Баркук прямо пишет о том, на чьей стороне справедливость и против кого следует вести джихад: «…*кибла* ислама – в наших владениях, и, если неверные устремятся к *кибле* ислама, …каждый мусульманин должен вести священную войну (*jihād*) с ними [неверными], отражать [их удары] со всей имеющейся у него силой» [Зухрат…, f. 103 a].

Преемники Баркука уверенно следовали намеченному идеологическому курсу и пользовались любым удобным случаем, чтобы напомнить османам о своих свершениях на пути джихада. Так, османский султан Мурад II был приглашен в Каир на торжества по случаю возвращения мамлюкского войска из кипрской экспедиции, увенчавшейся блестящей победой и пленением короля Жана II де Лузиньяна [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 135].

В другом письме Баркука речь идет о том, что египетскому султану сообщили, будто Баязид использует помощь язычников в сражениях с мусульманами [Зухрат…, л. 114 b – 115 b]. Баркук не без оснований обвинял османов в том, что они ведут на земли *dār al-islām* войска, в составе которых немало христиан. Этот аргумент, впервые высказанный в письмах Баркука, в дальнейшем стал главным, хотя и малоэффективным оружием мамлюков в идеологической борьбе с османами [Shaw, 1976, p. 30].

В идеологическом противоборстве с османами мамлюки подкрепляли свое первенство преимущественно невоенными аргументами – во-первых, тем, что резиденция аббасидских халифов находится в Каире, а, во-вторых, тем, что мамлюкский султан именно из рук законного халифа получал звание Служителя двух Священных Городов. Османы, напротив, делали ставку на победоносный вооруженный джихад. Со второй половины XIV они активно

расширяли границы своего государства, используя благоприятные для экспансии факторы: Европа была ослаблена последствиями опустошительной чумной эпидемии, первая мощная волна которой нахлынула в середине XIV в., Византия вступила в фазу политической деградации, теряя силы в гражданских войнах и дворцовых переворотах, а соперничество Генуи и Венеции не позволяло им объединиться и дать отпор османам на море. До тех пор, пока Османы наступали на владения христиан, а в своих посланиях почтительно признавали авторитет мамлюкских султанов в мусульманском мире, в Каире не воспринимали растущую османскую державу как угрозу. В 1402 г. в битве при Анкаре войска Баязида I были разбиты Тимуром. Поражение, понесенное османами от монголов, отсрочило начало соперничества между империями мамлюков и османских султанов [Ланда, 2005, с. 63; Фильштинский, 2008, с. 285-286].

После завоевания османами Константинополя в 1453 г. внешне добрососедские отношения между мамлюками и османами сохранялись еще несколько лет [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 49, 50, 59, 72]. Но, когда османская армия двинулась на восток, в отношениях между мамлюками и османами наметился поворот в сторону конфликта. В идеологическом противостоянии двух империй тоже стали заметны серьезные перемены. Если в конце XIV в. напоминал о недопустимости войны между мусульманами и выступал поборником истинного джихада мамлюкский султан, то с началом обострения ситуации в Восточной Анатолии в 60-х гг. XV в. роль миротворца и хранителя мусульманского закона взял на себя османский владыка. В ответ на попытку мамлюков восстановить свои позиции сюзеренов в Дулкадире Мехмед II в декабре 1466 г. направил аз-Захиру Хушкадаму послание, полное цитат из Корана, указывающих на то, что любые войны, если они не ведутся в целях джихада, недопустимы. Мехмед II призывал мамлюкского султана признать Шаха Сувара законным правителем Дулкадира и восстановить мирные отношения с этим бейликом [Har-El, 1995, p. 86-87].

Итак, в идеологическом противоборстве с мамлюками османы сделали ставку на победоносный джихад, чему способствовали их впечатляющие победы над христианами на Балканах. Мамлюкам в их политике престижа оставалось только опираться на особый статус своей столицы – резиденции аббасидских халифов и своего султана – Служителя обоих Священных Городов. Османы, в свою очередь, ставили под сомнение способность мамлюкского султана должным образом осуществлять такую почетную миссию. Одним из первых проявлений этого вектора в политике османов, направленного на подрыв авторитета мамлюкского султана, стало еще одно письмо Мехмеда II, отправленное в Каир вскоре после призыва признать Шаха Сувара законным правителем Дулкадира. Мехмед II обратился не к Хушкадаму, а к его старшим эмирам, при этом гонец не доставил никаких подарков, что само по себе было нарушением сложившихся традиций и дипломатического этикета. Мехмед II сообщал о своем намерении отремонтировать водостоки на улицах Мекки и просил эмиров оказать ему поддержку. И форма, и содержание обращения явно свидетельствовали о попытке Мехмеда II создать прецедент признания его, а не мамлюкского султана покровителем Священной Мекки.[1] Попытка не удалась, оскорбленные эмиры отправили высокомерный ответ [Har-El, 1995, p. 86-87; Winter, 1998, p. 492]. Тем не менее, этот, казалось бы, незначительный и не имевший последствий эпизод с письмом о ремонтных работах в Мекке был, как показали дальнейшие события, пробным шагом в стратегии османов, направленной на подрыв авторитета мамлюкского султана и раскол в мамлюкской среде. И стратегия эта давала заметные результаты, которые проявлялись как в распространении османофильских настроений, так и в

[1] Османы и раньше демонстрировали стремление оказывать покровительство Священным городам, если не вместо, то наравне с мамлюками. Так, а 1453 г. Мехмед II отправил специальную делегацию в Мекку: османские посланцы должны были сообщить шерифу о победах своего повелителя, доставить письмо, две тысячи золотых флоринов с оттиском имени Мехмеда II лично для шерифа и еще семь тысяч – для раздачи нуждающимся в Мекке и Медине. Однако, в 1453 г. помпезную делегацию Мехмед II направил и в Каир, проявив должное уважение по отношению к мамлюкскому султану [Даррāдж, 1959, с. 203-204; Muhanna, 2010, p. 200].

признании лидерства османов в деле джихада. Например, знаменитый ученый-богослов мамлюкского Египта Джалал ад-Дин ас-Суйути (ум. в 1505 г.) посвятил составленный им сборник хадисов о джихаде не мамлюкскому, а османскому султану, Мехмеду II (1432–1481), назвав свое сочинение подарком «величайшему владыке» [Frenkel, 2011, p. 111].

Но такого перелома в идеологической борьбе с мамлюками османы добились не сразу. В период правления Каитбая, во время первой османо-мамлюкской войны, несмотря на свой растущий авторитет воинов джихада, османы воспринимались населением Султаната мамлюков как враги, посягающие на жизнь и собственность мусульман. Даже среди османских *улемов* не было единства в вопросе о том, какой статус имеет война с мамлюками, является ли она *справедливой* с точки зрения мусульманской законности. Так, в 1490 г. в Сирию прибыл представитель османского *шайх ал-ислама* муллы ‘Ала ад-Дина ал-‘Араби, известного как мулла Арап (ум. в 1496 г.). Он передал мамлюкскому *атабеку* послание, в котором говорилось, что *шайх ал-ислам* и османские *улемы* выражают недовольство действиями Баязида II, что вражда между мусульманами укрепляет позиции врагов ислама, и османам и мамлюкам следует заключить мир [Ибн Ṭулӯн, 1998, с. 110]. В столице Османской империи часть османских *улемов* была не согласна с мнением *шайх ал-ислама* муллы Арапа – они вынесли *фетву* о *законном джихаде* против мамлюков [Har-El, 1995, p. 202–203, 206–207]. Если в период первой османо-мамлюкской войны даже в среде османских *улемов* не было единства по вопросу о том, является ли война против мамлюков-мусульман допустимой, то и у османских воинов, вероятно, не было полной уверенности в том, что следует проливать кровь единоверцев и вести войну против мусульман. Да и сам Баязид не участвовал в сражениях лично, поручив командование войсками своим генералам. В Сирии в этот период нападения со стороны османов и их союзников, которые привели к разорению северных районов, вызывали страх; симпатии местного населения были пока еще на стороне мамлюков-защитников, несмотря на тяготы, которые несло

присутствие большой мамлюкской армии, требующей постоя, продовольствия, фуража и т.п.

За двадцать пять лет, прошедших после первой османо-мамлюкской войны, положение в корне изменилось. Населению Султаната пришлось преодолевать тяжелые последствия разорения, которое принесла война, пережить страшную эпидемию чумы, затем еще пять лет политических смут, когда закон и безопасность были забыты временщиками-правителями, а беззащитные жители городов и селений страдали от поборов эмиров не меньше, чем от нападений бандитов. Настойчивое стремление Кансуха ал-Гури наполнить опустевшую казну и придать двору невиданный блеск на фоне позорных военных поражений мамлюков в конечном счете приводило к падению авторитета власти. Почва для распространения османофильских настроений была подготовлена.

Еще до поражения при Мардж Дабик мамлюки, фактически, утратили свой статус защитников мусульманского мира, столь важный для их политики престижа, базирующейся на идее защитного джихада. Мамлюки оказались не в состоянии оказать действенный отпор португальцам, которые получили контроль над морскими путями в Индию и совершали жесткие нападения на мусульманские торговые корабли [Кириллина, 1998, с. 118].[1] Не менее важно и то, что в 1509 г. египетский султан обратился в Стамбул за помощью для отражения атаки португальского флота. По мнению М.С.Мейера, мамлюки признали, таким образом, за османами функцию охраны мусульманского мира [Мейер, 1981, с. 58]. Во всяком случае престиж мамлюков был подорван, и еще до того, как Селим I вступил в Каир, его провозгласили «служителем обоих священных городов» в Алеппо [Гордлевский, 1962, с. 189; Иванов, Османская империя…, 2008, с. 401-402].

Перед началом вторжения на территорию Султаната в 1516 г. Османы сделали шаг, который предопределил исход идеологического противостояния

[1] О действиях португальцев, направленных против мусульман, см. также [Шумовский, 1957, с. 74-76].

с мамлюками: вторая война суннитов-османов против суннитов-мамлюков (1516-1517) получила идеологическое обоснование в форме фетвы, вынесенной эфенди Зенбели Али Джемалем о том, что решение Селима I вести свою армию против мамлюков, вступивших в союз с Сефевидами (которых незадолго до этого другой османский *улем* в своей фетве объявил «неверными»), соответствует законам ислама. Война с мамлюками объявлялась *справедливой*, иными словами, получила статус джихада [Hathaway, 2018, p. 24-25; Káldy-Nagy, 1979-1980, p. 471; Winter, 1998, p. 495]. Этим идеологическим ходом Селим I привлек на свою сторону значительную часть мусульман – подданных мамлюкского султана. В период борьбы мамлюков против экспансии османов в 1516 г. главные судьи четырех мазхабов в Алеппо, а также знатные горожане написали письмо Селиму I с заверениями в готовности полностью поддержать османский джихад и стать подданными османского султана [Мутаваллӣ, 1995, с. 134]. Проосманская позиция *улемов*, четкое указание на то, что врагом в этой войне являются мамлюки, предавшие интересы суннитского ислама, подогревала антимамлюкские настроения среди населения как приграничных бейликов, так и Сирии и Египта, и, очевидно, укрепляла положение османов. После поражения на Дабикском поле 24 августа 1516 г. наместник Алеппо сдал османам город без боя, также, без боя, был сдан Дамаск, а в северной Сирии началось масштабное восстание населения, которое было направлено против мамлюков и постепенно распространилось по всей территории Султаната [Духмāн, 1986, с. 264; Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 107; Иванов, 1984, с. 3; Ḫасан, 2000, с. 33–34]. Уступив османам право на «справедливую войну», мамлюки утратили поддержку населения и местной мусульманской элиты, потеряли идеологическое преимущество и оказались в положении тех, против кого мусульмане ведут законную с точки зрения шариата войну, то есть сами стали объектом джихада [Зеленев, Илюшина, 2021]. Победа османов в сфере идеологии во многом предопределила ход событий, развернувшихся после битвы при Мардж Дабик и гибели Кансуха ал-Гури.

§ 3. Последние сражения с османами. Султан ал-Ашраф Туманбай.

Ал-Ашраф Туманбай (1516–1517) вошел в историю как последний правитель Султаната мамлюков. Он находился у власти всего несколько месяцев, уже после того, как мамлюки проиграли решающее сражение в войне с османами. Туманбай оказался перед непростым выбором: отстаивать независимость, рискуя погибнуть, или принять поражение, получив шанс сохранить не только жизнь, но и место в политической элите нового, османского Египта.

О происхождении ал-Ашрафа Туманбая источники умалчивают. Известно только, что он родился в 1473 г. и был родственником Кансуха ал-Гури, который купил его, а затем освободил, что было обычной практикой среди мамлюков. Туманбай прошел курс обучения в *тибаке* и начал свою карьеру с должности султанского камердинера — эмира *джамдара,* затем он получил звание *эмира десятка* и еще через некоторое время — *эмира сорока*. После этого он занял высокий пост *директора кладовой напитков и десертов* (*shad al-shirābkhānāh*), а позднее был назначен *главным давадаром*. Туманбай проявил незаурядные способности к управлению, и вскоре под его начало перешли ведомства недвижимости, мебели и палаток, платья, оружия, верховых животных, музыкальных инструментов и охоты султана. Затем Кансух ал-Гури прибавил к его обязанностям верховный надзор за всеми сельскохозяйственными и ирригационными работами в Египте, включая строительство мостов, дамб и каналов, обмер земли, сбор и доставку сельскохозяйственной продукции в Каир. Туманбаю подчинялись пять главных *кашифов,* т.е. управляющих: три — земель Верхнего Египта и два — Нижнего. Молодой родственник султана ни разу не дал повода к подозрению в измене и в результате получил еще одну должность: он стал официально замещать Кансуха аль-Гури, если тот покидал столицу. При этом Туманбаю было дано право распределять назначения и *икта'* среди эмиров высшего ранга. Кансух ал-Гури оставил Туманбая своим *наместнихомском* в Египте,

отправляясь в 1516 г. в Сирию, чтобы сразиться с османами [Илюшина, Мухаммад…, 2012, с. 150; Ҳасан, 2000, с. 11–13].

После поражения на поле Мардж Дабик эмиры, оставшиеся в Каире, избрали Туманбая преемником ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури. В течение пятидесяти дней Туманбай не принимал назначения. Султанат фактически лишился всех своих территорий в Сирии, армия была разбита, на поле боя пали *наместники* крупных городов аш-Шама – Дамаска, Триполи, Сафада, Химса, несколько десятков старших офицеров и наиболее опытная и боеспособная часть войска – *караниса* [Духмāн, 1986, с. 252, 271]. К тому же Туманбай знал о разногласиях среди мамлюков, ставших одной из причин поражения в Сирии, и вероятно, опасался, что после возвращения в Египет недовольные эмиры, участвовавшие в битве с османами, могут повернуть оружие против него и потребовать передачи власти сыну Кансуха ал-Гури, Мухаммаду, который вместе с отцом отправился в Сирию как командир одного из мамлюкских подразделений.[1] Положение было критическим. В конце концов, мамлюки при поддержке близких ко двору *улемов*, следовавших, по-видимому, известному принципу «Сорок лет с несправедливым султаном лучше, чем час безвластия»[2], настояли на том, чтобы Туманбай принял власть. Возведение на престол состоялось 11 октября 1516 г. В отсутствие халифа ал-Мутаваккиля III, который находился в плену у османов, церемонию присяги провел его сын, Йа‘куб. Традиционное торжественное шествие было лишено обычных атрибутов: ни балдахина, увенчанного серебряной птицей, ни позолоченного седла, ни расшитого золотом чепрака для коня нового султана в дворцовых кладовых не нашлось [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 102-105; Фильштинский, 2008, с. 297].

[1] После битвы при Мардж Дабик Мухаммад под опекой Джанбирди ал-Газали, одного из эмиров, вступивших в тайные переговоры с османами, находился в Дамаске, затем с женой и тещей выехал в Каир [Духмāн, 1986, с. 237, 263, 264].

[2] Подробнее о соотношении понятий «власть» (как гарант социальной стабильности) и «справедливость» в системе исламских ценностей см.: [Игнатенко, 1993].

Туманбай попытался сохранить хорошие отношения с приближенными Кансуха ал-Гури и не стал радикально менять основной состав администрации и армейского командования, хотя не все эмиры, которым он сохранил должности, готовы были его поддержать [Ḫасан, 2000, с. 13, 15–18].

Вскоре после вступления на престол он устроил прием в честь шейхов бедуинских племен [Духмāн, 1986, с. 72], вероятно, в надежде, что совместная трапеза в покоях султана станет отправной точкой для примирения: других средств остановить грабежи и нападения кочевников[1] у Туманбая не было. Как показали дальнейшие события, стремление избежать внутренних конфликтов не спасло Туманбая от предательства со стороны бедуинов и эмиров, а Султанат мамлюков — от военного поражения.

В середине декабря 1516 г. группа султанских мамлюков обнаружила на окраине Каира небольшой отряд османов, которые объявили, что их отправил султан Селим I с посланием к Туманбаю и письмами к нескольким мамлюкским эмирам. Допрос показал, что османский посланник, которого сопровождали около пятидесяти человек, нанял бедуинов, с тем чтобы они провели его в столицу, минуя мамлюкские гарнизоны. В числе сопровождающих был и один из сирийских эмиров. Попытка незаметно проникнуть в Каир, многочисленные послания, адресованные египетским эмирам, заставили мамлюков заподозрить, что под прикрытием официальной миссии в столицу пытались попасть шпионы и вербовщики. Османских делегатов без особых церемоний препроводили в дом *главного давадара* для выяснения всех обстоятельств дела.

Когда глава османского посольства въехал во двор резиденции *главного давадара*, ему предложили спешиться и поприветствовать хозяина дома. Османский посланник отказался сделать это, стал браниться, выхватил меч и

[1] Архивные документы свидетельствуют о неоднократных выступлениях бедуинов в пер иод правления Кансуха ал-Гури [Richards, 2011, p. 91-112]. После поражения мамлюкской армии при Марж Дабик племена бедуинов в Египте, пользуясь практически полной безнаказанностью, начали грабежи в сельской местности, нападали на торговцев и даже на мамлюков [Духмāн, 1986, с. 270]. В то же время в Сирии бедуины были едва ли единственной силой, которая пыталась оказывать сопротивление османам [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 106].

попытался разогнать окруживших его мамлюков. *Главный давадар* эмир ‘Алан приказал разоружить посланника. В результате небольшой стычки глава посольства и сопровождавшие его османы были избиты и заключены под стражу. Вскоре выяснилось, что в городе успели скрыться еще около сорока османов, находившихся в составе упомянутого выше отряда. Двоих бедуинов, нанятых османами, казнили за пособничество шпионажу. Когда группа особенно рьяных мамлюков явилась в дом *главного давадара*, чтобы расправиться с остатками «османского посольства», эмир ‘Алан решительно воспротивился этому, и арестованные остались под его охраной [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 122-123].

Узнав о случившемся, Туманбай приказал доставить ему обнаруженные у османов послания. Селим I предлагал мамлюкскому правителю признать власть османского султана, произносить его имя в пятничной молитве и чеканить на монетах. «Будь моим наместником, — писал Селим. — Тебе — все от Газы до Египта, а нам — от Сирии до Евфрата». В случае если его предложение не будет принято, Селим грозился явиться в Египет и убить всех черкесов до единого. Туманбай был разъярен и оскорблен. Никакого ответа османское посольство не получило [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 124-125; Ибн Зунбул, 1998, с. 119-121; Муḥаммад, 2007, с. 352].

Тем временем, Селим I занял все крупные города Сирии, Иерусалим и остановился у Газы. Мамлюкский комендант Газы не собирался сдаваться без боя и просил прислать подкрепление из Каира. Туманбаю с трудом удалось отправить навстречу османам несколько мамлюкских отрядов. «Огневую мощь» мамлюков представляли пехотинцы с ружьями – черные рабы и выпущенные из тюрем преступники, размещенные на верблюдах и на трех десятках деревянных подвод, запряженных быками. Это оказалось все, что было мобилизовано для генерального сражения. Денег в государстве, где все ресурсы формально были подчинены поддержанию боеспособности, не хватило даже, чтобы выплатить обычные «подъемные» эмирам, которые должны были возглавить это жалкое подобие войска [Ибн Ийāс, 1931-1975, т.

5, с. 119–121; Зийāдах, 1951, с. 221-222]. Дело в том, что, когда над владениями мамлюков нависла угроза османского вторжения, Кансух ал-Гури переместил значительную часть стратегических запасов, включая деньги, провизию, ценное имущество, в Цитадель Александрии, намереваясь, в случае необходимости переправить все это в Магриб. Все, что оставалось в египетской казне, как упоминалось выше, Кансух ал-Гури взял с собой, когда вместе с войском отправился в Сирию. Многие эмиры также отправились в путь, имея при себе значительные суммы денег. Когда армия мамлюков готовилась к бою, египетская казна и деньги эмиров были оставлены в укрепленной цитадели Алеппо. После поражения мамлюков на Дабикском поле, в распоряжении Селима занявшего Алеппо, оказались все деньги мамлюкского султана и его эмиров (помимо этого контрибуция была наложена на алеппское купечество), а оружие, запасы которого Кансух ал-Гури держал в лагере, досталось османам сразу после битвы. Александрия была взята османским флотом, и сокровища мамлюкской казны, укрытые в ее цитадели, также перешли в руки Селима [Духмāн, 1986, с. 256; Fitzgerald, 2017, p. 251; Winter, 2017, p. 140]. У Туманбая остались только его собственные средства, которых не могло хватить на снаряжение новой армии: в казне, как пишет Ибн Ийас, не было «ни динара, ни дирхама» [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 108, 119-121].

Мамлюки, не получавшие никакого вознаграждения, использовали любую возможность, чтобы уклониться от участия в походе. Возобновились разногласия между молодыми гвардейцами Кансуха ал-Гури и ветеранами мамлюкского войска (последние заявили, что не тронутся с места, пока не получат по 130 динаров каждый). Приближенные советовали султану последовать примеру его предшественников и прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы обеспечить армию, но Туманбай категорически отказался от незаконных конфискаций частной собственности, посягательств на доходы от *вакфов* и введения дополнительных налогов, более того, сразу после вступления на престол он отменил дополнительные налоги, введенные при

Кансухе ал-Гури, а после назначения четырех главных судей не взял, вопреки сложившейся традиции, с них ни одного дирхама и запретил им, в свою очередь, брать мзду за должности в судебных ведомствах. Он заявил: «Ничего я не возьму несправедливостью в дни моего правления» [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 117-118, 127]. Многие современники и свидетели этих драматических событий были убеждены, что Туманбай лишил себя таким образом последнего шанса остановить османов и не допустить их вторжения в Египет. Возможно, султан опасался, что поборы только усугубят напряженную ситуацию в стране, или полагал, что твердая приверженность законам шариата и принципам добродетельного правления — лучший выход в создавшемся положении и единственный способ противостоять османской антимамлюкской пропаганде.[1] Как бы то ни было, исход битвы был предрешен. Туманбай понес тяжелые потери в живой силе и вооружении, Газа перешла под контроль Селима, и османы оказались у египетской границы [Духмāн, 1986, с. 272].

Обстановка в Каире накалялась с каждым днем. Туманбай едва удерживал мамлюков, жалование и довольствие которых пришлось значительно урезать, от грабежей и насилия. Личные гвардейцы Кансуха ал-Гури, вернувшиеся из Сирии, были недовольны тем, что решение об избрании Туманбая было принято без их участия и прочили в султаны Мухаммада, сына ал-Гури. Город наводняли османские шпионы, один из них совершил покушение на Туманбая. За пределами столицы бесчинствовали племена бедуинов [Ḫасан, 2000, с. 35–37].

Армия Селима подступила к стенам египетской столицы 22 января 1517 г. Готовясь к сражению, Туманбай потратил большую часть имевшихся у него сил и средств на огнестрельное оружие. Из египтян и нубийцев были сформированы отряды стрелков, на возвышенностях установили пушки. Но

[1] Несмотря на тяжелое военное положение и скудость казны, ал-Ашраф Туманбай в положенный срок отправил в Мекку новую *кисву* для Каабы и установленную ежегодную денежную дотацию для Священных городов [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 115].

предпринятые действия оказались неэффективны. Тяжелые орудия увязли в песке, и османы, располагавшие информацией об организации обороны Каира, легко обошли неповоротливые пушечные дула стороной. Местное население, мобилизованное Туманбаем, не имело достаточного опыта владения оружием и участия в боевых действиях. Сражение было проиграно, Туманбай вместе с остатками верных ему мамлюков вынужден был оставить собственную столицу и отступить. Три дня в Каире продолжались погромы. Всех мамлюков, найденных в городе, казнили на месте [Зеленев, 2007, с. 156–157; Мутаваллӣ, 1995, с. 187–190; Ayalon, 1956, p. 85; Winter, 1998, p. 502].

Торжественное вступление Селима в столицу Султаната мамлюков состоялось в понедельник 26 января 1517 г., а еще раньше, в пятницу, в мечетях Каира уже читали молитву в его честь. Но Туманбай все еще не сдавался. В среду, 28 января, он со своим отрядом пробрался в город и поджег лагерь османов. К контратаке мамлюков присоединились египтяне, в основном из числа тех, кто входил в состав сформированных ранее Туманбаем стрелковых подразделений. Османы решили отступить, и в ближайшую пятницу в мечетях Каира снова провозгласили молитву в честь султана Туманбая. Мамлюки занимали город четыре дня. В субботу, 31 января, не выдержав не прекращавшегося обстрела, они вынуждены были оставить занятые позиции. В Каир вернулись османские военные части, и начался новый погром. Египтян известили о том, что всякий, кто укрывает хотя бы одного мамлюка, будет повешен. Дома всех, кто оказывал помощь мамлюкам, были сожжены. По некоторым оценкам, число погибших в ходе этих событий египтян достигало десяти тысяч, а мамлюков — эмиров и рядовых воинов — восьмисот человек [Ayalon, 1989, p. 414;].

3 февраля, во вторник, Селим торжественно вступил в каирскую цитадель. Тем временем Туманбай нашел прибежище в ал-Бахнасе[1] и начал формирование новой армии, часть которой составили бедуины Верхнего

[1] Город ал-Бахнаса находится приблизительно в 160 км к югу от Каира.

Египта. Селим сделал попытку справиться со своим противником силами мамлюков-предателей. Он отправил в ал-Бахнасу экспедиционный корпус на нескольких кораблях под командованием Хайрбека,[1] бывшего *наместника* Алеппо, который тайно помогал османам еще на Дабикском поле. Вылазка закончилась провалом. Туманбай сумел разгромить нападавших и завладеть их оружием [Зеленев, 2007, с. 154; ас-Саййид, 1998, с. 109].

Второй отряд, посланный Селимом против непокорных мамлюков, возглавил еще один эмир, который перешел на сторону османов, — Джанбирди ал-Газали, бывший *наместник* Хамы [Духмāн, 1986, с. 232]. Он был, между прочим, членом семьи Туманбая — братом его жены, и только это спасло его от неминуемой смерти: когда ал-Газали прибыл в ал-Бахнасу, Туманбай вызвал его на поединок, сумел сбросить с коня и приставил меч к горлу поверженного наземь противника. Туманбай не стал убивать кровного родственника своей жены, который, в свою очередь, поклялся никогда больше не идти с оружием против Туманбая [Ḫасан, 2000, с. 44-45].

Вскоре после этого в Каир пришло послание, в котором Туманбай соглашался упоминать имя османского султана в пятничной молитве и чеканить его на монетах, а также присылать в Стамбул *харадж* при условии, что Селим и его армия покинут Египет и никогда не будут вмешиваться в его дела. Туманбай писал, что делает это предложение не потому, что боится сражения, а только для того, чтобы остановить кровопролитие [Зийāдах, 1951, с. 225-226]. Селим решил согласиться и, чтобы заключить мир, отправил в Верхний Египет посольство, которое возглавили четверо главных судей Каира и представитель халифа. Уже на подступах к ал-Бахнасе посольство подверглось нападению мамлюков, не согласных с решением Туманбая, османы были убиты, богатые подарки, приготовленные для последнего черкесского султана, украдены [Илюшина, Последний…, 2016].

[1] О дальнейшей судьбе Хайрбека см. [Кадырбаев, 2011].

Пути к переговорам были отрезаны. Решающее сражение состоялось у пирамид Гизы. Селим лично командовал армией османов, он установил пушки и отряды стрелков на берегу Нила. Непрерывный огонь не позволил использовать мамлюкам тактику конной атаки, бедуины, выступавшие на стороне Туманбая, в решающий момент покинули поле боя. Османы одержали победу. Туманбай и эмиры из его ближайшего окружения нашли пристанище в бедуинском племени, шейх которого во время одного из карательных рейдов султана Кансуха ал-Гури был захвачен, а затем помилован и освобожден благодаря заступничеству Туманбая. Селим решил добиться выдачи своего противника без применения силы. Он пообещал, что не будет брать ни одного дирхама с земли, которая принадлежит шейху, укрывавшему Туманбая, что этот шейх займет самое почетное место среди всех бедуинов Египта. Туманбай был выдан османам. В воскресенье 13 апреля 1517 г. его казнили [Зийāдах, 1951, с. 227-228; Кадырбаев, 2007; Смирнов, 2009, с. 85]. Египет, как и Сирия, стал провинцией Османской империи.

Выводы

На завершающем этапе истории Султаната мамлюков, когда слава военных побед давно стала достоянием прошлого, а Аббасидский халифат в Каире, имевший, по сути, декоративный характер, постепенно утратил престиж в мусульманском мире, когда мамлюки потеряли статус защитников *уммы*, а инвеститура халифа перестала иметь былое высокое значение, мамлюкский султан стал нуждаться в укреплении иных основ легитимности собственного пребывания на троне. Вопросы престижа и авторитета были важны для Кансуха ал-Гури не менее, а, может быть, и более, чем для любого другого мамлюкского султана. Следуя примеру своих предшественников, он стремился поддерживать деятельность религиозных и благотворительных учреждений, более того, начал планомерный процесс сближения светской и религиозной власти. В титулатуре султана появляются слова «имам», «повелитель правоверных», «халиф». Важное место в политической идеологии мамлюкского султана приобретает поддержка суфизма. Кансух ал-

Гури сам выступает как адепт суфийского понимания ислама, как автор «Божественных касыд», в которых подчеркивает, что он – бедный раб Всевышнего, но именно Всевышним дано ему право стоять во главе государства.

Взяв курс на укрепление центральной власти, что было особенно актуально после длительного периода политических смут и конфликтов между фракциями эмиров, Кансух ал-Гури предпринял энергичные шаги для перехода к единоличному правлению и утверждению собственной династии. Попытки передать трон по наследству делали и другие мамлюкские султаны, но наиболее последовательно идеи единоличного и наследственного правления придерживался только один из предшественников ал-Гури – ал-Ашраф Инал.[1] Несмотря на то, что при Инале внутри- и внешнеполитическая ситуация для осуществления этой идеи была гораздо более благоприятной, чем при Кансухе ал-Гури, сыну Инала, ал-Му'аййаду Ахмаду, не удалось удержаться на троне и трех месяцев, а абсолютизация власти вызвала жесткое сопротивление эмиров. Правление Кансуха ал-Гури было прервано вторжением османов, однако ни то, как складывались взаимоотношения между султаном и его эмирами при самом ал-Гури, ни события, последовавшие за поражением при Мардж Дабик, не дают никаких оснований предполагать, что военно-политическая элита Султаната была готова принять династическую идею и отказаться от права влиять на то, какие решения принимает правитель, и на то, кто будет этим правителем. Мамлюки-Бурджиты отвергали наследственный принцип перехода власти, а эмиры высшего звена неуклонно отставали свое право участвовать в управлении государством и претендовать на престол.[2]

На рубеже XV-XVI в. Султанат мамлюков находился в состоянии тяжелого политического и экономического кризиса, обусловленного рядом

[1] См. Гл. 3.

[2] Подробнее вопрос о принципах престолонаследия в Султанате мамлюков будет рассмотрен в следующей главе.

факторов – последствиями затяжных военных конфликтов с бейликами Восточной Анатолии и государством Ак Коюнлу, а также войной с османами, которая опустошила казну и привела к разорению северных областей Сирии, политической нестабильностью и вооруженными столкновениями между мамлюкскими фракциями и группировками, что создавало предпосылки для ослабления центральной власти, последствиями эпидемий чумы и, наконец, постепенным сокращением доходов от международной торговли. Финансовая политика Кансуха ал-Гури в целом, продолжала курс, намеченный в период длительного правления Каитбая. Доходы личной казны султана и ее роль в финансовой системе еще более возросли. Кансух ал-Гури чаще, чем предшественники, прибегал к введению дополнительных налогов и сборов, «продаже» должностей, конфискациям.[1] При этом Кансух ал-Гури стремился минимизировать расходы на армию, что вкупе с его авторитарным стилем правления стало причиной постоянно растущего недовольства в мамлюкской среде и, в конечном счете – одной из причин поражения на Дабикском поле.

К началу решающей схватки с османами государство мамлюков постепенно утрачивало территориальное единство и международный престиж. Поражение в противоборстве с португальцами ослабило стратегические положение мамлюков и привело к сокращению доходов от международной торговли. Потеря сюзеренитета над бейликами Восточной Анатолии, лишала Султанат «буферной зоны», и открывала османам путь в Сирию. Еще до начала сражения при Мардж Дабик османы одержали верх над мамлюками в идеологической борьбе.

Идеология джихада была естественной основой внешней политики и дипломатии мамлюков в первой половине XV в., когда речь шла о защите территорий Султаната от нападений *франков,* или о крестоносных государствах Кипра и Родоса. После взятия Константинополя уже османы, а не мамлюки несли «знамя джихада». Мехмед II и его преемники активно

[1] Подробнее о финансовой политике Кансуха ал-Гури см. [Igarashi, 2009].

использовали риторику джихада в своих политических интересах, в первую очередь, в отношениях с мамлюками. В конце XV – начале XVI в., османы стали главным идеологическим противником мамлюков. Мамлюки стремительно теряли поддержку местного населения, у которого появились не только экономические и политические, но и веские причины религиозного характера для того, чтобы выступить против мамлюков.

На протяжении всего периода правления бурджитских султанов мамлюки постепенно утрачивали авторитет защитников мусульман и воинов джихада. Политический авторитет мамлюков как защитников мусульман серьезно пошатнулся уже в самом начале XV в., когда молодой султан Фарадж не смог остановить вторжение армии Тимура, и Сирия подверглась опустошительному нашествию монголов. Кипрские походы 1424, 1425, 1426 г. стали последним триумфом джихада в борьбе с рыцарями-крестоносцами, в дальнейшем мамлюки потеряли военную инициативу и преимущество в противостоянии с христианами-европейцами. Весьма показательно, что со стороны османов формальным основанием для начала военных действий на территории Султаната мамлюков в 1485 г. стала защита паломников.[1] Иными словами, подразумевалось, что мамлюки такую защиту обеспечить не в

[1] См. Гл. 4.

состоянии.[1] В последний год правления мамлюков ни из Египта, ни из Сирии[2], охваченных военными действиями, мятежами и разбойными нападениями бедуинов, караван *хаджжа* не был отправлен [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 115]. Еще одним аргументом османов в идеологической войне против мамлюков, которых в Стамбуле объявили врагами ислама, стал союз Кансуха ал-Гури с шиитами Сефевидами.

Джихад, как краеугольный камень величия власти мамлюков, одержавших в XIII в. решительные победы и над монголами, и над крестоносцами, в конце концов, превратился в оружие, которое с успехом стали использовать османы, объявив борьбу с мамлюками «справедливой войной», что позволило им привлечь на свою сторону мусульманское население Египта и Сирии.

Последний бурджитский султан Туманбай вступил на престол в весьма сложных обстоятельствах. В битве при Мардж Дабик была разгромлена армия Кансуха ал-Гури. Египетская казна оказалась в руках Селима I, что лишало

---

[1] Нападения бедуинов на караваны паломников, следовавшие из Египта и Сирии приводили к тяжелым последствиям уже в середине XV в. Караван *хаджжа* зимой 1454-1455 г. подвергся жестоким нападениям со стороны бедуинов, было много убитых и раненых. Зимой 1455-1456 г. к египетскому каравану не присоединились ни магрибинские, ни иракские паломники, опасавшиеся нападений бедуинов и восставших крестьян [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 516, 567]. Одним из самых трагических эпизодов в истории мусульманского паломничества в бурджитский период стало нападение бедуинов племени ‘Укба на египетский караван *хаджжа* в 1467 г. Караван был разграблен, многие были убиты, в том числе и эмиры из отряда охраны. Лишившись провизии, фуража, верховых животных и защиты, паломники, которым удалось спастись, возвращались отдельными группами [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 273]. Из Каира была отправлен карательный отряд во главе с *командиром вахты* эмиром Азбеком. Наместники Газы и Карака получили приказ выступить ему навстречу и объединенными силами нанести удар по бедуинам ‘Укба. Порядок удалось восстановить только после прихода к власти следующего султана, Йалбая: в Каир стали поступать донесения о том, что восстания бедуинов, на борьбу с которыми отряды мамлюков отправил еще Хушкадам, подавлены. Десятки зачинщиков мятежей были подвергнуты публичной казни. [ал-Баḫӣт, 1976, с. 88-89; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 268-269, 322-323]. В 1494 г. серьезно пострадали сирийские паломники, возвращавшиеся из Хиджаза. По свидетельству ал-‘Улайми, было угнано несколько тысяч верблюдов с поклажей. Караван был не только ограблен, многие попали в плен, в том числе и эмир *хаджжа* [ал-ʿУлаймӣ, 1968, т. 2, с. 371-372]. Судя по сообщению Ибн аль-Химси, этот самый эмир не выплатил условленную сумму бедуинам, и они предприняли ответные действия, рассчитывая компенсировать свои потери за счет выкупа богатых и знатных паломников [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 262-265]. В последующие годы было отмечено еще несколько нападений бедуинов на караваны *хаджжа*. В архиве монастыря Св. Екатерины на Синае, который служил убежищем для всех путников, в том числе и мусульманских паломников, сохранились документы, свидетельствующие о неоднократных разбойных нападениях бедуинов в период правления ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури [Ernst, 1960, s. 222-225]. Для обеспечения безопасности паломников и осуществления карательных операций в отношении непокорных племен мамлюки прибегали даже к помощи местного населения: в 912/1506 г. наместник Сирии приказал выставить по 20 человек с каждого квартала Дамаска для формирования вспомогательного подразделения при мамлюкском отряде, отправлявшемся в поход против бедуинов Карака [ал-Баḫӣт, 1976, с. 42-43; Varthema, 1928, p. 20-21].

[2] Караваны из Дамаска также не отправлялись в течение четырех лет: с 911 по 915 г.х [‘Ankawi, 1974, p. 149].

Туманбая возможности снарядить новое войско и остановить продвижение османов. Ни выработанная в ходе многочисленных мятежей стратегия борьбы за контроль над столицей,[1] ни военная доблесть, личное мужество и феноменальная настойчивость в стремлении к победе не помогли Туманбаю сохранить власть. Как показали дальнейшие события, после Дабикского сражения и поражения у Газы единственный путь, который позволял мамлюкам удержать свои позиции во властной элите Египта и избежать полного уничтожения, состоял в компромиссе с османами.[2] Попытка Туманбая заключить соглашение с Селимом окончилась провалом из-за отсутствия дисциплины и единства среди уцелевших после сражений в Каире мамлюков: как уже говорилось выше, далеко не все эмиры были готовы поддерживать своего последнего султана при любых обстоятельствах.

С присущей ему гибкостью и прагматичностью османское правительство проявляло лояльность по отношению к элитам в своих многочисленных провинциях и предпочитало адаптацию, а не полную замену или уничтожение местных структур власти [Pamuk, 2004, p. 228]. Те мамлюки, которые были готовы принять новые правила игры, использовали интеграцию в османское административно-финансовое пространство и армию для того, чтобы восстановить силы и подготовиться к реваншу. Такая тактика позволила им сохранить традиции мамлюкского «дома» и мамлюкской военной системы, вернуть утраченные позиции в политической элите страны, сформировать новую, альтернативную османской модель управления Египтом в форме бейликата[3], а позднее добиться фактической независимости от Высокой Порты. Мамлюкская военная организация адаптировалась к новым условиям и продолжала функционировать до начала XIX в., тогда как история

[1] Наиболее эффективным было быстрое и неожиданное вторжение в Каир, а также создание базы для контрнаступления в Верхнем Египте.

[2] Еще до начала активных военных действий в Сирии тайные переговоры с османами вел эмир Хайрбек, *наместник* мамлюкского султана в Алеппо. В сентябре 1516 г. Хайрбек открыто перешел на сторону османов, а через год, 9 сентября 1517 г. был назначен наместником Египта [Зеленев, 2007, с. 154]. Фактически Хайрбек получил то, что Селим предлагал Туманбаю —управление Египтом при условии выплаты *хараджа,* а также упоминания имени османского султана в пятничной молитве и чеканки его на монетах.

[3] О бейликате как специфической, созданной мамлюками форме управления Египтом см. [Crecelius, 1981].

мамлюкских султанов закончилась вместе с гибелью последнего бурджитского властителя Египта Туманбая.

Глава 6. Эволюция системы государственного управления в Султанате Бурджи.

Политическое развитие Султаната мамлюков в бурджитский период привело к формированию системы государственного управления, основанной на разветвленном бюрократическом аппарате, военной иерархии и структуре религиозных институтов, которые были призваны поддерживать новый идеал политического порядка – не конкретную династию или определенный мамлюкский «дом», но государство мамлюков как таковое, власть султана как воплощение могущества мамлюкской военной организации.

§ 1. Порядок престолонаследия и политическая борьба в Султанате мамлюков Бурджи.

На протяжении всей своей истории мамлюки демонстрировали некоторую двойственность в подходе к вопросу о принципах престолонаследования. В течение почти ста лет, предшествовавших бурджитскому перевороту, султанами в Египте становились представители одной семьи – дети и внуки Калауна. После смерти одного из самых выдающихся представителей этой династии, ан-Насира Мухаммада (в 1341 г.), на троне в Каире сменилось тринадцать султанов, многие из которых были лишь пешками в политической игре мамлюкских эмиров.[1] Как метко отметил автор *урджузы* «Об истории халифов» Мухаммад Шамс ад-Дин ал-Ба‘уни, упоминая об одном из потомков ан-Насира Мухаммада,

Лишь только взял он власть, которую ему вручили,
Как тотчас же ему к ней доступ преградили
[ал-Ба‘ӯнӣ, [ал-Урджӯза…], л. 18 r].

Управление государством находилось, как правило, в руках одного или двух могущественных армейских командиров, что только подогревало распри внутри мамлюкской элиты:

Сердца эмиров закипали гневом,
И зависть гложила круг близких к трону лиц

[1] Так, например, при ал-Ашрафе Куджуке (1341-1342) власть фактически принадлежала *атабеку* войска эмиру Кусуну. Ас-Салих Исма‘ил (1342-1345) полностью подчинялся своему отчиму, эмиру Аргуну ал-‘Ала’и. Когда Исма‘ил заболел и умер, Аргун сделал все, чтобы следующим султаном стал другой его пасынок, ал-Камил Ша‘бан (1345-1346) [Levanoni, 1995, p. 186].

[ал-Бāʻӯнӣ, [ал-Урджӯза…], л.18 v].

Первый бурджитский султан Баркук, один из таких могущественных командиров и опекун малолетнего правителя, сломал эту устоявшуюся и порочную традицию, добился смещения последнего представителя династии Калаунидов и сам занял трон. Начался новый период в мамлюкской истории.

Политическое развитие Султаната мамлюков в бурджитский период привело к закреплению ненаследственного принципа перехода власти. Если при Калаунидах легитимность обеспечивалась принадлежностью к семье султана – основателя династии, то в XV в. сложилась диаметрально противоположная ситуация: наследник султана воспринимался как временная политическая фигура, власть которого не считалась вполне легитимной как раз по тому, что он получил ее по праву родства, а не в соответствии с решением большинства влиятельных эмиров [Petry, 1981, p. 19; Van Steenbergen, Wing, D'hulster, II, 2016, p. 565].

Тем не менее, султаны-Бурджиты неоднократно предпринимали попытки основать династию в полном смысле этого слова и передать власть наследнику. Первая такая попытка была сделана аз-Захиром Баркуком, и период правления его сына, молодого султана ан-Насира Фараджа, стал переломным в переходе от престолонаследия, основанного на династическом начале, к новым способам установления верховной власти. Фарадж был казнен, и в дальнейшем ни одному из наследников престола не удавалось удержаться на троне более двух лет.[1] Султанами становились эмиры, обладавшие наибольшим могуществом и влиянием. Периоды пребывания у власти наследников престола представители мамлюкской элиты использовали для того, чтобы избавится от соперников, сформировать альянсы сторонников и подготовиться к захвату власти. Необходимость таких переходных этапов становится особенно очевидной, если обратиться к тем эпизодам мамлюкской политической истории, когда кандидатура наследника по каким-либо причинам была неприемлема, и власть передавали безвольному и

[1] См. *Приложение 2.*

легкоуправляемому кандидату. Первый из таких эпизодов связан с событиями, имевшими место после казни Фараджа. Вариант передачи власти сыну Фараджа не рассматривался ни одной из фракций [Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 391-392]. Для этого была весьма веская формальная причина: Фарадж был признан преступником, заслуживающим смерти, в ходе судебного процесса в присутствии халифа. Выход был найден: на трон усадили этого самого халифа, который пытался, но не смог избежать такого крайне нежелательного и опасного для себя поворота событий.

За семь месяцев правления халифа-султана мамлюки определили сильнейшего кандидата, и на трон вступил ал-Му'аййад Шайх, который, как и Баркук, стал готовить передачу власти своему сыну, возможно, рассчитывая на основание собственной династии. По странному стечению обстоятельств старший сын Шайха внезапно скончался незадолго до смерти своего отца, и следующим султаном был назван другой наследник – полуторогодовалый Ахмад.[1] Гвардейцы сместили этого младенца с престола через несколько месяцев. Та же участь ждала наследника аз-Захира Татара, ас-Салиха Мухаммада, которому было десять лет, когда он был объявлен султаном.

Завершался начальный этап истории мамлюков-Бурджитов – этап формирования новой, нединастийной модели престолонаследия. Султаном становился тот из эмиров, которому удавалось победить конкурентов и добиться поддержки большинства мамлюков. Переход власти постепенно приобретал более упорядоченный характер: правление ал-Музаффара Ахмада продолжалось около восьми месяцев, ас-Салиха Мухаммада – около шести, а аз-Захиру Джакмаку потребовалось всего три месяца для того, чтобы одержать уверенную победу над соперниками и смесить сына своего предшественника, пятнадцатилетнего ал-'Азиза Йусуфа. Серьезные институциональные изменения в высших эшелонах власти Султаната, происходившие на протяжении XV в., У.Хаарман назвал *мамлюкизацией*, подразумевая, в первую

[1] См. Гл. 2.

очередь, отказ от династийного принципа престолонаследования [Haarmann, 2001, p. 22].[1]

К середине XV в. трон пять раз переходил к малолетним наследникам, четверо из которых сохраняли свой высокий титул всего несколько месяцев, а один был казнен. По-видимому, правящий султан мог рассчитывать на более или менее продолжительное правление своего наследника только если этот наследник был достаточно опытным и влиятельным, чтобы удержать власть в условиях жесткой конкурентной борьбы. Так, султан аз-Захир Джакмак, вполне вероятно, планировал передать трон своему взрослому сыну Мухаммаду. Джакмак возлагал на него ответственные и почетные миссии, которые должны были укрепить авторитет Мухаммада и подчеркнуть его особое положение в государстве. В 1441, 1442, 1443 г. Мухаммад возглавлял торжественную процессию по случаю разлива Нила. Мухаммад был прекрасным наездником и охотником, его достойное поведение вызывало уважение приближенных султана, и вполне вероятно, его кандидатура была бы поддержана какой-то частью мамлюков. Но планам Джакмака не суждено было сбыться. Мухаммад скончался после длительной болезни в 1444 г., когда ему было около тридцати лет [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 57, 71, 100-101].

После чумы, свирепствовавшей в Каире в 1448-1449 гг. у Джакмака остался только один сын – ‘Усман (ум. в 1487 г.). Когда осенью 1452 г. восьмидесятилетний султан почувствовал, что силы его на исходе, ‘Усману было всего семнадцать лет. Джакмак, вероятно, осознавал, что в таком юном возрасте его сыну будет трудно удержать трон, и, вероятнее всего, он, как и другие молодые наследники престола в бурджитский период, будет лишен власти эмирами, отправлен в изгнание, а, может быть, и убит. Джакмак сделал попытку уберечь ‘Усмана от этой печальной участи. Он пригласил в Каир сына ан-Насира Фараджа, Халиля (ум. в 1454 г.), которому было в то время около

[1] Нединастийный принцип передачи власти настолько прочно утвердился в мамлюкской политической системе, что был признан не только в мамлюкской среде, но стал известен далеко за пределами Султаната и был неоднократно отмечен в записках европейских путешественников, посетивших Египет в XV – XVI вв. См., например, [Harff, 1946, p. 104, 122; The Suma oriental…, 1944, p. 10].

сорока лет, осыпал его всяческими почестями и заявил, что ‘Усман – лишь смиренный слуга Халиля, потомка великого Баркука [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 201, т. 5, с. 127, 128]. По-видимому, план Джакмака состоял в том, чтобы передать трон сыну Фараджа, а ‘Усмана сделать одним из его эмиров. Но это никак не устраивало мамлюков самого Джакмака и эмиров из его ближайшего окружения, которые рассчитывали взять в свои руки управление султанатом при молодом наследнике, а со временем, как это уже не раз бывало, сместить ‘Усмана и выдвинуть на престол претендента из своей среды. Если бы к власти пришел сын Фараджа, в привилегированном положении оказалась бы другая фракция мамлюков, а эмиры Джакмака, как опасные соперники новой элиты, вероятнее всего, были бы, в лучшем случае, отправлены на службу в далекие провинции. Опасаясь такого развития событий, старшие эмиры убедили слабеющего султана назначить наследником ‘Усмана [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 106, 121, 134, 154, 213, 366-367, 376]. На четвертый день правления ал-Мансура ‘Усмана, когда Джакмак был еще жив, сын Фараджа Халил, которому Джакмак разрешил жить в Каире, был отправлен в Дамьетту [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1983, т. 1, с. 292; его же, 1992, т. 16, с. 4-5; ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 4, с. 80]. Высылка вполне безобидного Халиля, который почти всю свою жизнь мирно провел в провинции, была необходима эмирам Джакмака, чтобы лишить своих соперников потенциальной возможности претендовать на смену наследника и дестабилизировать политическую ситуацию. Таким образом, в середине XV в. ситуация в корне изменилась. Если в начале бурджитского периода стремление султана завещать трон своему сыну было вполне очевидным, то ал-Мансур ‘Усман пришел к власти не по воле своего отца, а вопреки его желанию, фактически, по требованию гвардии.

Устойчивость нединастийной системы престолонаследия со всей очевидностью показали события, связанные с правлением ал-Ашрафа Инала и его сына, ал-Му’аййада Ахмада. В отличие от других султанов-наследников ал-Му’аййад Ахмад был взрослым, полным сил тридцатилетним эмиром, имевшим опыт военной и государственной службы. Инал дважды назначал

Ахмада *атабеком* – командиром войска и последовательно готовил его к высокой миссии главы государства.[1] Но ни благочестивый и серьезный нрав, ни безупречная служба, ни стремление во всем следовать политике своего отца, не спасли Ахмада от неизбежного смещения с престола.

Парадокс бурджитской системы престолонаследия заключался в том, что султаны-наследники, которых раз за разом свергали эмиры-претенденты, были необходимым и очень важным элементом этой системы. Непродолжительные периоды пребывания на престоле султанов-наследников были нужны наиболее авторитетным и могущественным эмирам, претендовавшим на трон, чтобы сформировать партию сторонников, выявить оппозицию, доказать свою способность к лидерству и, наконец, одержать победу над соперниками в политической борьбе или военном противостоянии. Отсутствие наследника могло привести к серьезному политическому кризису. Именно так развивались события после смерти аз-Захира Хушкадама.

Хушкадам не назначил наследника, эмиры не стали настаивать на переходе власти одному из маленьких сыновей султана (возможно, здесь сыграло роль его румийское, а не черкесское происхождение), и трон был передан старому заслуженному эмиру, который, как было очевидно, уже не имел политических амбиций. В течение двух месяцев Йалбай «числился» султаном, но не проявлял никакого интереса к государственным делам. Фактически, он сыграл роль наследника – безвольного и не способного к самостоятельному правлению, а мамлюкские эмиры в это время боролись за власть. Соперничество фракций приобрело ожесточенный характер и сразу прийти к консенсусу не удалось: эмиры выдвинули еще одного временщика – Тамурбугу. Так, в отсутствие наследника борьба за трон привела к смуте и вооруженным столкновениям в Каире пока, наконец, к власти не пришел Каитбай.

[1] См. Гл. 3.

Ал-Ашраф Каитбай правил намного дольше других Бурджитов – почти тридцать лет. Он, как и Джакмак, вероятно, осознавал, что у его сына-подростка будет мало шансов удержать власть, и ан-Насир Мухаммад стал султаном по настоянию эмиров и вопреки воле своего отца. Несмотря на то, что трон был занят наследником, что вполне соответствовало сформированной Бурджитами модели перехода власти, Султанат погрузился в тяжелый политический кризис, продолжавшийся почти пять лет. Дело в том, что наследник был важным, но, разумеется, не единственным элементом бурджитской системы престолонаследия. Государственная власть в Султанате мамлюков в бурджитский период носила характер военной олигархии. Путь к власти шел через борьбу фракций. Каждая такая фракция представляла собой группу эмиров, которые принадлежали ранее одному из мамлюкских султанов. В течение переходного периода, когда формально у власти находился султан-наследник, фракции объединялись в коалиции. Именно тот эмир, которому удавалось составить наиболее крупную коалицию становился следующим султаном, а эмиры, поддержавшие победителя, ожидали, что новый правитель будет защищать их интересы [Levanoni, 1994, p. 374]. Но за долгие годы правления Каитбая в Султанате практически не осталось хоть сколько-нибудь весомых в политическом отношении фракций других султанов, поэтому борьба началась между мамлюками самого Каитбая. В таких условиях формирование коалиций было крайне затруднено, и, фактически, кризис завершился только после того, как наиболее активные и амбициозные претенденты уничтожили друг друга в кровопролитной борьбе. В результате власть перешла Кансуху ал-Гури, который занял выжидательную позицию и оставался «на вторых ролях», пока другие эмиры из фракции Каитбая пытались захватить трон. Сыну самого Кансуха ал-Гури не суждено было стать султаном-наследником: решение о переходе власти принималось в критических условиях вторжения османов, когда мамлюки потерпели сокрушительное поражение при Мардж Дабик, и созданное ими государство находилось на краю гибели.

Таким образом, в бурджитский период довольно устойчивый в египетской и в мусульманской политической культуре (хоть и не вполне соответствующий идеалам суннитского ислама), династийный принцип престолонаследия трансформировался в своеобразную традицию выдвижения на престол нового правителя на основе как кровного родства, так и специфического «мамлюкского псевдородства» - принадлежности к той или иной фракции, члены которой с ранней юности воспитывались в «доме» одного хозяина, заменявшего им в какой-то степени отца. Эти системы «родства» с одной стороны конкурировали между собой, отражая «законные» интересы и амбиции разных поколений мамлюков, с другой стороны стремились к сближению, взаимопроникновению или «переплетению», в том числе и через матримониальные связи.

В бурджитский период восемь султанов получили власть по наследству и шестнадцать – в результате решения, принятого советом эмиров. Из этих шестнадцати султанов пятнадцать были связаны матримониальными узами с семьями и «домами» своих предшественников: они заключали браки с дочерями, родственницами жен, бывшими наложницами или вдовами предыдущих султанов.

В целом ряде случае обстоятельства заключения таких браков подтверждают важное значение, которое придавалось матримониальным связям в мамлюкской среде.[1] В этом отношении показателен один из браков аз-Захира Баркука, поскольку это был первый султан новой «династии», чей образ действий, как показали дальнейшие события, был воспринят Бурджитами как образец для подражания. В 1386 г. Баркук женился на Хаджар (ум. в 833/1429-1430 г.), женщине из семьи одного из последних бахритских султанов, ал-Ашрафа Шаʿбана [ʻАбд ан-Набӣ, 2008, с. 27; Garcin, 1998, p. 290]. Отцом Хаджар был Манкали Буга аш-Шамси (ум. в 1372 г.) [ʻAbd al-Rāziq, 1973, p. 31]. Относительно матери Хаджар в источниках имеются разночтения:

[1] О значении, которое мамлюки придавали матримониальным связям, см. также [Yosef, Ethnic..., 2012, Idem, 2016; Idem, 2017].

некоторые указывают на то, что она приходилась сестрой ал-Ашрафу Ша‘бану, другие – на то, что она была дочерью этого султана [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 183, т. 7, с. 220; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 3, с. 211-212; ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 12, с. 132]. Наиболее вероятной представляется версия, согласно которой Хаджар была дочерью сестры ал-Ашрафа Ша‘бана, поскольку Ибн Тагри Бирди, сам связанный с семьей Баркука, а также Ибн Хаджар уверенно пишут о том, что эмир Манкали Буга аш-Шамси был женат на сестре ал-Ашрафа Ша‘бана [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1983, т. 2, с. 745; его же, 1984–2009, т. 11, с. 40, 47, т. 12, с. 283-284; Ибн Ḫаджар, 1969-1998, т. 1, с. 54-55]. Однако, для выяснения вопроса о том, какую роль матримониальные связи играли в политическом соперничестве, важно не то, кем приходилась Хаджар ал-Ашрафу Ша‘бану, а то, когда был заключен этот брак: это произошло приблизительно через год после ареста эмира Йалбуги ан-Насири [ас-Султ̣āн, 2002, с. 179]. Этот арест положил начало конфликту, который привел в 1389 г. к свержению Баркука. В начале 1386 г. султану сообщили о готовящемся заговоре, а вскоре после этого он объявил о своем намерении заключить брак с Хаджар [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 199]. Вполне вероятно, что в условиях растущей угрозы со стороны оппозиции Баркук сделал шаг, который должен был установить связь между ним и предыдущей династией, чтобы придать тем самым больше «законных» оснований своему правлению, особенно в глазах сторонников Йалбуги, которые выступали под лозунгом восстановления династии Калаунидов-Бахритов.

События дальнейшей истории Бурджитов показали, что наиболее заметную роль фактор наличия семейных связей с женщинами из «дома» султана, играл именно в годы смуты и политической нестабильности.[1]

[1] Первая из таких смут расколола мамлюкскую элиту после свержения аз-Захира Баркука в 1389 г. В Каире началась ожесточенная борьба между Йалбугой и одним из его бывших союзников – эмиром Минташем (подробнее – см. Гл. 2). В кровопролитном сражении Минташ одержал победу. Захватив контроль над столицей, Минташ, опасаясь выступления оппозиции, начал жестокие репрессии. А после того, как Баркуку удалось освободиться из заточения в Караке, он женился на сестре султана Хаджжи ал-Мансура. Помпезная свадебная процессия двигалась по улицам Каира, еще недавно залитым кровью убитых и раненых. Хронология событий была такова: сражение между Йалбугой и Минташем состоялось 11 августа 1389, Баркук

Особенно показателен в этом отношении период правления ан-Насира Фараджа, когда решался вопрос о том, будут ли мамлюки-Бурджиты следовать династийной модели престолонаследия или пойдут по пути, проложенном аз-Захиром Баркуком, и откажутся от передачи власти от отца к сыну. В этот период основополагающим принципом формирования одной из политических групп, стала не принадлежность к «дому» одного эмира, не служба в одном полку или, наконец, этническое родство, что чаще всего объединяло мамлюков,[1] но связи с семьей султана, причем как кровнородственные, так и приобретенные в результате заключения брачного союза. В конце концов, эта именно эта «фракция родственников» одержала победу. Но вскоре отсутствие внутреннего единства привело к расколу в этой фракции и начался конфликт между черкесскими и румийскими родственниками султана, который вылился в крупномасштабное политическое противостояние.[2] Еще одной причиной разрыва между бывшими союзниками было то, что сразу несколько эмиров претендовали на политическое лидерство, при этом наибольшим авторитетом пользовались те из них, которые были связаны узами брака с женщинами из домов Баркука и Фараджа – Иналбай, Судун ал-Хамзави и Навруз ал-Хафизи. Наиболее прочные позиции были у Иналбая, который был женат на дочери Баркука Байрам, а, кроме того, приходился двоюродным племянником самому Баркуку [ʿАбд ар-Рāзиḳ, 1999, с. 59]. Затем его серьезным соперником стал Судун ал-Хамзави, который в 1403 г. заключил брак с другой дочерью Баркука, Зайнаб [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 231; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 36, 87-90]. Наврузу ал-Хафизи Баркук отдал сначала одну из своих бывших жен, а затем был заключен брак между Наврузом и дочерью Баркука Саррой (ум. в 1412 г.) [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 178].

был освобожден 2 сентября 1389 г., а свадьба состоялась 4 октября 1389 г. Едва ли можно сомневаться в том, что этот брак носил политический характер. Вероятнее всего, Минташ принял решение связать себя узами брака с семьей султана сразу же после того, как получил тревожные вести из Карака и осознал, что со стороны Баркука, который собирает своих сторонников в Сирии, ему угрожает серьезная опасность.

[1] О роли этнической принадлежности в формировании мамлюкских фракций и коалиций см. [Yosef, 2021].

[2] См. Гл. 2.

Примечательна судьба этих и других влиятельных эмиров из «фракции родственников» ан-Насира Фараджа. *Атабека* Байбарса, сына сестры Баркука, схватили и отправили в александрийскую тюрьму осенью 1405 г., затем он был убит [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 36; Ибн Х̣аджар, 1992, с. 194]. Сын другой сестры Баркука, эмир Канибай был брошен в александрийскую тюрьму по приказу Фараджа в июне 1411 г., и в следующем году тоже убит [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 289; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 6, с. 196]. Двоюродный племянник Баркука, Мухаммад, был схвачен и казнен по приказу Фараджа в ноябре 1411 г. Иналбай погиб в ходе вооруженного восстания в июле 1407 г. Еще один зять Фараджа, участвовавший в том же восстании, Судун ал-Хамзави, был схвачен и осенью 1407 г. и казнен по приговору четырех главных судей Каира, инициированному Фараджем [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 181, 185, 195, 297].

Итак, две дочери Баркука овдовели, а Сарра осталась без мужа, который покинул ее, тоже примкнув к восставшим в Сирии эмирам. Очень скоро эти женщины заключили новые брачные союзы: Байрам, вдова Иналбая, вышла замуж за Асабугу аз-Зарадкаша; Сарру, первым мужем которой был Навруз, Фарадж выдал замуж за эмира сотни Мукбиля ар-Руми[1], а с Зайнаб, двенадцатилетней вдовой Судуна ал-Хамзави, заключил брак эмир Шайх [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 23; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 292, 306, 315, 453]. Начался новый этап борьбы за престол. Первым из политической гонки выбыл Мукбил ар-Руми: он погиб в схватке с другими претендентами на престол, Наврузом и Шайхом, в 1412 г. В том же году был казнен сам Фарадж, а трон достался Шайху.[2] Его конкуренты проиграли, но не сдались. Это были Асабуга, Навруз, а также Йашбек б. Аздамир, женатый на сестре жены Фараджа. Эти эмиры представляли потенциальную опасность для нового

[1] Брак этот был сомнительным с точки зрения мусульманского права, поскольку развод с Наврузом, по-видимому, оформлен не был. Ибн Тагри Бирди, знавший лично Фараджа (сестра Ибн Тагри Бирди была женой Фараджа), утверждает, что Фарадж сделал это в отместку Наврузу. Вполне возможно, что это было одним из мотивов поступка молодого султана. Сарра противилась этому новому браку. После гибели Мукбиля и ареста Фараджа Навруз вызвал Сарру в Дамаск. На пути из Египта бедная женщина, мучимая стыдом, скончалась [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 11, с. 263-264].

[2] См. Гл. 2.

султана, и он постепенно избавился от них. Навруз и Йашбек были убиты в 1414 г, а Асабугу казнили в 1415 г. [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 132, 264, 271-272; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 270]. Таким образом, в первые два десятилетия XV в. отчетливо проявляется новая тенденция: эмиры, связанные родственными и матримониальными узами с семьей султана, могли быть влиятельными политическими союзниками, но, вместе с тем, воспринимались как опасные конкуренты в политической борьбе, другими словами, как потенциальная угроза власти правящего султана.

После смерти ал-Му'аййада Шайха главными претендентами на престол снова стали эмиры, связанные узами брака с женщинами из «дома» султана: один из них, *атабек* Алтунбуга ал-Курмуши (ум. в 1421 г.) был женат на дочери Шайха, а другой, *эмир совета* Татар – на вдове [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 3, с. 62-66; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 16]. Этот последний – Татар – оказался победителем, а после его смерти трон перешел к Барсбаю, который, в свою очередь, женился на дочери Татара [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 14, с. 245; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 317; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 395]. Следующий султан, аз-Захир Джакмак связал себя узами брака сразу с двумя женщинами и «домов» своих предшественников: с Фатимой (ум. в 1460 г.), правнучкой сестры Баркука, и с Шахзаде (ум. в 1455 г.), вдовой ал-Ашрафа Барсбая [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 15, с. 204; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 37].[1]

После аз-Захира Джакмака матримониальная линия, связывающая всех мамлюкских султанов-Бурджитов, обрывается. Некоторые исследователи предполагают, что причина этого обрыва может заключаться в субъективных обстоятельствах брака между Иналом и Зайнаб, женщиной с сильным характером, волевой и властной: Инал женился на ней за тридцать лет до того, как стал султаном и, согласно единодушному в этом случае мнению авторов всех арабских источников XV в., оставался верен Зайнаб и не брал ни других

[1] Шахзаде была племянницей османского султана Мурада II. Первым брак с ней заключил ал-Му'аййад Шайх, но он умер, не успев вступить в супружеские права [Ṭарḫāн, 1960, с. 164]. Джакмак развелся с Шахзаде в 1450 г. [ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 3, с. 52].

жен, ни наложниц [D'hulster, Van Steenbergen, 2013, p. 71]. Предположение, безусловно, справедливое. Между тем, тщательное исследование биографии Зайнаб показало, что женитьбу Инала нельзя считать абсолютным исключением из устойчивой парадигмы заключения браков эмирами-претендентами на престол и султанами с женщинами из «домов» своих предшественников. Более того, возможно, этот брак был не менее, а более значимым с точки зрения укрепления авторитета и легитимности власти Инала, поскольку, Зайнаб была связана с семьей подлинного строителя могущественной мамлюкской империи, султана Байбарса, с которым любил сравнивать себя и основатель «династии» Бурджитов Баркук. Дело в том, что, как утверждает Ибн Хаджар, отец Зайнаб приходился родственником Байбарсу и – что немаловажно – по женской линии [Ибн Ḫаджар, 1969-1998, т. 2, с. 475-476; Его же, 1992, с. 211].

Когда Инал, будущий султан, был назначен *атабеком* войска, он обошел, таким образом, трех эмиров, которые и по должности, и по послужному списку, имели больше прав на то, чтобы занять это место. Это были *эмиры оружия*, *совета* и *султанских конюшен*, все трое – ветераны, мамлюки Баркука. Инал же был *давадаром* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 15, с. 125]. Вероятно то, что его женой была родственница Байбарса, дочь уважаемого *факиха* из числа *авлад ан-нас*, было не главным и, по крайней мере, не единственным аргументом в его назначении и последующем избрании султаном, но и игнорировать этот фактор нельзя.[1] К тому же сам

[1] Как было убедительно показано У.Хаарманом, в период правления бурджитских султанов негативное отношение местного населения ко всему тюркскому, неарабскому, которое отмечалось еще при Аййюбидах, и было вызвано засильем тюркской гвардии, снова стало расти. Мамлюки давно уже не подтверждали свой статус защитников мусульман военными победами, а политическая нестабильность и кризис экономики только усугубляли ситуацию. Переход власти от Бахритов к Бурджитам был связан со значительными переменами в мамлюкской культуре. Баркук и его последователи, в целом, более активно, чем султаны и эмиры предшествующего периода, участвовали в религиозной жизни страны, выступая как меценаты и покровители, стремились доказать свою принадлежность к арабо-мусульманской культуре, отмежеваться от языческого прошлого. *Авлад ан-нас* представляли собой связующее звено – в первую очередь, в сфере культуры – между мамлюками и местным населением и были единственной группой немамлюков, имеющей полный доступ в мамлюкский мир, закрытый для всех, кто к нему не принадлежал [Haarmann, Arabic…, 1988, p. 89-90, 103, 105]. Отчасти, отражением осознанной мамлюкскими султанами потребности сближения хотя бы в сфере культуры и религии с местным населением для укрепления авторитета верховной власти, стали браки между эмирами высшего ранга и женщинами из семей *улемов*. Так, например, Джакмак был женат на

Инал, очевидно, осознавал важность преемственности матримониальных связей и сына своего, которому планировал передать трон, женил на одной из вдов Джакмака [D'hulster, Steenbergen, 2013, p. 69].

Следующий султан, аз-Захир Хушкадам, был женат на одной из бывших наложниц Фараджа [ʻАбд ан-Набӣ, 2008, с. 28; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 244; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 68-69], а вот затем на трон был посажен Йалбай, единственный из мамлюкских султанов-Бурджитов, не имевший ни родственных, ни матримониальных связей ни с одной из женщин из «домов» своих предшественников. Во всяком случае, доступные нам источники о такой связи не упоминают. Однако, и этот случай, на наш взгляд, не нарушает последовательность, согласно которой, власть в султанате мамлюков Бурджи переходила сначала наследнику – сыну султана, а затем, после, как правило, непродолжительного периода правления этого наследника – к султану, получившему поддержку большинства эмиров и подкреплявшему свое право занимать трон матримониальной связью с «домом» одного или нескольких своих предшественников. Дело в том, что, как упоминалось выше, Йалбай, самый старший по званию, но не имевший никаких политических амбиций эмир, фактически, сыграл в этой схеме, роль отсутствовавшего наследника – безвольного и не способного к самостоятельному правлению, а два месяца его пассивного пребывания у власти стали тем переходным периодом, в течение которого определялся сильнейший из претендентов на престол. В соперничество вступили эмиры, каждый из которых был связан матримониальными узами с «домом» одного из бурджитских султанов. Первый заговор с целью смещения султана Йалбая возглавил эмир Йашбек

Мугл (ум. в 1472 г.), дочери судьи Насир-ад-Дина б. ал-Баризи, (ум. в 1420 г.) [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 285; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 27; Juvin, 2018, p. 3]. Происхождение Зайнаб, жены Инала еще более примечательно. Ее отец, Бадр ад-Дин Хасан б. Хассбек (ум. в 813/1410-1411 г.) был сыном мамлюка. Он входил в число эмиров высшего ранга и вместе с тем был сведущ в основах фикха, владел арабским языком, получил право издавать фетвы и преподавать. Он стал одним из тех, у кого учились мамлюкские эмиры, и сам ал-Макризи слушал его толкование хадисов. Судя по отзывам авторитетных современников, Бадр ад-Дин был одним из лучших представителей *авлад ан-нас*, т.е. того сословия, которое служило связующим звеном между чужеродной военно-политической элитой и автохтонным населением мамлюкского Египта [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 525; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 100]. Таким образом, брак с Зайнаб связывал Инала не только с основателем подлинного могущества Султаната мамлюков, Байбарсом, но и приобщал к той прослойке *авлад ан-нас*, которая пользовалась уважением у авторитетных *улемов.*

мин Салман-Шах, женой которого была дочь ал-Му'аййада Шайха [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 270-272, т. 12, с. 2]. Затем султаном стал Тамурбуга, женатый на сестре зятя Инала [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 346]. Он был смещен в результате мятежа, поднятого эмиром Хайрбеком аз-Захири (ум. в 1474 г.). За год до событий, о которых идет речь, Хайрбек женился на внучатой племяннице Мугл бинт ал-Баризи (ум. в 1472 г.), жены Джакмака. После этого он стал быстро подниматься по карьерной лестнице, а при абсолютно неспособном к самостоятельному правлению Йалбае фактически взял управление султанатом в свои руки. Захватив в плен следующего султана, Тамурбугу, вечером, 31 января 1468 г. он объявил себя султаном. Но большая часть эмиров поддержала Каитбая, и уже на следующее утро Хайрбек был брошен в тюрьму [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 329, 346; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 209]. Затем Каитбай устранил двух других потенциальных конкурентов – эмира Касбая ал-Хушкадами (ум. в 1477 г.), который был женат на дочери Инала, и упомянутого выше Йашбека мин Салман-Шаха [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 6, с. 229, т. 12, с. 90]. Сам Каитбай был также связан матримониальными узами с «домом» Инала.[1]

Следующая смута разразилась, когда был убит молодой наследник Каитбая. В период, полный напряженной борьбы, кровопролитных сражений и коварных заговоров, начался настоящий «свадебный переполох». Султаны и эмиры, претендовавшие на престол, спешно заключали «правильные» браки. В 903/1497–1498 г. эмир Туманбай, занимавший в то время должность *второго давадара* женился на Хабибе (ум. в 1500 г.). Хабиба была дочерью султана ал-Мансура 'Усмана, т.е. приходилась внучкой аз-Захиру Джакмаку. Туманбай строил планы устранения правившего в то время ан-Насира Мухаммада, а брак, который породнил его с Джакмаком и, косвенно, с Баркуком, вероятно, должен был стать одной из ступенек к трону. В 1499 г. султан аз-Захир Кансух, попытался укрепить свое шаткое положение на троне женитьбой на вдове ан-

[1] См. Гл. 3.

Насира Мухаммада, Мисрбай [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 387, 417]. Свидетелями очередной свадебной церемонии, на этот раз весьма помпезной, жители Каира стали в 1500 г.: за полгода до того, как ему удалось захватить власть, на наложнице Каитбая, Аслбай (ум. в 1509 г.)[1], женился Джанбулат. Это был не первый брак Джанбулата с женщиной из «дома» султана. Ранее он был женат на дочери ал-Му'аййада Ахмада – внучке ал-Ашрафа Инала [ʻАбд ан-Набӣ, 2008, с. 31; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 63; его же, 1995, т. 3, с. 1259-1260]. Наконец, еще один брак – теперь уже с вдовой Каитбая, Фатимой заключил упомянутый выше эмир Туманбай, который первым открыл «свадебный сезон» в Каире, женившись на внучке Джакмака. О значении второго брака Туманбая уже упоминалось выше.[2]

В этот период напряженной борьбы за власть[3] и череды свадебных процессий султаном был объявлен еще один эмир – Кансух Хамсуми'а. Правда срок его правления был рекордно коротким в истории Бурджитов – с 1 по 4 февраля 1497 г. Но и он был связан семейными узами с «домом» одного из своих предшественников на троне. В 1474 г. сестра Кансуха Хамсуми'а вышла замуж за самого влиятельного в то время эмира – Йашбека, который уже был женат на внучке султана ал-Ашрафа Инала [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 84]. Кроме того, не исключено, что вдова Каитбая, Фатима, до того, как вышла замуж за ал-ʻАдиля Туманбая, успела заключить тайный брак с Кансухом Хамсуми'а. По крайней мере, как сообщает Ибн Ийас, слухи об этом ходили в Каире [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 64].

Ал-Ашраф Кансух ал-Гури, предпоследний из бурджитских султанов, был связан с семьей одного из своих предшественников через своего

---

[1] Аслбай, как упоминалось выше, была матерью ан-Насира Мухаммада и сестрой аз-Захира Кансуха.

[2] См. Гл. 4.

[3] Как пишет Мухаммад б. Йусуф аль-Баʻуни,

Среди армейских распри завелись,
И горести отсюда начались.
Пороком заразились командиры –
Страна в осаду угадила.
Веревки разума военные порвали
И убивать друг друга стали

[ал-Бāʻӯнӣ, [Без названия]].

племянника, последнего бурджитского султана ал-Ашрафа Туманбая: Туманбай был женат на племяннице Фатимы, вдовы ал-Ашрафа Каитбая, ал-‘Адиля Туманбая и, возможно, ал-Ашрафа Кансуха Хамсуми’а [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 100, 107; D’hulster, Steenbergen, 2013, p. 78].

Итак, за исключением Йалбая, все мамлюкские султаны-Бурджиты, которые пришли к власти не по праву наследования, были связаны матримониальными или, в более широком смысле, семейными узами с женщинами из «домов» своих предшественников. Наличие таких связей не гарантировало претендентам на престол безусловной победы, но воспринималось мамлюкской военно-политической элитой как один из важных факторов, определявших политическую карьеру эмира, его роль и место в мамлюкской политической иерархии, его шансы занять трон и право стать следующим султаном.

В *Таблице 1* собраны краткие сведения о судьбах тех эмиров, которые были связаны матримониальными или семейными (по женской линии) узами с «домом» султана, но сами султанами не стали.

Таблица 1

№	Имя эмира	Связь с семьей султана	Краткие сведения о карьере	Источники
1	Минташ (ум. в 1393 г.)	Заключил брак с дочерью ал-Ашрафа Ша‘бана	Занимал пост эмира Малатьи. Поднял мятеж против аз-Захира Баркука, был арестован и казнен по приказу этого султана	Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 38; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 1, с. 361
2	Иналбай (ум. в 1407 г.)	Заключил брак с Байрам, дочерью аз-Захира Баркука	Занимал пост *эмира султанских конюшен*, входил в число ближайших советников ан-Насира Фараджа. Был отправлен в ссылку ан-Насиром Фараджем по подозрению в участии в смуте, убит в сражении с одним из	ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 36, 181-182, 185

			претендентов на престол – будущим султаном ал-Му’аййадом Шайхом	
3	Судун ал-Хамзави (ум. в 1407 г.)	Заключил брак с Зайнаб (ум. в 1423 г.), дочерью аз-Захира Баркука, в 1403 г.	Занял пост *командира вахты*, затем был на короткое время арестован. В 1405 г. назначен *главным давадаром*. Принял участие в мятеже против ан-Насира Фараджа и был казнен в 1407 г.	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 6, с. 123-127; его же, 1992, т. 12, с. 231; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 87, 90, 181, 185, 195; ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 3, с. 278-279, т. 12, с. 40;
4	Байбарс (ум. в 811/1408-1409 г.)	Сын ‘А’иши (ум. в 819/1416-1417 г.), сестры аз-Захира Баркука	Занимал пост *эмира совета* при аз-Захире Баркуке и *атабека* при ан-Насире Фарадже. Был арестован по приказу ан-Насира Фараджа в 1405 г., в 811/1408-1409 г. казнен.	Ибн Ḫаджар, 1969-1998, т. 2, с. 405; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 150, 425
5	Мукбил ар-Руми (ум. в 1412 г.)	Заключил брак с Саррой (ум. в 1412 г.), дочерью аз-Захира Баркука (после того, как ее первый муж, Навруз ал-Хафизи поднял мятеж против ан-Насира Фараджа)	Получил звание *эмира сотни*, погиб в сражении между ан-Насиром Фараджем, на стороне которого он оставался, и двумя другими претендентами на престол – Наврузом ал-Хафизи и Шайхом	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 11, с. 263-264; его же, 1992, т. 13, с. 132, 264; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 315
6	Бактамур Джулук (ум. в 1412 г.)	Заключил брак с Сатитой (ум. в 819/1416-1417 г.), дочерью ан-Насира Фараджа	При ан-Насире Фарадже был назначен *наместником* султана в Дамаске, в период формального пребывания у власти	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 3, с.403-407; ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 3, с. 17

			халифа ал-Муста‘ина вместе с Шайхом стал одним из соправителей. Только после смерти Бактамура (15 сентября 1412 г.) Шайх решился захватить власть (7 ноября 1412 г.)	
7	Тагри Бирди мин Йашбуга (ум. в 1412 г.)	1) заключил брак с дочерью султана ал-Мансура Хаджжи (1381-1382; 1389-1390); 2) приходился братом Ширин, наложнице аз-Захира Баркука, матери ан-Насира Фараджа; 3) заключил брак с Хаджж Малик бинт Ибн Кара, вдовой аз-Захира Баркука	Занимал пост *атабека* и трижды – *наместника Дамаска*; принимал участие в мятеже против ан-Насира Фараджа	Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 6, с. 33-6; его же, 1990, с. 17, 256; его же, 1992, т. 11, с. 221, т. 12, с 24, 32, 37, 58, 64; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 19
8	Канибай (ум. в 815/1412-1413 г.)	Сын Канкыз, сестры аз-Захира Баркука	Занимал пост *наместника* султана в Египте. Был арестован по приказу ан-Насира Фараджа в 1411 г., казнен по приказу ал-Му’аййада Шайха в 815/1412-1413 г.	Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 9, с.25; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 289; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 6, с. 196, т. 12, с. 116;
9	Навруз ал-Хафизи (ум. в 1414 г.)	1) заключил брак с одной из бывших жен аз-Захира Баркука (дочерью	Занимал пост *эмира султанских конюшен*, затем – *наместника* Сирии. Участвовал в мятеже против ан-	Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 231, т. 13, с. 271-272; ал-

		Шихаб ад-Дина Ахмада ат-Тулуни, ум. в 1399 г.); 2) заключил брак с Саррой, дочерью аз-Захира Баркука	Насира Фараджа, после этого был отправлен в ссылку (в 1405 г.); затем поднял мятеж против ал-Му'аййада Шайха, был убит	Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 235-236
10	Йашбек б. Аздамир (ум. в 1414 г.)	Заключил брак с сестрой Фатимы, жены ан-Насира Фараджа	Занимал пост *командира вахты*, наместника Хамы и Алеппо. Вместе с Наврузом ал-Хафизи поднял мятеж против ал-Му'аййада Шайха, был убит	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 12, с.130-131; его же, 1992, т. 13, с. 272; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 270;
11	Асабуга аз-Зарадкаш (ум. в 1415 г.)	Заключил брак с Байрам, дочерью аз-Захира Баркука (вдовой Иналбая)	Занимал пост *директора кладовой напитков и десертов*. Был арестован и казнен по приказу ал-Му'аййада Шайха	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 280; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 292, 306, 376
12	Инал ал-Наврузи (ум. в 1426 г.)	Заключил брак с Фатимой (ум. в 846/1442-1443 г.), вдовой султана ан-Насира Фараджа	при султане ал-Ашрафе Барсбае занял пост *эмира оружия*	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 306-307; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 270
13	Мухаммад б. Алтунбуга ал-Курмуши (ум. в 1420 г.)	Заключил брак с одной из дочерей ан-Насира Фараджа в 1415 г.	Умер молодым, в период правления ал-Му'аййада Шайха, возможно, был отравлен	Ибн Ḥаджар, 1969-1998, т. 3, с. 231; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 384; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 7, с. 147
14	Алтунбуга ал-Курмуши (ум. в 1421 г.)	Заключил брак с Сатитой, дочерью ал-Му'аййада Шайха, в 1420 г.	Занимал пост *атабека*. Убит в сражении с эмиром Татаром, который после этого стал султаном.	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 3, с. 62-66; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 16

15	ал-Хасан б. Судун (ум. в 1422 г.)	Брат жены аз-Захира Татара	При аз-Захире Татаре и его сыне ас-Салихе Мухаммаде в короткий период времени получил звание *эмира сорока*, а затем – *эмира сотни*; внезапно умер, (очень молодым) через два месяца после смерти аз-Захира Татара	ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 70-71
16	Куджук ал-‘Исави (ум. в 1425 г.)	Заключил брак с Зайнаб (ум. в 1423 г.), дочерью аз-Захира Баркука, вдовой Судуна ал-Хамзави (ум. в 1407 г.) и ал-Му’аййада Шайха	В 1424 г., в период правления ал-Ашрафа Барсбая, занял пост *атабека*	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 9, с. 35; его же, 1992, т. 14, с. 105; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 3, с. 39; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 40
17	Байбуга ал-Музаффари (ум. в 1430 г.)	Заключил брак с Кунукбай, вдовой аз-Захира Баркука	Занимал пост *атабека*, участвовал в мятеже против ан-Насира Фараджа, был арестован приказу ал-Му’аййада Шайха, освобожден, в 1424 г. арестован и заключен в тюрьму по приказу ал-Ашрафа Барсбая	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 3, с. 490-492
18	Абрак ал-Джукми (ум. до 1436 г.)	Заключил брак с Шукрбай (ум. в 870/1465-1466 г.), наложницей ан-Насира Фараджа	При ал-Ашрафе Барсбае стал одним из гвардейцев султана	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 1, с. 198; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 1, с. 190
19	Инал ал-Джукми (ум. в 1439 г.)	Заключил брак с Кутлбай, вдовой ал-Му’аййада Шайха	Занимал пост *атабека*. Поднял мятеж против аз-Захира Джакмака в 1438 г., был схвачен и казнен по приказу этого султана	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 33; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 399, 416-420;

20	Уркумас ал-Джамус (ум. в 1441 г.)	Заключил брак с Хадиджей (ум. в 833/1429-1430 г.), вдовой ал-Му'аййада Шайха	Занял пост эмира *шикара*[1] в период правления ал-Ашрафа Барсбая	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 2, с. 334; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 33
21	Йунис ал-Бавваб (ум в. 1461 г.)	Заключил брак с Фатимой (ум. в 1467 г.), дочерью ал-Ашрафа Инала	Занял пост *главного давадара* в период правления ал-Ашрафа Инала	ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 345
22	Танам ал-Му'аййади (ум. в 1464 г.)	Заключил брак с сестрой аз-Захира Джакмака	Занимал пост *эмира совета*, выступил против Инала и был арестован после его прихода к власти в 1453 г.	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 292; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 295-297
23	Бурдабек ал-Ашрафи (ум. в 1464 г.)	Заключил брак с дочерью ал-Ашрафа Инала	Занимал пост *второго давадара*, был арестован по приказу аз-Захира Хушкадама в 1461 г.	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 95, 225; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 4-5;
24	Джанибек аз-Зариф (ум. в 870/1465-1466 г.)	Заключил брак с Фатимой, дочерью аз-Захира Джакмака	Занимал пост *второго давадара*, был арестован по приказу аз-Захира Хушкадама, умер в тюрьме.	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 307-308; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 53, т. 12, с 90-91
25	Барсбай ал-Баджаси (ум. в 1466 г.)	1) заключил брак с Хадиджей, родственницей ал-Ашрафа Барсбая, бывшей женой Мухаммада, одного из сыновей аз-Захира Джакмака; 2) заключил брак с	Занимал пост *наместника Дамаска*, был арестован по приказу аз-Захира Хушкадама в 1461 г.	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 3, с.279-82; его же, 1992, т. 16, с. 230, 313-314; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 7-8, т. 7, с. 210-212, т. 12, с. 37

[1] *Эмир шикар* (*shikār*) возглавлял ведомство, которое занималось организацией охоты султана и его приближенных [Духмāн, 1990, с. 20].

		Шахзаде, вдовой ал-Ашрафа Барсбая, бывшей женой аз-Захира Джакмака; 3) заключил брак с внучкой ал-Ашрафа Инала		
26	Халил б. Шахин аз-Захири (ум. в 1468 г.)	Заключил брак с Асил, сестрой Джулбан, жены ал-Ашрафа Барсбая.	Занимал пост *наместника* Александрии, затем Карака, был арестован по приказу аз-Захира Джакмака, затем освобожден. Отправлен в ссылку по приказу аз-Захира Хушкадама	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 39-40; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 195-197
27	Куркумас ал-Ашрафи (ум. в 873/1468-1469 г.)	После смерти ал-Ашрафа Барсбая заключил брак с одной из его наложниц, Мулукбай	При ал-Ашрафе Инале занял пост *командира вахты*, при аз-Захире Йалбае был арестован, при ал-Ашрафе Каитбае занял пост *эмира совета*	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 589; его же, 1992, т. 16, с. 39-40, 294; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 6, с. 218
28	Муглбай аз-Захири Хушкадам (ум. в 873/1468-1469 г.)	Сын сестры ал-Ашрафа Каитбая	Умер молодым, во время эпидемии чумы	ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 166
29	Джукм (ум. в 1469 г.)	Сын сестры ал-Ашрафа Каитбая	Занимал пост *второго церемониймейстера.* Умер во время эпидемии чумы.	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 29
30	Байбарс ал-Ашрафи (ум. в 1469 г.)	Брат Джулбан, жены ал-Ашрафа Барсбая	Был арестован после прихода к власти аз-Захира Джакмака. При ал-Му'аййаде Ахмаде занимал пост *главного церемониймейстера*.	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 29; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 339; ал-Малаṭӣ, 2002, т.

			Занял пост *командира вахты* при аз-Захире Хушкадаме, но затем был арестован по приказу этого султана в 1461 г. При ал-Ашрафе Каитбае получил разрешение вернуться в Каир, но затем снова был отправлен в ссылку	6, с. 311; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 433; ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 3, с. 21;
31	Джукм ал-Ашрафи (ум. в 1470 г.)	Брат Джулбан, жены ал-Ашрафа Барсбая	Занимал пост *казначея*, организовал заговор с целью устранения Джакмака в период правления ал-ʻАзиза Йусуфа, был арестован, затем отпущен на свободу. После прихода к власти аз-Захира Джакмака снова взят под арест. При ал-Ашрафе Инале занял пост *главного церемониймейстера*.	ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 334, 376-377, 433; ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 12, с. 17
32	Йашбек ал-Джамали	Заключил брак с дочерью Камал ад-Дина Мухаммада б. ал-Баризи, который приходился родным братом Мугл, жене аз-Захира Джакмака	Занял пост главы ведомства, занимавшегося управлением землями, которые находились в собственности государства, был назначен *эмиром хаджжа*	ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 10, с. 276
33	Джарибаш Кирд (ум. в 1472 г.)	Заключил брак с Шакрой (ум. в 1482 г.), дочерью ан-Насира Фараджа	Занимал пост *атабека*, был объявлен султаном в 1461. В 1465 г. отправлен в ссылку по приказу аз-Захира Хушкадама	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 190; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 6, с. 260-261; его же, 1992, т. 16,

				с. 231, 257; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 68
34	Баркук (ум. в 1473 г.)	Заключил брак с Давлат Бай (ум. в 1488 г.), наложницей аз-Захира Джакмака	Занял пост наместника Сирии	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 80; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 70; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 33
35	Йашбек мин Салман-Шах ал-Факих (ум. в 1473 г.)	Заключил брак с Асией (ум. в 1486 г.), дочерью ал-Му'аййада Шайха	Занимал пост *главного давадара*, возглавил коалицию эмиров, выступавших против одного из претендентов на престол в период правления аз-Захира Йалбая в 1467 г.	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 329; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 270-272, т. 12, с. 2
36	Хайрбек аз-Захири (ум. в 1474 г.)	Заключил брак с Фатимой, внучатой племянницей Мугл, жены аз-Захира Джакмака	Занимал пост главного давадара. В 1468 г. был объявлен султаном, арестован по приказу ал-Ашрафа Каитбая в том же году.	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 6, 93, 237; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 209
37	Судун ал-Мансури (ум. в 1474 г.)	Заключил брак с внучкой ал-Ашрафа Инала, вдовой Барсбая ал-Баджаси	Имел звание эмира десятка, служил одним из *вестовых* султана. Погиб молодым в результате несчастного случая	ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с.106; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 286, т. 12, с. 12
38	Касбай ал-Хушкадами (ум. в 1477 г.)	1) заключил брак с Фатимой, дочерью ал-Ашрафа Инала; 2) приходился братом жене аз-Захира Тамурбуги	Занимал пост *второго давадара*, был арестован и отправлен в ссылку по приказу ал-Ашрафа Каитбая в 1468 г.	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 4, 18, 119; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 346; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 6, с. 229, т. 12, с. 90
39	Джанибай ал-Ашрафи	Сын сестры ал-Ашрафа Каитбая	Имел звание *эмира десятка*, умер во время эпидемии чумы	ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 171-172

	(ум. в 1477 г.)			
40	Джукм аз-Захири Хушкадам (ум. в 1478 г.)	Сын сестры ал-Ашрафа Каитбая	Умер молодым во время эпидемии чумы	ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 76
41	Джаним аш-Шарифи (ум. в 1479 г.)	Заключил брак с сестрой Фатимы, жены ал-Ашрафа Каитбая в 1478 г.)	Внезапно умер, будучи молодым, через год после заключения брака; возможно, был отравлен	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 141, 148-149
42	Караджа ат-Тавил (ум. в 1480 г.)	Заключил брак с дочерью султана ал-Ашрафа Инала, вдовой Бурдабека ал-Ашрафи	Имел звание *эмира сотни* и *командира тысячи*, занимал пост *наместника* Хамы. Был арестован, отправлен с тюрьму, а затем в ссылку по приказу султана ал-Ашрафа Каитбая	ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 82, 84, 237, 251; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 12
43	Йашбек мин Махди (ум. в 1480 г.)	Заключил брак с Фатимой (ум в. 883/1478-1479 г.), дочерью ал-Му'аййада Ахмада, внучкой ал-Ашрафа Инала	Занял пост *главного давадара*, *вазира, главного управляющего египетскими провинциями* и *устадара* в период правления ал-Ашрафа Каитбая; погиб в битве при ар-Рухе	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 20, 26-7, 35, 57, 146, 168
44	Аздамир ат-Тавил (ум. в 1480 г.)	Заключил брак с Хадиджей, дочерью ал-Мансура 'Усмана в 1474 г.	Занимал пост *главного церемониймейстера*, был арестован, отправлен в ссылку, а затем казнен по приказу ал-Ашрафа Каитбая	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 90, 162-163; Ибн Ṭауḳ, 2000-2007, т. 1, с. 23; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 90; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 2, с. 273, т. 12, с. 29
45	Хайрбек мин Хадид	1) заключил брак с	Служил в казначействе и ведомстве *давадара*,	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3,

	ал-Ашрафи (ум. в 1482 г.)	Хадиджей, внучкой ан-Насира Фараджа; 2) заключил брак с Инджибай, наложницей Джакмака	получил звание *эмира сотни* и *командира тысячи*. В 885/1481-1482 г. отправлен в ссылку по приказу ал-Ашрафа Каитбая	с. 171; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 273; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 207-208
46	Акбирди ал-Ашрафи (ум. в 1486 г.)	Заключил брак с внучкой ал-Ашрафа Инала, вдовой Барсбая ал-Баджаси и Судуна ал-Мансури	Занимал пост *казначея* и управляющего территориями, расположенными в долине р. Иордан. Погиб в стычке с бедуинами.	ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с.16; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 2, с. 314, т. 12, с. 12
47	Муглбай (ум. в 897/1491-1492 г.?)	сын сестры ал-Ашрафа Каитбая	Имел звание *эмира десятка*, умер от чумы	Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 326; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 2, с. 314, т. 10, с. 165
48	Джаним ас-Сагир (ум. в 897/1491-1492 г.?)	сын сестры ал-Ашрафа Каитбая	Имел звание *командира тысячи*, занимал пост *управляющего джизьей*. Умер во время эпидемии чумы.	ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 2, с. 862, т. 3, с. 1259
49	Куртубай (ум. в 902/1497 г.)	1) сын сестры ал-Ашрафа Каитбая; 2) заключил брак с Фатимой, внучкой ал-Му'аййада Ахмада	Занимал пост *главного конюшего*, участвовал в мятеже против ан-Насира Мухаммада в 1497 г., был убит в сражении с мамлюками Кансуха, который стал следующим султаном	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 356, 368, 361
50	Тамураз аш-Шамси (ум. в 902/1497 г.)	Сын сестры ал-Ашрафа Каитбая	Занимал пост *атабека*. Был арестован по приказу ал-Ашрафа Кансуха Хамсуми'а в 1496 г., затем освобожден. Участвовал в мятеже	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 316, 363-5

			против ан-Насира Мухаммада в 1497 г., был убит мамлюками этого султана.	
51	Джанибек Хабиб ал-Ашрафи (ум. в 903/1498-1499 г.)	Заключил брак с правнучкой султана ан-Насира Фараджа	Занимал пост *второго эмира конюшен*	ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 59, 207-208
52	Азбек мин Татах (ум. в 1499 г.)	1) заключил брак с Хадиджей, дочерью аз-Захира Джакмака; 2) после смерти Хадиджи заключил брак с Фатимой, другой дочерью аз-Захира Джакмака, вдовой Джанибека аз-Зарифа	Был дважды арестован: в 1453 г. по приказу ал-Ашрафа Инала и в 1463 г. по приказу аз-Захира Хушкадама. При ал-Ашрафе Каитбае занял пост *атабека*. Был отправлен в ссылку по приказу этого султана в 1495 г.	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 309, 402; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 15, с. 155, т. 16, с. 41, 247; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 12, с. 90-91
53	Акбирди (ум. в 1499 г.)	Заключил брак с сестрой жены ал-Ашрафа Каитбая в 1482 г.	Занимал пост *главного давадара*, поднял мятеж против ан-Насира Мухаммада в 1497 г., был одним из главных претендентов на престол после смерти ал-Ашрафа Каитбая	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 187-8, 355, 411-2; ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 930
54	Азбек ал-Йусуфи (ум. в 1499 г.)	Заключил брак с Банах (ум. в 899/1493-1494 г.), двоюродной сестрой аз-Захира Джакмака	Занял пост государственного советника (*mushīr al-mamlaka*) в период правления ан-Насира Мухаммада	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 100, 292, 404-405

55	Танибек Кара (ум. в 1500 г.)	Заключил брак с внучкой ал-Ашрафа Инала	Занимал пост *главного давадара*, был арестован после первого прихода к власти ан-Насира Мухаммада, затем участвовал в мятеже против этого султана в 1497 г, затем занял пост *эмира совета*. Был убит по приказу аз-Захира Кансуха	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 420-421, т. 4, с. 128; Ибн аш-Шиḥна, л. 26 г
56	Ахмад аш-Шихаби б. ‘Абд ар-Рахим ал-‘Айни (ум. в 1503 г.)	Внук Шукрбай, наложницы ан-Насира Фараджа, жены аз-Захира Хушкадама (отцом Ахмада был Абрак ал-Джукми)	Занимал пост *эмира совет*а, был арестован по приказу ал-Ашрафа Каитбая, позднее освобожден. В 1503 г. приказ об аресте Ахмада был отдан ал-Ашрафом Кансухом ал-Гури. Приказ не был исполнен, т.к. Ахмад скончался.	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 7-8, т. 4, с. 57-8; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 240
57	Хайрбек ал-Хазандар (ум. в 1514 г.)	Заключил брак с сестрой ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури	Занимал пост *главного казначея* и был доверенным лицом ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури во всех делах, касавшихся управления финансами; умер, когда ему было около 80 лет	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 398-399
58	Канибай Кара (ум. в 1515 г.)	Заключил брак с Фатимой, внучкой ал-Му’аййада Ахмада в 903/1497-1498 г.	Занимал пост *главного конюшего*, был арестован по приказу аз-Захира Кансуха в 1500 г., в 1500 г. участвовал в мятеже против ал-Ашрафа Джанбулата, в 1501 г. участвовал в мятеже против ал-‘Адила	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 385, 426, 445, 467, т. 4, с. 450-452

			Туманбая, возможно, был отравлен	
59	Анасбай мин Мустафа	Заключил брак с дочерью ал-Ашрафа Кансуха Хамсуми'а в 1510 г.	Занимал пост *главного эмира конюшен*	Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 196, т. 5, с. 108-109

Из 59 эмиров, которые были связаны матримониальными или семейными (по женской линии)[1] узами с «домом» одного или нескольких мамлюкских султанов, 47 занимали высокие посты в военно-административной системе, имели высокие воинские звания. Из 12 эмиров, занимавших более скромное положение, 7 погибли (в том числе при подозрительных обстоятельствах) или умерли от чумы в молодости, т.е. не успели продвинуться по карьерной лестнице в силу объективных причин, один сумел фактически захватить власть (в период смещения аз-Захира Баркука), еще один был подвергнут аресту и ссылке, и только трое не входили в политическую верхушку Султаната и смогли избежать преследования со стороны султанов.

22 эмира, т.е. более трети из всех, кто был связан матримониальными или семейными (по женской линии) узами с «домом» султана, принимали активное участие в вооруженной политической борьбе – мятежах, смутах, заговорах с целью захвата власти. 14 эмиров, не принимавших активного участия в вооруженной политической борьбе, были, тем не менее, арестованы, отправлены в ссылку или казнены.

Семья и брак как коренные формы человеческих отношений являются важным элементом любой социально-политической системы. Для мамлюков,

[1] В таблицу не включены отцы жен или наложниц султанов. Такая связь с «домом» султана только в очень редких случаях (нам удалось обнаружить лишь один) могла оказать косвенное влияние на политическую судьбу эмира. Объясняется это, в первую очередь, тем, что, если брак заключался задолго до того, как жених становился султаном, отец невесты (часто – бывший хозяин жениха) успевал уже состариться или достигнуть пика карьеры. Если же брак заключался, когда жених уже был султаном, выбор невесты проводился особенно тщательно: либо она уже была связана с «домом» одного из султанов, либо ее семья принадлежала к высшей прослойке гражданской элиты Султаната, либо – гораздо чаще – это была одна из наложниц – оторванная, как и сами мамлюки от семьи и доставленная в Египет в качестве рабыни.

каждый из которых, как правило, утрачивал контакт со своими кровными родственниками уже в отрочестве, приобретенные «на новой родине» брачно-семейные связи имели особенное значение. Матримониальные связи между семьями двух эмиров рассматривались как надежный залог взаимной поддержки, если же речь шла о таких связях между семьями султана и эмира, то для эмира они открывали широкие возможности продвижения по карьерной лестнице, а для султана были гарантией лояльности со стороны новой «родни». С другой стороны, эмиры, связанные матримониальными или семейными (по женской линии) узами с «домом» султана, составляли когорту самых активных претендентов на престол и в целом ряде случаев воспринимались правящими султанами как потенциально опасные конкуренты: они подвергались аресту, ссылке, казни, даже если не проявляли открытого неповиновения.

Не все эмиры, связанные матримониальными узами с домом того или иного султана, боролись за право занять престол. Для некоторых такой брак был просто средством продвижения по карьерной лестнице, и вполне возможно, кто-то руководствовался не только и не столько прагматическими соображениями при выборе невесты из «дома» султана.[1] И все-таки, нет никакого сомнения в том, что в мамлюкской политической культуре брак с бывшей наложницей, бывшей женой, вдовой, сестрой или дочерью султана, как и родственная связь (в первую очередь, по женской линии), воспринимались как действенное средство укрепления политического авторитета.

В государстве бурджитских мамлюков политический успех, стабильное правление, авторитет власти зависели от многих факторов. Современные исследования убедительно продемонстрировали, насколько значимой в судьбе того или иного претендента на мамлюкский престол, была поддержка со стороны его *однополчан,* т.е. тех, кто принадлежал ранее одному хозяину,

[1] Если старшие родственники такой невесты были живы, то речь, в большинстве случаев, шла не столько о выборе невесты, сколько о выборе жениха.

воспитывался в одной школе, служил в одном полку. Разумеется, важным при этом было то, чтобы эти *товарищи-хушдаши* занимали самые высокие посты в мамлюкской иерархии, обладали влиянием и авторитетом. Еще одна составляющая успеха – собственный мощный «дом» эмира, т.е. коалиция купленных и воспитанных им мамлюков [Зеленев, 2007, с. 130-131; Levanoni, 1994; Sievert, 2003, s. 70]. Если главной опорой султана были не купленные и воспитанные им мамлюки, а коалиция мамлюкских фракций, то этот султан практически полностью зависел от эмиров, возглавлявших эти фракции и имевших свои «дома».

Так, например, начальный период правления первого бурджитского султана Баркука был обеспечен коалицией мамлюкских «домов», на поддержку которых опирался султан. Представителям этих «домов» Баркук раздавал самые влиятельные посты в администрации, ущемляя при этом интересы мамлюков собственного, пока еще не окрепшего «дома». Ибн Тагри Бирди прямо указывает, что при Баркуке управлением государства занимались три эмира: Джаркас ал-Халили (ум. в 1389 г.), Айтамуш ал-Баджаси (ум. в 1400 г.) и Йунис ад-Давадар (ум. в 1389 г.). Баркук был раздавлен, получив известие о гибели Джаркаса и пленении Айтамуша во время мятежа Йалбуги. Когда через короткое время Баркуку сообщили о гибели Йуниса, он, как отмечает Ибн Тагри Бирди, пришел в ужас, поскольку именно эти трое эмиров составляли главную опору султана [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 219, 222]. Только после возвращения на трон и победы над мятежным эмиром Минташем, когда бывшие союзники были разбиты, Баркук сумел обеспечить свою власть опорой на мамлюков собственного «дома», окрепшего, увеличившегося численно за первые годы правления, проверенного и закаленного в период гонений.

Политический авторитет султана был, по сути, следствием политической лояльности и поддержки группы эмиров, интересы которых выражал этот султан. Собственно, решение о том, кто займет трон (если речь не шла о передачи власти наследнику), и принимал совет наиболее

влиятельных эмиров. По сути, это означало, что эмиры по тем или иным причинам отказываются (по крайней мере на время) от намерения бороться за верховную власть и готовы стать опорой избранному султану. Взамен они получали престижные и влиятельные должности и защиту собственных интересов со стороны султана. Нарушение обязательств с той или другой стороны приводило к конфликтам. Поскольку решение совета отражало текущее соотношение сил, которое могло измениться с течением времени, практически любой влиятельный эмир рассматривался как потенциальный соперник, конкурент султана. В таких условиях султан должен был прилагать максимум усилий для того, чтобы создать новую гвардию молодых, преданных ему мамлюков [Levanoni, 1994, p. 375-376]. Для создания такой гвардии, строительства собственного мощного «дома» требовалось время.

Не менее важную роль играл фактор времени и в формировании коалиции союзников. Возглавить такую коалицию, очевидно, мог только эмир, обладавший большим количеством собственных мамлюков и политическим авторитетом, которому соответствовало, как правило, высокое воинское звание и не менее высокий пост в военно-административной системе, а также, как было отмечено выше, наличие матримониальных или семейных (по женской линии) связей с «домом» султана. А для того, чтобы заслужить высокое звание и получить достаточно средств для формирования собственного воинского подразделения требовалось время. Попробуем проанализировать политические карьеры мамлюкских султанов, которые пришли к власти не по праву наследования, а по решению большинства, а также тех эмиров, которые были близки к высшей ступени в мамлюкской военно-политической иерархии, но так и не смогли стать султанами, и выявить, какую роль фактор времени играл в политической карьере, укреплении политического авторитета и политической борьбе мамлюкских эмиров.

В *Приложении 1* собраны сведения о длительности правления мамлюкских султанов бурджитского периода. Сравнительно долгий срок –

почти девять лет – находился на троне ал-Му'аййад Шайх. Его карьера, от десятилетнего воспитанника султанской школы до *атабека* и султана, продолжалась около тридцати лет [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 6, с. 263-209]. Аз-Захир Джакмак, который оставался на троне в течение пятнадцати лет, начал свою карьеру в качестве мамлюка, принадлежавшего сыну одного из эмиров, и только приблизительно через сорок лет смог стать султаном [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 275-283]. Ал-Ашраф Кансух ал-Гури, тоже правивший в течение пятнадцати лет, шел к власти около двадцати лет и еще пять лет ему понадобились, чтобы укрепить свое положение на троне и окончательно подавить оппозицию.[1] А вот ал-'Адил Туманбай, который с трудом удерживал власть в течение нескольких месяцев, получил звание эмира десятка, т.е. право приобретать собственных мамлюков, всего за три года до вступления на трон. Аз-Захиру Кансуху, правившему около полутора лет, понадобилось менее шести лет, чтобы из раба и пленника превратиться в султана и властелина [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, 297, 332, 339, 350, 366, 368, 371, 372, 394-396, 428, 436, 454, 468, т. 4, с. 2-44].

Быстрый карьерный рост без последовательного перехода от низшей ступени к высшей вынуждал претендентов на престол доказывать свое соответствие высоким постам и званиям и свой политический авторитет в жесткой конкурентной борьбе. Именно так разворачивались события, когда к власти пришел первый бурджитский султан аз-Захир Баркук. Незадолго до бурджитского переворота, в 779/1377-1378 г. Баркук еще даже не получил звания *эмира десятка*. Не прошло и года, как Баркук стал *главным эмиром конюшен*, затем *атабеком*, а еще через три года – султаном [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 133; Northrup, 1998, p. 288]. Но за столь стремительное продвижение по карьерной лестнице приходилось расплачиваться: в течение нескольких лет аз-Захир Баркук был вынужден бороться с оппозицией, а в 1389 г. его все-таки свергли заговорщики [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с.

[1] См. Гл. 5.

199].[1] Итак, сокращение срока службы могло привести не только к опасным столкновениям с соперниками, но и к сокращению времени пребывания на троне.

Выше были упомянуты только шесть из шестнадцати бурджитских султанов, которые не унаследовали власть, но получили ее благодаря своим заслугам – и в соответствии с решением большинства эмиров. Будет ли верна, казалось бы, вполне логичная зависимость срока пребывания на троне от длительности и последовательности предшествующей карьеры во всех случаях? В *Диаграмме 1* показано соответствие периода, который потребовался мамлюку, чтобы пройти путь от эмира до султана, периоду правления.

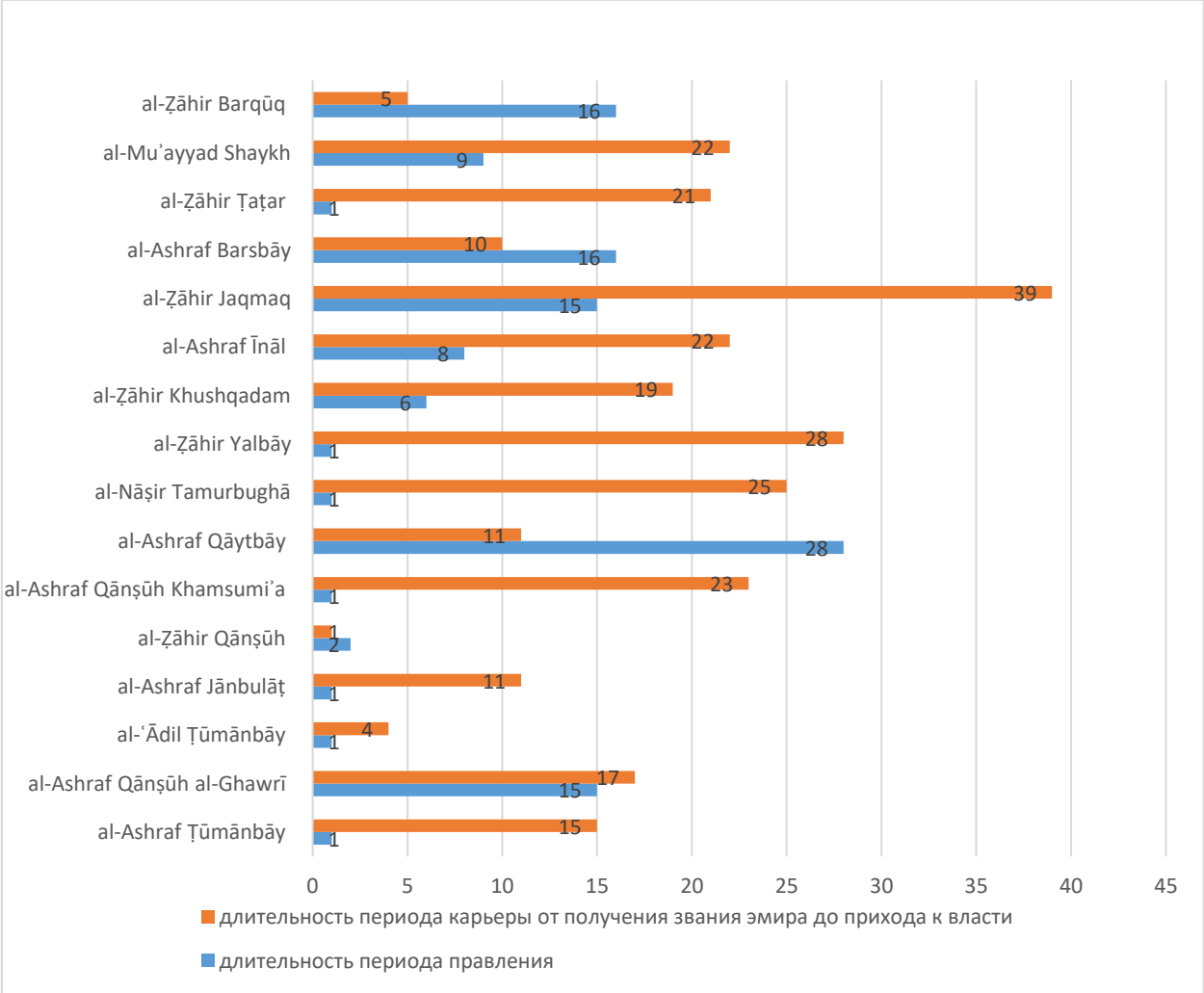

Диаграмма 1. Сопоставление длительности периода карьеры султанов-Бурджи от получения звания эмира до прихода к власти с длительностью периода правления. Для

[1] См. Гл. 2.

построения диаграммы использованы округленные (до одного года) цифры. Ссылки на источники см. в тексте соответствующих глав диссертации.

Простое сравнение представленных в *Диаграмме 1* сведений вынуждает признать, что быстрая карьера, действительно, могла быть чревата сокращением времени пребывания на троне, но далеко не во всех случаях, а длительная и последовательная карьера не гарантировала ни легкого успеха, ни долгого правления. Так, например, ал-Ашраф Джанбулат, как и ал-Ашраф Каитбай получил звание *эмира десятка* примерно за десять лет до вступления на трон, а его карьера в целом – от рядового мамлюка, воспитанника военной школы, до главы государства – продолжалась, как и у аз-Захира Баркука, и у ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури, около двадцати лет (см. *Диаграмму 2*).

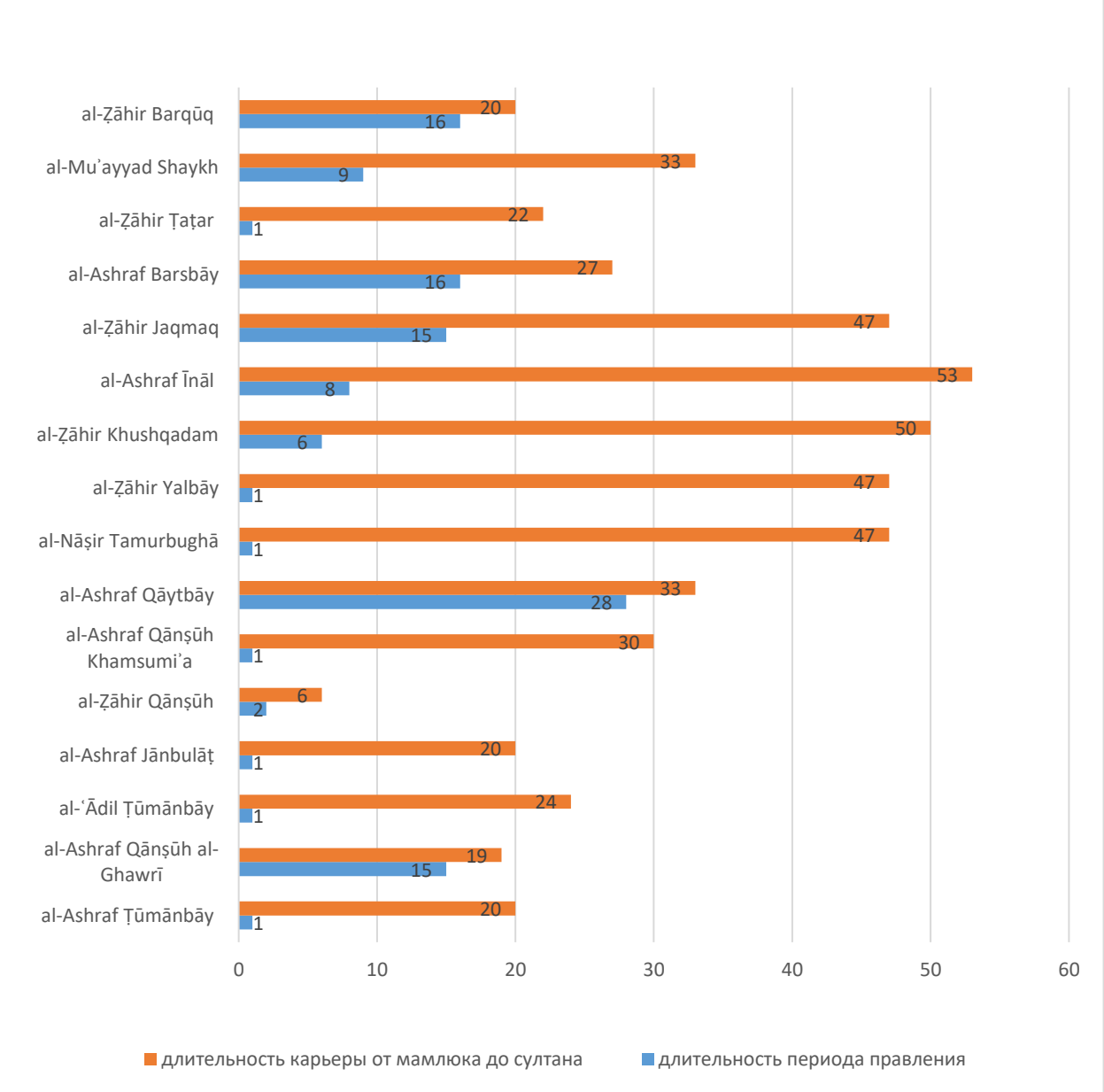

Диаграмма 2. Сопоставление длительности карьеры султанов-Бурджи от получения статуса

мамлюка до прихода к власти с длительностью периода правления. Для построения диаграммы использованы округленные (до одного года) цифры. Ссылки на источники см. в тексте соответствующих глав диссертации.

Но в отличие от этих султанов, правивших двадцать восемь, шестнадцать и пятнадцать лет соответственно, ал-Ашраф Джанбулат оставался на троне только в течение нескольких месяцев, а затем был свергнут.[1]

И все-таки Джанбулат сумел захватить власть и войти в историю как правитель одной из самых могущественных держав Ближнего Востока. Между тем, немало эмиров прошли такой же, а иногда и гораздо более славный и успешный путь от простого мамлюка до командира высшего звена, но до трона так и не добрались. Больше всего шансов было у тех, кто смог занять пост *атабека*, *регента* или – на заключительном этапе истории Бурджитов – *главного давадара.* Одну из этих позиций занимали все султаны-Бурджиты перед вступлением на престол.[2] Тщательный анализ послужного списка бурджитских султанов и эмиров, занимавших высшие посты, показал, что политический успех определялся не столько тем, *как долго* тот или иной эмир служил в целом или занимал именно эти позиции (см. *Диаграмму 3*), а *когда* он их занимал. Известно, что политические изменения как любые другие формы социального движения имеют периоды большей и меньшей интенсивности. Самый напряженный этап карьере эмира наступал с началом правления нового султана. Именно это время открывало новые возможности для борьбы за трон. Поэтому не столь важно было, как долго тот или иной эмир занимал пост *атабека*, как то, удалось ли ему достичь этой влиятельной позиции и сохранить ее за собой к моменту смерти правящего султана. Так, например, Йашбек ал-Мушид (ум. в 1445 г.) в течение шести лет оставался *атабеком* и скончался после продолжительной болезни, так и не получив шанса побороться за власть, поскольку занял свой высокий пост, когда султан Джакмак уже прочно закрепился на троне, и умер, когда аз-Захир Джакмак находился в расцвете своего могущества. А вот Хушкадам, Каитбай и целый

[1] См. Гл. 4.
[2] Подробнее об этом – см. следующий параграф.

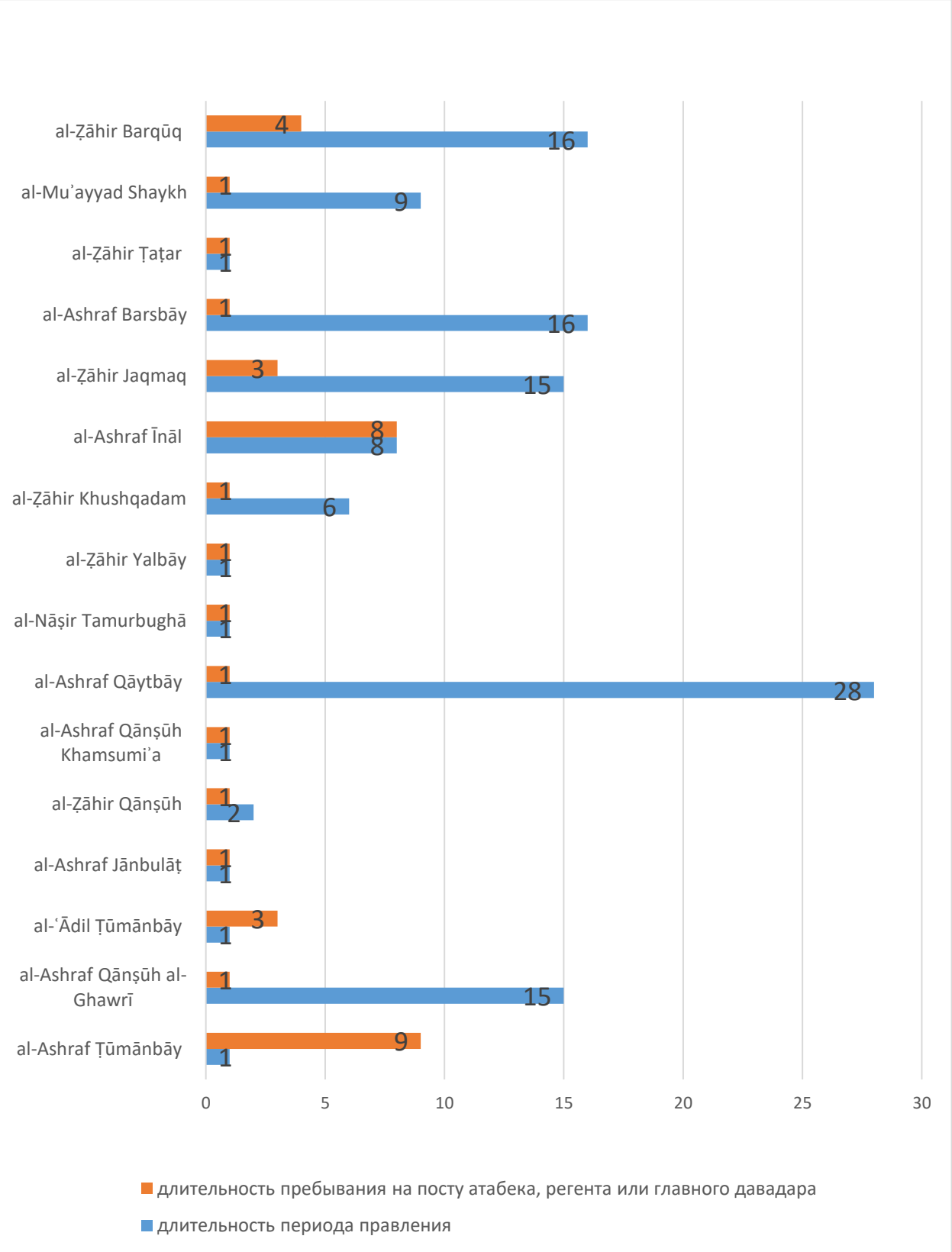

Диаграмма 3. Сопоставление длительности пребывания на посту *атабека*, *регента* или *главного давадара* с длительностью периода правления. Для построения диаграммы использованы округленные (до одного года) цифры. Ссылки на источники см. в тексте соответствующих глав диссертации.

ряд других эмиров, занимали пост *атабека* в течение всего нескольких месяцев, но это были именно те месяцы, когда после смерти султана решался вопрос о том, кому перейдет власть.[1]

Действительно, удержаться на посту *атабека* было не просто. Опасность могла исходить как от других эмиров – соперников в политической борьбе, так и от самого султана, для которого *атабек* как первый претендент на престол был потенциальным конкурентом. *Атабеки* нередко подвергались репрессиям или могли быть понижены в должности, хотя пожизненно сохраняли свой титул *главного эмира.* Показательна в этом отношении судьба Йалбуги ан-Насири. В 1389 г. он принял участие в мятеже, который привел к свержению первого бурджитского султана, Баркука. В период кратковременного возвращения на престол последнего бахритского султана Хаджжи ал-Мансура (в том же, 1389 г.) Йалбуга стал *атабеком*. Затем бывший союзник Йалбуги и зачинщик мятежа эмир Минташ арестовал Йалбугу, посадил его в тюрьму и сам стал *атабеком,* фактически захватив власть. После возвращения на престол Баркука Йалбуга был освобожден, назначен *эмиром оружия.* Баркук использовал его для уничтожения отрядов Минташа и даже назначил *наместником* Сирии, а позднее, когда почувствовал себя достаточно уверенно на вновь обретенном троне, приказал снова арестовать Йалбугу и в конце концов – казнить [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 12, с. 162-171; Его же, 1992, т. 11, с. 125, 132, 133-5, 199, 200, 206, 235, 281, т. 12, с. 6, 9, 16, 28]. В целом, из сорока пяти эмиров, занимавших пост *атабека* в бурджитский период, двадцать были отправлены в ссылку, арестованы, казнены или убиты и только десяти удалось добраться до трона.

При этом репрессии в отношении *атабеков* распределялись неравномерно на различных этапах эволюции нединастийной системы престолонаследия. В период ее становления (до вступления на престол ал-

[1] См. тайм-лайн таблицу в *Приложении 3,* в которой время службы эмиров на посту *атабека* – самого влиятельного и авторитетного после султана командира на протяжении почти всей истории Бурджитов – сопоставлено с периодами правления султанов (от последнего из Бахритов до последнего из Бурджитов, занимавшего перед вступлением на трон пост *атабека*).

Ашрафа Барсбая) из восемнадцати эмиров, занимавших пост *атабека* двенадцать были арестованы, отправлены в ссылку, казнены или убиты, и только одному, Шайху, удалось стать султаном (*Рис*. 2).

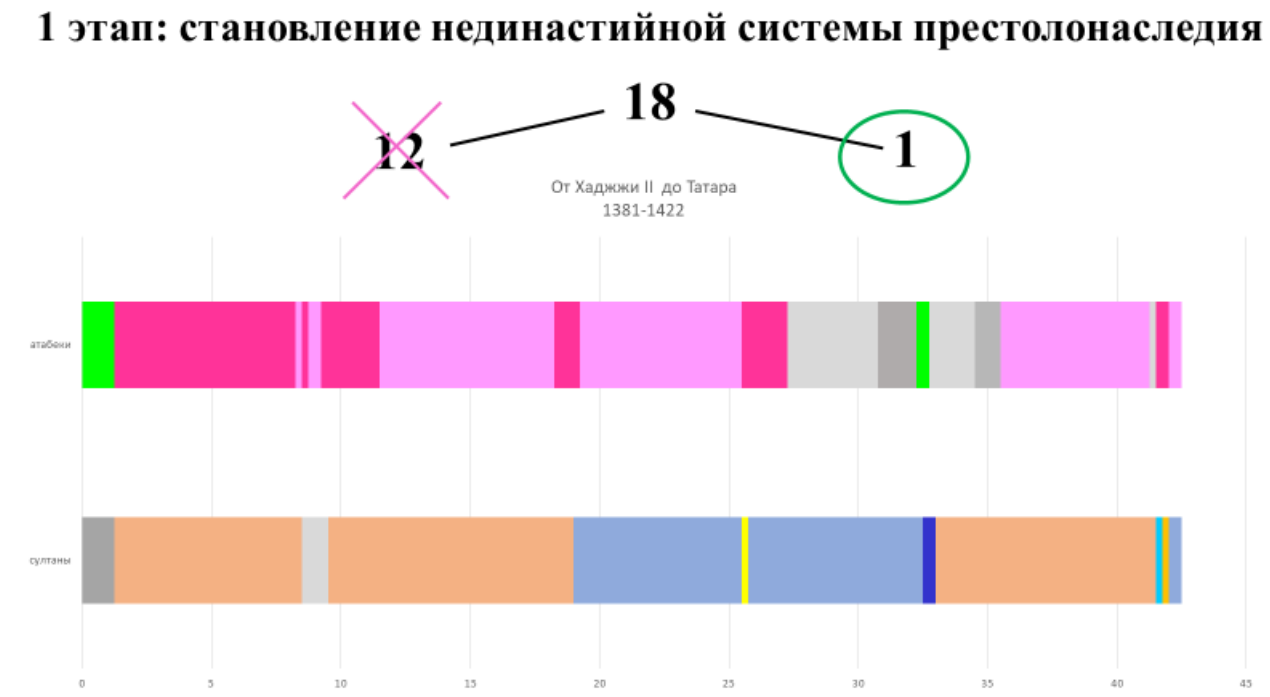

Рисунок 2. Сопоставление периодов пребывания эмиров на посту *атабека* с периодами правления султанов на этапе становления нединастийной системы престолонаследия.
Диаграмма составлена на основе информации, помещенной в *Приложении 3* (там же см. ссылки на источники).
Оранжево-коричневым цветом обозначено правление султанов-Бурджитов, пришедших к власти не по праву наследования.
Оттенками розового цвета обозначены периоды пребывания на посту *атабека* тех эмиров, которые подверглись репрессиям – были арестованы, сосланы, казнены, убиты.
Ярко-зеленым – периоды пребывания на посту *атабека* тех эмиров, которые стали султанами.

Иная картина складывается при султанах Барсбае, Джакмаке, Инале и Хушкадаме, когда нединастийная система престолонаследия приобрела устойчивый характер: из восемнадцати эмиров, занимавших пост *атабека,* только пятеро были подвергнуты различным видам репрессий, а еще пятеро стали султанами (*Рис. 3*). И именно на этот период приходятся оба случая наиболее длительного периода пребывания на посту *атабека,* завершившегося вступлением на трон – Джакмака и Инала, что может быть, рассмотрено как признак зрелости новой системы, которая уже была способна обеспечить плавный переход власти старшему из эмиров.

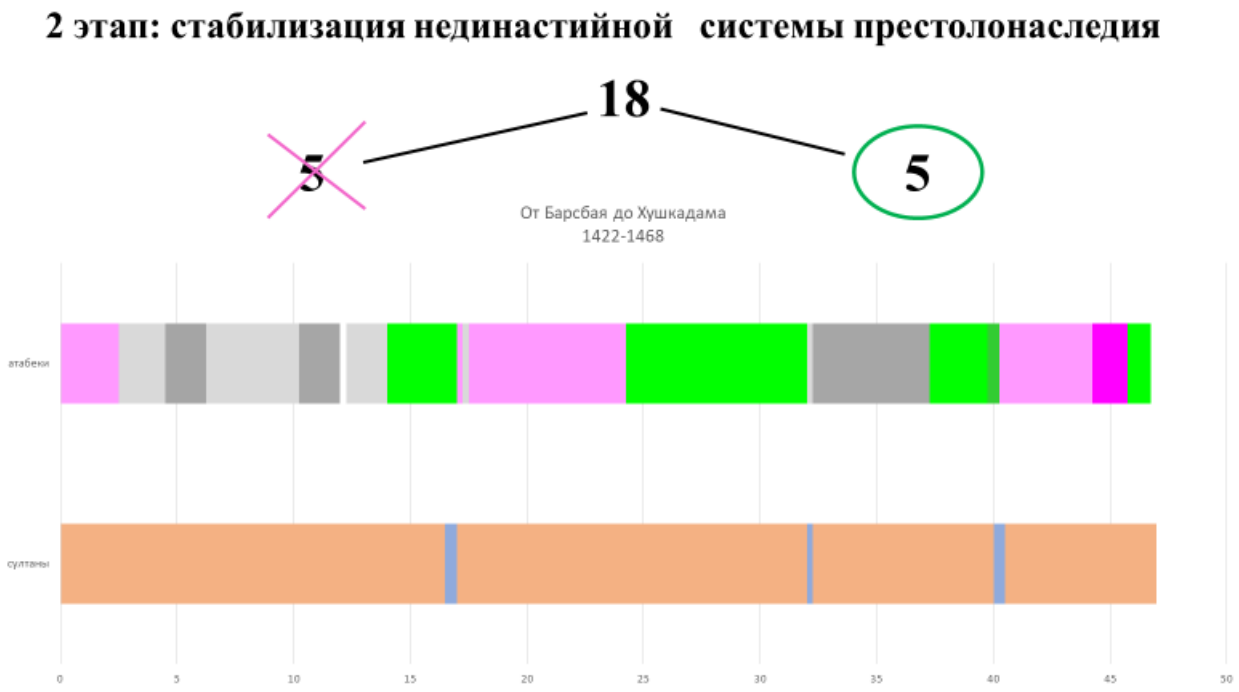

Рисунок 3. Сопоставление периодов пребывания эмиров на посту *атабека* с периодами правления султанов на этапе стабилизации нединастийной системы престолонаследия.
Диаграмма составлена на основе информации, помещенной в *Приложении 3* (там же см. ссылки на источники).
Оранжево-коричневым цветом обозначено правление султанов-Бурджитов, пришедших к власти не по праву наследования.
Оттенками розового цвета обозначены периоды пребывания на посту *атабека* тех эмиров, которые подверглись репрессиям – были арестованы, сосланы, казнены, убиты.
Ярко-зеленым – периоды пребывания на посту *атабека* тех эмиров, которые стали султанами.

Длительное правление Каитбая завершается тяжелым политическим кризисом и деградацией положения *атабека* в мамлюкской военно-политической иерархии: политическое лидерство переходит к *главному давадару (Рис. 4)*.[1] На этом этапе двое из семи *атабеков* были подвергнуты репрессиям, четверо стали султанами, но из этих четверых трое в очень короткий период времени были свергнуты с престола.

[1] Подробнее о положении *главного давадара* в мамлюкской военно-политической системе см. следующий параграф.

3 этап: кризис нединастийной системы престолонаследия

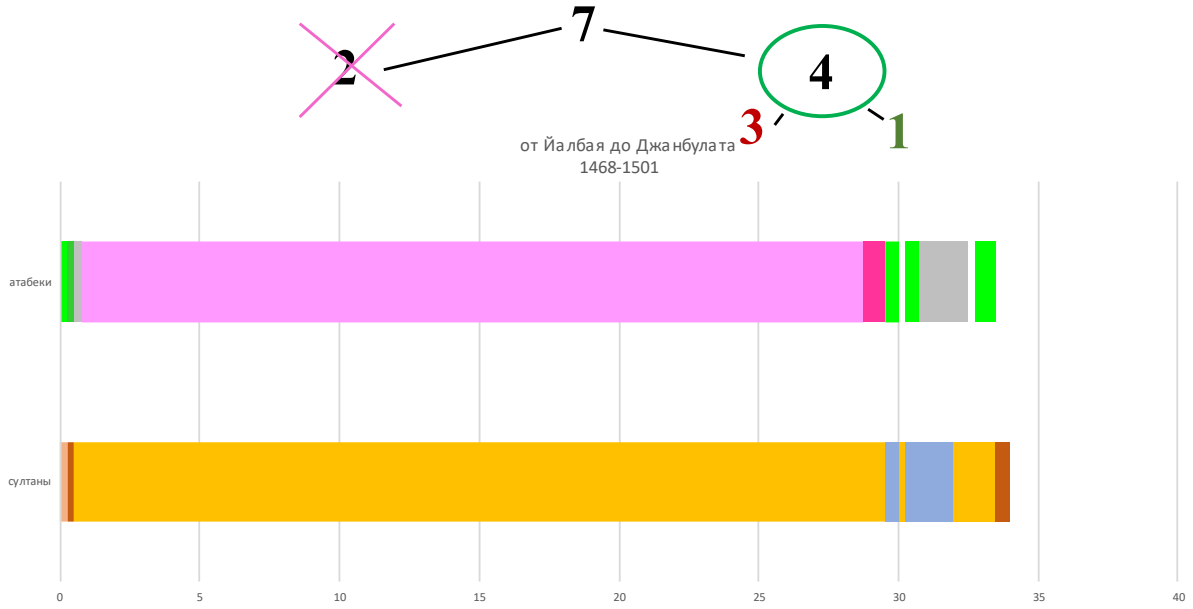

Рисунок 4. Сопоставление периодов пребывания эмиров на посту *атабека* с периодами правления султанов на этапе кризиса нединастийной системы престолонаследия.
Диаграмма составлена на основе информации, помещенной в *Приложении 3* (там же см. ссылки на источники).
Оранжево-коричневым цветом обозначено правление султанов-Бурджитов, пришедших к власти не по праву наследования.
Оттенками розового цвета обозначены периоды пребывания на посту *атабека* тех эмиров, которые подверглись репрессиям – были арестованы, сосланы, казнены, убиты.
Ярко-зеленым – периоды пребывания на посту *атабека* тех эмиров, которые стали султанами.

Наконец, был и еще один фактор, который мог повлиять на карьеру, политические амбиции и политический успех потенциального претендента на трон – возраст эмира. Так, например, Тамураз аш-Шамси (ум. в 1497 г.) был назначен *атабеком* в 1495 г., за несколько месяцев до смерти ал-Ашрафа Каитбая – в, казалось бы, самый благоприятный для дальнейшего захвата власти период. К тому же Тамураз аш-Шамси имел все основания для того, чтобы попытаться занять трон: он имел за плечами шестидесятилетний опыт военной службы, входил в высший командный состав армии и верхушку политической элиты, на протяжении всего периода правления ал-Ашрафа Каитбая занимал престижные должности в военно-административной системе, имел большой доход, наконец, пользовался заслуженным авторитетом в мамлюкской среде [ал-Малаṭӣ, 2011, т. 2, с. 767-770]. Но когда

Тамураз занял пост *атабека*, ему было около восьмидесяти лет: он был слишком стар, чтобы состязаться в гонке за власть с более молодыми и энергичными эмирами. Одному из них, Кансуху Хамсуми'а, удалось схватить Тамураза всего за несколько дней до смерти ал-Ашрафа Каитбая, и расчистить себе, таким образом, путь к трону.

Возраст сыграл определенную роль в карьере Азбека мин Татаха. В период правления ал-Ашрафа Каитбая он занимал пост *атабека* в течение двадцати семи лет. Во второй раз он был назначен *атабеком* после возвращения из ссылки примерно за год до смерти ан-Насира Мухаммада. Все обстоятельства – длительная и успешная карьера, прочное материальное положение, военные заслуги, подлинный авторитет и время назначения на пост *атабека* – благоприятствовали тому, чтобы Азбек стал достойным преемником ал-Ашрафа Каитбая, заменив молодого ан-Насира Мухаммада – в полном соответствии со сложившимся в бурджитский период порядком престолонаследия. Но Азбеку было уже около восьмидесяти пяти лет, и он отклонил предложение занять трон. Вероятно, одним из факторов, повлиявших на его решение, был его преклонный возраст, осознание того, что времени и сил для того, чтобы выдержать неизбежную борьбу с оппозицией и восстанавливать порядок в государстве после затяжного политического кризиса, у него уже слишком мало.

Попробуем сопоставить возраст вступления на трон и длительность правления бурджитских султанов на различных этапах эволюции нединастийной системы престолонаследия.[1] Десять из шестнадцати бурджитских султанов (здесь мы не принимаем во внимание султанов-наследников) пришли к власти в возрасте от сорока до шестидесяти лет. Вероятно, это и был наиболее благоприятный для решительного рывка в политической карьере период жизни: к сорока годам эмир обычно имел уже, как минимум, двадцатилетний опыт военной службы, мог успеть сделать

[1] См. *Приложение 2.*

политическую карьеру и создать материальную базу для формирования коалиции сторонников и до, приблизительно, шестидесяти лет был достаточно деятельным и энергичным, чтобы участвовать в политической борьбе, сохранял способность быстро находить и принимать оптимальные решения.[1]

На этапе становления нединастийной системы престолонаследия, как и в дальнейшем, в периоды кризисов, к власти приходили более молодые султаны. Аз-Захиру Баркуку и ал-Му'аййаду Шайху было около сорока лет, а аз-Захиру Татару – за тридцать.

На этапе закрепления нединастийной системы престолонаследия наблюдается тенденция «старения» султаната. В начале этого этапа к власти пришел ал-Ашраф Барсбай, которому было около сорока пяти лет. Он умер, когда ему было за шестьдесят, и после этого к трон занял шестидесятипятилетний аз-Захир Джакмак. Джакмак скончался на девятом десятке, и власть перешла к семидесятитрехлетнему ал-Ашрафу Иналу, в конце этого этапа султаном стал снова более молодой эмир, аз-Захир Хушкадам, которому было около шестидесяти. При этом аз-Захир Джакмак и ал-Ашраф Инал прошли самый долгий в истории Бурджитов путь от рядового мамлюка до султана – около пятидесяти лет. Перед вступлением на трон Джакмак в течение трех, а Инал – в течение восьми (рекордно долгий срок) занимали пост *атабека*. Таким образом, тенденция «старения» сопровождалась приходом к власти более опытных *атабеков*, которые в течение нескольких лет были опорой правящего султана. Как отметил Ж.-К.Гарсин, автор эссе о политическом режиме «черкесских» мамлюков, помещенного в «Кембриджскую историю Египта», после прихода к власти ал-Ашрафа Барсбая «…первоначальный ритм политической жизни мамлюков был значительно замедлен» [Garcin, 1998, p. 301].

После двух месяцев правления аз-Захира Йалбая, который сыграл специфическую роль в системе нединастийного престолонаследия,

[1] Современные исследования показывают, что нарушение функции когнитивного контроля начинает проявляться, как правило, после шестидесяти – шестидесяти пяти лет. См. [Fisher, Franklin, Post, 2014].

фактически, заменив наследника аз-Захира Хушкадама, наступил первый кризис в установленном порядке передачи власти: в борьбу снова вступили более молодые кандидаты: аз-Захиру Тамурбуге и ал-Ашрафу Каитбаю было около пятидесяти пяти лет.

В период тяжелого политического кризиса, наступившего после почти тридцатилетнего правления ал-Ашрафа Каитбая, соперничество опять развернулось между молодыми эмирами: ал-Ашрафу Кансуху Хамсуми'а было около пятидесяти, ал-Ашрафу Джанбулату и ал-'Адилю Туманбаю – около сорока, аз-Захиру Кансуху не исполнилось и тридцати лет. Однако на этот раз победу одержал ал-Ашраф Кансух ал-Гури, которому было около шестидесяти, когда он занял трон. Таким образом, на этапе становления нединастийной системы престолонаследия и в периоды ее кризисов к власти приходили относительно молодые султаны, а наиболее стабильный этап в развитии этой системы совпал с правлением султанов старшего возраста.

Отмеченные тенденции в изменении возрастной категории, к которой относились султаны на различных этапах эволюции нединастийной системы престолонаследия, лишь отчасти были связаны с длительностью их предшествующей карьеры, а также с их физическим и психическим состоянием, с их способностью принимать решения и выполнять функции когнитивного контроля. Возраст вступления султанов на престол в большей степени был связан с борьбой фракций и сменой поколений в политической верхушке Султаната. Как упоминалось выше, после смерти аз-Захира Баркука к власти в течение нескольких десятилетий один за другим приходили его мамлюки: от сорокалетнего ал-Му'аййада Шайха до семидесятилетнего ал-Ашрафа Инала. *Захириты* были настолько сильны, что около полувека составляли ядро политической элиты и занимали самые влиятельные позиции в военно-административной системе. Следующее поколение эмиров тщетно пыталось сломить сопротивление этой «старой гвардии». Продолжительное правление «стареющих» султанов привело к углублению конфликта между

захиритами и новым поколением мамлюков и подготовило почву для острого политического кризиса.

В ряде случаев отдельные связанные со временем и возрастом факторы или их комбинация приобретали решающее значение в карьерах мамлюкских эмиров и даже политической жизни Султаната мамлюков в целом. Между тем, устойчивого соответствия между длительностью правления, возрастом, длительностью карьеры и длительностью пребывания на посту *атабека*, регента или, в конце XV – начале XVI в., *главного давадара*, *вазира* и *устадара* не прослеживается (*Диаграмма 4*). Ни один из этих факторов по отдельности, ни оба вместе, наряду с другими благоприятными обстоятельствами, не гарантировали политического успеха.

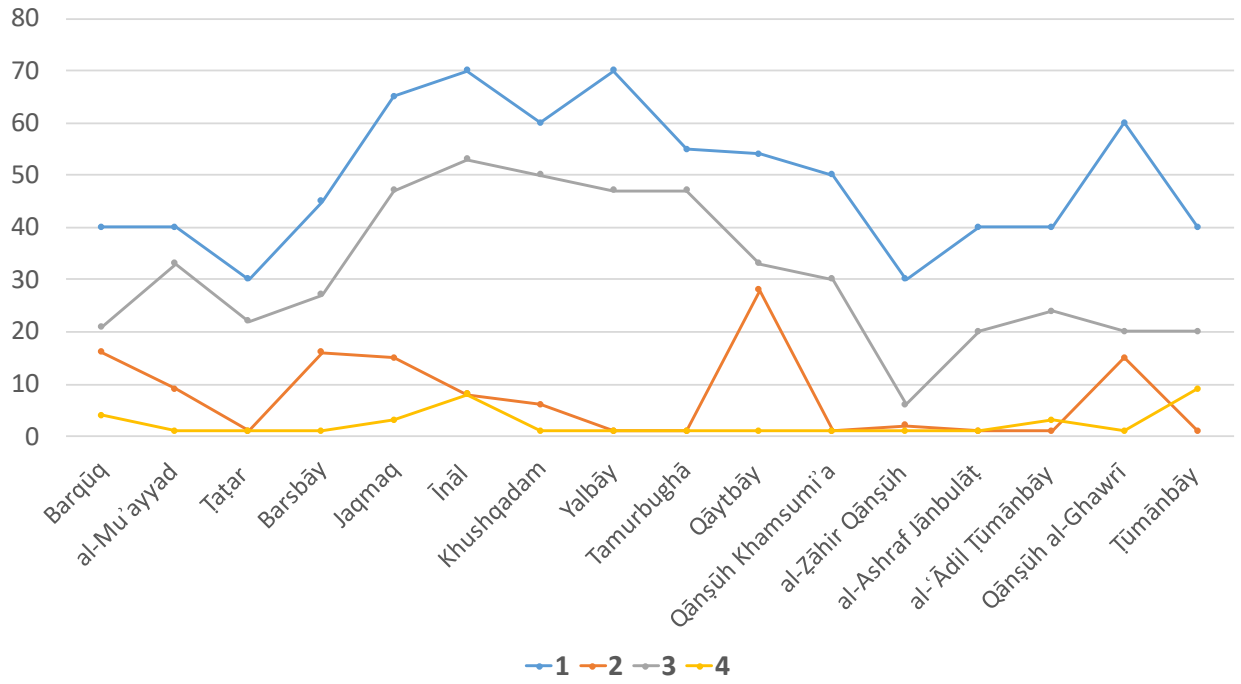

Диаграмма 4. Длительность карьеры, возраст вступления на престол и период правления султанов.
1 – возраст султана в год вступления на престол.
2 – длительность правления.
3 – длительность карьеры султана от получения статуса мамлюка до получения трона.
4 – длительность пребывания на посту *атабека*, регента или *главного давадара*, *вазира* и *устадара*.

Действительно, путь к трону был полон неожиданных препятствий и непредсказуемых поворотов, желание султанов передать власть наследнику сталкивалось со стремлением эмиров выдвинуть правителя из своей среды.

Тем не менее, несмотря на то, что случайность играла свою роль в политическом соперничестве и в политической жизни Султаната наблюдались периоды кризиса, мамлюки-Бурджиты сформировали вполне жизнеспособную систему престолонаследия, которая обеспечивала приход к власти наиболее сильных эмиров и их последующее относительно длительное и стабильное правление после непродолжительной (от нескольких дней до нескольких месяцев) борьбы фракций, в ходе которой создавались коалиции и союзы. Лишь в период становления новой, нединастийной системы престолонаследия и ее кризиса, наступившего после длительного правления Каитбая, политическая жизнь султаната характеризовалась затяжной нестабильностью и кровопролитными схватками между претендентами на престол. Несмотря на то, что на трон чаще всего претендовали сразу несколько эмиров, с устойчивой закономерностью султанами становились те из них, которые имели матримониальные связи с «домом» одного и предшествующих правителей, и занимали высшую ступень в мамлюкской военно-политической иерархии. Этот принцип отчасти нарушался опять же только в период становления нединастийной системы престолонаследия.

Коалиции, или союзы эмиров, которые обеспечивали переход власти к следующему султану и устойчивость его правления (по крайней мере, на начальном этапе), раз за разом создавались по одной и той же схеме. В противоборство вступали, с одной стороны, эмиры султана, только что завершившего свое правление, с другой – эмиры предшествующего султана. Первые рассчитывали сохранить привилегированное положение в военно-административной системе, вторые – восстановить утраченные позиции, выдвинув своего кандидата. Обе группы стремились привлечь на свою сторону другие фракции, руководствуясь тем, какая из фракций оказала в свое время поддержку их султану. С приходом к власти нового султана происходила постепенная замена верхушки военно-политической элиты и командного состава на местах.

Закрепление нединастийного принципа создавало предпосылки для качественных сдвигов в составе мамлюкской армии и постепенной трансформации военно-административной системы султаната.

§ 2. Военно-политическая и административная элита в условиях нединастийной системы престолонаследия.

Военно-административная система, во многом унаследованная мамлюками от Аййюбидов, при султанах-Бурджитах носила более подвижный характер, чем в предшествующий, бахритский, период. Центральное место в этой системе занимали мамлюкские офицеры, служившие при дворе султана – военно-политическая элита султаната.

Самое высокое, после султана, положение в мамлюкской корпорации и в бахритский период, и в бурджитский – до конца XV в. – занимал *атабек*. Если при Бахритах *атабек* нередко держал в своих руках бразды правления государством при номинально занимавшем трон юном или безвольном султане, то в бурджитский период *атабек*, как правило, не довольствовался ролью регента и смещал малолетнего наследника престола, либо стремился занять трон после смерти очередного султана. Именно так складывалась карьера первого бурджитского, или черкесского, султана Египта, Баркука. Он стал *атабеком* при ал-Мансуре ‘Али, который был посажен на трон в возрасте семи или восьми лет. Затем Баркук добился положения регента. В 1381 г. ал-Мансур ‘Али умер и султаном стал его брат, девятилетний ас-Салих Хаджжи. В следующем, 1382 г. Баркук отстранил от власти ас-Салиха Хаджжи и сам занял мамлюкский трон.[1] Как упоминалось выше, должность *атабека* была последней перед вступлением на престол в политической карьере еще девяти из шестнадцати бурджитских султанов, которые, как и Баркук, получили трон не по наследству, а по решению совета наиболее влиятельных эмиров.[2]

Атабек назначался командиром войска во время походов, особенно если эти походы носили важный и масштабный характер. Небольшие экспедиции,

---

[1] См. Гл. 2.

[2] См. *Приложение 3.*

например, против восставших бедуинов могли возглавлять и другие эмиры. *Атабек* выступал советником султана в подборе эмиров и состава отрядов [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 35-36; Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 214, 215]. Помимо главного *атабека,* были и *атабеки* в крупных городах – центрах провинций, таких как Дамаск, Алеппо, Триполи, Сафад [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 318, 320, т. 7, с. 424-425]. *Атабек* в Дамаске мог отвечать на жалобы и решать споры между судьями, т.е. отчасти выполнять функции султана на локальном уровне [Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 39].

Атабеку – отцу-командиру – нередко приходилось разрешать конфликты, возникавшие между мамлюками, эмирами и султаном [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 214]. Когда в 1486 г. *джулбан*, недовольные размером вознаграждения, которое они получили после очередного пограничного рейда, подняли смуту, Азбек выступил посредником между ними и султаном, хотя это были те самые молодые мамлюки султана, которые взбунтовались и фактически дезертировали из армии во время последнего похода на османов под командованием Азбека (после того как победа была одержана, они самовольно вернулись в Каир). С большим трудом ему удалось уговорить Каитбая пойти на уступки и урегулировать ситуацию. В дальнейшем Азбек неоднократно выступал посредником и ходатаем при различных случаях так или иначе связанных с положением отдельных мамлюков и эмиров [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 228-231, 238, 245, 251].

Атабеки при бурджитских султанах обычно исполняли дополнительные и весьма почетные обязанности. При аз-Захире Баркуке, в 1398 г. *атабек* Айтамуш ал-Баджаси был назначен *смотрителем Бимаристана (nāẓir al-bīmāristān)* – больничного комплекса, выстроенного по приказу султана Калауна в Каире. С тех пор каждый, кто становился *атабеком*, получал это почетное назначение [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т.12, с. 65, т. 16, с. 321]. Если по какой-либо причине султан не хотел или был не в состоянии возглавить процессию, которая отправлялась к Нилу, чтобы торжественно открыть плотину во время ежегодного разлива, эту миссию исполнял *атабек.*

Свидетельством высокого положения *атабека* в политической системе Султаната мамлюков была его роль в процессах по делам *мазалим*.[1] Согласно стандартной процедуре *атабек* имел право принимать жалобы, предназначенные для рассмотрения в этом суде [Fuess, 2009, p. 131].

В конце XV в. эмиры, занимавшие пост *атабека*, постепенно утрачивают свою лидирующую роль в мамлюкской политической иерархии. С вступлением на престол Каитбая в Султанате мамлюков начинается постепенное перераспределение собственности и реконструкция налоговой системы.[2] Растущее политическое влияние приобретают эмиры-администраторы, различного рода управляющие, в ведении которых находилось имущество и финансы султана. После гибели сына Каитбая, ан-Насира Мухаммада, только один из претендентов на престол, добившихся успеха, занимал пост *атабека*.[3] Четверо остальных перед вступлением на трон совмещали должности *главного хранителя чернильницы*, *вазира* и *устадара* [Илюшина, Реконфигурация…, 2021].

Должность *давадара* – «хранителя чернильницы» – в административной системе средневековых мусульманских государств появилась при Сельджуках. *Давадар* был управляющим делами султанского двора, ведал султанской перепиской, передавал султану корреспонденцию и документы на подпись. Обычно эту должность занимали «люди пера», а вот Байбарс, один из первых правителей Султаната мамлюков, назначил *давадаром эмира десятка*. И в дальнейшем, при султанах-Бахритах *давадарами* становились эмиры невысокого ранга. При Бурджитах была введена должность *главного давадара*, ему подчинялись младшие *давадары* – служащие его ведомства.

---

[1] О суде *мазалим* и его роли в системе политических институтов Султаната мамлюков речь пойдет далее в этой главе.

[2] См. Гл. 4.

[3] Довольно ярко иллюстрирует изменения в положении *атабека* в Султанате мамлюков следующий пример. Если в предшествующий период каждый новый султан после вступления на престол в первую очередь отдавал приказание о том, кто из эмиров будет назначен *атабеком*, то Кансух ал-Гури только через месяц, после того как стал султаном принял решение о назначении *атабека*: все это время пост оставался не занятым [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 8].

Обычно, это были мамлюки султана, не имевшие еще звания эмира [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 309].

Своих *давадаров*-управляющих имели *наместники* крупных городов и многие эмиры. В Дамаске, как и в Каире, *главный давадар* имел собственное ведомство, в котором служил *второй давадар* и многочисленные *младшие давадары* [ал-Буçравӣ, 1988, с. 215]. *Давадар* эмира составлял необходимые документы и письма и мог получить поручение доставить послание эмира султану [Ибн Ṭауḳ, 2000-2007, т. 3, с. 1226; Ибн ал-Ḫимçӣ, 2000, с. 155]. *Давадаром* эмира мог быть немамлюк. Так, у *наместника* Сирии Кансуха ал-Йахави служил *давадаром* получивший образование выходец из семьи феллахов [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 22, 405, 437, т. 7, с. 77, 182, 342].

К середине XV в. ведомство *главного давадара* было расширено, а его роль в государстве стала более весомой: он вошел в верхушку политической иерархии, соревнуясь поначалу за пятую ступень в мамлюкской «табели о рангах» с *командиром вахты* [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 327; Igarashi, 2009, p. 34, 36]. Заметной становится позиция второго *давадара* султана, появляется должность третьего *давадара*. Повышение статуса *главного давадара* и особое значение, которое стало занимать его ведомство в укреплении центральной власти, повлекло за собой расширение штата, подчиненных ему офицеров. В последней трети XV в. в Сирию стали направлять специального представителя этого ведомства – *давадара* султана в Дамаске. Эмир, занимавший эту должность, входил в число самых высокопоставленных лиц главного города Сирии и мог получить почетную должность *командира хаджжа* [ал-Буçравӣ, 1988, с. 200, 214, 218]. В небольших городах или провинциальных центрах в конце XV в. *давадар*, фактически, возглавлял местную мамлюкскую администрацию [ал-ʿУлаймӣ, 1968, т. 2, с. 355-356].

Функции *главного давадара* не были четко определены и изменялись в зависимости от обстоятельств и воли султана. *Главного давадара* и *второго давадара,* наряду с другими эмирами высшего звена, назначали командовать военными экспедициями и походами и доверяли ему формирование отрядов

[Духмāн, 1986, с. 237; Ибн Таġрī Бирдī, 1984–2009, т. 12, с. 264; ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 392]. *Давадар* регулярно отправлялся в Верхний Египет, а иногда и в другие районы, для сбора налогов [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 287; Ayalon, 1954, p. 62-63; Idem, Dawādār, 1991, p. 172]. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что во второй половине XV в. на *главного давадара* возлагается ответственность за охрану и защиту (в первую очередь, от нападений бедуинов) монастыря Св. Екатерины, который предоставлял кров не только христианским, но и мусульманским паломникам, следовавшим через Синай [Джирджис, 2019; Richards, 2011, p, 16, 77-83, 85-89, 92-103, 105-112].[1]

Эмиры, занимавшие должности *главного* и *второго давадара* назначались управляющими крупных *вакфов* и могли иметь звание *эмира сотни* и *командира тысячи* [Ибн Таġрī Бирдī, 1992, т. 12, с. 269, т. 16, с. 341, 344]. При Бурджитах это звание получил упоминавшийся выше *главный давадар* Баркука Йунис. Он стал ближайшим соратником султана и одним из самых влиятельных эмиров при дворе [Ибн Таġрī Бирдī, 1984–2009, т. 12, с. 263-264]. Преемник Йуниса, эмир Куркумас совмещал должность *давадара* и *устадара* султана. Это было первое объединение двух «офисов», которые в поздний период правления Бурджитов приобретут решающее значение в управлении финансами, но Куркумас занимал эти должности всего не более трех месяцев, до своей смерти в апреле 1390 г. [Ибн Ḫаджар, 1969-1998, т. 1, с. 395].

Должность *давадара* нередко получали эмиры, связанные матримониальными узами с семьей одного из султанов, что, как было отмечено выше, в мамлюкской среде играло немаловажную роль. Ан-Насир Фарадж назначил *главным давадаром* мужа своей сестры, Судуна ал-Хамзави [Ибн Таġрī Бирдī, 1984–2009, т. 6, с. 125]. Главным и вторым *давадарами* были оба зятя ал-Ашрафа Инала. При Хушкадаме *главным давадаром* стал

[1] О положении паломников в монастыре Св. Екатерины см., например, [Хождение иеромонаха…, 1896; Хожение Варсонофия…, 1984].

Йашбек ал-Факих, который в свое время был женат на дочери султана ал-Му'аййада [ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 170; ас-Саḫāвī, 1992, т. 12, с. 3], а *вторым давадаром* с присвоением звания *эмира сотни* и *командира тысячи* - эмир Джанибек аз-Зариф – он был женат на дочери Джакмака [Ибн Таġрī Бирдī, 1992, т. 16, с. 307-308; ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 170; ас-Саḫāвī, 1992, т. 3, с. 53, т. 12, с. 3, 90-91]. После смерти Джанибека аз-Зарифа пост *второго давадара* получил эмир Хайрбек аз-Захири, женатый на внучатой племяннице жены Джакмака [ас-Саḫāвī, 1992, т. 9, с. 208-209]. При султане Тамурбуге *вторым давадаром* также был назначен член семьи – эмир Касбай, брат жены Тамурбуги.[1]

При Каитбае была продолжена практика назначения на должность *давадара* тех, кто связан с семьей султана матримониальными узами. Должность *второго давадара* получил эмир Танибек Кара, женатый на внучке султана Инала.[2] *Главный давадар* Каитбая Йашбек мин Махди, в 1469 г. тоже женился на внучке султана Инала, дочери султана ал-Му'аййада Ахмада Фатиме (ум. в 883/1478-1479 г.) [ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 393; Reinfandt, 2001, s. 276]. Назначенный *главным давадаром* после смерти Йашбека Акбирди женился на сестре жены Каитбая [ал-Малаṭī, 2011, т. 2, с. 572-573; ас-Саḫāвī, 1995, т. 3, с. 930]. Наличие матримониальных связей между эмиром, занимавшим пост *давадара,* и «домом» султана все чаще прослеживается в середине – второй половине XV в., когда *главный хранитель чернильницы* начинает активно включаться в политическую борьбу и соперничать с другими эмирами высшего звена в схватке за трон [Илюшина, Реконфигурация…, 2021].

---

[1] См. *Таблицу 1* выше.

[2] Поскольку и сам Каитбай был женат на родственнице жены Инала, матримониальные узы связывали Танибека Кару и с Каитбаем [Ибн ал-Ḫимṣī, 2000, с. 147; ал-Малаṭī, 2002, т. 6, с. 314–315]. Танибек входил в число избранных доверенных лиц султана и сопровождал его во время тайной инспекции сирийских крепостей в 882/1477-1478 г. [Ибн ал-Джиʻāн, 1984, с. 47]. В год смерти Каитбая Танибек был назначен *командиром хаджжа*. Вступление на престол ан-Насира Мухаммада застало Танибека в Мекке, где он бы арестован, а затем, по ходатайству эмиров, отпущен [ал-Буṣравī, 1988, с. 193]. В дальнейшем Танибек Кара продолжил продвижение по карьерной лестнице, дослужился до *эмира сотни* и *главного командира вахты* [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 421].

Укрепление позиций *главного давадара* при дворе становится заметным уже при султане Джакмаке. Его *второй давадар* Тамурбуга и *главный давадар* Инал впоследствии стали султанами. Инал, как упоминалось выше, с должности *главного давадара* был сразу переведен на пост *атабека*, обойдя, таким образом, трех эмиров, которые в соответствии с мамлюкской военной иерархией имели больше прав на то, чтобы занять это место [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 15, с. 125].

Тамурбуга, *второй давадар*, тоже пользовался большим влиянием при Джакмаке. Когда трон перешел по наследству сыну Джакмака ‘Усману, Тамурбуга стал при нем регентом и занял должность *главного давадара* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 338]. Этот случай особенно показателен в отношении перемен, которые наметились в середине XV в. в мамлюкской политической иерархии, поскольку ранее в большинстве случаев регентом становился самый старший из эмиров – *атабек*.

Ал-Ашраф Инал в первый год своего вступления на престол пожаловал *главному давадару* звание и *икта‘* командира тысячи. Позднее он отправил *давадара* во главе мамлюкской флотилии на Кипр, а после этого наградил шелковым платьем и накидкой, расшитой золотом. Такую награду обычно получал только *атабек* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 130, 138]. Состоявшаяся церемония награждения демонстрировала таким образом, изменение статуса *давадара* при дворе султана.

Постепенное повышение статуса *давадара* позволяет эмирам, занимавшим эту должность, все более решительно и энергично вступать в борьбу за политическую власть [Ayalon, Dawādār, 1991, p. 172]. Весьма показательна в этом отношении карьера Джанибека аз-Захири (ум. в 1463 г.), одного из наиболее ярких представителей мамлюкской административной элиты середины XV в. Важным этапом в продвижении по службе была его деятельность в Джидде, где он с 1445 г. занимался сбором налогов и пошлин. В 1449 г., на основании доноса, он был снят с этой должности и оштрафован более чем на тридцать тысяч динаров, но уже в следующем году снова

назначен *инспектором* в Джидде, после того как занимавший это место эмир бежал с казенными деньгами. Джанибек смог вернуть большую часть похищенного и с тех пор стал пользоваться особенным доверием султана и именовался уже не *инспектором*, а *наместником* Джидды. Когда на престол вступил сын Джакмака, ал-Мансур ‘Усман, Джанибек был назначен *главным устадаром* [ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 4, с. 84]. Затем Джанибек примкнул к сторонникам Инала, и после свержения ал-Мансура ‘Усмана сохранил свою новую должность и еще более упрочил свои позиции при дворе. Однако, для него, эмира из фракции Джакмака, оставаться в Каире, да еще и нести ответственность за обеспечение собственных мамлюков нового султана было слишком рискованно. Расчетливый Джанибек подал прошение о переводе его в Джидду, *инспектором* порта. Прошение было незамедлительно удовлетворено. Эта служба была уже хорошо известна Джанибеку, сулила и почет, и хороший доход. Несмотря на то, что, казалось бы, это был шаг назад в карьере, дальнейшие события показали, что Джанибек принял верное и дальновидное решение. Ал-Ашраф Инал присвоил ему звание *эмира сорока* и соответствующим образом увеличил размер его *икта‘*. Расчеты Джанибека полностью оправдались. Несмотря на скромную должность *инспектора,* его положение и полномочия в Хиджазе на практике соответствовали положению *наместника* султана. Джанибек существенно приумножил свое состояние, смог приобрести земли в Египте и Сирии и предусмотрительно перевел их в *вакф*. На собственные средства он отреставрировал мечеть в Джидде, в Мекке соорудил общественный фонтан, выстроил док для купеческих кораблей на Ниле. В Каире Джанибек возвел мавзолей, к которому примыкал большой религиозный комплекс, включающий *медресе*, *ханаку* и начальную школу (*kuttāb*). Комплекс был обеспечен щедрыми вакуфными пожертвованиями, ежемесячные поступления от которых составляли более тридцати тысяч дирхамов. Все это приумножило авторитет Джанибека и еще больше укрепило его репутацию благочестивого мусульманина, которая особенно была важна для представителя султана в Хиджазе, в Мекке [Ибн Таґрӣ Бирдӣ,

1984–2009, т. 4, с. 243-248; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 57-59; Mortel, 1996, p. 438, 440, 443-450]. К началу правления сына Инала, ал-Му’аййада Ахмада Джанибек стал признанным лидером *захиритов* (мамлюков аз-Захира Джакмака) и принял активное участие в событиях, связанных с возведением на престол султана Хушкадама, кандидатуру которого он, собственно, и предложил, более того, сумел отстоять, несмотря на возражения представителей других фракций. На четвертый день своего правления Хушкадам назначил Джанибека *главным давадаром* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 225].

Джанибек, уже в должности *давадара* принимал деятельное участие в изыскании средств, необходимых для раздачи денежного вознаграждения эмирам и мамлюкам по случаю вступления Хушкадама на престол. На посту *главного давадара* Джанибек умело использовал связи и опыт, приобретенные им за время службы в Джидде [Mortel, 1996, p. 438]. Фактически, в его руках была вся дипломатическая переписка. Он получал послания от правителей Индии, Йемена, Хиджаза. Вместе с письмами гонцы доставляли Джанибеку богатые подарки, которыми он щедро делился со своими *хушдашами* – мамлюками Джакмака, укрепляя таким образом и фракцию *захиритов,* и свое лидирующее в ней положение. Джанибек использовал все свое влияние при дворе, чтобы упрочить позиции *захиритов*, в том числе и в материальном плане. Так, он передавал своим «однополчанам» недвижимость в Каире, ранее находившуюся во владении других египетских эмиров [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 230, 289]. Джанибек обладал неоспоримым авторитетом, что, вероятно, и подтолкнуло Хушкадама к решению убить этого потенциального соперника. Так, *главный давадар*, как и *атабек* становится ближайшим помощником и, одновременно, потенциальным конкурентом султана, что делает его позицию при дворе не только весьма влиятельной, но и очень опасной [Илюшина, Реконфигурация…, 2021].

В период политической нестабильности, охватившей Султанат после смерти Хушкадама, на первый план снова выступили *давадары* – фракцию

му'аййадитов, выступивших на защиту султана Йалбая, возглавил *главный давадар* Йашбек мин Салман-Шах ал-Факих, а во главе бывших мамлюков Хушкадама встал *второй давадар* Хайрбек аз-Захири [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 329- 331].[1] При пожилом и безвольном Йалбае Хайрбек полностью взял управление султанатом в свои руки.[2]

В конце краткого периода правления Тамурбуги тоже сложилась ситуация, в которой *главный* и *второй давадар* были наиболее активными политическими соперниками: Хайрбек был переведен на должность *главного давадара*, сумел оттеснить *второго давадара,* Касбая, который был зятем Тамурбуги, затем он сместил самого Тамурбугу и даже на одну ночь занял трон [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 209]. Изменение положения *давадара* в мамлюкской политической иерархии становилось все более очевидным [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 346]. О том, какие материальные блага могла принести эта должность, свидетельствует размер конфискованного впоследствии у Хайрбека имущества – около шестидесяти тысяч динаров, не считая оружия, верховых животных и мамлюков [ал-Малаṭӣ, т. 6, с. 310, 312].

В первые месяцы правления Каитбая, в сложный переходный период укрепления власти нового султана, его «правой рукой», ближайшим доверенным помощником стал именно *давадар* – эмир Йашбек. В октябре 1468 г. султан пожаловал Йашбеку почетную мантию такой цены и достоинства, какой обычно награждали только *атабека.* Тогда же Йашбек был назначен в дополнение к должности *главного давадара вазиром* и *главным управляющим египетских провинций.* Через несколько месяцев, в 1469 г. Йашбек получил еще одну должность – *устадара.* При этом Йашбек занимал еще и позицию *эмира оружия* [Ayalon, Dawādār, 1991, p. 172]. Так было вполне наглядно продемонстрировано новое, равное по значимости положению

[1] Хайрбек начал службу в качестве мамлюка одного из эмиров, затем, еще до своего вступления на престол, его купил Хушкадам. Через некоторое время Хайрбек стал личным *казначеем* Хушкадама, а после того, как Хушкадам стал султаном, Хайрбека перевели в ведомство султанской казны. Затем Хайрбек получил звание *эмира десятка*, женился на внучатой племяннице жены Джакмака и после этого был переведен на должность *второго давадара* [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 9, с. 208-209].
[2] См. Гл. 4.

атабеку, положение *главного давадара* в мамлюкской политической иерархии. Кроме того, Йашбек сосредоточил в своих руках управление сразу тремя ключевыми финансовыми ведомствами, одно из которых занималось обеспечением султанских мамлюков, другое – землями, доходы от которых предназначались на это обеспечение, а третье – сбором налогов. Ведомство *давадара* также занималось учетом собственности умерших и погибших эмиров. Обычно это поручалось *второму давадару* [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 1025]. Еще при аз-Захире Хушкадаме *главному давадару* был поручен надзор за состоянием церквей и монастырей, а также проведением строительных работ по их ремонту или восстановлению (в случае необходимости), а затем *главный давадар* стал осуществлять контроль над ведомством *ал-ахбас*, т.е. управлять *имуществом, завещанным на благотворительные цели* [Джирджис, 2019]. Как свидетельствуют архивные документы, в случае если бедуины каким-либо образом нарушали права и привилегии, которыми пользовался монастырь Св. Екатерины на Синае, они должны были уплачивать определенный штраф в казну *главного давадара*. Кроме того, *главный давадар* контролировал исполнение указов о назначении или отмене дополнительных налогов, взимавшихся с монахов, а также договоров об арендной плате на собственность монастыря [Richards, 2011, p. 91-103, 121-126, 128-130]. Таким образом *главный давадар,* в отличие от *атабека,* получил возможность распоряжаться, или, по крайне мере, самым активным образом влиять на распределение основных доходов и расходов и личной казны султана, и казны государственной [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 327; Igarashi, 2009, p. 34, 36].

Йашбек был не только одним из самых влиятельных, но и одним из самых богатых эмиров Египта. Семимесячный поход против бедуинов Верхнего Египта принес ему и славу восстановителя порядка, и огромные богатства. В число его ближайших сторонников входил главный судья Каира, а также назначенный в 1470 г. по его протекции *назир ал-хасс* [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 428]. Таким образом, *давадар* Йашбек не только, подобно упомянутому выше Джанибеку, активно выступал на дипломатическом

поприще и имел возможность влиять на управление личной собственностью султана, но и смог обеспечить себе юридическую поддержку, а также авторитет в кругах египетских *улемов*.

Сменивший Йашбека на посту *давадара* Акбирди во многом следовал примеру своего предшественника. В 1483 г. он совершил рейд в Верхний Египет и, как и Йашбек, вернулся оттуда, значительно пополнив свою казну [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 356]. Акбирди регулярно выезжал в провинции, где его встречали с большим и почестями, а наместники городов и областей стремились перещеголять друг друга в богатстве преподнесенных ему подарков [ал-ʿУлаймī, 1968, т. 2, с. 365-366]. При сыне Каитбая, ан-Насире Мухаммаде, Акбирди занял почти такое же положение в администрации султана, как и, в свое время, Йашбек – он был назначен *главным давадаром, главным устадаром, вазиром, эмиром совета* и *главным управляющим египетских провинций* [ал-Буçравī, 1988, с. 210; Ибн аш-Шиḫна, f. 12 r – 13 r]

После смерти Каитбая практика совмещения должностей *давадара, устадара* и *вазира* становится устойчивой [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 18], а эмир, назначенный эти должности, занимает в мамлюкской военно-политической иерархии самую высокую ступень, последнюю перед вступлением на трон. На завершающем этапе истории мамлюков именно *главный давадар*, фактически, становится старшим эмиром, оттесняя с этой позиции *атабека*.

Опыт объединения полномочий *давадара, устадара* и *вазира* в руках одного, наиболее авторитетного и влиятельного эмира, предпринятый Каитбаем, показал, что это действенный способ пополнить доходы казны и сократить ее расходы. А эта задача стала самой важной для главы Султаната мамлюков в условиях растущей военной угрозы и финансового кризиса. Поскольку значительная часть войска получала жалование, а фонд *икта‘* существенно сократился, именно тот, кто контролировал сбор налогов и распределение денежных выплат, становился ключевой фигурой в государстве.

На протяжении всей истории Султаната административная система, унаследованная мамлюками от Аййюбидов, динамично развивалась, но наиболее существенные изменения произошли в ней в бурджитский период, когда после переворота, осуществленного Баркуком, начали приобретать устойчивый характер основные черты именно мамлюкской политической культуры и политической организации.

В 1395 г. султан Баркук издал указ об учреждении «*Отдельного дивана*» (*dīwān al-mufrad*), в ведении которого находилась выплата ежемесячного содержания султанским мамлюкам, дотаций на их обмундирование и провизию, а также фураж.[1] Все эти выплаты должны были производиться из доходов от земель *икта'*, которые Баркук получил еще до вступления на трон [Баḫр, 1999, с. 91; Igarashi, 2009, p. 28]. Обязанности директора «Отдельного *дивана*» были возложены на *устадара* [ал-Баṭāвī, 2007, с. 17; Ибн Таġрī Бирдī, 1990, с. 73; Gottschalk, 1991, p. 330]. Его ближайшим помощником в этом ведомстве был *управляющий (nāẓr dīwān al-mufrad)*, он назначался непосредственно султаном обычно из числа *улемов* и должен был контролировать сбор податей, счета, поступающие из отделений в провинциях, отчеты о выплатах, состояние ирригационных сооружений [Ибн Таġрī Бирдī, 1992, т. 16, с. 122]. *Устадар* получил право самостоятельно назначать и смещать управляющих на местах (*вали* и *кашифов*)

Создание *Отдельного дивана* отражало стремление Баркука закрепить особое положение султанских мамлюков в военно-политической системе и сформировать специальный, отдельный от казны, фонд *икта'* для нужд своего «дома». В условиях политической нестабильности, после разрушения устоявшейся при Калаунидах системы престолонаследия, султан рассматривал собственных мамлюков как самый надежный и едва ли не самый

[1] В период правления первого бурджитского султана аз-Захира Баркука происходило реформирование и других ведомств. Так, например, *диван ал-хасс,* ведомство, занимавшееся управлением земель, которые находились в собственности государства, был расширен и стал контролировать деятельность александрийской таможни, а в 1388 г. к этому ведомству был присоединен *диван складов* (*dīwān al-khazānah*). Позднее, после того как Барсбаем была установлена монополия на торговлю рядом товаров, в ведение *дивана ал-хасс* были переданы доходы от торговли пряностями [Ибн Таġрī Бирдī, 1992, т. 16, с. 230].

важный инструмент защиты своей власти. Со временем в управление *Отдельного дивана* передавались все новые и новые земли, в том числе и за счет сокращения государственной собственности [Igarashi, 2009, p. 29; Idem, 2017, p. 115-117; Mortel, 1996, p. 446].

В 1395 г. Баркук учредил *диван ал-амлак (dīwān al-amlāk)* – ведомство, которое должно было заниматься землями, находившимися в его личном владении. Все изменения были направлены на увеличение личных доходов султана – как от земель, находящихся в его собственности, так и от *вакфов,* а также от аренды земель. Позднее источником доходов султана становится еще и торговля специями [Семенова, 1966, с. 113; Igarashi, 2009, p. 28; Idem, 2010, p. 88].

В 1397 г. в управление *устадара* были переданы *диваны ал-аукаф, ал-амлак и ал-захира*, занимавшиеся соответственно *вакфами,* недвижимым и движимым имуществом султана. Реформы Баркука оказали существенное влияние на положение и функции *устадара*, который стал, фактически, личным финансистом султана. Эту должность получали эмиры самого высокого ранга [Levanoni, 2000].

В период правления Фараджа на должность *устадара* начинают назначать «людей пера». Они, при этом получают звание эмира. Такая ситуация сохранялась до середины XV в., о чем свидетельствуют как документы, так и нарративные источники [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 73; Bauden, 2008]. Наиболее заметной фигурой среди гражданских лиц, назначенных на должность *устадара* в начальный период правления Бурджитов, был Саʻад ад-Дин Ибн Гураб (ум. в 1406 г.). Должность *устадара* Ибн Гураб совмещал с управлением *диваном ал-хасс* и *диваном ал-джайш* [ал-Баṭāвӣ, 2007, с. 23].

Карьера Ибн Гураба представляет собой довольно яркий пример внедрения «людей пера» в политическую элиту Султаната мамлюков. Ибрахим б. ʻАбд ар-Раззак Саʻад ад-Дин Ибн Гураб родился в семье александрийских коптов, которые традиционно были заняты в чиновничьей

системе мамлюкского Египта. Первым в этой семье перешел в ислам дед Са‘ад ад-Дина, Гураб, но его обвинили в пособничестве крестоносцам и казнили в 1306 г. Отец Са‘ад ад-Дина, ‘Абд ар-Раззак, сделал успешную карьеру в мамлюкской администрации Александрии отдал своего сына на обучение к *устадару* султана, Джамал ад-Дину Махмуду. Под руководством Джамал ад-Дина Са‘ад ад-Дин Ибн Гураб освоил все тонкости чиновничьего дела, выучил «язык тюрков» и был назначен управляющим финансами своего покровителя. Способный юноша быстро заметил, что Джамал ад-Дин не совсем честно ведет денежные дела.[1] Ибн Гураб не мешкая приступил к тщательному расследованию за спиной у своего благодетеля. Раздобыв достаточно доказательств, он с помощью *главы полицейского ведомства* сумел добиться аудиенции самого султана и выдал все махинации *устадара*. Джамал ад-Дина Махмуда арестовали, его имущество было конфисковано, сам он умер в тюрьме [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 92-100].

Ибн Гураб заслужил особое расположение Баркука. Он сразу же получил должность управляющего имуществом султанских мамлюков и поселился рядом с эмиром Ибн Таблави, тем самым *главой полицейского ведомства*, к которому он явился с доносом на Джамал ад-Дина Махмуда. ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави был выходцем из семьи провинциальных

[1] Управление значительными финансовыми средствами открывало простор для серьезных злоупотреблений. Джамал ад-Дин Махмуд был далеко не единственным мамлюкским управляющим, который присваивал себе то, что должно было принадлежать государственной казне или султану. Так, например, Зайн ад-Дин Йахйа (ум. в 1469 г.), которого одиннадцать раз снимали с должности *устадара* за то, что в его ведомстве не находилось ни одного дирхама, чтобы осуществить положенные выплаты султанским мамлюкам, прославился строительством великолепных мечетей, *рибатов* и фонтанов, причем до того, как он стал *устадаром,* у него не было средств не только на строительство фонтанов, но и на то, чтобы жить хотя бы в небольшом достатке. У современников Зайн ад-Дина не было никаких сомнений в том, что он присваивал себе и *икта‘,* и средства подконтрольных ему фондов [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 404]. Злоупотребления чиновников распространялись и на имущество, принадлежащее их менее влиятельным соотечественникам. Пример этому – эпизод из карьеры Зайн ад-Дина Йахйи, закончившийся восстановлением справедливости, по-видимому, столь редким, да к тому же связанным, как сочли многие, со сверхъестественными силами, что попал он во все хроники соответствующего периода. В 1450 г. некий человек, раб или вольноотпущенник по имени Са‘дан, известный своим благочестием, публично обвинил *устадара* Зайн ад-Дина в том, что тот незаконно присвоил себе наследство хозяина Са‘дана. Зайн ад-Дин приказал арестовать этого человека, но эмиры, которые отправились исполнять приказ, не смогли этого сделать по не совсем ясной причине – то ли не решились, то ли были поражены внезапным и необъяснимым оцепенением. Зайн ад-Дин испугался и вернул наследство, а Са‘дан после этого так прославился своей набожностью и особой благодатью, которая, как утверждали, помогла ему победить всесильного бюрократа, что к нему стекались толпы египтян в поисках благословения и защиты [Marmon, 2007, p. 452-454; Richardson, 2012, p. 40].

торговцев и начал службу мамлюкской администрации в качестве финансового инспектора в главном госпитале Каира, столицы султаната. Эта была должность чиновника среднего звена, занять которую при наличии недюжинных способностей вполне мог человек, не принадлежавший к местной элите. Возможно, ‘Ала ад-Дин Ибн ат-Таблави остановился бы на этой ступени своей карьеры, но на рубеже 80-х – 90-х гг. XIV в. у него появился шанс подняться по служебной лестнице гораздо выше. В 1389 г. Султанат мамлюков охватила большая смута, аз-Захир Баркук был смещен, арестован и отправлен в тюрьму. Только через несколько месяцев Баркуку удалось вернуть себе власть. Когда он снова упрочил свое положение, начались крупномасштабные перестановки в командном составе армии и в корпусе чиновников: султан постепенно избавлялся от всех, кто был замешан в смуте. Для тех же, кто сумел убедить Баркука в своей лояльности, открывались новые возможности карьерного роста. Среди них были и Ибн Гураб, и ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави, который был назначен на должность *главы полицейского ведомства* Каира [Ибн Ҳаджар, 1992, с. 104].

‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави осуществлял аресты и казни участвовавших в мятеже эмиров. Имея опыт управления финансами, он умело использовал полученную власть и новые полномочия. Благодаря его эффективным и решительным действиям, казна султана регулярно пополнялась за счет конфискованного имущества, штрафов и т.п. Так, например, в 1396 г. Ибн ат-Таблави затребовал у арестованного по приказу Баркука наместника Сирии пятьсот тысяч дирхамов [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 23, 56; Petry, 1981, p. 215-216]. Через некоторое время ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави получил звание *эмира сорока,* в 1393-1394 г. был назначен *мухтасибом* Каира, а затем – управляющим дворцовыми службами [Ибн Ҳаджар, 1992, с. 105]. Но это было только начало. Ибн ат-Таблави был доверен контроль над всеми торговыми сделками султана, а затем – над деятельностью монетного двора. В качестве знака особого расположения Баркук отдал в его ведение изготовление покрывала для Каабы и назначил его

на пост управляющего главным госпиталем Каира, того самого, где ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави начинал свою карьеру в качестве инспектора. Госпиталь был самым крупным общественным учреждением Каира и имел огромный бюджет. Обычно управляющим здесь был самый старший по званию эмир в султанате – *атабек.* Назначение управляющим Ибн ат-Таблави, хоть и имевшего звание эмира, но не мамлюка, представителя гражданского сословия, было редким исключением из этого правила и свидетельствовало о том, что он был допущен не только в административную, но и в высшую политическую элиту страны [Petry, 1981, p. 215-216].

Конец этой блестящей карьере и был положен Ибрахимом Ибн Гурабом, который, будучи профессиональным и весьма ловким финансистом, без труда собрал компрометирующий материал на своего нового соседа и передал все сведения лично Баркуку. В апреле 1398 г. стараниями Ибн Гураба Ибн ат-Таблави был схвачен. Судя по всему, Баркук довольно легко дал согласие на этот арест, который сразу обогатил его казну конфискованным у бывшего фаворита имуществом на сумму около 160 тысяч золотых динаров и 600 тысяч серебряных дирхамов. Ибн ат-Таблави был подвергнут жестоким пыткам, пытался покончить жизнь самоубийством и, в конце концов, выдал еще три тайника, где хранилось соответственно 30, 90 и 20 тысяч динаров [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 64-66; ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 92-100].[1]

[1] В 1399 г., за несколько дней до смерти Баркука Ибн ат-Таблави выпустили из тюрьмы и отправили в ссылку в Карак. После смерти Баркука Ибн ат-Таблави дали разрешение вернуться в Каир, но он предпочел уединиться в Дамаске: оставил облачение эмира, и проводил дни и ночи в мечети Омеййадов за чтением Корана, одевшись в рубище дервиша [Ибн Ḳāḍӣ Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 18-19, 28; ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 440-441, 457-459]. Впрочем, дальнейшие события позволяют предположить, что Ибн ат-Таблави руководили не столько благочестивые побуждения и стремление отречься от мирских благ, сколько спокойный расчет опытного «царедворца». В Каире оставался его соперник и враг Ибн Гураб: укрыться в Сирии для Ибн ат-Таблави было, по крайней мере, безопаснее. Так или иначе, очень скоро он принял предложение *наместника* султана в Дамаске, сбросил с себя лохмотья бедняка, отложил в сторону Коран и снова занялся службой в администрации. Но политическая обстановка в Султанате мамлюков продолжала оставаться крайне нестабильной. *Наместник* султана, предложивший Ибн ат-Таблави вернуться на службу, был вскоре смещен с должности и арестован. В Дамаск с инспекцией прибыл Ибн Гураб. Так Ибн ат-Таблави снова столкнулся со своим могущественным соперником, был арестован, окончательно утратил отчасти восстановленное имущество и административные позиции [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 143, 149-159, 168]. В 1400 г. ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави был убит [Ибн Ḳāḍӣ Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 65-66, 97; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, т. 12, с. 171; Ибн Ḫаджар, 1992, с. 105].

Когда тремя годами ранее Ибн ат-Таблави по доносу Ибн Гураба производил арест Джамал-ад-Дина Махмуда, тот сказал: «Ты был свидетелем моего могущества, но и твое тоже будет недолговечным» [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 4, с. 8]. Мрачное пророчество арестованного полностью сбылось. В атмосфере напряженного соперничества, окружавшую приближенных мамлюкского султана, ни высокие звания, ни личные заслуги, ни храбрость, ни хитрость, ни деньги, ни родство не могли гарантировать ни безопасности, ни стабильной карьеры.

Положение Ибн Гураба тоже было непрочным. По свидетельству ал-Макризи, Баркук, получив огромные суммы в результате ареста Джамала ад-Дина Махмуда и Ибн Таблави, начал пристально наблюдать за Ибн Гурабом и, по-видимому, был готов подвергнуть счета своего нового фаворита самой тщательной проверке. Но этим планам не суждено было осуществиться. Баркук умер. Некоторые говорили, что Ибн Гураб, почувствовав опасность, отравил султана (заставив одного из виночерпиев подсыпать яд в чашу Баркука), хотя, скорее всего, эти подозрения были беспочвенны [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 92-100].

При Фараджe Ибн Гураб приобрел еще больший вес и влияние, получил должность управляющего *армейским ведомством* и добился назначения своего родного брата на пост *вазира*. В 1401 г. Ибн Гураб занял должность *устадара*, которую ранее доверяли только «людям меча» и прибавил к своему почетному титулу *кади* титул эмира. Теперь официальные выходы Ибн Гураба, как и всех эмиров высшего звена, сопровождалось барабанным боем [ал-Баṭāвӣ, 2007, с. 25; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 253; ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 92-100].

В обстановке лихорадочной борьбы за власть между эмирами даже самому искушенному политику было нелегко сохранить завоеванные позиции. Как и многие из числа приближенных султана, Ибн Гураб потерял в одночасье все: он был арестован вместе со своим братом, лишился должностей и имущества [Ибн Ҳиджжӣ, 2003, с. 579-580]. Причина была весьма серьезной.

Летом 1401 г. Ибн Гураб сделал неудачную попытку присвоить крупные суммы денег. Он представил бедуинам ал-Бухайры поддельное письмо от султана с требованием денежной помощи. Еще одно подобное письмо он отправил александрийским купцам. Подлог был быстро раскрыт *наместником* Александрии [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 217-219]. Тем не менее, ловко используя соперничество между приближенными султана, Ибн Гураб быстро вернул утраченный было авторитет и высокие позиции в мамлюкской администрации [Ибн Ҳиджжӣ, 2003, с. 605]. В 1405 г. он принял деятельное участие в финансировании и подготовке очередного мятежа против Фараджа. После того как мятеж был подавлен, Ибн Гураб снова благодаря своим обширным связям сумел встретиться с наиболее влиятельными эмирами и, заплатив внушительную сумму денег, добился для себя получения полной амнистии от султана [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 92-100].

Между тем, смута в Каире разгоралась, и Ибн Гураб не оставался в стороне, подливая масло в огонь конфликта между эмирами. Когда обстановка в столице накалилась до предела именно он убедил молодого султана Фараджа бежать, заставив его поверить в то, что в противном случае ему грозит неминуемая гибель. Ибн Гураб подготовил все необходимое, предоставил лошадей, одного из своих мамлюков для сопровождения и надежное убежище, где Фарадж скрывался в течение 70 дней правления своего малолетнего брата ‘Абд аль-‘Азиза ал-Мансура [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 255-258]. Сам Ибн Гураб, тем временем, оставался в каирской Цитадели, но не словом не обмолвился о местонахождении Фараджа [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, с. 92-100].

При новом султане Ибн Гураб был самым значимым из всех чиновников мамлюкской администрации. Ибн Тагри Бирди прямо указывает на то, что Ибн Гураб управлял делами государства при ‘Абд ал-‘Азизе [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 4]. Ибн Гураб сумел добиться выгодных ему перестановок в административном аппарате в столице, а затем подготовил возвращение Фараджа. После того как переворот был осуществлен, вместе с другими

мамлюками Ибн Гураб в полном облачении эмира и при оружии сопровождал Фараджа, когда тот возвращался в Цитадель [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 6, с. 148].

Ибн Гураб получил от султана Фараджа назначение на пост *эмира совета* и звание *эмира тысячи*. Он пользовался полной свободой действий, назначая и смещая чиновников по своему усмотрению. Многие говорили о том, что Ибн Гураб, сумевший заменить одного султана на другого, а потом снова вернуть на трон первого, с легкостью может присвоить этот трон себе. Вскоре после этих событий Ибн Гураб, которому в то время еще не было и тридцати лет, внезапно заболел и умер [ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 1, с. 66-67]. Выдающаяся карьера Ибн Гураба определялась, по-видимому, не только личными качествами и способностями этого человека, но и специфической политической ситуацией, сложившейся в Султанате после смерти Баркука, когда в напряженном противостоянии нескольких мамлюкских фракций фактически решался вопрос о принципах престолонаследия, которым будет следовать новая, бурджитская «династия».

Мамлюки активно использовали местную элиту для службы в администрации. Представители гражданского населения традиционно занимали посты в канцеляриях и финансовых ведомствах султаната. В основном это были *улемы* – получившие традиционное мусульманское образование знатоки Корана, мусульманского права и арабской словесности – «люди пера». Представители коммерческой элиты, в поддержке которой были заинтересованы мамлюки, также получали влиятельные посты в администрации [Wing, 2020]. В бурджитский период чиновники-египтяне были допущены к службе в тех сферах, которые традиционно контролировались мамлюками – вплоть до управления наместничествами [Bauden, 2008; Herzog, 2013, p. 101-102]. Карьера Ибн Гураба, как и упомянутого выше *главы полицейского ведомства,* Ибн ат-Таблави, представляют собой яркий пример смещения границ между зонами деятельности военной и гражданской элиты.

Тенденция усиления политического влияния представителей местной элиты, занимавших ключевые посты в управлении земельным фондом и финансами, сохранялась вплоть до середины XV в. Одним из самых доверенных приближенных султана становится *управляющей армейским ведомством.* В течение всего периода правления ал-Ашрафа Барсбая должность главы *армейского ведомства* занимал Зайн ад-Дин ‘Абд ал-Басит (ум. в 1451 г.). В 1434 г. Барсбай назначил мамлюка, принадлежавшего ‘Абд ал-Баситу, на пост главного *устадара,* передав в его ведение *Отдельный диван*. Фактически этот мамлюк только числился в должности, а бразды управления были сосредоточены в руках ‘Абд ал-Басита. В следующем году этот чиновник был назначен ответственным за работу ведомства *вазира*, в том числе получил право назначать и *вазира,* и всех его подчиненных [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 146; аṣ-Ṣайрафӣ, 1970-1994, т. 3, с. 305; Igarashi, 2013, p. 81; Idem, 2017, p. 131]. Таким образом, ‘Абд ал-Басит фактически стал контролировать работу сразу трех ключевых ведомств в финансовой системе Султаната – *устадара, вазира* (личная собственность султана и обеспечение его мамлюков) и *дивана армии*.

Большим влиянием и при Джакмаке, и при Инале пользовался Джамал ад-Дин Йусуф (ум. в 1458 г.), Ибн Тагри Бирди даже называет его *мудаббир ал-мамлака* – управляющий делами государства [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 169]. Так называли обычно только тех эмиров, которые были регентами при малолетних султанах, получивших трон по наследству. Джамал ад-Дин Йусуф родился в семье высокопоставленного чиновника, получил образование и опыт административной работы под руководством своего отца и в неполных тридцать лет уже стал *вазиром,* а в 1437 г. – управляющим *дивана ал-хасс*. На этом посту он оставался более двадцати лет – до своей смерти [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 322]. Совмещение нескольких должностей обеспечивало весомое финансовое положение и влияние при дворе. Джамал ад-Дин Йусуф был одной из самых заметных фигур в истории государственного управления Бурджитов, но не единственным чиновником, возглавлявшим сразу несколько ведомств

[ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 1, с. 719; Igarashi, 2010]. А при Каитбае в ряде случаев управление *армейским ведомством* уже поручалось мамлюкским эмирам [ал-Буçравӣ, 1988, с. 189; Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 101]. Перемещение управления имуществом и финансами под контроль «людей меча» стало заметной тенденцией в последней трети XV в. и наблюдалось в различных ведомствах, в том числе, и в *вазирате*.[1]

С приходом к власти аз-Захира Баркука *вазир* становится главой казначейства. Ему поручают контролировать сбор всех видов налогов и пошлин, разнообразные финансовые операции, в том числе выплату жалований. Работу *вазира* контролирует *устадар* [ал-Баṭāвӣ, 2007, с. 15-16; Gottschalk, 1991, p. 330], таким образом, чиновник – *вазир*, который назначался в то время, как правило, из числа *улемов* – подчиняется эмиру. В этот период функции *вазира* постепенно сокращаются. Его ведомство получает в управление налоговые поступления только с двух районов Египта – Гизы и Манфалута, а также разнообразные дополнительные налоги – *мукус* [Баҳр, 1999, с. 86].

На полученные средства *вазир* должен был обеспечивать продуктовый паек, включая выдачу мяса, для султанских мамлюков и закупать продовольствие для султанской кухни [ал-Ашқар, 2011, с. 82; Igarashi 2017, p.

---

[1] К концу XIV в. институт *вазирата* прошел долгую историю развития, начитывавшую несколько столетий. *Вазир* в качестве советника, секретаря и помощника правителя занял важное место в административной системе средневековых мусульманских государств еще в ранний аббасидский период (VIII-IX в.), хотя само слово «вазир» (*wazīr*) в значении «помощник» или «представитель» было известно арабам и ранее [Zaman, 2002, p. 185]. Институт *вазирата* рассматривался в трудах выдающихся мусульманских мыслителей и авторитетных теоретиков государства и права, был подробно описан энциклопедистами [ал-Қалқашандӣ, 1913-1922, т. 3, с. 455–456, 489–490; ал-Māвардӣ, 1979; Его же, 1989, p. 30–39; ан-Нувайрӣ, 2004, т. 6, с. 87-122; Хилāл аç-Çāбӣ, 1983]. Однако на практике роль *вазира* при дворе мусульманских правителей не была четко определенной, застывшей, неподвижной. В административной системе Султаната мамлюков ведомство *вазира* было подвержено особенно значительным изменениям. В начальный период правления мамлюков, в XIII в., *вазир*, который назначался из числа местных, имеющих соответствующую подготовку, администраторов – «людей пера», постепенно утратил свою позицию наиболее приближенного к правителю чиновника и советника. Самое высокое после султана положение в государстве, которым управляла военная мамлюкская элита, перешло к наместнику султана – одному из эмиров, «людей меча». При бахритском султане ан-Насире Мухаммаде ведомство *вазира* было упразднено, а функции его были переданы управляющему казначейством (*nāẓir al-māl*), инспектору диванов (*shādd al-dawāwīn*), который отвечал за централизованный сбор налогов, управляющему землями, находившимися в ведении центрального правительства (*nāẓir al-khāṣṣ*) и начальнику канцелярии (*kātib al-sirr*) [ал-Ашқар, 2011, с. 73; Rabie, 1972, p. 142].

119]. Но денег, поступавших в распоряжение *вазирата*, все чаще и чаще не хватало для того, чтобы своевременно и в полной мере доставить все необходимое. Доходы мамлюкской казны в целом постепенно сокращались из-за последствий мощной волны эпидемии чумы, захлестнувшей Ближний Восток на рубеже XIV-XV вв., повторяющихся природных катастроф, вторжения Тимура, полностью разорившего Сирию. А в сокращении доходов *вазирата* существенную роль, помимо этого, сыграл постоянный процесс перевода земельных участков в категорию *вакф*, а также то, что все больше средств, в том числе и от разнообразных налогов перенаправлялось в личную казну султана. И причина этого – как раз в своеобразной нединастической системе перехода власти. Дело в том, каждый султан стремился перевести максимальное количество доходов в свою личную казну из казны государственной, поскольку, с одной стороны, личные средства давали ему возможность обеспечивать себе поддержку эмиров (если эмиры формировали оппозицию, это грозило свержением с трона), ну а с другой стороны – это естественное стремление обеспечить свою семью и наследников, причем в нестабильной политической обстановке *вакф* был гораздо надежнее завещания. Итак, доходы *вазирата* сокращались, а продовольственный паек султанским мамлюкам нужно было обеспечивать несмотря ни на что. И за недостачу *вазирам* приходилось нести личную ответственность.

Четыре раза за свою карьеру *вазира* (с 1433 по 1455 г.) был вынужден признать собственную несостоятельность и скрываться от гнева султана Ибрахим б. ал-Хайсам (ум. в 1455 г.). В конце концов мамлюки султана разграбили дом Ибн ал-Хайсама, сам он едва успел скрыться от разъяренных гвардейцев. В 1433 г. султан ал-Ашраф Барсбай попытался возложить обязанности *вазира* на одного из служащих смежного ведомства, но тот отказался. Султан был разгневан отказом, строптивый чиновник подвергся побоям, после этого согласился принять должность, но в том же году был арестован и уплатил штраф в размере двадцати тысяч динаров [ал-Баṭāвӣ, 2007, с. 21]. В таких условиях от службы *вазира,* который фактически нес

личную ответственность за недостаток денег в казне, чиновники пытались уклониться любым способом. Так, Карим ад-Дин Ибн Катиб Манах (ум. в 1457 г.) попросту сбежал, после того как его неоднократные прошения об отставке были неудовлетворены [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 14, с. 232; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 4, с. 313-314].

Наконец, в 1455 г., когда очередной *вазир* не смог отыскать нужную сумму для положенных выплат даже после того, как получил в качестве «стимула» триста ударов палками, в перечень источников, из которых *вазир* должен был черпать деньги, были внесены изменения, правда пока – временные. Султан ал-Ашраф Инал признал скудость доходов *вазирата* и стал выделять *вазиру* четыре тысячи динаров и шестьсот овец ежемесячно, чтобы тот мог выдать султанским мамлюкам жалование и паек. Новые дотации были выделены *вазиру* и в следующем, 1456 г. [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 522, 571], т.е., фактически, средства, которыми распоряжался *вазират* и которые постепенно оскудевали, в первую очередь, из-за перераспределения доходов в личную казну султана, были восполнены из этой самой личной казны.

Но такие единовременные «дотации» не давали длительного эффекта, и в середине XV в. мамлюки султана, недополучавшие паек, все чаще стали бунтовать и нападать на *вазиров*. Чиновники пытались всячески избегать назначения на этот пост, становится заметной постепенная деградация должности *вазира*, на которую назначают то мясника (в 1463 г.), то менялу (в 1466 г.) – кандидатов, не имевших ни высокого социального статуса, ни традиционного образования, но обладавших достаточными денежными средствами, чтобы компенсировать скудость казны из своего кармана [ал-Баṭāвӣ, 2007, с. 18-19; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 449, 521-522; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 234, 332-333; Gottschalk, 1991, p. 330].

Особенно показательным был случай с упомянутым выше мясником – Мухаммадом ал-Бибави (ум. в 1465 г.). Он приехал в Каир из Верхнего Египта и нанялся прислуживать поварам, затем стал разносчиком, потом накопил денег и открыл собственную лавку. *Вазиры* покупали у него мясо для

султанских мамлюков, и он доставлял товар в казармы Цитадели. Там-то и заметили богатого и предприимчивого торговца, страстно мечтающего о какой-нибудь почетной должности. Султан назначил его на пост помощника *вазира*, а когда во время очередного административного кризиса, освободилось место *вазира,* ал-Бибави, мясника-лавочника, который не умел ни читать, ни писать, назначили и на этот пост [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 304-305]. Главное его достоинство, с точки зрения султана, вероятно, заключалось в том, что он, гордясь своим новым положением, чалмой и облачением чиновника высокого ранга, готов был покрывать недостаток денег в казне из своих собственных средств.

Но личных денег ал-Бибави и ему подобных не могло хватить для регулярного снабжения большой армии султанских мамлюков. Мамлюкам султана все чаще и чаще задерживали жалование и не выдавали своевременно продовольственный паек. Как следствие участились бунты султанских мамлюков. Теперь они нападали не только на *вазира*, но и на эмиров, дело доходило до того, что они не подчинялись султану и даже осмеливались бросать в него камнями [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 76-78 ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 12]. Из защитников и главной опоры султана они превратились в дестабилизирующую силу и стали представлять серьезную опасность для центральной власти. Поэтому обеспечение мамлюков султана представляло собой важнейшую задачу, от решения которой зависела и политическая стабильность в государстве, и незыблемость власти правителя. Решение вопроса мамлюкские султаны стали искать в изменении «кадровой политики» и реформировании всех финансовых ведомств в целом[1]. Это привело к существенному возвышению *вазиров* в политической иерархии Султаната. Должность *вазира* стали занимать мамлюкские офицеры [ас-Суйӯṭӣ, 1967, т. 2, с. 229]. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в период

[1] О реформировании финансовых ведомств см. [Igarashi, 2009].

правления султана Джакмака, когда *вазиром* стал эмир Тагри Бирди ал-Калави [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 4, с. 305].

Реформирование ведомства *вазира* продолжилось в период правления султана ал-Ашрафа Каитбая, когда в условиях постоянных военных действий встал вопрос не просто об удовлетворительном снабжении мамлюков, а об обеспечении ядра армии, которая должна была защитить целостность государства. Как упоминалось выше, в 1468 г. Каитбай назначил *вазиром* своего *давадара,* т.е. личного управляющего – эмира Йашбека. Решительный и отчаянный полководец[1], Йашбек пользовался безграничным доверием султана и обладал феноменальной способностью пополнять и султанскую казну, и свою собственную, прежде всего в силу того, что никакие препятствия не могли его остановить, когда нужно было собрать налоги или конфисковать имущество. Тогда же Йашбеку было передано управление еще несколькими финансовыми ведомствами – он стал не только *вазиром* и *давадаром*, но и *устадаром* [Igarashi, 2009, p. 34, 36]. Объединение *вазирата* с управлением другими финансовыми ведомствами позволяло более эффективно контролировать доходы и расходы и казны султана, и казны государственной. Существенно изменился и статус *вазира*, которым теперь уже назначался эмир, причем кандидата на эту должность выбирали из числа очень близких и доверенных соратников султана или членов его семьи.

Итак, *вазир* из чиновника-«снабженца», который разрывался между необходимостью удовлетворять потребности здорового аппетита султанских мамлюков и нехваткой денег, поступающих с вверенных ему земель, превратился в первого помощника и советника султана. В случае, если такой эмир совмещал с управлением *вазиратом* должность *давадара* и *устадара*, он приобретал почти неограниченное влияние и в мамлюкской военно-политической иерархии занимал следующую за султаном ступень.

[1] См. хронику Мухаммада ал-Халаби (1417-1476) о военном походе Йашбека [ал-Халаби, 1985].

В целом, трансформация *вазирата* была частью процесса перераспределения функций военной и гражданской элиты, в ходе которого в военно-политической иерархии мамлюков тоже происходили существенные изменения, и наибольший авторитет и влияние приобретали те эмиры, которые занимали ключевые позиции не в военной, а в финансовой сфере. Это сказывалось и на системе ценностей самой мамлюкской элиты, которая постепенно переставала быть исключительно военной, и на отношениях между мамлюкской и местной, гражданской элитой, что стало особенно важным в условиях надвигающегося вторжения османов.

Положение и функции *вазира, устадара* и других чиновников, занимавшихся управлением финансами и земельным фондом, изменялись на фоне постепенного оскудения фондов земель *икта‘* и государственных земель, составлявших основной источник доходов политической элиты, а также сокращения налоговых поступлений, в первую очередь, в результате войн и эпидемий, что потребовало с одной стороны перестройки финансовой системы, а с другой – привело к перестановке сил внутри самой элиты, к тому, что в государстве мамлюков приоритетную роль стали играть те структуры и ведомства, которые в предшествующий период имели второстепенное значение.

Как отмечалось выше, в течение всего бурджитского периода султаны стремились увеличению количества и стоимости объектов, находившихся в их личной собственности. Делалось это в основном путем перевода государственной собственности и казенных *икта‘* в личную собственность и *вакфы*. Еще одной формой личного владения султана в бурджитский период были и так называемые арендованные земли, т.е. земли, формально взятые в аренду султаном. На практике султаны не уплачивали в казну сколько-нибудь существенной плату за такую аренду. Значительная часть таких земель располагалась в плодородных районах Сирии. Для управления арендованными землями султана в 1421 г. была учреждена должность специального чиновника – *управляющего арендованными султаном землями в Сирии* (*nāẓir al-*

mustaʾjarāt al-sulṭānīyah bi-al-Shām) [Igarashi, 2010, p. 91-92]. Во второй половине XV в. значительно вырос аппарат чиновников, управлявших личными владениями султана. Вместе с тем система контроля над государственными земельными угодьями ослабевала. Увеличилось число вакуфных и *ризковых* земель [Van Steenbergen, Wing, D'hulster, I, 2016, p. 553].

В связи ростом личных владений султана важную роль в вопросах управления финансами приобретает *уполномоченный казначейства* (*wakil bayt al-māl*). Изначально *уполномоченным* назначался один из *улемов,* и его основной задачей было законное оформление сделок, касающихся государственного имущества. Постепенно главной функцией этого *уполномоченного,* служащего государственной казны, чья работа лежала более в сфере юридической, становится перевод казенных земель и имущества в личную собственность султана и его *вакфы* [Igarashi, 2009, p. 42; Idem, 2010, p. 91]. Положение *уполномоченного* при дворе неуклонно повышается. При аз-Захире Джакмаке Мухаммад ас-Сафти (ум. в 1451 г.), занимавший эту должность, вошел в число приближенных султана и приобрел статус *мудаббир ал-мамлака* (управляющий делами государства) [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 312-313; ас-Саҳāвӣ, 2000, с. 367]. При ал-Ашрафе Инале Абу Хайр ан-Наххас совмещал должность *уполномоченного казначейства* с управлением *диваном аз-захира* – ведомством, которое было подвержено различным изменениям на протяжении всего бурджитского периода, и в середине XV в. занималось, в основном, управлением и учетом доходов султана [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 107].[1]

[1] В период правления Каитбая *диван аз-захира* управлял всеми финансовыми ресурсами, находившимися под непосредственным контролем султана, включая и деньги, полученные от претендентов на те или иные должности в административной системе в качестве «платы» за назначение, и доходы от торговли специями. В конце XV в. наметилась тенденция перевода земельных наделов из других фондов (таких, например, как фонд *икта'*) в ведение *дивана аз-захира*, т.е., фактически, перемещения доходов с этих земель в казну султана [Igarashi, 2009, p. 40-41; Idem, 2010]. *Диван аз-захира* имел отделения в крупных городах и провинциях Султаната, а также обширный штат чиновников, в частности в Александрии существовал специальный агент, который занимался торговыми сделками, связанными с имуществом, находящимся в ведении *дивана*. Помимо движимого имущества, к *аз-захира* относились и земельные наделы. Вероятно, такое расширение *аз-захира* относится ко второй половине XV в. [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 341; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 429].

При Каитбае *уполномоченный казначейства* выступает уже как личный агент султана.[1] Весьма показательна в этом отношении деятельность Бурхан ад-Дина Ибрахима ан-Набулуси, который был назначен *уполномоченным* в Дамаске в 1469 г. На первых порах он сосредоточил усилия на «продаже» должностей и конфискации имущества у «провинившихся» чиновников. Ан-Набулуси оказался таким эффективным сборщиком средств, что султан решил перевести его в Египет, хотя и из Каира его нередко отправляли в Сирию «в командировки». Но теперь он занимался уже более масштабными задачами, связанными, в том числе, и с конфискацией земель. В 1475 г. ан-Набулуси изъял у наместника Триполи, его *давадара*, а также *управляющего диваном армии* в этой провинции имущество на сумму более 120 000 динаров; сразу после этого отправился в Дамаск, где конфисковал у *главного дворецкого* дом и 8 000 динаров, а также имущество главного шафи‘итского судьи, арестовал *управляющего диваном армии* и главного маликитского судью. В 1476 г. на должность *уполномоченного* в Дамаске был назначен сын ан-Набулуси, Шихаб ад-Дин. Помимо этого, Шихаб ад-Дин получил освободившийся благодаря энергичной деятельности его отца пост *управляющего диваном армии* и – почти неограниченные полномочия. Он, под различными предлогами, изымал деньги, имущество и земли и у эмиров, и у чиновников и судей [Igarashi, 2009, p. 42-48, 50]. В дальнейшем в Сирии практика совмещения должностей *уполномоченного, управляющего диваном армии*, а также *диваном аз-захира* была продолжена [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 116, 191; Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 34, 36].

Уполномоченный также осуществлял чрезвычайные сборы с населения, например на снаряжение военной экспедиции [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 162]. После начала войны с османами, когда особенно остро встал вопрос о пополнении казны, наряду с *уполномоченным,* сбором платы за назначение на ту или иную должность, а также конфискацией имущества, занимался *комендант* цитадели в Дамаске и *хассаки* – гвардейцы султана,

[1] Подобных *уполномоченных* имели и старшие эмиры [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 271].

командированные из Каира. Если же *уполномоченный* не справлялся должным образом со своей главной задачей – регулярным пополнением казны султана, то *хассаки* вынуждал самого *уполномоченного* выплатить «штраф», чтобы компенсировать «недоимки». Так, гвардеец Каитбая Мамай в 1486 г. изъял у *уполномоченного* в Дамаске десять тысяч динаров [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 110]. Положение *хассаки* в Сирии становилось все более прочным, его статус заметно повысился. Ибн Таук сообщает, что в 1494 г. *хассаки,* вернувшегося из Алеппо, где он занимался вопросом о наследстве одного из эмиров, торжественно встречал в Дамаске *наместник* султана вместе со всем своим войском, трое главных судей, *уполномоченный* и *начальник канцелярии* [Ибн Ṭауḳ, 2000-2007, т. 3, с. 1292]. В 1490 г. Каитбай отправил одного из своих гвардейцев в Иерусалим для разбирательства жалоб, поступивших на *наместника* этой провинции [ал-ʿУлаймӣ, 1968, т. 2, с. 349-350, 353]. В функции *хассаки* султана стала также входить инспекция *вакфов* [ал-Буṣравӣ, 1988, с. 217]. Таким образом, в последней трети XV в. контроль над деятельностью *уполномоченного*, на должность которого, как правило, назначался один из «людей пера», стал осуществлять один из гвардейцев султана – «людей меча».

Для управления собственными финансами и эффективного сбора средств, в том числе и в результате конфискаций, Каитбай учредил еще одну должность – личного *судебного исполнителя – бардадара* (*bardadār*) [Ибн Ṭауḳ, 2000-2007, т. 3, с. 1294; Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 42]. На должность *бардадара* при Кансухе ал-Гури был назначен аз-Зайни Баракат ибн Муса.[1] Аз-Зайни Баракат приобрел контроль над ведомствами *вазира, диваном ал-хасс* и *диваном ал-муфрад*, хотя официально оставался на скромной должности *бардадара* [Igarashi, 2009, p. 42-48, 50]. К началу османского вторжения аз-Зайни Баракат уже совмещал должности *уполномоченного казначейства* и *управляющего диваном аз-захира* [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 119].

[1] См. о нем подробнее Гл. 5.

В целом, в период правления Каитбая становится заметной тенденция назначать управляющих различными финансовыми ведомствами, а также поручать отдельные финансовые операции тем, кому султан доверял лично, причем независимо от принадлежности этих людей к сословию мамлюков или *улемов*, их ранга, социального положения или статуса [Igarashi, 2009, p. 42-48].[1] Концентрация управления финансами султана в руках одного, наиболее приближенного к султану, эмира стала при Каитбае и в последующий период устойчивым фактором преобразования не только административной структуры, но и политической системы султаната, поскольку эмир, которому вверялось управление всей собственностью султана, приобретал, фактически, ограниченное только волей султана влияние и в мамлюкской военно-политической иерархии поднимался на следующую за султаном ступень. Постепенно военная и административная иерархия, составлявшая остов государственного управления в Султанате, начинает разрушаться. Эмиры – каирская политическая элита, *наместники* в городах и провинциях, армейские командиры – оказываются беспомощными перед финансовыми агентами султана и его ближайшими помощниками. Вместе с сокращением фонда *икта'* от «старой» мамлюкской элиты начинает ускользать и былой авторитет, и былое могущество.

Существенные изменения в порядке престолонаследия, а также реконфигурация военно-политической и административной элиты при султанах-Бурджитах оказали влияние на роль и положение различных подразделений мамлюкской армии.

Ядро мамлюкской армии, как было упомянуто выше, составляли султанские мамлюки. Расслоение внутри этого большого армейского

[1] Каитбай нередко назначал на ключевые административные посты совсем юных представителей известных и уже доказавших свою верность, или по крайней мере лояльность, семей. Таким образом, неопытная и слабая в профессиональном плане молодежь могла получать «по наследству» должности своих отцов. Такая политика была выгодна султану вдвойне. Она позволяла избежать опасностей, связанных с наделением широкими полномочиями обладающих достаточными знаниями и авторитетом людей, которые могли бы проявлять чрезмерную независимость, вести «свою игру». С другой стороны, очевидное благодеяние со стороны султана не могло не вызвать чувство благодарности, которое цементировало «наследственную» преданность [Petry, 1994, p. 142].

подразделения между купленными самим султаном мамлюками (*джулбан*) и теми, которые перешли к нему на службу от других султанов и эмиров (*карариса*), нарастало на протяжении второй половины XV в. – начала XVI в. и было одной из причин падения власти Бурджитов.

Институциональные основы для изменения положения *джулбан* в мамлюкской армии были заложены аз-Захиром Баркуком, основавшим *Отдельный диван*, который должен был заниматься обеспечением его личной гвардии [Haarmann, 1984, s. 157-158.]. Стремление султанов укрепить позиции собственного «дома» приводило к тому, что *джулбан*, давалось все больше и больше привилегий, и к середине XV в. это подразделение приобрело особое положение в войске и стало играть заметную роль и в политической, и в социальной жизни Султаната. Когда *джулбан* осознавали, что положение правителя находится в прямой зависимости от степени их лояльности, они начинали беззастенчиво требовать новых пожалований и поощрений. Пользуясь своей почти полной безнаказанностью, *джулбан* терроризировали жителей Каира, чиновников и бюрократов, более того, нападали на мамлюков и эмиров других фракций. Во второй половине XV в. *джулбан* неоднократно проявляли неповиновение и по отношению к своему хозяину – султану, опорой власти которого они должны были служить. Восстания *джулбан* стали заметным явлением политической жизни уже в период правления аз-Захира Джакмака,[1] а при ал-Ашрафе Инале падение дисциплины в среде мамлюков султана достигло угрожающих масштабов [Ayalon I, 1953, p. 211]. [2]

---

[1] См. Гл. 3.

[2] В начале 1454 г. султанские мамлюки забросали камнями *главного устадара* из-за задержек с выплатой ежемесячного довольствия. Осенью того же года по той же причине *джулбан* разграбили дом этого чиновника. Стоимость награбленного оценивалась в 25 000 динаров. Султан предпочел не реагировать на бесчинство собственных мамлюков. В начале 1455 г. *джулбан* взбунтовались и потребовали увеличения жалования, набросились на управляющего *армейским ведомством*, однако Инал был тверд и при поддержке старших офицеров смог убедить молодых мамлюков принять установленный размер жалованья. И все-таки гораздо чаще султан пытался избежать открытого конфликта с собственными мамлюками и шел на уступки. Когда в том же году султанские мамлюки пожаловались на то, что цены на баальбекское платье и шапки (*замты*) слишком высоки, Инал вызвал каирского *мухтасиба* и велел ему установить на рынке стоимость указанных товаров не выше той, которая удовлетворяла *джулбан*. Готовность Инала находить компромиссные решения не остановила его молодых мамлюков от очередного грабежа: весной 1455 г. они обчистили амбары *второго «хранителя чернильницы»*, который приходился зятем самому султану, а затем продолжили бесчинство на улицах Каира. Султан призвал *джулбан* к порядку и даже наказал некоторых из

Ал-Ашраф Инал был последним из мамлюков Баркука, получивших титул султана. В течение шести десятилетий после смерти основателя Султаната Бурджитов молодые эмиры вынуждены были уступать право на трон представителям «дома» Баркука. Противоборство новых фракций со «старой гвардией» явилось одной из причин углубления конфликта между султаном и его собственными мамлюками – представителями молодого поколения. Тревожным сигналом стало участие отрядов султанских мамлюков в мятеже, который был поднят фракцией *захиритов* – мамлюков Джакмака – в 1455 г.[1] Инал вышел из этой схватки победителем, но противоречия между старшим и младшим поколением мамлюков продолжали углубляться [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 487; его же, 1992, т. 16, с. 19, 22-23, 67-68; Reinfandt, 2003, s. 11-13].

них, однако наказание, как отмечает Ибн Тагри Бирди, было очень мягким. В декабре 1455 г. *джулбан* снова учинили беспорядки. Их целью на этот раз был дом *вазира.* Не обнаружив в доме ни самого *вазира,* ни добычи, на которую они, по-видимому, рассчитывали, мамлюки разграбили соседние дома. Никакой реакции со стороны султана на последовало. В следующем месяце нападению со стороны мамлюков султана подвергся *управляющий армейским ведомством*. Весной 1456 г. мамлюки султана не получили положенный им мясной паек, и в столице снова начались беспорядки [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 481, 505, 517-518, 525-527].

[1] События разворачивались следующим образом: мамлюки султана получили приказ присоединиться к отряду, направленному в ал-Бухайру, но отказались повиноваться. Дело было в том, они не получили верблюдов, которых им обычно предоставляли перед отправкой в поход. Мамлюки собрались на рынке, где продавали верховых животных, и стали ожидать раздачи верблюдов. Завидев *главного давадара,* они окружили его и начали жаловаться на скудное содержание и задержку положенных выплат. Обстановка накалялась, мамлюки *главного давадара*, пытались защитить своего хозяина и освободить ему дорогу, завязалась потасовка, причем у мамлюков султана оружия не было, а мамлюки *главного давадара* воспользовались мечами. Несколько мамлюков султана было ранено. В результате *главный давадар* благополучно добрался до резиденции султана, а *джулбан* пожаловались султану на нанесенное им, как они считали, оскорбление. Инал снова попытался решить дело миром. Он пообещал денежную компенсацию тем, кто был ранен, но на следующий день мамлюки султана продолжали протестовать. Конфликтом между султаном и его мамлюками решила воспользоваться фракция *захиритов* - мамлюков и эмиров султана Джакмака. Они присоединились к *джулбан* и подали идею свергнуть султана, затем добились поддержки халифа ал-Ка'има (1451-1455), который без колебаний встал на сторону мятежников. Инала спасло только то, что у заговорщиков не было признанного лидера. Султан быстро мобилизовал старших эмиров и поставил на стены Цитадели лучников, смута прекратилась, дело даже не дошло до применения оружия. Открытый мятеж не изменил позиции Инала по отношению к его собственным мамлюкам: никто из них не был наказан, раненые получили компенсацию, и даже злополучные верблюды были распределены среди *джулбан.* Инал также удовлетворил просьбу бывших эмиров Джакмака и выпустил на свободу некоторых из тех, кто был арестован ранее и не участвовал в мятеже. В тюрьму были отправлены только несколько мамлюков Джакмака, признанных зачинщиками беспорядков. По-видимому, Инал не видел большой опасности в неподготовленном и не имеющем лидера мятеже, а вот переход халифа на сторону мятежников, очевидно, был воспринят как серьезная угроза. Инал немедленно собрал совет старших эмиров и, в присутствии и при поддержке четырех главных судей Каира, объявил о смещении халифа. Ал-Ка'има взяли под стражу и на два года отправили в тюрьму. Опасаясь беспорядков, Инал отказался от проведения ежегодного праздника жертвоприношения [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 528-537, 539; его же, 1992, т. 16, с. 19, 22-23, 67-68, 166; ас-Суйӯṭӣ, 2003, с. 402; Фильштинский, 2008, с. 290].

Еще одной важной причиной нарастания напряженности в отношениях между султаном и его мамлюками стал ощутимый недостаток денег в казне. Походы на Родос в 1442, 1443 и 1444 г. не принесли ни славы, ни добычи, во внешней торговле стали заметны негативные последствия монопольной политики Барсбая, значительный ущерб коммерческим связям с Европой наносили действия пиратов в Средиземном море – доходы не увеличивались, а вот расходов становилось больше. Помимо затрат на военные походы, казна, из которой черпались деньги на содержание мамлюков оскудевала еще и за счет утечки доходов от *икта‘* из-за распространения коррупции, а также перевода земель и собственности в категорию *вакф* [Амӣн, 1981-1982, с. 19; ал-Асадӣ, 1968]. По свидетельству Ибн Тагри Бирди, Джакмак оставил после себя в казне только около четверти от того, что получил по восшествии на престол [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 429, 434, 449].[1]

Несмотря на все попытки ал-Ашрафа Инала решить вопрос с обеспечением мамлюков (были произведены замены в административном аппарате и выделены новые дотации), денег и продовольствия на жалование и паек катастрофически не хватало, и мамлюки пытались «компенсировать недостачу» грабежами. Султан оставлял нарушения порядка без внимания и позволял своим мамлюкам бесчинствовать на улицах столицы. Более того, в августе 1456 г. был издан указ, согласно которому населению запрещалось препятствовать каким-либо действиям мамлюков. Таким образом, султанские мамлюки были переведены, фактически, на самообеспечение: они покупали по заниженным, ими самими установленным ценам продовольствие в столице и ее окрестностях, зачастую товар не взвешивался, и покупка была больше похожа на конфискацию. Действия мамлюков наносили серьезный ущерб и

[1] Уже в первые дни своего правления ал-Ашраф Инал столкнулся с финансовыми трудностями. Денег на полную выплату обычной в таких случаях суммы – 100 динаров – султанским мамлюкам не хватало. Кто-то получил только половину от заявленного размера вознаграждения, а некоторые и еще меньше. Раздача денег сопровождалась волнениями и открытым выражением недовольства со стороны *джулбан.* Вскоре султанские мамлюки потребовали следующей выплаты, ссылаясь на то, что первая была недостаточной. После переговоров (обошлось без применения оружия) султан обещал новую выплату в течение ближайших трех месяцев[Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 429, 434, 449].

торговцам, и ремесленникам, и феллахам [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 567, 568, 571, 586-587, 592-593].

Потворство мамлюкам со стороны султана в конце концов привело к тому, что он сам подвергся нападению *джулбан.* Зимой 1456-1457 г. молодые мамлюки султана опять стали требовать повышения жалования, они напали на эмира-*зарадкаша* (в его ведении находилось изготовление и ремонт доспехов и оружия), поскольку не получили обещанной амуниции, затем на *мухтасиба,* а когда Инал вышел к ним для переговоров, забросали его и сопровождавших его гвардейцев камнями. Султан, получив несколько чувствительных ударов, поспешно скрылся в своих покоях, и на следующий день было принято решение увеличить выплаты мамлюкам [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 76-78; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 12].

В 1457 г. мамлюки султана снова затеяли смуту. Они заблокировали выходы из каирской Цитадели и стали требовать увеличения пожалований по случаю праздника жертвоприношения. Требования *джулбан* были удовлетворены [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 24]. В 1459 г. нападению со стороны *джулбан* подверглись *устадар* и *вазир,* а также *государственный секретарь* (причем последний – без всякого повода). Действия мамлюков, как и прежде, остались безнаказанными. Бесчинства мамлюков султана вынуждали торговцев закрывать лавки, горожане боялись за свое имущество. Повторяющиеся смуты вели к росту цен и дефициту товаров. К этому времени, выступления *джулбан* приобрели настолько устрашающий характер, что никто не решился исполнить приказ султана и казнить двоих из них за убийство. В июле 1459 г. нападению со стороны *джулбан* подверглись женщины, явившиеся на пятничную молитву в мечеть ‘Амра б. ал-‘Аса. В том же месяце *джулбан* перекрыли все выходы из Цитадели в знак протеста против задержки выдачи фуража. Немедленно был издан приказ о выплате каждому султанскому мамлюку компенсации в размере 200 дирхамов. Еще через несколько дней *джулбан* безнаказанно избили одного из высокопоставленных чиновников. К 1459 г. обстановка в Каире стала настолько опасной, что люди

боялись выходить из дома после вечернего *азана,* в кварталах были установлены ворота, которые запирались на ночь. *Вали,* призванный следить за порядком и соблюдением закона в городе, не решался выступить против *джулбан.* Когда султан начал пенять ему на грабежи, *вали* ответил, что ответственность за преступления лежит на мамлюках самого султана, а он, *вали,* имеет власть не над мамлюками, а над горожанами. Инал ничего не возразил на это и больше не возвращался к вопросу о восстановлении порядка в столице. *Вали* справедливо воспринял такую реакцию султана как разрешение потворствовать *джулбан,* фактически встал на их сторону, более того, в Каире начали действовать преступники, переодетые мамлюками, которые, по всей вероятности, передавали *вали* долю от награбленного.

В феврале 1450 г. под давлением своих мамлюков, недовольных задержкой жалования, Инал назначил нового *вазира*, но через несколько дней они совершили очередное нападение на *устадара,* затем на *вазира* и отказались нести службу. *Устадар* был вынужден признать, что денег на выплату жалования *джулбан* нет. К началу весны 1460 г. в Каире сложилась крайне тяжелая обстановка. Быстро распространялась эпидемия чумы, поднялись цены, наблюдалась нехватка основных продуктов питания, все это сопровождалось бесчинствами султанских мамлюков и ростом преступности [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 105, 107-108, 112-114, 117, 120]. Чума давала *джулбан* повод для новых грабежей. Молодые мамлюки султана стали присваивать *икта‘* умерших эмиров. По существу, речь шла не только о присвоении земель, но о присвоении прерогативы султана – главного распорядителя всего фонда *икта‘*.

Конфликт между *джулбан* и другими подразделениями мамлюкской армии углублялся и сыграл, как упоминалось выше, роковую роль в судьбе наследника Инала, ал-Му’аййада Ахмада.[1] При следующем султане, аз-Захире

[1] См. Гл. 3.

Хушкадаме смуты и беспорядки не прекращались [Ayalon I, 1953, p. 212].[1] Аз-Захир Хушкадам не мог добиться от *джулбан* выполнения собственных приказов, что, как упоминалось вше, стало одним из факторов, способствовавших укреплению независимости Кипра. Позднее отказ *джулбан* выполнять приказы султана и участвовать в военных походах привел к тому, что на границе с Дулкадиром сложилась опасная ситуация: Шах Сувар, ставленник османов, готовился к вторжению на территорию мамлюкской Сирии, а тысяча султанских мамлюков, которые должны были оказать поддержку гарнизону Алеппо, не желали покидать Каир. В результате Шах Сувар успел одержал ряд побед, и борьба с ним затянулась на несколько лет.[2] Не явились мамлюки Хушкадама и на сборы отряда, который должен был отправиться на подавление мятежа бедуинов в Верхнем Египте. Волна смуты нарастала, и неповиновение *джулбан* приводило к углублению политического кризиса, который охватил государство мамлюков к концу правления аз-Захира Хушкадама [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 268, 270, 271-273]. После смерти Хушкадама, *джулбан* приняли активное участие в событиях, связанных с переходом власти, и их поддержка сыграла важную роль в выборе следующего султана.

В период правления могущественного ал-Ашрафа Каитбая его собственные мамлюки неоднократно демонстрировали недопустимое своеволие и отсутствие дисциплины.[3] В конце концов, одному из *джулбан*,

---

[1] В апреле 1463 г. восстали мамлюки *джулбан.* Они перекрыли доступ в Цитадель, совершили нападение на коменданта и своего командира. В 1464 г. *джулбан* снова учинили беспорядки на улицах Каира. Один из виновников был выслан из столицы. Когда в 1465 г. от нападений *джулбан* пострадали каирские торговцы, никаких мер принято не было. Через несколько дней *джулбан* потребовали выдать им новые шерстяные кафтаны, полагавшиеся им в связи с наступлением холодов. Султану пришлось приносить извинения за задержку и отложить выезд на охоту [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 228]. В декабре 1466 г. *джулбан* снова подняли смуту, требуя повышения жалования и улучшения содержания [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 245, 257, 259, 260, 266].

[2] См. Гл. 5.

[3] Летом 1473 г. *джулбан* взбунтовались, напали на своего командира и отказались разговаривать с эмиром, которого послал к ним султан. Каитбай пришел в бешенство, крикнул: «Забирайте Цитадель! Мне она не нужна!» и ускакал из города [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 73]. Испуганные *джулбан* пешком пошли за ним и умоляли простить их. Эмиры заступились за молодых мамлюков, и султан смягчился. На следующий день он вернулся в Цитадель и даже согласился удовлетворить прошение *джулбан* о повышении жалования. Однако, ни угрозы султана, ни увеличение содержания не привели к кардинальному решению вопроса о дисциплине султанских мамлюков: не прошло и трех месяцев, как *джулбан* снова устроили смуту в Цитадели. Затем,

который был неоднократно уличен в воровстве, Каитбай приказал отсечь руку. Несколько эмиров попытались заступиться за провинившегося, но это только вызвало гнев султана, и он велел отсечь несчастному еще и обе ноги [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 214]. По-видимому, ал-Ашраф Каитбай стремился восстановить давно утраченную мамлюками *джулбан* дисциплину и прибегал для этого к весьма жестким мерам. Не прошло и нескольких месяцев после наказания мамлюка за воровство, о котором было упомянуто выше, как другой мамлюк был подвергнут такому количеству ударов палкой, что скончался от побоев на месте. Однако, строгость и жесткие меры не остановили грабежи и только спровоцировали новые беспорядки. Перед отправкой на войну с османами *джулбан* силой отбирали у горожан верховых животных, грабили

поздней осенью того же года *джулбан* опять отказались повиноваться. На этот раз султан строго наказал одного из зачинщиков, но в 878/1473-1474 г. беспорядки повторялись. Весной 1474 г. *джулбан* разграбили пристань в Булаке, затем – амбары *давадара* Йашбека, нагрузили зерно на верблюдов, которых отобрали у водовозов, и увезли все это в Цитадель. Никакого наказания за этот грабеж не последовало. В апреле и мае 1474 г. *джулбан* восставали дважды: первый раз из-за недостатка фуража, второй – из-за того, что султан приблизил к себе одного из мамлюков, хотя другие, как они считали, заслуживали этого не меньше. Этот, последний, случай привел к настоящему бунту. Потребовалось вмешательство *атабека* и других старших офицеров. Каитбай был сильно разгневан, приказал казнить зачинщиков. С трудом, его уговорили помиловать провинившихся. *Давадар* Йашбек, уже пострадавший от нападения *джулбан* прежде, благоразумно уехал из Каира на время смуты под предлогом инспектирования провинций [Там же, т. 7, с. 79, 81, 83, 85, 90-92]. Летом 1478 г. мамлюки *джулбан* поссорились между собой. Не ограничившись словесной перепалкой, они стали грозить друг другу оружием. Каитбай, разгневавшись, швырнул султанский меч и султанский щит, покинул цитадель, удалился в деревушку километрах в 50 к югу от Каира и отказался возвращаться на престол. *Джулбан* осознали, к каким серьезным последствиям привело их неподобающее поведение, прекратили смуту и долго уговаривали султана вернуться в столицу, что им в конце концов удалось сделать [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 142-143]. В этом случае проявление гнева со стороны султана дало желаемый результат: была восстановлена дисциплина молодых мамлюков. Тем не менее, мы не знаем, какова была доля расчета во внешне эмоциональном поступке султана. Когда *джулбан* в другой раз разгневали Каитбая, потребовав раздачи должностей, к которой, по их мнению, уже пора было приступить, султан проявил сдержанность и предпочел пойти на переговоры. По-видимому, султан пробовал разную тактику борьбы с бесчинствами и своеволием своих мамлюков. Весной 1479 г. он применил физическое наказание к смутьянам и грозился отправить их в ссылку, но затем смягчил гнев на милость [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 226, 427]. Однако, что бы ни предпринимал ал-Ашраф Каитбай, все меры давали в лучшем случае только временный результат, и *джулбан* продолжали проявлять неповиновение. В 1483 г. мамлюки султана совершили нападение на дом *главного командира вахты* и учинили беспорядки в Каире. События разворачивались следующим образом. Один из *джулбан* отправился на рынок покупать себе новое платье. Он поссорился с торговцем, побил его и забрал товар, не уплатив денег. Торговец пожаловался *командиру вахты*, тот вызвал мамлюка, сделал ему внушение и наказал палочными ударами. Узнав об этом, *джулбан* бросились к резиденции *командира вахты*, разграбили ее и подожгли, заодно было унесено все ценное из соседних домов, в том числе и светильники из *медресе*, расположенной неподалеку. Затем *джулбан* устроили пожар на том рынке, где случилась ссора между их товарищем и одним из торговцев. С большим трудом *атабеку* удалось остановить смуту и уговорить *джулбан* вернуться в казармы. Когда через несколько дней к Каитбаю привели четыре десятка его мамлюков – наиболее рьяных погромщиков, он велел отпустить всех. Не удивительно, что после этого, почувствовавшие себя безнаказанными мамлюки султана, стали вынуждать каирских торговцев продавать им товары по заниженным ценам или просто отбирать то, что им было нужно [ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 349, 350, 353, 363; Petry, 1999, p. 23-24].

лавки с одеждой и продовольствием [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 423, 425-426, 430].

В разгар османо-мамлюкской войны часть *джулбан,* недополучивших обещанной выплаты от султана, бежала в лагерь османов. После победы над османами, одержанной мамлюками под командованием Азбека в 1488 г., *джулбан* стали самовольно возвращаться в Каир. Начались грабежи и насилие. *Джулбан* выгоняли горожан из их домов и резиденций и занимали их под свое жилье, чего раньше никогда не случалось. Цены на продовольствие сразу повысились [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с. 140, 156]. От бесчинств мамлюков султана страдали не только жители Каира. В 1490 г., когда армия, в составе которой были *джулбан,* вошла в Дамаск, грабежи и притеснения по отношению ко всем слоям населения, включая высокопоставленных *улемов* и *кади* продолжились и здесь [Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 101, 103, 108]. Мятежи султанских мамлюков, нападения бедуинов, а также насильственный сбор рекрутов во время османо-мамлюкской войны стали причиной роста социальной напряженности и в городах, и в провинции [Har-El, 1995, p. 146].

Самоволие, неподчинение молодых воинов султана стремительно нарастало (впрочем, как их запросы) и выливалось в смуты, а в 1489 г. едва не закончилось сменой власти: Каитбай вынужден был признать, что не справляется с *джулбан* и заявил, что отказывается от трона. Старшим эмирам с трудом удалось урегулировать этот конфликт [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 217, 228-31, 245-55; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 8, с. 143]. В дальнейшем Каитбаю приходилось еще несколько раз прибегать к угрозам отказаться от трона, которые хотя бы на время заставляли *джулбан* прекратить смуту[1]: их привилегированное положение было обеспечено пребыванием Каитбая у власти [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 1007-1008, 1234].

[1] Так, в 1493 г. мамлюки *джулбан* в очередной раз подняли мятеж, требуя положенных им выплат от султана. Они перекрыли все подступы к Цитадели, но в результате продолжительных переговоров, после того как было дано обещание осуществить выплаты в течение месяца, смуту удалось погасить [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 288, 295].

Недовольство проявляли не только мамлюки султана, но и мамлюки эмиров. Так, в 1485 г. около восьмидесяти мамлюков *эмира конюшен*, будущего султана Кансуха Хамсуми'а взбунтовались, вышли на улицы Каира и отправились к мечети ал-Азхар, их с трудом удалось усмирить с помощью старших командиров и сил полиции. В 1489 г. мамлюки *давадара* Акбирди подняли смуту, требуя повышения жалования. Несколько мамлюков султана, отправленных навести порядок, были убиты. В следующем году мамлюки Акбирди снова отказались повиноваться. Потребовалось принять самые строгие меры, чтобы прекратить это выступление [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 428, т. 8, с. 170].

Реорганизация управления финансами и строгая ревизия порядка распределения жалования и пайков, предпринятые Каитбаем,[1] не привели к полному восстановлению дисциплины в рядах султанских мамлюков, но в дальнейшем мятежи, которые поднимали *джулбан* были гораздо реже связаны с недостатком ежемесячного содержания. Поводом для выступлений служили требования увеличить «подъемные» для участников военных походов или выплаты по случаю вступления на престол нового султана, чему, вероятно, способствовала и крайне нестабильная политическая обстановка после смерти Каитбая – за пять лет, с 1496 по 1501 г., мамлюкам пришлось давать присягу шестерым султанам.

В период правления Кансуха ал-Гури продолжал углубляться конфликт между отдельными подразделениями мамлюкской армии, прежде всего, между *джулбан* и *карариса.* В отличие от *джулбан*, которых султаны старались беречь, основное бремя военных походов ложилось на плечи *карариса*, при этом жалование они получали, в лучшем случае, такое, как и молодые мамлюки, а часто – значительно меньшее, бывало, что дополнительных выплат, предназначенных всем султанским мамлюкам, они

[1] Помимо реформ, о которых упоминалось выше (см. Гл. 3), султан Каитбай предпринял еще один шаг для укрепления материального положения *джулбан*: он стал выделять им *икта'* [Семенова, 1966, с. 129].

не получали вовсе.[1] Именно так поступил Кансух ал-Гури в день битвы при Мардж Дабик: он раздал назначенные суммы *джулбан*, а *карариса* и воины *халка* так и не дождались от султана денежного поощрения. При распределении *икта‘* и *ризков* преимуществом пользовались мамлюки *джулбан.* Помимо этого, *джулбан* увеличивали свои земельные наделы путем захватов. В конце XV – начале XVI в. отмечаются убийства мамлюков-ветеранов, которые *джулбан* совершали с целью захвата их *икта‘* [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 277; Семенова, Основные направления…, 1958, с. 87]. Безнаказанность молодых мамлюков султана, стремившихся любыми способами получить *икта‘* погибших «ветеранов», привела к тому, что в Каире в 1507 г. один из *карариса,* которому посчастливилось выздороветь после тяжелой болезни, был убит мамлюками *джулбан,* разочарованными таким исходом событий и не желавшими упускать из рук надел этого пожилого воина, на получение которого они рассчитывали. В дальнейшем убийства *карариса* с целью получить *икта‘* стали едва ли не обычной практикой, при этом султан игнорировал сообщения о всех таких случаях, и никто из *джулбан* не был наказан [Семенова, Основные направления…, 1958, с. 87].

Обиды и зависть по отношению к *джулбан* со стороны тех мамлюков, которые не принадлежали к этой элитной когорте, расшатывали сплоченность армейских рядов и их готовность беспрекословно повиноваться султану. В полной мере гибельные последствия конфликта между подразделениями мамлюкской армии проявились на Дабикском поле во время решающего сражения мамлюков с османами [Ayalon, 1954, p. 85-88]. В последние месяцы существования государства мамлюков, когда Каир готовился к вторжению османской армии, остававшиеся в столице мамлюки отказались подчиняться ал-Ашрафу Туманбаю, «бросив ему в лицо», как пишет Ибн Ийас, ту жалкую плату, которую он мог им предложить [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 5, с. 126]. В

[1] Подробный список примеров соотношения выплат *джулбан* и *карариса* см. [Ayalon, 1954, p. 86].

такой обстановке любые попытки защитить столицу и удержать власть были обречены на провал.

§ 3. Религиозные институты и суд.

В государстве, основанном мамлюками, которые азы ислама изучали в казарме и гораздо лучше были знакомы с правилами копейного боя, чем с законами шариата, религиозные институты играли важнейшую роль укрепления легитимности власти бывших рабов-воинов. Центральное место в религиозной системе Султаната, принадлежало халифу.

В мусульманской политической доктрине халиф (имам) – высший представитель власти и духовного авторитета. Из основополагающего принципа ислама – *ат-таухид*[1] – вытекает идея религиозно-политического единства мусульманского государства. Вопрос о соотношении светской власти и религиозного авторитета не всегда решался в соответствии с мусульманским идеалом единства *уммы* и государства. В меняющихся социально-экономических и политических условиях халиф, нередко под давлением военной силы, вынужден был передавать свои полномочия по управлению государством эмиру или султану, который, по крайней мере, формально признавал его духовную власть и авторитет имама. Политики отступали от образцовой модели правления *Праведных* халифов, а законоведы активно занимались разработкой проблемы верховной власти в поисках новой интерпретации исламского социально-политического идеала. Выдающийся мусульманский мыслитель Таки ад-Дин Ахмад Ибн Таймийа, чье мировоззрение формировалось в период борьбы мамлюков с крестоносцами и монголами, которые представляли угрозу для всего мусульманского мира, признавал возможность создания независимых суверенных мусульманских государств с автократической властью (*мулк*) при соблюдения шариата и принципа справедливости (*‘адл*). Ибн Таймийа выступил с критикой суннитской теории халифата и шиитской теории имамата, отрицал концепцию

[1] Ат-Таухид – монизм, монотеизм [Ибрагим, Сагадеев, ат-Тауḫӣд, 1991].

выборности. Главное, полагал ученый, чтобы правитель был наделен необходимыми качествами для успешного функционирования государства. Шариат, по мнению Ибн Таймийи, и есть верховная власть, а обязанность правителя – приводить в жизнь законы шариата. Если правитель, – будь то халиф или султан, – не исполняет эту обязанность, он может быть смещен [Алексеев, 2013, с. 193-196; Ибрагим, Сагадеев, Ибн Таймӣа, 1991, с. 85; Маточкина, 2011, с. 15-16]. Идеи Ибн Таймийи вызвали широкий общественный резонанс, острую дискуссию в богословских кругах и оказали значительное влияние на развитие концепции верховной власти в мусульманской политической доктрине в мамлюкскую эпоху.

Как отмечает академик В.В.Бартольд, со второй половины IX в. «единоличного представителя светской власти, в противоположность имаму, представителю религиозного авторитета» стали называть султаном [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 27-28]. В Египте титул «султан» носили предшественники мамлюков – Аййюбиды. Основатель этой династии, Салах ад-Дин (1169-1193) принял суннитский толк ислама в качестве государственной религии и признал авторитет аббасидского халифа в Багдаде. Победы Салах ад-Дина над крестоносцами обеспечили ему славу и влияние во всем мусульманском мире и за его пределами. Мамлюкский султан Байбарс, считавший себя последователем Салах-ад-Дина, возродил и упрочил утраченный последними Аййюбидами авторитет правителя Египта в мусульманском мире и закрепил его формально, учредив аббасидский халифат в Каире, после того как зимой 1258 г. династия Аббасидов в Багдаде была уничтожена монголами [Ибн Ҳалдӯн, 2000-2001, т. 7, с. 663].

В 1261 г. один из претендентов на звание халифа, Абу ал-Касим Ахмад, появился в Дамаске. Он утверждал, что принадлежит к династии Аббасидов. Байбарс отдал распоряжение доставить его в Египет со всеми возможными почестями. Мусульманские богословы сочли представленные соискателем свидетельства о принадлежности к семье Аббасидов достаточными. Как сын аз-Захира (1225-1226), Абу ал-Касим Ахмад был объявлен халифом с

почетным именем ал-Мустансир. Султан дал ему присягу – торжественно поклялся уважать Коран, шариат и сунну, повелевать доброе и запрещать злое, вести священную войну, устанавливать налоги по закону и справедливости. Халиф со своей стороны признал, что Байбарс является единственным законным султаном, который правит Египтом, Сирией и всеми мусульманскими странами, а с Божьей помощью может устанавливать свою власть и на территориях, принадлежащих немусульманам. 4 июля 1261 г. состоялась вторая часть церемонии. Байбарс получил от халифа письменную инвеституру, черный тюрбан, фиолетовую мантию с золотым воротом, золотые пряжки для сапог, несколько мечей, два знамени, стрелы и щит [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 40; Heidemann, 1994, p. 91-104; Holt, 1984, p. 502; Thorau, 1992, p. 112]. Династия Аббасидов, уничтоженная монголами в Багдаде, была восстановлена в Каире.

Мусульмане, причем не только в Египте, но и далеко за его пределами, признали законность власти и авторитет мамлюкских султанов. Теперь они могли быть уверены в том, что решения, принятые султаном и, что особенно важно, назначенными им судьями соответствуют шариату, а Байбарс, получил освященное религией право расширять границы своих владений. Что касается мамлюков, то факт признания законным правителем Байбарса, который захватил трон, убив своего предшественника, давал им веские основания для того, чтобы не сомневаться в правомочности любых способов борьбы за верховную власть.

Ал-Мустансира, исполнившего свое предназначение, ждала тихая благочестивая жизнь в окружении многочисленных слуг и охраны, но он был, по-видимому, не готов к скромной и незаметной роли в политике узаконенного им султаната и погиб «…мучеником от мечей татар и рук безбожников…» во время безуспешной попытки освободить Багдад в ноябре 1261 г. [ал-Манҫӯрӣ, 1998, с. 78]. Эта заведомо безнадежная военная операция под красивым лозунгом возвращения аббасидской столицы была

спланирована Бейбарсом и позволила мамлюкскому лидеру избавиться от «неудобного» ал-Мустансира [Зеленев, 2007, с. 135; Holt, 1984, p. 501].

Краткой эпитафией первому аббасидскому халифу в Каире стали строчки из *урджузы* Шамс ад-Дина Хатиба ал-Ба‘уни :

Дела султану передал
И из Египта с отрядом смельчаков
Пошел в Багдад,
Священною войной против врагов.
Татар он встретил и погиб,
И Града Мира не достиг

[ал-Бā‘ӯнӣ, [Без названия], л. 11 б].

Новым халифом был объявлен более благоразумный ал-Хаким (1261-1302), согласно представленной родословной – потомок ар-Рашида (1135-1136). Он читал проповеди в мечети и совершил хадж, хотя в Мекке и Медине во время пятничного богослужения называли только имя египетского султана [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 39-40]. В Каире во время пятничной хутбы первым произносилось имя халифа, и только затем – султана. Исключение составляла мечеть каирской Цитадели, где первым всегда упоминалось имя султана [‘Атā, 2008, с. 34-35; Хасанов, Система управления…, 1975, с. 365].

Каждому новому мамлюкскому правителю ал-Хаким и его преемники выдавали инвеституру. Она называлась словом *таклид* (облечение властью) или *‘ахд* (договор). Чем менее устойчивым было положение султана, тем больше надежд он возлагал на упомянутый документ. Ал-Музаффар Байбарс ал-Джашангир (1309), первый черкес-бурджит и «чужак» среди потомков Калауна, которые сменяли друг друга на протяжении почти ста лет, получал от сына ал-Хакима, халифа ал-Мустакфи (1302-1340) инвеституру дважды, пытаясь убедить оппозицию в своем праве на власть. Но это не произвело никакого впечатления на вышедших из повиновения эмиров, и один из них воскликнул: «Клянусь, уже не осталось ни одного человека, который бы обращал внимание на халифа!» [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 8, с. 208; Kennedy, 2016, p. 248-249].

История с *таклидом* закончилась плачевно не только для ал-Джашангира – он был задушен, – но и для ал-Мустакфи. Когда ан-Насир Мухаммад вернул себе трон, об инвеституре даже не было упомянуто. У подошедшего с приветствиями халифа, который еще недавно был его товарищем в отроческих забавах, партнером по игре в поло и непременным участником султанской охоты, а потом объявил его, ан-Насира, отступником и злодеем, султан язвительно спросил: «Как же ты являешься и здороваешься с мятежником? Я был мятежником?». Ал-Мустакфи изменился в лице и не вымолвил ни слова [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 9, с. 7; ал-Манҷӯрӣ, 1998, с. 363]. В 1337 г. ан-Насир Мухаммад выслал халифа вместе со всеми его домочадцами и слугами в Кус [ас-Суйӯṭӣ, 2003, с. 381].

Со временем «декоративная» функция халифа в султанате мамлюков стала настолько очевидна, что изменились и порядок, и содержание инвеституры. Если Байбарс сам давал присягу халифу, то при его преемниках присяга стала постепенно приобретать характер взаимности. Возможно, слово *договор* точнее передаст в данном контексте смысл субстантивированной формы *мубайа‘а (mubāya‘ah)* арабского глагола *байа‘ (bāya‘)*, которое имеет два словарных значения – *давать присягу*, и *заключать торговую сделку* (что подразумевает выполнение обязательств по отношению друг к другу). В этом значении, по-видимому, употреблено слово *мубайа‘а* в «Истории халифов» в главе, посвященной ал-Хакиму II: когда к власти пришел Шихаб ад-Дин Ахмад (1342-1342), пишет ас-Суйути, – «… ему дали почетное имя ан-Насир, клятвенный договор (*мубайа‘а*) между ним и халифом скрепил верховный судья *шейх* Таки ад-Дин ас-Субки» [ас-Суйӯṭӣ, 2003, с. 391]. Академик В.В.Бартольд переводит слово *мубайа‘а* как «клятвенный договор», подчеркивая, что в источнике определено этим словом «отношение халифа к султану, а не наоборот» [Бартольд, Халиф…, 2002, с. 40].

Договор налагал некие, весьма расплывчатые, обязанности и на султана. Впрочем, исполнение этих обязанностей обеспечивало легитимность власти султана как светского правителя. Так, в инвеституре,

выданной султану ал-Му'аййаду Шайху значилось: «… возлагаю на тебя то, что в интересах правоверных, с тем чтобы твои решения были основаны на принципах истинной веры».[1] Весьма характерно в этом случае построение фразы: при кажущейся равнозначности первой и второй части предложения, цель инвеституры, вольно или невольно, сформулирована весьма четко – обеспечить легитимность решений султана (а не действия султана «в интересах правоверных»).

При Баркуке и его преемниках уже халиф присягал султану. В хронике Ибн Тагри Бирди новая формулировка – «…и дал ему присягу халиф…» появляется в сообщении о том, как султаном по решению Баркука, который счел, что время для осуществления переворота и захвата власти еще не настало, был избран один из малолетних сыновей ал-Ашрафа Ша'абана [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 381]. В дальнейшем упоминается, что при переходе главенства в доме Аббасидов к очередному халифу присягу ему давали судьи, высшее офицерство и главы ключевых государственных ведомств, но не султан [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 227].

В начале бурджитского периода, когда правившая в течение почти ста лет династия Калаунидов была свергнута, присяга стала значимым источником легитимности власти новых мамлюкских султанов – выдвиженцев из бурджитского (черкесского) корпуса армии. Баркук возобновил проведение торжественной церемонии присяги, которой стали пренебрегать его предшественники. Арабские хроники зафиксировали заметную разницу в том, при каких обстоятельствах халиф давал присягу упомянутому выше Баркуку и сменившему его на несколько месяцев ал-Малику ас-Салиху (1389-1390):

В среду, 26 ноября 1382 г. в Каире прошел сильный дождь. После полуденной молитвы повелитель правоверных ал-Мутаваккил в присутствии четырех судей и *шайх ал-ислама* Сирадж ад-Дина ал-Балкини принес присягу новому султану – Баркуку. По завершении этого великого дела *шайх* ал-Балкини наградил султана именем ал-Малик аз-Захир. Ал-Малик аз-Захир Баркук надел знаки царского отличия – черную расшитую

[1] Цит. по [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 368].

джуббу,[1] черную же чалму и бедуинский меч в портупее, затем он вышел из крепости через Цепные ворота. Эмиры выступали первыми, а Айтамуш ал-Баджаси нес над головой султана расшитый золотом шелковый балдахин, который был увенчан фигурой серебряной позолоченной птицы[2]. Так процессия поднялась к Большому Дворцу, султан взошел на трон, а эмиры целовали перед ним землю. В крепости ударили барабаны в честь нового правителя, по всему городу провозглашали его имя. Люди – и простые, и знатные – шумно радовались, Каир был украшен целых семь дней [ал-Маḳдисӣ, л. 2 а; ас-Сулṭāн, 2002, с. 120-121].

…

Йалбуга (один из эмиров, организовавших переворот) отправился к гарему и вызвал находящегося там ал-Малика ас-Салиха. Тот явился, и эмиры целовали перед ним землю. Затем пригласили четырех судей. В их присутствии халиф скрепил присягой власть нового султана. Надев знаки отличия владыки, ал-Малик ас-Салих проследовал в Большой Дворец, где уже были накрыты столы [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 262-263; ал-Маḳдисӣ, л. 21 б].

При бурджитских султанах пышность обстановки, количество и авторитет присутствующих при церемонии присяги, как правило, служили косвенным свидетельством прочности положения очередного правителя, а сама присяга и приобрела не только практический смысл (обещание верности, исполнения приказов и т. д.), но в идейно-религиозном ракурсе воспринималась как специфическое воплощение принципа *иджма‘,* суть которого выражает известный *хадис:* «Моя община не придет к согласию в заблуждении». Единодушное решение эмиров, поддержанное халифом, судьями, *улемами,* о присяге султану обеспечивало законность его власти [Frenkel, 2016, p. 254].

Важной функцией халифа было поддержание авторитета мамлюкского султана на региональном уровне. Аббасидские халифы давали инвеституру правителям Мекки и Йемена, османским султанам и ханам Золотой Орды [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 366]. О функциях халифа в Султанате мамлюков упоминает автор специального трактата о

---

[1] Одеяние из ткани с вышитой надписью, содержащей имя правителя, которая называлась *тираз* (*ṭirāz*). Одеяния из такой ткани носил сам правитель, *тираз* или изделия из него также отправлялись в качестве подарков правителям других стран или приближенным, чиновникам или военным командирам высокого ранга [Певзнер, 2015, с. 44; его же, 1979, с. 200]. Как отмечает С.Б.Певзнер, «…право выпуска тиразов являлось признаком суверенности правителя, наряду с правом чеканки монеты» [Певзнер, 1962, с. 122].

[2] Обычай нести над головой султана такой балдахин (обычно желтого цвета) сохранился со времен Фатимидов. Балдахин имел форму купола и назывался по-арабски *ал-кубба ва-т-тир* (*al-qubbah wa-l-ṭīr*)– «купол и птица» [ʿАбд ал-Ḥамӣд, 2006, с. 136; ал-Ḳалḳашандӣ, 1913-1922, т. 4, с. 7-8]. Изображение птицы было одном из устойчивых мотивов в мамлюкских вышитых тканях, упоминавшихся выше см. [Певзнер, 1960; Его же, 2015].

государственной и административной системе Египта и Сирии в XV в., историк Халил б. Шахин аз-Захири. Халифу, пишет он, – надлежит заниматься наукой и иметь много книг. Если же султан отправляется куда-либо по важному делу, халифу следует его сопровождать для пользы мусульман [аẓ-Ẓāхирӣ, 1894, с. 90]. Халиф, действительно, нередко сопровождал султана в военных походах. В разгар борьбы с крестоносцами, когда в 1261 г. Байбарс отправил отряды, находившиеся в Сирии, в Антиохию, к экспедиции присоединили халифа, для того чтобы поднять боевой дух воинов [ал-Манṣӯрӣ, 1998, с. 76]. Присутствие халифа в войске должно служить подтверждением того, что мамлюки воюют за правое дело [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 366]. При султанах-Бурджитах помимо этой очевидной причины, появилась и другая, не менее веская, связанная отказом от династического принципа престолонаследия: в отсутствие султана власть в Каире мог захватить один из его конкурентов. Если халиф в это время тоже находился в Каире, то новый претендент на престол мог получить от него инвеституру и добиться официального низложения отсутствующего султана. Несмотря на то, что решение халифа носило в любом случае лишь формальный характер, такая ситуация могла бы значительно осложнить положение правящего султана и затруднить его возвращение на трон.

Халифы оставались статистами в политических играх военной элиты, где тонкая интрига соседствовала с жестокой борьбой, а проигрыш мог обернуться и карьерным крахом, и ссылкой, и гибелью. Положение *повелителей верующих* делалось опасным, когда им не удавалось удержаться на благоразумном расстоянии от трона. Халиф ал-Мутаваккил, как минимум, дважды вступал в переговоры с мамлюкской оппозицией. В 1376 г. был убит султан ал-Ашраф Ша‘бан. Ал-Мутаваккилю предложили принять власть, но он отказался. Верх одержала партия сторонников сына ал-Ашрафа, малолетнего ал-Мансура. Регент при нем, Айбек ал-Бадари, который «…ненавидел халифа за то, что тот сделал, когда задушили ал-Ашрафа», в 1377 г. отправил ал-Мутаваккиля в ссылку, а на его место «без присяги и

согласного решения» посадил ал-Муста‘сима (1377). Эпизод закончился тем, что через пятнадцать дней халифом снова стал ал-Мутаваккил [ас-Суйӯṭӣ, 2003, с. 393-394].

При султане Баркуке ал-Мутаваккил вступил в переговоры с двумя эмирами – Куртом и Ибн Кутлуктамуром, на стороне которых находилось около восьмисот мятежников. Они планировали убить Баркука во время субботней игры в поло и передать власть ал-Мутаваккилю. О заговоре стало известно султану [ас-Сулṭāн, 2002, с. 149]. Ибн Тагри Бирди подробно сообщает о том, как проходил допрос смутьянов:

> Отрицали обвинение все, кроме Курта. Он испугался угроз султана и сообщил следующее: «Халиф вызвал меня и сказал: “Эти тираны правят страной без моего благоволения. Только по принуждению я облачил властью Баркука…”. Затем халиф потребовал от меня, чтобы я был с ним заодно и встал на защиту Истины. Я согласился и пообещал ему, что помогу и соберу восемьсот человек для этого дела». Тогда султан спросил у халифа: «Что скажешь об этом?». «В его словах нет правды», - ответил ал-Мутаваккил. Султан обратился к Ибн Кутлуктамуру. «Меня там не было, - заявил эмир, - но халиф пригласил меня в свой дом на Слоновом острове, передал упомянутый разговор и сказал: «Это во благо». Потом он убеждал меня вступить с ним в соглашение, встать на сторону Всевышнего Бога и защиты Истины». Ал-Мутаваккил все отрицал. Баркук разгневался настолько, что выхватил меч, чтобы перерезать ему горло. Судун, наместник Египта, встал между ними и сумел унять султана. Немного успокоившись Баркук приказал казнить Курта и Ибн Кутлуктамура, затем он призвал судей вынести решение об убиении халифа… [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 193-194].

Курт был казнен, для Ибн Кутлуктамура выхлопотали помилование, и он отправился в самую страшную каирскую тюрьму – Хизанат аш-Шама’иль, которая была построена еще при Аййюбидах и разрушена в 1415 г. при султане ал-Му’аййаде Шайхе. Решение об убиении халифа все-таки не было вынесено. Ал-Мутаваккиля заковали в кандалы и посадили в одну из башен Цитадели. Рассмотрев две кандидатуры, Баркук назначил халифом племянника ал-Мутаваккиля, ал-Васика II (1383-1386) [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 383-384].[1] Как упоминалось выше, в политическую борьбу был вовлечен и халиф

[1] После смерти ал-Васика II в 1389 г. Баркук назначил халифом другого представителя семьи Аббасидов – Закарийю, причем на этот раз первым присягнул ему. С почетным именем ал-Муста‘сим Закарийа оставался *повелителем верующих* до 1389 г. [Ибн Дуқмāқ, 1985, с. 460-461; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 195, 202; ас-Суйӯṭӣ, 2003, с. 394-295; ас-Сулṭāн, 2002, с. 194].

ал-Муста‘ин (1406-1414), объявленный султаном после смещения ан-Насира Фараджа.[1]

Как правило, халифы становились участниками заговоров и переворотов не по своей воле, реже – действовали по собственному усмотрению. И в том, и в другом случае риск утратить статус *повелителя верующих* и оказаться в тюрьме был велик, поскольку определить, какая из мамлюкских группировок одержит верх, и выбрать оптимальную линию поведения было очень трудно. Легкомысленным и безрассудным называет Ибн Тагри Бирди тринадцатого аббасидского халифа в Каире, ал-Ка’има (1451-1455). Когда сторонники эмира Инала организовали заговор с целью водворить на престол своего предводителя, ал-Ка’им поддержал их и сам объявил о смещении правящего султана ‘Усмана. Инал одержал победу и, став султаном, щедро наградил ал-Ка’има, увеличил размеры его *икта‘* и подарил ему среди прочего двустороннюю (белую и зеленую) украшенную вышивкой особого образца накидку из тонкого шелка и коня с золотым седлом и расшитым чепраком. Такая удача, вероятно, вдохновила халифа, и в 1455 г. он снова встал на сторону заговорщиков – мамлюков Джакмака, недовольных своим положением при новом султане. На этот раз участие ал-Ка’има в мятеже обернулось для него катастрофой.[2] Заговор провалился, султан сместил халифа и наградил титулом *повелителя верующих* другого Аббасида – ал-Мустанджида. Аль-Ка’им попытался при этом использовать формально имевшееся у него право смещать султана, но юридический казус ловко решил верховный судья ‘Алам ад-Дин ал-Балкини. Он сказал, что, поскольку ал-Ка’им больше не является халифом, он не может низложить султана [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 366]. Ал-Ка’има взяли под стражу и на два года отправили в тюрьму. Остаток дней ему позволили провести с семьей в Александрии [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 19, 22-23, 67-68; ас-Суйӯṭӣ, 2003, с. 402].

---

[1] См. Гл. 2.
[2] См. Гл. 6 выше.

В материальном плане халиф полностью зависел от султана. В бурджитский период, с приходом к власти Баркука размер субсидий на содержание халифа значительно вырос [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 366]. Выделение *икта‘*, повышение денежного жалования и продовольственного пайка, специальные вознаграждения отражали не столько желание султанов обеспечить себе поддержку со стороны халифа (в политическом плане халифы не имели никакого реального веса, а единичные случаи участия халифов в политических заговорах представляли гораздо большую опасность для самих халифов, нежели для султанов), сколько их стремление сделать заметной, видимой опеку и защиту халифа со стороны султана. Для Баркука это было необходимо, поскольку легитимность его прихода власти после свержения династии Калаунидов, нуждалась в укреплении и поддержке. Для его преемников, которые постепенно, но неуклонно утрачивали авторитет защитников мусульман, становилось все более актуальным проявлять себя хотя бы как защитников символов ислама, одним из которых был халиф. В целом, изменение в условиях содержания халифов, было, на наш взгляд, еще и отражением стремления мамлюкских султанов заслужить признание со стороны *улемов* не в политическом, но в религиозном или даже шире – культурном плане.

В 1516 г. мамлюкская армия была разбита в сражении на поле Мардж Дабик, и в 1517 г. Султанат мамлюков оказался под властью Османской империи, тогда же закончилась история аббасидских халифов в Каире. Селим I принял ключи от Каабы и почетный титул «Служитель обоих священных городов»,[1] его имя произносилось в пятничных молитвах, священные атрибуты мусульман были перевезены в Стамбул [Бартольд, Теократическая…, 2002, с. 313-314; Иванов, Об османском…, 2008, с. 213; Куделин, 2010, с. 142-143].

[1] Как отмечают исследователи, передача «прав» последним аббасидским халифом Селиму I – миф, созданный в конце XVIII в.: в XVI в. Османская империя была настолько могущественна, что не нуждалась в дополнительных титулах для своего султана. См., например, [Winter, 1998, p. 7].

Наряду с инвеститурой, которую султаны получали от аббасидских халифов, важным источником легитимности власти мамлюков была защита шариата и осуществление правосудия. Как отмечалось выше, вся судебная система и в Египте, и в Сирии находилась под контролем султана. В Султанате Бурджи были представлены четыре основных суннитских мазхаба. Большинство населения Египта принадлежало к шафи‘итскому мазхабу, но практически все мамлюки были ханафитами [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 378]. Считалось, что ханафитская школа права пользуется официальной поддержкой властей.[1] Во всех областях Султаната мамлюков функционировали суды каждой из четырех суннитских правовых школ, что давало мусульманам потенциальную возможность обращаться в тот суд, где заявитель мог рассчитывать на наиболее благоприятное разрешение дела [Tillier, 2017, p. 40-41].

Судебную систему возглавлял *верховный судья (qāḍī al-quḍāt),* который был основным советником султана по правовым вопросам, а также решал спорные вопросы, если таковые возникали между *главными судьями* четырех правовых школ [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 68, 69; Fernandes, 2002, p. 102]. Немусульманское население Султаната подлежало суду своих религиозных общин [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 383]. *Верховному судье* подчинялись *главные судьи* четырех мазхабов, которые были представлены в Каире, Дамаске и других крупных городах Султаната. *Главный судья*, как правило, имел заместителя (*nā’ib*) [Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 154].

Совет четырех судей принимал участие в обсуждении важных государственных решений, которые часто были так или иначе связаны с финансовыми вопросами, например, о введении чрезвычайных налогов, использовании вакуфных средств для обеспечения армии в период военных действий или их угрозы, наконец, о проведении денежных реформ [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 13].

[1] Исследователи отмечают, что в мамлюкский период противоречия между шафи‘итами и ханафитами приобрели необыкновенно острый характер [Richardson, 2012, p. 44].

Судьи пользовались достаточной степенью независимости в своих решениях, что могло приводить как к злоупотреблениям, так и к их суровому искоренению. В качестве примера борьбы со злоупотреблениями приведем такой случай: 11 сентября 1387 г. султан Баркук назначил главным шафи‘итским судьей Египта *шейха* Насир ад-Дина Ибн Бинт ал-Майлака (ум. в 797/1394-1395 г.), сместив с этого поста *кади* Бадр ад-Дина Мухаммада б. Абу-л-Бака’; едва успев вступить в должность, *шейх* Насир ад-Дин уволил всех судей Египта от ал-‘Ариша до Асуана. Он славился своим красноречием и крутым нравом, слыл борцом за справедливость и был очень горд своим новым назначением. У Насир ад-Дина сразу же появились недоброжелатели, пытавшиеся опорочить его в глазах султана, но Баркук оставлял без внимания все слухи и разговоры о новом шафи‘итском судье [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 204-205; Ибн ал-Фурāт, 1936-1938, т. 9, ч. 1, с. 14-15].[1]

Своей строгой приверженностью закону был известен Ибн Халдун. Его бескомпромиссная борьба с нарушениями вызывала недовольство некоторых его коллег по судебному корпусу, и, в конце концов, закончилась длительной отставкой. Но после того, как буквально за несколько дней до своей смерти Баркук в третий раз назначил его главным маликитским судьей, Ибн Халдун снова предпринял решительные действия, в частности закрыл несколько винных лавок, которые появились на улицах Каира за время его вынужденного отсутствия на посту [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 440].

Проявление подчеркнутого уважения, знаки внимания или покровительство по отношению к видным представителям когорты судей укрепляли авторитет султанов как ревнителей шариата и защитников норм и ценностей ислама. *Верховный судья*, а также – очень часто – *главные судьи* четырех мазхабов были непременными участниками всех торжественных церемоний, если только эти церемонии не носили чисто военный характер.[2]

---

[1] Отношение аз-Захира Баркука к Насир ад-Дину переменилось только после мятежа Минташа и Йалбуги ан-Насири: когда Баркук был брошен в тюрьму, судья выступил с речами, осуждающими и порочащими Баркука [Ибн Ḥаджар, 1998, с. 365-366].

[2] См., например, [ал-Маḳрӣзӣ, 1997, т. 5, с. 440].

При Бурджитах было постепенно забыто правило, согласно которому только мамлюки, но не *улемы* и *кади*, имели право использовать в качестве верховых животных лошадей [Berkey, Culture…, 1998, p. 392]. Попытка вернуться к соблюдению этого правила, сделанная в начале правления ал-Ашрафа Инала, вероятнее всего, носила спонтанный характер, была воспринята жителями Каира как очередное проявление произвола военных и не привела к изменению устоявшегося порядка: когда в 1454 г. мамлюки Инала силой отобрали лошадей у всех, кто ездил верхом в Каире, но не принадлежал к мамлюкскому сообществу, египтяне в течение «многих дней» – с возмущением отмечает Ибн Тагри Бирди – были вынуждены ездить на мулах и ослах и только потом снова, *как обычно,* пересели на лошадей [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 486].

Иерархию судей и работу судебной системы в Султанате мамлюков проиллюстрируем одним примером, связанным, впрочем, с довольно редким в исламской судебной практике случаем – убийством *факиха*, обвиненного в неверии. В 1454 г. в Каир поступило донесение от *наместника* султана в Алеппо о том, что главный ханбалитский судья Алеппо собственноручно убил некоего *факиха*, которого перед этим осудил за неверие. События развивались следующим образом. Одного из *факихов* обвинили в неверии, были предъявлены доказательства и составлен соответствующий протокол. Главный ханбалитский судья Алеппо признал доказательства убедительными, вынес обвинительное решение и соответствующий приговор. Осужденный *факих* заявил, что между ним и судьей идет тяжба, отверг свидетельства и потребовал пересмотра дела советом четырех судей в присутствии *наместника*. Главный ханбалитский судья немедленно приказал привести к нему осужденного *факиха* (предположительно, убоявшись разбирательства), накинул ему на шею веревку и задушил. Дело получило огласку, и *наместник* решил известить о случившемся султана. Султан созвал совет четырех *главных судей* – уже в Каире, мнения присутствующих разошлись, султан поддержал позицию главного ханафитского судьи и приказал *наместнику* Алеппо

арестовать судью, совершившего убийство, а также свидетелей и заключить их в цитадели [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 484].[1] Таким образом, прослеживается следующая схема: решение *главного судьи* одного из мазхабов провинции может быть пересмотрено советом *главных судей* всех четырех мазхабов; такой совет собирается по решению *наместника* и в его присутствии. Решение провинциального совета может быть пересмотрено решением совета *главных судей* четырех мазхабов в Каире. Этот совет, в свою очередь, собирается по решению султана и в его присутствии. Султан (как и его *наместники* в провинциях) прислушивается к мнению судей и на его основании выносит окончательное решение.

Итак, управление судебной системой было прерогативой султана. Он назначал главных судей в городах Египта и Сирии, а также в Мекке [Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 34; Lutfi, 1985, p. 156; Petry, 1994, p. 40]. Судьи обладали лишь делегированными со стороны верховной власти полномочиями. В любой момент султан мог вмешаться в судебный процесс, назначать и смещать судей по своему усмотрению.

Султан также назначал многочисленных помощников *кади.*[2] В случае, если на некоего судью подавалась жалоба, дело также рассматривалось с участием султана. Султан мог принять решение об аресте судьи, наложении на него штрафа, если судья нарушил закон или злоупотребил им (нередко это касалось манипуляций с вакуфной собственностью) [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 131; Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 270-271; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 11-12]. В некоторых случаях наказание могло быть и более жестоким. Так, в 1490 г. за неправомерное распоряжение доходами от *вакфа* судья Тадж ад-Дин Ибн ал-Макси был подвергнут жестокой и унизительной пытке, а затем казнен [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 164-165; Ибн Ṭӯлӯн, 1998, с. 21; Ибн ал-Ḫимṣӣ, 2000, с. 158].

---

[1] Судья, задушивший своего коллегу, был в результате казнен [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 146].

[2] Например, при султане ал-Му'аййаде Шайхе у шафи'итского судьи было десять помощников, у ханафитского – пять, у маликитского – четыре [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 379].

Мамлюкские султаны и эмиры редко вмешивались в текущие судебные дела, но неповиновение со стороны судей по политическим вопросам неминуемо приводило к смещению с должности. Так, эмир Минташ, фактически контролировавший власть в Каире в течение нескольких месяцев 1389 г., когда Баркук был смещен, а на трон был снова посажен Хаджжи II, обязал *верховного судью* Садр ад-Дина Мухаммада ал-Мунави последовать за войском в Сирию, где Минташ планировал сразиться с вырвавшимся из заточения Баркуком. Присутствие халифа и *верховного судьи* носило принципиальный характер, поскольку позволяло немедленно получить подтверждение легитимности действий Минташа с точки зрения мусульманского права. Садр ад-Дин просил позволения отказаться от поездки, и просьба его была удовлетворена. Но задача не могла оставаться не решенной, и Минташ тут же назначил на должность *верховного судьи* другого *улема*, который оказался более сговорчивым и, более того, оказал финансовую поддержку Минташу [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 302].

Как было отмечено выше, вмешательство султана в судебные разбирательства было довольно редким. Остановимся на двух таких случаях. Один из них имел место в 1449 г. и касался дела о разводе. Султан Джакмак, которому стало известно об этом случае, счел решение шафи‘итского судьи несправедливым (речь шла о том, что некий мужчина развелся с женой незадолго до своей смерти, будучи уже тяжело больным). Джакмак приговорил судью к телесным наказаниям и заключил в тюрьму, а *главного судью* шафи‘итского мазхаба велел снять с должности. Приближенные уговаривали султана ограничиться наказанием только того судьи, который принял решение, и на следующий день султан смягчился и утвердил *главного судью* в прежней должности. Через некоторое время Джакмак все-таки решил отстранить *главного* шафи‘итского *судью* от дел и выслать его в Тарсус. Снова явились заступники, и султан позволил *главному* шафи‘итскому *судье* остаться в Каире. В тот же день после очередных консультаций с советниками Джакмак принял решение снять *главного* шафи‘итского *судью* с должности и выслать

его в Иерусалим. Еще через несколько дней этому *факиху,* снятому с должности *главного* шафи‘итского *судьи*, все-таки было позволено остаться в Каире [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 211, 214, 215].

Другой случай имел место в период правления султана Кансуха ал-Гури, в конце 1513 г. и был связан, казалось бы, с делом, весьма далеким от политики – супружеской изменой. События развивались следующим образом. Один из шафи‘итских судей, Нур ад-Дин ‘Али ал-Машали полюбил красавицу-жену ханафитского судьи, Гарс ад-Дина Халиля. Женщина отвечала Нур ад-Дину ал-Машали взаимностью. Однажды муж изменницы, Гарс ад-Дин Халил, отправился в мечеть, чтобы провести ночь в молениях.[1] Жена его решила воспользоваться случаем и послала сообщить своему возлюбленному, Нур ад-Дину ал-Машали, что «путь свободен». У ее дома в это время находился еще один ее почитатель, некий Шумайс, по-видимому, человек ревнивый. Он дождался прихода ал-Машали, а затем поспешил к Гарс ад-Дину, чтобы рассказать о том, что происходит в его доме. Гарс ад-Дин Халил вернулся и обнаружил свою жену в объятиях Нур ад-Дина ал-Машали. Любовники умоляли Гарс ад-Дина сохранить их преступление в тайне. Ал-Машали предложил обманутому мужу тысячу динаров, а неверная жена сказала, что отдаст все принадлежащую ей домашнюю утварь, но попытка была тщетной. Гарс ад-Дин запер преступников в доме и отправился к начальнику дворцовой стражи. Нур ад-Дин ал-Машали и жена Халиля были доставлены на допрос. Ал-Машали признался в совершении прелюбодеяния. Шафи‘итский судья Шамс ад-Дин б. Ухайш письменно засвидетельствовал признание ал-Машали и составил протокол. Ал-Машали и жена Гарс ад-Диня Халиля тут же были жестоко побиты. Затем их спиной вперед усадили на ослов и провезли по улицам Каира. После Гарс ад-Дину Халилю возвратили его жену с условием уплаты ста динаров начальнику дворцовой стражи. Халил платить отказался и в результате сам очутился в тюрьме. Маленький сын Халиля учился вместе с

[1] Ночные бдения, которые обычно устраивались в ночь с четверга на пятницу, стали особенно популярны в Каире в конце XV – начале XVI в. [Шмидт, 1914, с. 22].

детьми приближенных султана. Вскоре мальчику предоставился случай обратиться к Кансуху ал-Гури, который заинтересовался делом, и ребенок рассказал все, что случилось «от начала до конца». Через несколько дней султан поднял вопрос о наказании Нур ад-Дина ал-Машали и его любовницы и заявил, что считает преступников заслуживающими побивания камнями. Главный шафи‘итский судья санкционировал соответствующее решение, но казнь отложили из-за отправки каравана паломников [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 4, с. 340-343].

Отсрочкой воспользовался другой шафи‘итский судья, Шамс ад-Дин аз-Зункулуни. Он выступил в защиту ал-Машали и развернул дискуссию о том, отменяется ли наказание в том случае, если некто, совершив прелюбодеяние, признался, а затем отказался от своего признания. Каирские *улемы* согласились с мнением *шейха* Бурхан ад-Дина б. Абу Шарифа в том, что в указанном случае наказание следует отменить. Узнав об этом султан был взбешен. «Мусульмане! – Вскричал он. – Некто вошел в дом другого человека, совершил прелюбодеяние с его женой, был схвачен прямо в постели, признался в преступлении, своей рукой написал о содеянном, и после этого вы говорите об отмене наказания?!» [Там же, с 344]. Но *улемы* и судьи подтвердили решение об отмене наказания. Ибн Ийас пишет, что ал-Гури был так разгневан, что едва удержался от рукоприкладства. «Разве не я здесь решаю?» [Там же], – произнес султан ключевую фразу, которая должна была напомнить всем участникам обсуждения о том, как распределяются полномочия. После этого *шейх* Бурхан-ад-Дин б. Абу Шариф был выслан в Иерусалим, защитник ал-Машали, Шамс ад-Дин аз-Зункулуни получил тысячу палочных ударов, а его сыновья – по шестьсот. Аз-Зункулуни усадили на осла, провезли по городу, «…и кровь стекала с его пяток» [Там же, с. 347]. Несчастный судья не выдержал пытки и скончался. В результате всей этой трагической истории Кансух ал-Гури уволил *главных судей* четырех мазхабов, и в течение пяти дней никакие судебные решения в Каире не принимались.

Султан поклялся, что ни один из изгнанных судей не вернется на свою должность [Там же, с. 344-348, 355].

В начале января 1514 г. султан принял решение повесить Нур ад-Дина ал-Машали и согрешившую с ним женщину. Местом казни Кансух ал-Гури выбрал ворота дома Бурхан ад-Дина б. Абу Шарифа, того самого судьи, который ратовал за отмену наказания. Несчастных любовников повесили, причем так, что лица их были обращены друг к другу. Разрешение на похороны султан дал только через два дня. После того как казнь свершилась, султан назначил новых судей [Там же, с. 349-350].

Дело о супружеской неверности стало знаковым во внутренней политике Кансуха ал-Гури. В отличие от первого отмеченного нами случая (о разводе, в период правления Джакмака), который свидетельствовал скорее о том, что султан был склонен принимать поспешные решения под влиянием то одной, то другой фракции при дворе, в этом деле султан наглядно продемонстрировал, что полностью контролирует судебную систему в стране и выступил ревнителем закона и порядка, защитником морали, нравственности и подлинных ценностей ислама. Дело в том, что более чем за полстолетия, прошедших со времени правления аз-Захира Джакмака, ситуация в Султанате в корне изменилась. Период правления Джакмака был одним из самых стабильных в истории Бурджитов, а сам султан имел устойчивую репутацию скромного и набожного *факиха* и вполне мог позволить себе практически безразличное отношение к одному из судебных дел, попавших в поле его зрения. В начале XVI в. в свете растущей угрозы со стороны османов, позиционировавших себя как истинных защитников ислама, а также непопулярной финансовой политики и бесконечных конфискаций, которые проводил Кансух ал-Гури, имидж строгого, но справедливого и благочестивого правителя нуждался в постоянном подкреплении. Принципиальная позиция в деле о супружеской неверности, получившем широкую огласку в Египте, должна была стать еще одним доказательством

строгой приверженности султана законам шариата [Илюшина, Мухаммад…, 2012, с. 151-152].

К числу традиционных для мусульманских правителей функций султана, помимо общего управления судебной системой, относился разбор жалоб, поступавших от подвластного населения [Tillier, 2017, p. 44]. Один или два раза в неделю султан отправлялся во Дворец правосудия, чтобы выслушать тех, кто искал справедливости и защиты.[1] Суд *мазалим,* в основном, рассматривал жалобы на насилие и притеснение со стороны властей и апелляции на решения судей, причем обратиться к султану за защитой мог любой его подданный, в том числе и *зиммий,* т.е. христианин или иудей [ал-Ваккāд, 1999, с. 83; Ибн ал-Ḫимṣī, 2000, с. 161].

После того как при Бахритах суд *мазалим* достиг высокой степени бюрократизации и проводился во второй половине XIV в. под председательством не султана, но его наместника, с приходом к власти Бурджитов регулярное участие султана в заседаниях по делам *мазалим* было восстановлено. На улицах и площадях Каира, а также в других городах султаната было объявлено, что любой, с кем обошлись несправедливо, может подать жалобу. Непосредственное участие султана в таких заседаниях служило весьма наглядной демонстрацией его приверженности принципам справедливого правления, а также легитимности и авторитета верховной власти [Mauder, 2019, p. 167].[2] Источники сохранили для нас описание некоторых судебных процессов, в ходе которых султан повелевал

[1] Первый дворец правосудия специально для слушания дел о притеснениях – *мазалим* (*maẓālim*) – был построен Нур ад-Дином Занги (1146-1174) в Дамаске в 1163 г., но сам институт *мазалим* как структура, предназначенная для прямого и непосредственного вершения правосудия правителем, был продолжением древней традиции, существовавшей в различных формах в Византии, Сасанидском Иране и доисламской Аравии, а также в ранний период истории халифата. Согласно некоторым источникам первым халифом, регулярно разбиравшим дела о притеснениях на специальных судебных заседаниях – *мазалим* – был ‘Абд ал-Малик (685-705), но, вероятнее всего, становление института *мазалим* относится к Аббасидской эпохе [Rabbat, 2010, p. 146]. Описание классической структуры и функций суда *мазалим* представлено в сочинении ал-Маварди «Принципы управления» [ал-Māвардī, 1989, с. 102-152].

[2] Согласно описанию ал-‘Умари, которое с незначительными изменениями было повторено ал-Калкашанди в его знаменитой энциклопедии, во время суда по делам *мазалим* султан сидел на специальном возвышении рядом с троном. Трон оставался пустым, а место, которое занимал султан, было несколько ниже трона, хотя и немного выше, чем места остальных участников процесса, что, по-видимому, должно было символизировать, что в делах *мазалим* султан ничем (почти) не отличается по своему положению от своих подданных [Fuess, 2009, p. 129].

мамлюкским эмирам даже самого высокого ранга смиренно стоять рядом с теми, кто подавал на них жалобы и покорно дожидаться высочайшего решения. На таких заседаниях рассматривались жалобы, поступавшие от представителей всех слоев населения и провинций мамлюкского государства. В случае необходимости на слушание дела в Каир вызывали ответчиков и свидетелей не только из Египта, но и из Сирии [ал-Буçравӣ, 1988, с. 64-66; Ибн ал-Х̣имçӣ, 2000, с. 161; Volterra, 2012, s. 54]. Хотя все четыре *главных судьи* должны были в обязательном порядке присутствовать на слушаниях такого рода дел, и, фактически, ни одно решение, принятое в суде *мазалим,* не противоречило нормам шариата, здесь ключевая роль принадлежала султану или его представителю, поскольку значительная часть дел носила явный или скрытый политический характер [Fuess, 2009, p. 129, 132, 138].

Заседания *мазалим* были основным местом разбора судебных дел, касающихся мамлюков,[1] и проводились под непосредственным руководством султана или его представителя. Поскольку в суд по делам *мазалим* поступали жалобы на представителей власти, исход дела, особенно если оно касалось того или иного мамлюкского эмира, зависел от воли султана, и от расстановки сил в борьбе между мамлюкскими фракциями, а решение суда нередко имело политические последствия. Кроме того, подобные разбирательства позволяли султанам производить чистку государственного аппарата от неугодных чиновников [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 380; Fuess, 2009, p. 121-122]. Известное утверждение ал-Макризи, что такие дела, носившие сугубо светский и, часто, политический характер, решались на основе монгольской ясы едва ли можно считать обоснованным, поскольку нет никаких других свидетельств о применении *ясы* в суде *мазалим.*[2] Суд *мазалим* был призван

[1] Существовала также и должность *военного судьи (qāḍī al-ʻaskar)*, на которую назначался один из *улемов* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 350]. В Египте были военные судьи ханафитского, шафиʻитского и маликитского мазхаба, в Сирии – маликитского и ханбалитского. Военные судьи разбирали дела военных, а также гражданских лиц, если они затрагивали интересы армии [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 380].

[2] Вероятнее всего, замечание ал-Макризи относилось к тем случаям, в которых султан, вне рамок суда *мазалим*, на основании поступавшей к нему информации (в том числе доносов и жалоб) принимал решение о наказании мамлюков и эмиров. Эмир мог пожаловаться султану на своих собственных мамлюков, в таком

демонстрировать приверженность власти мусульманским законам, поэтому в намерения султана или его представителей не входило вступать в своих решениях в противоречие с шариатом [Ayalon, 1973, p. 121-123, 140-142; Fuess, 2009, p. 132].

При Баркуке такие процессы проводились в начале в *айване (aywān)* – парадном помещении,[1] выстроенном бахритским султаном ан-Насиром Мухаммадом в Цитадели, а затем, в 1387 г., перенесены в специальное помещение на территории султанских конюшен и проходили весьма торжественно; дни недели, по которым проходили заседания в период правления Бахритов, были также изменены [Ибн ал-Фурāт, 1936-1938, т. 9, ч. 1, с. 17-18; аш-Шиштāвī, 1999, с. 21-22]. Перенос заседаний по делам *мазалим* на территорию султанских конюшен отнюдь не означал снижения статуса этих заседаний и самого суда *мазалим,* поскольку та часть Цитадели, где находились султанские конюшни, относилась к числу привилегированных: право иметь резиденцию там получал офицер только самого высокого ранга, наиболее приближенный к султану. Помимо этого, территория конюшен имела стратегическое значение: тот, кто контролировал конюшни, фактически мог перекрыть доступ к дворцу султана. Перенос заседаний на новое место и замена дней слушания дел символизировали окончательное отмежевание Баркука от его предшественников – Бахритов, и намерение начать реструктуризацию государственного управления [Nielsen, 1991, p. 933-934; Rabbat, 2010, p. 161-162; Tillier, 2017, p. 44-45].

Традиция проведения заседаний по делам *мазалим* на территории конюшен сохранялась при преемнках Баркука, только в очень редких случаях слушания устраивались в том дворце, который был выстроен для этого при Бахритах [Ибн Таґрī Бирдī, 1990, с. 547; ал-Малаṭī, 2002, т. 7, с. 166]. Еще одним местом для разбора дел *мазалим* стал в середине XV в. парк в Цитадели.

случае султан разбирал жалобу и назначал соответствующее наказание [Ибн Таґрī Бирдī, 1990, с. 266]. Подробнее о том, как ал-Макризи трактовал применение ясы мамлюками см. [Ayalon, 1971, p. 99-132; Idem, 1973]. Вопрос о влиянии ясы на решения правового характера, которые принимались мамлюкскими султанами, носит дискуссионный характер. Критический обзор исследований на эту тему см. в [Burak, 2015].

[1] *Айваны* строились обычно открытыми с одной стороны.

Там, под балдахином было установлено специальное деревянное возвышение, или скамья (*dikkah*), покрытое коврами. Вероятнее всего помещение на территории конюшен использовалось зимой или в непогоду, а в остальное время – заседания проводились в султанском парке. В 1503 г. Кансух ал-Гури распорядился выстроить новое помещение для суда *мазалим* прямо на ипподроме, вероятно, чтобы иметь возможность демонстрировать как можно большему числу людей, как султан стоит на страже правосудия.

Внимание султанов к делам *мазалим* в некоторой степени отражало характер текущей политической ситуации. Так, в относительно спокойный период правления Джакмака заседания не проводились в течение шести лет, Хушкадам занялся разбором дел *мазалим* только через пять лет после вступления на престол [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 340; его же, 1992, т. 16, с. 265; Fuess, 2009, p. 126-13], а первый султан бурджитского периода Баркук, вынужденный бороться за сохранение и укрепление своей власти, и предпоследний – Кансух ал-Гури, а также последний – Туманбай, столкнувшиеся с растущей внешней угрозой, проявляли гораздо больше интереса к проведению таких судебных заседаний [ʻАбд ал-ʻАẓӣм, 2016, с. 366-370]. О своем намерении проводить заседания по делам *мазалим* дважды в неделю (по вторникам и субботам) заявил и султан Тамурбуга, который в сложной политической ситуации сумел удержаться на троне менее двух месяцев. Несмотря на короткий период правления Тамурбуга успел приступить к разбору дел *мазалим* и даже наказал одного из сирийских судей за неподобающее поведение [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 344-345].

Суд *мазалим* функционировал в Султанате мамлюков вплоть до османского завоевания и был одним из институтов мамлюкской государственной политической системы, который находился под непосредственным контролем султана, а в сфере идеологии – служил значимым средством укрепления легитимности власти правителя. Основная цель поддержания этого института, деятельность которого была максимально формализована и, как правило, проходила в помпезной обстановке, состояла в

укреплении авторитета султанов, их имиджа легитимных правителей, защитников мусульман, ревнителей шариата. В целом ряде случаев, судебные разбирательства, действительно, решались в пользу тех, кто пострадал от несправедливых решений власть имущих.[1] Вместе с тем, дела *мазалим* нередко становились средством политической манипуляции в руках султанов и их доверенных представителей.

В судебной, как и в бюрократической системе Султаната мамлюков была выражена тенденция передачи должностей по наследству. Типичным примером сохранения определенных мест в администрации и судах за членами одной семьи, и при этом довольно ярко иллюстрирующим особенности карьерного роста и взаимоотношений в среде *улемов*, является история семейного клана аш-Шихна, основателем которого был эмир Хусам ад-Дин Махмуд б. ал-Хутлуки (ум. 1228 г.). Он служил зенгидскому правителю Исма‘илу (1174-1181) и Аййюбидам ал-Малику аз-Захиру (1186-1216) и ал-Малику ал-‘Азизу (1216-1237) на посту городского *шихны*[2] – начальника полицейского ведомства и некоторое время даже наместника Алеппо. По этой его должности сыновей и внуков ал-Хутлуки называли Ибн аш-Шихна. Многие из них стали авторитетными *факихами* ханафитского мазхаба, некоторые прославились своими сочинениями по *адабу,* были известны как талантливые поэты и мастера прозы своего времени [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 96; ас-Саҳāвӣ, 2000, с. 357-360; Martel-Thoumian, 1991].

Видным представителем клана аш-Шихна был Абу ал-Валид Ибн аш-Шихна (ум. в 1412 г.). Он принадлежал к числу самых авторитетных *факихов* своего времени, был блестящим знатоком словесности и обладателем

---

[1] Сохранилось довольно много сообщений о делах такого характера. Так, например, к периоду правления султана ал-Му’аййада Шайха относится судебное разбирательство, ответчиком в котором выступал *глава* каирского *полицейского ведомства*, эмир Ибн ат-Таблави. Дело заключалось в следующем. Утонул сын какого-то бедняка. За похороны утопленника Ибн ат-Таблави назначил плату в пять динаров. Несчастный бедняк-отец не смог собрать затребованную сумму и оставил тело на берегу Нила, где оно лежало в течение двух дней, пока его не начали поедать собаки. Султан осудил Ибн ат-Таблави и приговорил его к палочным ударам [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 2, с. 40].

[2] Термин «шихна» (*shiḥnah*) имеет несколько значений: «помощь», «сборы с горожан на содержание полиции», «полиция». В аббасидскую эпоху *шихна* – начальник гарнизона или комендант. См. примечания И.Б.Михайловой к [Хилāл аç-Çāбӣ, 1983, с. 101].

великолепного почерка, автором сочинения «Сад пейзажей в знании о первых и последних», историческое повествование в котором доведено до 806/1403-1404 г. Абу ал-Валид Ибн аш-Шихна занимал должность судьи в Алеппо,[1] Дамаске и Каире, был дважды арестован [Ибн аш-Шиḥна, 1997; ас-Саḫāвӣ, 2000, с. 406-428].

Сын Абу ал-Валида, Мухибб ад-Дин Ибн аш-Шихна (ум. в 1485 г.)[2] учился и в Дамаске, и в Каире, женился на дочери одного из самых уважаемых сирийских *кади,* Ибн Хатиба ан-Насирийи (ум. в 843/1439-1440 г.). Известно, что, еще не достигнув возраста тридцати лет, он получил должность военного судьи, а затем, в 836/1432-1433 г. – главного ханафитского судьи Алеппо, чему, вероятно, способствовал авторитет его семьи. Одновременно он занимался преподаванием в двух *медресе,* а после смерти своего тестя ан-Насирийи «унаследовал» его пост *хатиба* Большой алеппской мечети [ас-Саḫāвӣ, 2000, с. 361-362, 366-367; ас-Суйӯṭӣ, 1927, с. 171; Schimmel, 1943, s. 93-94].

Постепенно Ибн аш-Шихна приобрел большое влияние в Алеппо, который был вторым по значимости после Дамаска городом мамлюкской Сирии. Вместе с влиятельным положением у Ибн аш-Шихны появилось и большое количество завистников. В результате, в 1442 г. Мухаммад Ибн аш-Шихна впал в немилость и был отправлен в отставку, но уже в 1445 г. снова занял пост *главного* ханафитского *судьи* Алеппо, а также *начальника канцелярии наместника* султана и *управляющего армейским ведомством* в провинции. Такому продвижению способствовали десять тысяч динаров и ходатайство нового тестя[3] Ибн аш-Шихны – Мухаммада ас-Сифти (ум. 1451 г.), управляющего казначейством и одного из самых влиятельных бюрократов

[1]Абу ал-Валид также учредил *вакф* в пользу мечети в цитадели Алеппо, о чем свидетельствует сохранившаяся надпись, которая датируется 811/1408 г. [Ибн аш-Шиḥна, 1997, с. 11-13; Sourdel, 1986, p. 938].

[2] Мать Мухибб ад-Дина принадлежала к семье одного из провинциальных чиновников, который служил в нескольких небольших сирийских городах, а в Алеппо основал *медресе* [ас-Саḫāвӣ, 2000, с. 361].

[3] На дочери ас-Сифти Ибн аш-Шихна женился после смерти своей первой жены – дочери судьи ан-Насирийа [ас-Саḫāвӣ, 2000, с. 367].

в период правления аз-Захира Джакмака [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 312-313; ас-Саҳāвӣ, 2000, с. 367; Schimmel, 1943, s. 94].

Весной 1452 г., когда освободилось место *начальника канцелярии* султана, Ибн аш-Шихна стал энергично добиваться назначения на этот пост. Пообещав уплатить десять тысяч динаров (пять до назначения и пять после) Ибн аш-Шихна получил положительный ответ султана. Однако кандидатура Ибн аш-Шихны вызвала крайне негативную реакцию у других *улемов,* имевших влияние при дворе. Они прилагали все возможные усилия, чтобы отсрочить вступление Ибн аш-Шихны в должность. Один из шафиʻитских судей предложил за то же место не десять, а двенадцать тысяч динаров, ханафитский судья «поднял ставку» до двадцати тысяч динаров (а за то, чтобы сохранить за собой при этом управление *вакфами* Хеврона и Иерусалима, он готов был заплатить тридцать пять тысяч динаров). В результате Ибн аш-Шихна остался на прежних позициях и в сентябре того же года удалился в Алеппо [ал-Биқāʻӣ, 1992-1993, т. 1, с. 193-195, 242; ас-Саҳāвӣ, 2002-2007, т. 4, с. 7-8].

В конце 1452 г. Ибн аш-Шихна был снова снят со всех должностей. На этот раз дело не ограничилось отставкой: его дом был конфискован, а сам он отправлен в тюрьму вместе со своими сыновьями. Ибн аш-Шихну обвинили в махинациях с вакуфной собственностью и незаконном строительстве (речь шла о том, что Ибн аш-Шихна использовал материалы, из которых была построена одна из алеппских мечетей, в собственной резиденции). Следствие установило, что он присвоил шестьдесят тысяч динаров из вакуфных средств, находившихся в его управлении [ал-Биқāʻӣ, 1992-1993, т. 1, с. 203-205, 260-261; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 380, 412].

Будучи под стражей, Ибн аш-Шихна оказался замешан в скандальной истории, которая довольно ярко характеризует отношения между судьями. С очередными обвинениями против Ибн аш-Шихны выступил *главный* шафиʻитский *судья* Алеппо. Тогда Ибн аш-Шихна обратился за защитой к *главному* ханбалитскому *судье* Алеппо, и тот подтвердил, что между

шафи‘итским судьей и Ибн аш-Шихной существует личная вражда, что позволяло игнорировать обвинения шафи‘ита. Шафи‘итский судья, в свою очередь, приказал доставить к нему ханбалитского вместе с его клерками, подверг их побоям, усадил на ослов, провез по городу и только после этого отпустил. Оскорбленный ханбалитский судья отправился искать защиты у *наместника* султана в Алеппо. Но тот не стал вмешиваться и заявил, что это дело может разобрать только султан. Отчаявшись найти защиту, ханбалитский судья собрал вокруг себя каких-то отчаянных молодцов и во главе импровизированной банды разграбил дом своего обидчика – шафи‘итского судьи. Затем, осознав, в какое положение он сам себя поставил, бежал в Хаму и был впоследствии смещен с должности по приказу султана [ал-Биḳāʿī, 1992-1993, т. 1, с. 301-302].

В начале следующего года аз-Захир Джакмак умер, его сын ал-Мансур ‘Усман сумел удержаться на троне всего полтора месяца, и к власти в Каире пришел новый султан – ал-Ашраф Инал. Масштабные перестановки в политической элите и административном аппарате, к осуществлению которых приступил Инал, давали Мухаммаду Ибн аш-Шихне шанс вернуть утраченные позиции. Ибн аш-Шихна отправился в Каир, причем взял с собой сына и внука. С помощью щедрых подарков добился аудиенции у султана, передал в казну по одной версии четыре, по другой – около десяти тысяч динаров, пообещал принести еще больше и, в конце концов, снова получил пост *главного* ханафитского *судьи* Алеппо [ал-Биḳāʿī, 1992-1993, т. 1, с. 370; Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 444, 446].

Осенью 1453 г. Мухаммад Ибн аш-Шихна был назначен на высокую должность в гражданской мамлюкской администрации – *начальника султанской канцелярии* [ал-Биḳāʿī, 1992-1993, т. 1, с. 423]. За это место он уплатил двадцать тысяч динаров. Чиновник, занимающий должность *начальника султанской канцелярии*, по сложившейся традиции совмещал эту работу с управлением целым рядом *вакфов* [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 455]. Так, Ибн аш-Шихна получил в управление *вакфы медресе* султана ал-

Му’аййада Шайха, мавзолея, *ханаки* и *медресе* аз-Захира Байбарса, а также мавзолея и *медресе* эмира Джамал ад-Дина Махмуда[1] [ал-Биḳāʿī, 1992-1993, т. 1, с. 436].

Ибн аш-Шихна сумел продержаться на этом высоком посту всего восемь месяцев: весной 1454 г. он был смещен – как пишет, Ибн Тагри Бирди – к всеобщей радости, а осенью того же года выслан в Иерусалим [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1990, с. 493, 503]. Короткое замечание Ибн Тагри Бирди о реакции на отставку Ибн аш-Шихны, дополняет весьма пространный комментарий другого современника этих событий – ал-Бикаʿи. По свидетельству ал-Бикаʿи, Ибн аш-Шихна был человеком бесстрашным, умным и коварным, проницательным, хитрым, обладал обширными знаниями, легко расставался с деньгами. Ал-Бикаʿи прямо пишет о том, что Ибн аш-Шихна окружил себя худшими из жителей Каира, а остальные боялись Ибн аш-Шихну и всю его семью: «сердца дрожали, дух захватывало, грудь сжимало, глаза боялись сомкнуть» [ал-Биḳāʿī, 1992-1993, т. 1, с. 193-194]. Против Ибн аш-Шихны плели интриги, в присутствии султана собратья по перу старались указать на то, что в документах, составленных Ибн аш-Шихной, выбранные им слова и выражения можно заменить на более точные и удачные, хотя даже недруги, в том числе и ал-Бикаʿи признавали, что Ибн аш-Шихна был одним из лучших знатоков высокого стиля и одаренным литератором [Там же, с. 436].

Через некоторое время Ибн аш-Шихна получил дозволение вернуться в Алеппо. Здесь он отказался от поста ханафитского судьи в пользу своего старшего сына Асир ад-Дина Мухаммада (ум. в 1493 г.), одновременно добившись назначения своего внука, Джалал ад-Дина Мухаммада на пост *главного* шафиʿитского *судьи* [ас-Саḫāвӣ, 2000, с. 369]. По-видимому, Ибн аш-Шихна вынашивал планы возвращения в Каир. В октябре 1458 г. умер пользовавшийся огромным влиянием в период правления султана Инала, уже упоминавшийся выше Джамал ад-Дин Йусуф. Смерть Джамал ад-Дина давала

[1] *Медресе* упоминавшегося выше *устадара* султана Джамал ад-Дина Махмуда была построена в 1409 г.

Ибн аш-Шихне шанс на возвращение. В очередной раз потратив немалую сумму денег на взятки, он снова добился назначения на пост *начальника султанской канцелярии* – в мае 1459 г. [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 169, 176; ас-Суйӯṭӣ, 1967, т. 2, с. 236; Martel-Thoumian, 1991, с. 453].

Именно Ибн аш-Шихна был свидетелем последних мгновений жизни ал-Ашрафа Инала, именно он привел высших эмиров к присяге сыну Инала – ал-Му'аййаду Ахмаду и составил – *таклид* – инвеституру, которую сам и зачитал. После того, как к власти пришел султан аз-Захир Хушкадам, на Ибн аш-Шихну была возложена очень ответственная миссия: он должен был привести к присяге наместника Сирии, эмира Джанима, который прибыл в Египет. Дело в том, что Джаним был лидером фракции мамлюков Инала и главным претендентом на престол. Хушкадам был поддержан *ашрафитами* только как временный или «переходный» кандидат, поскольку Джаниму требовалось время, чтобы добраться из Дамаска в Каир. Фактически, от того, примет ли Джаним присягу или потребует обещанный ему трон, зависела судьба Хушкадама: придется ли ему с оружием в руках отстаивать свое право на власть или вопрос удастся решить с помощью переговоров. Конечно, Ибн аш-Шихна играл не главную роль в этих переговорах,[1] но, как искушенный в политических интригах царедворец, блестящий оратор и авторитетный знаток шариата он мог повлиять на то, как пройдет встреча с этим эмиром. Джаним принял присягу и удалился в Сирию, а Мухибб ад-Дин Ибн аш-Шихна получил пост *главного* ханафитского *судьи* Египта [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 188, 196, 227, 240; ас-Саҳāвӣ, 2000, с. 376; Schimmel, 1943, s. 95-96].

Через несколько месяцев, в апреле 1463 г. Ибн аш-Шихна был смещен с этого поста из-за козней Бадр ад-Дина ас-Саввафа (ум. в 1463 г.). Ас-Савваф был родом из Хамы, его семья занималась торговлей, и сам он весьма преуспел на этом поприще, заработав большое состояние. Должность судьи в Хаме он получил не только благодаря своим познаниям в области мусульманского

[1] См. Гл. 4.

права – Ибн Тагри Бирди сообщает, что дело не обошлось без взятки. Когда ас-Савваф прибыл в Каир, между ним и Ибн аш-Шихной разгорелась серьезная вражда, причины которой носили личный характер и были как-то связаны с попыткой (вероятно, неудачной) двух семей породниться. Как бы то ни было, Ибн аш-Шихна оставил свой пост всего на несколько месяцев. В сентябре того же 1463 г. ас-Савваф скончался в возрасте шестидесяти пяти лет. Ходили слухи о том, что ас-Савваф пал жертвой некоего отравителя [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 174]. Во всяком случае Ибн аш-Шихна снова стал *главным* ханафитским *кади* Каира. В начале 1466 г. Ибн аш-Шихна опять был смещен с этого поста. Но уже в июне того же года сумел снова получить его [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 245, 249, 263-264, 292; аṣ-Ṣайрафӣ, 2002, с. 2]. Дочь Ибн аш-Шихны вышла замуж за внука султана ал-Му'аййада Ахмада, сына *главного давадара* Йашбека, одного из самых влиятельных эмиров при дворе Каитбая [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 428; ас-Саḫāвӣ, 2000, с. 375-377].

В очередной раз Ибн аш-Шихна был смещен с должности главного судьи в 1472 г. Вероятнее всего, отставка Ибн аш-Шихны стала результатом дворцовых интриг [ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 2, с. 839-840; Petry, 1994, p. 22]. Оставшуюся часть жизни Ибн аш-Шихна занимался преподаванием в каирских *медресе*, иногда добивался права возглавлять некоторые из них. Еще будучи *главным* ханафитским *кади* Египта, Ибн аш-Шихна принял участие в жаркой дискуссии, разгоревшейся по поводу комментария к Корану, написанного Бурхан ад-Дином ал-Бика'и, что раскрывает еще одну сторону деятельности и характера Ибн аш-Шихны. Комментарий, о котором идет речь, во многом опирался на Библию, что, собственно, и вызвало противоречивые отклики. В 1464 г. Ибн аш-Шихна написал рецензию на *тафсир* ал-Бика'и и выступил рьяным защитником позиций этого автора. Как отмечает один из современных исследователей творчества ал-Бика'и, на решение Ибн аш-Шихны поддержать ал-Бика'и, возможно, повлияло то, что, как и ал-Бика'и, Ибн аш-Шихна был противником Ибн ал-'Араби (ум. в 1240 г.), а также то, что, как и ал-Бика'и, Ибн аш-Шихна был страстным библиофилом [Saleh,

2017, p. 180]. Для нас важны не столько мотивы Ибн аш-Шихны, сколько то, что наряду с административной деятельностью, управлением *вакфами* и решением судебных дел, Ибн аш-Шихна глубоко и активно занимался вопросами догматики и *фикха,* коранические науками [ас-Саҳāвӣ, 2000, с. 384; Saleh, 2017, p. 180]. Мухибб ад-Дин Ибн аш-Шихна умер на посту *шейха ханаки* аш-Шайхунийа в Каире в 1495 г. [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 290].

Следующее поколение *улемов* из семьи аш-Шихна представляют сыновья Мухибб ад-Дина: Абд ал-Барр, Сари ад-Дин и Асир ад-Дин. Деятельность Асир ад-Дина протекала в Алеппо. Здесь он занимал пост судьи, *управляющего армейским ведомством*, был *хатибом* Большой мечети. Первые две должности достались ему «по наследству» от отца, а *хатибом* Большой мечети был его дед по материнской линии. Сари-ад-дин ибн аш-Шихна в 1495 г. сменил своего отца на посту *шейха ханаки* аш-Шайхунийа [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 290; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 9, с. 295].[1]

Представленная выше часть истории семьи аш-Шихна служит иллюстрацией к ключевым тенденциям в эволюции государственного управления в Султанате мамлюков в бурджитский период. Во-первых, отдельные должности нередко удерживались представителями одной и той же семьи в течение нескольких десятилетий и более. Клановость существовала не только в административной, но и в судебной системе Султаната мамлюков. Во-вторых, матримониальные связи играли значимую роль в продвижении по карьерной лестнице. Это было характерно и для мамлюков, и для представителей гражданской элиты. Все источники настойчиво отмечают то, какую важную роль в решении судьбы Ибн аш-Шихны сыграли его тести и зятья. Кроме того, браки связывали семьи мамлюков и немамалюков, матримониальные связи служили прочной основой для сближения военной и гражданской элиты в Султанате. Наконец, третье: история семьи аш-Шихна наглядно демонстрирует изменения, которым была подвержена не только

[1] Об Абд ал-Барре речь шла выше. См. Гл. 5.

военная, но и гражданская элита Султаната, вся система государственного управления в XV в. Отец Мухибб ад-Дина, ханафитский судья, став свидетелем серьезных потрясений в Султанате, свержения первого бурджитского султана Баркука, скорее в силу обстоятельств, чем по собственной воле, оказался вовлечен в политические события, приобрел покровителей и недругов в мамлюкской элите, но оставался пассивным участником придворных интриг. Его сын, Мухибб ад-Дин Ибн аш-Шихна активно использовал и деньги, и связи, чтобы добыть влиятельные и прибыльные должности и получить место в столичной гражданской элите, но все еще много времени уделял ученым занятиям, а на посту судьи и управляющего *вакфами* пытается препятствовать махинациям с вакуфной собственностью (он выступал против *истибдал* – замены одного объекта, завещанного в *вакф* на другой, что было теоретически законно [Ардан, 2018, с. 90-91],[1] но на практике все чаще использовалось как средство увеличения доходов учредителя *вакфа* или его наследников [Richards, 1985]). Младший сын Ибн аш-Шихны[2] стал одним из ближайших советников султана Кансуха ал-Гури и прославился своими ловкими финансовыми махинациями с вакуфной собственностью. Таким образом, проявляется тенденция сближения военной элиты с гражданской, определенная часть которой самым активным образом включается в борьбу за политическое влияние и обогащение, причем не духовное или интеллектуальное, а вполне материальное. Уже в середине XV в. в руках *улемов,* подобных Мухибб ад-Дину Ибн аш-Шихне скапливаются большие суммы денег: речь шла о взятках в десять, двадцать, тридцать тысяч динаров. Чиновничество постепенно становится держателем крупных денежных сумм, которые не облагаются налогами и не идут на содержание армии. И этот фактор, как и роль гражданской администрации и сословия *улемов* в целом нельзя не учитывать, когда речь идет о причинах и

[1] Статус *истибдал* рассмотрен в трактате Ибрахима ат-Тарабулуси, написанном в 1499 г. в Каире и отражающим взгляды мусульманских *факихов* второй половины XV в. на вопросы, связанные с *вакфами* [аṭ-Ṭарāбулусӣ, 2015, с. 107-111].
[2] Абд ал-Барр Ибн аш-Шихна. Подробнее о нем см. Гл. 5.

предпосылках падения Султаната мамлюков под ударами османской армии в начале XVI в.

Не менее примечательно и то, что *улемы* – чиновники и судьи, как правило, совмещали административную деятельность с учеными занятиями, становились авторами трудов и по богословию, и по законоведению, и по *адабу*, и по истории. При этом, преподавание в *медресе* не мешало им заниматься взяточничеством, написание трудов по *адабу* и истории – соперничеству за должности, которое по своей остроте ничуть не уступало борьбе между мамлюкскими эмирами, а учреждение *вакфов* они сочетали с накоплением богатств, размеру которых в некоторых случаях могла позавидовать и постепенно пустеющая казна султана. Приобщение к власти оказывало влияние на сословие *улемов,* сближая его в некоторых характеристиках с сообществом мамлюков.

Современные исследования в области методологии истории убедительно показали, что любая интерпретация истории, в том числе и изучение политической истории и государственно-политических институтов того или иного общества, не может претендовать на полноту и объективность без учета социокультурного контекста, норм поведения людей, их традиций и ценностей [Гуревич, 2014, с. 35; Clifford, 1997, p. 46]. Нормы, как признанные образцы и правила поведения, дополняемые контролем и санкциями за отклоняющееся поведение, и ценности, направленные на достижение значимых целей, являются важными компонентами культуры, служат основой для объединения индивидов в социальные общности и формируются в процессе образования и воспитания [Ерасов, 1990, с. 20].

Инициатива в развитии мусульманской культуры и образования перешла к Султанату мамлюков после монгольского завоевания. Мамлюкская эпоха вступила на смену историческому периоду, именуемому эпохой Исламского возрождения (VIII-XIII вв.) [ал-Ḥаджжӣ, 1992, с. 148; Kraemer, 1992]. Именно в эти века возник феномен арабо-исламской культуры, сложились основы системы образования, в которой ислам стал играть

ключевую роль. Самые ранние институты исламского образования повсеместно существовали в тесной связи с мечетями. В VIII и IX вв. фактически все мечети мусульманского мира представляли собой своеобразные учебные заведения, благодаря которым осуществлялась преемственность в передаче религиозного знания [Велаяти, 2011, с. 40]. В X в. регулярная образовательная деятельность выделилась из мечети, но не отделилась от нее. Возникнув в Хорасане и Ираке в XI в., новый исламский образовательный институт – исламская школа (*медресе*) – стал распространяться по всему исламскому миру. В Сирии и Египте первые *медресе* появились в 1090-х годах [Ḡавāнима, Таʾрӣх нийāбат…, 1982, с. 148-150; ас-Суйӯṭӣ, 1967, т. 2, с. 255-256].

Перенос резиденции аббасидских халифов из Багдада в Каир стал формальным основанием для того, чтобы сделать столицу Султаната мамлюков центром суннитского ислама и арабо-мусульманской культуры. В 1261 г. в Дамаске было более 50, в Каире к началу XV в. — свыше 70, в Иерусалиме во второй половине XV в. – около 40, в Мекке – более 20, а в Алеппо – более 40 *медресе*. В XIII-XIV вв. на всем пространстве мамлюкского государства сформировалась разветвленная сеть учебных заведений [Ибн Дуḳмāḳ, 1966, т. 1, с. 92-99; Ибн Шиḥна, 1984, с. 109-124; Кириллина, Орлов, Сафронова, 2018, с. 30; ал-ʿУлаймӣ, 1968, т. 2, с. 33-48;Berkey, 1992, p. 21; Idem, 2003, p. 137; Bulliet, 1994, p. 147-148; Ephrat, 2000, p. 28; Robinson, 2011, p. 511-512].

Мамлюкские султаны и эмиры стали щедрыми покровителями учености,[1] основателями многочисленных мечетей, *медресе,* библиотек, великолепие и слава которых должны были служить укреплению авторитета мамлюков в мусульманском мире и за его пределами. Особенно широкий размах приобрела эта деятельность в период третьего, длительного и

[1] Образовательная деятельность под патронажем мамлюкской элиты не ограничивалось изучением *фикха* и богословских дисциплин. Существовали специализированные медицинские школы. Медицина, математика, астрономия, архитектура и другие дисциплины «естественно-научного профиля» входили в программу многих *медресе* и других учебных заведений [ан-Нуʿаймӣ, 1990, т. 2, с. 100-108; Сулаймāн, 2006, с. 61].

стабильного правлении султана ан-Насира Мухаммада (1310-1341), после того как завершилась почти полувековая борьба с крестоносцами и монголами и Султанат мамлюков переживал период расцвета [ʿАбд ал-Маджӣд, 2010, с. 497-533; ʿАшӯр, 1992, с. 157-167; Бадр, 2003].

В бурджитский период, когда мамлюки, фактически, отказались от династийного принципа престолонаследия и нуждались в дополнительных источниках укрепления легитимности своей власти, поддержка деятельности исламских религиозных и образовательных учреждений приобрела особое значение.[1] Ее целью было не только укрепление авторитета правящей элиты, создание имиджа благочестивых правителей, но и, отчасти, возможность оказывать влияние на *улемов*, контролировать до некоторой степени религиозную сферу жизни подвластного населения [Berkey, The Mamluks as Muslims…, 1998, p. 163; Idem, 2000, p. 60]. Эмиры и султаны, а также состоятельные представители местной элиты, продолжили работу по созданию крупных религиозных комплексов, мечетей, *медресе*, суфийских обителей, учреждали *вакфы* в пользу религиозных институтов, основанных их предшественниками – мамлюками-Бахритами и Аййюбидами [Behrens-Abouseif, 2018. p. 23, 28, 29]. Вакуфные документы на погребальные комплексы также, как правило, предусматривали содержание для *улемов* или *шейхов*, которые должны были возносить молитвы за усопшего, читать Коран и т.п.[2]

---

[1] Изменения претерпели даже принятые при мамлюкском дворе правила этикета, и уже при аз-Захире Баркуке к *улемам* стали относится с большим почтением. Баркук спешивался и ожидал, стоя у ворот *ханаки* аш-Шайхунийа, пока ее *шейх,* Акмал ад-Дин ал-Бабарти, будет готов к выходу. *Шейх* ал-Бабарти верхом сопровождал Баркука во время торжественных процессий. Если *шейх* являлся на аудиенцию, Баркук встречал его стоя. Баркук поднимался при появлении судей, хотя ранее мамлюкские султаны не удостаивали *факихов* такой чести [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 248]. Новые традиции этикета, заложенные Баркуком, были продолжены его преемниками. Вместе с тем, назначение *шейхов ханак* и *медресе* оставалось прерогативой султана. Тех, кто вызывал неудовольствие, смещали [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 930].

[2] Приведем лишь несколько примеров. Великолепная *медресе,* составлявшая единый комплекс с ханакой, мечетью и мавзолеем (мавзолей стал усыпальницей членов семьи султана, а сам Баркук, согласно его завещанию, был похоронен в другом месте), была выстроена по повелению султана Баркука в Каире, на улице *Байна-л-Касрайн* [Ormos, 2018, p. 65]. К числу наиболее значимых деяний Баркука современники также относили строительство *завийи* в Дамьетте. [Ибн Ḳāḍӣ Шухба, 1977-1997, т. 4, с. 39; Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 198; ал-Ḫаджжӣ, 1992, с. 153; Frenkel, 2011, p. 117; Haarmann, 1980, p. 35]. *Ханаку*, превышающую по площади все подобные учреждения в Каире в мамлюкскую эпоху, возвели по повелению ан-Насира Фараджа [Ризḳ, 1997, т. 2, с. 538]. *Медресе* и погребальный комплекс, в который также входила большая библиотека,

был основан ал-Му'аййадом Шайхом. 500 книг стоимостью 1000 динаров передал в эту библиотеку секретарь султанской канцелярии Насир ад-Дин Мухаммад ал-Баризи (ум. в 1420 г.) [аç-Çайрафӣ, 1970-1994, т. 2, с. 491-492; ас-Суйӯṭӣ, 1967, т. 2, с. 272-273]. Хранителем библиотеки стал сын ал-Баризи. В дальнейшем эта должность должна была переходить по наследству потомкам ал-Баризи [Behrens-Abouseif, 2018, p. 25-26, 29]. Ал-Ашраф Барсбай основал религиозный комплекс, состоявший из *медресе* с большой библиотекой и *ханаки* в Каире, а также мавзолей с примыкавшей к нему соборной мечетью и *ханакой* [Behrens-Abouseif, 2018, p. 20-21]. Аз-Захир Джакмак учредил *вакф* в пользу *медресе атабека* Инала ал-Йусуфи [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 11]. Большую соборную мечеть с прилегающей к ней *медресе* построил в Каире ал-Ашраф Инал, учредив в ее пользу несколько *вакфов* в 1458-1459 г. Еще до своего вступления на престол, в 1451 г., Инал начал строительство мавзолея. Рядом с мавзолеем в 1453 г. была возведена *ханака,* впоследствии этот религиозный комплекс султан ал-Ашраф Инал дополнил *завийей* [Reinfandt, 2001, s. 270-271]. Аз-Захир Хушкадам выстроил для себя мавзолей, к которому примыкала *медресе,* и назначил известного богослова и поэта Ибн Куркумаса (ум. в 1477 г.) *шейхом*, т.е. ректором этого учебного заведения, поручив ученому среди прочего присматривать за находившейся там же библиотекой. [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 274, 318; ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 8, с. 292-293]. Султан Каитбай основал *медресе* в Медине, Дамьетте, Газе и Иерусалиме, где лично контролировал и подготовку архитектурного проекта, и проведение строительных работ, а также выстроил *медресе* в Малве (Индия) [Ġавāнима, Та'рӣḫ нийāбат…, 1982, с. 44; ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 2, с. 863; Хайкал, 2014, с. 1304; Behrens-Abouseif, 1995, p. 304; Eadem, Qāytbāy's Foundation…, 1998; Eadem, 1999; Eadem, 2018, p. 28; Meloy, 2019, p. 616]. В 1470 г. в Каире было завершено строительство основанных им общественного фонтана и начальной школы. В этом же году Каитбай начал строительство мавзолея, а в 1470 – *медресе* [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 409, 414, 429]. В 1479 г. завершились работы по строительству *медресе* и *рибата,* которые были основаны Каитбаем в Мекке. Этот комплекс был официально открыт в 1480 г., когда ал-Ашраф Каитбай совершал *хаджж*. Школа получила название *ал-Ашрафийа*. В ней было организовано преподавание мусульманского права в рамках четырех суннитских *мазхабов* для сорока студентов. Четверо главных судей Мекки стали руководителями соответствующих отделений. Кроме того, были учреждены должности шестерых чтецов Корана, хранителя списков Корана, секретаря, чтеца *Сахиха* ал-Бухари, обслуживающего персонала, привратника, хранителя ламп, который должен был обеспечивать достаточное освещение, специального служащего, главная обязанность которого состояла в приготовлении чернил, трех муэдзинов и водоноса, и, наконец, главный шафи'итский судья был назначен хранителем самой ценной копии Корана, помещенной в библиотеку ал-Ашрафийи [ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 3, с. 893; Mortel, 1997, p. 249-250]. Соборная мечеть была основана Каитбаем в Александрии, а также в ас-Салихии – городе, расположенном в Нижнем Египте на караванном пути в Сирию, в провинции аш-Шаркийа [Ибн ал-Джи'āн, 1984, 46; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 234; аш-Шā'ир, 1997, с. 16]. Аз-Захир Кансух уже после свержения с трона учредил *вакф* для строительства и содержания мечети и погребального комплекса [Документ…]. При основанной ал-Ашрафом Кансухом ал-Гури *медресе* работала большая библиотека [Behrens-Abouseif, 2018, p. 30].

Основателями мечетей, медресе, больших религиозных комплексов были как султаны, так и эмиры. *Медресе*, примыкавшую к погребальному комплексу, основал эмир-*устадар* Джамал ад-Дин Махмуд (ум. в 1397 г.). Библиотекарем в этой *медресе* служил знаменитый историк и хадисовед Ибн Хаджар [ал-Ḫаджжӣ, 1992, с. 158; Behrens-Abouseif, 2018, p. 25, 29]. Эмир Йунис, *давадар* при дворе аз-Захира Баркука, основал *ханаку* в Каире, а в Дамаске построил *медресе* [Семенова, 1962, с. 230]. В 1408 г. было завершено строительство *ханаки-медресе* эмира Джамала ад-Дина Йусуфа. Комплекс считался одним из лучших учебных заведений Каира и включал в себя большую библиотеку [Хасанов, Система управления…, 1975, с. 377; Behrens-Abouseif, 2018, p. 24, 30]. Эмир Судун мин 'Абд ар-Рахман (ум. в 1438 г.), служивший главным *давадаром* при Барсбае, в 826/1422-1423 г. завершил строительство *медресе* в *ханаке* Сирйакус в Каире [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 167]. В 850/1446-1447 г. инспектор Джидды Джанибек аз-Захири на собственные средства отреставрировал мечеть Абу-л-'Уйун в Джидде [Mortel, 1996, p. 440]. Эмир Йашбек мин Махди построил в Каире три *медресе* и начальную школу для сирот [ас-Саḫāвӣ, 1992, т. 10, с. 273-274], а также гробницу, при которой служил *шейх* [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 72]. Эмир Шихаб ад-Дин Ахмад, внук знаменитого историка ал-'Айни (мать Ахмада была дочерью наложницы султана Фараджа и одного из эмиров Дамаска), учредил в 1466 г. *вакф* в пользу *медресе* ал-Бадарийа ал-'Айнийа, основанной его дедом. В соответствии с условиями *вакфа* в *медресе* были назначены четыре новых *шейха* и целый ряд преподавателей [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 238; ас-Саḫāвӣ, 1995, т. 2, с. 773] Заместитель *командира султанских мамлюков*, евнух 'Анбар ат-Танбази (ум. в 867/1462-1463 г.) основал *медресе* а Каире. Несколько мечетей в разных городах построил эмир Бурдабек, зять султана Инала [Ибн Таġрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 284, 301]. В 881/1476-1467 *атабек* Азбек начал строительство комплекса, который включал в себя мечеть, пруд, дворец и прилегающие к нему постройки, а также большой рынок, вмещавший более ста пятидесяти лавок, бани, дома (как правило, мечети, *медресе* или суфийские обители, учреждаемые мамлюками, располагались в непосредственной близости от их собственных резиденций, а названия были связаны с именами учредителей) [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 403-404, 112-114; Ибн ал-Ḫимçӣ, 2000, с. 276; Berkey, 1992, p. 132; Raymond, 1998, p. 216]. *Вакф* в пользу мечети предусматривал жалование для суфийских *шейхов* и чтецов Корана, а также для библиотекаря [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 427; Behrens-

Вакфы учреждались как в пользу больших религиозных комплексов и *медресе*, так и для поддержания начальной ступени религиозного образования – *куттабов* (*kuttāb, maktab*), предусматривающей, в первую очередь, чтение и изучение Корана. Так, например, *куттаб* при своей мечети, выстроенной в Каире недалеко от ворот Баб аз-Зувайла, основал ан-Насир Фарадж. Обычно ученики таких «начальных школ» в качестве материальной поддержки от основателя *вакфа* получали помимо пищи немного денег на письменные принадлежности – доски, чернила, чернильницы. Значительное количество начальных школ функционировало в мамлюкский период не только в Каире, но и в других городах и провинциях Египта и Сирии [ʻАшӯр, 1992, с. 167-169; Haarmann, 1980, p. 39; Hirschler, 2012, p. 83, 85].

Постоянно растущее число религиозных комплексов, основанных мамлюками, и расширение религиозных учреждений более раннего периода, приводило к увеличению прослойки *улемов* – интеллектуальной элиты мусульманского общества. Обучение в *медресе* открывало не только благочестивый путь к знанию, но могло стать и началом весьма успешной карьеры в мамлюкской администрации, хотя успех, как это часто бывает, зависел от стечения обстоятельств. Так, судьба улыбнулась выходцу из иранского Дешта, Бадр ад-Дину Махмуду ал-Кулустани (ум. в 1399 г.): когда в канцелярии Баркука скопились письма на персидском языке, а *начальник*

Abouseif, 2018, p. 21]. *Наместник* Сирии Эмир Куджмас (ум. в 892/1487-1488 г.) много строил в Александрии, Каире, Сирии, с том числе основал большую *медресе* [ас-Саҳāвӣ, 1995, т. 3, с. 1025]. Эмир Куркумас в 1511 г. основал гробницу с суфийской *медресе,* руководство и преподавательский состав которой насчитывал 23 человека, служащих было 9, кроме того были предусмотрены стипендии для 7 сирот и 22 суфиев [Dobrowolski, 1998, p. 280-281]. Погребальный комплекс эмира Аздамира мин ʻАлибая (ум. в 1507 г.) включал в себя небольшую *ханаку* и начальную школу [Behrens-Abouseif, 2018, p. 21-22; Ризқ, 1997, т. 2, с. 766].

Как упоминалось выше, состоятельные представители различных слоев местной элиты тоже участвовали в деятельности по основанию и поддержке мусульманских религиозных и образовательных учреждений. Так, например, один из египетских *улемов* Ибрахим б. Муса ал-Ибнаси (ум. в 1399 г.) основал в окрестностях Каира *завийю*, предполагавшую обучение студентов и включавшую в себя библиотеку. *Медресе* основал ʻУмар ал-Балкини (ум. в 1403 г.). *Кади* ʻАбд ал-Басит построил в 1420 г. в Каире *медресе* с библиотекой. Знаменитый историк Ибн Тагри Бирди получил привилегию воздвигнуть семейный погребальный комплекс рядом с мавзолеем ал-Ашрафа Инала. В комплекс, основанный Ибн Тагри Бирди, входила начальная школа и библиотека. Шихаб ад-Дин ас-Сабуни (ум. в 1468 г.), крупный сирийский торговец, отреставрировал *медресе* в Дамаске, в ней же и был похоронен [ал-Буçравӣ, 1988, с. 34; Behrens-Abouseif, 2018, p. 29, 39].

Подробный обзор и характеристику благотворительной деятельности, а также мечетей, *медресе, завий, ханак, рибатов, куттабов* и прочих объектов религиозного и социального назначения в мамлюкский период см. [Fernandes, 1988]. О поддержке религиозных и образовательных учреждений со стороны местной, немамлюкской элиты см. также [Juvin, 2018].

канцелярии, заболел и был не в состоянии их перевести, ал-Кулустани блестяще справился с переводом и был осыпан милостями султана. Впоследствии Баркук назначил его преподавателем *фикха* в *медресе* ас-Саргатмушийа и *шейхом ханаки* аш-Шайхунийа [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 50; Ибн Ҳаджар, 1969-1998, т. 2, с. 88].

Впечатляющую карьеру в период правления молодого султана Фараджа сделал Йусуф Джамал ад-Дин ал-Бири. Его отец читал проповеди в мечети, в палестинской ал-Бире, и дал сыну традиционное мусульманское образование. Йусуф выучил наизусть Коран, занимался *фикхом* и грамматикой арабского языка. Дядя Йусуфа служил в мамлюкской администрации. Под его руководством молодой человек стал осваивать премудрости чиновничьего дела, а затем решил перебраться в Египет. Он оставил одеяние *факиха,* облачился в костюм военного и поступил на службу к одному из каирских эмиров. Йусуф ал-Бири шаг за шагом делал карьеру, пока не получил должность *устадара* султана. После смерти Ибн Гураба, о котором речь шла выше, Юсуф занял очень влиятельное положение при дворе султана. Однако в 1409 г. он был арестован, подвергнут мучительным пыткам и казнен. Все его имущество было конфисковано [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 12, с. 189-196; Ибн Ҳаджар, 1969-1998, т. 2, с. 445-448].

В государстве мамлюков, как и в других империях постмонгольского периода, граница между гражданской, арабской, и военной, тюркской, элитой перестала быть абсолютно непроницаемой [Bosworth, 1989, p. 451]. Образование открывало путь в круг привилегированных египтян, принятых на государственную службу, а также на почетные и хорошо оплачиваемые должности наставников в мамлюкские «дома» и для тех, кто не принадлежал к сословию *улемов* по рождению.[1]

[1] Возможность обучения вне зависимости от происхождения и имущественного достатка с последующим продвижением по социальной лестнице составляла характерную черту традиционного мусульманского образования [Ацамба, Кириллина, 1996; с. 25; Кириллина, Орлов, Сафронова, 2018, с. 30-31]. Так, например, Выдающийся богослов, уроженец Газы, Ибрахим Ибн Зукка‘а (ум. в 1414 г.) на заре своей карьеры занимался портняжным ремеслом. Отец знаменитого проповедника Ибрахима аш-Шами (ум. в 1389 г.) торговал

Развитие системы образования в Султанате мамлюков привело к появлению влиятельного слоя образованных мусульман, обучение, а затем и содержание которых (следует понимать как трудоустройство с соответствующим квалификации денежным вознаграждением), стало требовать значительных средств[1] и нуждаться в организационных усилиях со стороны мамлюкской элиты. Мамлюки активно поддерживали исламский образовательный процесс и, в известной степени, опекали мусульманскую образованную элиту, поскольку *улемы* и *факихи* представляли собой важное звено в государственно-политической системе Султаната Бурджи, во-первых, потому что политическая элита нуждалась в лояльных администраторах и судьях, а во-вторых, потому что эти образованные мусульмане пользовались уважением и могли влиять на общественное мнение, т.е. поддерживать авторитет политической элиты или, напротив, при определенных обстоятельствах (например, в период османского завоевания) ставить этот авторитет под сомнение [Зеленев, Илюшина, Мусульманское образование…, 2019, с. 160; Иванов, 1984, с. 14-16, 21].

Институт мамлюкских военных школ[2] развивался параллельно тому, как развивалось исламское образование для немамлюков. Возникло уникальное и неповторимое явление, когда на пространствах могущественной империи существовали одновременно две модели исламского образования — одна для воспроизводства мамлюкской элиты, другая для немамлюкского населения. Эти модели имели зоны совмещения в той части мамлюкского образования,

---

сладостями в Каире. Ибрахим проявил склонность к богословию, преуспел в этом и в течение многих лет преподавал в мечети ал-Азхар. *Шейх* Зайн ад-Дин Абу Бакр (ум. в 1403 г.) был маклером в Восточном Азербайджане, затем перебрался в Каир, где полностью посвятил себя ученым занятиям, добился почета и уважения, издавал *фетвы* и преподавал. Абу Бакр ал-Кумни (ум. в 1430 г.) родился в одной из деревень Верхнего Египта. В Каире он изучал *фикх*, жил в крайней нищете, ночевал на кладбище, где подрабатывал чтением молитв. Затем он сумел познакомиться с одним из эмиров, и тот нанял его, чтобы учить своих мамлюков Корану. От одного эмира Абу Бакр ал-Кумни переходил к другому и в конце концов стал знатным и известным богословом [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 1, р. 63-65; 106-109, 132, 139].

[1] Например, жалование *факиха* султанских мамлюков при ал-Ашрафе Барсбае составляло 1000 дирхамов. Кроме того, *факих* получал продуктовый паек, в том числе 5 ратлей мяса, в то время как при бахритском султане ан-Насире Хасане (1347-1351; 1354-1361) жалование такого *факиха* составляло всего 10 дирхамов [ал-Ḳудсӣ, 1997, с. 128]. Об административной структуре, преподавательском и вспомогательном составе *медресе* и других учебных заведений в мамлюкский период см. [Little, 2002].

[2] О мамлюкских военных школах см. Гл. 1.

которая была связана с изучением Корана, основ арабского языка и литературы, жизнеописаниями пророка Мухаммада, хадисов и мусульманского права. Обучение этим дисциплинам в мамлюкских военных школах обеспечивали немамлюки.[1] Это позволяет говорить о том влиянии, которое теологи и правоведы оказывали на молодых мамлюкских воинов. Некоторые мамлюки обнаруживали в себя тягу к ученым занятиям и литературному творчеству, испытывали потребность в общении с представителями образованной мусульманской египетской элиты [Зеленев, Илюшина, Мусульманское образование…, 2019, с. 162; Mauder, Education…, 2021].[2]

В середине XV в. при мамлюкских казармах была основана мастерская по переписке книг [Behrens-Abouseif, 2018, p. 4]. Копирование учебной литературы входило в программу обучения военных рабов, о чем свидетельствует значительное количество переписанных молодыми египетскими мамлюками арабских сочинений (эти ученические копии датируются, в основном, XV – началом XVI в.) [Халидов, 1985, с. 122; Fleming, 1977]. Сохранение и развитие рукописной традиции, которая имела особое значение для мусульманской культуры и выполняла «цементирующую» функцию в традиционном исламском образовании, представляло собой

---

[1] Подробнее об изучении мамлюками Корана и Сунны, фикха, арабского языка, литературы, истории см. [Mauder, 2012].

[2] Об одном из таких мамлюков, воспитаннике султана Баркука, уроженце Самарканда, Йалбуге ас-Салими (ум. в 1408 г.), сохранились сообщения Ибн Хаджара, Ибн Тагри Бирди и ал-Макризи. Йалбугу захватили в плен, доставили в Египет и продали султану Баркуку. Баркук освободил молодого раба и дал ему подобающее воспитание. В 1397 г. Йалбуга получил ранг *эмира десятка* и стал управлять *вакфами* Баркука. По свидетельству ал-Макризи, Йалбуга был усердным мусульманином, изучал хадисы, писал по-арабски, имел прекрасный почерк, занимался мусульманским правом, астрономией, достиг высоких познаний в математике, имел репутацию *факиха* ханафитского *мазхаба* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984–2009, т. 12, с. 174-178; Ибн Ҳаджар, 1992, с. 200-201; ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 3, с. 543]. Источники зафиксировали и другие примеры увлечения мамлюков теологией. Хаджж аз-Захири (ум. в 864/1459-1460 г.), имевший звание *эмира десятка*, занимался *фикхом* и был очень религиозен. Мамлюк ал-Му'аййада Шайха *эмир десятка* Судун (ум. в 1466 г.) был сведущ во многих вопросах *фикха* и *адаба* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 16, с. 186, 311; ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 239]. Йашбек ас-Саки ал-А'радж (ум. в 1428 г.), будучи участником многих смут в молодости, впоследствии (вероятно в ссылке, где он провел около десяти лет) стал набожным мусульманином, ярым приверженцем ханафитской школы мусульманского права, читал Коран и «заглядывал в книги по *фикху*» [ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 3, с. 534-535]. Мамлюк султана Джакмака Каним ал-Мухаммади (ум. в 1485 г.), отправленный на службу в Медину, усердно занимался изучением ханафитского права, обладал красивым почерком, получил *иджазы* от нескольких видных *улемов* и сам приобрел право называться *факихом* [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 434; ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 6, с. 200].

социально и политически важную задачу. Эмиры и султаны с увлечением собирали книги, некоторые были известны как прекрасные каллиграфы и сами делали копии для своих коллекций [Haarmann, Arabic…, 1988, p. 87, 93-94].[1]

Необходимым средством поддержки деятельности религиозных, образовательных и благотворительных учреждений были *вакфы*. Мамлюки, в отличие от правителей других мусульманских государств, наибольшее количество средств вкладывали не в строительство и содержание величественных дворцов, больших соборных мечетей или городских объектов утилитарного назначения (бань, каравансараев и т.п.), но в обеспечение суфийских обителей (*ханак, рибатов, завий*), *медресе* или религиозных комплексов, формировавшихся вокруг мечетей и мавзолеев, где осуществлялась образовательная деятельность, в содержание мест паломничества, могил особо почитаемых местных святых [Humphreys, 1972, p. 79-80], т.е. в те объекты, в которых велась трансляция знаний и представлений (и о земной жизни, и о потусторонней) в самые разные слои

[1] Некоторые эмиры достигали заметных высот в овладении арабским языком и славились каллиграфическим почерком. После обучения в *тибаке*, они двигались, как сейчас бы сказали, «по индивидуальной образовательной траектории», часто при этом продолжая активную военную службу. Так, например, эмир Тагри Бирди (ум. в 1442 г.) обладал каллиграфическим почерком, занимался *фикхом*, интересовался историей, построил школу в Каире и прошел при этом путь от рядового мамлюка до *эмира сотни* [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1990, с. 85-86]. Обладателем лучшего в Каире собрания книг считался упоминавшийся выше эмир-*устадар* Джамал ад-Дин Махмуд [Behrens-Abouseif, 2018, p .25]. Главный *камердинер* султана Хушкадама, евнух Джавахар ал-Аргун аш-Шави (ум. в 1466 г.), выходец из Эфиопии писал каллиграфическим почерком [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 237]. Бактамур ас-Судуни (ум. в 878/1473-1474 г.) был выдающимся каллиграфом, создал список Корана очень большого размера; погиб на поле боя. Великолепным собранием книг обладал эмир Йашбек мин Махди, по его заказу ас-Сахави написал одно из самых крупных своих исторических сочинений [ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 10, с. 274]. Хорошим почерком славился наместник Джидды Джаним ал-Джиддави (ум. в 1483 г.) [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 95-96, 340]. Мамлюкские султаны, начинавшие военную карьеру в мамлюкских школах, также проявляли интерес к письму и книгам. Так, молодой аз-Захир Татар был обладателем большой коллекции книг на тюркском языке, часть из них была переведена на арабский [Behrens-Abouseif, 2018, p. 18]. Аз-Захир Джакмак был известным библиофилом и не жалел денег на книги. Для его книжного собрания почерками *сулс* и *насх* была выполнена великолепная копия известной поэмы аль-Бусири (ум. в 1294 г.): использование двух почерков в одной рукописи было особенно характерно для мамлюкского периода [Arabic Calligraphy, 1986, p. 192; Behrens-Abouseif, 2018, p. 18]. При султане Каитбае для мединской мечети был изготовлен большой список Корана, над созданием которого трудились два каллиграфа [ал-Малаṭӣ, 2002, т. 7, с. 359]. Сам Каитбай писал стихи религиозного содержания и на тюркском, и на арабском языке [Haarmann, Arabic…, 1988, p. 85]. Султан Кансух ал-Гури проявлял интерес к персидской и тюркской литературе, собирал книги, по его заказу был выполнен первый поэтический перевод «Шахнаме» на тюркский язык [Behrens-Abouseif, 2018, p. 18; D'hulster, 2010]. Специально в качестве подарка для библиотеки султана Кансуха аль-Гури по заказу мамлюкского эмира Касбая была создана обработка нескольких частей энциклопедии ал-Калкашанди, в которых речь идет о государственном устройстве структуре войска и административной системе мамлюкского султаната (рукопись хранится в Берлинской государственной библиотеке (Ms. or. quart. 1817).). Известны два прозаических произведения самого ал-Гури [ʿАззāм, 1941].

общества. Особое место в системе религиозных и благотворительных объектов, в пользу которых учреждали *вакфы* представители мамлюкской военно-политической элиты, занимали Мекка и Медина как два священных для мусульман города, покровительство и защита которых служили прочным основанием авторитета мамлюкских султанов в мусульманском мире.

Строительство и содержание мечетей, *медресе*, крупных религиозных комплексов и, наряду с ними, небольших *ханак*, приютов для паломников или других мусульманских благотворительных учреждений составляло ткань-основу мамлюкской идеологии, по которой красными нитями проходили ее наиболее важные составляющие – концепция джихада, поддержка халифата, служение Священным городам, – идеологии, направленной на утверждение гегемонии мамлюкской военной элиты в самом Султанате и авторитета мамлюкских правителей в мусульманском мире. Создавая и поддерживая религиозные и образовательные учреждения, султан и его эмиры демонстрировали щедрость и благочестие, а также обеспечивали лояльность пользовавшейся уважением богословской и интеллектуальной элиты, которая могла оказывать влияние на отношение населения к власти [Broadbridge, 1999, p. 85; Mauder, 2019, p. 167].

Корпорация мамлюков Бурджи в XIV-XV в., активно поощряя исламский образовательный процесс, принимая в нем, в ряде случаев, весьма заинтересованное участие, утрачивала монолитность, присущую ей на начальном этапе существования основанного ими государства. В мамлюкской среде появилась группа лиц, родившихся, выросших и получивших образование в Египте. Для них представители местного населения, прежде всего мусульмане, стали учителями, наставниками, советниками, наконец, соотечественниками [Haarmann, Arabic…, 1988, p. 89-94]. Социальная граница, отделявшая мамлюков от немамлюков, искусственно сохранялась и поддерживалась, однако непреодолимый социальный барьер между двумя группами населения постепенно разрушался.

Размывание жестких границ между военной и гражданской элитой привело к тому, что к концу XV в. в Султанате мамлюков возросла роль так называемых *джама‘а* (*jamāʿa),* связывавших представителей всех слоев населения – от влиятельных эмиров до членов стоящих вне закона городских криминальных сообществ.[1] *Джама‘а* – сообщество последователей, приверженцев влиятельного эмира, *улема, шейха* или нотабля, готовых поддерживать своего покровителя во всех сферах общественной жизни, в том числе и в политической, могло включать в себя тех, кто не был связан ни этническими, ни семейными, ни профессиональными узами, ни, наконец, узами военного побратимства. В этом смысле понятие *джама‘а* шире, чем мамлюкский «дом» или «фракция» [Van Steenbergen, Wing, D’hulster, I, 2016, p. 552-553]. Именно такие неформальные объединения представителей различных социальных групп и государственных институтов стали важной основой для постепенного возвращения мамлюков в правящую элиту Египта и возрождения мамлюкской политической системы после османского завоевания.

Религиозные, образовательные, благотворительные учреждения, которые строили, восстанавливали и обеспечивали вакуфными доходами представители мамлюкской военной элиты,[2] формировали культурную память, систему ценностей и политическую культуру мамлюкского сообщества. Не менее важно и то, что деятельность мамлюков в сфере поддержки мусульманских религиозных заведений самого разного характера и масштаба оказывали мощное пролонгированное влияние на социум в целом, причем сразу по нескольким каналам – через систему образования,[3] сеть суфийских общин, непосредственно на сословие *улемов,* которые получали в

[1] Подробнее о связях политической элиты с представителями низших слоев населения см. [Elbendary, 2015].

[2] Основание религиозных комплексов, строительство иных объектов недвижимости, учреждение *вакфов* обеспечивало мамлюкам не только символическое место в локальном социокультурном пространстве, но и вполне осязаемое, реальное, позволяя им, в том числе, обеспечивать существование своих семей и своих мамлюкских «домов» на протяжении нескольких поколений [Loiseau, 2014, p. 241].

[3] Неформальный характер системы передачи знаний в исламском мире, высокий авторитет *шейха*-учителя создавали условия для формирования широкой сети личных контактов между учителем и учениками и сплочения интеллектуальной элиты как влиятельной социальной группы [Кириллина, Рогачева, 2019].

этих заведениях почетные должности и регулярный доход. Наконец, сама система этих религиозных объектов составляла сеть архитектурных и идеологических доминант, которые определяли жизнь городов – столичных и провинциальных центров и картину социальной жизни Султаната в целом.

Выводы.

Единственной мамлюкской династией в полном смысле этого слова были только Калауниды, но и в этот, почти столетний период (с 1279 по 1382 г.) большинство султанов, унаследовавших престол, скорее играли роль марионеток в руках могущественных эмиров, управлявших государством. В бурджитский период правление султанов-наследников было, как правило, весьма кратковременным и номинальным, и, по сути, использовалось эмирами как «фасад», за которым шла ожесточенная борьба за власть. Будучи вольно или невольно вовлечен в соперничество претендентов на престол, султан-наследник подвергался серьезной опасности, мог быть убит, казнен, отправлен в тюрьму или ссылку.

Важную роль в бурджитской системе престолонаследия вплоть до конца XV в. играли *атабеки*. Именно они в большинстве случаев занимали трон после кратковременных периодов правления султанов-наследников. Поскольку *атабек* в силу своего положения считался на протяжении почти всего бурджитского периода первым претендентом на престол, он представлял потенциальную угрозу для правящего султана, особенно в условиях кризиса власти, политической нестабильности.

Политический успех в Султанате бурджитских мамлюков определялся несколькими факторами, в том числе и теми, которые были связаны со временем: во-первых, победе в борьбе за трон способствовала последовательная и продолжительная карьера, и, во-вторых, не менее важно было получить и сохранить самый высокий пост в мамлюкской военно-административной системе к моменту смерти правящего султана. Приход к власти эмиров преклонного возраста, которые сравнительно долго служили *атабеками*, может быть рассмотрен как признак стабильности политической

системы и устойчивости нединастийной модели перехода власти. Правление более молодых султанов, которые добирались до последней ступени в карьере эмира незадолго до своего вступления на престол, было более характерным для периода становления системы престолонаследия или ее кризиса.

В бурджитский период важным фактором политического соперничества наряду с принадлежностью к той или иной мамлюкской фракции была семейная связь с родственницей, или в более широком смысле, женщиной из «дома» султана. Женитьба на бывшей наложнице, бывшей жене, вдове, сестре или дочери султана служила средством укрепления либо политического престижа претендентов на престол, либо легитимности тех, кто его занимал. Матримониальные связи с женщинами из «дома» султана приобретали решающее значение в годы политической нестабильности или кризиса власти.

В условиях нединастийной системы престолонаследия особое значение для победы над соперниками и конкурентами и для последующего укрепления власти султана, имело подразделение тех мамлюков, которые были куплены и воспитаны им самим (*джулбан, муштарат*) в отличие от тех, кто вступил в отряд султанских мамлюков при прежних правителях (*карариса*). Постепенно дисциплина в подразделении *джулбан*, получавших все больше и больше привилегий от султана, стала падать. Неравное положение *джулбан* и *карариса* приводило к расколу в мамлюкской среде и оказывало негативное влияние на боеспособность армии. Отсутствие дисциплины в рядах *джулбан* стало одной из причин тяжелых военных потерь, которые мамлюки понесли на Кипре, в Анатолии и, наконец, в противостоянии с османами. Во второй половине XV в. *джулбан* все чаще демонстрируют неповиновение султану, более того открыто выступают против своего повелителя. Бесчинства *джулбан* расшатывали авторитет правителя, мамлюкская военно-политическая элита постепенно утрачивала поддержку местного населения.

Формирование нединастийной системы престолонаследия привело к качественным сдвигам в составе армии стало важнейшим фактором изменения структуры государственной власти, положения султана и его ближайшего

окружения. На протяжении всего бурджитского периода происходят постепенные изменения в составе мамлюкской армии. Повторяющиеся эпидемии чумы, вооруженная борьба фракций, военные походы на Кипр, Родос и в Малую Азию, а во второй половине XV в. – война с османами вынуждали султанов заменять выбывший контингент новобранцами, обучение и воспитание которых зачастую проходило «по сокращенной программе». Вторым немаловажным фактором, повлиявшим на состав армии, стала активная вовлеченность высших офицеров в работу административного аппарата в конце XV в. Эмиры начинают занимать должности, которые традиционно считались прерогативой «людей пера», более того, именно эти мамлюки-чиновники приобретают наибольшее политическое влияние и становятся первыми претендентами на престол, оттесняя на второй план армейских командиров.

Постепенное смещение представителей гражданского населения с различных административных должностей и замена их на мамлюкских эмиров происходили еще при султане Калауне.[1] Во второй половине XV в. а отношении ряда ведомств, прежде всего *давадара* и *вазира*,[2] этот процесс приобрел устойчивый и целенаправленный характер. «*Хранитель султанской чернильницы»* к концу XV в. стал играть ключевую роль в мамлюкской военно-административной системе, а его функции распространялись далеко за пределы вопросов, связанных с пером и чернильницей султана, фактически, он был личным управляющим султана в самом широком смысле этого слова. Постепенно «*хранитель султанской чернильницы»* оттесняет на второй план всю когорту высших эмиров – *атабека, эмиров совета, оружия, султанских конюшен* и т.д., а совмещение должностей главного *давадара*, *вазира* и *устадара* позволяет ему сосредоточить в своих руках бразды правления

[1] См. об этом также [Haarmann, 2001, p. 22].

[2] Переход должностей, которые традиционно занимали «люди пера», под контроль мамлюков наблюдался в этот период и в других ведомствах. В 1460 г. при султане Инале впервые на должность *мухтасиба* Каира был назначен один из мамлюков, а не *улемов,* а в провинциях Египта на должность *мухтасиба* стали назначать эмиров еще при султане ал-Му'аййаде Шайхе [Даррāдж, 1968, с. 116; Ибн Таґрī Бирдī, 1992, т. 16, с. 129; аш-Шāʻир, 1997, с. 23].

ключевыми государственными ведомствами и претендовать на роль преемника султана. *Вазират*, в ведении которого находилось обеспечение султанских мамлюков – главной опоры правителя, к концу XV в. приобрел политический вес, перешел из рук «людей пера» к «людям меча» и был отдан под контроль доверенным и приближенным к султану эмирам, а для этих эмиров должность *вазира* могла быть своеобразным «трамплином», позволявшим бороться за право занять трон.

Наиболее влиятельные посты в мамлюкской администрации становятся объектом конкуренции, в которой участвуют как целые кланы потомственных чиновников, так и фракции, которые формируются отдельными бюрократами. Конкуренция чиновников, за которыми стояли семьи или группы сторонников-единомышленников, была не менее существенной (хотя, может быть, в силу своего скрытого характера, и не очень отчетливо отраженной в источниках) чертой социально-политической жизни султаната, чем борьба эмиров и возглавляемых ими фракций. Кланы крупных чиновников, как правило, были связаны с эмирами высшего звена или самим султаном либо семейными узами, либо через отношения покровительства и патронажа.[1] Так военная и гражданская администрация постепенно переплетаются, прорастают друг в друга за фасадом официальных ведомств и должностей.

Связующим звеном между строго обособленной чужеродной военной элитой и гражданским населением в Султанате мамлюков, по крайней мере, в сфере идеологии, служила религия, а фигура халифа при дворе султанов была символическим выражением единства *уммы*, особенно важного в условиях нашествия крестоносцев и монголов. Легитимность власти мамлюкских султанов была обеспечена инвеституром аббасидских халифов. Присяга, или договор, между халифом и султаном обеспечивала формальное решение вопроса о соответствии любых методов правления и решений, принимаемых

[1] Подробнее о той роли, которую играла практика покровительства (*химайа*) в установлении прочных связей между гражданской и военной элитой см. [Meloy, 2004]. О связях между военной и гражданской элитой в Султанате мамлюков Бурджи см. также [Petry, The Military Institution…, 1998, p. 470].

мамлюкским правителем, мусульманской законности. Укреплению авторитета власти должно было способствовать непосредственное участие султана в судебных разбирательствах по делам *мазалим*, которые решали важную идеологическую задачу: рассматривая тяжбы и жалобы, султан выступал как истинный поборник справедливости и соблюдения шариата, а значит – как защитник своих подданных и подлинно законный правитель.

При мамлюках-Бурджитах система немамлюкского исламского образования вступила во взаимодействие с системой мамлюкских военных школ и привела к социальной диффузии образованных немамлюков с мамлюками: немамлюки, получившие образование и доказавшие свои способности и лояльность, могли сделать карьеру в мамлюкском бюрократическом аппарате и получить высокий статус преподавателя в мамлюкском «доме», а некоторые мамлюки примыкали к образованным мусульманам, получая титулы *факихов* [Зеленев, Илюшина, Мусульманское образование…, 2019, с. 164]. Активное участие *улемов* в работе государственного аппарата, их сближение с военной верхушкой, и, в свою очередь, деятельная роль султана и, в ряде случаев, высших эмиров в судебной системе, отражали практическое сближение религиозной и светской власти.

Основание религиозных и образовательных центров в условиях постоянной конкурентной борьбы между отдельными эмирами, служило немаловажным средством легитимизации политических притязаний учредителя, а также укрепления его личного авторитета как в мамлюкском сообществе, так и за его пределами. Продвижение в мамлюкской политической иерархии и закрепление достигнутых позиций зависело, в первую очередь, от поддержки мамлюков, но симпатии гражданской элиты – чиновников, судей, *улемов* и *шейхов* также имели значение в сложных перипетиях борьбы за власть в Султанате.

Величественные здания фортов и крепостей, мечетей и усыпальниц, драгоценные рукописи, и другие памятники мамлюкской культуры выполняли три основные и взаимосвязанные задачи:

1) трансляция культурных ценностей внутри мамлюкского сообщества с целью сохранить «культурное ядро», наиболее значимые ценностные ориентиры этого сообщества;

2) демонстрация высокого статуса (не только политического, но и культурного) отдельных представителей мамлюкской военной элиты, а также их строгой приверженности к религии и ценностям ислама;

3) подтверждение и укрепление авторитета мамлюков, который во многом зиждился на их способности защитить *Дар ал-ислам* и всех своих подданных от вторжений захватчиков-«неверных».

В период правления бурджитских султанов ни один из рассмотренных выше факторов – наличие матримониальных связей с семьей султана, долгий и настойчивый путь к трону, высокая позиция в мамлюкской военно-политической иерархии в критический период перехода власти, политический авторитет, принадлежность к наиболее влиятельной фракции, хорошая материальная база, наличие большого количества собственных мамлюков, благоприятный возраст, репутация доблестного воина и благочестивого мусульманина – ни по отдельности, ни в каком-либо сочетании не гарантировали успеха в борьбе за трон, а только способствовали ему. Мамлюки жили в эпоху, когда тщательный расчет могла победить случайность, а терпение и сдержанность иногда оказывались важнее решительности и отваги. В любой момент успешная карьера могла быть разрушена арестом, ссылкой, казнью или гибелью в сражении, но в то же время, тюрьма или изгнание очень часто были только временной остановкой на пути к победе в политической борьбе. Справляясь со страхом прерывности (и индивидуального бытия, и карьеры), мамлюки должны были искать последовательность в драматических поворотах политической жизни Султаната, что накладывало свой отпечаток на систему ценностей и восприятие времени, представление о прошлом, настоящем и будущем в мамлюкской политической культуре. Создание видимых, материальных памятников, позволяло мамлюкам преодолеть давление изменчивости и

непостоянства, оставив на века память о своей судьбе и своей эпохе, утвердиться и «пустить корни» в изначально чуждом социокультурном пространстве, занять в нем собственное и очень заметное место, на которое большинство из них не имело наследственного права.

Заключение

Мамлюки стали наследниками султаната Аййюбидов, в полной мере освоили концепцию верховной светской власти, освященной благословением халифа, а позднее сумели добиться политического доминирования при новых правителях Египта – османах, проявив тем самым удивительную способность адаптироваться к политической системе, в условиях которой им приходилось бороться за господство, а также изменять и использовать ее в своих интересах. Стремление ассимилировать систему управления завоеванных стран демонстрировали многие «пришлые» военные элиты.[1] Для мамлюков же самым сложным в этом плане оказалось сочетание династической идеи с принципом выбора правителя как первого среди равных. По существу, имела место борьба между политической нормой, закрепившейся в мусульманском обществе со времен Омеййадов, и императивом традиции, основанной на авторитете выдающихся мамлюкских правителей – Байбарса, Калауна, Баркука, на харизматическом типе политической культуры.[2] Опыт сменявшихся на протяжении двух с половиной столетий султанов показал, что наиболее могущественными из них был именно те, кто пришел к власти не исключительно по праву наследования, но в результате успешного формирования группы влиятельных союзников и победы над соперниками. В бурджитский период политическая система Султаната претерпела существенные изменения, которые привели к окончательному отказу от принципов управления государством, основанных на признании суверенитета султана и династическом идеале верховной власти. С 1382 по 1517 г. на мамлюкском престоле последовательно сменяли друг друга двадцать четыре султана, и только восемь из них получили власть по наследству. Изучение генезиса и эволюции бурджитской нединастийной системы престолонаследия

[1] Например, Газневиды (961-1186) – в определенном смысле предшественники мамлюков – династия, основанная бывшим рабом, воином саманидской армии. Газневиды восприняли весь персидско-мусульманский аппарат деспотического правления и довели его до крайних проявлений при султанах Махмуде и Мас‘уде, после чего созданная ими империя стала распадаться [Босворт, 1981, с. 27].

[2] Харизматический тип обоснования претензий на верховную власть отмечен, например, в Монгольском улусе эпохи Чингис-хана [Скрынникова, 2009, с. 196].

позволило выявить следующие этапы политической истории Султаната мамлюков с их основными характеристиками:

1. Установление власти бурджитских султанов и закрепление новых принципов престолонаследия (1382–1422).

Переход власти от тюркской (бахритской) к черкесской (бурджитской) группировке мамлюков потребовал от первого султана новой «династии» и его преемников привлечения всех возможных ресурсов для укрепления завоеванных позиций и централизации управления государством – от возобновления торжественной церемонии присяги и проявления подчеркнутого уважения к наиболее видным представителям сословия *улемов* до реорганизации системы обеспечения корпуса султанских мамлюков. Одним из признаков наметившегося в этот период сближения светской и религиозной власти стало более активное участие халифов (часто, впрочем, против их воли) в политической жизни Султаната.

В период правления ан-Насира Фараджа, сына первого бурджитского султана Баркука, развернулась ожесточенная борьба фракций мамлюкских эмиров. Вдохновленные примером Баркука, который отстранил от власти последнего представителя династии Калаунидов, они уже не были готовы мириться с правлением султана, занимавшего трон только по праву родства. В 1412 г. Фарадж был низложен и казнен. Так завершился переломный, кризисный период в переходе от престолонаследия, основанного на династическом начале, к новым способам установления верховной власти, в ходе которого наметились важнейшие тенденции политического и государственного развития Султаната мамлюков: выдвижение на самые влиятельные позиции в мамлюкской военно-политической верхушке эмиров, связанных матримониальными узами с «домом» султана, и проникновение представителей немамлюкского, гражданского населения в высшие эшелоны власти.

События, связанные со свержением наследников ал-Му’аййада Шайха и аз-Захира Татара, стали свидетельством закрепления нединастийного

принципа престолонаследия и формирования специфической бурджитской модели перехода власти, в которой краткое пребывание на троне сына-наследника было необходимым промежуточным этапом, позволявшим мамлюкам сформировать коалиции и выявить наиболее сильного кандидата на престол.

Этап формирования и закрепления новых принципов престолонаследия, сопровождавшийся кровавыми столкновениями между враждующими фракциями мамлюков и частой сменой эмиров, входивших в военно-политическую верхушку Султаната, совпал с возрастанием внешней угрозы. Серьёзный удар экономике султаната, который привел к разрушению хозяйственной жизни, в первую очередь, в Сирии, и катастрофическим последствиям для всего Султаната, был нанесен вторжением войск Тимура. Разорение Сирии монгольскими войсками и эпидемии чумы приводили к сокращению численности населения и, как следствие, к сокращению налоговых поступлений в казну. Негативные явления в экономике Султаната сказывались на снабжении армии. В этих условиях выделение части земельных угодий в качестве *икта‘* для халифа и *ризков* для вдов и детей мамлюков, а также для тех воинов, которые по возрасту или состоянию здоровья больше не могли нести службу, – что было новым явлением, характерным именно для бурджитского периода [Семенова, 1966, с. 110], – также сокращало источники обеспечения и пополнения мамлюкской армии. Одновременно за счет роста личных владений султана, более значительной становилась его роль в экономике государства. Особенно заметным этот процесс стал при султане ал-Ашрафе Барсбае, хотя серьезные шаги для укрепления связей с торговой элитой предпринимал уже ал-Му’аййад Шайх [Van Steenbergen, Wing, D’hulster, I, 2016, p. 553-554].

2. Стабилизация политической системы (1422–1467).

Время правления султанов ал-Ашрафа Барсбая, аз-Захира Джакмака, ал-Ашрафа Инала и аз-Захира Хушкадама было отмечено относительной стабильностью внутриполитической ситуации, в первую очередь, благодаря

тому, что механизм перехода власти приобрел устойчивый характер: непродолжительные периоды правления наследников эмиры использовали для формирования коалиций, их лидеры приходили к консенсусу и выдвигали кандидатуру следующего султана (им, как правило, становился *атабек*), затем следовало быстрое смещение наследника-временщика. Старшие эмиры получали, как минимум, право совещательного голоса, а султан принимал в расчет их мнение, как и позиции наиболее влиятельных фракций. При исправном функционировании такой модели вооруженные столкновения между фракциями и выступления оппозиции удавалось купировать в очень короткий срок. Попытку отступить от принципов формирования политической элиты, основанных на специфической традиционной системе ценностей мамлюков, в которой связи между членами одной группы, занимали более высокое место, чем родственные узы, сделал султан ал-Ашраф Инал, но быстрое и практически бескровное смещение его наследника только подтвердило устойчивость новой системы перехода власти.

Стабилизация политической системы позволила мамлюкским султанам сосредоточить внимание на внешней политике. Серьезную угрозу международной торговле, приносившей значительные поступления в казну, представляли нападения *франков* на купеческие корабли, следовавшие по Средиземному морю. Ал-Ашраф Барсбай организовал три экспедиции, в ходе которых мамлюкам удалось подчинить Кипр – крупнейший опорный пункт, позволявший контролировать ситуацию в Восточном Средиземноморье. Походы на Кипр вернули мамлюкам былую славу воинов-победителей и способствовали укреплению авторитета султанов-Бурджитов если не на международном, то, по крайней мере, на региональном уровне. Несмотря на то, что кипрские экспедиции принесли мамлюкам богатую добычу и регулярные поступления дани в казну, территориальные и материальные приобретения оказались, пожалуй, менее значимыми, чем идеологические дивиденды: содержать большой гарнизон в Лимасоле было невыгодно, Кипр сохранил автономию и во второй половине XV в. перешел под контроль

Венеции, поступления в казну со временем сократились, а безопасность морских перевозок удалось обеспечить лишь на короткий срок. Введение монопольных цен на ряд товаров в период правления Барсбая привело с течением времени к сокращению доходов от международной торговли, а перевод производства и торговли сахаром, а также торговли с Индией под контроль государства стал причиной постепенного и неуклонного упадка в этих отраслях деятельности, приносивших прежде немалую прибыль в казну.

Период правления аз-Захира Джакмака и ал-Ашрафа Инала был отмечен началом трансформации государственного аппарата, связанной с переходом ряда административных функций в ведение мамлюкских эмиров, очевидной утратой военной инициативы и постепенным ослаблением позиций Султаната в Восточном Средиземноморье, наконец, разрастанием конфликта между султаном и его собственными мамлюками, заметным становится упадок дисциплины в армейском подразделении *джулбан.*

Важнейшим внешнеполитическим фактором, оказавшим влияние на дальнейшую судьбу государства мамлюков-Бурджитов, было завоевание Константинополя османами. Отныне мамлюки приобрели серьезного соперника на идеологическом фронте и опасного врага, представлявшего угрозу целостности их государства. Первые последствия существенных перемен в расстановке сил в Малой Азии проявились в конце, в целом спокойного и мирного, правления аз-Захира Хушкадама.

3. Нарастание внешней угрозы и кризис мамлюкской государственности (1467–1501).

Активные военные действия османов и неуклонное расширение территории основанной ими империи во второй половине XV в. привели к существенным изменениям в расстановке сил в северной Сирии и восточной Анатолии. Гегемония мамлюков в этом регионе оказалась под угрозой. Их стратегия обороны (а не нападения, как у османов), которая базировалась на лояльности местных эмиров, перестала быть эффективной. Постоянные военные конфликты с османами и правителями приграничных княжеств

Малой Азии истощали финансовую систему и войско Султаната. В период правления ал-Ашрафа Каитбая, несмотря на победы, одержанные в многочисленных войнах и военных конфликтах, Султанат мамлюков стремительно терял сюзеренитет над бейликами Юго-Восточной Анатолии, которые составляли его первую линию обороны. Правители Карамана, Дулкадира, а также государства Ак Коюнлу декларировали свой вассалитет по отношению к египетскому султану только до тех пор, пока это было им выгодно, пока альянс с мамлюками, взявшими на себя защиту мусульманской уммы и покровительство над мусульманскими святынями, приносил им политические дивиденды и обеспечивал военную поддержку в спорах за новые территории с соседями. Но после завоевания Константинополя и впечатляющих побед на Балканах новым центром притяжения в мусульманском мире все увереннее становилась молодая империя османов. Вассалитет по отношению к мамлюкскому султану больше не сулил успехов в локальных конфликтах и утрачивал идеологическую привлекательность.

Тяжелым ударом для мамлюкской экономики было разрушение системы средиземноморской торговли. Еще в начале XV века Сирия и Египет поддерживали торговлю с Италией, Испанией, Францией, Балканами. Но уже в 1460 году с укреплением Османской империи в Восточном Средиземноморье торговля между этими странами начала ослабевать. Османы не допускали итальянцев, особенно генуэзцев, в свои владения в Черном и Эгейском морях. Только Венеции удавалось поддерживать торговые отношения с Сирией и Египтом, несмотря на давление со стороны Османской империи.

Во второй половине XV в. нарастают кризисные явления, связанные с сокращением сельскохозяйственного производства из-за повторяющихся природных катастроф и эпидемий, а также деградации системы *икта‘* в результате отчуждения государственных земель и увеличения доли собственности султана. В XV в. значительно увеличился административный аппарат, в том числе связанный с управлением личным имуществом султана,

одновременно ослабевал контроль за системой распределения *икта‘* и сбором налогов, росло число *вакфов*. В поздний мамлюкский период, по подсчетам исследователей, только один процент всех сельскохозяйственных угодий Египта не относился к категории *вакф* или *икта‘*, при этом общая площадь *икта‘* уменьшилась почти вдвое. Часть *икта‘* была переведена в *ризк* – пожизненные земельные владения, жалуемые государством в качестве пенсии, часть была захвачена арабами-бедуинами, часть в результате купли-продажи перешла в категорию *мулк* [Семенова, Основные направления…, 1958, с. 85; Семенова, 2009, с. 520].

Формирование нединастийной системы престолонаследия оказало влияние на характер и способы политической борьбы в Султанате мамлюков Бурджи. Мамлюкская военно-политическая иерархия приобрела более подвижный характер. Существенную роль в политической карьере эмиров стали играть матримониальные связи с женщинами из «дома» султана. Постоянное, явное или скрытое противостояние фракций, составлявшее неотъемлемую часть бурджитской системы престолонаследия, требовало от политического лидера взвешенных и обдуманных действий, способных минимизировать опасность вооруженных столкновений. Наиболее продуктивной в этом отношении была стратегия, направленная на острожное удаление оппозиции, рассчитанные, точные и быстрые удары по самым опасным соперникам, умеренное поощрение лояльных администраторов и командиров и, самое главное, укрепление собственной группировки мамлюков. Для решения этой, последней, задачи было необходимо время и материальные, в первую очередь, финансовые ресурсы. На протяжении всего периода правления Бурджитов происходит постоянный отток средств из государственной казны в личную казну султана. Этот процесс привел к изменениям в административной системе, постепенной реконфигурации военно-политической элиты и качественным изменениям в составе армии.

Стремление султана укрепить свои собственные позиции в условиях ненаследственной передачи власти и постоянной конкуренции со стороны

фракций эмиров создавало почву для дальнейшего распространения коррупции. Основным принципом отбора кадров становилось не столько профессиональное соответствие и личные заслуги, сколько личная преданность. В политическую элиту стали проникать представители местного населения, в то же время, деятельность мамлюкских эмиров шире, чем в предшествующий период, распространялась в финансовой и торговой сфере, в различных областях социальной жизни. Появление новых элементов в политической культуре мамлюкского сообщества оказывало влияние и на один из основных компонентов политической системы – бюрократический аппарат, сближение и даже сращение которого с мамлюкской корпорацией наблюдалось на протяжении всего бурджитского периода. Серьезные изменения в мамлюкской военно-политической системе, которые произошли во второй половине XV в. привели к тому, что первым претендентом на престол становится не *атабек* – командир армии, а эмир, совмещавший должности *давадара, устадара* и *вазира.*

Длительное правление ал-Ашрафа Каитбая завершилось кризисом нединастийной системы престолонаследия. В Султанате практически не осталось хоть сколько-нибудь весомых в политическом отношении фракций других султанов: за те почти тридцать лет, что ал-Ашраф Каитбай был у власти, большая их часть прекратила существование просто физически – эмиры состарились, кто-то погиб в бою, кто-то окончил свои дни в ссылке, а те, кто остался, не могли составлять конкуренцию молодым и энергичным эмирам, делавшим карьеру при поддержке султана, поэтому борьба началась между мамлюками самого Каитбая. В таких условиях формирование коалиций было крайне затруднено. К тому же султан-наследник, ан-Насир Мухаммад, упорно стремился сохранить трон, а некоторые введенные им новшества свидетельствовали о попытке уйти от мамлюкской системы перехода власти и учредить наследственный султанат. Такая попытка была воспринята и мамлюками, и даже европейскими путешественниками, которые оставили

записки и свидетельства об этом периоде[1], воспринята как нарушение закона и порядка. В условиях ожесточенного соперничества внутри мамлюков из «дома» ал-Ашрафа Каитбая привычные механизмы создания альянсов не работали. Эмиры не смогли выдвинуть кандидата, которого бы поддерживало большинство, началась кровопролитная борьба, в конце концов наследник Каитбая был убит, и страна погрузилась в политический хаос еще почти на четыре года.

4. Падение власти мамлюкских султанов (1501–1517).

Кансух ал-Гури, получивший в наследство от своих предшественников пустую казну и раздираемую распрями армию, пытался найти способы реорганизации финансовой системы Султаната и осуществления нововведений в армии. Его проекты не были в полной мере реализованы в первую очередь, из-за вторжения османов, которое привело к гибели всего мамлюкского государства. В условиях тяжелого экономического кризиса, ставшего результатом, затяжных войн, одной из самых жестоких эпидемий чумы, захлестнувшей Египет и Сирию в последние годы правления ал-Ашрафа Каитбая, и длительного политического кризиса, Кансух ал-Гури искал способы укрепления авторитета власти. Так же, как и на начальном этапе истории Бурджитов, мамлюкский султан взял курс на сближение с мусульманской богословской элитой, однако на этот раз речь шла уже не об «украшении» мамлюкского трона торжественной церемонией присяги с присутствием халифа, но о присвоении светской властью атрибутов власти религиозной, о подготовке сращения титулов «султан» и «халиф». Вероятно, осуществление этого проекта рассматривалось как средство повышения авторитета власти мамлюков не только внутри созданного ими государства, но и за его пределами. Однако, в идеологическом отношении мамлюки потерпели поражение еще до сражения при Мардж Дабик. Религиозные диспуты и ученые собрания, на которых Кансуха ал-Гури именовали «заместителем

[1] См., например, [Harff, 1946, p. 104, 122]. Подробнее о свидетельствах европейских путешественников, относящихся к периоду правления ан-Насира Мухаммада, см. [Conermann, Mamlukica…, 2013, p. 394].

Посланника» и «повелителем верующих», были слишком слабым и запоздалым ответом на мощное идеологическое наступление османов. Политический авторитет мамлюков как защитников мусульман серьезно пошатнулся уже в самом начале XV в., когда молодой султан Фарадж не смог остановить вторжение армии Тимура, и Сирия подвиглась опустошительному нашествию монголов. Затем мамлюки уступили османам, завоевателям Константинополя и христианских государств на Балканах, славу великих воинов ислама. Исправное выполнение особой функции защиты паломников и Священных городов как источник легитимности власти мамлюкских султанов также ставилось под сомнение. Османы объявили войну против мамлюков джихадом и были поддержаны основной массой населения Султаната Бурджи, изможденного войнами и эпидемиями, после которых на жителей Египта и Сирии обрушились реформы Кансуха ал-Гури, стремившегося всеми средствами заполнить опустевшую казну. Получив неоспоримое идеологическое преимущество, османы одержали верх над некогда непобедимой армией мамлюков. Последний из султанов-Бурджитов, ал-Ашраф Туманбай, был казнен в Каире в 1517 г. по приказу Селима I.

В изменениях мамлюкской политической системы, которые происходили в период правления бурджитских султанов, прослеживаются взаимопересекающиеся тенденции: существенная трансформация государственно-административного аппарата, самым тесным образом связанная со сломом преобладавших в предшествующий период социальных границ и стереотипов, и реконфигурация центральной власти. Эти тенденции определялись целым комплексом факторов, среди которых наиболее значимую роль играли механизмы формирования правящей элиты, а также поиск новых источников пополнения государственной казны в условиях экономического кризиса и активных военных действий (во второй половине XV в.). Политическое развитие Султаната в бурджитский период привело к фундаментальным изменениям в отношениях между различными социальными группами, а также в статусе этих групп, степени их доступа к

власти и ресурсам. Должности, которые ранее могли занимать только «люди меча», стали доступны для «людей пера», в то же время мамлюки «осваивали» административную работу, традиционно выполняемую *улемами*. Обратной стороной этого процесса стала трансформация традиционных ценностей мамлюков: владение искусством *фурусийи,* верность однополчанам и преданность хозяину, доблесть, бесстрашие в бою и т.д. постепенно вытеснялись более востребованными – коммерческой хваткой, политическим прагматизмом и *art de vivr* с налетом набожности, что стало одним из факторов, способствовавших подрыву единства внутри мамлюкской корпорации, которое было залогом их политического и военного успеха. Параллельно шел и другой процесс: мамлюкская система ценностей, мамлюкская политическая культура оказывали влияние на немамлюкские социальные группы, которые, в той или иной степени получив доступ к власти и ее ресурсам, вступали в тесный контакт с военно-политической элитой. Непроницаемая стена, разделявшая мамлюков и местное население, стала постепенно разрушаться. Наряду с этим изменялся статус отдельных групп внутри мамлюкской корпорации: к середине XV в. гораздо большего влияния, чем в предшествующий период добились *джулбан,* повторяющиеся мятежи молодых мамлюков расшатывали авторитет власти и, в конце концов, привели к расколу в армии.

Как для общественной группы, состоящей из индивидов, по определению выросших вне лона семьи, клана, рода, для мамлюков была характерна меньшая степень кумулятивности (способности сохранять и накапливать опыт прошлого развития), несколько ослабленная историко-генетическая связь поколений, хотя, они, разумеется, не были полностью ее лишены, поскольку история и традиции играли для мамлюков, как для любой общественной группы, важную роль в формировании идентичности и сплоченности. Относительная свобода от императива традиционных обществ – следовать «образцам прошлого» – делала мамлюков наиболее подвижной и способной к эволюции, изменениям и реформам группой населения. Вместе с

тем, степень этой свободы не следует преувеличивать. Совершенно очевидно, что мамлюкские военные традиции, в том числе способы ведения войны и пополнения армии, играли роль инерционной силы в истории эволюции политических институтов Султаната, а традиции формирования мамлюкского сообщества и мамлюкской военно-политической элиты выполняли свою системообразующую и структурирующую функцию, благодаря чему сохранялся сам остов мамлюкской корпорации, который был настолько прочен, что пережил даже гибель Султаната. В социокультурном пространстве мамлюкского султаната сформировалась довольно устойчивая «мамлюкская идентичность», позволявшая мамлюкам на протяжении двух с половиной столетий четко осознавать свою принадлежность к мамлюкскому сообществу.[1] Более того, мамлюки сохраняли базовые черты этой идентичности и после османского завоевания, вплоть до конца XVIII в., что позволило им поддерживать относительную целостность мамлюкской корпорации и, в конечном итоге, заменить османскую администрацию Египта на собственную, мамлюкскую.

Сохранение специфической мамлюкской матрицы общественных отношений, группового и индивидуального поведения было тесно связано с определенной преемственностью в организации государственного управления, политической системе, военной иерархии. Изменения и относительная подвижность системы мамлюкских государственно-политических институтов не касались базовых, принципиальных основ, но были ответом на меняющиеся исторические условия. В обстановке постоянной конкуренции выявлялись и определялись наиболее прочные и жизнеспособные элементы мамлюкской политической системы, которые, постепенно эволюционируя, продолжили свое существование в последующие эпохи.

[1] Мамлюкская идентичность была фактором, обеспечивающим устойчивость, но отнюдь не монолитность мамлюкского сообщества, поскольку на эту идентичность накладывались другие, разноплановые и разнохарактерные, пересекающиеся и независимые друг от друга идентичности: осознание принадлежности к той или иной этнической группе, «дому» или семье султана или эмира, суфийскому братству и т.д.

Одним из перспективных направлений дальнейшего изучения истории мамлюкского сообщества и мамлюкской государственности может стать расширение хронологических рамок исследования, сравнительный анализ специфических способов политической борьбы и форм военно-политической организации, выработанных мамлюками, в бахритский, бурджитский и османский период, что позволит выявить как наиболее устойчивые, так и самые подвижные характеристики мамлюкской военной элиты и ее связей с гражданским обществом Египта.

Список использованных источников и литературы

I. Неопубликованные источники (на арабском языке)

ал-Бакламӣшӣ, Ṭайбуґа ал-Йунāни ал-Ашрафӣ. Буґйат ал-марāмӣ ва ґāйат ал-марāм ли-л-маʻāнӣ фӣ ʻилм ар-рамӣ [Желанная цель и предел стремлений к сущности в науке стрельбы из лука]. Ал-Мактаба ал-Ваṭанӣйа ли-л-Мамлака ал-Маґрибӣйа. Ms. 1867/5 д.

ал-Бāʻӯнӣ, Муḫаммад б. Йӯсуф б. Аḥмад Бахā ад-Дӣн. [Без названия]. Staatsbibliothek zu Berlin. Ms. 9822. We. 426.

ал-Бāʻӯнӣ, Муḫаммад б. Йӯсуф б. Аḥмад Бахā ад-Дӣн. Ал-Ḳаул ас-садӣд ал-аṭраф фӣ сӣрат ал-Малик ас-Саʻӣд ал-Ашраф [Достойные и самые остроумные слова о жизни ал-Малика ас-Саʻида ал-Ашрафа]. Staatsbibliothek zu Berlin. Ms. 9821. We. 426.

ал-Бāʻӯнӣ, Муḫаммад б. Аḥмад б. Нāṣир б. Ḫалӣфа б. Фарадж Шамс ад-Дӣн [ал-Урджӯза фӣ таʾрӣḫ ал-ḫулафāʾ] [Поэма об истории халифов]. Staatsbibliothek zu Berlin. Ms. 9712. We. 426.

ад-Дамāмӣнӣ, Бадр ад-Дӣн Муḫаммад б. Абӣ Бакр б. ʻУмар б. Абӣ Бакр ал-Искандарӣ. Шамс ал-маґриб фӣ ал-марḳас ал-муṭриб [Закатное солнце, [освещающее] восхитительное место танца [калама]]. Staatsbibliothek zu Berlin. Ms. 8643 Spr. 1223.

Дӣвāн Ḳāнсӯх ал-Ґаурӣ [Диван Кансуха ал-Гури]. Det Kongelige Bibliotek. Cod. Arab. 280.

[Документ об учреждении *вакфа* аз-Захиром Кансухом. 908/1502 г.]. Российская национальная библиотека. ОР РНБ. Ар.Н.С. 424.

Зухрат ан-нāẓирӣн ва-нузхат ан-нāдирӣн [Сияние для наблюдающих и отрада для редких]. Universitaire Bibliotheken Leiden MS Or. 1052.

Ибн аш-Шиḥна, ʻАфӣф ад-Дӣн Ḫусайн б. Муḫаммад б. Муḫаммад. Ал-Бадр аз-зāхир фӣ нуṣрат ал-Малик ал-Нāṣир Муḫаммад б. Ḳāйтбāй [Сияющая полная луна в победе ал-Малика ан-Насира Мухаммада б. Каитбая]. Bibliothèque nationale de France. MS Arabe 1793.

Китāб ад-дурр ан-надӣд фӣ манāқиб ал-Малик аз̣-З̣āхир Абӣ Саʿӣд [Книга жемчужин, расставленных по порядку в дорогах, проложенных ал-Маликом аз-Захиром Абу Саʿидом]. Staatsbibliothek zu Berlin. Ms. 9817 WE 133.

ал-Мақдисӣ, Марʿӣ ал-Х̣анбалӣ. Ат-Тух̣фа ас-санӣйа фӣ аҳбāр ад-даула ал-джаркасӣйа [Высочайший подарок с известиями о черкесском государстве]. Osterreichische Nationalbibliothek. Ms. 923. A.F. 274.

Насаб ал-джарāкиса [Родословная черкесов]. Научная библиотека Санкт-Петербургского университета. Ms. 708.

ал-Х̣алабӣ, Абӯ Бакр. Ал-Урджӯза ал-х̣алабӣйа фӣ рамӣ ас-сихāм ʿан ал-қусӣй ал-ʿарабӣйа [Урджуза аль-Халаби о метании стрел из арабских луков]. Staatsbibliothek zu Berlin. Ms. 5540 Wetzstein II 1705 – 5.

ал-Харāвӣ, Абӯ Бакр Мух̣аммад б. ʿАбдаллāх б. Аҫбаг̣. Ал-Бадāʾиʿ ва-л-асрāр фӣ х̣ақӣқат ар-радд ва-л-интиҫāр ва-ґāмид̣ мā иджтамаʿат ʿалайхи ар-румāт би-л-амҫāр [Чудеса и тайны в истине ответа и победы и сокрытом из того, в чем согласны стрелки по столицам]. Staatsbibliothek zu Berlin. Ms. 5538. Spr. 1942.

[Choix de lettres pour servir de modèles aux amateurs qui cultivent le style épistolaire]. Bibliothèque nationale de France. MS Arabe 4440.

[Treaty, 28 Jumada II 874 A.H./24 January 1467 A.D.]. The Library of Congress. Scroll 26. Arabic Firmans 188. URL: https://www.loc.gov/resource/amedmonastery.00279389062-ms/?sp=61&r=-0.202,0.735,1.257,0.56,0

[Treaty, 7 Muharram 822 A.H./3 February 1419 A.D.]. The Library of Congress. Scroll 24. Arabic Firmans 186. URL: https://www.loc.gov/resource/amedmonastery.00279389062-ms/?sp=56&r=-1.387,-0.079,3.773,1.682,0

[Treaty, 866 A.H./1461-1462 A.D.]. The Library of Congress. Scroll 25. Arabic Firmans 187. URL: https://www.loc.gov/resource/amedmonastery.00279389062-ms/?sp=58&r=-

0.232,0.441,1.536,0.685,0;
https://www.loc.gov/resource/amedmonastery.00279389062-ms/?sp=59&r=-0.583,0.104,2.167,0.966,0

II. Опубликованные источники

на арабском языке

Абӯ ал-Фидāʾ, Исмāʿӣл б. ʿАлӣ. Ал-Муҳтаçар фӣ аҳбāр ал-башар [Краткая история рода человеческого]. Каир: Маṭбаʿат ал-Ҳусайнӣйа ал-Миçрӣйа, 1907. 4 т.

ал-ʿАйнӣ, Бадр ад-Дӣн Маḥмӯд б. Аḥмад. ал-Рауḍ аз-зāхир фӣ сӣрат ал-Малик аẓ-Ẓāхир Ṭаṭар [Цветущий сад в жизнеописании ал-Малика аз-Захира Татара]. Под ред. Х.Эрнста. Каир: Дāр Иḥйāʾ ал-Кутуб ал-ʿАрабӣйа, 1962. xvi, 51 с.

ал-ʿАйнӣ, Бадр ад-Дӣн Маḥмӯд б. Аḥмад. Ас-Сайф ал-муханнад фӣ сӣрат ал-Малик ал-Муʾаййад Шайḫ ал-Маḥмӯдӣ [Заточенный меч в жизнеописании ал-Малика ал-Муʾаййада Шайха ал-Махмуди]. Под ред. Ф.М.Шалтӯта. Каир: Маṭбаʿат Дāр ал-Кутуб ал-Миçрӣйа, 1998. 427 с.

ал-Асадӣ, Муḥаммад б. Муḥаммад б. Ḫалӣл. Ал-Тайсӣр ва-л-иʿтибāр ва-т-таḥрӣр ва-л-иḫтибāр фӣ-мā йаджибу мин ḥусн ат-тадбӣр ва-т-таçарруф ва-л-иḫтийāр [Облегчение и извлечение урока, направление и испытание в том, что необходимо для хорошего управления, распоряжения и выбора]. Под ред. ʿА.А.Ṭулаймāта. Каир: Дāр ал-Фикр ал-ʿАрабӣ, 1968. 221 с.

ал-Асйӯṭӣ, Шамс ад-Дӣн Муḥаммад б. Аḥмад ал-Мунхāджӣ. Джавāхир ал-ʿуḳӯд ва-муʿӣн ал-ḳудāт ва-л-муваḳḳиʿӣн ва-ш-шухӯд [Драгоценные камни ожерелья и помощник судьям, писцам и свидетелям]. Под ред. А.ʿА.Ḫ.б.ʿА.Ибн Ḳуṭба. Мекка: Ал-Мактаба ал-Маккӣйа, 2011. 4 т.

ал-Биḳāʿӣ, Бурхāн ад-Дӣн Ибрāхӣм б. ʿУмар. Иẓхāр ал-ʿаçр ли-асрāр ахл ал-ʿаçр [Вечернее разъяснение тайн современников]. Под ред. М.С.б.Ш.ал-ʿАвфӣ. Эр-Рияд: Джāмиʿат ал-Имāм Муḥаммад б. Саʿӯд ал-Ислāмӣйа, 1992-1993. 3 т.

ал-Буṣравӣ, ʿАлӣ б. Йӯсуф. Таʾрӣх ал-Буṣравӣ [История ал-Бусрави]. Под ред. А.Х̣.ал-ʿУлабӣ. Дамаск: Дӣр ал-Маʾмӯн ли-т-Турӣс̱, 1988. 276 с.

ал-Ġаззӣ, Муҳаммад б. Муҳаммад Наджм ад-Дӣн. Ал-Кавӣкиб ас-сӣʾира би-аʿйӣн ал-миʾа ал-ʿӣшира [Подвижные звезды о выдающихся людях десятого столетия]. Под ред. Х̣.ал-Манṣӯра. Бейрут: Дӣр ал-Ӣфӣк ал-Джадӣда, 1979. 942 с.

Дӣвӣн ас-султӣн ал-Ġаурӣ [Диван султана ал-Гури]. Под ред. Ш.М.Мурси // Маджаллат Маʿхад ал-Маҳт̣ӯт̣ӣт ал-ʿАрабӣйа. 1980. № 26 (2). С. 97-176.

аз̱-З̱ахабӣ, Шамс ад-Дӣн Муҳаммад б. Аҳмад. Таʾрӣх ал-ислӣм ва-вафайӣт ал-машӣхӣр ва-л-аʿлӣм [История ислама и некрологи известных и знатных особ]. Под ред. ʿУ.ʿА.ас-С. Тадмурӣ. Бейрут: Дӣр ал-Китӣб ал-ʿАрабӣ, 1989-2004. 53 т.

аз̣-З̣ӣхирӣ, Ġарс ад-Дӣн Х̣алӣл б. Шӣхӣн. Китӣб Зубдат кашф ал-мамӣлик ва-байӣн ат̣-т̣уруқ ва-л-масӣлик [Книга «Сливки исследования государств и разъяснения путей и дорог»]. Paris: Imprimerie nationale, 1894. 157 с.

Ибн Буҳтур, Ṣӣлиҳ б. Йаҳйӣ. Таʾрӣх Байрӯт ва-аҳбӣр ал-умарӣʾ ал-Буҳтурӣйӣн мин Банӣ ал-Ġарб [История Бейрута и сообщения об эмирах Бухтуридах из рода ал-Гарб]. Под ред. Л.Шайхӯ. Бейрут: Ал-Мат̣баʿ ал-Кӣс̱ӯлӣкӣйа, 1927. 292 с.

Ибн ал-Джиʿӣн, Абӯ ал-Бақӣʾ Муҳаммад б. Йаҳйӣ. Ал-Қаул ал-мустаз̣раф фӣ сафар Маулӣнӣ ал-Малик ал-Ашраф [Занимательная речь о путешествии нашего владыки ал-Малика ал-Ашрафа]. Под ред. ʿА.ас-С.Тадмурӣ. Триполи: Маншӯрӣт Йаррӯс Брисс, 1984. 196 с.

Ибн Дуқмӣқ, Ибрахӣм б. Муҳаммад. Ал-Джаухар ас̱-с̱амӣн фӣ сийар ал-мулӯк ва-с-салӣт̣ӣн. Под ред. М.К.ад-Д.ʿИ.ад-Д.ʿАлӣ. Бейрут: ʿӢлам ал-Кутуб, 1985. 560 с.

Ибн Дуқмӣқ, Ибрахӣм б. Муҳаммад. Ал-Интиṣӣр ли-вӣсит̣ат ʿиқд ал-амṣӣр [Триумф главной жемчужины в ожерелье городов]. Под ред.

К.Фоллерса. Бейрут: ал-Макткб ат-Тиджāрӣ ли-ṭ-Ṭибāʿа ва-т-Тавазиʿ ва-н-Нашр, 1966. 2 т.

Ибн Зунбул, Аḫмад б. ʿАли ар-Раммāл. Вāḳиʿат ас-султāн ал-Гӯрӣ маʿ Салӣм ал-ʿУс̱мāнӣ [Сражение султана ал-Гури с Селимом Османским]. Под ред. ʿА.ал-М.ʿĀмира. Каир: ал-Хайʾа ал-Миср̄йа ал-ʿАмма ли-л-Китāб, 1998. 209 с.

Ибн Ийāс, Муḫаммад б. Аḫмад ал-Ḫанафӣ. Бадāʾиʿ аз-зухӯр фӣ ваḳāʾиʿ ад-духӯр [Редкие цветы среди событий эпохи]. Под ред. М.Муṣтафы. Лейпциг, Стамбул, Штутгарт: Франц Штайнер Ферлаг, 1931-1975. 6 т.

Ибн ал-ʿИмāд, ʿАбд ал-Ḫайй б. Аḫмад. Шаз̱арāт аз̱-з̱ахаб фӣ аḫбāр ман з̱ахаб [Частицы золота в сообщения о тех, кто ушел]. Под ред. М. ал-Арнāʾӯṭа. Бейрут, Дамаск: Дāр Ибн Каc̱ӣр, 1993. 10 т.

Ибн Ḳāḍӣ Шухба, Таḳӣ ад-Дӣн Абӯ Бакр б. Аḫмад б. Муḫаммад. Таʾрӣḫ Ибн Ḳāḍӣ Шухба [История Ибн Кади Шухбы]. Под ред. ʿА.Дарвӣша. Дамаск: ал-Маʿхад ал-Фарансӣ ли-д-Дирāсāт ал-ʿАрабӣйа, 1977-1997. 4 т.

Ибн Каc̱ӣр, Абӯ ал-Фидāʾ Исмāʿӣл. Ал-Иджтихāд фӣ ṭалаб ал-джихāд [Усердие в стремлении к джихаду]. Под ред. ʿА.ʿА.ар-Р.ʿУсайлāна. Бейрут: Муʾассаса ар-Рисāла, 1981. 136 с.

Ибн ан-Наḫḫāс, Аḫмад б. Ибрāхӣм. Машāрӣʿ ал-ашуāḳ илā маṣāриʿ ал-ʿушшāḳ ва-муc̱ӣр ал-ġарāм илā дāр ас-салāм[имю1] [Места водопоя для стремящихся к полям сражений страстных поклонников [Бога] и возбуждение любви к обители мира]. Под ред. И.М.ʿАлӣ и М.Ḫ.Истанбӯлӣ. Бейрут: Дāр ал-Башāʾир ал-Ислāмӣйа, 1990. 1227 с.

Ибн Сибāṭ, Ḫамза б. Аḫмад. Ṣидḳ ал-аḫбāр: Таʾрӣḫ Ибн Сибāṭ [Правдивые известия: История Ибн Сибата]. Под ред. ʿУ.ʿА.ас-С.Тадмурӣ. Бейрут: Йаррӯс Брисс, 1993. 2 т.

Ибн Таġрӣ Бирдӣ, Абӯ ал-Маḫāсин Йӯсуф. Ад-Далӣл аш-шāфӣ ʿала ал-Манхал аṣ-Ṣāфӣ [Целительный указатель к «Чистому источнику»]. Под ред. Ф.М.Шалтӯта. Мекка: Джāмиʿат Умм ал-Ḳурā, Марказ ал-Баḫc̱ ал-ʿИлмӣ ва-Иḥйāʾ ат-турāc̱ ал-ислāмӣ, 1983. 2 т.

Ибн Таґрӣ Бирдӣ, Абӯ ал-Маҳāсин Йӯсуф. Ал-Манхал аṣ-Ṣāфӣ ва-л-муставфā баʿда-л-вāфӣ [Чистый источник и дополняющий после «Достаточного»]. Под ред. М.М.Амӣна. Каир: Ал-Хайʾа ал-Миṣрӣйа ал-ʿĀмма ли-л-Китāб, 1984-2009. 13 т.

Ибн Таґрӣ Бирдӣ, Абӯ ал-Маҳāсин Йӯсуф. Ан-Нуджӯм аз-зāхира фӣ мулӯк Миṣр ва-л-Ḳāхира [[Книга, подобная] блестящим звездам, о владыках Египта и Каира]. Под ред. М.Ҳ. Шамс ад-Дӣна. Бейрут: Дāр ал-Кутуб ал-ʿИлмӣйа, 1992. 16 т.

Ибн Таґрӣ Бирдӣ, Абӯ ал-Маҳāсин Йӯсуф. Ҳавāдиṣ ад-духӯр фӣ маḍā ал-аййāм ва-ш-шухӯр [События веков на протяжении дней и месяцев]. Под ред. М.К.ад-Д.ʿИзз ад-Дӣна. Бейрут: ʿĀлам ал-Кутуб, 1990. 613 с.

Ибн Ṭауḳ, Шихāб ад-Дӣн Аҳмад. Ат-Таʿлӣḳ. Йаумӣйāт Шихāб ад-Дӣн Аҳмад Ибн Ṭауḳ (834-915 х / 1430-1509 м). Муẓаккарāт кутибат би-Димашḳ фӣ авāхир ал-ʿахд ал-мамлӯкӣ 885-908 х / 1480-1502 м [Толкование. Дневники Шихаб ад-Дина Ахмада Ибн Таука (834-915/1430-1509). Мемуары, написанные в Дамаске в конце мамлюкской эпохи (885-908/1480-1509)]. Под ред. Дж.ал-Мухāджира. Дамаск: Ал-Маʿхад ал-Фарансӣ ли-Дирāсāт ал-ʿАрабӣйа би-Димашḳ, 2000-2007. 4 т.

Ибн Ṭӯлӯн, Шамс ад-Дӣн Муҳаммад б. ʿАлӣ. Иʿлāм ал-варā би-ман вуллийа нāʾибан мин ал-атрāк би-Димашḳ аш-Шāм ал-Кубрā [Уведомление для рода человеческого о тех из числа тюрков, кто был назначен наместником в Дамаске Великого аш-Шама]. Под ред. ʿА.ал-ʿА.Ҳ.Ҳитāба. Каир: Маṭбаʿат Джāмиʿат ʿАйн Шамс, 1973. 2 т.

Ибн Ṭӯлӯн, Шамс ад-Дӣн Муҳаммад б. ʿАлӣ. Муфāкахат ал-ҳиллāн фӣ ҳавāдиṣ аз-замāн [Увеселение друзей в рассказах времени]. Под ред. Ҳ.ал-Манṣӯра. Бейрут: Дāр ал-Кутуб ал-ʿИлмӣйа, 1998. 421 с.

Ибн Ṭӯлӯн, Шамс ад-Дӣн Муҳаммад б. ʿАлӣ. Ал-Фулк ал-машḥӯн фӣ аḥуāл Муҳаммад Ибн Ṭӯлӯн [Загруженный корабль об обстоятельствах [жизни] Мухаммада Ибн Тулуна]. Под ред. М.Ҳ.Р.Йӯсуфа. Бейрут: Дāр Ибн Ҳазм, 1996. 226 с.

Ибн Фахд, ʻУмар б. Муҳаммад. Итҳāф ал-варā би-аҳбāр Умм ал-Қурā [[Книга, которая] порадует людей сообщениями об Умм ал-Кура]. Под ред. Ф.М.Шалтӯта. Мекка: Джаāмиʻат Умм ал-Қурā, 1983-1990. 5 т.

Ибн ал-Фурāт, Муҳаммад б. ʻАбд ар-Раҳӣм. Таʾрӣх ад-дувал ва-л-мулӯк [Истрия государств и владык]. Под ред. Қ.Зурайқа и Н.ʻИзз ад-Дӣна. Бейрут: American University of Beirut Press, 1936-1938. Т. 9. 2 ч.

Ибн Ҳаджар, Аҳмад б. ʻАли. Ад-Дурар ал-кāмина фӣ аʻйāн ал-миʾа ас̱-с̱āмина [Скрытые жемчужины о знатных лицах восьмого столетия]. Под ред. С.ал-Карнӯкӣ. Хайдарабад: Маṭбаʻат ал-Маджлис Дāʾират ал-Маʻāриф, 1929-1931. 4 т.

Ибн Ҳаджар, Аҳмад б. ʻАли. З̱айл «ад-Дурар ал-кāмина» [Дополнение к «ад-Дурар ал-кāмина»]. Под ред. ʻА.Дарвӣша. Каир: Маʻхад ал-Маҳṭӯṭāт ал-ʻАрабӣйа, 1992. 452 с.

Ибн Ҳаджар, Аҳмад б. ʻАли. Инбāʾ ал-ġумр би-анбāʾ ал-ʻумр [Известие для непосвященного о сыновьях этой эпохи]. Под ред. Ҳ.Ҳабашӣ. Каир: ал-Маджлис ал-Аʻлā ли-ш-Шуʾӯн ал-ислāмӣйа, 1969-1998. 4 т.

Ибн Ҳаджар, Аҳмад б. ʻАли. Раф‘ ал-иṣр ʻан қудāт Миṣр [Снятие бремени с судей Египта]. Под ред. ʻА.М.ʻУмара. Каир: Мактабат ал-Ҳāнджӣ, 1998. 550 с.

Ибн Ҳалдӯн, ʻАбд ар-Раҳмāн. Таʾрӣх Ибн Ҳалдӯн ал-мусаммā Китāб ал-ʻибар ва-дӣвāн ал-мубтадаʾ ва-л-ҳабар фӣ аййāм ал-ʻараб ва-л-ʻаджам ва-л-барбар ва-ман ʻāṣарахум мин з̱авӣ ас-сулṭāн ал-акбар [История Ибн Халдуна, названная «Книга назиданий и сборник начала и сообщения о днях арабов, персов и берберов и современных им обладателей высшей власти»]. Под ред. С.Заккāра и Ҳ.Шаҳāды. Бейрут: Дāр ал-Фикр, 2000-2001. 8 т.

Ибн Ҳиджжа, Тақӣ ад-Дӣн Абӯ Бакр б. ʻАлӣ ал-Ҳамавӣ. Китāб Қахват ал-иншāʾ [Книга «Пьянящий напиток искусства стиля»]. Под ред. Р.Веселы. Бейрут: Маṭбаʻат Дирġāм (in Kommission bei „Klaus Schwarz Verlag“ Berlin), 2005. [xv], 29, 572, 48 с.

Ибн Ҳиджжа, Тақӣ ад-Дӣн Абӯ Бакр б. ʻАлӣ ал-Ҳамавӣ. Ҫамарāт ал-аурāқ [Плоды листов]. Под ред. М.А.ал-Ф.Ибрāхӣма. Сайда, Бейрут: Ал-Мактаба ал-ʻАҫрӣйа, 2005. 328 с.

Ибн Ҳиджжӣ, Шихāб ад-Дӣн Абӯ ал-ʻАббāс Аҳмад. Таʾрӣҳ Ибн Ҳиджжжӣ [История Ибн Хиджжи]. Под ред. А.Й.ʻА.ал-Кундарӣ. Бейрут: Дāр Ибн Ҳазм, 2003. 1081 с.

Ибн ал-Ҳимҫӣ, Аҳмад б. Муҳаммад б. ʻУмар ал-Анҫāрӣ. Ҳавāдиҫ аз-замāн ва-вафайāт ал-шуйӯҳ ва-л-ақрāн [События времен и некрологи старейшин и сверстников]. Под ред. ʻА.ал-ʻА.Ф.Ҳарфӯша. Бейрут: Дāр ан-Нафāʾис, 2000. 664 с.

Ибн аш-Шиҳна, Абӯ ал-Валӣд Муҳаммад б. Муҳаммад. Рауд ал-манāẓир фӣ ʻилм ал-авāʾил ва-л-авāҳир [Сад пейзажей в знании о первых и последних]. Под ред. С.М.Муханны. Бейрут: Дāр ал-Кутуб ал-ʻИлмӣйа, 1997. 331 с.

Ибн аш-Шиҳна, Муҳибб ад-Дӣн Муҳаммад б. Муҳаммад. Ад-Дурр ал-мунтаҳаб фӣ таʾрӣҳ Мамлакат Ҳалаб [Отборный жемчуг по истории Алеппо]. Под ред. Й.Саркӣса. Дамаск: Дāр ал-Кутуб ал-ʻАрабӣйа, 1984. 293 с.

ал-Қалқашандӣ, Абӯ ал-ʻАббāс Аҳмад. Ҫубҳ ал-аʻшā фӣ ҫинāʻат ал-иншā [Заря для подслеповатого в искусстве писания]. Каир: Дāр ал-Кутуб ал-Миҫрӣйа, ал-Маṭбаʻа ал-Амӣрӣйа, 1913–1922. 14 т.

ал-Қарамāнӣ, Аҳмад б. Йӯсуф. Аҳбāр ад-дувал ва-āҫāр ал-авал фӣ ат-таʾрӣҳ. Под ред. А.Ҳаṭӣṭа и Ф.Сануда. Бейрут: ʻĀлам ал-Кутуб, 1992. 3 т.

ал-Қудсӣ, Абӯ Ҳāмид Муҳибб ад-Дӣн Муҳаммад б. Ҳалӣл. Китāб дувал ал-ислāм аш-шарӣфа ал-бахӣйа ва-з̱-з̱икр мā ẓахара лӣ мин ҳикам Аллāх ал-ҳафӣйа фӣ ṭāʾифат ал-атрāк илā ад-Дийāр ал-Миҫрӣйа [Великолепные благородные страны ислама и упоминание о том, что стало мне ясно из скрытой Божьей мудрости относительно привлечения турков в Египет]. Под ред. Ҫ.Лабӣба и У.Хаармана. Beirut, Berlin: Orient-Institut der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1997. 179 с.

Лаҳмӣ, Абӯ ал-Ҳасан ʻАлӣ б. Муҳаммад ал-Ишбӣлӣ. Ад-Дурр ал-муҫāнн фӣ сӣрат ал-Муẓаффар Салӣм Ҳāн [Хранимая жемчужина в жизнеописании

ал-Музаффара Салимхана]. Под ред. Х.Эрнста. Каир: Дāр Иҳйāʾ ал-Кутуб ал-ʿАрабӣйа, 1962. 27, 34 с.

ал-Мāвардӣ, Абӯ ал-Ҳасан ʿАлӣ б. Муҳаммад б. Ҳабӣб. Қавāнӣн ал-визāра ва-сийāсат ал-мулк [Законы *вазирата* и управление государством]. Под ред. Р.ас-Саййида. Бейрут: Дāр аṭ-Ṭалӣʿа ва-н-Нашр, 1979. 255 с.

ал-Мāвардӣ, Абӯ ал-Ҳасан ʿАлӣ б. Муҳаммад б. Ҳабӣб. Ал-Аҳкāм ас-сулṭāнӣйа ва-л-вилāйāт ад-дӣнӣйа [Законы власти и религиозное правление]. Под ред. А.М.ал-Баґдāдӣ. Эль-Кувейт: Мактабат Дāр Ибн Қутайба, 1989. 390 с.

ал-Мақрӣзӣ, Тақӣ ад-Дӣн Аҳмад б. ʿАлӣ. Дурар ал-ʿуқӯд ал-фарӣда фӣ тарāджим ал-аʿйāн ал-муфӣда [Редкостные жемчужины ожерелий в поучительных жизнеописаниях знатных лиц]. Под ред. М.ал-Джалӣлӣ. Бейрут: Дāр ал-Ґарб ал-Ислāмӣ, 2002. 4 т.

ал-Мақрӣзӣ, Тақӣ ад-Дӣн Абӯ ал-ʿАбāʾ Аҳмад б. ʿАлӣ. Иґāẓат ал-умма би-кашф ал-ґумма [Книга об истощении народа в связи с бедствиями]. Под ред. К.Ҳ.Фарҳāт. Гиза: ʿАйн ли-д-Дирāсāт ва-л-Буҳӯẓ ал-Инсāнӣйа ва-л-Иджтимāʿӣйа, 2007. 208 с.

ал-Мақрӣзӣ, Аҳмад б. ʿАлӣ. Ал-Мавāʿиẓ ва-л-иʿтибāр би-ẓикр ал-ҳиṭаṭ ва-л-āẓāр ал-маʿрӯф би-л-Ҳиṭаṭ ал-мақрӣзӣйа [Поучения и назидания, [содержащиеся] в рассказе о кварталах и памятниках, известные как «Хитат» ал-Макризи]. Под ред. М.Зайнахума и М.ал-Шарқāвӣ. Каир: Мактабат Мадбӯлӣ, 1998. 3 т.

ал-Мақрӣзӣ, Аҳмад б. ʿАлӣ. Ас-Сулӯк ли-маʿрифат дувал ал-мулӯк [Пути познания династий правителей]. Под ред. М.ʿА.ал-Қ.ʿАṭы. Бейрут: Дāр ал-Кутуб ал-ʿИлмӣйа, 1997. 8 т.

ал-Малаṭӣ, ʿАбд ал-Бāсиṭ б. Шāхӣн. Ал-Маджмаʿ ал-муфаннан би-л-муʿджам ал-муʿанван [Разнообразное собрание в поименном словаре]. Под ред. ʿА.М.ал-Кандарӣ. Бейрут: Дāр ал-Башāʾир ал-Ислāмӣйа, 2011. 2 т.

ал-Малаṭӣ, ʿАбд ал-Бāсиṭ б. Шāхӣн. Найл ал-амал фӣ з̱айл ад-дувал [Достижение ожидания относительно продолжения «Держав»]. Под ред. ʿУ.ʿА.ас-С.Тадмурӣ. Бейрут, Сайда: ал-Мактаба ал-ʿАṣрӣйа, 2002. 9 т.

ал-Манṣӯрӣ, Байбарс. Зубдат ал-фикра фӣ тāрӣх̱ ал-хиджра [Сливки мысли по истории *хиджры*]. Под ред. Д.С.Ричардса. Бейрут: ал-Маʿхад ал-Алмāнӣ ли-л-Абḥāс̱ аш-Шарḳӣйа; Берлин: ал-Китāб ал-ʿАрабӣ, 1998. xxxiv, 488 с.

ан-Нуʿаймӣ, ʿАбд ал-Ḳāдир б. Муḥаммад ад-Димашḳӣ. Ад-Дāрис фӣ таʾрӣх̱ ал-мадāрис [Ученик истории школ]. Под ред. И.Шамс ад-Дӣна. Бейрут: Дāр ал-Кутуб ал-ʿИлмӣйа, 1990. 2 т.

ан-Нувайрӣ, Шихāб ад-Дӣн Аḥмад б. ʿАбд ал-Ваххāб. Нихāйат ал-араб фӣ фунӯн ал-адаб [Предел желаний в искусствах словесности]. Бейрут: Дāр ал-Кутуб ал-ʿИлмӣйа, 2004. 33 т.

аṣ-Ṣайрафӣ, ʿАлӣ б. Дāвуд. Инбāʾ ал-хаṣр фӣ абнāʾ ал-ʿаṣр [Возвещение льву о сыновьях века]. Под ред. Ḫ.Ḫабашӣ. Каир: ал-Хайʾа ал-Миṣрӣйа ал-ʿĀмма ли-л-Китāб, 2002. 526 с.

аṣ-Ṣайрафӣ, ʿАлӣ б. Дāвуд. Нузхат ан-нуфӯс ва-л-абдāн фӣ тавāрӣх̱ аз-замāн [Отдых для душ и тел в историях времен]. Под ред. Ḫ.Ḫабашӣ. Каир: Маṭбаʿат Дāр ал-Кутуб, 1970-1994. 4 т.

ас-Саḫāвӣ, Шамс ад-Дӣн Муḥаммад. Ваджӣз ал-калāм фӣ аз̱-з̱айл ʿалā дувал ал-ислāм [Краткое слово в дополнение к «Странам ислама»]. Под ред. Б.М.Маʿрӯфа. Бейрут: Муʾассасат ар-Рисāла, 1995. 4 т.

ас-Саḫāвӣ, Шамс ад-Дӣн Муḥаммад. Ад-Дауʾ ал-лāмиʿ ли-ахл ал-ḳарн ат-тāсиʿ [Свет, озаряющий людей девятого века]. Бейрут: Дāр ал-Джӣл, 1992. 12 т.

ас-Саḫāвӣ, Шамс ад-Дӣн Муḥаммад. Аз̱-З̱айл ʿалā Раф̓ ал-иṣр ав Буґйат ал-ʿуламāʾ ва-рувā [Дополнение к Снятию бремени или Предел желаний приверженцев знаний и преданий]. Под ред. Дж.Хилāла и М.М.Ṣубḥа. Каир: ал-Хайʾа ал-Миṣрӣйа ал-ʿĀмма ли-л-Китāб, 2000. 589 с.

ас-Саҳāвӣ, Шамс ад-Дӣн Муҳаммад. Ат-Тибр ал-масбӯк фӣ з̱айл ас-Сулӯк [Выплавленная золотая руда в дополнении к «Путям»]. Под ред. Н.М.Кāмил и Л.И.Муṣṭафā. Каир: Дāр ал-Кутуб ва-л-Ваc̱āʾиқ ал-Қаумӣйа, 2002-2007. 4 т.

ас-Суйӯṭӣ, Джалāл ад-Дӣн ʿАбд ар-Раҳмāн б. Абӣ Бакр. Наз̱м ал-ʿиқйāн фӣ аʿйāн ал-аʿйāн [Нанизывание чистого золота о самых знатных из знатнейших]. Под ред. Ф.К.Хитти. Нью-Йорк: Сириан-Американ Пресс, 1927. 179 с.

ас-Суйӯṭӣ, Джалāл ад-Дӣн ʿАбд ар-Раҳмāн б. Абӣ Бакр. Таʾрӣх ал-ҳулафāʾ [История халифов]. Бейрут: Дāр Ибн Ҳазм, 2003. 420 с.

ас-Суйӯṭӣ, Джалāл ад-Дӣн ʿАбд ар-Раҳмāн б. Абӣ Бакр. Ҳусн ал-мухҳāдара фӣ аҳбāр Миṣр ва-л-Қāхира [Прекрасная беседа о сообщениях про Египет и Каир]. Под ред. М.А.Ф.Ибрāхӣма. Каир: ʿИсā ал-Бāбӣ ал-Ҳалабӣ, 1967. 2 т.

ас-Сулṭāн Барқӯқ муʾассис даулат ал-мамāлӣк ал-джарāкиса 784-801 х / 1382-1398 м мин ҳилāл маҳṭӯṭ «ʿИқд ал-джумāн фӣ таʾрӣх ахл аз-замāн» ли-Бадр ал-ʿАйнӣ [Султан Баркук – основатель государства черкесских мамлюков (784-801/1382-1398) по рукописи «ʿИқд ал-джумāн фӣ таʾрӣх ахл аз-замāн» Бадра ал-ʿАйни]. Под ред. И.ʿУ.Шукрӣ. Каир: Мактаба Мадбӯлӣ, 2002. 612 с.

аṭ-Ṭарāбулусӣ, Бурхāн ад-Дӣн Ибрāхӣм б. Мӯсā. Ал-Исʿāф фӣ аҳкāм ал-авқāф [Оказание помощи в постановлениях по *вакфам*]. Под ред. Ṣ.М.Абӯ ал-Хāджжа. Амман: Дāр ал-Фāрӯқ, 2015. 260 с.

ал-ʿУлаймӣ, Муджӣр ад-Дӣн Абӯ ал-Йумн ʿАбд ар-Раҳмāн б. Муҳаммад. Ал-Унс ал-джалӣл би-таʾрӣх ал-Қудс ва-л-Ҳалӣл [[Книга] высокой дружбы по истории Иерусалима и Хеврона]. Под. ред. М.Барҳр ал-ʿУлӯма. Эн-Наджаф: Маншӯрāт ал-Маṭбаʿа ал-Ҳайдарӣйа, 1968. 2 т.

A Chronicle of Damascus 1389-1397 by Muhammad ibn Sasra. Translated, edited, and annotated by W.M.Brinner. Vol. II. The Arabic text. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1963. 265 p.

Ibn Taghrī Birdī, Abū al-Maḥāsin Yūsuf. Extracts from Abû 'l-Maḥâsin ibn Taghrî Birdî's Chronicle Entitled Ḥawâdith ad-Duhûr fî Madâ 'l-Ayyâm wa-sh-Shuhûr. E. by W. Popper. Berkeley: University of California Press, 1930–1942. 4 vols.

На русском языке и в переводе на русский язык

Посетитель и описатель Святых мест в трех частях света состоящих или Путешествие Мартына Баумгартена Немецкой Империи Дворянина и Кавалера, в Египет, Аравию, Палестину и Сирию, и возвращение оттуда в Германию, содержащее в себе, Описание сих Стран, многих Островов, Городов, Селений и Храмов, по их положению, естественным качествам и свойствам, с показанием притом некоторых древностей и разных перемен и развалин; также Историю о нравах и обычаях тамошних Народов, некоторых Государей и Государств, о их начале, происхождении и приращении, или упадке, а сверх того повествования о различных вещах и некоторых животных, как морских, так земных и воздушных, с пользою и приятностию сообщенное свету в трех книгах, На Российский язык переведено и для пользы общества издано Коллежским Советником Васильем Рубаном. СПб: Типография Корпуса Чужестранных Единоверцев, 1794. 280 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.

ал-Халаби, Мухаммад. Поход эмира Йашбека. Перевод с араб. З.М.Буниятова, Т.Б.Гасанова. Предисл. З.М.Буниятова. Баку: Элм, 1985. 97 с.

Хилāл аṣ-Ṣāбӣ. Установления и обычаи двора халифов (Русӯм Дāр ал-Ҳилāфа). Перевод с арабского, предисловие и примечания И.Б.Михайловой. М.: Наука, 1983. 141 с.

Хождение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461-1462 гг. // Православный Палестинский сборник. 1896. Т. 15. Вып. 45. 4, 45, 59 с.

Хожение Варсонофия в Египет, на Сииай и в Палестину // Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. С. 162-168, 343-349, 414-417.

Хожение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину // Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. С. 169-177, 350-361, 417-420.

Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. С. 120-136, 298-315, 406-409.

На европейских языках и в переводе на европейские языки

Fabri F. The Wanderings of Felix Fabri. Transl. by A.Stewart. London: Palestine Pilgrims' Text Society, 1892-1893. 2 vols.

Harff A. Ritter von. The Pilgrimage of Arnold von Harff, Knight, from Cologne, through Italy, Syria, Egypt, Arabia, Ethiopia, Nubia, Palestine, Turkey, France and Spain, which he accomplished in the Years 1496 to 1499. Transl. by M.Letts. London: The Hakluyt Society, 1946. xxxv, 325 p.

Tafur P. Travels and Adventures 1435-1439. Transl. by M.Letts. New York and London: Harper & Brothers, 1926. xv, 261 p.

The Suma oriental of Tomé Pires, an account of the East, from the Red Sea to Japan, written in Malacca and India in 1512-1515, and The book of Francisco Rodrigues, rutter of a voyage in the Red Sea, nautical rules, almanack and maps, written and drawn in the East before 1515. Ed. and transl. by A.Cortesão. London: The Hakluyt Society, 1944. xcvi, 578 p.

Varthema L. de. The Itinerary of Ludovico di Varthema of Bologna from 1502 to 1508 as Translated from the Original Edition of 1510, by John Winter Jones in 1863 for the Hakluyt Society. London: The Argonaut Press, 1928. lxxxv, 121 p.

Volterra M. da. Von der Toskana in den Orient. Ein Renaissance-Kaufmann auf Reisen. Aus dem Hebräischen übersetzt, kommentiert und eingeleitet von Daniel Jütte. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht GmbH & Co, 2012. 152 s.

III. Литература

На русском языке

Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 160 с.

Акимушкин О.Ф. Х̣ānakāx // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 272-273.

Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна // Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения.”. 2016. № 1. С. 91-101.

Алексеев И.Л. Исламский социально-политический идеал и династический автократизм: Ибн Хальдун и Ибн Таймийа // «Тахиййат»: Сборник статей в честь Н.Н.Дьякова. Арабистика – Исламоведение – Этнография. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. С. 188-201.

Алексеев И.Л. Khalfat Allah - Халиф [волею] Бога? К проблеме легитимации политической власти в халифате в эпоху Омеййадов // PAX ISLAMICA. 2010. № 2 (5). С. 60-74.

Аликберов А.К. Народы и языки Кавказской Албании. О языковом континууме как альтернативе койне. Язык письменности и «язык базара» // Albania Caucasica. 2015. № 1. С. 81-116.

Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве // Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Восточная литература, 2002. С. 303-319.

Бартольд В.В. Халиф и султан // Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Восточная литература, 2002. С. 15-78.

Бациева С. М. «Автобиография» Ибн Халдуна как источник для изучения его жизни и творчества // [Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока]. VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). Москва: ГРВЛ, 1971. С. 6-8.

Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Издательство «Наука» ГРВЛ, 1965. 212 с.

Блашэр Р. Некоторые соображения по поводу форм, присущих энциклопедизму в Египте и Сирии в период с VIII/XIV по IX/XV в. // Арабская средневековая культура и литература. М.: Наука, 1978. С. 77-92.

Близнюк С.В. 1489 г. Чей Кипр: венецианский или египетский? // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 3. С. 42-58.

Близнюк С.В. Дипломатические отношения Кипра и Генуи 1375-1480 гг. по данным генуэзских юридических документов: ASG, Diversorum Communis Janue // Византийский временник. 2007. № 66 (91). С. 208-222.

Близнюк С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII-XV вв.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 2016. 831 с.

Боголюбов А.С. Ṣадаḳа // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 202.

Большаков О.Г. Ахл аз̱-з̱имма// Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 27-28.

Большаков О.Г. Ваḳф // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 45.

Большаков О.Г. Ганӣма // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 54.

Большаков О.Г. Мамлӯк // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 157.

Большаков О.Г. Муḫтасиб // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 183.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. М.: Наука, 1984. 344 с.

Босворт К.Э. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971. 324 с.

Босворт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950-1150. М.: ГРВЛ, 1981. С. 20-36.

Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода

Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 298 с.

Велаяти ‘А.А. Исламская культура и цивилизация. М.: Феория, 2011. 320 с.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Вебер М. Типы господства // Личность. Культура. Общества. 2008. Вып. 1 (40). С. 31-47.

Гордлевский В.А. Был ли турецкий султан халифом? // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. III. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 187-197.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., СПб.: Центр гуманитарный инициатив, Гуманитарная книга, 2014. 432 с.

Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М.: Наука, 1990. 205 с.

Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время: Учеб. Пособие. М.: Изд-во МГУ, 1992. 248 с.

Житенев С.Ю. История русского православного паломничества в X-XVII веках. М.: Индрик, 2007. 480 с.

Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. М.: Наука, 1988. 191 с.

Зайцева Д.В. Уникальная рукопись по военному делу мамлюков // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 301-324.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.

Зборовский Г.Е. История социологии. М.: Гардарики, 2007. 608 с.

Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. 420 с.

Зеленев Е.И. «Жемчужное дерево» и «Повелитель луны»: возникновение государства мамлюков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 13. 2013. Вып. 4. С. 25-31.

Зеленев Е.И. Мусульманский Египет. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. 372 с.

Зеленев Е.И., Илюшина М.Ю. Военно-политическая экспансия мамлюкского султаната на Ближнем Востоке: султан Бейбарс (1260-1277) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2013. № 3. С. 41-53.

Зеленев Е.И., Илюшина М.Ю. Джихад в Черкесском султанате (1382–1517): феномен добровольчества в контексте мамлюко-османского противостояния // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 1. С. 55–71.

Зеленев Е.И., Илюшина М.Ю. Мусульманское образование и социальная мобильность в мамлюкском султанате Бурджи (1382-1517) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. № 1. С. 155-166.

Зеленев Е. И., Илюшина М. Ю. Султанат мамлюков и эмират Караманидов: взаимоотношения в контексте теории “фитны” // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2018. № 1. С. 31-40.

Зеленев Е. И., Илюшина М. Ю. Теория джихада и её эволюция в доосманский период // Caucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского университета. Вып. IV. Ереван: Издательство Российско-Армянского университета, 2019. С. 1-12.

Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В. Ибн Таймӣйа // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 85-86.

Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В. ат-Тауḥӣд // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 232.

Иванов Н.А. «Китаб аль-Ибар» Ибн Халдуна как источник по истории стран Северной Африки в XIV в. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М.: Вост. Лит., 2008. С. 65-93.

Иванов Н.А. Об османском социально-теократическом идеале // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М.: Вост. Лит., 2008. С. 206-218.

Иванов Н.А. Османская империя в XVI-XVII вв. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М.: Вост. Лит., 2008. С. 401-428.

Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран 1516–1574. М.: Наука, 1984. 237 с.

Иванов Н.А. Основные черты османского социально-теократического идеала и его роль при завоевании арабских стран в 1516-15174 гг. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М.: Вост. Лит., 2008. С. 201-205.

Игнатенко А.А. Парадоксы и антиномии властвования в средневековом исламе (на материале «княжьих зерцал» — «поучений владыкам») // Восток Афро-Азиатские общества: история и современность. 1993. № 2. С. 15–27.

Илюшина М.Ю. Ал-Ашраф Инал (1453-1461) и аз-Захир Хушкадам (1461-1467): две модели формирования мамлюкской политической элиты // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 1. С. 31-41.

Илюшина М. Ю. Арабские источники по истории мамлюкского Египта в берлинской коллекции рукописей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 1. С. 35-43.

Илюшина М.Ю. "Божественные касыды..." султана аль-Гури // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2012. № 2. С. 68-75.

Илюшина М.Ю. Борьба за власть в Мамлюкском Султанате в первый период правления Баркука (1382-1399) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. № 4. С. 32-45.

Илюшина М.Ю. Вакфы и вакуфная собственность в Египте второй половины XVIII в. По материалам Д.Креселиуса. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 3. Ч. 1. С. 100-107.

Илюшина М.Ю. Внешняя политика Египта при султане Барсбее (1422–1438) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 12. С. 232-242.

Илюшина М.Ю. Египетский список «Ал-Канун ал-вадих…» в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2015. № 3. С. 68-76.

Илюшина М.Ю. Египтяне на службе в мамлюкской администрации: семья ат-Таблави // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 76-82.

Илюшина М.Ю. Караман в политике Султаната мамлюков (XIV–XV вв.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 2 (45). С. 53-61.

Илюшина М.Ю. Мухаммад ибн ’Ахмад ибн Ийас о ближайшем окружении Кансуха аль-Гури (1501-1516) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2012. № 2 (6). С. 148-154.

Илюшина М.Ю. О родословной мамлюков Египта по материалам рукописи «Нисаб ал-джаракиса» из коллекции восточного отдела научной библиотеки СПбГУ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика, 2008. Т. 2, № 1. С. 111-116.

Илюшина М.Ю. Основные направления внутренней и внешней политики султана аз-Захира Джакмака (842–857/1438–1453) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. Выпуск 4. С. 20-33.

Илюшина М.Ю. «Отборный жемчуг по истории Алеппо» в рукописной коллекции М.Казем-бека // Казембековские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции. Махачкала, 26-27 февраля 2019 г. / отв. Ред. А.М.Абдулатипова; ДГИ; СПбГУ. Махачкала: Дагестанский гуманитарный институт, 2019. С. 102-108.

Илюшина М.Ю. Политический кризис в Египте в период правления султана Фараджа (1399-1412) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2016. № 3. С. 46-54.

Илюшина М.Ю. Последний мамлюкский султан в войне с османами (1516-1517) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2016. № 1. С. 49-58.

Илюшина М.Ю. Поэтическая трилогия о правлении мамлюкских султанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 3. С. 17-25.

Илюшина М.Ю. Реконфигурация военно-политической элиты в государстве мамлюков Бурджи (1382–1517): атабек и давадар // Арабский и исламский мир в Средние века: от Иберийского полуострова до Средней Азии. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. С. 68-82.

Илюшина М.Ю. Трактат аль-Бакламиши об искусстве стрельбы из лука. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2012. № 4. С. 23-28.

Инал-Ипа Ш.Д. Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении (материалы с комментариями) // Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. Сухум: Алашара, 2006. Вып. 2. С. 193-255.

Кадырбаев А.Ш. Рабы, ставшие властелинами. «Черкесские» мамлюки в Египте и Сирии (1382-1517 гг.) // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. Выпуск 12. М., ИВ РАН, 2007. С. 73-82.

Кадырбаев А.Ш. Сайф-ад-Дин Хайр-бек – абхазский «король эмиров» мамлюкского Египта (1517-1522) // Материалы первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В.Г.Ардзинба. Сухум, АбИГИ, 2011. С. 87-95.

Кадырбаев А.Ш. Царица Египта Шаджарат ад-Дурр: 1249-1250 гг. (Повествование о тюркской рабыне, ставшей императрицей и основательницей государства Мамлюков) // Международный симпозиум "Египет, Ближний Восток и глобальный мир", 15-17 мая 2006 г. Сборник научных трудов РГГУ. М.: Кранкэс, 2006. С. 108-112.

Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 203 с.

Кириллина С.А. Ислам в Османском Египте в XVIII – первой трети XIX века (социально-политические и идеологические функции): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 1998. 670 с.

Кириллина С.А., Орлов В.В., Сафронова А.Л. Основы и специфика традиционного образования в мусульманском мире // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2018. № 35 (54). С. 29-38.

Кириллина С.А., Рогачева Е.Ю. Египет как центр учености на средневековом арабо-мусульманском Востоке // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. Т. 1, № 2 (63). С. 73-87.

Кныш А.Д. Зāвийа // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 72.

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М.: Восточная литература РАН, 2004. 919 с.

Крачковский И. Ю. Историк Египта Ибн Тагриберди как беллетрист // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. II. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 139-145.

Кривов М.В. Последние Гассаниды между Византией и халифатом // Византийский Временник. Т. 42 (67), 1981. С. 154-158.

Куделин А.А. Эволюция социально-политических институтов османского Египта (XVII – первая половина XVIII в.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2010. 193 с.

Кузнецов В.А. Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 52-85.

Кузнецов В.А. Ранняя арабо-мусульманская историческая мысль и иудео-христианская традиция // «Рассыпанное» и «собранное»: стратегии

организации смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре. / Отв. Ред. А.В.Смирнов. М.: ООО «Садра»: Языки славянской культуры, 2015. С. 264-291.

Кузнецов В.А. Структура и развитие арабо-мусульманского исторического знания в VIII-XVвв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2010. 371 с.

Ланда Р.Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005. 320 с.

Лебедев В.В. Арабские документы IX-XX вв. Каталог. Л.: Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1978. 105 с.

Маточкина А.И. Религия и власть в учении Ибн Таймийи. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.14. СПб, 2011. 22 с.

Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам // Православный палестинский сборник. Т. 17. Вып. 2 (2). СПб, 1897. 715 с.

Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М.: Рос. гуманит. ун-т. 1996. 80 с.

Мейер М.С. О соотношении светской и духовной власти в османской политической системе // Ислам в истории народов Востока. М.: Наука, 1981. С. 51-62.

Микульский Д.В. Джалал ад-Дин ‘Абд ар-Рахман Б. Аби Бакр ас-Суйути и его сочинение Тарих ал-хулафа’ («История халифов») // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1-2. С. 54-59.

Михайлова А.И. Каталог арабских рукописей института народов Азии Академии Наук СССР. Вып. 3. История. М.: Наука, 1965. 200 с.

Мустафаев Ш.М. Восточная Анатолия от Ак-Коюнлу к Османской империи. М.: Восточная литература, 1994. 224 с.

Мустафаев Ш.М. Некоторые вопросы аграрных отношений в доосманской Восточной Анатолии // Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 5-39.

Мустафаев Ш.М. От сельджуков к османам. Этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в XI-XV веках. М.: ИВ РАН, МИЦАИ, 2017. 436 с.

Мустафаев Ш.М. «Рум» и «Аджам» в османской исторической литературе // Тюркологический сборник. 2011-2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука – Вост. Лит., 2013. С. 263-284.

Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. М.; Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.

Наумкин В.В. К вопросу о хāсса и ‘āмма (традиционная концепция «элиты» и «массы» в мусульманстве) // Ислам в истории народов Востока. М.: Наука, 1981. С. 40-50.

Недвецкий А.Г. Разведка и контрразведка в мамлюкском Египте (по энциклопедии ал-Калкашанди) //Страны Ближнего Востока (актуальные проблемы современности и истории). М.: Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998. С. 231-245.

Новичев А.Д. История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма (XI-XVIII века). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. 314 с.

Орешкова С.Ф. Из истории посреднической торговли в османской империи в конце XV – начале XVI в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1979. С. 187-194.

Орешкова С.Ф. Османская империя: очерки истории. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2018. 587 с.

Панченко К.А. К истории христианско-мусульманских отношений при мамлюках-бурджитах // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. № 1. С. 18-38.

Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII – XV веках. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 428 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1988. 270 с.

Парсонс Т. Функциональная теория изменения. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М. Изд-во МГУ, 1996. С. 464-480.

Певзнер С.Б. Икта в Египте в конце XIII-XIV вв. // Памяти академика Крачковского И.Ю. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. С. 176-191.

Певзнер С.Б. К вопросу о производстве тканей в Египте в XIII-XV вв. // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 404-412.

Певзнер С.Б. К периодизации ремесленного производства в Египте VIII-XIII вв. (ткани, керамика, металл) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1979. С. 196-202.

Певзнер С.Б. Ткани как источник для истории средневекового Египта // Палестинский сборник. Вып. 9 (72). М.-Л., 1962. С. 121-132.

Певзнер С.Б. Художественные ткани средневекового Египта в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Изд. дом Марджани, 2015. 196 с.

Петросян И.Е. Янычары в Османской империи. Государство и войны (XV – начало XVII в). СПб.: Наука, 2019. 604 с.

Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Наука, 1990. 280 с.

Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. М.-Л.: Наука, 1964. 336 с.

Плахов В.Д. Традиции и общество: Опыт философско-социального исследования. М.: Мысль, 1982. 220 с.

Притула А.Д. Йаḥйā Сибак Фаттāḥī. Опочивальня тонких мыслей и цветник словес (Шабистāн-и нуккāт ва гулистāн-и луġāт) // Кисть и калам. 200 лет коллекции института восточных рукописей. Каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2018. С. 131.

Притула А.Д. Миниатюрный мамлюкский подсвечник в эрмитажном собрании (о мамлюкских изделиях для экспорта в Европу). Сообщения Государственного Эрмитажа. LXV. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. С. 54-49.

Резван Е.А. Маḥмал // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 163-164.

Садофеев Д.В. Мамлюкская геральдика периода Бурджи (1382-1517) // Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина. СПб: Государственный Эрмитаж, 2017. С. 66-92.

Семенова Л.А. Государство Мамлюков в Египте // История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в средние века / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; [Отв. ред. Л.Б.Алаев, К.З.Ашрафян]. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 518-524.

Семенова Л.А. К истории мамлюкского города // О генезисе капитализма в странах Востока (XV-XIX). М.: Изд-во вост. лит., 1962. 424 с. С. 228-241.

Семенова Л.А. Крестьянство в мамлюкском государстве в XV в. // Краткие сообщения Института востоковедения. XXXII Арабский сборник. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 11-19.

Семенова Л.А. Основные направления развития феодального землевладения в Египте в XV в. // Советское востоковедение. 1958. № 3. С. 83-90.

Семенова Л.А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М.: Наука, 1966. 217 с.

Сергеев Е.Ю. Современное элитоведение: итоги и перспективы // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. М.: Наука, 2007. С. 7-21.

Сердюкова С.Г. Реализация квазидинастического принципа наследования при Антонинах // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 206-211.

Скрынникова Т.Д. Властные отношения в империи Чингис-хана // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М.: Институт Африки РАН. 2009. С. 191-213.

Смилянская И.М. Предисловие // Ислам в истории народов Востока. М.: Наука, 1981. С. 3-8.

Смирнов В.Е. Мамлюкские институты как элемент военно-административной и политической структуры османского Египта // Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 144-169.

Смирнов В.Е. Особенности становления и развития мамлюкского «дома» Балфийа // Исторический вестник. 2019. Т. 29. № 3. С. 134-155.

Смирнов В.Е. Роль военной организации в формировании и развитии социально-политической структуры османского Египта: XVI-XVIII вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2009. 374 с.

Теплякова А.Н. Геральдические знаки и их имитации в среде Мамлюков Бахри на примере коллекции Отдела Востока // Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина. СПб: Государственный Эрмитаж, 2017. С. 1-65.

Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе М.: Наука, 1989. 328 с.

Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманских государствах. М.: Наука, 1982. 175 с.

Фильштинский И.М. История арабов и халифата (750-1517 гг.). М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. 349 с.

Фильштинский И.М. История арабской литературы. X-XVIII века. М.: Наука, 1991. 726 с.

Фролов Д.В. Вступительная статья, перевод и комментарии // Ас-Суйути Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках. Вып. 1. Учение о толковании Корана. М.: ИД «Муравей», 2000. 240 с.

Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.; Наука, 1985. 314 с.

Хасанов А.А. Город и городская жизнь в позднемамлюкском Египте (конец XIV – начало XVI в.). Тезисы доклада // Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов ИВАН СССР. М., 1974. С. 225-226.

Хасанов А.А. Система управления и суда в мамлюкском Египте конца XIV – начала XVI веков // История и экономика стран Арабского Востока и Северной Африки. М.: Наука, 1975. С. 364-385.

Хасанов А.А. Социально-политический строй мамлюкского Египта при черкесских султанах (1382-1517). Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. М. 1975. 23 с.

Хасанов А.А. Социально-политический строй мамлюкского Египта при черкесских султанах (1382-1517): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1974. 176 с.

Хасанов А.А. Формирование черкесской группировки мамлюков в Египте // Арабские страны, Турция, Иран, Афганистан. История. Экономика. М., 1973. С. 158-165.

Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: Издательство «Диля», 2008. 672 с.

Хотко С.Х. Включение Северо-Западного Кавказа в сферу влияния Османской империи, 1475-1520 гг. // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 29-41.

Хотко С. Х. Генезис черкесских элит в султанате Мамлюков и Османской империи (XIII—XIX вв.). Майкоп: Меоты, 1999. 280 с.

Хотко С.Х. Геополитические и этнокультурные причины вовлечения населения Северного Причерноморья в мобилизацонную систему египетских мамлюков // Вестник АГУ. 2015. № 4 (167). С. 61-67.

Хотко С.Х. К вопросу о сохранении черкесского (адыгского) языка в среде черкесских мамлюков // Вестник АГУ. 2015. № 1 (156). С. 71-74.

Хотко С. Х. Очерки истории черкесов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 432 с.

Хотко С.Х. Развитие системы представлений о средневековой истории адыгского этнополитического пространства (Черкесии) в XVIII – начале XX в. // Вестник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М.Керашева. 2017. № 10 (34). С. 147-157.

Хотко С.Х. Султаны с чашами. Геральдика черкесских мамлюков // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка. Материалы Международной научно-практической конференции памяти М.И. Мижаева. Нальчик: ИП Паштов З.В, 2015. С. 291-299.

Хотко С.Х. Черкесские мамлюки (XIII-XVIII вв.). Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Майкоп, 1997. 22 с.

Хотко С.Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII-XVI вв.). Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. 544 с.

Шмидт А.Э. ‘Абд-ал-Ваххāб-аш-Ша‘рāний († 973/1565 г.) и его Книга рассыпанных жемчужин. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914. 251 с. 47 с. 35 с.

Шумовский Т.А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида арабского лоцмана Васко да Гамы в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 195, 46 с.

На европейских языках

ʿAbd al-Rāziq A.A. La femme au temps des mamlouks en Égypte. Cairo: Institut français d'archéologie orientale, 1973. 328 p.

Abu-Lughod J.L. Cairo: 1001 Years of the City Victorious. Princeton: Princeton University Press, 1971. 284 p.

Ahlwardt W. Verzeichniss der Arabischen Handschriften. Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin: A.Asher & Co, 1887-1899. 10 b.

Albrecht H, Bishara D. Back on Horseback: The Military and Political Transformation in Egypt // Middle East Law and Governance. 2011. №. 3. P. 13-23.

Alazzam I.M. The (Mukus) taxes in Egypt during the Mameluke Era (648 AH/1250 AD-923 AH/1517) // Asian Social Science. 2013. Vol. 9 (9). P. 234-245.

Alhamzah Kh. Late Mamluk patronage: Qansuh al-Ghuri's waqf and his foundation in Cairo. Boca Raton: Universal Publishers, 2009. 152 p.

Alikberov A., Rezvan E. Ibn Abi Khazzam and his Kitab al-Makhzun: the Mamluk military manual // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. 1995. Vol. 1 (1). 1995. P. 21-28.

'Ankawi A. The pilgrimage to Mecca in Mamluk times // Arabian Studies I / Ed. by R.B.Serjeant and B.L.Bidwell. London: Hurst and Company, 1974. P. 116-170.

Amari M. I diploma arabi del R. Archivio fiorentino. Florence: Le Monnier, 1863. 526 p.

Amitai R. Northern Syria between the Mongols and Mamluks: Political Boundary, Military Frontier, and Ethnic Affinities // Frontiers in Question. Eurasian Borderlands, 700–1700 / Ed. by D. Power and N. Standen. New York: Macmillan Education UK, 1999. P. 129–152.

Amitai R. The Mamluk Institution, or One Thousand Years of Military Slavery in the Islamic World // Arming Slaves: From Classical Times to the Modern Age. New Haven. 2006. P. 40-78.

Annoshahr A. The Ghazi sultans and the frontiers of Islam: a comparative study of late medieval and early modern periods. New York: Routledge, 2009. 196 p.

Apellániz F. A Mamluk-Venetian Memorandum on Asian Trade, AD 1503 // Journal of the Royal Asiatic Society. 2021. P. 1-24.

Arabic Calligraphy in Manuscripts. Riyadh, Saudi Arabia: King Faisal Center for Research and Islamic Studies, 1986. 267 p.

Ashtor E. A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. Berkeley: University of California Press; London: Collins, 1976. 384 p.

Ashtor E. Observations on Venetian Trade in the Levant in the XIVth Century // East-West trade in the medieval Mediterranean / Ed. by B.Z.Kedar. London, Variorum Reprints, 1986. Pp. 533-586.

Atiya A.S. The Arabic Manuscripts of Mount Sinai: A Handlist of the Arabic Manuscripts and Scrolls Microfilmed at the Library of the Monastery of St. Catherine, Mount Sinai. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1955. xxxiv, 97 pp., 16 pls.

Ayalon D. al-Amīr al-Kabīr // The Encyclopaedia of Islam. Vol. II. Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 444.

Ayalon D. Aspects of the Mamlūk Phenomenon, Part I: The Importance of the Mamlūk Institution // Der Islam. 1976. Vol. 53. P. 196-225.

Ayalon D. Aspects of the Mamlūk Phenomenon, Part II: Ayyūbids, Kurds, and Turks // Der Islam. 1977. Vol. 54. P. 1-32.

Ayalon D. Atābak al-ʿAsākir // The Encyclopaedia of Islam. Vol. I. Ed. by H.A.R.Gibb, J.H.Kramers, E.Lévi-Provençal, J.Schacht, B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1986. P. 732.

Ayalon D. Baḥrī Mamlūks, Burjī Mamlūks – Inadequate Names for the Two Reigns of the Mamlūk Sultanate // Tārīḫ. 1990. Vol. 1. P. 3-53.

Ayalon D. Baḥriyya, II. The Navy of the Mamluūks // The Encyclopaedia of Islam. Vol. I. Ed. by H.A.R.Gibb, J.H.Kramers, E.Lévi-Provençal, J.Schacht, B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1986. P. 945-947.

Ayalon D. Burdjiyya // The Encyclopaedia of Islam. Vol. I. Ed. by H.A.R.Gibb, J.H.Kramers, E.Lévi-Provençal, J.Schacht, B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1986. P. 1324-1325.

Ayalon D. Čerkes, ii. The Mamlūk Period // The Encyclopaedia of Islam. Vol. II. Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 23-24.

Ayalon D. Dawādār // The Encyclopaedia of Islam. Vol. II. Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 172.

Ayalon D. Discharges from Service, Banishments and Imprisonments in Mamlūk Society // Israel Oriental Studies. 1972. Vol. 2. P. 25-50.

Ayalon D. Djamdār // The Encyclopaedia of Islam. Vol. II. Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 421.

Ayalon D. Mamlūk // The Encyclopaedia of Islam. Vol. VI. Ed. by C.E.Bosworth, E. van Donzel, B.Lewis, Ch.Pellat, W.P.Heinrichs. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 314-321.

Ayalon D. Mamluk military aristocracy during the thirst years of the Ottoman occupation of Egypt // The Islamic world from classical to modern times. Ed. by C.E.Bosworth, Ch.Issawi, R.Savory, A.L.Udovitch. Princeton: The Darwin Press, 1989. P. 413-431.

Ayalon D. Mamluk military aristocracy, a non-hereditary nobility // Jerusalem Studies in Arabic and Islam. 1987. Vol. 10. P. 205-210.

Ayalon D. Names, Titles, and 'Nisbas' of the Mamluks // Israel Oriental Studies. 1975. Vol. 5. P. 189-232.

Ayalon D. Notes on the Furūsiyya Exercises and Games in the Mamluk Sultanate // Scripta Hierosolymitana. 1961. Vol. 9. P. 31-62.

Ayalon D. Preliminary Remarks on the Mamlūk Military Institution in Islam // War, Technology and Society in the Middle East. Ed. by V.J.Parry and M.E.Yapp. London: Oxford University Press, 1975. P. 44-58.

Ayalon D. Regarding Population Estimates in the Countries of Medieval Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 1985. Vol. 28/ P. 1-19.

Ayalon D. Studies of the Structure of the Mamluk – III // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1954. Vol. 16. № 1. P. 57-90.

Ayalon D. Studies on the Structure of the Mamluk Army – I // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1953. Vol. 15. № 2. P. 203-38.

Ayalon D. Studies of the Structure of the Mamluk Army – II // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1953. Vol. 15. № 3. P. 448-76.

Ayalon D. Studies on the Transfer of the ʿAbbaāsid Caliphate from Baġdād to Cairo // Arabica. 1960. Vol. 7. P. 41-59.

Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. 1949. Vol. 69. P. 135-147.

Ayalon D. The End of the Mamlūk Sultanate (Why did the Ottomans Spare the Mamlūks of Egypt and Wipe Out the Mamlūks of Syria?) // Studia Islamica. 1987. Vol. 65. P. 125-148.

Ayalon D. The Eunuchs in the Mamluk Sultanate // Studies in Memory of Gaston Wiet. Ed. by M.Rosen-Ayalon. Jerusalem: Institute of Asian and African Studies, 1977. P. 267-95.

Ayalon D. The European-Asiatic Steppe: A major reservoir of power for the Islamic World // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва. 9-16 августа 1960. М.: Изд-во вост. лит., 1963. Т. 2. С. 47-52.

Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Reexamination (Part A) // Studia Islamica. 1971. Vol. 33. P. 97–140.

Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Reexamination (Part C1) // Studia Islamica. 1972. Vol. 36. P. 113–158.

Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān: A Reexamination (Part C2). Al-Maqrīzī's Passage on the Yāsa under the Mamluks // Studia Islamica. 1973. Vol. 38. P. 107–156.

Ayalon D. The Mamluks and Naval Power: A Phase of the Struggle between Islam and Christian Europe // Proceedings of the Israel Academy of Sciences and Humanities. 1967. Vol 1. No. 8. P. 1-12.

Ayalon D. The System of Payment in Mamlūk Military Society // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1958. Vol. 1. P. 37-65, 257-296.

Ayalon D. The Wafidiya in the Mamluk Kingdom // Islamic Culture. 1951. Vol. 25. P. 89-104.

Ayalon D. Eunuchs, Caliphs and Sultans: A Study in Power Relationships. Jerusalem: The Magnes Press, The Hebrew University, 1999. xi, 376 p.

Ayalon D. Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom: A Challenge to a Mediaeval Society. London: Vallentine, Mitchell, 1956. 154 p.

Ayalon D. L'esclavage du Mamelouk. Jerusalem: Israel Oriental Society, 1951. 67 p.

Ayalon D. The Mamlūk Novice: On His Youthfulness and on His Original Religion. Revue des etudes islamiques. 1986. Vol. 54. P. 1-8.

Bacharach J. L. A Study of the correlation between textual sources and numismatic evidence for mamluk Egypt and Syria, A. H. 784–872/A. D. 1382–1468. Michigan: University Microfilms, Inc., Ann Arbor, 1967. 411 p.

Bacharach J.L. The Dinar versus the Ducat // International Journal of Middle East Studies. 1973. Vol. 4. P. 77-96.

Bacharach J.L., Gordus A.A. Studies on the Fineness of Silver Coins // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1968. Vol. 11 (3). P. 298-317.

Banister M. Princesses born to concubines: A first visit to the women of the Abbasid household in late Medieval Cairo // Hawwa – Journal of Women of the Middle East and the Islamic World. 2020. P. 1-35.

Banister M. The Abbasid Caliphate of Cairo (1261-1517): History and tradition in the Mamluk court. A thesis submitted with the requirements for the degree of doctor of philosophy graduate Department of Near and Middle Eastern civilizations University of Toronto, 2015. 539 p.

Banister M. The Trouble with Caliphs: Some Remarks on Sultan Barqūq and the Late Fourteenth-Century Caliphal Office in Late Medieval Cairo // History and Society during the Mamluk Period (1250-1517). Göttingen: V&R unipress, Bonn University Press, 2021. P. 89-106.

Barfield T.J. Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective // Tribes and State Formation in the Middle East / Ed. by Ph.S.Khoury and J.Kostiner. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1990. P. 153-182.

Bartlett R. Blood Royal: Dynastic Politics in Medieval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 660 p.

Bauden F. Les relations diplomatiques entre les sultans mamlouks circassiens et les autres pouvoirs du Dār al-islām: l'apport du ms. ar. 4440 (BNF, Paris) // Annales islamologiques/Ḥawlīyāt Islāmīyah. 2007. Vol. 41. P. 1-29.

Bauden F. Taqī al-Dīn Aḥmad ibn ʿAlī al-Maqrīzī // Medieval Muslim Historians and the Franks in the Levant / Ed. by A.Mallett. Leiden: Brill, 2014. P. 161-200.

Bauden F. The Role of Interpreters in Alexandria in the Light of an Oath (Qasāma) Taken in the Year 822 A.H./1419 A.D. // Continuity and Change in the Realms of Islam. Studies in Honour of Professor Urbain Vermeulen / Ed. by D'hulster K., Van Steenbergen J. Leuven: Peeters, 2008. P. 33-63.

Bauden F. The sons of al-Nāṣir Muḥammad and the politics of puppets: where did it all start? // Mamlūk Studies Review. 2009. Vol. 13 (1). P. 53-81.

Bauer T. Ibn Ḥajar al-ʿAsqalānī, Aḥmad ibn ʿAlī (1372-1449). Dīwān Shaykh al-Islām Ibn Ḥajar al-ʿAsqalānī: Taḥqīq wa-Dirāsah. Edited by Firdaws Nūr ʿAlī Ḥusayn. 69, 356 p. Madīnat Naṣr [Cairo]: Dār al-Fikr al-ʿArabī, 1996. Review // Mamlūk Studies Review. 2000. Vol. 4. P. 267-269.

Behrens-Abouseif D. Islamic Architecture in Cairo. Cairo: The American University in Cairo Press, 1998. 173 p.

Behrens-Abouseif D. Mamluk Artistic Relations with Latin Europe // La frontière méditerranéenne du XVe au XVIIe siècle: Échanges, circulations et affrontements. Ed. by B.Heyberger, A.Fuess, P.Vendrix. Turnhout: Brepols, 2014. P. 351-374.

Behrens-Abouseif D. Mamluk Metalwork // Brasses, bronze and silver of the Islamic lands. Part three / Ed. by M.Spink. London: Nour Foundation, 2022. P. 852-865.

Behrens-Abouseif D. Muhandis, Shād, Muʿallim – Note on the Building Craft in the Mamluk Period // Der Islam. 1995. Vol. 72 (20. P. 293-309.

Behrens-Abouseif D. Qāytbāy's Foundation in Medina, the Madrasah, the Ribāṭ, and the Dashīshah // Mamlūk Studies Review. 1998. Vol. 2. P. 61-71.

Behrens-Abouseif D. Qāytbāy's Madrasahs in the Holy Cities and the Evolution of Ḥaram Architecture // Mamlūk Studies Review. 1999. Vol. 3. P. 129-147.

Behrens-Abouseif D. Sultan al-Ghawrī and the Arts // Mamlūk Studies Review. 2002. Vol. 6. P. 71-94.

Behrens-Abouseif, D. The book in Mamluk Egypt and Syria (1250-1517): scribes, libraries and market. Leiden, Boston: Brill, 2018. 178 p.

Berkey J.P. Al-Subkī and His Women // Mamlūk Studies Review. 2010. Vol. 14. P. 1-17.

Berkey J.P. Culture and society during the late Middle Ages // History of Egypt. Vol. I. Islamic Egypt, 640-1517/ Ed. by Carl F.Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Repr. 2006. P. 375-411.

Berkey J. Formation of Islam: Religion and Society in the Near East, 600-1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 301 p.

Berkey J.P. Storytelling, Preaching, and Power in Mamluk Cairo. Mamlūk Studies Review. 2000. Vol. 4. P. 53-73.

Berkey J.P. The Mamluks as Muslims: The Military Elite and the Construction of Islam in Medieval Egypt // The Mamluks in Egyptian Politics and Society / Ed. by T.Philipp, U.Haarmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 163-173.

Berkey J. The Transmission of Knowledge in Medieval Cairo: A social history of Islamic education, Princeton: Princeton University Press, 1992. 252 p.

Bloom J.M. Mamluk Art and Architectural History: A Review Article // Mamlūk Studies Review. 1999. Vol. 3. P. 31-58.

Bonney R. Jihād: from Qur'an to Bin Laden. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 594 p.

Borchardt K. Documents from the Hospitaller Registers on Rhodes concerning Cyprus, 1409-1459: form and contents // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000 – 1500. Aspects of Cross-Cultural Communication / Ed. by A.D.Beihammer, M.G.Parani and C.D.Schabel. Leiden. Boston: Brill, 2008. P. 159-169.

Borsch S.J. Nile Floods and the Irrigation System in Fifteenth-Century Egypt // Mamlūk Studies Review. 2000. Vol. 4. P. 131-145.

Borsch S.J. The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study. Austin: University of Texas Press, 2005. 207 p.

Bosworth C.E. A Janissary Poet of Sexteenth-Ctntury Damascus: Māmayya al-Rūmī // The Islamic world from classical to modern times / Ed. by C.E.Bosworth, Ch.Issawi, R.Savory, and A.L.Udovitch. Princeton: The Darwin Press, 1989. P. 451-466.

Brandes J.-D. Die Mameluken: Aufstieg und Fall einer Sklavendespotie. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1996. 340 p.

Brinner W.M. Ibn Iyās // Encyclopaedia of Islam. Vol. 3 / Ed. by B.Lewis, V.L.Ménage, Ch.Pellat and J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, London: Luza & Co, 1986. P. 812–813.

Broadbridge A.F. Academic Rivalry and the Patronage System in Fifteenth-Century Egypt: al-ʿAynī, al-Maqrīzī, and Ibn Ḥajar al-ʿAsqalānī // Mamlūk Studies Review. 1999. Vol. 3. P. 85-107.

Broadbridge A.F. Sending Home for Mom and Dad: The Extended Family Impulse in Mamluk Politics // Mamlūk Studies Review. 2011. Vol. 15. P. 1-18.

Brown R.M. The Middle Islamic Palace in Karak Castle: A New Interpretation of the Grand Qāʿa (Reception Hall) // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. 2013. Vol. 57. P. 309–335.

Bulliet R.W. Islam: The view from the edge. New York: Columbia University Press, 1994. 236 p.

Bulliet R. Religion and the State in Islam: From Medieval Caliphate to the Muslim Brotherhood. University of Denver, Center for Middle East Studies, Occasional Paper Series–Paper 2, 2013. 19 p.

Bulliet R.W. The camel and the wheel. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. xv, 327 p.

Burak G. Between the Ḳānūn of Qāytbāy and Ottoman Yasaq: A Note on the Ottomans' Dynastic Law // Journal of Islamic Studies. 2015. Vol. 26 (1). P. 1-23.

Campbell P.R. Absolute Monarchy // The Oxford Handbook of the Ancien Régime / Ed. by W.Doyle. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 11-37.

Chalyan-Daffner K. Natural disasters in Mamlūk Egypt (1250‑1517): perceptions, interpretations and human responses. PhD Thesis. Heidelberg University, 2013. 764 p.

Christ G.L.K.A. Trading Conflicts: Venetian Merchants and Mamluk Officials in Late Medieval Alexandria. Medieval Mediterranean. Leiden: Brill, 2012. 365 p.

Clifford W.W. Ubi sumus? Mamluk history and social theory // Mamlūk Studies Review. 1997. Vol. 1. P. 46-62.

Clot A. L'Égypte des Mamelouks: L'empire des esclaves, 1250-1517. Paris: Perrin, 1996. 354 p.

Conermann S. Es boomt! Die Mamlūkenforschung (1992-2002) // Die Mamlūken: Studien zu ihrer Geschichte und Kultur. Zum Gedenken an Ulrich Haarmann (1942-1999) / Ed. by S.Conermann, A.Pistor-Hatam. Hamburg: EB-Verlag, 2003. P. 1-69.

Conermann S. Ibn Ağās (st. 881|1476) "Taʾrīḫ al-Amir Yašbak aẓ-Ẓāhirī" – Biographie, Autobiographie, Tagebuch oder Chronik? // Die Mamlūken: Studien zu ihrer Geschichte und Kultur. Zum Gedenken an Ulrich Haarmann (1942-1999) / Ed. by S.Conermann, A.Pistor-Hatam. Hamburg: EB-Verlag, 2003. P. 123-178.

Conermann S. Ibn Ṭūlūn (d. 955/1548): Life and Works // Mamlūk Studies Review. 2004. Vol. 8 (1). P. 115-139.

Conermann S. Mamlukica. Studies on the History and Society of the Mamluk Period / Studien zu Geshcichte and Gesellschaft der Mamlukenzeit. Goettingen: V& R unipress, Bonn University Press, 2013. 446 p.

Conermann S. Muslimische Seefahrt auf dem Indischen Ozean vom 14. bis zum 16. Jahrhundert // Der Indische Ozean in historischer Perspektive / Ed. by S.Conermann. Hamburg: E. B.-Verlag, 1998. P. 143-180.

Conermann S. Qou vadis, Mamlukology? (A German Perspective) // Ubi sumus? Quo vademus?: Mamluk Studies-State of the Art / Ed. by S.Conermann. Goettingen: V & R Unipress; Bonn University Press, 2013. P. 7-23.

Conermann S., Saghbini S. Awlād al-Nās as Founders of Pious Endowments: The Waqfīyah of Yaḥyá ibn Ṭūghān al-Ḥasanī of the Year 870/1465 // Mamlūk Studies Review. 2002. Vol. 6. P. 21-50.

Conermann S., Seidensticker T. Some Remarks on Ibn Ṭawq's (d. 915/1509) Journal Al-Taʿlīq, vol. 1 (885/1480 to 890/1485) // Mamlūk Studies Review. 2007. Vol. 11 (2). P. 121-135.

Cook S. A. Ruling but not governing: The military and political development in Egypt, Algeria, and Turkey. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007. 189 p.

Coureas N. Commerce between Mamluk Egypt and Hospitaller Rhodes in the Mid-Fifteenth Century: The Case of Sidi Galip Ripolli // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras VI. 1 / Ed. by U.Vermeulen and K.D'Hulster. Leuven: Uitgeverij Peeters, 2010. P. 207-217.

Coureas N. Commercial Relations between Genoese Famagusta and the Mamluk Sultanate, 1374-1464 // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras VII. Proceedings of the 16th, 17th and 18th International Colloquium Organized at Ghent University in May 2007, 2008 and 2009 / Ed. by U.Vermeulen, K.D’hulster and J. Van Steenbergen. Leuven – Paris – Walpole, MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2013. P. 329-350.

Coureas N. Envoys between Lusignan Cyprus and Mamluk Egypt, 838-78/1435-73: the Accounts of Pero Tafur, George Boustronios and Ibn Taghrī Birdī // Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomatics / Ed. by F.Bauden and M.Dekkiche. Leiden: Brill, 2019. P. 725-740.

Coureas N, Latin Cyprus and its relation with the Mamluk sultanate: 1250–1517 // The Crusader World / Ed. by A.Boas. London and New York: Routledge, 2016. P. 391–418.

Coureas N. Losing the war but winning the peace: Cyprus and Mamluk Egypt in the fifteenth century // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras VII. Proceedings of the 16th, 17th and 18th International Colloquium Organized at Ghent University in May 2007, 2008 and 2009 / Ed. by U.Vermeulen, K.D’hulster

and J. Van Steenbergen. Leuven – Paris – Walpole, MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2013. P. 351-361.

Coureas N. The Tribute paid to the Mamluk Sultanate, 1426-1517: the perspective from Lusignan and Venetian Cyprus // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras VII. Proceedings of the 16th, 17th and 18th International Colloquium Organized at Ghent University in May 2007, 2008 and 2009 / Ed. by U.Vermeulen, K.D'hulster and J. Van Steenbergen. Leuven – Paris – Walpole, MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2013. P. 363-380.

Crecelius D. The Roots of Modern Egypt. Minneapolis & Chicago: Bibliotheca Islamica, 1981. 201 p.

Crone P. Slaves on horses. The Evolution of the Islamic Polity. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 302 p.

Darrag A. L'Égypte sous le règne de Barsbay, 825-841/1422-1438. Damascus: Institut français de Damas, 1961. xxxii, 456 p.

Dekkiche M. Correspondence Between Mamluks and Timurids in the Fifteenth Century: An Unpublished Corpus of Official Letters // Eurasian Studies. 2013. Vol. 11. P. 131-160.

Dekkiche M. New Source, New Debate: Re-evaluation of the Mamluk-Timurid Struggle for Religious Supremacy in the Hijaz (Paris, BnF MS ar. 4440) // Mamlūk Studies Review. 2014-2015. Vol. 18. P. 247-272.

Dekkiche M. The Letter and Its Response: The Exchanges between the Qara Qoyunlu and the Mamluk Sultan: ms Arabe 4440 (BnF, Paris) // Arabica. 2016. Vol. 63 (6). P. 579-626.

Diem W. Ehrendes Kleid und Ehrendes Wort: Studien zu tašrīf in mamlukischer und vormamlukischer Zeit. Würzburg: Ergon, 2002. 261 s.

Dobrowolski J. The Funerary Complex of Amīr Kabīr Qurqumas in Cairo // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras II, Proceedings of the 4th and 5th International Colloquium. Katholieke Universiteit Leuven, May 1995 and 1996 / Ed. by U.Vermeulen, D.De Smet. Leuven: Uitgeverij Peeters, 1998. P. 265-282.

Dols M.W. The Black Death in the Middle East. Princeton: Princeton University Press, I977. 390 p.

Drory J. Maqrīzī in Durar al-‘Uqūd with regard to Timur Leng // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras VII. Proceedings of the 16th, 17th and 18th International Colloquium Organized at Ghent University in May 2007, 2008 and 2009 / Eds. U.Vermeulen, K.D’hulster and J. Van Steenbergen. Leuven – Paris – Walpole, MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2013. P. 393-401.

Duggan T. M. P. The Lycian Port of Patara and Its Environs during the 13th and 14th Centuries. An Interpretation // Gephyra. 2010. Vol. 7. P. 47–72.

D'hulster K. 'Sitting with Ottomans and Standing with Persians': The Šāhnāme-yi Türkī as a Highlight of Mamluk Court Culture // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras VI. 1 / Ed. by U.Vermeulen and K.D'hulster. Leuven: Uitgeverij Peeters, 2010. P. 229-256.

D’hulster K. The road to the Citadel as a Chain of Opportunity: Mamluk’s Careers between Contingency and Institutionalization // Trajectories of State Formation across Fifteenth-Century Islamic West-Asia / Ed. by J. Van Steenbergen. Leiden, Boston: Brill, 2020. P. 159-200.

D’hulster K., Van Steenbergen J. The “family-in-law Impulse” in Mamluk marriage policy // Annales Islamologiques. 2013. Vol. 47. P. 61-82.

Duindam J. Rulers and Elites in Global History: Introductory Observations // Prince, Pen, and Sword: Eurasian Perspectives / Ed. by J.Duindam et al., vol. 15, Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 1–31.

Duri A.A. Dwān, I // The Encyclopedia of Islam. Vol. II. Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat and J Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 323-327.

Ephrat D. A learned society in a period of transition: The Sunni “ulama” of eleventh century Baghdad. Albany: State University of New York Press, 2000. 246 p.

Eger A. Patronage and commerce at the twilight of Mamluk rule: Two new fifteenth century inscriptions from the Amuq Plain, Turkey // Journal of Islamic Archaeology. 2014. Vol. 1.1. P. 55-73.

Elbendary A. Crowds and Sultans: Urban Protest in Late Medieval Egypt and Syria. Cairo: The American University in Cairo Press, 2015. 276 p.

Ernst H. Die Mamlukischen Sultansurkunden des Sinai-Klosters. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960. xxxix, 353 s.

Fernandes L.E. Between Qadis and Muftis: To Whom Does the Mamluk Sultan Listen? // Mamlūk Studies Review. 2002. Vol. 6. P. 96-108.

Fernandes L. The Evolution of a Sufi Institution in Mamluk Egypt: The Khanqah. Berlin: Klaus Schwarz, 1988. 205 p.

Fernandes L.E. Three Ṣūfī Foundations in a 15th Century Waqfiyya // Annales islamologiques/Ḥawlīyāt Islāmīyah. 1981. Vol. 17. P. 141-156.

Fierro M. Introduction // The New Cambridge History of Islam / Ed. by M. Fierro. Vol. 2. The Western Islamic World Eleventh to Eighteenth Centuries. Cambridge; Cambridge University Press, 2010. P. 1-18.

Fischel W.J. A New Latin Source on Tamerlane's Conquest of Damascus (1400/1401): B. de Minganelli's 'Vita Tamerlani' 1416 // Oriens. 1956. Vol. 9. P. 201-232.

Fischel W.J. Ascensus Barcoch (I) and (II): A Latin Biography of the Mamlūk Sultan Barqūq of Egypt (d. 1399) Written by B. de Mignanelli in 1416 // Arabica. 1959. Vol. 6. P. 57-74, 152-172.

Fischel W.J. Ibn Khaldūn and Tamerlane: Their Historic Meeting in Damascus, 1401 A.D. (803 A.H.): A Study Based on Arabic Manuscripts of Ibn Khaldūn's "Autobiography," with a Translation into English, and a Commentary. Berkeley: University of California Press, 1952. x, 149 p.

Fisher M., Franklin D., Post J. Executive dysfunction, brain aging, and political leadership // Politics and the Life Sciences. 2014. Vol. 33 (2). P. 93-102.

Fitzgerald T.J. Rituals of Possession, Methods of Control, and the Monopoly of Violence: The Ottoman Conquest of Aleppo in Comparative Perspective // The

Mamluk-Ottoman transition: continuity and change in Egypt and Bilād al-Shām in the sixteenth century / Ed. by S.Conermann and G.Şen. Göttingen: V&R Unipress, Bonn University Press im Verlag V&R Unipress GmbH, 2017. P. 249-274.

Fleming B. Literary activities in Mamluk halls and barracks // Studies in Memory of Gaston Wiet / Ed. M. Rosen-Ayalon, Jerusalem 1977. P. 249-60.

Fletcher J.F. Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire // Harvard Ukranian Studies. 1979–1980. Vol. 3/4. P. 236–252.

Frenkel Y. In Search of Consensus: Conflict and Cohesion among the Political Elite of the Late Mamlūk Sultanate // The Medieval History Journal. 2016. Vol 19 (2). P. 253-284.

Frenkel Y. Jihad in the Medieval Mediterranean Sea: Naval Warand Religious Endowment under the Mamluks // Crossroads between Latin Europe and the Near East: Corollaries of the Frankish Presence in the Eastern Mediterranean (12th–14th Centuries) / Ed. by S. Leder. Würzburg: Ergon Verlag, 2011. P. 103-126.

Frenkel Y. Narratives of animals in Mamluk sources // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras VII. Proceedings of the 16th, 17th and 18th International Colloquium Organized at Ghent University in May 2007, 2008 and 2009 /Ed. by U.Vermeulen, K.D'hulster and J. Van Steenbergen. Leuven – Paris – Walpole, MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2013. P. 421-434.

Frenkel Y. The Mamluks among the Nations: a Medieval Sultanate in its Global Context // Everything is on the Move: The 'Mamluk Empire' as a Node in (Trans-)Regional Networks / Ed. by S. Conermann. Göttingen: V & R unipress Bonn University Press, 2014. P. 61-79.

Frenkel Y. The Ottomans and the Mamluks through the Eyes of Arab Travelers (in 16th–17th Centuries) // The Mamluk-Ottoman Transition. Continuity and Change in Egypt and Bilād al-Shām in the Sixteenth Century /Ed. by S. Conermann, G. Şen. Göttingen: V&R unipress, Bonn University Press, 2017. P. 275-293.

Frenkel Y. Women in late Mamluk Damascus in the light of audience certificates (samāʿāt) // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras. Proceedings of the 9th and 10th International Colloquium organized at the Katholieke Universiteit Leuven in May 2000 and May 2001, IV / Ed. by U. Vermeulen and J. Van Steenbergen (eds.). Leuven and Dudley: Uitgeverij Peeters, 2005. P. 409-423.

Fuess A. How to marry right: Searching for a royal spouse at the Mamluk court of Cairo in the fifteenth century // DYNTRAN Working Papers, n° 21, online edition, February 2017. URL: http://dyntran.hypotheses.org/1761

Fuess A. Mamluk Politics // Ubi sumus? Quo vademus?: Mamluk Studies-State of the Art. 1 / Ed. by S.Conermann. Göttingen: V & R Unipress; Bonn University Press, 2013. P. 95-118.

Fuess A. Mobile Metals. On the Role of Natural Resources in the Geopolitical Context of the Eastern Mediterranean and the Middle East in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Transottoman Matters. Objects Moving through Time, Space, and Meaning / Ed. by A.Blaszcyk, R.Born und F.Riedler. Göttingen: V & R Unipress 2021. P. 61-82.

Fuess A. Ottoman Gazwah - Mamluk Jihad. Two Arms on the Same Body? // Everything is on the Move. The “Mamluk Empire” as Node in (Trans-)Regional Networks / Ed. by S.Conermann. Göttingen: V&R unipress, 2014. P. 269-282.

Fuess A. Sultans with Horns: The Political Significance of Headgear in the Mamluk Empire // Mamlūk Studies Review. 2008. Vol. 12. No. 2. P. 71-94.

Fuess A. The Syro-Egyptian Sultanate in Transformation, 1496-1498: Sultan al-Nasir Muhammad b. Qaytbay and the Reformation of Mamlūk Institutions and Symbols of State Power // Trajectories of State Formation across Fifteenth-Century Islamic West Asia. Ed. by J.Van Steenbergen. Leiden, Boston: Brill, 2020. P. 201-223.

Fuess A. Three's a Crowd. The Downfall of the Mamluks in the Near Eastern Power Struggle, 1500-1517 // The Mamluk Sultanate from the Perspective of Regional and World History: Economic, Social, and Cultural Development in an Era

of Increasing International Interaction and Competition / Ed. by R.Amitai, S.Conermann. Göttingen: V&R unipress; Bonn University Press, 2019. P. 431-451.

Fuess A. Verbranntes Ufer: Auswirkungen mamlukischer Seepolitik auf Beirut und die syro-palästinensische Küste (1250–1517). Leiden, Brill: 2001. xiv, 520 p.

Fuess A. Was Cyprus a Mamluk Protectorate? Mamluk policies toward Cyprus between 1426 and 1517 // Journal of Cyprus Studies. 2005. Vol. 11. P. 11-24.

Fuess A. Ẓulm by Maẓālim? The political implications of the use of maẓālim jurisdiction by the Mamluk Sultans // Mamlūk Studies Review. 2009. Vol. 13 (1). P. 121-147.

Garcin J.-C. The Mamlūk Military System and the Blocking of Medieval Moslem Society // Europe and the Rise of Capitalism / Ed. by J.Baechler. Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 113-130.

Garcin J.-C. The regime of the Circassian Mamluks // History of Egypt. Vol. I. Islamic Egypt, 640–1517 / Ed. by C.F.Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 290–317.

Garcin J.-C. Un centre musulman de la haute Égypte médiévale: Qūṣ. Cairo: Institut français d'archéologie orientale, 1976. 657 p.

Geschichte der arabischen Welt / Hrsg. von U.Haarmann. München: Beck, 1987. 720 s.

Goitein S.D. The documents of the Cairo Geniza as a source for Mediterranean social history // Journal of the American Oriental Society. 1960. Vol. 80. No. 2. P. 91-100.

Gorski P.S. Beyond Marx and Hintze? Third-Wave Theories of Early Modern State Formation // Comparative Studies in Society and History. 2001. Vol. 43 (4). P. 851–861.

Gottschalk H.L. Dīwān, ii. Egypt, (4). The Mamlūk Period // The Encyclopedia of Islam. Vol. II / Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat and J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 327-331.

Guo L. Al-Biqāʾī's Chronicle: A Fifteenth Century Learned Man's Reflection on His Time and World // The Historiography of Islamic Egypt (c. 950-1800) / Ed. by H.Kennedy. Leiden: Brill, 2001. P. 121-148.

Guo L. Sports as Performance: The Qabaq-game and Celebratory Rites in Mamluk Cairo. Berlin: EB Verlag, 2013. 28 p.

Guo L. Tales of a Medieval Cairene Harem: Domestic Life in al-Biqāʿī's Autobiographical Chronicle // Mamlūk Studies Review. 2005. Vol. 9 (1). P. 101-121.

Haarmann U. Arabic in Speech, Turkish in Lineage: Mamluks and their Sons in the Intellectual Life of Forteenth-Century Egypt and Syria // Journal of Semitic Studies. 1988. Vol. 33. № 1. P. 81-114.

Haarmann U. Joseph's law – the careers and activities of Mamluk descendants before the Ottoman conquest of Egypt // The Mamluks in Egyptian Politics and Society / Ed by T. Philipp, U.Haarmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 55-84.

Haarmann U. Mamluk Endowment Deeds as a Source for the History of Education in Late Medieval Egypt // al-Abḥāth. 1980. Vol. 28. P. 31-47.

Haarmann U. Rather the injustice of the Turks than the righteousness of the Arabs. Changing, Ulama attitudes towards Mamluk rule in the late fifteenth century // Studia Islamica. 1988. Vol. 68. P. 61-77.

Haarmann U. The late triumph of the Persian bow: critical voices on the Mamluk monopoly on weaponry // The Mamluks in Egyptian Politics and Society / Ed by T. Philipp, U.Haarmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 174-187.

Haarmann U. The Mamluk system of rule in the Eyes of western travelers // Mamlūk Studies Review. 2001. Vol. 5. P. 1-24.

Haarmann U. The Sons of Mamluks as Fief-holders in Late Medieval Egypt // Land Tenure and Social Transformation in the Middle East / Ed. by T.Khalidi. Beirut: American University in Beirut, 1984. P. 141-168.

Hallenberg H. The Sultan Who Loved Sufis: How Qāytbāy Established a Shrine Complex in Dasūq // Mamlūk Studies Review. 2000. Vol. 4. P. 147-166.

Harb I. The Egyptian Military in Politics: Disengagement or Accommodation? // Middle East Journal. 2003. Vol. 57, № 2. P. 269-290.

Har-El S. Struggle for Domination in the Middle East. The Ottoman-Mamluk War 1485-1491. Leiden, New York, Koln: E.J.Brill, 1995. 238 p.

Hasebe F. Popular Movements and Jaqmaq, the Less Paternalistic Sultan // Annals of Japan Association for Middle East Studies. 2005. Vol. 20 (2). P. 27-51.

Hathaway J. A tale of two factions: myth, memory, and identity in Ottoman Egypt and Yemen. New York, 2003. 312 c.

Hathaway J. Circassian Mamluks in Ottoman Egypt and Istanbul, ca. 1500-1730: The Eastern Alternative // Disliking Others Loathing, Hostility, and Distrust in Premodern Ottoman Lands / Ed. by H.T. Karateke, H.E.Çipa, H.Anetshofer. Boston; Academic Studies Press, 2018. P. 22-42.

Hathaway J. The Politics of households in Ottoman Egypt. The rise of the Qazdağlis. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 198 p.

Hattox R.S. Qaytbay's diplomatic dilemma concerning the flight of Cem Sultan (1481-82) // Mamlūk Studies Review. 2002. Vol. 6. P. 177-190.

Havemann A. The Chronicle of Ibn Iyās as a Source for Social and Cultural History from Below // Towards a Cultural History of the Mamluk Era. Towards a Cultural History of Bilād al-Shām during the Mamluk Era: Prosperity or Decline, Tolerance or Preservation / Ed. by M.Haddad, A.Heinemann, J.Meloy, S.Slim. University of Balamand, May 4-7, 2005. Beirut: Orient-Institut Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2010. P. 87-100.

Hekster O. Emperors and Ancestors. Roman Rulers and the Constraints of Tradition. Oxford: Oxford University Press, 2015. 395 p.

Heidemann S. Das Aleppiner Kalifat (A.D. 1261). Leiden, New York, Köln: E.J.Brill, 1994. 424 p.

Herzog Th. Composition and Worldview of some Bourgeois and Petit-Bourgeois Mamluk Adab-Encylopedias // Mamlūk Studies Review. 2013. Vol. 17. P. 100-129.

Hirschler K. From archive to archival practices: rethinking the preservation of Mamluk administrative documents. The Journal of the American Oriental Society. 2016. Vol. 136 (1). P. 1-28.

Hirschler K. Studying Mamluk Historiography. From Source-Criticism to the Cultural Turn // Ubi sumus? Quo vademus?: Mamluk Studies-State of the Art. 1 /Ed. by S.Conermann. Goettingen: V&R unipress; Bonn University Press, 2013. P. 159-186.

Hirschler, Konrad, The Written Word in the Medieval Arabic Lands: A Social and Cultural History of Reading Practices. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. 234 p.

Hitti Ph.K. History of Syria. London; Macmillan & Co Ltd, 1957. 750 p.

Holmes A. A. Coups and Revolutions: Mass Mobilization, the Egyptian Military, and the United States from Mubarak to Sisi. New York: Oxford University Press, 2019. 384 p.

Holt P.M. Literary Offerings: A Genre of Courtly Literature // The Mamluks in Egyptian Politics and Society / Ed. By T.Philipp. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 3-16.

Holt P.M. Some Observations on the ’Abbasid Caliphate of Cairo // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. 1984. Vol. 47. No. 3. P. 501-507.

Holt P.M. Succession in the Early Mamluk Sultanate // XXIII. Deutscher Orientalistentag: Ausgewählte Vorträge / Ed. by E. von Schuler. Stuttgart 1989. S. 144-148.

Holt P. M. The Exalted Lineage of Ridwan Bey: Some Observations on a Seventeenth-Century Mamluk Genealogy // Bulletin of the School of Oriental and African Studies / University of London, 1959. P. 221–230.

Holt P.M. The Position and Power of the Mamluk Sultan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1975. Vol. 38. P. 237-249.

Homerin Th.E. Living Love: The Mystical Writings of ʿĀʾishah al-Bāʿūnīyah (d. 922/1516) // Mamlūk Studies Review. 2003. Vol. 7. P. 211-234.

Homerin Th.E. Saving Muslim Souls: The Khānqāh and the Sufi Duty in Mamluk Lands // Mamlūk Studies Review. 1999. Vol. 3. P. 59-83.

Humphreys R.S. Egypt in the world system of the later Middle Ages, // The Cambridge history of Egypt. Vol. I. Islamic Egypt, 640-1517 / Ed. by Carl F. Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 445-461.

Humphreys R.S. Islamic History. A Framework for Inquiry. London: Tauris, 2009. 401 p.

Humphreys R.S. The Expressive Intent of the Mamluk Architecture of Cairo: Preliminary Essay // Studia Islamica. Paris. 1972. Vol. 35. P. 69-119.

Igarashi D. Madrasahs, Their Shaykhs, and the Civilian Founder: The Bāsiṭīya Madrasahs in the Mamlūk Era // Orient. 2013. Vol. 48. P. 79-94.

Igarashi D. The evolution of the sultanic fisc an the al-dhakhīrah during the Circassian Mamluk period // Mamluk Studies Review. 2010. Vol. 14. P. 85-108.

Igarashi D. The financial reforms of Sultan Qāytbāy // Mamlūk Studies Review. 2009. Vol. 13 (1). P. 27-51.

Igarashi D. The Office of the *Ustādār al-ʻAliya* in the Circassian Mamluk Era // Developing Perspectives in Mamluk History. Essays in Honor of Amalia Levanoni / Ed. by Y.Ben-Bassat. Leiden: Brill, 2017. P. 115-142.

Iliushina M. Circassian Mamluks' Origins as a Subject of Myth-Making (According to the Materials of Arabic Sources from 15th and 17th c.) // St Petersburg Annual of Asian and African Studies. 2014. Vol. 3. P. 67-77.

Iliushina M. Mamluk diplomacy in Karaman in the late 14th century: some letters of Barquq and al-Mansur to ʻAla al-Din ʻAli // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. 2015. Vol. IV. P. 71-85.

Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. London: Phoenix, 1995. 258 p.

Irwin R. Gunpowder and Firearms in the Mamluk Sultanate Reconsidered // The Mamluks in Egyptian and Syrian Politics and Society. Ed. by A.Levanoni and M.Winter. Leiden: Brill, 2004. P. 117-139.

Irwin R. The Privatization of "Justice" under the Circassian Mamluks // Mamlūk Studies Review. 2002. Vol. 6. P. 63-70.

Irwin R. Egypt, Syria and Their Trading Partners, 1450-1550 // Carpets of the Mediterranean Countries 1400-1600 / Ed. by R.Pinner, and W.B.Denny. London: Hali OCTS, 1986. P. 73-82.

Irwin R. The Middle East in the Middle Ages: The Early Mamluk Sultanate 1250-1382. London: Croom Helm/Carbondale: Southern Illinois University Press, 1986. 180 p.

Irwin R. Under Western Eyes: A History of Mamluk Studies // Mamlūk Studies Review. 2000. Vol. 4. P. 27-51.

Juvin C. Civilian Elite and Metalwork: A View from the Edge // Annemarie Schimmel Kolleg: History and Society during the Mamluk Era (1250-1517). Working Paper. 2018. Vol. 29. 33 p.

Káldy-Nagy G. The Holy War (jihâd) in the First Centuries of the Ottoman History // Harvard Ukrainian Studies.1979–1980. Vol. 3/4 (1). P. 467–473.

Kennedy H. Caliphate: the history of an idea. New York: Basic Books, 2016. 230 p.

Korn L. A Dirham Hoard from the Time of the Minṭāsh Revolt // The Numismatic Chronicle. 2003. Vol, 163. P. 287-312.

Kraemer J.L. Humanism in the Renaissance of Islam, Leiden: Brill, 1992. 362 p.

Labib S.Y. Handelsgeschichte Ägyptens im Spätmittelalter (1171-1517). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1965. 586 s.

Lapidus I.M. A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 970 p.

Lapidus I.M. Mamluk Patronage and the Arts in Egypt: Concluding Remarks // Muqarnas. 1984. Vol. 2. P. 173–181.

Lapidus I.M. Muslim Cities in the Later Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 208 p.

Lapidus I.M. The Grain Economy of Mamluk Egypt // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1969. Vol. 12 (1). P. 1–15.

Latham J. D., Paterson W. F. Saracen archery: an English version and exposition of a Mameluke work on archery (ca. A.D. 1368). London: The Holland Press, 1970. xl, 219 p.

Levanoni A. A Turning Point in Mamluk History. The Third Reign of al-Nasir Muhammad Ibn Qalawun (1310-1341). Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. 221 p.

Levanoni A. Rank-and-File Mamluks versus Amirs: New Norms in the Mamluk Military Institutions // The Mamluks in Egyptian Politics and Society / Ed by T. Philipp, U.Haarmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 17-31.

Levanoni A. The Mamluk conception of the sultanate // International Journal of Middle East Studies. 1994. Vol. 26. P. 373-392.

Levanoni A. The Mamlūks in Egypt and Syria: the Turkish Mamlūk sultanate (648-784/1250-1382) and the Circassian Mamlūk sultanate (784-923/1382-1517) // The New Cambridge History of Islam. Vol. 2. The Western Islamic world: eleventh to eighteenth centuries / Ed. by M.Fierro. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 237-284.

Levanoni A. The sultan’s laqab – a sign of a new order in Mamluk factionalism? // The Mamluks in Egyptian and Syrian Politics and Society / Ed. by A.Levanoni and M.Winter. Leiden: Brill, 2004. P. 79-115.

Levanoni A. Ustādār // The Encyclopaedia of Islam / Vol. 10. Ed. by P.J.Bearman, Th.Bianquis, C.E.Bosworth, E.Van Dnzel and W.P.Heinrichs. Leiden: E.J.Brill, 2000. P. 925.

Lindner R.P. Anatolia, 1300–1451 // The Cambridge History of Turkey. Vol. I. Byzantium to Turkey, 1071–1453 / Ed. by K.Fleet. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 102–137.

Little D.P. Documents as a Source for Mamluk History // Mamlūk Studies Review. 1997. Vol. 1. P. 1-13.

Little D.P. Historiography of the Ayyūbid and Mamlūk Epochs // The Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517. Ed. by C.F. Petry. 412-444. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 412-444.

Little D.P. Notes on Mamluk Madrasahs // Mamlūk Studies Review. 2002. Vol. 6. P. 9-20.

Little D.P. The Nature of Khānqāhs, Ribāṭs, and Zāwiyas under the Mamlūks // Islamic Studies Presented to Charles J. Adams / Ed. by W.B. Hallaq, D.P. Little. Leiden: E. J. Brill, 1991. P. 91-106.

Little D.P. A Catalogue of the Islamic Documents from al-Ḥaram aš-Šarīf in Jerusalem. Beirut, Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1984. xiii, 482 p.

Loiseau J. Le silence des archives: Conservation documentaire et historiographie de l'État dans le sultanat mamelouk (xiiie-xvie siècle) // L'autorité de l'écrit au Moyen Âge Orient-Occident, XXXIXe Congrès de la SHMESP (Société de historiens médiévistes de l'Enseignement supérieur public). Cairo, 30 April - 5 May 2008. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2009. P. 285-298.

Loiseau J. Les Mamelouks. XIII –XIV siècle. Une expérience du pouvoir dans l'Islam medieval. Paris: Éditions du Seuil, 2014. 434 s.

Lucena P. Embajadores granadinos en El Cairo // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. 1955. Vol. 4. P. 5–30.

Lutfi H. Al-Quds al-Mamlukiyya: A History of Mamluk Jerusalem Based on the Haram Documents. Berlin: Klaus Schwarz, 1985. vii, 387 p.

Lutfi H.A. A study of al-Quds (Jerusalem) during the late fourteenth century based primarily on the Ḥaram estate inventories and related documents: A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of

the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Institute of Islamic Studies McGill University. Montreal, 1983. 528 p.

Margariti R.E. Aden and the Indian Ocean Trade: 150 Years in the Life of a Medieval Arabian Port. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007. 343 p.

Marmon S. Black Slaves in Mamluk Narratives: Representations of Transgression // Al-Qantara: Revista de Estudios Árabes. 2007. Vol. 28 (2). P. 435-464.

Martel-Thoumian B. Les civils et I'administration dans I'itat militaire mamluk. (IXe/XVe siecle). Damascus: Institut Franchise de Damas, 1991. 516 p.

Mauder C. Being Persian in Late Mamluk Egypt: The Construction and Significance of Persian Ethnic Identity in the Salons of Sultan Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 906–922/1501–1516) // Al-ʿUṣūr al-Wusṭā (The Journal of Middle East Medievalists). 2020. Vol. 28 (1). P. 376-408.

Mauder C. Childless rule and the sultan's son: Muḥammad b. Al-Ghawrī and the Mamluk system of succession in early 16th-century Egypt // Norm, Normabweichung und Praxis des Herrschaftsübergangs in transkultureller Perspektive. Göttingen: V&R unipress, Bonn Universiy Press, 2019. P. 161-185.

Mauder C. Education and Learning among Members of the mamluk army: Results of a Quantitative Analysis of Mamluk Biographies // History and Society during the Mamluk Period (1250-1517). Göttingen: V&R unipress, Bonn University Press, 2021. P. 61-88.

Mauder C. Gelehrte Krieger: Die Mamluken als Träger arabischsprachiger Bildung nach al-Ṣafadī, al-Maqrīzī und weiteren Quellen. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2012. 234 s.

Mauder C. In the Sultan's Salon: Learning, Religion, and Rulership at the Mamluk Court of Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501–1516). Leiden, Boston: Brill, 2021. 2 vols.

Mayer L.A. Mamluk Costume, a Survey. Genève: Albert Kundig, 1952. 120 p, 20 pl.

Mayer L.A. Saracenic Heraldry. Oxford: At the Clarendon Press, 1933. 302 p.

Meloy J.L. “Aggression in the Best of Lands”: Mecca in Egyptian-Indian Diplomacy in the Ninth/Fifteenth Century // Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies / Ed. by F.Bauden and M.Dekkiche. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 604–620.

Meloy J.L., Imperial Power and Maritime Trade: Mecca and Cairo in the Later Middle Ages. Chicago: Middle East Documentation Center on behalf of the Center for the Middle Eastern Studies, 2010. 305 p.

Meloy J.L. The Privatization of Protection: Extortion and the State in the Circassian Mamluk Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2004. Vol. 47, No. 2. P. 195-212.

Mordtmann J., Ménage V. Dhū’l-Ḳadr // The Encyclopaedia of Islam. Vol. 2 / Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat and J.Schacht. Leden: E.J.Brill, 1991. P. 239-240.

Morimoto K. What Ibn Khaldūn Saw: The Judiciary of Mamluk Egypt // Mamlūk Studies Review. 2002. Vol. 6. P. 109-131.

Moritz B. Beiträge zur Geschichte des Sinaiklosters im Mittelalter nach Arabischen Quellen. Berlin: Verlag der Königl. Akademie der Wissenschaften, 1918. 62 s.

Mortel R.T. Aspects of Mamlūk Relations with Jedda during the Fifteenth Century: The Case of Timrāz al-Muʾayyadī // Journal of Islamic Studies. 1995. Vol. 6 (1). P. 1-13.

Mortel R.T. Prices in Mecca during the Mamlūk Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1989. Vol. 32 (3). P. 279–334.

Mortel R.T. Taxation in the Amirate of Mecca during the Medieval Period // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1995. Vol. 58 (1). P. 1–16.

Mortel R.T. The decline of Mamlūk civil bureaucracy in the fifteenth century: the career of Abū l-Khayr al-Naḥḥās // Journal of Islamic Studies. 1995, Vol. 6 (2). P. 173-188.

Mortel R.T. Grand "Dawādār" and Governor of Jedda: The career of the fifteenth century mamlūk magnate Ǧānibak al-Ẓāhirī // Arabica, 1996. Vol. 43. P. 437-456.

Mortel R.T. Madrasas in Mecca during the Medieval Period: A Descriptive Study Based on Literary Sources // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1997. Vol. 60. (2). P. 236–252.

Mortel R.T. "Ribāṭs" in Mecca during the Medieval Period: A Descriptive Study Based on Literary Sources // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1998. Vol. 61 (1). P. 29-50.

Mortel R.T. The Ḥusaynid Amirate of Madīna during the Mamlūk Period // Studia Islamica. 1994. Vol. 80. P. 97–123.

Mortel R.T. The Mercantile Community of Mecca during the Late Mamlūk Period // Journal of the Royal Asiatic Society. 1994. Vol. 4 (1). P. 15–35.

Moukarzel P. Les expéditions militaires contre Chypre (1424–1426) d'après Ṣāliḥ b. Yāḥya: Quelques remarques sur la marine mamelouke //Al-Masaq. 2007. Vol. 19 (2). P. 177-198.

Muhanna E. Intoduction // Shihab al-Din al-Nuwayri, The Ultimate Ambition in the Arts of Erudition. Ed. and trans. By E.Muhanna. New York: Penguin, 2016. P. XI-XX.

Muhanna E. The Sultan's New Clothes: Ottoman–Mamluk Gift Exchange In The Fifteenth Century // Muqarnas. 2010. Vol. 27. P. 189 -207.

Muhanna E. The world in a book: Al-Nuwayri and the Islamic encyclopedic tradition. Princeton: Princeton University Press, 2018. 214 p.

Muslu C.Y. Attempting to understand the language of diplomacy between the Ottomans and the Mamluks (1340s–1512) // Archivum Ottomanicum. 2013. № 30. P. 247–267.

Muslu C.Y. The Ottomans and the Mamluks. London, New York: I.B.Tauris, 2014. 392 p.

Muṣṭafá M. An Illustrated Manuscript on Chivalry from the Late Circassian Mamluk Period (A Preliminary Report) // Bulletin de l'Institut d'Égypte. 1969-1970. Vol. 51. P. 1-14.

Nakamachi N. The Rank and Status of Military Refugees in the Mamluk Army: A Reconsideration of the Wāfidīyah // Mamlūk Studies Review. 2006. Vol. 10 (1). P. 55-81.

Neustadt D. The plague and its effects upon the Mamluk army // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. No. 1, 1946. Pp. 67-73.

Nicolle D. The Mamluks. 1250-1517. Oxford: Osprey Publishing, 1993. 48 p.

Nielsen J.S. Maẓālim // The Encyclopedia of Islam. Vol. II / Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat and J Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 933-935.

Northrup L.S. The Bahri Mamluk sultanate, 1250-1390 // The Cambridge History of Egypt. Vol. I. Islamic Egypt, 640-1517 / Ed. by C.F.Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 242-289.

Northrup L.S., Abul-Hajj A.A. A Collection of Medieval Arabic Documents in the Islamic Museum at the Ḥaram Al-Šarīf // Arabica. 1978. Vol. 25, No. 3. P. 282–291.

O'Callaghan J.F. The Last Crusade in the West: Castile and the Conquest of Granada. The Middle Ages. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. xiv, 364 p.

Ormos I. The Doors of Sultan Barqūq and Their Inscriptions // The Arabist. Budapest Studies in Arabic 39 / Ed. by A.Ghersetti, A.Regourd, A.Shivtiel. Budapest: Eötvös Loránd University Chair for Arabic Studies & Csoma De Kőrös Society Section of Islamic Studies, 2018. P. 33-92.

Pamuk Q. Institutional Change and the Longevity of the Ottoman Empire, 1500-1800 // Journal of Interdisciplinary History. 2004. Vol. 35 (2). P. 225-247.

Pedani M.P. The mamluk documents of the venetian state archives: historical survey // Quaderni Di Studi Arabi. 2002. Vol. 20/21. P. 133–146.

Petry C.F. "Quis Custodiet Custodes?" Revisited: The Prosecution of Crime in the Late Mamluk Sultanate // Mamlūk Studies Review. 1999. Vol. 3. P. 13-30.

Petry C.F. A Geniza for Mamluk Studies? Charitable Trust (Waqf) Documents as a Source for Economic and Social History // Mamlūk Studies Review № 2, 1998. P. 51-60.

Petry C.F. Already rich? Yet ‘greed deranged him’. Elite status and criminal complicity in the Mamluk Sultanate // Developing perspectives in Mamluk history: Essays in honor of Amalia Levanoni. Ed by Y. Ben-Bassat. Leiden: Brill, 2017. P. 3-15.

Petry C.F. Protectors or Praetorians? The Last Mamluk Sultans and Egypt’s Waning as a Great Power. Albany: State University of New York Press, 1994. 280 p.

Petry C.F. The Civilian Elite of Cairo in the Later Middle Ages. Princeton: Princeton University Press, 1981. 475 p.

Petry C.F. The Criminal Underworld in a Medieval Islamic Society: Narratives from Cairo and Damascus under the Mamluks. Chicago: Middle East Documentation Center, 2012. 365 p.

Petry C.F. The Estate of al-Khuwand Fāṭima al-Khaṣṣbakiyya: Royal Spouse, Autonomous Investor // The Mamluks in Egyptian and Syrian Politics and Society. Ed. by A.Levanoni and M.Winter. Leiden: Brill, 2004. P. 277-294.

Petry C.F. The Military Institution and Innovation in the Late Mamlūk Period // The Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517 / Ed. by C.F.Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 462-489.

Rabbat N. Mamluk history through architecture. Monuments, culture and politics in Medieval Egypt and Syria. London, New York: I.B.Tauris, 2010.

Rabbat N. O. The citadel of Cairo: a new interpretation of royal mamluk architecture. Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. 339 p.

Rabie H. Mamlūk Campaigns Against Rhodes (A.d. 1440-1444) // The Islamic world from classical to modern times / Ed. by C.E.Bosworth, Ch.Issawi, R.Savory, and A.L.Udovitch. Princeton: The Darwin Press, 1989. P. 281-286.

Rabie H. The Financial System of Egypt, A.H. 564-741/A.D. 1169-1341. London: Oxford University Press, 1972. xii, 242 p.

Rabie H.M. The Training of the Mamlūk Fāris // War, Technology and Society in the Middle East / Ed. by V. J.Parry, M.E.Yapp. London: Oxford University Press, 1975. P. 153-163.

Radtke B. Die Literarisierung der Mamlukischen historiografie. Versuch einer selbstkritik // O ye gentlemen, arabic studies on science and literary culture. In honour of Remke Kruk / Ed. by A.Vrolijk and J.P. Hogendijk. Boston; Leiden: Brill, 2007. S. 263-274.

Rapoport Y. Women and gender in Mamluk society: An overview // Mamlūk Studies Review. 2007. Vol. 11 (2). P. 1-47.

Raymond A. The Residential Districts of Cairo's Elite in the Mamluk and Ottoman Periods (Fourteenth to Eighteenth Centuries) // The Mamluks in Egyptian Politics and Society / Ed by T. Philipp, U.Haarmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 207-223.

Reinfandt L. Mamlukische Sultansstiftungen des 9./15. Jahrhunderts. Nach den Urkunden der Stifter al-Ašraf Īnāl und al-Mu'ayyad Aḥmad Ibn Īnāl. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2003. 469 s.

Reinfandt L. Religious Endowments and Succession to Rule: The Career of a Sultan's Son in the Fifteenth Century // Mamlūk Studies Review. 2002. Vol. 6. P. 51-62.

Reinfandt L. Was geschah in der Zeit zwischen Barsbāy und Qāytbāy? Überlegungen zu einer Neubewertung des späten Mamlukensultanats // Akten des 27. Deutschen Orientalistentages (Bonn – 28. September bis 2. Oktober 1998). Norm und Abweichung. Hrsg. von S.Wild und H.Schild. Würzburg: Ergon Verlag, 2001. S. 269-278.

Reisman D.C. A Holograph MS of Ibn Qāḍī Shuhbah's "Dhayl" // Mamlūk Studies Review. 1998. Vol. 2. P. 19-49.

Richards D. S. Mamluk Amirs and Their Families and Households // The Mamluks in Egyptian Politics and Society. Ed. by T.Philipp, U.Haarmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 32-54.

Richards D. S. The Mamluk Barīd: Some Evidence from the Haram Documents // Studies in the History and Archaeology of Jordan / Ed. by M. ʿA. al-Bakhīt. Amman: Department of Antiquities, 1987. P. 205-209.

Richards D.S. A Mamlūk Emir's 'Square' Decree // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1991. Vol. 54, No. 1. P. 63–67.

Richards D.S. A Mamlūk Petition and a Report from the "Dīwān al-Jaysh" // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1977. Vol. 40 (1). P. 1-14.

Richards D.S. Documents from Sinai Concerning Mainly Cairene Property // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1985. Vol. 28, No. 3. P. 225–293.

Richards D.S. Mamluk administrative documents from St Catherine's Monastery. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2011. 148, xiv p.

Richards D.S., St Catherine's Monastery and the Bedouin: Archival Documents of the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Le Sinaï de la conquête arabe à nos jours / Ed. by J.-M. Mouton. Cairo: Institut français d'archéologie orientale, 2001. P. 149-181.

Richards D. S. The Qasāma in Mamlūk Society: Some Documents from the Ḥaram Collection in Jerusalem // Annales islamologiques. 1991. Vol. 25. P. 245-284.

Richardson K.L. Difference and disability in the medieval Islamic world. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. 158 p.

Rizzo A. Three Mamluk Letters Concerning the Florentine Trade in Egypt and Syria: a New Interpretation // Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomatics / Ed. by F.Bauden and M.Dekkiche. Leiden: Brill, 2019. P. 782-798.

Robinson F. Education // The new Cambridge History of Islam. Vol. 4. Islamic Cultures and Societies to the End of the Eighteenth Century / Ed. by R. Irwin. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 497-531.

Salibi K. The Buḥturids of the Garb. Mediaeval Lords of Beirut and of Southern Lebanon // Arabica. 1961. Vol. 8 (1). P. 74-97.

Saleh M.J. Al-Suyūṭī and His Works: Their Place in Islamic Scholarship from Mamluk Times to the Present // Mamlūk Studies Review. 2001. Vol. 5. P. 73-89.

Saleh W. al-Biqāʿī // Encyclopaedia of Islam, THREE. Ed. by: K. Fleet, G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas, E. Rowson. – URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopaedia-of-islam-3/al-biqai-COM_23717 (accessed 28.03.2019).

Saleh W.A. The Status of the Bible in 9th/15th century Cairo: The Fatwas collected by al-Biqāʻī (d. 885/1480) // Muslim-Jewish Relations in the Middle Islamic Period. Jews in the Ayyubid and Mamluk Sultanates (1171-1517) / Ed. by S.Conermann. Göttingen: V&R unipress Bon University Press, 2017. 198 p.

Sardi M. Weaving for the Hajj under the Mamluks // The Hajj: Collected Essays / Ed. by V.Porter and L.Saif. London: The British Museum Press, 2013. P. 169-174.

al-Ṣarrāf Sh. Mamluk Furūsīyah Literature and Its Antecedents // Mamlūk Studies Review. 2004. Vol. 8. № 1. P. 141-200.

Sato T. State and Rural Society in Medieval Islam: Sultans, Muqtaʿs, and Fallahun. Leiden: E. J. Brill, 1997. ix, 337 p.

Sato T. Sugar in the Social Life of Medieval Islam. Leiden: Brill, 2015. 240 p.

Scheunchen T. Cosmology, Law, and Elites in Late Antiquity: Marriage and Slavery in Zoroastranism, Eastern Christianity, and Islam. Baden-Baden: Ergon, 2019. 143 p.

Schimmel A. Kalif und Kadi im spätmittelalterlichen Ägypten // Die Welt des Islams. 1943. Vol. 24. S. 1-128.

Schoeler G. Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd. 17. Arabische Handschriften. Reihe B. Teil. II. Franz Steiner Verlag Stuttgart, 1990. 451 s.

Schultz W. C. Mamluk Monetary History: A Review Essay // Mamlūk Studies Review. 1999. Vol. 3. P. 183-205.

Schultz W.C. The Monetary History of Egypt, 642-1517 // The Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517 / Ed. by C.F.Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 318-338.

Shaw S. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. I. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280–1808. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 351 p.

Shoshan B. Damascus life 1480-1500: a report of a local notary. Leiden; Boston: Brill, 2020. 204 p.

Shoshan B. Exchange-Rate Policies in Fifteenth-Century Egypt // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1986. Vol. 29, № 1. P. 28-51.

Shoshan B. Money Supply and Grain Prices in Fifteenth-Century Egypt // Economic History Review, ser 2. 1983. Vol. 36. P. 47-67.

Sievert H. Der Herrscherwechsel im Mamlukensultanat. Historische und historiographische Untersuchungen zu Abū Ḥāmid al-Qudsī und Ibn Taġrībīrdī. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2003. 184 s.

Sobernheim M. Čaḳmaḳ, al-Malik al-Ẓāhir Sayf al-Dīn // The Encyclopaedia of Islam. Vol. II / Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991. P. 6.

Sonbol A.E.-A. The new Mamluks: Egyptian society and modern feudalism. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2000. xli, 292 p.

Sourdel D. Ibn al-Shihna, // The Encyclopaedia of Islam. Vol. III / Ed. by B.Lewis, V.L.Ménage, Ch.Pellat and J.Schacht. Leiden: Brill, 1986. P. 938.

Stilt K. Islamic law in action: authority, discretion, and everyday experiences in Mamluk Egypt. Oxford: Oxford University Press, 2011. 256 p.

Sümer F. Ḳarāmān-Oghullarī // The Encyclopaedia of Islam / Ed. by E. van Donzel, B.Lewis, Ch.Pellat. Leiden: E.J.Brill, 1997. Vol. 4. P. 619–625.

The Cambridge History of Egypt. Vol. I. Islamic Egypt, 640-1517. Ed. by Petry C.F. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 618 p.

Thorau P. The Lion of Eagypt: Sultan Baybars I and the Near East in the thirteenth century. London and New York: Longman, 1992. 321 p.

Al-Tikriti N. Ibn Zunbul, Wāqi‘at al-Sulṭān al-Ghawrī ma‘a Salīm al-‘Uthmānī, edited by ‘Abd al-Mun‘im ‘Āmir (Cairo: al-Hay’ah al-Miṣrīyah al-‘Āmmah lil-Kitāb, 1997). Pp. 209. Review // Mamlūk Studies Review. 2000. Vol. 4. P. 260-265.

Tillier M. Courts of law, historical // Encyclopaedia of Islam, Three. Ed. by K. Fleet, G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas et E. Rowson. Leiden: Brill, 2017. Pp. 39-47.

Trimingham J.S. Islam in the Sudan. London: Frank Cass & Co. LTD, 1965. 280 p.

Tucker W.F. Environmental Hazards, Natural Disasters, Economic Loss, and Mortality in Mamluk Syria // Mamlūk Studies Review. 1999. Vol. 3. P. 109-128.

Van Gelder G. J. H. Ibn Ḥijja al-Ḥamawī // Encyclopedia of Arabic Literature / Ed. by J. Sc. Meisami and P. Starkey. London, New York: Routledge, 1998. Vol. 1. P. 334.

Van Koningveld P.S., Weigers G.A. An appeal of the Moriscos to the Mamluk sultan and its counterpart to the Ottoman court: Textual analysis, context, and wider historical background // Al-Qantara, 1999. Vol. 20. P. 166-175.

Van Steenbergen J. "Is Anyone My Guardian …?" Mamlūk Under-Age Rule and the Later Qalāwūnids // Al-Masāq. 2007. Vol. 19 (1). P. 55-65.

Van Steenbergen J. Nomen Est Omen: David Ayalon, the Mamluk Sultanate, and the Rule of the Turks // Egypt and Syria under Mamluk Rule: Political, Social and Cultural Aspects. Ed. by Levanoni A. Leiden: Brill, 2021. P. 118-137.

Van Steenbergen J. Order out of Chaos: Patronage, Conflict and Mamluk Socio-Political Culture, 1341-1382. Brill. Leiden. Boston, 2006. 210 p.

Van Steenbergen J. Revisiting the Mamlūk Empire: Political Action, Relationships of Power, Entangled Networks, and the Sultanate of Cairo in Late Medieval Syro-Egypt // The Mamluk Sultanate from the Perspective of Regional and World History: Economic, Social and Cultural Development in an Era of Increasing International Interaction and Competition / Ed. by R.Amitai and S.Conermann. Göttingen: V&R unipress; Bonn University Press, 2019. P. 75-106.

Van Steenbergen J., Van Nieuwenhuyse S. Truth and Politics in Late Medieval Arabic Historiography: the Formation of Sultan Barsbāy's State (1422–1438) and the Narratives of the Amir Qurqumās al-Shaʿbānī (d. 1438) // Der Islam. 2018. Vol 95 (1). P. 147-187.

Van Steenbergen J., Wing P., D'hulster K. The Mamlukization of the Mamluk Sultanate? State formation and the history of fifteenth century Egypt and Syria: Part I - Old problems and new trends // History Compass. 2016. Vol. 14 (11). P.549-559.

Van Steenbergen J., Wing P., D'hulster K. The mamlukization of the Mamluk Sultanate? State formation and the history of fifteenth century Egypt and Syria: Part II – Comparative solutions and a new research agenda // History Compass. 2016. Vol. 14 (11). P. 560-569.

Varlik N. Plague and Empire in the Early Modern Mediterranean World: The Ottoman Experience, 1347–1600. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

Vatikiotis P.J. Arab and regional politics in the Middle East. London, New York: Routledge, 1984. 275 p.

Venzke M.L. The Case of a Dulgadir-Mamluk Iqṭāʿ: A Re-Assessment of the Dulgadir Principality and Its Position within the Ottoman-Mamluk Rivalry // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2000. Vol. 43 (3). P. 399–474.

Veselý R. Ein Briefwechsel zwischen Ägypten und den Qaramaniden im 14. Jahrhundert // Asian and African Studies (Bratislava). 2000. Vol. 9 (1). S. 36-44.

Veselý R. Eine neue Quelle zur Geschichte Ägyptens im 9./15. Jahrhunderts // XX. Deutscher Orientalistentag: Vorträge / Ed. by C.Wunsch. Munich, 8-13 April 1991. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. S. 136-143.

Veselý R. Ibn Nahid's As-Sira as-Saykhiya (Eine Lebensgeschichte des Sultans al-Mu'ayyad Saykh). Ein Beitrag zur Sira-Literatur // Archiv Orientalni. 1999. Vol. 67 (2). S. 149-220.

Walker B.J. Commemorating the Sacred Spaces of the Past: The Mamluks and the Umayyad Mosque at Damascus // Near Eastern Archaeology. 2004. Vol. 67 (1). P. 26–39

Walker B.J. Mobility and Migration in Mamluk Syria: The Dynamism of Villagers ‘on the Move’ // Everything is on the Move: The ‘Mamluk Empire’ as a Node in (Trans-)Regional Networks / Ed. by S. Conermann. Göttingen: V & R unipress Bonn University Press, 2014. P. 325–348.

Walker B.J. The role of agriculture in mamluk-jordanian power relations // Bulletin D'études Orientales. 2006. Vol. 57. P. 79–99.

Walker B.J. The Social Implications of Textile Development in Fourteenth-Century Egypt // Mamlūk Studies Review. 2000. Vol. 4. P. 167-217.

Wansbrough J. A Mamluk Ambassador to Venice in 913/1507 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1963. Vol. 26, № 3. P. 503–530.

Wansbrough J. A Mamluk Letter of 877/1473 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1961. Vol. 24, №. 2. P. 200–213.

Wansbrough J. The Safe -Conduct in Muslim Chancery Practice // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1971. Vol. 34, № 1. P. 20–35.

Wansbrough J. Venice and Florence in the Mamluk Commercial Privileges // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1965. Vol. 28, № 3. P. 483–523.

Watts J. The Making of Polities: Europe, 1300–1500. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 484 p.

White S. The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire. New York: Cambridge University Press, 2011. 352 p.

Wijntjes Th. M. Sultan al-Zahir Barquq as Seen by His Contemporaries Ibn Khaldun and Bertrando de Mignanelli // Egypt and Syria in the Fatitmid, Ayyubid and Mamluk Eras. VI. Proceedings of the 14th and 15th International Colloquium organized at the Katholieke Universiteit Leuven in May 2005 and May 2006 / U.Vermeulen and K. D’hulster (eds.). Leuven; Paris; Walpole, MA: Uitgeverij Peeters, 2010. P. 383–394.

Wing P. Submission, Defiance, and the Rules of Politics on the Mamluk Sultanate's Anatolian Frontier. Journal of the Royal Asiatic Society. 2015. Vol. 25 (3). P. 1-12.

Wing P. The Syrian Commercial Elite and Mamluk State-Building in the Fifteenth Century // Trajectories of State Formation across Fifteenth-Century Islamic West-Asia. Ed. by J. Van Steenbergen. Leiden, Boston: Brill, 2020. P. 306-318.

Winter M. The Conquest of Syria and Egypt by Sultan Selim I, According to Evliya Celebi // The Mamluk-Ottoman Transition: Continuity and Change in Egypt and Bilād al-Shām in the Sixteenth Century / Ed. by S.Conermann and G.Şen, Gottingen: V & R Unipress, 2017. P. 127–46.

Winter M. The Ottoman Occupation // The Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517. Ed. by C.Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 490-516.

Witkam J.J. Inventory of the Oriental Manuscripts of the Library of the University of Leiden. Leiden: Ter Lugt Press, 2007. 310 p.

Wollina T. News and Rumor – local sources of knowledge about the world // Everything is on the Move: The Mamluk Empire as a Node in (Trans-)Regional Networks / Ed. by S.Conermann. Goettingen: Bonn University Press, 2014. P. 283-310.

Wollina T. What is a City? Perceptions of Architectural and Social Order in 15th-Century Damascus // Annemarie Schimmel Kolleg Working Paper. 2012. Vol. 4. P. 1-10.

Woods J.E. The Aqquyunlu: clan, confederation, empire. Salt Lake City: The University of Utah Press, 1999. 343 p.

Yosef K. Ethnic groups, social relationships and dynasty in the Mamluk Sultanate (1250-1517) // Annemarie Schimmel Kolleg Working Paper. 2012. Vol. 6. P. 1-12.

Yosef K. Mamluks and their relatives in the period of the Mamluk Sultanate (1250-1517) // Mamlūk Studies Review. 2012. Vol. 16. P. 55-69.

Yosef K. Masters and Slaves: Substitute Kinship in the Mamlūk Sultanate // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras, VIII / Ed. by U.Vermeulen, K. D'hulster, and J. Van Steenbergen. Leuven: Peeters, 2016. P. 557-579.

Yosef K. The Names of the Mamlūks: Ethnic Groups and Ethnic Solidarity in the Mamluk Sultanate (648–922/1250–1517) // Egypt and Syria under Mamluk Rule / Ed. by A.Levanoni. Leiden, The Netherlands: Brill, 2021. P. 59-118.

Yosef K. Usages of Kinship Terminology during the Mamluk Sultanate and the Notion of the 'Mamlūk Family' // Developing Perspectives in Mamluk History: Essays in Honor of Amalia Levanoni / Ed. by Y. Ben-Bassat, Leiden: Brill, 2017. P. 16-75.

Zaman M.Q. Wazīr // The Encyclopaedia of Islam. Vol. XI / Ed. by P.J. Berman, Th. Bianquis, C.E Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. Leiden: Brill, 2002. P. 185–188.

Zouache A. Western vs. Eastern Way of War in the Late Medieval Near East: An Unsuitable Paradigm: A Review Essay of David Nicolle's Late Mamlūk Military Equipment // Mamlūk Studies Review. 2014-2015. Vol. 18. P. 301-326.

На арабском языке

ʿАбд ал-ʿАзиз, Набӣл Муḥаммад. Ҳазāʾин ас-силāḥ ва-муḥтавийāтухā ʿалā ʿаṣр ал-Аййӯбӣйӣн ва-л-Мамāлӣк [Оружейные палаты и их содержимое в эпоху Аййюбидов и Мамлюков] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1976. № 23. С. 107-154.

ʿАбд ал-ʿАẓӣм, Ӣмāн Муṣṭафā. Ал-ʿАвāм ва-с-султṭа ал-ḥāкима фӣ Миṣр фӣ ʿаṣр Давлат ал-мамāлӣк ал-джарāкиса (784-923 х / 1382-1417 м) [Простолюдины и правительственная власть в Египте в эпоху Государства черкесских мамлюков] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 2016. № 50. С. 139-196.

ʿАбд ал-Джалӣл, аш-Шāṭир Буṣайлā. Ал-Кāримӣйа [Карими] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1967. № 13. С. 217-221.

Абд ал-Маджӣд, Лайлā Амӣн. ал-Танẓӣмāт ал-идāрӣйа ва-л-мāлӣйа фӣ Макка ал-Мукаррама фӣ ал-ʿаṣр ал-мамлӯкӣ, 667-923 х/1268-1517 м. [Административные и финансовые учреждения в Высокочтимой Мекке в мамлюкскую эпоху, 667-923 х./1268-1517 н.э.] эр-Рияд: Муʾассаса ал-фурḳāн ли-т-турāṯ ал-ислāмӣ, 2010. 825 с.

ʿАбд ан-Набӣ, Хиба Маḫмӯд Саʿад. Аз-Завāдж фӣ усар салāṭӣн ал-мамāлӣк [Брак в семьях мамлюкских султанов] // Annales Islamologiques, 2008. Vol. 42. P. 25-47.

ʿАбд ар-Рāзиḳ, Аḥмад. Ал-ʿИлāḳāт ал-усрӣйа фӣ ал-муṣṭалаḥ ал-мамлӯкӣ [Семейные связи в понимании мамлюков] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1976. № 23. С. 155-181.

ʿАбд ар-Рāзиḳ, Аḥмад. Ал-Марʾа фӣ Миṣр ал-мамлӯкӣйа [Женщина в мамлюкском Египте]. Каир: Каир: Ал-Хайʾа ал-Миṣриййа ал-ʿĀмма ли-л-Китāб, 1999. 243 с.

ʿАбд ал-Ḫамӣд, ʿАфāф ʿАбд ал-Джаббāр. Ал-Джавāниб ал-иḳтиṣāдӣйа фӣ китāбāт Ибн Тагри Бирди (мин 300 х – 874 х / 912 м – 1469 м) [Экономические аспекты в записках Ибн Тагри Бирди (за период 300-874/912-1469 гг.)]. Багдад: Джаāмиʿат Баḡдāд, 2006. 430 с.

ʿАззāм, ʿАбд ал-Ваххāб. Маджāлис ас-султṭāн ал-Ḡаврӣ [Ассамблеи султана ал-Гаури]. Каир: Маṭбаʿ ал-Ладжнат ат-Таʾлӣф ва-т-Тарджама ва-н-Нашр, 1941. 53, 149, 101 с.

ал-ʿАйдӣ, Иḫлāṣ Муḥаммад Сулаймāн. Ал-Марʾа ал-муслима ал-ʿāлима камā арраḫа лахā ал-Маḳрӣзӣ фӣ китāбихи «Дурар ал-ʿуḳӯд ал-фарӣда фӣ тарāджим ал-аʿйāн ал-муфӣда» [Мусульманская женщина – ученая согласно тому, что о ней сообщил ал-Макризи в своей книге «Дурар ал-ʿуḳӯд ал-фарӣда фӣ тарāджим ал-аʿйāн ал-муфӣда»] // Идāʾāт мушриḳа фӣ таʾрӣḫ ал-ʿулӯм ʿинда ал-ʿараб ва-л-муслимӣн «Ваḳāʾиʿ ал-муʾтамар ад-дувалӣ ас-ṣāлиṣ фӣ таʾрӣḫ ал-ʿулӯм ʿинда ал-ʿараб ва-л-муслимӣн». 5-7.12.2017. Под ред. Ḫ.М.ан-Нуʿаймӣ и др. Шарджа: Джамиʿат аш-Шāриḳа, 2017. С. 114-150.

ʿАлӣ, Муҳаммад Камāл ад-Дӣн ʿИзз ад-Дӣн. Арбаʿат муʾарриҳӣн ва-арбаʿат муʾаллафат «мин давлат ал-мамāлӣк ал-джарāкиса» [Четыре историка и четыре сочинения «из государства черкесских мамлюков»]. Каир: ал-Хайʾа ал-Миṣрӣйа ал-ʿАмма ли-л-китāб, 1992. 300 с.

Амӣн, Муҳаммад Муҳаммад. Ваṣӣқат вақф ас-султāн Қāитбāй ʿалā ал-мадраса ал-Ашрафӣфа ва қāʿат ас-силāḫ би-Дамйāṭṭ [Вакуфный документ султана Каитбая на школу ал-Ашрафийа и оружейную палату в Дамьетте] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1975. № 22. С. 343-390.

Амӣн, Муҳаммад Муҳаммад. Маншӯр би-манḫ иқṭāʿ мин ʿаṣр ас-султāн ал-Гӯрӣ [Указ о выделении *икта ʿ*, относящийся к эпохе султана ал-Гури] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1981-1982. № 29. С. 3-40.

Ардан, Йāсӣн. Таḫқӣқ «Таḫрӣдж ал-ақвāл фӣ масʾалат ал-истибдāл» ли-Ибн Қутлӯбуғā [Исследование «Толкования высказываний по вопросу об обмене» Ибн Кутлубуги] // İslâm Araştırmaları Dergisi. 2018. № 39. С. 89-148.

ал-ʿАрӣнӣ, ас-Саййид ал-Бāзз. Ал-Мамāлӣк [Мамлюки]. Бейрут: Дāр ан-Нахда ал-ʿАрабӣйа, 1967. 312 с.

ал-ʿАрӣнӣ, ас-Саййид ал-Бāзз. Ал-Фāрис ал-мамлӯкӣ [Мамлюкский всадник] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1956. № 5. С. 47-72.

ал-ʿАрӣнӣ, ас-Саййид ал-Бāзз. Ал-Ḫисба ва-л-муḫтасибӯн фӣ Миṣр [*Хисба* и *мухтасибы* в Египте] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1950. № 3. С. 157-169.

ʿАтā, Муҳаммад ʿАбд ал-Қāдир. Ал-Мадраса ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа [Египетская историческая школа] // ал-Мақрӣзӣ, Тақӣ ад-Дӣн Абӯ ал-ʿАббāс Аҳмад б. ʿАлӣ б. ал-Қāдир. Ас-Сулӯк ли-маʿрифат ал-мулӯк. Бейрут: Дāр ал-Кутуб ал-ʿИлмӣйа, 1997. Т. 1. С. 7-65.

ʿАтā, ʿУс̱мāн ʿАлӣ. Маджāлис аш-шӯрā фӣ ʿаṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк (648-923 х / 1250-1517 м) [Заседания совета в эпоху мамлюкских султанов (648-923/1250-1517)]. Каир: ад-Дāр ас̱-С̱ақāфӣйа ли-н-Нашр, 2008. 352 с.

ал-Ашқар, Муҳаммад ʿАбд ал-Ґанӣ. Ал-Визāра ва-л-вузарāʾ фӣ Миṣр: ʿАṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк [Ведомство *вазира* и *вазиры* в Египте: Эпоха

мамлюкских султанов]. Каир: Ал-Хайʾа ал-Миṣрийййа ал-ʿĀмма ли-л-Китāб, 2011. 208 с.

ал-Ашқар, Муḥаммад ʿАбд ал-Ґанӣ. Ал-Малḥама ал-миṣрӣйа: ʿАṣр ал-мамāлӣк ал-джарāкиса ва-радд ал-иʿтибāр фӣ ʿахд Барсбāй (767-829 х/ 1365-1426 м) [Египетская героическая эпопея: Эпоха черкесских мамлюков и восстановление престижа в период правления Барсбая (767-829/ 1365-1426)]. Каир: Мактаба Мадбӯлӣ, 2002. 123 с.

ʿĀшӯр, Саʿӣд ʿАбд ал-Фаттāḥ. Ал-Аййӯбӣйӯн ва-л-Мамāлӣк фӣ Миṣр ва-ш-Шāм [Аййюбиды и Мамлюки в Египте и Сирии]. Каир: Дāр ан-Нахḍа ал-ʿАрабӣйа, 1996. 349 с.

ʿĀшӯр, Саʿӣд ʿАбд ал-Фаттāḥ. Ал-ʿАṣр ал-мамāлӣкӣ фӣ Миṣр ва-ш-Шāм [Мамлюкская эпоха в Египте и Сирии]. Каир: Дāр ан-Нахḍа ал-ʿАрабӣйа, 1976. 511 с.

ʿĀшӯр, Саʿӣд ʿАбд ал-Фаттāḥ. Баʿд адвāʾ джадӣда ʿалā ал-ʿилāқāт байна Миṣр ва-л-Ḫабаша фӣ ал-ʿуṣӯр ал-вуṣта [Новое (отчасти) освещение связей между Египтом и Эфиопией в Средние века] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1968. № 14. С. 1-43.

ʿАшӯр, Саʿӣд ʿАбд ал-Фаттāḥ. Ал-Муджтамаʿ ал-миṣрӣ фӣ ʿаṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк [Египетское общество в эпоху мамлюкских султанов]. Каир: Дāр ан-Нахḍа ал-ʿАрабӣйа, 1992. 5, 264 с.

ʿĀшӯр, Фāʾид Ḫаммāд Муḥаммад. Ал-Джихāд ал-ислāмӣ дидда аṣ-ṣалӣбӣйӣн ва-л-муґӯл фӣ ал-ʿаṣр ал-мамлӯкӣ [Исламский джихад против крестоносцев и монголов в мамлюкскую эпоху]. Триполи, Ливан: Йаррӯс Прис, 1995. 368 с.

Бадр, ʿАбд ал-Бāсиṭ б. ʿАбд ар-Раззāқ. Ал-Ḫайā аṣ̱-Ṣақāфӣйа фӣ ал-Мадӣна ал-Мунаввара фӣ ал-ʿаṣр ал-мамлӯкӣ [Культурная жизнь в Светозарной Медине в мамлюкскую эпоху] // Маджаллат Марказ Буḥӯṣ ва-Дирāсāт ал-Мадӣна ал-Мунаввара. 2003. № 6. С. 49-83.

ал-Баṭāвӣ, Ḫасан Аḥмад ʿАбд ал-Джалӣл. Ахл ал-ʿИмāма фӣ Миṣр. ʿАṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк [«Люди чалмы» в Египте. Эпоха мамлюкских султанов].

Каир, Гиза: ʻАнт ал-Дирāсāт ва-л-Буӯс̱ ал-Инсāнӣйа ва-л-иджтимāʻӣйа, 2007. 200 с.

ал-Баҳӣт, Муҳаммад ʻАднāн. Мамлакат ал-Карак фӣ ал-ʻахд ал-мамлӯкӣ [Королевство Карак в мамлюкскую эпоху]. Амман: [б.и.], 1976. 172 с.

Баҳр, Мадждӣ ʻАбд ар-Рашӣд. Ал-Ḳарйа ал-миṣрӣйа фӣ ʻаṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк, 648-923 х/1250-1517 м [Египетская деревня в эпоху мамлюкских султанов]. Каир: Ал-Хайʾа ал-Миṣрийӣйа ал-ʻĀмма ли-л-Китāб, 1999. 376 с.

ал-Ваккāд, Маҳāсин Муҳаммад. Ал-Йахӯд фӣ Миṣр ал-мамлӯкӣйа фӣ давʾ ваc̱āʾиḳ ал-Джинӣза 648-923 х./1250-1517 м. [Иудеи в мамлюкском Египте в свете документов Генизы (648-923/1250-1517)]. Каир: Ал-Хайʾа ал-Миṣрийӣйа ал-ʻĀмма ли-л-Китāб, 1999. 471 с.

Ґавāнима, Йӯсуф Дарвӣш. Таʾрӣх̱ нийāбат Байт ал-Маḳдис фӣ ал-ʻаṣр ал-мамлӯкӣ [История иерусалимского наместничества в мамлюкскую эпоху]. Амман: Дāр ал-Х̣айā, 1982. 213 с.

Ґавāнима, Йӯсуф Дарвӣш. Ат-Таʾрӣх̱ ал-х̣адāрӣ ли-шарḳӣ ал-Урдун ал-ʻаṣр ал-мамлӯкӣ [История культуры [областей, расположенных] к востоку от Иордана в мамлюкскую эпоху]. Амман: Дāр ал-Фикр ли-н-Нашр ва-т-Тавзӣʻ, 1982. 352 с.

Ґавāнима, Йӯсуф Дарвӣш. Ал-Тиджāра ад-дувалӣйа фӣ ал-Урдун фӣ ал-ʻаṣр ал-мамлӯкӣ [Международная торговля в Иордании в мамлюкскую эпоху] // Studies in the History and Archaeology of Jordan / Ed. by M. A. al-Bakhīt. Amman: Department of Antiquities, 1987. С. 323-331.

Даррāдж, Аҳмад ас-Саййид. Джам Сулṭāн ва-д-диблӯмāсӣйа ад-дӯвалӣйа [Султан Джем и международная дипломатия] // ал-Маджалла ат-таʾрӣх̱ӣйа ал-миṣрӣйа. 1959. № 8. 201-242.

Даррāдж, Аҳмад ас-Саййид. аАл-Х̣исба ва-ас̱арухā ʻалā ал-х̣айāт ал-иḳтиṣāдӣйа фӣ Миṣр ал-мамлӯкӣйа [*Хисба* и ее влияние на экономическую жизнь в мамлюкском Египте] // ал-Маджалла ат-таʾрӣх̱ӣйа ал-миṣрӣйа. 1968. № 14. 109-141.

ал-Джалӣлӣ, Маҳмӯд. Аҳвāл ал-ҳукм ва-л-муджтамаʿ [Положение правительства и общества] // ал-Мақрӣзӣ, Тақӣ ад-Дӣн Аҳмад б. ʿАлӣ. Дурар ал-ʿуқӯд ал-фарӣда фӣ тарāджим ал-аʿйāн ал-муфӣда [Редкостные жемчужины ожерелий в поучительных жизнеописаниях знатных лиц]. Под ред. М. ал-Джалӣлӣ. Бейрут: Дāр ал-Ġарб ал-Ислāмӣ, 2002. С. 45-42.

Джирджис, Мадждӣ. Марсӯм ли-с-султāн ал-Ġӯрӣ [Указ султана ал-Гури] // Annales islamologiques. 2019. № 53. P. 325-346.

Духмāн, Муҳаммад Аҳмад. Ал-ʿИрāк байна ал-Мамāлӣк ва-л-ʿУсмāнӣйӣн ал-Атрāк маʿа риҳла ал-амӣр Йашбак мин Махдӣ ад-Давāдāр ли-Муҳаммад ибн Маҳмӯд ал-Ҳалабӣ ал-мулаккиб би-Ибн Аджā [Ирак между мамлюками и турками-османами с «Путешествием эмира Йашбека мин Махди Давадара» Мухаммада ибн Махмуда ал-Халаби по прозванию Ибн Аджа]. Дамаск: Дāр ал-Фикр, 1986. 344 с.

Духмāн, Муҳаммад Аҳмад. Муʿджам ал-алфāз̧ ат-таʾрӣхӣйа фӣ ал-ʿаср ал-мамлӯкӣйа [Словарь исторических выражений мамлюкской эпохи]. Бейрут: Дāр ал-Фикр ал-Муʿāсир, 1990. 160 с.

Закӣ, ʿАбд ар-Раҳман. Синāʿат ас-суйӯф ал-ислāмӣйа фӣ аш-Шарқ ал-Аднā фӣ ал-ʿусӯр ал-вустā [Изготовление исламских мечей на Ближнем Востоке в Средние века] // ал-Маджалла ат-таʾрӣхӣйа ал-мисрӣйа. 1956. № 5. 73-91.

Зийāдах, Муҳаммад Мусṭафā. Нихāйат ас-салāṭӣн ал-мамāлӣк фӣ Миср [Конец мамлюкских султанов в Египте] // ал-Маджалла ат-таʾрӣхӣйа ал-мисрӣйа. 1951. № 4. 197-228.

ʿИнāн, Муҳаммад ʿАбдаллах. Ал-ʿАлāʾиқ ад-диблӯмāсӣйа байна ал-Қāхира ва-л-мамāлик ал-исбāнӣйа ан-наср̄āнӣйа фӣ ал-ʿаср ал-мамлӯкӣ [Дипломатические контакты между Каиром и христианскими испанскими королевствами в мамлюкскую эпоху] // Абҳāс̱ ан-надва ад-дувалӣйа ли-таʾāрӣх̱ ал-Қāхира. Каир: Дāр ал-Кутуб, 1971. Т. 3. С. 1189-1215.

ʿИнāн, Муḥаммад ʿАбдаллах. Муʾарриḫӯ Миṣр ал-ислāмӣйа ва-маṣāдир ат-таʾрӣḫ ал-миṣрӣ [Историки исламского Египта и источники по египетской истории]. Каир: Ладжнат ат-Таʾлӣф, 1969. 205 с.

Ḳāсим, ʿАбдух Ḳāсим. ʿАṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк [Эпоха мамлюкских султанов]. Каир: Дāр аш-Шурӯḳ, 1994. 199 с.

Ḳāсим, ʿАбдух Ḳāсим. ʿАṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк: ат-тāрӣḫ ас-сийāсӣ ва-л-иджтимāʿӣ [Эпоха мамлюкских султанов: политическая и социальная история]. Каир: ʿАйн ли-д-Дирāсāт ва-л-Буḥӯс̱ ал-Инсāнӣйа, 1998. 390 с.

Ḳāсим, ʿАбдух Ḳāсим. Ан-Нӣл ва-л-муджтамаʿ ал-миṣрӣ фӣ ʿаṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк [Нил и египетское общество в эпоху мамлюкских султанов]. Каир: Дāр ал-Маʿāриф, 1978. 110 с.

ал-Ḳаṭṭāр, Илйāс. Нийāбат Ṭарāблус фӣ ʿахд ал-мамāлӣк (688-922 х/1289-1516 м) [Наместничество Триполи в эпоху мамлюков (688-922/1289-1516)]. Бейрут: Маншӯрāт ал-Джāмиʿ ал-Лубнāнӣйа, 1998. 752 с.

ал-Ḳӯṣӣ, ʿАṭӣйа. Адвāʾ джадӣда ʿалā тиджāрат ал-Кāрим мин вāḳиʿ ваṣ̱āʾиḳ ал-джинӣза [Новое освещение торговли ал-Карим по свидетельствам документов Генизы] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1975. № 22. С. 17-40.

Лабӣб, Ṣубḥӣ. Ат-Тиджāра ал-кāримӣйа ва-тиджāрат Миṣр фӣ ал-ʿуṣӯр ал-вусṭā [Торговля *Карими* и торговля Египта в Средние века] // ал-Маджалла ат-таʾрӣḫӣйа ал-миṣрӣйа. 1951. № 4. С. 5-63.

Муṣтафā, Нāвӣйа Маḥмӯд. Ал-ʿАṣр ал-мамлӯкӣ мин таṣфийат ал-вуджӯд аṣ-ṣалӣбӣ илā бидāйат ал-хаджма ал-ӯруббӣйа аṣ̱-ṣ̱āнӣйа, 642-923/1258-1517 [Мамлюкская эпоха от ликвидации присутствия крестоносцев до начала второго европейского наступления, 642-923/1258-1517]. Каир: ал-Маʿхад ал-ʿĀламӣ ли-л-фикр ал-ислāмӣ, 1996. 177 с.

Мутаваллӣ, Аḥмад Фуʾāд. Ал-Фатḥ ал-ʿуṣ̱мāнӣ ли-ш-Шāм ва-Миṣр ва-муḳаддимāтуху мин вāḳиʿ ал-ваṣ̱āʾиḳ ва-л-маṣāдир ат-туркӣйа ва-л-ʿарабӣйа ал-муʿāṣира лаху [Османское завоевание Сирии и Египта, а также то, что ему предшествовало, по материалам современных этому завоеванию турецких и

арабских документов и источников]. Каир: Аз-Захрāʾ ли-л-Иʿлāм ал-ʿАрабӣ, 1995. 394 с.

ал-Муҳаймӣд, ʿАлӣ б. Ṣāлиҳ. Имāрат Банӣ Ḳарамāн ва-даврухā ас-сийāсӣ фӣ Асийā аṣ-Ṣуґрā ҳилāл ал-ʿаṣр ал-мамлӯкӣ [Эмират Караманидов и его политическая роль в Малой Азии в мамлюкскую эпоху] // Маджаллат Джāмиʿат Умм ал-Ḳурā ли-ʿулӯм аш-шарӣʿа ва-д-дирāсāт ал-ислāмӣйа. 2012. № 55. С. 259-329.

Муҳаммад, Джāсим Муҳаммад Джāсим. Ал-ʿИлāḳāт ал-мамлӯкӣйа ал-ʿуṣмāнӣйа ҳилāл ал-фатра 699-923 х/ 1299-1517 м [Османо-мамлюкские отношения в период 699-923/ 1299-1517] // Маджаллат Джāмиʿат Тикрӣт ли-л-ʿУлӯм ал-Инсāнӣйа. 2007. Т. 14. № 10. С. 338-377.

ал-Муҳāмӣ, Муҳаммад Фарӣд Бак. Таʾрӣх ад-давла ал-ʿалӣйа ал-ʿуṣмāнӣйа [История великого османского государства]. Бейрут: Дāр ан-Нафāʾис, 1981. 830 с.

ан-Наджӣдӣ, Ҳамӯд б. Муҳаммад б. ʿАлӣ. Ан-Низāм ан-наḳдӣ ал-мамлӯкӣ, 648-922 х./1250-1517 м: Дирāса таʾрӣхӣйа ҳадāрӣйа [Мамлюкская монетарная система, 648-922/1250-1517: Цивилизационное историческое исследование]. Александрия: Муʾассасат аṣ-Ṣаḳāфа ал-Джāмиʿӣйа, 1993. 671 с.

ар-Рашӣдӣ, Муҳаммад Сāлим. Муҳаммад ал-Фāтиҳ [Мухаммад Завоеватель]. Джидда: Мактабат ал-Иршāд, 1989. 440 с.

Ризḳ, ʿĀṣим Муҳаммад. Ҳāнḳāвāт аṣ-ṣӯфӣйа фӣ Миṣр [Суфийские ханаки в Египте]. Каир: Мактаба Мадбӯлӣ, 1997. 2 т.

Саʿад, Маҳмӯд. Аṣ-Ṣаḳāфа ад-ислāмӣйа ли-кāтиб ал-иншāʾ ка-мā табдӯ фӣ «Субҳ ал-аʿшā» [Исламская культура чиновника канцелярии так, как она представлена в «Заре для подслеповатого»]. Александрия: Мунша̓ат ал-Маʿāриф, 1988. 136 с.

Саййид, Айман Фуʾāд. Ḳāфилат ҳаджж ʿуламāʾ Миṣр фӣ ал-ḳарнайн аṣ-ṣāмин ва-т-тāсиʿ ли-л-хиджара [Караван хаджжа *улемов* Египта в восьмом и девятом веках по *хиджре*] // ал-Маджалла ат-таʾрӣхӣйа ал-миṣрӣйа. 2017. № 51. С. 131-149.

ас-Саййид, Маҳмӯд. Таʾрӣх ал-ҳабāʾил ал-ʿарабӣйа фӣ ʿаср ад-давлатайн ал-аййӯбӣйа ва-л-мамлӯкӣйа [История арабских племен в эпоху государств Аййюбидов и Мамлюков]. Александрия: Муʾассасат Шабāб ал-Джāмиʿа, 1998. 265 с.

Салӣм, Маҳмӯд Ризқ. Ал-Ашраф Ҳāнсӯх ал-Ґӯрӣ [ал-Ашраф Кансух ал-Гури]. Каир: Ад-Дāр ал-Миср̣ӣйа ли-т-Таʾлӣф ва-т-Тарджима, 1966. 199 с.

Сулаймāн, Аҳмад ʿАбд ал-Карӣм. Тӣмӯрланк ва-Давалат ал-Мамāлӣк ал-Джарāкиса маʿа тарджимат маҳāл ал-кāтиб ал-лāтӣнӣ Дӣ Мӣджнāналлӣ ʿан ҳайāт Тӣмӯрланк [Тамерлан и Государство черкесских мамлюков с переводом трактата латинского писателя Ди Минянелли о жизни Тамерлана]. Каир: Дāр ан-Нахда ал-ʿАрабӣйа ли-т̣-Т̣ибаʿ ва-н-Нашр ва-т-Таузӣʿ, 1985. 47, 48 с.

Сулаймāн, ас-Саййид Ҷабāҳ. ал-Миʿмāр ал-мамлӯкӣ байна хандаса ал-лафз̣ ва хандаса аш-шакл [Мамлюкская архитектура между геометрией слова и геометрией формы] // Каир: Мактабат ал-Инджлӯ ал-Миср̣ӣйа, 2006. 231 с.

ат̣-Т̣арāуна, Мубāрак Муҳаммад. Ал-Ауби̯а (ат-тавāʿӣн) ва-ас̱āрухā ал-иджтимāʿӣйа фӣ ʿаср ал-мамāлӣк ал-джарāкиса (784-922 х/1382-1517 м) [Эпидемии (чумы) и их социальное влияние в эпоху черкесских мамлюков (784-922/1382-1517)] // Ал-Маджалла ал-Урдунӣйа ли-т-Таʾрӣх̣ ва-л-Āс̱āр. 2010. Т. 4. № 3. С. 46-61.

Т̣арх̣āн, Ибрāхӣм ʿАлӣ. Миср̣ фӣ аср̣ Давлат ал-мамāлӣк ал-джарāкиса 1382-1517 [Египет в эпоху Государства черкесских мамлюков 1382-1517]. Каир: Мактабат ан-Нахда ал-Миср̣ӣйа, 1960. 376 с.

Ӯзт̣ӯнā, Йилмāз. Ал-Мадх̣ал илā ат-таʾрӣх̣ ат-туркӣ [Введение в историю тюрков]. Бейрут: ад-Дāр ал-ʿАрабӣйа ли-л-Мавсӯʿāт, 2005. 448 с.

ʿУс̱мāн, Мӣрфат. Ал-Ҳарāниса ва-даурухум [фӣ] ʿаср ал-мамāлӣк ал-джарāкиса 784-923 х / 1382-1517 м [*Караниса* и их роль в эпоху черкесских мамлюков 784-923/1382-1517] // Х̣аулӣйат ат-Таʾрӣх̣ ал-Ислāмӣ ва-л-Васит̣ / Journal of Medieval and Islamic History. 2017. № 11 (1). С. 263-320.

Фаузӣ, Джирджис. Дирāсāт фӣ таʾрӣх Миṣр ас-сийāсӣ мунзу ал-аṣр ал-мамлӯкӣ [Исследования по истории Египта начиная с мамлюкской эпохи]. Каир: ал-Маṭба‘ ад-Дāр ал-Миṣрӣйа, 1958. 270 с.

Фихрист ваṣāʾқ ал-Қāхира ḫаттā нихāйат ‘аṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк (239-922 х /853-1516 м) [Каталог документов Каира до конца эпохи мамлюкских султанов (239-922/853-1516)] / Catalogue des documents d'archives du Caire de 239/853 à 922/1516 (depuis le IIIe/IXe siècle jusqu'à la fin de l'époque mamlouke) suivi de l'edition critique de neuf documents / Под ред. Муḫаммада Муḫаммада Амӣна. Каир: Ал-Ма‘хад ал-‘Илмӣ ал-Фарансӣ ли-л-Āṣāр аш-Шарқӣйа / Cairo: Institut français d'archéologie orientale, 1981. 564 с.

ал-Ḫаджжӣ, Ḫайāт Нāṣир. Ṣувар мин ал-ḫадāра ал-‘арабӣйа ал-ислāмӣйа фӣ Салṭанат ал-Мамāлӣк [Картины исламской арабской цивилизации в Султанате мамлюков]. Кувейт: Дāр ал-Қалам, 1992. 249 с.

Хайкал, ‘Абд аш-Шāфӣ Аḫмад Муḫаммад. Аṣр ал-азамāт ал-иқтиṣāдӣйа ‘ала ал-‘уламāʾ ва-ṭ-ṭуллāб фӣ Миṣр ḫилāл ‘аṣр давлат ал-мамāлӣк ал-джарāкиса 783-923 х / 1382-1517 м [Влияние экономических кризисов на *улемов* и студентов в Египте в эпоху Государства черкесских мамлюков 782-923/1382-1517] // Маджаллат Куллийат ал-Āдāб – Джāми‘ат Банхā - Миṣр. 2014. № 38. Ч. 2. С. 1297-1330.

Ḫанẓал, Фāлиḫ. Ал-‘Араб ва-л-Буртуғāл фӣ ат-таʾрӣх [Арабы и Португалия в истории]. Абу Даби: Ал-Маджма‘ аṣ-Ṣақāфӣ, 1997. 560 с.

Ḫасан, Усāма. Ṭӯмāнбāй. Āḫир салāṭӣн ал-мамāлӣк [Туманбай. Последний мамлюкский султан]. Гиза: Дāр ал-Амал, 2000. 63 с.

ал-Хӣла, Муḫаммад ал-Ḫабӣб. Ан-Нуẓум ал-идāрӣйа би-Миṣр фӣ ал-қарн ат-тāси‘ ал-хиджрӣ мин ḫилāл китāб «Равда ал-адӣб ва-нузхат ал-арӣб» ли-Муḫаммад б. Ибрāхӣм б. Ẓахӣр ал-Ḫанафӣ ал-Ḫамавӣ [Административные порядки в Египте в девятом веке хиджры по книге «Сад просвещенного и прогулки смышлёного» Мухаммада б. Ибрахима б. Захира ал-Ханафи ал-Хамави] // Абḫāṣ ан-надва ад-дувалӣйа ли-тʾāрӣх ал-Қāхира. Каир: Дāр ал-Кутуб, 1971. Т. 3. С. 1041-1091.

ал-Ҳусайнӣ, Муҳаммад Бāқир. Ал-Кунā ва-л-алқāб ʿалā нуқӯд ал-мамāлӣк ал-бахрӣйа ва-л-бурджӣйа фӣ Миṣр ва-ш-Шāм 648-922 х/1250-1516 м [Куньи и лакабы на монетах бахритских и бурджитских мамлюков в Египте и Сирии 648-922/1250-1516]. Ал-Маврид. 1975. Т. 4. № 1. С. 55-104.

аш-Шāʿир, Муҳаммад Фатҳӣ. Аш-Шарқӣйа фӣ ʿаṣрай ал-Аййӯбӣйӣн ва-л-Мамāлӣк [Аш-Шаркийа с эпоху Аййюбидов и Мамлюков]. Мануфия: Дāр ал-Маʿāриф, 1997. 208 с.

аш-Ширбӣнӣ, Исмāʿӣл. Муṣāдарат ал-амлāк фӣ ад-даула ал-ислāмӣйа: ʿАṣр салāṭӣн ал-мамāлӣк [Выделение частных земельных владений в исламском государстве: Эпоха мамлюкских султанов]. Каир: ал-Хайʾа ал-Миṣрӣйа ал-ʿĀмма ли-л-Китāб, 1997. 2 т.

аш-Шиштāвӣ, Муҳаммад. Майāдӣн ал-Қāхира фӣ ал-ʿаṣр ал-мамлӯкӣ [Площади Каира в мамлюкскую эпоху]. Каир: Дāр ал-Āфāқ ал-ʿАрабӣйа, 1999. 109 с.

Приложения.

Приложение 1

Годы правления и возраст бурджитских султанов.[1]

Имя султана упрощённая транскрипция / латинская транслитерация	**Дата // возраст вступления на трон**	**Длительность правления (полных лет)**	**Дата // возраст окончания правления**
аз-Захир Баркук al-Ẓāhir Barqūq	19.09.784 / 26.11. 1382 // > 40	16[2]	15.10.801/20.06.1399 // > 60
ал-Му'аййад Шайх al-Muʾayyad Shaykh	02.08.815 / 07.11.1412 // ~ 40	8	09.01.824/14.01.1421// ~ 50
аз-Захир Татар al-Ẓāhir Ṭaṭar	29. 08. 824/ 29. 08.1421 // > 30	<1[3]	04.12. 824 / 30.11. 1421// > 30
ал-Ашраф Барсбай al-Ashraf Barsbāy	08.04.825 / 01.04.1422 // ~ 45	16	13.12.841/ 07.06.1438 // > 60
аз-Захир Джакмак al-Ẓāhir Jaqmaq	19.03.842 / 09.09.1438 // ~ 65	14	21.01.857 / 01.02.1453 // > 80
ал-Ашраф Инал al-Ashraf Īnāl	08.03.857 / 19.03.1453 // 73	7	15.05.865 / 26.02.1461 // 81
аз-Захир Хушкадам al-Ẓāhir Khushqadam	19.09.865 / 28.06.1461 // ~ 60	6	10.03.872 / 09.10.1467 // ~ 65-70

[1] В таблице указаны сведения о султанах, получивших власть не по наследству. В таблицу не была включена графа с указанием источников, поскольку имена, годы правления и годы жизни султанов упоминают практически все авторы хроник и биографических словарей бурджитского периода. Ссылки на материалы источников, касающихся времени и обстоятельств начала и окончания правления, а также смерти султанов, имеются в тексте диссертации.

[2] Первый период правления аз-Захира Баркука (784-791/1382-1389) составил неполных 7 лет, второй (792-801 / 1390-1399) – более 9.

[3] Обозначение «<1» в этой графе используется в тех случаях, когда длительность правления султана составляла менее одного года.

аз-Захир Йалбай al-Ẓāhir Yalbāy	10.03.872 / 09.10.1467 // > 70	<1	07.05.872 / 04.12. 1467 // > 70
аз-Захир Тамурбуга al-Ẓāhir Tamurbughā	07.05.872 / 04.12.1467 // ~ 55	<1	05.07.872/ 30.01.1468 // > 55
ал-Ашраф Каитбай al-Ashraf Qāytbāy	06.07.872 / 31.01.1468 // 54 (?)	28	27.11.901 / 08.08.1496 // 82 (?), 84 (?)
ал-Ашраф Кансух Хамсуми'а al-Ashraf Qānṣūh Khamsumiʾa	28.05.902 / 01.02.1497 // > 50	<1	01.06.902 / 04.02. 1497 // > 50
аз-Захир Кансух al-Ẓāhir Qānṣūh	17.03.904 / 02.11.1498 // < 30	1	29.11.905 / 26.06.1500 // ~ 30
ал-Ашраф Джанбулат al-Ashraf Jānbulāṭ	02.12.905 / 29.06.1500 // ~ 40	<1	18.06.906 / 09.01.1501 // > 40
ал-'Адил Туманбай al-ʿĀdil Ṭūmānbāy	18.06.906 / 09.01. 1501 // > 40	<1	30.09.906 / 19.04.1501 // > 40
ал-Ашраф Кансух ал-Гури al-Ashraf Qānṣūh al-Ghawrī	01.10.906 / 20.04.1501 // ~ 60	15	25.07.922 / 24.08.1516 // ~ 75
ал-Ашраф Туманбай al-Ashraf Ṭūmānbāy	14.09.922 / 11.10.1516 // ~ 40 (38?)	<1	22.03.923 / 14.04.1517 // ~ 40

Приложение 2

Султаны-Бурджиты и их наследники.

Отцы	**Сыновья**
аз-Захир Баркук al-Ẓāhir Barqūq 784–791; 792–801 / 1382–1389; 1390–1399	**ан Насир Фарадж** al-Nāṣir Faraj 15.10.801–25.03.808; 05.06.808–25.01.815 / 20.06.1399–20.09.1405; 28.11.1405–07.05.1412)
	ал-Мансур ʿАбд ал-ʿАзиз al-Manṣūr ʿAbd al-ʿAzīz 26.03.808–05.06.808 / 21.09.1405–28.11.1405
ал-Муʾаййад Шайх al-Muʾayyad Shaykh 815–824 / 1412–1421	**ал-Музаффар Ахмад** al-Muẓaffar Aḥmad 09.01.824–29.08.824 / 14.01.1421–August 29.08.1421
аз-Захир Татар al-Ẓāhir Ṭaṭar 29.08.824–04.12.824/ 29.08.1421–30.11.1421	**ас-Салих Мухаммад** al-Ṣāliḥ Muḥammad 04.12.824–08.04.825 / 30.11.1421–01.04.1422
ал-Ашраф Барсбай al-Ashraf Barsbāy 825–841 / 1422–1438	**ал-ʿАзиз Йусуф** al-ʿAzīz Yūsuf 13.12.841–19.03.842 / 07.06.1438–09.09.1438
аз-Захир Джакмак al-Ẓāhir Jaqmaq 841–857/1438–1453	**ал-Мансур ʿУсман** al-Manṣūr ʿUthmān 21.01.857–05.03.857 / 01.02.1453–16.03.1453
ал-Ашраф Инал al-Ashraf Īnāl 857–865/1453–1461	**ал-Муʾаййад Ахмад** al-Muʾayyad Aḥmad 14.05.865–19.09.865 / 25.02.1461–28.06.1461
ал-Ашраф Каитбай al-Ashraf Qāytbāy 872–901/1468–1496	**ан-Насир Мухаммад** al-Nāṣir Muḥammad 26.11.901–28.05.902; 01.06.902 –15.03.904 / 06.08.1496–01.02.1497; 04.02.1497–31.10.1498

Приложение 3 (тайм-лайн таблица).

Время службы эмиров на посту *атабека* в сопоставлении с периодами правления султанов (от последнего из Бахритов до последнего из Бурджитов, занимавшего перед вступлением на трон пост *атабека*).[1]

Имя султана и период его правления	Г.х.	Имя *атабека*, дата начала и окончания службы на этом посту	Обстоятельства окончания службы
Хаджжи II 1381-1382	783	Баркук 1378-1382[2]	Стал султаном
	784		
I.1. аз-Захир Баркук 1382-1389		1.Айтамуш ал-Баджаси 1382-1389[3]	Захвачен в плен мятежниками незадолго до свержения аз-Захира Баркука[4]
	785		
	786		
	787		
	788		
	789		
	790		
	791		
		2. Кара Дамирдаш ал-Ахмади[5]	Принял участие в мятеже

[1] Ссылки на источники см. в соответствующих главах и сносках ниже. Оттенками желтого цвета обозначены графы, соответствующие пребыванию на посту *атабека* тех эмиров, которые были отправлены в ссылку, казнены или убиты. Графы, соответствующие пребыванию на посту *атабека* эмиров, которые не подвергались репрессиям в этот период, окрашены в оттенки синего цвета. Зеленым цветом обозначены графы, в которых названы *атабеки*, ставшие впоследствии султанами.

[2] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 184.

[3] Там же, с. 186.

[4] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 3, с.146.

[5] Был назначен на пост *атабека* 10 мая 1389 г., в июне принял участие в мятеже с целью свержения аз-Захира Баркука [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 224, 231].

Хаджжи II 1389-1390		3. Йалбуга ан-Насири[1]	Арестован
	792	4. Минташ август 1389 – февраль 1390[2]	Скрылся после подавления мятежа[3]
I.2. аз-Захир Баркук 1390-1399		5. Инал ал-Йусуфи 1390-1392[4]	Умер, возможно, был отравлен[5]
	793		
	794		
		6. Камушбуга ал-Хамави 1392-1399[6]	Арестован по приказу аз-Захира Баркука, умер в заточении 3 июня 1399 г. за 17 дней до смерти аз-Захира Баркука. Возможно, был отравлен.[7]
	795		
	796		
	797		
	798		
	799		
	800		
	801		
		7. Айтамуш ал-Баджаси 1397-1400	Отправлен в заточение и казнен по приказу ан-Насира Мухаммада.
II.1. ан-Насир Фарадж 1399-1405	802		
		8. Байбарс аз-Захири 1400-1405[8]	Арестован, отправлен в тюрьму, а затем казнен по приказу ан-Насира Мухаммада.[9]
	803		

[1] Был назначен на пост атабека после свержения аз-Захира Баркука в июне 1389 г., арестован по приказу Минташа, своего соперника в борьбе за власть в августе 1389 г. [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 12, с. 162-171]. Подробнее об этих событиях см. Гл. 2.
[2] ас-Сулṭāн, 2002, с. 235, 247.
[3] Ибн Таґрӣ Бирдӣ,1992, т. 11, с. 206, 281, т. 12, с. 35.
[4] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 3, с. 189-193.
[5] Ибн Таґрӣ Бирдӣ,1992, т. 12, с. 7.
[6] ал-Маḳрӣзӣ, 2002, т. 4, с. 24-25; Ибн Ḫаджар, 1969-1998, т. 2, с. 81-2; Его же, 1992, с. 75-76.
[7] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 16, 31, 59, 81.
[8] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 3, с. 482-483.
[9] См. Гл. 2.

	804		
	805		
	806		
	807		
	808		
III. ал-Мансур ‘Абд ал-Азиз[1]			
II.2. ан-Насир Фарадж 1405-1412		9. Йашбек аш-Ша‘бани 1405-1407[2]	Поднял мятеж против ан-Насира Мухаммада, убит в сражении.[3]
	809		
	810		
		10. Тагри Бирди 1407-1411	Переведен на должность наместника Сирии.[4]
	811		
	812		
	813		
		11. Дамирдаш ал-Мухаммади 1411-1412	Переведен на должность наместника Сирии (за десять дней до свержения ан-Насира Мухаммада).[5]
	814		
	815		
Халиф ал-Муста‘ин 07.05.1412-07.11.1412		12. Шайх июль-ноябрь 1412[6]	Стал султаном
IV. ал-Му’аййад Шайх 1412-1421		13. Йалбуга аз-Захири 1412-1414[7]	Умер
	816		

[1] Оставался на троне в течение двух месяцев: с 21 сентября по 28 ноября 1405 г.
[2] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 12, с. 119-122.
[3] См. Гл. 2.
[4] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 4, с. 39-40.
[5] Там же, т. 5, с. 321.
[6] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 13, с. 151.
[7] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 12, с. 171-172.

	817		
	818	14.Алтунбуга ал-‘Усмани 1414-1415[1]	Переведен на должность наместника Сирии.[2]
	819 820 821 822 823 824	15. Алтунбуга ал-Курмуши 1415-1421	Схвачен и убит по приказу эмира Татара, будущего султана аз-Захира Татара, после смерти ал-Му’аййада Шайха.[3]
V. ал-Музаффар Ахмад[4]		16. Танибек ал-Мийик[5]	Переведен в Дамаск
VI. аз-Захир Татар[6]		17. Джанибек ас-Суфи май-август 1421	Арестован по приказу Барсбая[7]
VII. ас-Салих Мухаммад 1421-1422	825	18. Тарабай аз-Захири[8]	Арестован[9]
VIII. ал-Ашраф Барсбай 1422-1438	826 827	19. Байбуга ал-Музаффари 1421-1424	Арестован и заключен в тюрьму по приказу ал-Ашрафа Барсбая.[10]

[1] Там же, т. 6, с. 301.
[2] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 12, с. 80.
[3] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 3, с. 65.
[4] С 14 января до 29 августа 1421 г.
[5] Был назначен *атабеком* после устранения Алтунбуги ал-Курмуши в январе 1421 г., через два месяца переведен на должность наместника Сирии [ал-Мақрӣзӣ, 1997, т. 7, с. 34; D’hulster, 2020, p. 193].
[6] С 29 августа до 30 ноября 1421 г.
[7] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 4, с. 224-230.
[8] С 29 ноября 1421 г. по 3 февраля 1422 г.
[9] Арестован по приказу Барсбая, будущего султана ал-Ашрафа Барсбая [Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 6, с. 276-277].
[10] Там же, т. 3, с. 490-492.

	828 829	20. Куджук аш-Ша‘бани 1424-1426[1]	Умер
	830 831	21. Йашбек ас-Саки 1426-1428[2]	Умер
	832 833 834 835	22. Джаркутлу 1428-1431[3]	Переведен на пост наместника Сирии[4]
	836 837	23. Судун мин ‘Абд ар-Рахман 1431-1433	Освобожден от службы по болезни.[5]
	838 839	24. Инал ал-Джукми 1434-1435	Переведен на должность наместника Алеппо[6]
	840	25. Джакмак 1435-1438[7]	Стал султаном

[1] Там же, т. 9, с. 35.
[2] Там же, т. 12, с. 122-126.
[3] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1992, т. 11, с. 157.
[4] D’hulster, 2020, p. 193.
[5] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 6, с. 152-156.
[6] Там же, т. 4, с. 278.
[7] Там же, т. 4, с. 275-283.

	841		
IX. ал-‘Азиз Йусуф 07.06.1438-09.09.1438	842		
X. аз-Захир Джакмак 1438-1453		26. Куркумас аш-Ша‘бани[1]	Казнен
		27. Акбуга ат-Тамурази[2]	Переведен в Дамаск[3]
	843	28. Йашбек ал-Мушид 1439-1445	Скончался после длительной болезни, возможно, был отравлен[4]
	844		
	845		
	846		
	847		
	848		
	849		
	850	29. Инал 1445-1453	Стал султаном
	851		
	852		
	853		

[1] Занимал пост *атабека* менее 20 дней в сентябре 1438 г. Поднял мятеж против Джакмака и был казнен [Там же, т. 9, с. 57-63].
[2] Занимал пост *атабека* с ноября 1438 по март 1439 г.
[3] Переведен на должность наместника Сирии [Там же, т. 2, с. 476-479].
[4] Там же, т. 12, с. 127-129.

	854 855 856 857		
XI. ал-Мансур ‘Усман[1]			
XII. ал-Ашраф Инал 1453-1461		30. Ахмад б. Инал[2]	Переведен[3]
	858 859 860 861 862	31. Танибек ал-Бурдабеки 1453-1458[4]	Умер
	863 864 865	32. Ахмад б. Инал 1458-1461[5]	Стал султаном
XIII. ал-Му’аййад Ахмад 25.02.1461-28.06.1461		33. Хушкадам 25.02.1461-28.06.1461[6]	Стал султаном

[1] Оставался султаном с 1 февраля по 16 марта 1453 г.
[2] Занимал пост *атабека* в течение двух дней: с 20 по 22 марта 1453 г.
[3] Под давлением старших эмиров ал-Ашраф Инал отменил решение о назначении своего сына Ахмада *атабеком*. Ахмад остался командиром тысячи в звании эмира сотни. См. Гл. 3.
[4] ас-Саҳāвӣ, 1992, т. 3, с. 42.
[5] См. Гл. 2.
[6] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, с. 426.

XIV. аз-Захир Хушкадам 1461-1467	866	34. Джарбаш Кирд 1461-1465	Отправлен в ссылку по приказу аз-Захира Хушкадама[1]
	867		
	868		
	869		
		35. Каним ат-Таджир 1465-1466	Умер, возможно, был отравлен[2]
	870		
	871		
		36. Йалбай 1466-1467	Стал султаном[3]
	872		
XV. аз-Захир Йалбай[4]		37. Тамурбуга[5]	Стал султаном
XVI. аз-Захир Тамурбуга[6]		38. Каитбай[7]	Стал султаном
XVII. ал-Ашраф Каитбай 1468-1496		39. Джанибек Килкиз[8]	Захвачен в плен[9]
	873	40. Азбек мин Татах 1468-1495	Выслан в Мекку[10]
	874		
	875		
	876		
	877		

[1] Ибн Таґрӣ Бирдӣ, 1984-2009, т. 4, с. 260-261.
[2] ал-Малаṭӣ, 2002, т. 6, с. 250
[3] См. гл. 3
[4] Оставался султаном с 9 октября до 4 декабря 1467 г.
[5] Оставался на посту атабека с 9 октября 1467 г. до 4 декабря 1467 г.
[6] Оставался султаном с 4 декабря 1467 г. до 30 января 1468 г.
[7] Занимал пост *атабека* с с 4 декабря 1467 г. до 30 января 1468 г. См. Гл. 4.
[8] Занимал пост *атабека* в первом полугодии 1468 г. (назначен после вступления на трон ал-Ашрафа Каитбая.
[9] Был захвачен в плен во время сражения с Шахом Суваром. См. Гл. 5.
[10] Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 307.

	878		
	879		
	880		
	881		
	882		
	883		
	884		
	885		
	886		
	887		
	888		
	889		
	890		
	891		

	892 893 894 895 896 897 898 899 900		
	901	41. Тамураз аш-Шамси 1495-1496	Арестован[1]
XVIII.1. ан-Насир Мухаммад 1496-1497	902	42. Кансух Хамсуми'а 1496-1497	Стал султаном[2]
XIX. ал-Ашраф Кансух[3]			
XVIII.2. ан-Насир Мухаммад 1497-1498		43. Тамураз аш-Шамси февраль-август 1497 г.	Убит[4]
	903	44. Азбек мин Татах 1497-1499	Умер[5]

[1] Арестован по приказу Кансуха Хамсуми'а за несколько дней до смерти Каитбая. al-Sakhāwī, Ḍawʾ iii, 36-7
[2] См. Гл. 4.
[3] Ал-Ашраф Кансух Хамсуми'а оставался султаном с 1 по 4 февраля 1497 г. В этот период ни один из эмиров не был назначен *атабеком* [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 334-336].
[4] См. Гл. 4.
[5] См. Гл. 4.

	904		
XX. аз-Захир Кансух 1498-1500			
	905	45.Джанбулат 1499-1500[1]	Стал султаном
XXI. ал-Ашраф Джанбулат 1500-1501			
	906		

[1] В течение нескольких месяцев после смерти Азбека мин Татаха пост *атабека* оставался незанятым [Ибн Ийāс, 1931-1975, т. 3, с. 413, 416].